

Исторический Журнал

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1941

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 3

март 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

К ВЫПУСКУ НОВОГО, ЧЕТВЕРТОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Вышел из печати первый том четвертого издания Сочинений В. И. Ленина, которое является наиболее полным изданием литературного наследия великого вождя мирового пролетариата. Выпуск нового, четвертого издания бессмертных ленинских произведений — знаменательное событие в идейной жизни нашей партии, нашего народа. Мы перепечатываем здесь предисловие Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) к четвертому изданию.

Предисловие к четвертому изданию

По решению Центрального Комитета ВКП(б) Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) выпускает новое, четвертое издание Сочинений В. И. Ленина.

Первое издание Сочинений В. И. Ленина было предпринято по постановлению IX съезда партии большевиков. Оно вышло в свет в период 1920—1926 годов в составе 20 томов в 26 книгах (тома VII, XI, XII, XIV, XVIII и XX состояли из двух частей).

Это издание было первой попыткой собрать воедино литературное наследство Ленина. Неудивительно, что в нем оказались многочисленные пропуски. Так, в него не были включены многие ленинские статьи из большевистских газет: «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ», «Звезда», «Правда». В расположении ленинских произведений по томам не был проведен единый принцип — хронологическое расположение сменялось тематическим, и наоборот.

Согласно решению II съезда Советов СССР в январе 1924 года о выпуске сочинений Ленина, в 1925 году было начато второе и одинаковое с ним по составу и расположению материала, но удешевленное третье издание Сочинений В. И. Ленина. Оба эти издания были закончены в 1932 году.

Второе-третье издания Сочинений были значительно дополнены и расширены по сравнению с первым изданием. Однако и эти издания имели существенные недостатки. В ленинском тексте допущены отдельные пропуски, отступления от первоисточников. Разбивка ленинских произведений по томам произведена часто по внешним и случайным признакам. Письма Ленина расположены без определенного порядка и последовательности. Все тома перегружены различными приложениями и редакционными справочными материалами, которые занимают от одной пятой до одной трети их состава, а в отдельных случаях превышают по своему объему половину ленинского текста. В этих изданиях имели ме-

сто также «грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам Сочинений Ленина» (Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»»).

Четвертое издание имеет своей задачей устранить недостатки предыдущих изданий и дать наиболее полное собрание ленинского литературного наследства. Это издание включает произведения В. И. Ленина, вошедшие во второе-третье издания, а также его произведения, опубликованные в Ленинских сборниках, в «Правде», «Большевике», «Пролетарской Революции» и других органах печати после выхода в свет второго-третьего изданий.

В четвертое издание Сочинений дополнительно включается более 500 ленинских документов, не входивших в состав второго-третьего изданий Сочинений, общим объемом более 70 печатных листов.

Новые ленинские материалы, вошедшие в четвертое издание Сочинений, являются дальнейшим пополнением великой идейной сокровищницы марксизма-ленинизма.

В числе этих материалов имеются документы всех периодов истории большевистской партии.

В четвертое издание входит одна из самых ранних работ В. И. Ленина — знаменитый реферат 1893 года «По поводу так называемого вопроса о рынках», направленный против народничества и первых проявлений зарождавшегося тогда «легального марксизма».

Включены также новые документы, характеризующие деятельность Ленина в период старой «Искры». В числе их имеются: статья «О журнале «Свобода»», тезисы «Анархизм и социализм», «Основной тезис против эсеров» и некоторые другие материалы, направленные против эсеров.

Из включаемых в четвертое издание ленинских материалов периода первой революции следует особо отметить статью В. И. Ленина «Наши задачи и Совет Рабочих Депутатов», написанную в первых числах ноября 1905 года. В этой статье Ленин развернул конкретную программу действий пролетарской партии на решающем этапе революции 1905 года, когда назрело вооруженное восстание. В ней Ленин впервые дал оценку Советов как органа растущего и зреющего восстания, как зачатка новой власти, органа диктатуры революционных элементов народа.

В четвертое издание входят такие материалы 1905—1906 годов, как «Проект резолюции III съезда РСДРП по поводу событий на Кавказе», рецензия на газету «Борьба Пролетариата», статьи — «Революция в России», «Первые шаги рабочего класса», «Между двух битв», «Задачи рабочей партии и крестьянство», листовка «Первое мая», отрывок из послесловия к работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Полнее, чем в предыдущих изданиях, представлены ленинские документы годов реакции, освещающие борьбу Ленина против ликвидаторства справа и «слева». Приведены новые материалы — выступления и проекты резолюций, — показывающие работу Ленина по руководству совещанием расширенной редакции «Пролетария» в 1909 году, сыгравшим крупную роль в деле очистки большевистских рядов от всякого рода перерожденцев в области теории марксизма и мелкобуржуазных фразеров. Включаемые в четвертое издание «Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам», «О краске стыда у Иудушки Троцкого», письма членам ЦК освещают один из решающих этапов истории большевизма — борьбу Ленина за созыв Пражской конференции.

Дано много новых материалов периода революционного под'ема накануне первой империалистической войны: «Карты на стол», «Прежде и теперь», «Нелегальная партия и легальная работа», «Внимание читателей «Луча» и «Правды»», «Рабочая масса и рабочая интеллигенция»

и другие статьи, представляющие образцы революционной публицистики. Включен ряд новых писем Ленина редакции «Правды», отражающих конкретное ленинское руководство большевистской печатью.

Вошедшие в четвертое издание новые ленинские материалы периода империалистической войны: письма, проекты резолюций, наброски тезисов и т. п. освещают важнейшие проблемы международного рабочего движения, борьбу Ленина внутри Циммервальдского объединения и Циммервальдской левой группы за последовательно-марксистскую, интернационалистскую линию по вопросам войны, мира и революции.

В четвертом издании имеется новый материал, характеризующий подготовку большевистской партией Великой Октябрьской социалистической революции. Это — документы Апрельской конференции большевиков — выступление Ленина по вопросу о Советах и написанные им резолюции: о войне, об отношении к Временному правительству, по аграрному вопросу, о пересмотре партийной программы, о Советах рабочих и солдатских депутатов, по национальному вопросу, о текущем моменте и др. Кроме того помещается «Введение к резолюциям VII («Апрельской») Всероссийской конференции РСДРП(б)», которое Ленин опубликовал вместе с резолюциями в газете «Солдатская Правда» в мае 1917 года. Из новых материалов по истории Октябрьской революции включен также ряд статей этого периода из «Правды», являющихся образцом агитационного мастерства Ленина: «Еще и еще ложь», «Крепость цепи определяется крепостью самого слабого звена ее», «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!», «Правящие и ответственные партии», «Вся власть Советам!»

В новое издание включена ленинская «тетрадка в синем переплете» — «Марксизм о государстве», содержащая подготовительные материалы к труду Ленина «Государство и революция».

Вошедшие в четвертое издание новые ленинские материалы послеоктябрьского периода — записки, телеграммы, деловые письма, краткие, сжатые проекты декретов и постановлений, обращения и воззвания — характеризуют всеобъемлющую деятельность Владимира Ильича по руководству первым в истории Советским государством, по организации обороны социалистического отечества против иностранных интервентов и буржуазно-помещичьей контрреволюции, по руководству социалистической стройкой.

В четвертое издание включается большое количество ленинских документов, связанных с деятельностью товарища Сталина. Они были опубликованы за последние годы в периодической печати и в Ленинских сборниках. Таковы, например, документы: «Письмо И. В. Сталину» от 27 декабря 1912 года, «Полномочие И. В. Сталину для ведения переговоров с Украинской Народной Республикой», «Назначение И. В. Сталина руководителем продовольственного дела на юге России», телеграммы И. В. Сталину от 8 и 11 июня 1918 года, 7 июля 1918 года, телеграмма И. В. Сталину и Ф. Э. Дзержинскому от 14 января 1919 года, телеграммы И. В. Сталину от 20 мая 1919 года, 16 и 19 февраля 1920 года. «Письмо И. В. Сталину» от 2 августа 1920 года, а также ряд государственных и партийных документов, составленных совместно Лениным и Сталиным. Все эти материалы характеризуют идейное сотрудничество вождей большевистской партии и советского народа — Ленина и Сталина, их руководство партией и Советским государством.

Кроме перечисленных произведений в четвертое издание включены в виде отдельных томов «Философские тетради», «Тетради по империализму», «Тетради по аграрному вопросу» и «Письма к родным», которые раньше публиковались в Ленинских сборниках и в виде отдельных книг, но в состав второго-третьего изданий Сочинений не входили.

Для четвертого издания Сочинений текст произведений Ленина заново сверен с первоисточниками: ленинскими рукописями, изданиями и

переизданиями работ Ленина, лично им подготовленными к печати, статьями в газетах и журналах, опубликованными при его жизни, отредактированными им стенограммами и т. п. В отличие от второго-третьего изданий в четвертом издании Сочинений ленинский текст дается без вариантов разночтений.

Порядок расположения произведений и переписки В. И. Ленина в четвертом издании Сочинений — хронологический. Некоторые несущественные отступления от хронологического принципа расположения материалов сделаны лишь в тех немногих случаях, когда это диктуется необходимостью сохранить цельность и органическую связь между ленинскими произведениями. Внутри томов все материалы располагаются по датам их написания или опубликования, а речи и доклады — по датам выступлений.

Расположение ленинских работ по томам произведено на основе научной периодизации истории партии, данной в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Письма и телеграммы, опубликованные Лениным или предназначавшиеся им к публикации, включаются в соответствующие тома по времени их написания или публикации. Письма, не опубликованные при жизни Ленина, составляют особые тома Сочинений. Сюда входят многие письма, помещенные в основных томах второго-третьего изданий, переписка из XXVIII и XXIX томов этих изданий, а также дополнительно включенная в четвертое издание. Вся переписка Ленина, включенная в особые тома, располагается в строго хронологическом порядке.

Справочный материал к томам четвертого издания Сочинений ограничивается фактическими сведениями, необходимыми современному читателю при изучении ленинских произведений, и состоит из следующих частей: 1) краткого предисловия к тому; 2) подстрочного перевода иностранных слов и фраз; 3) примечаний с фактическими справками о съездах, конференциях и органах печати, с расшифровкой псевдонимов и партийных кличек, с указаниями на цитируемые Лениным произведения Маркса и Энгельса; 4) кратких дат жизни и деятельности В. И. Ленина.

В четвертом издании наиболее полно реализуется указание товарища Сталина, данное им еще в 1923 году в специальном обращении от имени ЦК партии большевиков. Товарищ Сталин подчеркивал необходимость тщательно собрать и сделать достоянием партии и народа все ленинские произведения, все имеющиеся документы и материалы, характеризующие деятельность Владимира Ильича Ленина по созданию большевистской партии, по подготовке Великой Октябрьской социалистической революции, по строительству первого в мире Советского государства, по руководству международным революционным движением пролетариата. В этом обращении говорилось, что мы «не должны забывать того, что всякий маленький обрывок бумаги, где имеется подпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем, руководимые В. И. Лениным».

Четвертое издание Сочинений является наиболее полным изданием литературного наследия В. И. Ленина.

Идейное наследство Ленина неопределимо. Имя Ленина, его дела, его учение переживут века и тысячелетия. На идеях Ленина, на его произведениях воспитались и воспитываются миллионы борцов за коммунизм.

Выпуск в свет нового, четвертого издания Сочинений В. И. Ленина — крупное событие в идейной жизни большевистской партии и советского народа, новый шаг вперед в пропаганде марксизма-ленинизма, в деле вооружения нашей партии и кадров советской интеллигенции великим идейным оружием борьбы за коммунизм.

Яркая веха в истории ВКП(б)

В ряду исторических конференций большевистской партии XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) заняла исключительное по своему значению место.

Между I конференцией нашей партии и XVIII прошло тридцать пять лет. Первая — Таммерфорсская — конференция РСДРП, собравшаяся в бурные дни декабрьского восстания 1905 года, была первой большевистской конференцией после III съезда РСДРП — первого большевистского съезда. На Таммерфорсской конференции впервые лично встретились Ленин и Сталин, до того поддерживавшие связь между собой письмами или через товарищей. Эта конференция, работавшая в полуполюгальных условиях в маленьком финляндском местечке, обсуждала текущие тактические задачи происходившей буржуазно-демократической революции: вопросы вооруженного восстания, бойкота витевской Думы, объединения обеих частей партии и аграрный.

Какие громадные изменения в нашей стране произошли с тех пор — от I конференции РСДРП до XVIII конференции ВКП(б), заседавшей в Кремле и обсуждавшей всемирноисторические задачи дальнейшего выполнения третьей сталинской пятилетки: задачи усиления экономической и оборонной мощи советского государства, упрочения социалистического строя, убыстрения темпов перехода от социализма к коммунизму!

XVIII партконференция, за работой которой с неослабным вниманием следил весь советский народ, к работам которой прислушивались далеко за пределами СССР, войдет в историю партии и нашей страны как важнейшая веха на великом пути построения коммунистического общества.

* * *

На обсуждение XVIII партконференции было поставлено три вопроса: о задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта, хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства на 1941 год и организационные вопросы.

Великую историческую задачу поставил товарищ Сталин на XVIII съезде партии, основную экономическую задачу СССР, открывающую перед народами Советской страны увлекательные, заманчивые перспективы, — догнать и перегнать в ближайшие пятнадцать лет наиболее развитые капиталистические страны и по количеству выпускаемой промышленной продукции на душу населения.

С большим патриотическим подъемом советский народ боролся за разрешение этой задачи. К XVIII партконференции наша страна пришла с крупными достижениями в области экономического и культурного строительства, укрепила еще больше свою оборонную мощь и подняла еще выше свой удельный вес на мировой арене. На основе побед трех первых лет третьей сталинской пятилетки и исторических успехов сталинской внешней политики нашего правительства XVIII партконференция могла выдвинуть новые великие задачи.

XVIII партконференция в докладах товарищей Г. М. Маленкова и Н. А. Вознесенского, в выступлениях делегатов, в принятых единодушно решениях наметила дальнейшие пути, по которым должно развиваться наше социалистическое хозяйство.

Победы сталинских пятилеток преопределили эти пути. В основе этих побед лежит учение товарища Сталина о социалистической индустриализации, о расширенном социалистическом воспроизводстве.

В чем сущность социалистической индустриализации, которую партия большевиков неизменно проводит с такой большевистской настойчивостью?

Тов. Маленков, отметив, что за два года, истекшие после XVIII съезда партии, продолжался неуклонный рост промышленности и транспорта, что за это время мы вложили огромные средства в промышленность и транспорт и пустили в ход много новых предприятий, особо подчеркнул, что «индустриализация СССР явилась законом социалистического развития нашей страны. (Разрядка наша.—Ред.). Надо все иметь в своих руках, чтобы не стать придатком капиталистического хозяйства — учит товарищ Сталин. Руководствуясь этим указанием, — говорил докладчик, — наша партия обеспечила самостоятельность народного хозяйства СССР.

Надо развивать промышленность, развивать хозяйство в интересах побед социализма, в интересах строительства социализма — учит товарищ Сталин. Руководствуясь этим указанием, наша партия добилась того, что в нашей стране закрыты все клапаны для возникновения капитализма.

СССР уже теперь является могучей индустриальной социалистической державой».

Как же осуществляется социалистическая индустриализация нашей великой советской державы? Тов. Вознесенский в своем докладе обратил внимание конференции на коренную разницу в закономерностях капиталистического и социалистического производства, ярко выразившуюся в темпах развития за последнее десятилетие. В то время когда США увеличили свое производство в 1940 году сравнительно с 1929 годом всего на 11%, Советский Союз за тот же период увеличил свое социалистическое производство в 5,3 раза.

Этими успехами с полным основанием гордится весь советский народ, тем более что они достигнуты в напряженной международной обстановке, когда бушует вторая империалистическая война. Эти успехи показали, что ни экономический кризис в капиталистических странах, ни империалистическая война не могли приостановить нашего поступательного движения вперед к коммунизму. Это движение обусловлено победой социализма в нашей стране, развитием социалистического планирования нашего народного хозяйства.

Итоги первых трех лет третьей пятилетки так же, как и величественный план 1941 года, подтверждают еще больше безусловное превосходство социалистической системы над капиталистической. В то время как капиталистическая экономика неизбежно подвержена периодическим катастрофическим ударам кризисов и войн, для Советской страны каждый новый год социалистического строительства является годом бурного процветания, нового неуклонного под'ема к сияющим вершинам коммунизма, ибо законы развития хозяйства нашей страны суть законы расширенного социалистического воспроизводства.

Законы расширенного социалистического воспроизводства, по которым развивается народное хозяйство СССР, означают, что происходит планомерный, неуклонный рост производства во всех отраслях народного хозяйства, что происходит неуклонный рост социалистического накопления, выражающийся в росте громадных капитальных вложений и в систематическом громадном приросте всего народного хозяйства, что происходит неуклонный под'ем материального уровня трудящихся, рост их потребления, фонда заработной платы, денежных и натуральных доходов колхозов, розничного товарооборота в государственной и кооперативной торговле.

Все эти законы, действовавшие непреложно в последние полные напряженной борьбы и замечательных побед годы, должны впредь осуществляться с еще большей силой.

Статья одиннадцатая Сталинской Конституции гласит: «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного под'ема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности». Величественная программа четвертого года третьей сталинской пятилетки, принятая Центральным Комитетом ВКП(б) и Совнаркомом СССР и единодушно одобренная XVIII партконференцией, встречена всей страной с исключительным патриотическим под'емом, как конкретная перспектива дальнейшего роста и укрепления могущества нашей родины.

Хотя происходящая империалистическая война не остановила развития нашего народного хозяйства, но эта война, которая уже превратилась в мировую, имеет значение и для СССР и ставит перед нами задачи убыстрения темпов роста нашего социалистического хозяйства.

В борьбе за намеченный план большевики, как этому неизменно учат Ленин и Сталин, выделяют основное, решающее звено в цепи грандиозных задач, поставленных на очередь дня. Этим звеном является социалистическая промышленность. Определив главную задачу 1941 года — дальнейший рост основных отраслей промышленности и всего народного хозяйства: металлургии, машиностроения, сельского хозяйства и транспорта, — XVIII партконференция указала, что особенно необходим дальнейший рост производства чугуна, стали, цветных металлов, угля, нефти и максимальное развитие машиностроения всех видов.

Сталинская индустриализация создала независимость социалистической экономики нашей страны от капиталистических стран. Задача заключается в том, чтобы закрепить самостоятельность и независимость всего нашего народного хозяйства от капиталистического окружения и быть независимыми от капиталистического хозяйства, особенно в металлургии и машиностроении. Обеспечение независимости народного хозяйства СССР от капиталистического окружения является формой нашей борьбы с капитализмом.

Товарищ Сталин учит неустанно, и об этом говорил тов. Маленков на XVIII партконференции, с особой силой подчеркнув, что «наша промышленность была и есть база развития всего народного хозяйства. Промышленность была и есть руководящее начало во всей системе народного хозяйства. Промышленность ведет вперед все наше социалистическое хозяйство, включая сельское хозяйство и транспорт. Промышленность была и есть база оборонной мощи страны. Задача заключается в том, чтобы неустанно двигать вперед дело развития социалистической промышленности». (Разрядка наша. — *Ред.*)

Исходя из этой задачи XVIII партконференция дала на 1941 год широкую программу борьбы за 18 миллионов тонн чугуна, за 22,4 миллиона тонн стали, за 15,8 миллиона тонн проката, за 191 миллион тонн угля, за 38 миллионов тонн нефти с газом, за 39 миллионов тонн торфа, за рост продукции машиностроения на 26%, за среднесуточную погрузку 103 тысяч вагонов на железных дорогах, за строительство 2213 новых предприятий, а также и за урожай в 7 миллиардов 900 миллионов пудов зерна.

Эти цифры должен знать и помнить каждый советский гражданин, ибо в них выражен волнующий своим величием план работ на

текущий, 1941 год — четвертый год третьей сталинской пятилетки, — план нового, дальнейшего под'ема социалистической экономики, роста могущества великой советской державы. В денежном выражении этот план означает около 73 миллиардов рублей, вкладываемых в народное хозяйство страны, из них свыше 39 миллиардов — в промышленность, свыше 6,5 миллиарда — в транспорт и связь, свыше 13 миллиардов — в сельское хозяйство.

Этот план 1941 года намечает более высокие темпы роста всей группы промышленности, производящей средства производства. Давая более высокие темпы роста металлургии и машиностроения, план имеет целью не допустить диспропорции в народном хозяйстве. При этом производство средств производства будет расти быстрее, чем производство предметов потребления. В этом ярко сказывается прогрессивная тенденция развития социалистической страны, неуклоннодвигающая вперед ее производительные силы.

Грандиозные масштабы борьбы за коммунизм требуют решительного устранения всех помех и недостатков, стоящих на пути к полной победе, мешающих ее закреплению. «Надо уметь, — писал Ленин в брошюре «О продовольственном налоге», — признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним...»

Со всей большевистской прямотой вскрыл тов. Маленков причины неудовлетворительной работы ряда отраслей промышленности и транспорта. «Чем честнее мы вскроем наши недостатки, — говорил тов. Маленков, — тем скорее от них освободимся. Этому повседневно учит нас товарищ Сталин. Люди, замазывающие недостатки, оказывают плохую услугу партии». И доклад тов. Маленкова, и выступления делегатов конференции, и решения конференции смело вскрыли причины неудовлетворительной работы промышленности и транспорта и обосновали глубокую правильность и своевременность лозунга, данного Центральным Комитетом партии и одобренного конференцией, — повернуть внимание парторганизаций в сторону максимальной заботы о нуждах и интересах промышленности и транспорта. Теперь, когда зерновая проблема в основном решена, следует заниматься в равной мере и промышленностью и сельским хозяйством.

Конференция указала, что партийные организации должны вникать в существо работы предприятий, изучать их экономику, а не отделяться поверхностными обследованиями и верхоглядскими решениями. «XVIII Всесоюзная конференция считает, — записано в решениях конференции, — что горкомы, обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик обязаны, наряду с наркоматами, нести ответственность за работу всех промышленных и транспортных предприятий города, области».

Доклад тов. Маленкова является большевистским руководством к действию. Меры, намеченные в нем, направлены к ликвидации недостатков в работе промышленности и транспорта и являются программой, обеспечивающей выполнение грандиозного плана 1941 года, делающего новый шаг вперед на пути завершения строительства бесклассового социалистического общества.

Исключительно четкий и ясный ответ на вопрос, что значит обеспечить выполнение плана, дала резолюция XVIII Всесоюзной партийной конференции по докладу тов. Маленкова:

«Бороться за выполнение плана, обеспечить выполнение плана, работать по плану — это значит:

а) выполнять годовой, квартальный и месячный планы по выработке продукции не в среднем, как это было до сих пор, а равномерно по плану, по заранее разработанному графику производства готовой продукции;

б) выполнять план не только в среднем по отрасли промышленности, как это было до сих пор, а выполнять его по каждому предприятию в отдельности;

в) выполнять план не только в среднем по предприятию, как это было до сих пор, но выполнять план ежедневно в каждом цехе, в каждой бригаде, на каждом станке и в каждой смене;

г) выполнять план не только по количественным показателям, но обязательно и качественно, комплектно, по ассортименту, с соблюдением установленных стандартов и по установленной планом себестоимости».

Это указание XVIII партийной конференции обязательно для каждого работника нашей страны, для всей советской интеллигенции, для всех патриотов нашей социалистической родины.

При разрешении задач, поставленных XVIII партконференцией перед всеми партийными и непартийными большевиками, мы должны помнить, чего требует от нас наш великий учитель товарищ Сталин.

Товарищ Сталин учит всех нас, что настроения благодушия и довольства достигнутым не к лицу большевикам. Товарищ Сталин учит нас непримиримости к недостаткам, требовательности к себе, ко всей своей работе. Товарищ Сталин учит, что большевик должен быть подлинным борцом против косности и рутины. Товарищ Сталин учит, что большевик превыше всего должен ставить интересы государства, интересы своей родины, что все мы слуги государства, что большевик должен дисциплинированно выполнять решения партии и правительства.

Конференция поставила решительно вопрос о кадрах, о необходимости своевременно заменять новыми негодных, слабых работников, болтунов, неспособных на живое дело, освобождать их и ставить на меньшую работу, смело выдвигать способных инициативных работников, хороших организаторов, знатоков своего дела. Конференция при этом предложила «выдвигать не только партийных, но и непартийных большевиков, памятуя, что среди беспартийных имеется много способных и честных работников, которые хотя и не состоят в партии и не имеют стажа, но работают часто лучше, добросовестнее, чем некоторые коммунисты со стажем».

Постановление XVIII партконференции об обновлении руководящих органов ВКП(б) — яркое свидетельство тому, как относится партия к тем, кто не оправдывает доверия, ему оказанного партией, правительством и страной, кто не выполняет возложенных на него обязанностей. Это постановление — пример большевистской принципиальности, ленинско-сталинской критики и самокритики.

XVIII партконференция — первая конференция, созванная на основе нового Устава ВКП(б), принятого на XVIII съезде партии. В разделе IV Устава ВКП(б) — «Высшие органы партии» — §§ 37, 38 и 39 отводят особое место Всесоюзным партийным конференциям.

По § 37 Устава, для обсуждения назревших вопросов политики партии Центральный Комитет ВКП(б) созывает Всесоюзную партийную конференцию, делегаты которой избираются на пленумах обкомов, крайкомов, ЦК компартий Союзных республик. По § 38, Всесоюзная партконференция имеет право выводить из состава ЦК партии отдельных членов и кандидатов ЦК ВКП(б), не обеспечивших выполнение ими своих обязанностей как членов ЦК и заменять их другими. По § 39, наконец, решения Всесоюзной партконференции утверждаются Центральным Комитетом партии, за исключением решения конференции о замене членов ЦК и избрании новых кандидатов в члены ЦК, — решения, не нуждающегося в утверждении ЦК партии. По этому же параграфу, решения конференции, утвержденные ЦК партии, обязательны для всех партийных организаций.

Как видно из доклада Мандатной комиссии XVIII партконференции, наша партия за двухлетний период, прошедший со времени XVIII с'езда, сильно увеличилась в своем составе. В то время как на XVIII с'езде было представлено членов и кандидатов партии 2 477 666 человек, XVIII партконференция представляла 3 876 885 членов и кандидатов. За короткий срок, прошедший со времени XVIII с'езда, наша партия увеличилась на 1 399 219 человек, среди них 926 629 членов и 472 590 кандидатов. Для характеристики состава конференции следует отметить тот факт, что из общего числа 456 делегатов 191 делегат был с высшим образованием, 133 делегата — с незаконченным высшим и средним образованием, а всего с высшим и средним образованием было 324 делегата, то есть 71% всего состава конференции. Анализируя состав делегатов конференции, Мандатная комиссия отметила, что «за период, истекший со времени XVIII с'езда партии, наша партия еще более укрепилась, а ее связи с широкими массами нашего народа еще более расширились. Партия большевиков пришла на свою XVIII конференцию единой и сплоченной вокруг своего Ленинско-Сталинского Центрального Комитета».

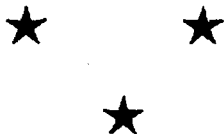
* * *

Решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) воодушевляют советский народ на новые невиданные подвиги, открывают перед нами новые необъятные перспективы, раскрывают дальнейшие чудесные страницы в золотой книге построения коммунистического общества.

Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР, исходя из решений XVIII с'езда ВКП(б), поручили Госплану СССР «приступить к составлению генерального хозяйственного плана СССР на 15 лет, рассчитанного на решение задачи — перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения — чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления».

«Только в том случае,— говорил товарищ Сталин на XVIII с'езде ВКП(б),— если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе».

На пути к этой величественной цели XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) является подготовкой к выполнению 15-летнего генерального плана, яркой вехой в деле дальнейшего укрепления хозяйственной и оборонной мощи нашей социалистической державы, идущей под победным знаменем Ленина—Сталина, неуклонно вперед, к полному торжеству коммунизма.

Значение работ Ленина и Сталина в развитии русской исторической науки

Проблема внутренней закономерности исторического развития была выдвинута еще буржуазной историографией. Но последняя не могла в силу своей классовой ограниченности разрешить эту задачу. Проблему закономерности она понимала лишь как причинную обусловленность настоящего прошлым, как историческое обоснование настоящего.

Просветители 60-х годов сделали шаг вперед в деле углубления познания исторической действительности. Исследуя историческую закономерность, Чернышевский шел от настоящего к прошлому. Подвергая критике прошлое, он критиковал прежде всего то прошлое, которое еще продолжало жить в настоящем. В основе такого понимания действительности лежало значительно более правильное и более полное изучение настоящего, чем у буржуазных историков; оно давало тем самым возможность глубже и вернее оценивать прошедшее. На этой основе выросло и новое понимание петровских реформ Чернышевским, его оценка послепетровской России («Прадедовские нравы»). Но познание исторического процесса, как целого, все еще оставалось неполным: познание настоящего, раскрытие исторической значимости его содержания, его объяснение попрежнему ограничивались отношением настоящего к прошлому. Марксизм ввел в изучение исторического процесса третье звено — будущее. В единстве настоящего, прошедшего и будущего исторический процесс выступает как органическое целое, как диалектическое единство. Полное, целостное познание любой исторической эпохи означает разграничение в ней того, что принадлежит прошедшему и подлежит отмиранию, и того, что включает начало будущего, основу дальнейшего исторического развития. Именно это понимание исторического процесса, исторической закономерности заключается в марксистском учении о социально-экономических формациях.

* * *

Работы Ленина в 90-е годы положили начало марксистско-исторической науке в России.

В одной из своих первых теоретических работ «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин, полемизируя с народниками, указывал, что учение об общественно-экономических формациях является основой исторического материализма. «Маркс, — писал Ленин, — положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Позже, в 1914 году, в статье «Карл Маркс» Ленин классически четко сформулировал положение об общественно-экономических формациях как основе материалистического понимания истории: «Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»².

Общественно-экономические формации возникают, развиваются и погибают. Рядом с господствующей системой производственных отношений данной формации сохраняются в качестве отмирающего уклада остатки прежней формации и возникает как уклад формация будущего. В определении соотношения этих трех элементов состоит познание истинного значения настоящего и определение того «действительного движения, которое устраняет

¹ Ленин. Т. I, стр. 62—63.

² Ленин. Т. XVIII, стр. 13.

настоящее состояние»; смена общественно-экономических формаций есть дело людей, в ней участвующих, дело общественных классов, составляющих это общество. Содержание процесса из логического развития одного начала превращается в борьбу различных начал, составляющих это общество, в борьбу классов как основную движущую силу истории.

Поскольку люди творят историю, творят ее своими целесообразными действиями, постольку самое познание закономерности исторического развития становится его мощным рычагом. «Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений»¹. В этом смысле Ленин говорит о субъективной цели, превращающейся в объективную истину.

Сочетание познания закономерности исторического процесса с активным участием в нем людей проявляется в единстве объективности и партийности, создающем высшую форму объективности. Так, в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин проводит различие между марксизмом и формальным объективизмом буржуазной науки, характерным для позиции Струве: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, к а к о й и м е н н о к л а с с определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

Партийность историка — это партийность классовой борьбы, как основной объективной силы исторического развития.

В этом ленинском положении с исключительной ясностью показано, что изуче-

ние исторического развития в связи с будущим есть необходимая основа полнотенного исторического познания. Историческое знание предвидит будущее и будущим проверяется.

Познание каждого исторического явления состоит не только в установлении его общей природы, определяемой сущностью данной общественно-экономической формации, но и в установлении всей конкретной системы его отношений к изменяющимся элементам этой формации на данном этапе ее исторического развития.

В этом заключается установление единства общего и конкретного, частного в марксистском понимании истории.

* * *

Сила ленинского учения заключается именно в том, что его оценка современности и предвидение будущего опираются на прочный научный фундамент исторического познания прошлого. В этом заключается одно из основных принципиальных различий в подходе к вопросам истории между Плехановым и Лениным. Плеханов, как указал Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», сделал первый конкретный вывод из марксизма в применении к историческому развитию России, показав, что Россия вступила на капиталистический путь. Но Плеханов дал лишь характеристику современного состояния страны, без марксистского раскрытия самого процесса исторического развития буржуазных отношений в России. Поэтому он не смог определить реальное соотношение классовых сил и их расстановку в дальнейшей борьбе. Ленин же, не ограничиваясь установлением характера существующих отношений, обратился к вопросу о путях и условиях возникновения и развития капиталистического строя в России. Поэтому для Ленина проблема капитализма и пролетарской борьбы в России оказывалась неразрывно связанной с проблемой возникновения капиталистических отношений из предшествующего этапа — феодального строя.

Заключенная концепция русского исторического процесса дана Лениным в основных чертах уже к началу 900-х годов в его работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России», «Гопителли земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?», «К деревенской бедноте». Дальнейший ход истории России был проверкой исторических взглядов Ленина и определял вместе с тем дальнейшее развитие его исторической концепции. Послед-

¹ «История ВКП(б)», стр. 111.

² Ленин. Т. I, стр. 275—276.

ная дополнялась новыми разделами, расширялась хронологически; она углублялась в свете современности и выдвигаемых или заостряемых ею проблем, но она оставалась неизменной в своей общей основе, начиная с первых ленинских работ и кончая его лекцией «О государстве» и работой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Теория проверяется практикой, и практика исторической жизни, явившаяся лучшей проверкой ленинизма, подтвердила научную правильность ленинской концепции русской истории.

Исходное положение этой концепции заключается в единстве закономерности исторического развития России и других стран, прежде всего стран наиболее близкой к России Западной Европы. «Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»¹. Исходя из этого положения, Ленин показал в «Развитии капитализма в России», как Россия, подобно Западной Европе, прошла путь развития от феодализма к капитализму. После победы Октябрьской революции Ленин, подводя итоги пролетарской революции в России, в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» указал, что мировое значение Октябрьской революции «в узком смысле слова» заключается в том, что «...русский образец показывает в сем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»².

Это единство исторического развития раскрывается теорией исторического материализма в закономерной смене общественно-экономических формаций. Исторический материализм устанавливает пять основных формаций, которые знает история человечества: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую. При этом классики марксизма указывали, что переход от первобытно-общинного строя может совершиться непосредственно к феодальному строю, минуя рабовладельческую формацию. Именно таким был путь исторического развития русского народа, как об этом свидетельствуют многочисленные указания в работах Ленина.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин противопоставил традиционной буржуазной социологической схеме, по которой «семья разрослась в племя, а племя

разрослось в государство», первый набросок марксистской схемы русской истории.

«Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси,— писал Ленин,— то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т.-е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенным растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным как созданием связей буржуазных»³.

* * *

В «Развитии капитализма в России» Ленин, останавливаясь на характерных особенностях феодализма в России, писал, что отработки, этот основной элемент феодально-крепостнической системы эксплуатации, «...держался едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабатили смердов еще во времена Русской Правды)...»⁴. Он неоднократно возвращался к этому вопросу и в дальнейшем. В той же работе Ленин дал классическую характеристику феодально-крепостнического барщинного хозяйства с его четырьмя определяющими признаками: 1) господством натурального хозяйства, 2) наделением непосредственного производителя средствами производства и прикреплением его к земле, 3) личной зависимостью крестьянина от помещика как основной «вне-экономического принуждения», 4) крайне низким и рутинным состоянием техники⁵.

³ Ленин. Т. I, стр. 73.

⁴ Ленин. Т. III, стр. 150.

⁵ См. там же, стр. 140—141. Эта же характеристика повторена в работе Ленина «Аграрный вопрос в России в конце XIX века».

¹ Ленин. Т. I, стр. 81.

² Ленин. Т. XXV, стр. 171.

Конец феодальной формации в России Ленин связывает с реформами 60-х годов. Эта мысль повторяется им и в ряде его статей о крестьянской реформе и в лекции «О государстве».

Дав общую характеристику феодального хозяйства и установив хронологические рамки феодального периода, Ленин обращается к изучению эволюции феодальной системы, ее постепенного разложения и зарождения в ее недрах капиталистических отношений, капиталистического уклада. Этот процесс Ленин прослеживает последовательно на отдельных элементах системы.

Первый элемент этого процесса — развитие промышленности как основы зарождения капиталистических отношений. Развитие кустарной промышленности и отделение промысла от земледелия составляют одну его сторону. Она показана Лениным в его характеристике шести форм «соединения промысла с земледелием», завершающихся соединением мелкобуржуазного земледелия с мелкобуржуазными промыслами (пятая форма) и наемной работы в земледелии с наемной работой в промышленности (шестая форма). Другая сторона этого процесса состоит в формировании капиталистической мануфактуры, история которой дана в VI главе «Развития капитализма в России». Ленин первый показал, что русская капиталистическая мануфактура развилась не из крепостной помещичьей мануфактуры, а из кустарных промыслов, из крестьянских мастерских XVIII века. Таким образом, Ленин проследил длительный скрытый путь развития капиталистической промышленности в России, начавшегося в конце XVII века.

К тому же времени, являясь примером с 17 века, относится отмеченный выше процесс постепенного развития буржуазных связей в рыночном обороте, который характеризуется «...усиливающимся обменом между областями, постепенным ростом товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Все эти процессы завершились уже за пределами феодального периода. Они привели к формированию капиталистической фабрики, капиталистического «национального, а затем и всемирного рынка», наконец, и к капиталистической эволюции сельского хозяйства. Но начало развития капиталистического уклада уже налицо в XVIII веке.

В связи с экономикой стоят и классовые сдвиги: рост крепостнической эксплуатации крестьянства, положение которого, по ленинской характеристике, мало чем отличалось от рабства, и, с другой стороны,

развитие русской буржуазии (Ленин говорит о «буржуазных связях»), положившее начало демократическому общественному движению в России в XVIII веке.

Экономическая и социальная эволюция определяла развитие государственного строя России. Государство не было творцом общественных отношений, каким его изображали буржуазные историки. В работах Ленина оно выступает в своей исторической классовой обусловленности. Отмечая помещичью, феодально-крепостническую природу русского самодержавия, Ленин прослеживает его последовательную эволюцию. Он указывает уже в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» на постепенное приближение государства к новым, буржуазным отношениям русского общества. Позже Ленин характеризует эту эволюцию более детально, отмечая в ней следующие этапы: «самодержавие с боярекой думой» в XVII веке, дворянскую военно-бюрократическую монархию XVIII века, превращение царизма в европейского жандарма при Александре I и Николае I.

Процесс разложения феодализма характеризуется обострением классовой борьбы. В условиях феодального общества ареной этой борьбы является прежде всего деревня. В работе «К деревенской бедноте» Ленин дал характеристику классовой борьбы крестьянства как движущей силы феодально-крепостнической эпохи, блестяще развитую впоследствии в высказываниях товарища Сталина. В следующих своих статьях о крестьянской реформе Ленин показал, что именно классовая борьба крестьянства, а не развитие гуманистических идей, привела к реформе 1861 года.

Рост буржуазных отношений породил и буржуазную революционность в России. Если русское самодержавие перед лицом буржуазной революции во Франции выступило в роли европейского жандарма, то русское общество откликнулось на нее «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева и восстанием декабристов. Внутреннюю связь этих явлений Ленин подчеркнул уже в статье «Гонители земства и Аппибальвы либерализма» (1902): монархи «...являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых; они помнили 14-ое декабря 1825 г. и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—49 годах»². Восстание декабристов — «дворянских революционеров» — Ленин считал началом истории русского революционного движения XIX века, в развитии которого он опреде-

¹ Ленин. Т. I, стр. 73.

² Ленин. Т. IV, стр. 127.

для три этапа: «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен»; затем «...революционеры-разочарованные, пачиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли»; наконец — «...движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»¹.

* * *

Соотношение классовых сил в середине XIX века определило характер и содержание крестьянской реформы 1861 года. «Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки вынуждено было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу». Так определил Ленин происхождение реформы в статье «Рабочая партия и крестьянство» в 1901 году. В этой же статье Ленин дал оценку существу реформы. По своему общему значению это была буржуазная реформа: 19 февраля было днем «падения старой, крепостной России...». Но, проведенная крепостниками-помещиками и крепостнической по своей природе царской властью, она была в то же время крепостнической реформой: «Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, прижатным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину»².

Ленинская характеристика пореформенной России (пех 30 лет, которые отделяли начало деятельности Ленина от реформы 19 февраля) указывала не только на торжество капиталистического, буржуазного строя в экономике России, но и на силу старых, крепостнических отношений в этом строе. Крепостническая система в деревне сохранилась и после реформы. Русское пореформенное хозяйство строилось на соединении барщинной системы хозяйства (отработок) с капиталистической, и первая система лишь медленно вытеснялась второй. Русская пореформенная деревня первоначально еще представляла «...сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости».

¹ Ленин. Т. XV, стр. 468—469.

² Ленин. Т. IV, стр. 101.

сти»³. В период империализма Россия вступала с самой отсталой в мире деревней.

Ленин показал, однако, и быстрое развитие в России крупной машинной индустрии, совмещение в России самых передовых форм капиталистической промышленности с крепостническими пережитками в сельском хозяйстве, самого передового пролетариата и самой отсталой деревни. В связи с этим Ленин показал проникновение капитала в деревню, развернувшийся в ней процесс раскрестьянивания. В последних главах «Развития капитализма в России» Ленин указывал на империалистические, колониальные устремления русского капитала. Россия включилась уже в систему мирового империализма, с которым связывались дальнейшие судьбы ее внутренней и внешней истории. Связь — и притом связь активная — русского капитализма с мировым империализмом и русского рабочего движения с мировым рабочим движением составляла другой важнейший элемент в установленной Лениным исторической закономерности общественного развития России — во внутреннем единстве этого развития с мировым историческим процессом.

* * *

Анализ развития капитализма в России показал, что буржуазия неспособна завершить буржуазную революцию.

Плеханов видел только одну линию противоречий — между развивающимся буржуазным строем и крепостничеством. Революционную борьбу он мыслил себе в конечном итоге только между пролетариатом в союзе с буржуазией, с одной стороны, и самодержавием — с другой. Ленин же показал, что в действительности в России имели место две «социальных войны», две самостоятельные системы противоречий: противоречие феодального общества — между народом и самодержавием — и противоречие нового, буржуазного строя — между рабочими и капиталистами, — постепенно проникающее и в деревню. Поэтому в России контрреволюционны не только помещики, но контрреволюционна и буржуазия, как всякая буржуазия эпохи империализма. Эту контрреволюционность русской буржуазии Ленин показал в своей оценке пореформенного либерализма, в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Поэтому, указывал Ленин, гегемоном в ближайшей буржуазно-демократической революции в России должен быть и будет пролетариат, а не буржуазия. Буржуазно-демократическая революция должна будет непосредственно перерасти в социалистическую. Этот ленинский вывод, который рез-

³ Ленин. Т. III, стр. 295.

ко разошелся с выводами Плеханова, был сделан на основе исторического анализа генезиса и развития капитализма в России и опирался на прочный научный фундамент, как и все другие выводы марксистско-ленинской теории.

* * *

Так оценка прошлого определила перспективы будущего. На ее основе оформилась ленинская теория военно-феодалного империализма, теория американского и прусского путей развития капитализма в сельском хозяйстве России и оценка революционной роли русского крестьянства, теория гегемонии пролетариата в будущей русской революции и перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Дальнейшее развитие событий ставилось в свою очередь практической проверкой выводов теории.

Русско-японская война — это конкретное проявление военно-феодалной природы российского империализма — была первой практической проверкой ленинского учения. Она ускорила назревание революционного кризиса в России, приведшего к буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов. Революция подтвердила правильность большевистского учения и большевистской программы. Подводя итоги революции, Ленин прежде всего установил ее связь с прошлым: «1861 год породил 1905-ый... Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах»¹. В то же время Ленин обращался и к будущему. В статье «Уроки московского восстания» он протянул нить от буржуазно-демократической революции 1905 года к будущей революции: «...победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!»². Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социали-

* * *

С первых шагов своей деятельности товарищ Сталин вместе с Лениным вел упорную борьбу за марксистскую теорию, за большевистскую практику в рабочем движении. Вместе с Лениным он продолжал его дело во главе рабочего класса, во главе освобожденных народов Советского Союза и осуществил товарищ Сталин строительство нового, социалистического общества.

Новый этап в истории человечества, открытый победой первой в мире социали-

стическую получило свое завершение в работе Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

К прошлому, к реформе 1861 года, Ленин обратился при рассмотрении столыпинской аграрной реформы. Это была «...первая буржуазная реформа, проводимая крепостниками», «...второй и более серьезный шаг» по пути «...превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию...»³.

Следующий этап — мировая империалистическая война. Итоги прошлого определили последовательно-революционную, единственно правильную позицию российской большевистской партии, руководимой Лениным, провозгласившей лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. События подтвердили правильность этого лозунга. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» подвел итог пройденного очередного этапа. Этот итог определял не только общую линию развития империализма и порожденных им империалистических противоречий, но и судьбу России как слабейшего звена в империалистической цепи. Именно на этой основе была сформулирована Лениным «...новая, законченная теория социалистической революции, теория о возможности победы социализма в отдельных странах...»⁴. Так выводы из прошлого обращались к будущему. В «Государстве и революции» Ленин разработал программу следующего этапа революции.

Великая пролетарская революция, осуществленная в октябре 1917 года под руководством Ленина и Сталина, явилась замечательным торжеством ленинизма. В «Детской болезни «левиэизма» в коммунизме» Ленин еще раз подвел исторические итоги завершеного этапа русской истории.

Ее вехи были четко обозначены на историческом пути. Задача познания исторического процесса в России в его внутренней закономерности получала свое разрешение.

стической революции, вел к дальнейшему развитию научной теории марксизма-ленинизма.

«Марксистско-ленинская теория есть наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества. Она, как наука, не стоит и не может стоять на одном месте, — она развивается и совершенствуется. Понятно, что в своем развитии она не может не обо-

¹ Ленин. Т. XV, стр. 146.

² Ленин. Т. X, стр. 53.

³ Ленин. Т. XV, стр. 146.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 103.

гадаться новым опытом, новыми знаниями, а отдельные ее положения и выводы не могут не изменяться с течением времени, но могут не заменяться новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям»¹.

Товарищ Сталин говорил на XVIII съезде партии: «... мы можем и должны требовать от марксистов-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались заучиванием отдельных общих положений марксизма, чтобы они вникали в существо марксизма, чтобы они научились учитывать опыт двадцатилетнего существования социалистического государства в нашей стране, чтобы они научились, наконец, опираться на этот опыт и исходя из существа марксизма, конкретизировать отдельные общие положения марксизма, уточнять и улучшать их»².

Это развитие науки, обращенное вперед, в сторону практики настоящего и будущего, приводит к дальнейшему углублению ее взгляда на прошлое.

Каждый новый этап в историческом развитии народов, обозначаемый крупнейшими историческими событиями, ставит перед обществом новые исторические задачи, дает новое направление его практической деятельности и в то же время бросает новый свет на его прошедшие судьбы в раскрывающейся связи прошлого с настоящим. Так, история нашей родины, бывшая раньше историей России, превратилась в историю СССР.

* * *

Товарищ Сталин развил и углубил учение Маркса, Энгельса и Ленина о неразрывной связи революционной теории с революционной практикой. Маркс писал: «... теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»³. В работе «О диалектическом и историческом материализме», написанной для «Краткого курса истории ВКП(б)», товарищ Сталин указывает: «Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу»⁴.

Товарищ Сталин в своих работах раскрывает действительное, революционное зна-

чение марксизма. Этот основной принцип марксизма проявляется в диалектике. Товарищ Сталин ярко и образно охарактеризовал сущность диалектики в одной из своих ранних статей: «Что такое диалектический метод?.. Говорят, что жизнь заключается в непрерывном росте и развитии, и это верно: общественная жизнь не является чем-то неизменным, застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне — она в вечном движении, в разрушении-созидании... Поэтому-то в жизни всегда существует новое и старое, растущее и умирающее, революция и реакция — в ней непременно что-нибудь умирает и в то же время непременно что-нибудь рождается...»

Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно так, как она в действительности существует. Жизнь находится в непрерывном движении, стало быть наш долг рассматривать жизнь в ее движении, в разрушении и созидании. Куда идет жизнь, что умирает и что рождается в жизни, что разрушается и что создается — вот вопросы, которые должны, в первую очередь, интересоваться нас. Таков первый вывод диалектического метода»⁵.

В революции завершается отмирание старого и утверждается торжество нового, «рождается» новая эпоха: «Эволюция подготавливает и дает почву революции, а революция увенчивает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе»⁶. Революционность марксизма — это не революционность абстрактной теории, строящейся вопреки законам общественной жизни на основе «идеальных планов» и «всеобъемлющих проектов», как у утопистов, а революционность, заложенная в действительных общественных отношениях, присущая самой жизни, «живая жизнь», по выражению Ленина: «... революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление»⁷.

Реалистичность, историзм марксистского учения — такова его другая сторона, настойчиво подчеркиваемая товарищем Сталиным: «Понятно, что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос слу-

¹ «История ВКП(б)», стр. 339.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 603—604. 11-е изд.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 392. Госполитиздат. 1938.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 112.

⁵ Газета «Ахали цховреба» № 2 от 21 июня 1906 года. Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 120. Госполитиздат. 1938.

⁶ Там же, стр. 122.

⁷ «История ВКП(б)», стр. 105.

других странах»¹. В условиях обострившихся классовых и национальных противоречий эпохи империализма СССР указывает трудящимся всего мира путь революционного разрешения этих противоречий.

Победа Октябрьской социалистической революции, разрешив исторические противоречия прогнившего в панопной стране и расколов мир на две системы, открыла новую эру в истории.

Содержание истории послеоктябрьского периода товарищ Сталин исследует шаг за шагом.

В письме составителям учебника истории ВКП(б) товарищ Сталин определил основные этапы этого периода нашей истории: 1918—1920 годы — период гражданской войны; 1921—1925 годы — период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства; 1926—1929 годы — борьба за социалистическую индустриализацию страны; 1930—1934 годы — борьба за коллективизацию сельского хозяйства; 1935—1937 годы — борьба за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции.

Международная обстановка в значительной мере определила задачи советской власти в первый период, поставив Советскую страну перед лицом вражеской интервенции и поддержанной ею гражданской войны. Советская власть победоносно разрешила эти задачи.

Товарищ Сталин в нескольких статьях дал исчерпывающую характеристику этого периода. Небольшая статья товарища Сталина «Новый поход Антанты на Россию», опубликованная в «Правде» за 25 и 26 мая 1920 года, показала этапы гражданской войны — три похода Антанты — и дала всесторонний анализ причин последовательной смены этих этапов. Сталинский анализ гражданской войны явился тем фундаментом, на котором строится все последующее изучение истории гражданской войны и интервенции.

Уничтожение экономической отсталости являлось второй задачей советской власти и основой всего дальнейшего развития советского общества; восстановление хозяйства, социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства — таковы были основные этапы, которыми шла страна к разрешению этих задач.

Изменению экономики сопровождалось изменением классовой структуры нашего общества: в нем исчезли классы помещиков, капиталистов, кулаков, а рабочий

класс, крестьянство и интеллигенция приобрели новое содержание в процессе строительства социалистического общества.

В этом процессе осуществилось и коренное изменение в области национальных взаимоотношений в истории СССР: осуществился «...опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма...»².

В этих условиях изменялась и роль государства в Советской стране. «...формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки»³, — говорил товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии. Товарищ Сталин указал на две главные фазы развития социалистического государства, связанные с основными гранями в послеоктябрьской истории нашей страны. Первая фаза — от победы Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов — характеризовалась в государственном строе преобладанием функции подавления свергнутых классов и обороны страны с постепенным развитием новой, хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции. Во второй фазе, начавшейся в период ликвидации капиталистических элементов города и деревни, эта новая функция приобретает решающее, основное значение при сохранении функций военной защиты страны.

Товарищ Сталин указал далее на то, что и в период коммунизма государство у нас сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, и что формы нашего государства вновь будут изменены, в соответствии с изменением внутренней и внешней обстановки.

Этапы исторического развития Советского Союза последовательно фиксировались товарищем Сталиным в процессе советского строительства. Доклад о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов подвел блестящий итог первым фазам этого развития.

* * *

Первой общей проблемой истории СССР, непосредственно ставившейся в связи с историей Октябрьской революции, была проблема отсталости России, превращавшаяся в буржуазных и меньшевистских исторических построениях в теорию неготовности России к Октябрьской революции, в прямое отрицание исторической закономерности Октябрьского переворота.

Ленин указывал, что без известной высоты развития капитализма победоносная

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 533, 11-е изд.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 513, 11-е изд.

³ Там же, стр. 605.

пролетарская революция была бы в России невозможна. Развивая это положение Ленина, товарищ Сталин подчеркивал, что в отношении России речь может идти лишь об относительной отсталости страны, об элементах отсталости, которые сталкивались и своеобразно переплетались с новыми явлениями в ее истории, но не останавливали самого процесса исторического развития.

В России, в условиях тяжелой внешней борьбы, процесс национального развития запоздал, но централизованное государство сложилось и у нее, правда в сложных условиях многонационального состава. Технико-экономическая отсталость нашей страны существовала и в XVII и в XVIII веках, но был и Петр I, который, «имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны...»¹, делая своеобразную попытку выскочить из рамок отсталости. Отсталость России в XIX веке привела к сохранению элементов крепостничества в пореформенный период, но она не остановила вступление России в стадию империализма, а лишь опутала российский капитализм пережитками феодальной отсталости, придала ему характер военно-феодального империализма. Она не остановила роста пролетариата и его революционной борьбы, а лишь поставила перед ним более слабого противника в лице русской буржуазии.

Меньшевики делали вывод, что Россия отстала и поэтому должна еще проделать процесс буржуазного развития, чтобы созреть для пролетарской революции. Большевики показали, что отстала прежде всего русская буржуазия и что поэтому ликвидация отсталости надо ждать уже не от буржуазии, а от пролетариата.

«Вековую отсталость нашей страны, — указывал товарищ Сталин, — можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать ее может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной»².

Так буржуазно-меньшевистской теории безысходной вековой отсталости, теории, культивировавшейся в исторической литературе всеми буржуазными и мелкобуржуазными исследователями, начиная Миллюковым и Струве и кончая Рожковым, за которыми в конечном счете шел и Плеханов, противопоставлялось боевое диалектическое учение о превращении России в авангард мировой революции.

Исходя из этих положений, товарищ Сталин указывает в политическом развитии России и в ее международном положении две стороны:

«История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную»³.

Но это лишь одна сторона вопроса. Товарищ Сталин показывает и другую сторону: подчеркивает моменты внутреннего укрепления страны в борьбе с чужеземной угрозой. Так, сложившееся у нас в XV—XVI веках централизованное государство разрешило задачу «...обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока...»⁴. Еще более крупных политических успехов Россия достигла при Петре I.

В этом аспекте история государства выступает по-новому, как органический элемент общего исторического развития.

Складывание многонационального централизованного государства в России в XVI веке было началом превращения царской России в тюрьму народов. Но если бы Россия стала добычей монголов или Польши, — это было бы худшей формой колониальной зависимости для всех народов России. Завоевание Казанского царства было необходимо для укрепления и сохранения Московского государства, и в этом его историческое оправдание. Присоединение Украины к Московскому государству привело в дальнейшем к тяжелому угнетению украинского народа российским царизмом. Но исторические условия сложились так, что сохранить самостоятельность Украина не могла, речь шла о выборе «меньшего зла» — и выбор присоединения к России был исторически оправдан.

Политика Петра I ложилась тяжелым гнетом на крестьянство, «с которого драли три шкуры» (Сталин). Но политика Петра I, дворянская по своей классовой природе, служила укреплению национального государства, т. е. спасала Россию от грозившей ей перспективы превращения в колонию или полуколонию, — и в этом была одна из прогрессивных сторон петровской политики.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 328. 11-е изд.

⁴ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 97. Госполитиздат. 1939.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 359. 9-е изд.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 359. 9-е изд.

Превращение России из европейского жандарма в резерв западного империализма, в «сторожевого пса империализма на востоке Европы» (С т а л и н), в полуколонию западноевропейского капитала — таково содержание международных отношений царской России XIX века. Но вместе с тем и именно поэтому революция против царизма превращалась в революцию против империализма.

* * *

Внутренняя история СССР определялась развитием классовой борьбы. Товарищ Сталин дал четкий классовый анализ крестьянских войн феодально-крепостнической эпохи. Он указал, что историческая литература продолжает пользоваться «затасканными, трафаретными определениями»: «разинщина», «пугачевщина», — заслоняющими классовый смысл движений. Товарищ Сталин показал причины неудач крестьянских войн в докапиталистический период: «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

Товарищ Сталин в статьях 1904—1906 годов — в брошюре «Вскользь о партийных разногласиях», в предисловии к брошюре Каутского, в газете «Ахали цховреба» — дал марксистский анализ развития революционной борьбы рабочего класса и превращения пролетариата в гегемона революции, обосновал в борьбе с меньшевиками необходимость союза рабочего класса и крестьянства для борьбы с самодержавием и капитализмом.

«Краткий курс истории ВКП(б)» подвел итоги революционной борьбы народных масс на базе марксистского анализа истории рабочего класса, в органической связи с внутренней и внешней историей СССР.

Требование, чтобы история народов СССР «...не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории...»², получило конкретное выражение в указаниях товарища Сталина на роль не только политических связей и противоречий, но и культурных, идеологических влияний и взаимодействий в истории нашей родины. В замечаниях товарищей Сталина, Бирова и Жданова по поводу конспекта учебника истории СССР говорится: «Конспект не отражает роли и влияния западноевропейских буржуазно-революционных и

социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России. Авторы конспекта очевидно забыли, что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе»³.

Товарищ Сталин подчеркивает также влияние передовых революционных идей в России на западноевропейское революционное движение. О ведущей, руководящей роли Ленина, идей большевизма в борьбе за революционное рабочее движение говорится в известном письме товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931). Эта роль была закреплена Октябрьской революцией, которая царскую Россию, «очаг всякого рода шута», превратила в Советский Союз — родину социализма, родину всех трудящихся. Страна, «...проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родной теорией и тактики пролетарской революции... вождем этого пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и тактики и вождем международного пролетариата...»⁴.

* * *

В условиях борьбы за пролетарскую революцию выступил в своем подлинном историческом значении и национальный вопрос. Только марксизм-ленинизм вскрыл историческую сущность национального вопроса и противопоставил реакционным буржуазным теориям национальной исключительности учение о революционной сущности национально-освободительного движения.

Законченное теоретическое и историческое обоснование марксистской трактовки национального вопроса было дано товарищем Сталиным уже в 1913 году в работе «Марксизм и национальный вопрос». Это было в преддверии империалистической войны. В том же году выработанные товарищем Сталиным установки по национальному вопросу были утверждены специальным партийным совещанием в Поронине, как принципы национальной политики большевистской партии.

Сила марксизма-ленинизма состоит в его историзме, в том, что он имеет дело не с абстрактными, застывшими категориями, а с живым историческим процессом, с явлениями, исторически обусловленными, исторически развивающимися. Эта сила полностью сказалась в сталинском учении о национальном вопросе: «...конкретные исто-

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 24. Партиздат. 1937.

² «К изучению истории», стр. 24.

³ Там же, стр. 23.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 7. 11-е изд.

рические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка, — таков ключ к решению национального вопроса»¹. Нация из надисторической, этнографической категории становилась исторической категорией и припом «...исторической категорией определенной эпохи, эпохи подъема и упадка капитализма»².

«Складывание людей в нации» имело длительную историю: ему предшествовало существование племен на ранней стадии развития общества, в период варварства и начала феодальной раздробленности, образование народностей в период перехода к феодально-абсолютистской централизации. Переход от народностей или национальностей к нациям был вызван развитием буржуазных отношений. Вопрос о происхождении наций был далеко не академическим. Условия, в каких тот или иной народ проходил основные этапы своего национального развития, определяли характер постановки национального вопроса для данной, отдельно взятой страны. В первую очередь оформилось сталинское учение о национальных и многонациональных государствах. Последние сложились на востоке Европы. Таковы Австрия и Россия. Товарищ Сталин в дальнейшем еще более уточнил анализ этого явления. Он указывал на его обусловленность тем, что здесь «...процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации...»³, причем одна из причин этого — интересы обороны от вражеских нашествий. Эти многонациональные государства «...послужили родиной того национального гнета, который породил национальные конфликты, национальные движения, национальный вопрос и различные способы разрешения этого вопроса»⁴. Отсюда ясно особое значение национального вопроса в многонациональной Российской империи.

В недрах многонационального государства, сложившегося в условиях феодализма, развитие буржуазных, капиталистических отношений вело к консолидации наций — нации господствующей и наций подчиненных — и поднимало мощную волну национально-освободительного движения.

Для этого периода «...буржуазия — главное действующее лицо» в национальном движении; «...национальная борьба в условиях подъема и упадка капитализма является борьбой буржуазных классов между собой»⁵. В этом ее ограниченность,

поскольку в конечном итоге она ведет лишь к усилению национального гнета как внутри государства, так и за счет его распространения путем захвата новых территорий. Колониальные захваты становятся в свою очередь источником нового расширения национального гнета. Тем самым «...национальный гнет из вопроса внутригосударственного был превращен в вопрос междугосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) «великих» империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей»⁶.

Носителем подлинной национально-освободительной борьбы стал пролетариат — единственная до конца революционная сила. «...Октябрьский переворот, покончив со старым, буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против всякого, — значит и национального, — гнета, против власти буржуазии, «своей» и чужой, против империализма вообще»⁷. «Так национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма»⁸.

Эта освободительная борьба открыла путь тому мощному подъему национального развития и национальной культуры, который осуществляется в Советском Союзе — многонациональном государстве, созданном на базе социализма.

Товарищ Сталин показал, с одной стороны, исторический путь русского народа в связи с историей других народов СССР, т. е. развитие многонационального государства, и, с другой стороны, историю отдельных народов, вошедших в это многонациональное государство. Образцом такого конкретного анализа является та краткая характеристика, которую товарищ Сталин дал истории грузинского народа:

«Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о ка-

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 28.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 97—98.

⁴ Там же, стр. 98.

⁵ Там же, стр. 18, 20.

⁶ Там же, стр. 88.

⁷ Там же, стр. 74.

⁸ Там же, стр. 76.

призыв князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»¹.

Эта четкая и ясная характеристика указывает путь изучения истории отдельных народов Советского Союза.

* * *

«Краткий курс истории ВКП(б)», составленный под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б) при непосредственном участии и под руководством товарища Сталина, является блестящим синтезом созданных товарищем Сталиным исторических идей. История партии рабочего класса неотделима от истории рабочего класса, а история рабочего класса, превращающегося в хозяина страны, в руководителя всей ее жизни, — это в конечном итоге уже история самой страны.

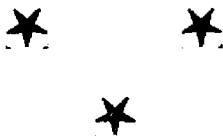
Изложить историю ВКП(б) в связи с историей страны, чтобы история партии не выглядела как «легкий и полонятный рассказ о делах минувших»; не ограничиваться описанием событий и борьбы течений, а дать марксистское объяснение этой борьбе; показать, что «...борьба большевиков с

антибольшевистскими течениями и фракциями была принципиальной борьбой за ленинизм...»²; дать правильную периодизацию истории партии — таковы задачи, которые товарищ Сталин поставил перед составителями учебника истории ВКП(б). Товарищ Сталин дал первую научную периодизацию истории партии. «Краткий курс истории ВКП(б)» является блестящей реализацией указаний товарища Сталина.

История партии является историей трех революций, историей разгрома иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, историей построения социалистического общества в нашей стране. А это значит, что история партии существует не изолированно, не в отрыве от всего исторического процесса: она неотделима от всей истории рабочего класса, от всей истории нашей страны. И в свою очередь вся история СССР, приведшая к победе пролетарской революции в результате революционной борьбы рабочего класса под руководством большевистской партии, должна быть полнота и может быть правильно понята лишь в свете этой победы.

В этом принципиальное общен историческое значение «Краткого курса истории ВКП(б)», которое распространяется на все огромное поле исторических исследований. Те требования, которые товарищ Сталин предъявил к историкам партии, относятся ко всем историкам. То, что для «Краткого курса истории ВКП(б)», является образцом и школой для всех историков.

² «К изучению истории», стр. 29.

Доклад товарища Сталина на X съезде РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»

(Март 1921 года).

1

Национальная политика партии в период от Великой Октябрьской социалистической революции до X съезда РКП(б) прошла два основных этапа в своем развитии.

Первый этап — ноябрь 1917 года — начало 1918 года — период всемирноисторических деклараций по национальному вопросу, период широкого ознакомления трудящихся масс многонациональной России с принципами большевистской национальной политики. Советская власть провозгласила равенство народов России, признала их право на национальное самоопределение вплоть до государственного отделения, признала за народами, остающимися в пределах России, право на областную автономию, а за национальными меньшинствами — право на особые законы, гарантирующие им свободное развитие. Принципы национальной политики советской власти были сформулированы в «Декларации прав народов России», написанной товарищем Сталиным и опубликованной за подписью Ленина и Сталина в декретах о государственной независимости Украинской и Финляндской республик, в воззвании «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в декрете о Турецкой Армении и т. д.

В это же время был создан Народный комиссариат по делам национальностей, на который было возложено практическое осуществление большевистской национальной политики.

Второй этап — 1918—1920 годы. На первый план выступили вопросы организационного построения советского многонационального государства, разработка основ советской федерации, определение сущности советской автономии, разоблачение буржуазных националистов, стремившихся использовать в своих целях лозунг автономии.

Решения III Всероссийского съезда Советов (январь 1918 года) установили коренные начала федерации советских республик России. Эти решения были развиты товарищем Сталиным в беседе о принципах организации Российской Федерации («Известия ВЦИК» от 3 апреля 1918 года), в работе конституционной комиссии и завершены выработкой конституции РСФСР на V Всероссийском съезде Советов. Одновременно с этим началось административное переустройство России по национальному принципу. Но эта работа была временно прервана иностранной интервенцией, начавшейся весной 1918 года.

Контрреволюция пыталась, используя отсталость трудящихся масс национальных окраин и влияние феодальной верхушки, духовенства и национальной буржуазии, превратить национальные окраины в свою опорную базу.

Объединенным силам внутренней и внешней контрреволюции партия большевиков, руководимая Лениным и Сталиным, противопоставила единый революционный фронт народов России. Борьба за создание этого революционного фронта — за привлечение в качестве союзника на сторону пролетарской революции угнетенных народов Запада и Востока — составляла основное содержание национальной политики советской власти в годы гражданской войны.

Ленинско-сталинская национальная политика вызвала доверие и сочувствие к советской власти со стороны угнетенных ранее народов России, убедившихся на тяжелом опыте гражданской войны, что их судьба тесно связана с пролетарской революцией, принесшей им освобождение от национального гнета и экономического порабощения.

Доверие и сочувствие трудящихся национальных окраин к советской власти помогли Красной Армии одержать победу

в борьбе с белогвардейцами и интервентами.

В 1919—1920 годах, по мере освобождения национальных окраин от белогвардейских и интервенционистских банд, возобновлялось административное переустройство России, оформлялось государственное существование национальных республик и областей.

В своей политической работе среди отсталых народов России, в борьбе за советизацию национальных окраин партия руководствовалась программой по национальному вопросу, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 года, выработанной В. И. Лениным при ближайшем участии товарища Сталина, являвшегося членом программной комиссии съезда.

В марте 1919 года была провозглашена Автономная Башкирская Советская Республика, но практическое осуществление советской автономии Башкирии стало возможно только после окончательного разгрома Колчака и очищения башкирской территории от белогвардейцев (август 1919 года).

В апреле 1919 года, по инициативе Киргизского отдела, народный комиссариат по делам национальностей принял решение о созыве Всекиргизского съезда. Совет народных комиссаров РСФСР 10 июля 1919 года издал подписанный Лениным декрет о создании Революционного комитета по управлению Киргизским краем. В руках Революционного комитета было сосредоточено впредь до объявления автономии Киргизии высшее военное и гражданское управление краем. Декрет намечал основы землепользования и гражданского управления в Киргизии, исходя из ее национальных, бытовых и исторических особенностей и полного равноправия киргизского и русского населения. 26 августа 1920 года ВЦИК декретировал образование Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики.

В ноябре 1920 года после большой подготовительной работы была провозглашена автономия калмыцкого народа. Решительный поворот калмыцких трудящихся масс в сторону советской власти был связан с подписанным Лениным воззванием Совета народных комиссаров к калмыцкому трудовому народу, разъяснявшим калмыкам советскую национальную политику. Совет народных комиссаров издал специальные декреты, гарантирующие калмыкам право на землю, охрану и восстановление животноводства.

В 1920 году проводилось административное и политическое устройство народов Поволжья. После организации Автономной Башкирской Советской Республики первоначальный (разработанный в 1918

году) проект создания Татаро-Башкирской республики отпал. 4 мая 1920 года Совет народных комиссаров создал специальную комиссию для разработки материалов по вопросу об организации Автономной Советской Татарской Республики. Докладчиком по этому вопросу назначен был народный комиссар по делам национальностей товарищ Сталин.

27 мая 1920 года было декретировано образование Автономной Татарской Социалистической Советской Республики.

Одновременно соответствующие отделы Народного комиссариата по делам национальностей подготавливали национальное устройство чувашей, удмуртов (вожяков) и марий. Эти народы были обречены царским самодержавием на полное вымирание. Но они самоотверженно боролись в течение нескольких столетий за свое национальное существование и только после Октябрьской революции получили полную свободу национального развития. 24 июня 1920 года декретом ВЦИК была организована Автономная Чувашская область, а в ноябре был созван I областной съезд Советов Автономной Чувашской области.

6 ноября 1920 года ВЦИК декретировал образование Автономной области Марийского народа и Автономной области Вотякского народа.

Таким образом было завершено национальное устройство народов Поволжья (Трудовая коммуна Немцев Поволжья была создана еще ранее, в октябре 1918 года).

Большие трудности встали перед партией и советским правительством в деле административного и политического устройства народов Северного Кавказа. Необычайная национальная пестрота (Северный Кавказ населяют русские, осетины, ингуши, чеченцы, кабардинцы, лезгинцы, аварцы, балкарцы, абхазцы, черкесы и другие более мелкие народности) и очень сложные экономические, главным образом земельные, отношения создавали крайне тяжелые условия для советизации Северного Кавказа. Только благодаря большевистской национальной политике, проводниками которой на Северном Кавказе являлись ближайшие соратники Ленина и Сталина — Киров и Орджоникидзе, — атмосфера национальной вражды среди горских племен была рассеяна и среди горского населения стало укрепляться братское чувство к России.

17 ноября 1920 года по инициативе народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина был созван съезд представителей народов Терской области, целью которого было ознакомить эти народы с решением Рабоче-крестьянского правительства о формах взаимоотношений разноплеменных народов Терька,

при которых каждый народ смог бы развить свою культуру и экономику. С докладом на съезде выступил товарищ Сталин. Он разъяснил горцам сущность советской автономии и поставил перед ними задачу — научиться самоуправлению, а для этого изжить основное зло — отсталость.

«Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах, — в этом цель автономии». «Да здравствует та автономия, которая научит вас управлять самими собою и которая поможет вам стать такими же сознательными, как рабочие и крестьяне России»¹, — сказал товарищ Сталин.

За несколько дней до съезда народов Терской области, 13—14 ноября 1920 года, заседал в Темир-Хан-Шуре Съезд народов Дагестана, на котором товарищ Сталин от имени советского правительства провозгласил автономию Дагестана.

Оба эти съезда показали полный успех ленинско-сталинской национальной политики на Северном Кавказе.

Большие трудности пришлось преодолеть партии и советскому правительству в борьбе за советизацию Туркестана. Только после ликвидации оренбургского фронта и соединения Туркестана с Советской Россией стало возможно выправление ошибок, допущенных советскими и партийными работниками Туркестана в деле организации советской власти в Туркестане.

13 апреля 1921 года ВЦИК провозгласил автономию Туркестана.

2

Итак, в конце 1920 года и начале 1921 года административное переустройство России по национальному принципу было в основном закончено. В статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России», относящейся к октябрю 1920 года, товарищ Сталин подвел некоторый итог трехлетней деятельности советской власти в области национальной политики:

«Три года советской политики по национальному вопросу в России показали, что, осуществляя советскую автономию в ее разнообразных формах, советская власть стоит на правильном пути, ибо только благодаря такой политике удалось ей проложить себе дорогу в самые захолустные дебри окраин России, поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связать эти массы с центром самыми разнообразными путями, — задача, которую не только не решало, но и не ставило се-

бе (боялись поставить!) ни одно правительство в мире»².

Большевистский принцип областной автономии окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом, полностью себя оправдал.

Товарищ Сталин, подчеркивая важность административного переустройства России, проведенного на началах областной автономии, и расценивая его как крупный шаг вперед в деле сплочения окраин вокруг пролетарского центра, поставил перед партией новые задачи, постоянно диктовавшиеся новым этапом развития национальной политики. От провозглашения автономии, от издания соответствующих декретов и постановлений, от создания окраинных правительств следовало перейти к практическим мерам по упрочению союза окраин с центром.

Опыт работы коммунистов на национальных окраинах показал всю сложность этой задачи. Отчужденность и замкнутость окраин, крайняя отсталость их экономики и культуры, недоверие к центру, воспитанное в местном населении царской колониаторской политикой, — все это в совокупности создавало такие условия, в которых подлинное осуществление советской автономии на основе братского доверия друг к другу народов было возможно только после длительной и трудной работы по освобождению национальных окраин от феодально-патриархальных пережитков. К этому прибавлялось крайне бедственное положение национальных окраин, в период гражданской войны подвергшихся разрушению и опустошению. Статистические данные этого периода показывают катастрофический упадок основных, жизненных отраслей хозяйства на национальных окраинах.

Так например в Автономной области Калмыцкого народа, где главными занятиями жителей являлись скотоводство и земледелие, в 1920 году по сравнению с 1916 годом осталось от табунного хозяйства всего 5%, от крупного рогатого скота — 20%, от овец — 14%, от коз — 20%, от свиней — 15%, от верблюдов — 22%.

Лучшие земли калмыков были захвачены кулачеством Астраханской и Ставропольской губерний. На оставшихся землях сельское хозяйство велось самым примитивным способом.

В 1920 году на 1 десятину посевной площади приходилось в среднем 0,05 главнейших сельскохозяйственных орудий. До революции у калмыков образование находилось в руках местного духовенства, светских школ не было, господствовала

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 81. Госполитиздат. 1939.

¹ «Жизнь национальностей» № 40 от 15 декабря 1920 года.

крайняя культурная отсталость. Калмыки, притесняемые царским правительством, лишены лучшие земель, были поставлены на грань вымирания.

Не менее тяжелое положение создалось в Автономной Киргизской Социалистической Советской Республике. Земли киргизов до революции захватывались русскими колонизаторами. Следствием этого было постепенное вымирание киргизов, сохранивших еще патриархально-родовой быт и не осевших на землю. Природные богатства Киргизии почти не разрабатывались. Немногочисленные рудники, копи и заводы в годы гражданской войны бездействовали. Железных дорог в Киргизии почти не было: на 100 квадратных верст приходилось 0,008 версты железнодорожного пути.

Главное занятие жителей — скотоводство (коноводство, овцеводство) — велось примитивным способом. Скот круглый год находился на пастбищном корму. Статистические данные о западной Киргизии показывают, что там, так же как и в Калмыкии, в период гражданской войны резко уменьшилось поголовье скота.

Если в 1917 году на 1 хозяйство в среднем приходилось 23 головы скота (в переводе на лошадь), то в 1920 году это количество сократилось до 5,7 головы на хозяйство. За этот период уменьшилась и посевная площадь.

Годы гражданской войны очень тяжело отразились и на Туркестане, отрезанном от Центральной России. Интенсивное хлопковое хозяйство было разрушено. В 1915 году хлопковые посевы составляли 19% общей поливной площади, в 1917 году — только 13%, а в 1920 году — 9%.

Это объяснялось отсутствием привозного хлеба и упадком ирригационных сооружений. Население переходило к злаковым культурам, но и общая посевная площадь за эти годы сократилась. В 1917 году посевная площадь составляла 2 585 094 десятины, а в 1920 году — 1 677 689 десятины. Уменьшалось и количество скота. По данным отчета Туркестанского экономического совета за 1921 год, в Семиреченской области в 1917 году было 7500 тысяч голов скота, а в 1920 году осталось всего 2900 тысяч, т. е. 39%. В 1914 году в той же области было 1100 тысяч лошадей, а в 1920 году осталось 203 тысячи, т. е. 18%.

Туркестан до революции был царской колонией. Российская военно-охранительная буржуазия была заинтересована в том, чтобы Туркестан оставался поставщиком сырья. Поэтому в Туркестане существовали только такие промышленные предприятия, которые были нужны для первичной обработки сырья. Но в годы гражданской войны и эти немногочисленные

предприятия бездействовали. Из 274 национализированных советской властью хлопкоочистительных заводов мог быть пущен в 1921 году лишь 21.

Очень острым был в Туркестане земельный вопрос. Царское правительство захватывало под видом пустующих земель участки киргизской бедноты. Колонизаторская политика самодержавия привела национальные трудящиеся массы к катастрофическому положению, поэтому в Туркестане в 1921 году насущным делом являлась земельная реформа, наделение землей туземной бедноты.

Разрешение земельного вопроса было делом жизни и смерти и для народов, населяющих Северный Кавказ. Острое малоземелье особенно чувствовалось в Горской республике. До выделения 12 казальных земель результаты маршальского захвата горских земель выражались в следующих цифрах:

Распределение земли на 1 душу

	На плоскости	В горной полосе
В Чечне	1,2 дес.	0,3 дес.
» Осетии	1,7 »	0,2 »
» Ингушетии	1,7 »	0,2 »

В то же время в Сунженском округе, населенном казаками, на 1 душу приходилось 4,9 десятины.

Без разрешения земельного вопроса было невозможно развитие целого ряда национальных окраин. Без непосредственной помощи центра нельзя было и думать об экономическом возрождении национальных республик.

Перед партией стояла задача — выработать практические мероприятия по вовлечению трудящихся масс национальных окраин в социалистическое строительство, по подтягиванию экономики национальных окраин и ликвидации их экономической и культурной отсталости.

Выработать эти практические мероприятия и указать новое направление в развитии большевистской национальной политики можно было только на основе обобщения всего опыта партии в этой области за прошедшие три с лишним года советской власти.

Это сделал товарищ Сталин в своих тезисах и докладе на X съезде РКП(б) (март 1921 года), раскрывших содержание нового этапа национальной политики и показавших пути разрешения поставленных этим новым этапом задач.

3

5 февраля 1921 года на заседании Политбюро ЦК под председательством В. И. Ленина были рассмотрены тезисы товарища Сталина «Об основных задачах нар-

тии в национальном вопросе» и создана комиссия с участием В. И. Ленина для их окончательного редактирования. 7 февраля происходило заседание этой комиссии, а 10 февраля тезисы были опубликованы в «Правде».

Тезисы товарища Сталина и доклад на X съезде представляют единое целое, охватывающее всю совокупность новых задач, стоявших перед партией в области национальной политики. Они явились новым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. В первом разделе тезисов, озаглавленном «Капиталистический строй и национальный гнет», товарищ Сталин подытожил все новое, что внес ленинизм в понимание национального вопроса, подчеркнул в ленинской постановке этого вопроса принципиально отличное по сравнению с тем, как ставился этот вопрос оппортунистами II интернационала. Товарищ Сталин развил марксистско-ленинское учение о национальном вопросе, выдвинув новую постановку этого вопроса в послеоктябрьский период, в период обострения всех противоречий капитализма.

Уже в своей работе «Марксизм и национальный вопрос», написанной в 1913 году, товарищ Сталин, разоблачая буржуазную сущность лозунга «культурно-национальной автономии», дал материалистическое определение нации, условий возникновения национальных и многонациональных государств и охарактеризовал развитие национального вопроса в период поднимающегося капитализма.

Доклад товарища Сталина на X съезде явился дальнейшим развитием большевистской теории национального вопроса. В нем товарищ Сталин показал изменение форм национального гнета и способов разрешения национального вопроса на различных этапах исторического развития.

В развитии национального вопроса товарищ Сталин устанавливает три периода.

Первый период — период ликвидации феодализма на Западе и победы капитализма. К этому периоду приурочивается складывание людей в нации. На Западе это был период образования национальных государств (Англия, Франция, Италия, отчасти Германия), так как там процесс складывания людей в нации по времени совпадал с периодом образования централизованных государств. На Востоке (Венгрия, Австрия, Россия) в силу необходимости военной защиты от нашествия ту-рок, монголов и других народов централизованные государства создались раньше, чем сложились нации, и поэтому там возникли многонациональные государства, возглавляющиеся господствующим классом наиболее сильной и развитой нации. Эти государства стали родиной национального

гнета. Возникла национальная борьба, возник национальный вопрос.

Второй период связан с появлением империализма, когда старые национальные государства в силу захвата новых территорий превратились в государства национальные, колониальные (Англия, Италия, Франция). Это превращение не является случайным: оно вытекает из самого существования капиталистической системы. Национальный вопрос в эпоху империализма сливается с вопросом колониальным, национальный гнет из вопроса внутрисоциального превращается в вопрос межгосударственный, он связывается с борьбой империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей.

В эпоху империализма, в особенности же после первой мировой империалистической войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом меняется вся постановка национального вопроса: он становится частью общего вопроса об освобождении колоний.

Деятели II интернационала никогда не могли подняться до такого понимания национального вопроса. «Эти, с позволения сказать, социалисты и не предполагали, что уничтожение национального гнета в Европе невозможно без освобождения колониальных народов Азии и Африки от гнета империализма, что первое органически связано со вторым»¹, — писал товарищ Сталин в мае 1921 года.

Три фактора способствовали превращению национального вопроса в вопрос колониальный, развертыванию охватившего весь мир освободительного движения: во-первых, империалистическая война, заставившая империалистов воюющих держав апеллировать к своим колониям, что не могло не разбудить колонии к борьбе за освобождение; во-вторых, национально-освободительная борьба Турции, сплотившей вокруг себя народы Востока против империализма, и, в-третьих, появление Советской России, вдохновившей угнетенные народы на борьбу с империализмом. Именно победа социалистической революции в России открывала третий период в развитии национального вопроса.

Анализируя послевоенную «картину мира», товарищ Сталин показал, что буржуазия оказалась полным банкротом в деле разрешения национального вопроса. Последствием империалистической войны явилось крайнее обострение национальных противоречий внутри победивших национальных государств (образование Польши, Чехо-Словакии, Юго-Славии и т. д.).

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 109—110.

Но образование новых национальных государств не могло устранить ни национального гнета, ни национального неравенства, так как эти новые национальные государства, основанные на классовом неравенстве, не могут существовать, как указывает товарищ Сталин: 1) без угнетения своих национальных меньшинств, 2) без расширения своей национальной территории за счет соседей, что вызывает конфликты и войны, и 3) без экономического, финансового, военного подчинения «великим» державам.

В тезисах этот сложный комплекс национальных конфликтов и противоречий, господствующих в послевоенном капиталистическом мире, выражен так:

«...с одной стороны, несколько «великих» держав, угнетающих и эксплуатирующих всю массу зависимых и «независимых» (фактически совершенно зависимых) национальных государств, и борьба этих держав между собою за монополию на эксплуатацию национальных государств; с другой стороны, борьба национальных государств, зависимых и «независимых», против незыблемого гнета «великих» держав; борьба национальных государств между собою за расширение своей национальной территории; борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетенных национальных меньшинств; наконец, усиление освободительного движения колоний против «великих» держав и обострение национальных конфликтов как внутри этих держав, так и внутри национальных государств, имеющих в своем составе, как правило, ряд национальных меньшинств. Такова «картина мира», оставленная в наследство империалистической войной»¹.

В чем же основная причина банкротства буржуазного общества в деле разрешения национального вопроса? Товарищ Сталин на этот вопрос отвечает:

«Существование капитализма без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы»².

При сохранении частной собственности на средства производства, при существовании классов невозможно равенство наций и их братское сотрудничество. Только победа социалистической революции и установление диктатуры пролетариата смогли создать условия для осуществления полного национального равенства.

Этот вывод, сделанный на основании анализа истории капиталистического мира

в эпоху империализма, блестяще подтвердил гениальное предвидение Маркса и Энгельса, сделанное ими еще в 1847 году в «Манифесте Коммунистической партии»: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой».

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой»³.

Победа социалистической революции в России открыла новую эру в жизни народов, ранее угнетавшихся царизмом. На территории РСФСР национальный гнет был ликвидирован, все национальности получили полную свободу развития. Последовательное проведение большевистской национальной политики, осуществление на деле права наций на государственное отделение, привело к созданию национальных автономных республик.

Однако это не означало, что в Советской России больше нет национального вопроса. Наоборот, перед партией и советской властью встали новые, сложные задачи в этой области. «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении»⁴.

По-новому встал вопрос об отношении самоопределившихся национальных окраин к Центральной России. В советских условиях, указывал товарищ Сталин, партия должна бороться не за отделение национальных окраин, а за объединение их с Центральной Россией на основе братского доверия и взаимной помощи.

Еще в докладе на VII (Апрельской) конференции партии в 1917 году товарищ Сталин говорил: «Вопрос о праве наций на свободное отделение неопозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения нации в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки»⁵.

Позднее, в 1920 году, выступая на съезде народов Терской области, товарищ Сталин, разъясняя сущность советской автономии, указал, что автономия не есть

³ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. I, стр. 155. Госполитиздат. 1940.

⁴ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 101.

⁵ Там же, стр. 65.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 89.

² Там же, стр. 90.

отделение от России. Предоставленные самим себе, малые народы Терека не смогли бы отстоять себя от мировых хищников и их агентов — горских помещиков: «Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России»¹.

В статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России» (1920 год), подводящей итоги национальной политики Советской России за три года, товарищ Сталин снова затронул этот вопрос: «Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин. Не говоря уже о том, что отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей освободительное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма»². (Пример — Грузия, Армения, Польша, Финляндия, превратившиеся в результате отделения от России в вассалов Антанты.)

Значит ли наше требование союза между центром и окраинами, что мы отрицаем право наций на определение? Нет, не значит, отвечает товарищ Сталин: если бы какая-нибудь нация решила отделиться, Россия санкционировала бы это.

Речь идет не о правах наций, которые неоспоримы, а о том, за что должна агитировать партия в советских условиях на данном этапе развития революции. Прежде всего она должна исходить из интересов народных масс, а «...интересы народных масс говорят, что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно»³.

Во II разделе своих тезисов, озаглавленном «Советский строй и национальная свобода», товарищ Сталин показал на основании исторического опыта России, что установление советского строя и провозглашение права наций на отделение перевернули отношения между трудящимися массами различных национальностей России. На место национальной вражды выступило взаимное доверие народов друг к другу, обеспечившее укрепление советской власти и победу над врагами. С другой стороны, история показала, что в данных

условиях, в обстановке капиталистического окружения, ни одна советская республика не может самостоятельно обеспечить себя от военного разгрома и экономического порабощения:

«Освободившиеся от «своей» и «чужой» буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят»⁴.

Прошедшие годы показали, что такой формой государственного союза может быть только федерация советских республик.

Годы гражданской войны полностью подтвердили жизнеспособность этой формы государственного устройства, подтвердили пророческие слова Ленина, сказанные им на III Всероссийском съезде советов:

«...я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима»⁵.

В тезисах отмечены положительные стороны федерации, делающие ее наиболее приемлемой в данных условиях формой государственного устройства.

Федерация, основанная на общности военного и хозяйственного дела, дает возможность:

«а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации»⁶.

В тезисах особенно подчеркнута необходимость сохранять и впредь добровольный характер федерации, так как только такая федерация может быть переходной формой к высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве.

III раздел тезисов и доклада товарища Сталина посвящен задачам РКП(б) в области национального вопроса, политике партии по отношению к трудовым массам и мелкобуржуазным элементам автономных областей и независимых республик, связанных с Россией.

¹ «Жизнь национальностей» № 39 от 8 декабря 1920 года.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 79.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 92.

⁵ Ленин. Т. XXII, стр. 224.

⁶ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 92.

Прежде всего товарищ Сталин отметил то общее, что было характерно для перусских национальностей (около 65 миллионов человек) окраин бывшей царской России: именно их экономическую, политическую и культурную отсталость по сравнению с Центральной Россией. Политика царизма, убивавшая малейшие зачатки государственности этих народов, препятствовавшая развитию их национальной культуры, языка и т. д., имела результатом неразвитость и политическую отсталость этих народов. Советская власть по своей природе не может быть оторванной от народа; сила и могущество советов — в их неразрывной духовной связи с массами. Для того чтобы сделать советскую власть родной и близкой народным массам национальных окраин, нужно втягивать эти массы во все области управления страной, составлять все советские органы по возможности из местных людей, «...чтобы массы видели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний»¹.

В тезисах указывается конкретный путь ликвидации политической отсталости перусских народов: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»².

Необходимость заострить внимание партии на фактическом осуществлении советской автономии диктовалась опытом работы на национальных окраинах. Практика показала, что в этой области был ряд недочетов, допускалось много ошибок. Примером этого может служить состояние партийной и советской работы в Туркестане, который во время гражданской войны был в течение 2 лет отрезан от России. Несмотря на то что в крае туземное население составляет 95% (русские преимущественно живут в городах), партийные и советские организации опирались главным образом на русские кадры; партийно-массовой работы среди дехканства почти не велось, городские советы не распространяли своего влияния на дехкан. Этим пользовались контрреволюционные, националистические элементы. В советский аппарат проникло большое количество контрреволюционеров, сознательно из-

вращавших директивы советского правительства для того, чтобы оттолкнуть дехканские массы от советской власти. Только благодаря величайшей заботе и вниманию Ленина и Сталина к туркестанским делам ошибок туркестанских коммунистов были исправлены.

Каковы же были задачи партии в связи с особенностями экономического развития отдельных окраин? Товарищ Сталин подразделял национальные окраины на несколько групп.

Прежде всего выделены в особую группу из 65 миллионов перусского населения 30 миллионов преимущественно турецкого населения, не успевшего пройти стадию капиталистического развития, не имеющего промышленного пролетариата, сохранившего патриархально-родовой или полупатриархальный, полуфеодальный быт (сюда относятся население Туркестана, большей части Азербайджана, Дагестана, горцы, татары, киргизы, банкиры и др.). Товарищ Сталин показал, в чем должна заключаться практическая деятельность коммунистов на этих отсталых окраинах.

Вопрос о тактике коммунистов среди народов, не прошедших стадии капиталистического развития, поднимался уже на II конгрессе Коммунистического Интернационала (июль—август 1920 года). Ленин, исходя из опыта работы русских коммунистов на окраинах, в бывших царских колониях, выдвигал в качестве основной политической формы, которая должна пробудить у этих народов стремление к самостоятельному политическому мышлению, к самостоятельной политической деятельности, крестьянские советы.

«Вполне понятно, — говорил Ленин, — что крестьяне, находящиеся в полу-феодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле... Идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полу-феодальным отношениям»³.

Должны ли эти отсталые страны неизбежно пройти стадию капиталистического развития?

Владимир Ильич в своем докладе на II конгрессе Коминтерна дал ответ на этот основной вопрос, ответ, определяющий всю тактику коммунистов среди народов национальных окраин:

«Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капи-

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 83.

² Там же, стр. 93.

³ Ленин, Т. XXV, стр. 353.

Талистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Товарищ Сталин в тезисах и докладе на X съезде развил это ленинское положение, ставя вопрос уже на практическую почву: как помочь отсталым народам ликвидировать пережитки патриархально-феодалных отношений и как приобщить их к социалистическому строительству? В этой связи он выдвинул следующие задачи:

1. Созданные на окраинах, не прошедших капиталистического развития, трудовых крестьянских советов. Организацией этих советов партия достигнет классового расслоения на восточных окраинах и отстранения туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы.

В своем выступлении на съезде товарищ Сталин, ссылаясь на теоретическое разрешение этого вопроса II конгрессом Коммунистического Интернационала, разъяснил, что трудовые крестьянские советы — «...новое, специфическое, совершенно особенное, не характерное для всей России, но характерное для отсталых частей...»².

2. Создание на этих окраинах крепких коммунистических организаций, способных учесть все особенности их быта, культуры, экономики, способных использовать весь опыт русских рабочих и крестьян по советско-хозяйственному строительству и избежать механического применения на окраинах экономических мер, годных для более высокой ступени экономического развития.

Это положение было дополнено в резолюции X съезда РКП(б), подготовленной национальной комиссией съезда и зачитанной товарищем Сталиным на 15-м заседании съезда (15 марта, вечером). В резолюции предлагался ряд мер, направленных к последовательной ликвидации всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни: планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья, экономическая организация туземной бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким, и т. п.

Уточняя задачи партии в соответствии с экономическим развитием национальных окраин, товарищ Сталин в своих тезисах

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 354.

² Протоколы X съезда РКП(б), стр. 496. Партиздат. 1933.

выделил в особую группу из 30 миллионов тюркского населения 10 миллионов киргизов, башкиров, чеченцев, ингушей и осетин, больше всего страдавших от малоземелья. Земли этих народов до последнего времени были объектом колонизации со стороны русских переселенцев, захватывавших лучшие участки и вытеснивших туземное население в бесплодные пустыни.

«Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей (помимо названных в п. п. 1 и 2 задач) состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества — в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования»³.

Это указание имело очень большое значение для выправления ошибок партийных и советских организаций национальных окраин. Великодержавная политика русского самодержавия, насаждавшая на окраинах кулачество из русских крестьян и казаков, привела к антагонизму между местным населением и русским, вызвала ненависть местного населения к русским. Этому расслоению населения по национальному признаку надо было противопоставить расслоение по социальному признаку, необходимо было объединить туземную и русскую бедноту для борьбы с местными и русскими эксплуататорами. Между тем местные партийные организации с этой задачей не могли справиться вследствие уклона ряда русских коммунистов в сторону великодержавного шовинизма, вызывавшего в свою очередь ответную волну местного национализма у туземных коммунистов.

На примере Башкирии мы видим, как эти конфликты ловко использовались буржуазными, националистическими элементами.

Отчаянная борьба кулаков-колонизаторов против советской власти в Башкирии и ошибки, допущенные в проведении национальной политики советскими и партийными организациями Башкирии, были ловко использованы авантюристом Валидовым, добившимся раскола рядов советских и партийных работников Башкирской республики по национальному признаку. В 1920 году под предлогом борьбы против великодержавного уклона русских работников часть башкирских партийных и советских работников ушла со своих постов.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 94—95.

Товарищ Сталин обратил внимание всей партии на необходимость решительной борьбы с обоими уклонами. Товарищ Сталин вскрыл корни этих уклонов от большевистской национальной политики.

Указывая на вред и опасность обоих уклонов, X съезд направил главный огонь против уклона в сторону великодержавности и колонизаторства. В резолюции, принятой X съездом РКП(б) по докладу товарища Сталина, говорится: «...ликвидация националистических и, в первую очередь, колонизаторских инстанций в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах»¹.

В связи с этим товарищ Сталин поставил вопрос о регулировании роста коммунистических организаций на национальных окраинах. Он предостерег против огульного «расширения» этих организаций, против засорения рядов партии мелко-националистическими элементами, проникающими в нее ради карьеры, и поставил перед партийными организациями окраин задачу борьбы за рост главным образом за счет пролетариев, бедноты и трудовых крестьян этих окраин. Товарищ Сталин указал, что коммунистические организации на окраинах должны сплавлять в своих рядах пролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма.

Доклад товарища Сталина на X съезде РКП(б) открыл новый период в развитии национальной политики партии и советской власти, в развитии борьбы народов отсталых окраин России, при помощи пролетариата и крестьянства Центральной России против пережитков феодально-патриархального гнета, за строительство социалистического общества.

* * *

Двадцать лет, отделяющие нас от X съезда РКП(б), полностью подтвердили правильность большевистской постановки национального вопроса, данной товарищем Сталиным в его докладе. Империалистическая война и вся система послевоенных мирных договоров привели не к разрешению национального вопроса, не к разрешению противоречий между империалистическими и колониальными странами, а к их обострению.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 270.

В. И. ЛЕНИН. т. XXV, стр. 351—355. II конгресс Коммунистического Интернационала; И. СТАЛИН. Сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 78—86, Госполитиздат. 1939. «Политика советской власти по национальному вопросу в России»; там же, стр. 87—96. «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии); там же, стр. 97—108. «Очередные задачи партии в национальном вопросе» (доклад на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г.). «Заключительное слово»; там же, стр. 109—114. «К постановке национального вопроса»; «РКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», часть I, стр. 286—287. Партиздат. 1940. Восьмой съезд ВКП(б). Программа ВКП(б), § 9; Стенографический отчет III сессии Верховного Совета РСФСР. 1940 г.; Стенографический отчет VI сессии Верховного Совета СССР. 1940.

Вся послевоенная история капиталистического мира свидетельствует об этом.

Особенно ярко подтверждают сталинское положение о непримиримости национальных противоречий в капиталистических условиях и неизбежности обострения противоречий между империалистическими странами в послевоенный период начало и ход второй империалистической войны.

Вторая империалистическая война привела к обострению отношений между метрополией и колониями. Во всем капиталистическом мире налицо невиданное обострение национальных противоречий, которые могут быть разрешены только победой пролетарской революции в странах капитализма.

Эти же двадцать лет, протекшие со времени X съезда, изменили до неузнаваемости облик Страны Советов.

Это были годы огромной созидательной работы. Освобожденные от гнета и произвола, народы получили полную свободу развития. В союзе с русским пролетариатом и крестьянством осуществили они сталинскую программу социалистического строительства. В эти годы создан, вырос и окреп могучий Советский Союз.

Расцвели и окрепли национальные республики и области за годы сталинских пятилеток. Бывшие отсталые колонии царской России, сбросившие цепи рабства, покрылись сетью железных дорог, мощными промышленными гигантами, рудниками, шахтами, колхозами, МТС. Безводные пустыни Средней Азии пересечены каналами. Выросли национальные кадры советских, партийных и хозяйственных работников, способных руководить социалистическим строительством.

Возродившиеся на базе социалистической индустрии и коллективного сельского хозяйства национальные республики и области достигли больших успехов в ликвидации культурной отсталости. Об этом свидетельствуют рост сети школ и вузов, расцвет национального искусства и литературы. Материалы III сессии Верховного Совета РСФСР и VI сессии Верховного Совета СССР наглядно иллюстрируют успехи национальных республик, достигнутые за двадцать лет развития по сталинскому пути. Они свидетельствуют также о несокрушимом морально-политическом единстве советского народа.

Кадеты накануне февральской буржуазно-демократической революции 1917 года

1

Главная партия российской буржуазии — кадеты — прошла путь от буржуазной оппозиции, через союз с царизмом против народа в период революции 1905 года, к контрреволюции, затем к умеренной оппозиции в Государственной думе; к капитуляции войны 1914—1918 годов кадеты стали законченной партией российской империалистической буржуазии, завоевательная программа которой была обоснована виднейшим вождем и теоретиком этой партии П. Н. Милюковым. Умеренная оппозиция кадетов к царскому правительству, отражавшая противоречие между возраставшей экономической мощью буржуазии в стране и ее политической слабостью, по своим целям не шла дальше стремления к разделению власти с царем и помещиками-крепостниками, при непреходящем, однако, условии сохранения царской монархии, как надежного кулака против революции.

Со вступлением России в войну в 1914 году кадеты открыто перешли к полной и безоговорочной поддержке царского правительства. Война открывала не только широчайшие возможности наживы для буржуазии, но и возможности усиления ее удельного веса в политической жизни страны.

Участие России в мировой войне на стороне англо-французского империализма полностью отвечало интересам российской империалистической буржуазии. Если перед войной кадеты и критиковали внешнюю политику царизма, то исключительно за «недостаточную», по их мнению, агрессивность. III и IV государственные думы с их октябристско-кадетским большинством не только никогда не урезывали военных кредитов, но, наоборот, настаивали на их увеличении.

«В области иностранной политики, — писал Ленин, — кадеты уже давно являются правительственной партией. Панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства,

стал официальной идеологией кадетов. Русский либерализм выродился в национал-либерализм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маршизм и т. п.»¹.

Война вызвала взрыв шовинистических чувств в широких кругах буржуазии. Буржуазные организации устраивали «патриотические» манифестации с хоругвями и пением царского гимна.

Кадеты стремились сделать империалистическую войну приемлемой для народных масс. В этом деле им неоценимую услугу оказали их эсеро-меньшевистские подголоски, провозгласившие вместе с социал-патриотами II интернационала войну «народной», «освободительной», «последней», которая должна привести к объединению «освобожденных» народов в «Союз наций».

Центральный комитет кадетской партии обратился к населению с воззванием, в котором призывал все общественные классы отложить внутренние споры и сплотиться вокруг царского правительства.

На заседании Государственной думы 26 июля 1914 года под режиссурой кадетов была разыграна комедия «народного единства». Лидеры думских фракций, начиная от черносотенцев и кончая эсером Беренским, выступили с призывом забыть партийные раздоры, классовые счеты и сплотиться вокруг правительства для победоносного окончания войны.

Среди всеобщего патриотического угара только партия большевиков решительно выступала против империалистической бойни. В противовес буржуазным лозунгам о сохранении «гражданского мира» во время войны и защиты буржуазного Отечества большевики выдвинули лозунги «превращения войны империалистической в войну гражданскую».

Рабочий класс за ничтожными исключениями не поддавался шовинистической пропаганде империалистической буржуазии и

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 207.

ее подголосков из меньшевистско-эсеровского лагеря. Не случайно поэтому острие белого террора, воцарившегося в стране с первых же дней войны, было направлено против рабочих организаций и печати. Когда была арестована думская фракция большевиков, кадеты, разыгрывавшие демократов, не только не протестовали против нарушения депутатской неприкосновенности, но присоединились к травле большевиков как «изменников» родины и благословили царские власти на расправу с рабочими депутатами.

В первые же дни войны по инициативе кадетов возникли два всероссийских центра: «Союз земств» и «Союз городов», — которые ставили перед собой задачу — «привлечь широкие слои общественности» к работе по обслуживанию армии. Главноуполномоченным Земского союза был избран близкий к кадетам князь Г. Е. Львов, а главноуполномоченным Городского союза — московский городской голова, правый кадет, фабрикант и купец М. В. Челноков. Кадеты рассчитывали, что при концентрации буржуазных сил «можно будет воздействовать и на направление курса политики, на тот или иной состав исполнительных органов власти»¹.

Инициатива «патриотический подъем» в стране, кадеты питали надежду, что правительство ответит на это каким-либо актом, свидетельствующим о «примирении с обществом». Но эти надежды не сбылись. Наоборот, царское правительство взяло еще более реакционный курс, чем перед войной.

Начался невиданный разгул белого террора, разгром рабочих организаций, преследование большевиков, дикая травля «инородцев», поход против остатков автономии Финляндии.

Глухое раздражение среди кадетов вызывало явное недоверие царской бюрократии даже к органам буржуазной «общественности», круг деятельности которых был ограничен вопросами «помощи больным и раненым воинам». Правительство обнаружило также открытое стремление обходиться без Думы: ряд важных мероприятий, в том числе закон о прогрессивном подоходном налоге, близко затрагивавший материальные интересы буржуазии, был проведен в порядке внедумского законодательства.

«Левые» кадеты указывали, что усиливающиеся репрессии и административный произвол царской власти разрушают «на-

родное единство» и питают пораженческие настроения. Чтобы открыть царю глаза на истинное положение вещей, они предлагали обратиться к нему с адресом. «Левые» кадеты настаивали также на скорейшем созыве Думы, которая «скажет умеряющие слова, отведет опасные шаги правительства и тем разрядит растущий рост недовольства и возбуждения»².

Однако руководящее ядро кадетской партии отвергало как обращение к царю с челобитной, так и использование думской трибуны для какой бы то ни было, хотя бы и лояльной, критики правительства. Миллюков опасался, что «критика расколет то единство, которое проявлено было 26 июля» и «сыграет на руку «левым». Кадетское руководство считало, что на время войны даже самое слово «оппозиция» должно быть устранено.

2

Весной и летом 1915 года русские армии понесли ряд тяжелых поражений и должны были очистить Галицию, Польшу, часть Белоруссии и Литвы. Эти поражения явились результатом неподготовленности царской России к войне, бездарности командования и прямого предательства, предвидившегося в правительственных верхах (измена военного министра Сухомлинова и др.).

Под давлением стремительного роста недовольства на фронте были удалены наиболее ненавистные народу реакционные министры: Маклаков (внутренних дел), Сухомлинов, Шегловитов (юстиции) и обер-прокурор синода Саблер.

Царское правительство было вынуждено также допустить буржуазную «общественность» к слаблению армии. В мае 1915 года по инициативе председателя Государственной думы Родзянко было образовано при военном министре особое совещание по слаблению армии, в которое вошли шараду с чинами министерств члены законодательных палат и представители от торгово-промышленных организаций.

На IX очередном съезде представителей промышленности и торговли, происходившем в Петрограде 26—29 мая, было решено организовать «Центральный военно-промышленный комитет» и районные комитеты в провинции, задачей которых должно было стать объединение промышленников для обслуживания всех нужд войны. В то же время значительно расширили свои функции Земский и Городской союзы, которые в тесном контакте

¹ Речь князя Д. И. Шаховского на заседании центрального комитета кадетской партии 18 августа 1914 года. Центральный архив революции (ЦАР), фонд кадетской партии, дело № 31, листы 183 и 184.

² ЦАР, фонд кадетской партии, дело № 32, лист 61.

с военно-промышленными комитетами при-
нялись за «организацию тыла».

Прикрывшись «патриотическим» фла-
гом, промышленники использовали воен-
но-промышленные комитеты и свое пред-
ставительство в особом совещании по обо-
роне, чтобы организовать, по словам быв-
шего начальника главного артиллерийского
управления генерала Маликовского, «кре-
стовый поход на казенный сундук», до-
биваясь выдачи заказов по несообразно
высокой цене. Наряду с этим Всероссий-
ский съезд военно-промышленных комите-
тов в июле 1915 года потребовал отмены
ла время войны всех ограничений по от-
ношению применения труда женщин и
подростков и сверхурочных работ, что
обеспечивало промышленникам неслыхан-
ные прибыли.

Война и роль в ее организации рос-
сийской буржуазии внесли изменение в
соотношение сил господствующих классов
России. Война не только открыла перед
российской буржуазией широкие возмож-
ности организации своих сил для подчи-
нения себе всей хозяйственной жизни
страны и извлечения колоссальных воен-
ных прибылей, не только укрепила ее
экономическую мощь, но и усилила ее
вожделения к активному участию в поли-
тической власти.

Эти стремления и полная несостоятель-
ность царского самодержавия в деле ве-
дения войны, а главное, опасения, что
в результате военных поражений и реак-
ционного курса внутренней политики в
недалеком времени произойдет революцион-
ный взрыв, усилили выступления оппо-
зиционных элементов буржуазии.

Еще на совещании думской фракции
кадетов с представителями провинциаль-
ных групп 22—23 февраля 1915 года
делегаты с мест указывали, что в стране
нарастает сильное озлобление против
правительства, подозреваемого в измене, и
что крестьяне с нетерпением ждут раз-
дела помещичьей земли. По словам пред-
ставителя Казанской группы, «крестьяне
земли ждут, и даже есть беспорядки на
этой почве, но их замалчивают». Ряд де-
легатов отмечал также рост антивоенных
настроений в народе.

В связи с сильным сдвигом страны вле-
во кадетская партия теряла последние
крохи своего влияния на массы.

На конференции кадетской партии 6—
8 июня 1915 года «левые» кадеты «вви-
ду угрожающих явлений в жизни низов»
предлагали выдвинуть следующие «яр-
кие» лозунги: ответственное министерство
и принудительное отчуждение частновла-
дельческих земель.

Однако кадетское руководство нашло да-
же эти требования чересчур «радикаль-

ными». По мнению правого кадета Кокош-
кина, «в 1905 году принцип отчуждения
вызвал величайшую оппозицию не толь-
ко в среде землевладельцев, но и в среде
промышленников и сильно обозлил так на-
зываемые имущие классы против партии.
Нельзя сейчас отбросить эти классы»¹.
Конференция отклонила предложение об
отчуждении частновладельческих земель и
ограничилась ничем не говорящим заяв-
лением, что аграрный вопрос кадетской
партии не забыт.

Большинство конференции не согласи-
лось также и с лозунгом ответственного
министерства. «При данных обстоятель-
ствах,—говорил представитель правых ка-
детов В. А. Маклаков (брат министра),—
не только нельзя требовать установления
ответственного министерства, но надо идти
на помощь этому негодному правитель-
ству». По его мнению, «было бы также
преступлением говорить «страшную прав-
ду» (о разложении правящей верхушки.—
Е. Ч.) армии и народу». Лидер кадетов
Милюков предостерегал против «перепряж-
ки лошадей во время переправы», с кото-
рой он сравнивал смену министерства во
время войны.

Кадетские верхи нашли рискованным
даже предложение «левых» кадетов об ор-
ганизации народных масс под знаменем
кадетской партии. Учитывая крайнюю не-
популярность кадетов, Милюков выразил
опасение, как бы организация народных
сил, начатая кадетами, не была исполь-
зована левыми партиями в своих собствен-
ных целях.

Эти опасения не были лишены основа-
ния. Когда на съезде по борьбе с дорож-
ной (созванный общегородским союзом
11—13 июля в Москве) была приглаше-
на по инициативе «левых» кадетов и
меньшевиков рабочая делегация, в ней
одержали верх большевики, которые огла-
сили на съезде ярко революционную декла-
рацию.

Страх кадетских вожakov перед пер-
спективой революции еще больше усилил-
ся. «...мы ходим по вулкану... — говорил
Милюков. — Вся Россия сейчас — сплош-
ная воспаленная рана... достаточно неосто-
рожно брошенной спички, чтобы вспых-
нул страшный пожар. И храни нас бог
увидеть этот пожар... Какова бы ни бы-
ла власть — худа или короша, но сейчас
твердая власть необходима более, чем ко-
гда-либо»².

19 июля 1915 года открылась сессия
Государственной думы. В связи с продол-
жающимся отходом русских войск прави-

¹ ЦАР, фонд кадетской партии, дело
№ 18, лист 18.

² «Буржуазия накануне февральской ре-
волюции», стр. 62—63. Госиздат. 1927.

тельство вынуждено было закрывать с общественным мнением. Даже председатель совета министров Горемыкин в своей декларации заговорил о привлечении «общественных сил» к делу обороны. Выступая в прениях по поводу правительственной декларации, Миллюков заявил, что «чувство высокого патриотического порыва, охватившего все национальности, все общественные группы, все (?) политическое течение» в начале войны, теперь сменилось «чувством патриотической тревоги». После весьма осторожной критики «ошибок» власти кадетский лидер обратился к правительству с призывом изменить приемы управления: «...снимите путы, дайте дорогу общественным организациям, дайте стране внутренний мир, прекратите разжигание национальных распрей, и вы вызовете новый порыв энтузиазма: все для войны»¹.

Во время июльской сессии между различными фракциями Государственной думы и Государственного совета по инициативе кадетов происходили переговоры, которые привели к образованию в августе так называемого прогрессивного блока. В него вошли «прогрессивные» националисты, группа центра, земцы-октябристы и «левые» октябристы, кадеты и фракция прогрессистов. Объединившиеся фракции составили большинство, превышающее две трети состава Думы. За пределами блока остались лишь крайние правые и фракции трудовиков и меньшевиков. Впрочем, обе последние фракции, формально не входя в блок, полностью поддерживали его политическую линию.

Целью «прогрессивного блока» были объединение сил буржуазии и стремление убедить правительство в необходимости «примирительной» политики, чтобы предупредить взрыв революции и довести войну до победного конца. Наряду с попытками протиснуться к политической власти участники блока лытались с помощью оппозиционных фраз овладеть начавшимся движением народных масс, внушая им, что оппозиционные выступления в Думе и есть та «постоянная борьба», которая приведет к политическому обновлению страны.

«Наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума,— вспоминает один из лидеров прогрессивного блока, Шульгин. — Мы хотели стать между уличей... и властью...»

В этой игре думцам успешно помогали меньшевики, которые убеждали рабочих, что победа «прогрессивного блока» «сулит крупные выгоды демократии», и призывали к сотрудничеству с ним.

В своей программной декларации блок требовал создания «министерства общественного доверия», которое положило бы в основу своей политики следующие меры: частичную политическую амнистию, прекращение гонений за веру, примирительную политику по отношению к перуским национальностям, восстановление деятельности профессиональных союзов, больничных касс и рабочей печати и уравнение крестьян в правах с другими сословиями. Отличительной чертой программы блока являлся отказ от социальных реформ и крайняя неопределенность главного требования блока — министерства общественного доверия, — которое допускала любое толкование. Некоторые лидеры блока, например В. А. Маклаков, под формулой «общественного доверия» мыслили включение в правительство нескольких бюрократов, которые «не имели бы на себе клейма недоверия», и оставление тех из них, которые еще сохранили доверие (Сазонов, Лопуханов).

Но даже и эта убудочная платформа вовсе не имела ультимативного характера, а должна была служить лишь материалом для соглашения с министрами.

«Прогрессивный блок», объединивший в своих рядах верх торговно-промышленной буржуазии с капиталистическими помещиками, в глазах кадетов являлся «главным штабом», который должен был дирижировать выступлениями всех организаций буржуазной «общественности». Как пишет Ленин, класс капиталистических помещиков и буржуазии за время войны «...чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и пародное образование, и съезды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д.»².

Правительство, чтобы выиграть время до наступления перелома на фронте и заключения займа в Париже и Лондоне, вступило в переговоры с представителями блока. Большинство министров признало программу блока приемлемой. Один только Горемыкин возражал против соглашения с блоком. Кадеты уже предвкушали образование нового кабинета министров, который положит в основу своей деятельности программу блока. Называли даже кандидатов в будущие министры, причем в качестве премьера намечали князя Г. Е. Львова.

В то время как кадеты предавались макиловским мечтам о том, что путем парламентских комбинаций можно убедить правительство вступить на новый путь, в правящем лагере готовился удар по

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. IV сессия заседания 19 июля 1915 года.

² Ленин. Т. XX, стр. 17.

блоку. 23 августа царь сменил верховного главнокомандующего Николая Николаевича, которого подозревали в том, что он претендует на престол при поддержке буржуазии, а 3 сентября неожиданно распустил Думу.

Кадеты пришли в полное замешательство. «Левые» кадеты предложили было отозвать своих представителей из особого совещания по обороне. Они настаивали также на выходе кадетов из блока, так как основная его цель — соглашение с правительством — не достигнута, и на установленном связи с левыми партиями, ибо без поддержки масс «наше слово будет бессильно».

Однако сентябрьские стачки¹, охватившие сотни тысяч рабочих и проходившие под большевистскими лозунгами, быстро произвели, как писал царю 16 сентября управляющий министерством внутренних дел князь Щербатов, «отрезвляющее действие на общество». Боязнь активных выступлений пролетариата была в равной мере свойственна как правым, так и «левым» кадетам. Московская городская дума 5 сентября, по предложению Челпокова, приняла резолюцию, резко осуждавшую забастовочное движение.

«Прогрессивный блок» остался верен своей основной задаче — борьбе с революционными течениями. Предложение «левых» кадетов и прогрессистов о демонстративном выходе из совещания по обороне было отклонено на том основании, что от подобного «вызова» правительству может «разгореться пожар», который уничтожит не только самодержавие, но и вообще имущие классы. В. А. Маклаков откровенно заявил: «Если бы забастовала Россия, власти, может быть, уступили бы, но этой победы я не хотел бы. Лучшее реагирование — в том, что мы промолчали»².

Кадеты решили ограничиться проведением на предстоящих с'ездах Земского и Городского союзов только двух лозунгов: созыва Думы и поддержки блока.

На этих с'ездах, состоявшихся 7—9 сентября в Москве, было решено снарядить особую депутацию к царю для представления всеподданнейшего адреса. В этом адресе в самых почтительных выражениях проводилась мысль об «обновлении» правительства путем включения в

его состав «лиц, сильных доверием страны». Но царь отказался принять депутацию и сделал союзам выговор за вмешательство в политику.

Отказ в приеме земско-городской депутации означал полное крушение надежд «прогрессистов». Кадеты, по их собственному признанию, «повисли в воздухе». Но и после этого они приняли решение «молчать до конца войны».

Единственное, что кадеты считали для себя возможным, — это апелляция к «общественному мнению» союзных стран. Еще в мае 1915 года, на открытии «Общества сближения с Англией», кадеты, расшаркиваясь перед Англией, «этой родоначальницей политической свободы», выражали надежду, что она поможет осуществить реформу политического строя в России. После разгона земско-городского с'езда, когда в отношениях между царским правительством и буржуазией наблюдалось известное охлаждение, центральный комитет кадетов высказался (5 октября 1915 года) за установление более живого взаимного контакта между кадетами и иностранными представителями. В этих видах были использованы поездки в 1916 году либеральных журналистов и «парламентариев» в союзные страны, а также пребывание в России французских министров Вивьяни и Альбера Тома.

Кадеты умышленно закрывали глаза на то, что именно «свободолюбивые» Англия и Франция помогали царизму дупить революцию 1905 года, финансируя реакцию (миллиардный заем 1906 года). Кадеты, все более превращаясь в приказчиков англо-французского империализма, одновременно боролись против опасности утраты опоры внутри страны.

Осенью 1915 года кадеты сообщая с Гучковым, П. Рябушинским и другими вожаками объединенных капиталистов развернули кампанию по выборам в так называемые «рабочие друшсы» при военно-промышленных комитетах.

Участие рабочих в «трусах» военно-промышленных комитетов должно было, по плану либеральной буржуазии, повлиять сдерживающим образом на стачечное движение и содействовать повышению производительности труда в военной промышленности.

Большевики, будучи противниками участия в военно-промышленных комитетах, решили использовать выборную кампанию в агитационных и организационных целях. Несмотря на то что большевикам пришлось вести избирательную кампанию в обстановке жесточайших преследований и дикой травли со стороны буржуазной прессы, собрание выборщиков от рабочих Петрограда 27 сентября высказалось про-

¹ Забастовка в Москве, происходившая с 4 по 9 сентября, совпала с роспуском Думы. Меньшевики пытались направить рабочее движение на поддержку требований кадетов о созыве Думы, но без всякого успеха.

² «Красный архив». Т. 50—51, стр. 155.

тив империалистической войны и за бойкот выборов в «рабочие группы». Только на втором собрании (29 ноября), вследствие явных подтасовок и изъятия полицией ряда большевистски настроенных выборщиков, социал-патриотам удалось разыграть комедию выборов и образовать «рабочее представительство» из 10 меньшевиков-оборонцев во главе с Гвоздевым.

Кадетские газеты, замалчивавшие результат собрания 27 сентября, равно как и победу революционно-бойкотистской линии на выборах во многие военно-промышленные комитеты на местах (Баку, Псковский Новгород, Саратов, Екатеринослав, Харьков и др.), расписывали в ликующих тонах «успех» ликвидаторов в Петрограде, выдавая жалкую кучку предателей и самозванцев за подлинных выразителей воли рабочего класса.

Но поднятый кадетами шум не в состоянии был скрыть того факта, что выборы в военно-промышленные комитеты лишь подтвердили растущую изолированность меньшевиков-оборонцев и сличение подавляющего большинства рабочего класса под революционно-интернационалистскими знаменами большевистской партии.

3

В первой половине 1916 года оппозиционное брожение среди либералов заметно спало. С одной стороны, еще в 1915 году был истерпан весь арсенал «закопных» способов воздействия на власть. Обращаться же за поддержкой к массам кадеты не собирались, отлично понимая, что политически проснувшиеся народные массы пойдут не за ними. С другой стороны, некоторая стабилизация, наступившая на фронте, внушала кадетам надежду, что удастся избежать революционного взрыва до окончания войны.

Вот почему кадеты мирились даже с назначением премьер-министром Штюрмера, отъявленного реакционера, ставленника придворных германофильских кругов. Защищая капитулянтскую позицию кадетского руководства, Милюков на одном из заседаний думской фракции кадетов, в феврале 1916 года, говорил: «Сейчас нам остается одно — все терпеливо спести, глотать самые ужасные пилюли, не обострять, а, наоборот, сдерживать клокочущее настроение»¹.

Подобная капитулянтская тактика кадетов способствовала быстрой ликвидации доверия к ним со стороны тех незначительных слоев народа, среди которых им удалось посеять иллюзии. В кадетских рядах начинали раздаваться тревожные голо-

са об «упадке престижа Думы» и о необходимости «более живой связи с армией и страной».

На VI съезде кадетской партии (18—23 февраля 1916 года) лидер «левого» крыла Мандельштам критиковал требование министерства общественного доверия и предлагал не уклоняться от конфликта с правительством. Обвинял кадетские верхи в том, что они обращают слишком много внимания на «легальную страну»² и стремятся всякую связь с массами. Мандельштам требовал «повернуть фронт, стать ближе к демократии». С этой целью «левые» кадеты считали необходимым идти в кооперативы, использовать «рабочие группы» военно-промышленных комитетов, чтобы создать «всероссийский рабочий союз», который находился бы под идейным влиянием кадетов и пр.

Но кадетское руководство опасалось вызвать выступление масс, хотя бы и под лозунгом поддержки Думы, заявляя, что если движение возникнет, то «все равно пойдет мимо нас».

Эти доводы произвели большое впечатление на участников съезда, и предложения «левых» кадетов о выходе из блока и выставлении лозунга «ответственное министерство» были отклонены.

Новый подъем оппозиционного движения наметился осенью 1916 года. Все нарастающая хозяйственная разруха, рост апативных настроений в армии и в тылу, развал среди правящей верхушки (распутинщина, «министерская чехарда»), могучая волна забастовок и демонстраций³, усиление влияния на массы большевиков за счет мелкобуржуазных соглашательских партий, упадок всякого интереса демократических кругов к Думе, на которую они не возлагали больше никаких надежд, — все это не могло не усиливать тревогу, не могло не возрождать оппозиционных настроений среди либеральной буржуазии.

Кадеты все больше убеждались в том, что прогнивший царский режим бессиле предотвратить революционный взрыв. В качестве «ловой сети» в своих оппозиционных выступлениях кадеты выдвигали мотив измены, в которой повинны «темные силы», т. е. те лица, которые, не замечая каких-либо постов в правительстве, оказывали на направление прави-

² Так называются имущие классы в странах с ограниченным избирательным правом, имеющие представительство в высшем законодательном учреждении и пользующиеся в отличие от широких народных масс конституционными привилегиями.

³ В октябре 1916 года бастовало, по официальным далеко не полным данным, 187 тыс. рабочих; всего в 1916 году бастовало 1086 тысяч против 640 тысяч в 1915 году.

¹ «Буржуазия накануне февральской революции», стр. 70.

тельственной политики большее влияние чем официальные власти (Распутин, Вырубов, князь Андроповичев, банширы, сомнительные дельцы и шантажисты типа Манасевич-Мануйлова и т. д.).

Эта новая нота прозвучала в речи Милюкова на заседании Думы 1 ноября 1916 года. В своей речи Милюков заявил, что так называемая придворная партия, группирующаяся вокруг царицы, исполняя волю крайне правых, германофильски настроенных кругов российского дворянства, тайно подготавливает заключение сепаратного мира с Германией. Намекая на измену Штурмера, Милюков в то же время пытался представить забастовочное движение и пораженческие листовки как провокацию со стороны правительства с целью сделать продолжение войны невозможным.

Как видим, играя на «патриотизме», Милюков преследовал двойную цель: 1) свалить Штурмера и 2) дискредитировать революционно-пораженческие лозунги большевиков и внести таким путем дезорганизацию в рабочее движение.

Другой «столп» кадетской партии, В. А. Маклаков, предвидя в недалеком будущем «пожар революции», требовал от Думы, чтобы она открыто перед всей страной отмежевалась от «обреченного режима». Иначе, предупреждал он, старый режим в своем падении увлечет за собой в пропасть и Думу. Между тем «Дума еще может понадобиться. Дума еще может стать в будущем единственной опорой власти, единственным оплотом порядка».

Изверившись в возможности убедить Николая II изменить политический курс, буржуазия выдвинула идею дворцового переворота. «Этим она хотела убить двух зайцев: во-первых, пробраться к власти и обеспечить дальнейшее ведение империалистической войны, во-вторых — предупредить небольшим дворцовым переворотом наступление большой народной революции, волны которой нарастают»¹.

В подготовке дворцового переворота участвовали лидеры кадетов, октябристов, прогрессистов, представители высшего командного состава, связанные с думскими буржуазными кругами (генералы Гурко, Крымов и др.), и даже члены императорской фамилии.

«Заговорщики» из среды буржуазии были тесно связаны с англо-французскими империалистами. Их объединяла борьба против попыток царизма заключить сепаратный мир с немцами. Лидеры кадетской партии — Милюков, Маклаков, Шипгарев — были частыми посетителями союзных посольств, откуда они получали советы и указания.

Из мемуаров бывшего французского посла в России Мориса Палеолога видно, что он был в курсе приготовлений к дворцовому перевороту и сам толкал «заговорщиков» к более активным действиям.

Надо заметить, что между «заговорщиками» не было единодушия. Генерал Крымов, один из активных военных «заговорщиков», и некоторые лидеры «прогрессивного блока» высказывались за переворот. Но Родзянко и один из вожаков кадетской партии, князь Долгоруков, решительно были против дворцового переворота, так как эта «авантюра» могла привести к «смуте» или, что еще страшнее, к установлению республики.

Предвестником дворцового переворота явилось убийство Распутина 17 декабря 1916 года. Однако дальше этого последнего предостережения «заговорщики» не пошли. В тиши буржуазных особняков и великокняжеских дворцов они разрабатывали всевозможные варианты переворота, но к активным действиям не приступали. При этом военные «заговорщики» хотели, чтобы Дума «заягла порох», а думцы, наоборот, предлагали инициативу дворцового переворота взять на себя генералам.

Тем временем, пока кадеты занимались болтовней о дворцовом перевороте, царское правительство вырабатывало свой план удушения революции. План этот заключался в том, чтобы разогнать Думу, закрыть все органы оппозиционной печати, объявить военную диктатуру, заключить сепаратный мир с Германией, а затем обрушиться драконовскими мерами на «внутреннего врага», который, как писал Н. А. Маклаков царю, «давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»².

Но революция опередила контрреволюцию, сорвала планы как крайних реакционеров, так и буржуазных «заговорщиков».

4

Начало 1917 года характеризуется сильным подъемом революционного движения. По призыву большевиков рабочие отметили 9 января стачками и антивоенными демонстрациями. Демонстрации состоялись в Петрограде, Москве, Баку, Нижнем Новгороде. Всего в январе бастовало 200 тысяч рабочих.

Царизм со своей «политикой напролом» потерял к этому времени кредит даже в глазах полукрепостнического дворянства, которое было всегда его ближайшей опорой. Даже XII съезд уполномоченных объединенных дворянских обществ (27 ноября — 1 декабря 1916 года) потребовал устране-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 167.

² «Падение царского режима». Т. V, стр. 209.

ния влияния «темных сил» на государственные дела и создания правительства, пользующегося «народным доверием».

Но доверием этим отнюдь не пользовалась и либеральная буржуазия в лице кадетской партии. Еще в 1915 году «левые» кадеты были тревогу по поводу того, что народ испытывает к кадетам ненависть и раздражение¹.

Указывая, что история периода буржуазно-демократической революции (1905 год—Февраль 1917 года) «есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство», товарищ Сталин писал: «Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать,—это городские рабочие, пролетариат. Империалистическая война лишь подтвердила урок думского периода, завершив отход крестьянства от буржуазии, завершив изоляцию либеральной буржуазии, ибо годы войны показали всю тщетность, всю обманчивость надежд получить мир от царя и его буржуазных союзников»².

Чувствуя неотвратимость революции и свое бессилие остановить нарастающую революционную бурю, кадеты впали в состояние глубокого оцепенения. Разговоры о дворцовом перевороте, в которых и раньше не было ничего серьезного, теперь и вовсе прекратились. По признанию Милюкова, Государственная дума «чувствовала свое полнейшее бессилие и «утомленность в бесплодной борьбе». Руководство событиями давно уже ушло от нее к более левым течениям.

Из состояния протрапии кадетов пытались было вывести меньшевики. «Рабочая группа» центрального военно-промышленного комитета решила 14 февраля 1917 года, в день открытия Государственной думы, устроить мирное шествие рабочих к Таврическому дворцу. Этим меньшевики хотели создать вокруг Думы атмосферу народного доверия и таким образом поднять ее вес в глазах правительства.

Большевики же назначили демонстрацию на 10 февраля, в годовщину суда над рабочими депутатами, а затем призвали рабочих принять участие в демонстрации 14 февраля, но провести ее не под лозунгом поддержки буржуазно-помещичьей Думы, а под революционными лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой войну!»

¹ «Красный архив». Т. 52, стр. 145.

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 37. 11-е изд.

Устрашенные перспективой превращения «мирной народной манифестации» в революционное выступление, кадеты прилагали все усилия, чтобы ее сорвать. Напрасно меньшевики пробовали урезонить перетрусивших либералов, указывая, что если они будут так открыто отстраняться от рабочих, то они неизбежно окажутся в хвосте событий, а «во главе политических выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие» (слова Чхеидзе).

10 февраля в кадетской газете «Речь» рядом с обращением к рабочим командующего войсками Петроградского военного округа генерала Хабалова, увещававшего рабочих оставаться 14 февраля у станков, было напечатано письмо Милюкова, в котором он называл призыв к забастовке 14 февраля провокацией и приглашал рабочих воздержаться от участия в демонстрации.

Меньшевики, предвидя, что ими же назначенная демонстрация по всем признакам пройдет под большевистскими лозунгами, забили отбой. Ливидаторская дружина в Петрограде выпустила листовку, в которой призывала рабочих не слушать «провокационные призывы безответственных лиц, зовущих к демонстративным выступлениям в день 14-го февраля».

Но было уже поздно.

14 февраля в Петербурге бастовало около 60 предприятий с несколькими десятками тысяч рабочих. В Невском, Выборгском, Московском и Нарвском районах состоялись демонстрации под лозунгами: «Долой правительство!», «Да здравствует республика!», «Долой войну!», «Хлеба!» Шествие к Таврическому дворцу не состоялось, но это объясняется вовсе не предостережениями кадетов, а исключительно тем, что рабочие смотрели на Думу с презрением и считали недопустимым какое-либо выражение симпатий к ней.

Революционная волна шла мимо Думы, и последняя, по горькому признанию Родзянко, была обречена «на роль чуть ли не пассивного зрителя».

Бессилием и отчаянием веяло от речей кадетских вожаков в Думе. «Что бы мы ни говорили,—плакался Милюков 15 февраля,—как бы ярко и страстно мы ни рисовали опасность, как бы настойчиво ни предупреждали о приближении к краю бездны—перед нами стоит какая-то стена. Голова палии немая, страсть бледнеет, водупневлепие замирает перед этой стеной, создается то тухлое чувство безнадежности, встряхнуть которое может только героическое усилие». Но и в этот период, по мнению Милюкова, единственным оружием Думы попрежнему остается слово, и только слово.

В это время массы переходили к действию. Восстание стремительно нарастало. В его развитии поворотным стал день 23 февраля, когда из булочных столицы исчез совершенно хлеб и десятки тысяч женщин вышли на улицы, когда на призыв большевиков к стачке работу бросили сразу 90 тысяч рабочих и когда впервые дрогнули ряды царской армии. 24 февраля бастовало до 200 тысяч рабочих; 25 февраля стачка в Петрограде стала всеобщей. Устраивались митинги, демонстрации, сопровождавшиеся кровавыми столкновениями с полицией.

26 февраля, с раннего утра, в городе происходила беспощадная стрельба по рабочим, пытавшимся двинуться в центр. К вечеру демонстранты были разогнаны. Ободренный видимостью «успокоения», совет министров отменил свое решение от 24 февраля о передаче заведывания продовольственным делом в Петрограде городской управе и постановил распустить Государственную думу.

Но правящие верхи явно недооценили такие грозные симптомы, как отказ некоторых войсковых частей употреблять оружие против рабочих и восстания в армии.

Движение ширилось и «превратилось в революцию, вооруженной рукой свергающую царизм»¹. Вечером 27 февраля в Таврическом дворце открылось первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов.

Паническая тревога овладела хозяевами Таврического дворца, не исключая и социал-соглашателей. «Между думцами,— вспоминает кадет С. П. Мансырев,—была полная растерянность; революции ждали почти все, но что она разразится теперь,— не ожидал никто, ни даже наши думские социалисты; по крайней мере, между нами все время были три—четыре трудовика и эсдеки—Бурьянов и Хаустов; все они недоумевали вместе с нами... Чувствовалась у всех совершенная неподготовленность к какому-либо действию и совершенное отсутствие плана; даже оживленные разговоры прекратились, а вместо них слышались вздохи, и короткие реплики, вроде: «дождались» или же откровенный страх за свою особу»².

В этот день состоялось совещание представителей всех думских фракций. Это совещание обнаружало полную растерянность собравшихся, полное бессилие Думы. Даже и теперь, когда была очевидна агония старого режима, заправилы Думы не отважились нарушить рамки царской законности

и беспрекословно подчинились указу о роспуске.

Вместе с тем было решено членам Думы не раз'езжаться и собраться на «частное совещание», чтобы обсудить положение и наметить меры для немедленного подавления «вооруженного бунта».

На этом совещании «левый» кадет Некрасов внес предложение «...не медля ни минуты ехать к... кн. Голицыну (последний премьер-министр царского правительства.—Е. Ч.) и, указав на одного из популярных генералов, напр., Пуливалова или Манниковского, просить о наделении его диктаторскими полномочиями для подавления бунта»³.

Трудовик Дзюбинский, поддержанный меньшевиком Чхеидзе, предложил образовать из членов Думы комитет и вручить ему всю полноту власти. Керенский, стремясь спасти влияние Думы на армию и уже тогда ретегировавший роль «главноуправляющего», предложил поехать к восставшим войскам и успокоить их, объявив, что Дума с ними солидарна и готова их поддержать.

Выступление Милюкова явилось яркой демонстрацией растерянности и дряблости буржуазии, ее полной неспособности к активным действиям. Несмотря на то что царское правительство не проявляло никаких признаков жизни, Милюков советовал «не принимать слишком поспешных решений, в особенности, когда мы еще не знаем, что происходит, и так ли это, как говорят, что старая власть пала, что ее больше нет, когда мы вообще еще не разобрались в обстановке и не знаем, насколько серьезно, насколько прочно начавшееся народное движение...»⁴.

Пока думцы беспомощно барахтались в поисках выхода, солдаты и рабочие вошли во дворец.

Революция началась. События развивались с громадной быстротой, а вместе с ними менялась тактика кадетов. В день 27 февраля кадеты, учтя неизбежность победы революции и стремясь приспособиться к ней, стали сколачивать «революционное» правительство, надеясь, что, встав во главе такого правительства, им удастся еще задушить революцию.

Думская верхушка образовала Временный комитет для «водворения порядка в столице». В него вошли представители

³ Любопытное совпадение: еще накануне в совете министров было решено просить царя прислать популярного генерала с диктаторскими правами. Как видно, мысли «левых» кадетов и защитников гнущего самодержавия шли в одном направлении («Февральская революция», стр. 266).

⁴ «Февральская революция», стр. 86.

¹ «История гражданской войны». Т. I, стр. 67.

² «Февральская революция», стр. 264. 1926.

думских фракций, участвовавшие в «прогрессивном блоке», с добавленным Керенского и Чхеидзе.

Еще днем 27 февраля Миллюков предостерегал против того, чтобы Временный комитет взял власть в свои руки. Он «сдался» лишь после того, как в думский комитет явилась депутация офицеров Петроградского гарнизона и заявила, что офицеры могут сохранить свое влияние на солдат лишь при условии, если Дума возглавит движение и введет его в мирное русло. При таких обстоятельствах в ночь с 27 на 28 февраля Временный комитет Государственной думы решил взять правительственные функции на себя.

Одним из первых шагов взявшего в свои руки власть Временного комитета по «водворению порядка» была попытка обезоружить восставших солдат и снова отдать их под начало старого офицерства. Миллюков, Родзянко, Керенский, Чхеидзе и другие заправили Временного комитета, выступая перед солдатами, варьировали одну и ту же мысль: возвращайтесь в казармы, сдавайте оружие и слушайтесь своих офицеров.

Думский комитет пытался также облегчить карательной экспедиции генерала Иванова движение на Петроград. Когда железнодорожники станции Вьрица отказались пропустить дальше поезд генерала Иванова, то думский комитет приказал дать ему экстренный поезд для следования в Царское село. Кроме того от думского комитета был командирован для связи с карательной экспедицией полковник генерального штаба Тилли. Если тем не менее координировать свои действия по восстановлению порядка с генералом Ивановым думскому комитету не пришлось, то это объясняется тем, что войсковые части, назначенные в состав карательного отряда, еще в пути перешли на сторону восставших.

27 февраля при Совете была организована военная комиссия. Думский комитет, стремясь подчинить себе петроградский гарнизон, при попустительстве соглашателей из Совета, в тот же день назначил начальником этой комиссии и командантом петроградского гарнизона члена думского комитета полковника Энгельгардта. Последний стал рассылать приказы о возвращении солдат в казармы, о приостановлении движения восставших частей из Кронштадта, Красного села и т. д. в столицу. В то же время производился отбор «падежных» частей, которые получали специальные задания о высылке дозоров для разгона революционных «сборищ» на улицах¹.

¹ «Красный архив». Т. 41—42, стр. 102.

Однако ни приказы Энгельгардта, ни угрозы думского комитета не только не вносили «успокоения» в солдатскую массу, но еще больше подливали масла в огонь. Как сообщал 1 марта Родзянко главнокомандующему северным фронтом генералу Рузскому, «народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушаются, но убивают своих офицеров»².

Вечером 28 февраля на заседании неполнительного комитета было принято, несмотря на сопротивление социал-соглашателей, предложение большевиков о производстве выборов в солдатскую секцию Совета — по одному депутату на роту.

В ответ на попытки военной комиссии Государственной думы разоружить солдат и восстановить старые порядки в армии 1 марта под давлением солдатских масс Советом был при участии солдатских депутатов разработан и издан знаменитый приказ № 1, ставивший петроградский гарнизон под политическое руководство Совета и лишивший думский комитет возможности использовать армию в контрреволюционных целях.

Приказ № 1, с молниеносной быстротой распространившийся на фронте, хотя формально он относился только к войскам петроградского гарнизона, вызвал среди кадетов взрыв бессильного бешенства. Близкий к кадетам генерал Верховский записал в своем дневнике 7 марта: «Как бомба с ядовитыми газами упал к нам приказ номер первый... Ведь теперь чернь получила язык, которым она может говорить». Паническое настроение овладело и мелкобуржуазными соглашателями. «...все пропало... — говорил думцам Чхеидзе. — Чтобы спасти — надо чудо...»

1 марта думский комитет принял решение «в целях предотвращения анархии и для восстановления общественного спокойствия» организовать временную правительственную власть. Кадеты отдавали себе отчет в том, что образование Думой правительства возможно только по соглашению с Советом, ибо реальная власть находилась в руках последнего и без его поддержки буржуазное правительство не просуществовало бы и одного дня.

Находившиеся тогда у руководства Советом меньшевики и эсеры охотно пошли навстречу домогательствам буржуазии. На совещании думского комитета с делегацией исполнительного комитета Совета (1 марта) обнаружилось трогательное единение цензовиков с мелкобуржуазными соглашателями. И те и другие были объединены страхом перед революцией и горели желанием покончить с «анархией». По призна-

² «Красный архив». Т. 20.

нию меньшевика Суханова в его «Записках о революции», «нас стремились «сагитировать», чтобы потом использовать для восстановления «порядка». Но агитаторы не замедлили убедиться, что они ложатся в открытую дверь».

Думцы были приятно изумлены, не видя среди предъявленных Советом условий передачи власти ценовикам требований, которые в единодушном порыве выдвигались тогда на всех рабочих и солдатских митингах: мир, республика, 8-часовой рабочий день, передача помещичьих земель крестьянам. Условия Совета — объявление амнистии, провозглашение политических свобод и созыв Учредительного собрания — Миллюков признал в общем «приемлемыми».

Единственное разногласие на совещании произошло из-за требования Совета, чтобы правительство до созыва Учредительного собрания не предпринимало будущую форму правления. Против этого требования энергично восстал Миллюков. Он опасался, что при отсутствии монарха, этого «привычного для масс символа власти», буржуазное правительство лишится всякого прикрытия. Представители Совета, ближе знакомые с настроением масс, понимали, что всякая попытка сохранить монархию поднимет такую бурю возмущения, которая сметет не только буржуазных претендентов на власть, но и их эсерово-меньшевистскую агентуру.

После принятия условий Совета Миллюков, со своей стороны, потребовал от представителей «революционной демократии» опубликования декларации о том, что Временное правительство создано по соглашению с Советом и что вследствие этого оно должно быть признано законным в глазах масс и пользоваться их доверием.

Так было создано первое Временное правительство буржуазии. Оно состояло из представителей буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Переход власти в руки буржуазии Ленин считал не случайным. «Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 года и особенно в те-

чение войны класс капиталистов и прижимающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации»¹.

Но власть перешла в руки буржуазии не в результате решительной борьбы кадетской партии за свержение царизма, а вопреки тому, что этой борьбы она не вела и что она больше всего боялась революционного свержения самодержавия. Эту борьбу вынесли на своих плечах рабочий класс и передовое крестьянство в лице революционной части армии. Временное правительство возникло и смогло удержаться в течение нескольких месяцев у власти лишь благодаря тому, что эсеровско-меньшевистское руководство исполкома столичного Совета сдало власть буржуазии, а пленум Совета несмотря на протесты большевиков одобрил это решение исполкома.

Но, получив власть в руки благодаря предательской политике социал-соглашателей и неискренности широких масс в первые месяцы революции, российская буржуазия в лице самой сильной своей партии — кадетов — очень быстро и полностью разоблачила свою контрреволюционную сущность.

Своей попыткой спасти монархию, своей политикой продолжения империалистической войны, отказом от разрешения аграрного вопроса, своей великодержавной политикой в отношении угнетенных царизмом народов, борьбой против рабочего класса и его большевистской партии — всей своей внешней и внутренней политикой Временное правительство показало даже самым отсталым массам контрреволюционное лицо российской буржуазии. Буржуазное Временное правительство повисло в воздухе, как только широкие рабочие и солдатские массы окончательно потеряли доверие к социал-соглашателям и стали переходить на сторону большевиков. Политическая слабость российской буржуазии — одна из главных причин сравнительной легкости победы Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 69.

ЛИТЕРАТУРА: ЛЕНИН, т. XVIII, стр. 207—208. «Социализм и война»; ЛЕНИН, т. XIX, стр. 280—286, «О сепаратном мире»; ЛЕНИН, т. XX, стр. 94—96, «О двоявластии», там же, стр. 13—47; «Письма из далека»; ЛЕНИН, т. XXI, стр. 66—77, «Уроки революции»; СТАЛИН «Вопросы ленинизма», стр. 37, 11-е изд. «Об основах ленинизма»; «История ВКП(б)», гл. 6; «История гражданской войны», т. I, гл. 1—2; Центральный архив. «Буржуазия накануне февральской революции». М.—Л. 1927; «Красный архив», тт. 50—51, 52 и 56; «Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.»; там же, т. 59, «Конференция кадетской партии 6—8 июня 1915 г. в Петрограде»; «Падение царского режима». Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Комиссии Временного Правительства, т. VI — допрос А. И. Гучкова, показания П. Н. Милонова, т. VII — допрос М. В. Родзянко; «Красный архив», тт. 21 и 22 «Февральская революция 1917 года»; сборник «Февральская революция». Сост. С. А. Алексеев. 1926; МОРИС ПАЛЕОЛОГ «Царская Россия во время мировой войны». М. 1923; БЮКЕНЕН Д.ж. «Мемуары дипломата», 2-е изд. М. 1925.

Крестьянское восстание 1846 года в Галиции

1

Крестьянское восстание 1846 года в Галиции было одним из крупнейших эпизодов борьбы украинских крестьян совместно с польскими крестьянами против польской шляхты, за освобождение от феодально-крепостнического гнета.

В первой половине XIX века польские помещики в Галиции, продолжая «традиции» своих предков, усилили до крайних пределов угнетение украинских и польских крепостных. Этому угнетению не мешали либеральные законы австрийского императора Иосифа II. Изданные в 80-х годах XVIII века, эти законы, ограничившие произвол враждебного австрийскому правительству польского дворянства, имели целью привлечь крестьян на сторону правительства на случай возможного восстания польской шляхты. Уже в начале XIX века законы эти были забыты самим правительством, и помещикам были открыты широкие возможности обходить или игнорировать все, что могло помешать им эксплуатировать и угнетать крепостных. Помещики делали все, чтобы законы Иосифа II на практике свести к нулю. Историк крестьянской реформы в Галиции Иван Закевич говорит следующее о деятельности галицийских помещиков после реформы Иосифа II: «Как муравьи, когда кто разрушит их муравейник, так господствующий класс заметался после иосифовых реформ, чтобы насколько возможно вернуть status quo, и старания его в этом отношении составляют все содержание его экономический деятельности»¹.

В результате этой деятельности помещиков при попустительстве властей положение крестьян оказалось не лучше чем при Речи Посполитой. Несмотря на закон, изданный в 1787 году, который устанавливал неприкосновенность общественных («рустикальных») земель, помещики забирали себе лучшие крестьянские участки. Эта практика была развита так широко, что правительство серьезно опасалось зна-

чительного уменьшения государственных доходов, так как с крестьянских земель, ставших «экономическими» (то есть помещичьими), не взималась подать. Развивавшееся производство хлеба на рынок требовало от помещиков расширения заделок, которое шло главным образом за счет крестьянских земель. Помещики прибирали к своим рукам не только разработанные участки, но нередко и пустоши, служившие выгонами для крестьянского скота. Вице-маршал Галиции граф Тадэуш Василевский говорил галицийской шляхте на сейме в 1843 году: «Мы засеваем неурожайные поля зерном, хотя польза от них не окупает вложенного в них труда»².

Увеличивая запашки, галицийские помещики наряду с этим изыскивали пути к увеличению барщины, необходимой для обработки помещичьих полей. Законом 1786 года установил максимум барщины, в размере трех дней в неделю с каждого крестьянского двора. Чтобы не нарушать буквы закона, помещики делили крестьянскую семью на несколько дворов, и каждый из новых дворов обязан был вести такую же барщину, какую вела семья до раздела.

В отношениях помещиков к крестьянам господствовал неограниченный произвол. Закон позволял крестьянам жаловаться на помещиков, помещик имел право наказывать крепостного не больше чем 10 ударами бичом; за наказание без вины крепостного или за количество ударов «сверх нормы» с помещика взимался штраф в размере одного рейнского гульдена за каждый удар. На практике право жалобы несколько не помогало крестьянам избежать господского произвола, а помещики при наказаниях крестьян не считались с «ограничениями», установленными законом. Помещики несмотря на свою скудость и жадность платили значительные штрафы за «лишние» удары или за побои, признанные незаконными. До конца 1829 года сумма штрафов достигала 84 818 гульденов. А сколько ударов по спицам крестьян осталось «неоплаченными», так как

¹ Иван Закевич «Знесені папціни в Галичині», стр. 98. Львів. 1895.

² Там же, стр. 167.

редко крестьянин мог доказать перед начальством свою невиновность! Тем более было трудно крестьянину жаловаться на помещика, что судьей его был тот же помещик. Обиженный крестьянин прежде всего должен был явиться с жалобой к своему помещику как в первую судебную инстанцию. Только после того он мог обратиться к окружающим властям с просьбой отменить решение помещика. Но часто бывало так, что помещик никакого решения по жалобе крестьянина не вынесил, а просто выгонял его, да еще и бил. Оснований к кассационной жалобе у крестьянина не было.

Таким образом, ничто не мешало галицийским помещикам эксплуатировать и угнетать крепостных, ничто не препятствовало помещичьему производству. Крестьянские повинности в первой половине XIX века в Галиции возрастали по мере того, как помещики стремились увеличивать доходы от своих имений, а крестьянские земли уменьшались по мере расширения помещичьих фольварков. «Права крестьян,— говорит Иван Франко,— были немощным больше прав рабочего скота»¹.

Украинские крестьяне в Галиции, то есть основная масса населения, терпели, кроме классового, и национальное угнетение. Несмотря на то что в Галиции преобладало украинское население, украинский язык не допускался ни в школы, ни в литературу. Австрийская цензура в Галиции, действуя заодно с польской шляхтой, запрещала всякие сочинения на украинском языке. Запрещались даже произведения на всяких других языках, если они были написаны на украинские темы. Был даже запрещен перевод австрийского гимна на украинский язык. В 1839 году была конфискована ода поэта Могильницкого, посвященная эрцгерцогу Францу-Карлу, только по той причине, что австрийская цензура сочла недопустимым «таким простым языком приветствовать такую высокую особу»². Мы уже не говорим о запрещениях и конфискации таких произведений, как «Маруся» Квитка-Основяцкого и др. Церковные православные книги предлагалось печатать польским шрифтом, так как «не следует ради мужиков умножать парения и правописания»³. Правда, последнее предложение не было одобрено австрийским правительством.

На социальное и национальное угнетение крестьяне отвечали пассивным сопротивлением и активной борьбой.

Сопротивление крепостных барщинным повинностям было повсеместным и повседневным явлением. Малнат Талеуп Василевский свидетельствовал в 1843 году, что крестьянин считает барщину «тнетом и несчастьем и избегает ее сколько может, находит всякие причины, чтобы как можно позже выйти на работу, высылает самого слабого и самого ленивого работника, нарочно для барщины держит самое худшее тягло и самые худшие орудия. Да и это тягло хозяин или хлопец бережет; бережет он и себя: бросив работу, потягивается, даром проводит время, если над собой не видит бука, а когда его подгоняют, то мелко запускает плуг в землю или, если не пашет урочно, то каждую минуту норовит что-нибудь в плуге поправлять; на жатве нагибается, а не жнет, крутит перевесла, ворочает солому, а не вяжет; на косовице больше точит косу, пельзели ею работает, оставляет высокую стерню; на молотбе взмахивает цепом, замахивается, но слабо бьет. На каждом шагу и при каждом движении старается себе сделать легче, а надсмотрщика обмануть»⁴.

Убеги галицийских крестьян из имений были массовым явлением. Помещик граф Александр Цетнер в 1845 году писал, что в восточных округах Галиции почти в каждом селе 5% крестьянских дворов пусты. «Где земли плохие, барщина высокая, положение неудобное, подати большие,— говорил он,— там больше пустых крестьянских дворов; есть села почти совершенно пусты, например Зарубинцы, Иваськово в Гарнокольском округе; в Рыкове Золочевского округа «целое село пустое»⁵.

Многие крестьяне убегали в горы и леса Галиции, собирались там в большие и малые отряды и вели партизанскую борьбу со шляхтой: нападали по дорогам на господ, грабили и убивали их, нападали на помещичьи имения. Им помогали крестьяне, оставшиеся в деревнях. Крестьяне, говорит Иван Франко, «не смотрели тогда на разбойника, как на врага общественности порядка; они видели в нем вольного «козака», героя, завидовали ему»⁶. Разбои в Галиции были так распространены, помещики и правительство были так напуганы этим явлением, что за один 1820 год правительство издало четыре закона против разбоев и установило награду в 25 рейнских гульденов за поимку одного разбойника, а в 1822 году — награду в 50 дукатов за задержанную шайку.

Мстя за угнетение, крестьяне часто

¹ Иван Франко «Панщина та її скасування в 1848 р. в Галичині», стр. 16. Львів. 1913.

² «Галичина, Буковина, Угорская Русь», стр. 61. Изд. «Задруга». М. 1915.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Иван Заневич «Знесеня панщини в Галичині», стр. 162.

⁵ Там же, стр. 211—212.

⁶ Иван Франко «Панщина та її скасування в 1848 р. в Галичині», стр. 98.

Типы крестьян, Галиция.
О гравюры XIX века.
Гос. Исторический музей.

поджигали помещичьи имения. «Зарево осенних пожаров, зажженных мстительной рукой, свидетельствует против нас», — говорил граф Василевский¹. Другой польский магнат, граф Казимир Красицкий, заявлял в 1842 году, что пожары, зажженные крестьянами из мести, очень часты. И они не только разрушают помещичьи имения, но и создают самые тяжелые последствия для общего состояния Галиции.

Крестьянские волнения были частыми и повсеместными. «Не раз мы видели бунтовавших мужиков, — говорил тот же граф Василевский, — которые отказывались от всякого подчинения экономии и не хотели отрабатывать повинностей. Было и так, что когда права были на стороне помещика, то мужики, несмотря на судебные решения во всех инстанциях, несмотря на угрозы, экзекуции, телесные наказания, не приходили в покорность; нужно было прибегать к военной помощи»². В 1819 году значительные волнения были в селе Воле-Якубовой, в 1824 году — в Скильцине, в 1832 году — в Чагуевичах, на родине великого украинского писателя Ивана Франко. О том, насколько крестьянские волнения в первой половине XIX века были распространены

в Галиции, свидетельствует польский писатель Михаил Кубракевич, который, рассказывая о возмущении и военной экзекуции, которой были подвергнуты крестьяне в селе Подкамне, Золочевского округа, в имении графа Александра Цетнера, замечает: «Из ста тысяч таких случаев я описал только один, так как он происходил перед моими глазами»³. Для подавления «беспорядков» в Зальцбургской волости, Ражешевского округа, потребовалось 40 пехотинцев и 40 кавалеристов, а в села Ушево и Радлово, Бохенского округа, власти направили для той же цели взвод пехоты и эскадрон кавалерии.

Волнения усиливались и приобретали все более упорный характер. Польские помещики имели все основания опасаться, как бы эти, пока еще местные выступления не превратились в общекрестьянскую войну. Наиболее дальновидные из помещиков начали искать пути предотвращения грозившей им опасности. В 1842 году на сейме в Галиция шляхта впервые обсуждала вопрос об освобождении крестьян. Рассматривался проект графа Красицкого. Автор проекта предлагал поделить крестьян землей на правах собственности и заставить их заплатить за нее длительными отработками. Этот проект фактически ничего не менял в существующем положении — он только изменил его юридическую окраску. Земля, находившаяся в крестьянском пользовании, должна была называться крестьянской «собственностью». Барщинные повинности переименовывались в отработки. Ничем не улучшая положения крестьян, проект Красицкого имел целью успокоить их путем предоставления им призрачной «собственности» на землю. В следующем, 1843 году представил на сейм свой проект граф Тадеуш Василевский. Сущность этого проекта откровенно разъяснил сам автор в частном письме: «Отбросить это право (право помещиков на крепостной труд, за которое Василевский предлагал установить денежное вознаграждение. — В. Д.), нарушать владения помещиков и уменьшать их имения я не думал. Ведь сам я что имею, имею земли и барщину, а терять это, имея 7 детей, я не хочу»⁴. Василевский, как и Красицкий, предлагал отменить барщину, не нарушая прав и материальных интересов помещиков. Отменить же ее, по убеждению Василевского, было крайне необходимо, иначе, писал он в проекте, «может быть и так, что мужики сами не захотят отрабатывать барщину. Тогда правительство наверное стало бы на

³ «Житє і слово», 1894 р., кн. III, стор. 362.

⁴ Иван Заневич «Знесенє панщини в Галичині» стр. 160.

¹ Иван Заневич «Знесенє панщини в Галичині», стр. 158.

² Там же, стр. 139.

стороне прав помещиков и придушило бы бунт. Но после того вернется ли спокойствие и согласие? Примеры мы имеем на Украине, как погашенный пожар долго тлеет в золе и при первом дуновении ветра разрастается в новое пламя, как поколение поколению передает мечь, которая угасает только в потоках крови, оставляя после себя руины и нестираемую виназвисть. Прошли годы и поколения после Колывищины, время стерло ее следы, а еще и сейчас какие чувства будит в нашем русском народе песни или даже мелодия козацкая. Таким образом, — подытоживает свое рассуждение граф Василевский, — отменить в нашем крае барщину — значит обеспечить ему спокойствие навски и сделать социальные бунты невозможными»¹.

Голос пантуганских бунтами магнатов не был услышан шляхетской массой, которая даже в этих, более чем суровых проектах увидела возможность на ее шляхетские привилегии. Особенно решительный отпор дала шляхта проекту графа Василевского, предлагавшего за денежное вознаграждение помещикам ликвидировать крестьянские натуральные повинности. Шляхта боялась всего, что нарушало ее священные традицией отношения с крестьянами. Страх этот имел материальное основание. Галиция в 40-х годах XIX века представляла страну со слабо развитой промышленностью, с отсталым сельским хозяйством, с неразвитым рынком. Барщина при этих условиях казалась основной массой помещиков единственным способом ведения хозяйства. Проекты были отвергнуты шляхтой и остались без всяких последствий. А эксплуатация и угнетение крестьян тем временем продолжались с еще большей силой.

Положение крестьян особенно ухуднилось вследствие неурожая, постигшего Галицию в 1845 году. Крестьяне голодали; почти единственный их продукт питания — картофель — пропал на поле, значительно пострадал озимый и яровой хлеб.

Слова графа Василевского о возможном повторении Колывищины в Галиции оказались правильными. Уже с пасхи 1845 года, по свидетельству современника, в деревнях слышался глухой ропот. Говорилось о том, что крестьяне будут резать дворян, и в то же время распускались слухи, что дворяне будут убивать крестьян. Крестьяне в некоторых местах Галиции уже открыто нападали по дорогам на господ. Между крестьянами в 1845 году распространились слухи, что ксендзы скрыли от них императорский указ об отмене барщины. Слухи эти о скрытом указе бы-

ли характерны для всех крестьянских антикрепостнических движений XIX века. Они сопровождали крестьянское восстание в Галиции в 1846 году, были распространены во время многочисленных волнений в России и на Украине и особенно широко распространились во время крестьянского восстания 1855 года в Киевской губернии, известного под именем Киевской козащины.

Близился взрыв всеобщего крестьянского возмущения в Галиции. Боясь назревающей бури, многие помещики скрывались из своих имений, убегали в города, а некоторые даже уезжали за границу.

2

Польская шляхта конца первой половины XIX века и позднейшие польские историки-националисты видели причину крестьянского восстания 1846 года в Галиции исключительно в том, что австрийское правительство спровоцировало крестьян на борьбу против польского национально-освободительного движения. В немецкой же литературе, отражающей официальную, правительственную точку зрения, господствует мысль, что галицийское крестьянское восстание 1846 года было вызвано верноподданническими чувствами галицийского крестьянства к австрийскому правительству и императору, что крестьяне в 1846 году поднялись на борьбу с польской шляхтой исключительно ради защиты австрийского правительства от польской революции. Обе эти точки зрения, исходящие из враждебных друг другу лагерей, в одинаковой степени неверны. Австрийское правительство действительно старалось использовать и использовало крестьянские массы Галиции для борьбы против польского национально-освободительного движения, но эта политика правительства не была причиной восстания, как не были его причиной и «верноподданнические» чувства крестьян. Энгельс говорит о политике меттерниховского правительства в Галиции: «Земельное дворянство, все доходы которого состояли из всякого рода феодальных повинностей, не могло не стоять за правительство, свою единственную защиту от угнетенного класса крепостных, жестокой эксплуатацией которых оно жило. И всякий раз, когда менее богатая часть дворянства поднималась против правительства, — как это произошло в Галиции в 1846 г., — Меттерних тотчас же спускал на нее этих крепостных, и последние жадно пользовались всяким случаем жестоко отомстить своим непосредственным притеснителям»².

¹ Иван Заневич «Знесена панщини в Галичині», стр. 171—172.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 39.

Польский эконо́м.

С гравюры XIX века.
Гос. Исторический музей.

Галицийские крестьяне в 1846 году воспользовались случаем отомстить шляхте. Восстание назревало еще задолго до того, как австрийское правительство узнало о подготовлявшемся поляками выступлении. Крестьяне использовали удобный момент, когда польская шляхта и австрийское правительство оказались в состоянии войны между собой. Крестьяне понимали, что в такой обстановке правительство не сможет сразу же двинуть военные силы для защиты шляхты. С другой стороны, австрийское правительство было радо видеть в тыму у своего противника, то есть у шляхты, из которой главным образом рекрутировались польские повстанцы, врага в лице крестьян и старалось использовать его в своих интересах. В другой обстановке правительство незамедлительно постаралось бы выслать против восставших крестьян военную силу и придушить восстание, как это много раз бывало раньше. Теперь оно на первых порах предоставило крестьянам свободу действий и даже призывало их ловить и арестовывать, правда, не вообще помещиков и шляхтичей, а только участников польского восстания.

В феврале 1846 года в Галиции распространилась весть о восстании поляков против австрийского правительства. Среди

народных масс, глубоко враждебных всему, что исходило от польской шляхты, пошли разнообразные толки о том, что поляки собираются уничтожить крестьян. Начиный монархизм крестьян способствовал распространению слухов о том, что цесарь, то есть австрийский император, отберет у шляхты землю, отдаст ее крестьянам и позволит уничтожить все шляхетское поместье. В ночь с 17 на 18 февраля толпа крестьян численностью около 200 человек напала возле города Тарнова (в Западной Галиции) на польские повстанческие отряды и разоружила их. В то же время произошло нападение крепостных на имения графов Весселовских в Ваславе и Галешове, около Тарнова.

В начале 20-х чисел февраля восстание охватило Западную и Восточную Галицию. Оно сразу же приобрело огромные размеры. Один из главных крестьянских отрядов, которым предводительствовал Яков Шеля, насчитывал около 1200 человек. Крестьяне, вооруженные вилами, косами, цепями, серпами и т. п. орудиями, а также частично огнестрельным оружием, нападали на помещичьи имения, разрушали их жилища помещичьих домов, убивали шляхту. В дни восстания крестьяне приносили шляхте всевозможные утешения и прощания. Они не щадили никого, кто попадал им в руки, кроме женщин и детей. Австрийский чиновник поляк Стрельбицкий писал в рапорте начальству, что восставшие крестьяне уничтожали все, «что только не было мужиком». Это была война крестьян против всех, кто ущемлял их, напоминая по своей беспощадности Колливицкую 1768 года. Тот же Стрельбицкий писал, что в Тарновском округе, где восстание разразилось с наибольшей силой, мужики вырезали всех помещиков, арендаторов и низших чиновников. Другой чиновник, Вацлав Залесский, в рапорте от 18 марта 1846 года сообщал, что в Тарновском округе большинство дворов и фольварков в 152 имениях разграблено.

Крестьяне забирали себе скот, сельскохозяйственные орудия, зерно, разные ценности, даже навоз из помещичьих дворов вывозили на свои поля, постройки сжигали, если они были удалены от крестьянских домов, и разрушали, если они находились в селе. Одновременно крестьяне забирали и делили между собой помещичьи земли. Не щадили крестьяне господов и костелов. Нередко восставшие крестьяне жестоко расправлялись не только с самими господами, но и с теми, кто защищал их. Так, в селе Весселове, Бохенского округа, крестьяне убили войта своего села за то, что тот заступился за помещика.

Примером решимости крестьян в борьбе со шляхтой может служить восстание

украинских крестьян в селе Горожане, Самборского округа. Это село вместе с другими пятью селами: Рычиновым, Новоселками, Подвысоким, Малой Горожанкой и Соской — принадлежало графам Дульским. Поверенным здесь был Фердинанд Чаплицкий, один из участников польского восстания. Утром 21 февраля толпа крестьян, собравшаяся со всех сел Горожанского имения и насчитывавшая две или три тысячи душ, среди которых были женщины и дети, осадила дом Чаплицкого, где находилось в это время несколько других шляхтичей, также участников польского восстания. Заперевшаяся в доме шляхта стреляла из окон по толпе, но это еще более озлобило крестьян. Чтобы заставить шляхту выйти из засады, крестьяне подожгли дом. Шляхтичам оставалось гореть или быть убитыми. Они были вынуждены оставить поместье. После нескольких часов борьбы все, кто находился в доме Чаплицкого, были убиты или покалечены. Убежать удалось только двоим, но и те были пойманы другими крестьянами.

В горожанском восстании особенно сильно проявилась ненависть украинских крестьян к польской шляхте. Избивали шляхтичей не только мужчины, но женщины и даже дети. Геприха Чаплицкого убили женщины, Владислава Чаплицкого, автора воспоминаний о восстании в Горожане, избивали мальчики. Женщины особенно активно участвовали в крестьянском восстании и призывали к этому своих мужей. очевидец событий рассказывает, что если какой-нибудь хозяин не хотел принимать участия в восстании, то ему жена не давала покоя, пока он не соглашался. Горожанские крестьяне в борьбе с польской шляхтой проявляли храбрость и самоотверженность. Чтобы поджечь дом Чаплицкого, крестьяне незаметно от вооруженной шляхты подложили под угол дома солому. Ее нужно было залечь. К ней направился с головешкой горожанский гугенный, которого заметил выбежавший в это время из дому Владислав Чаплицкий. Шляхтич предупредил гугенного, что если тот посмеет подойти к соломе, будет убит. Немного постояв на месте, гугенный крикнул Чаплицкому: «Стреляй!», — решительно подошел к соломе и начал раздувать огонь. Чаплицкий тяжело ранил гугенного, но солома уже горела.

Другой факт. Два шляхтича, убежавшие из дому Чаплицкого, направились к лесу. Когда они уже были у самого леса, навстречу им вышло несколько крестьян, которые решили задержать их. Шляхтичи направили на крестьян ружья. Это на время произвело замешательство среди крестьян, но один из них смело выступил

вперед и, выставив грудь, сказал: «І щб ж з того, що мене одного заб'єш, дивись скільки нас ще є?» Шляхтичи были задержаны.

Всего за короткое время крестьяне уничтожили много шляхты. Современники говорят о 2—3 тысячах убитых шляхтичей. Цифру эту нельзя считать преувеличенной, если учесть, что восстанием было охвачено около 250 деревень, сел и местечек. Есть сведения, что, например, в Тарновском округе осталось в живых не более 10 помещиков.

Крестьянское восстание 1846 года в Галиции было стихийной местью угнетенных украинских и польских крестьян их угнетателям, оно было стихийной борьбой крестьян против крепостничества, за свободу и землю. По единодушному утверждению современников, крестьяне были твердо убеждены, что они получают в собственность помещичьи земли и никогда уже не будут работать на барщине.

Несмотря на то что восстание охватило всю Галицию, оно не было свободно от замкнутости и ограниченности. Существовали отдельные крупные и мелкие крестьянские отряды, непостоянные по своему составу, часто возникавшие и распадавшиеся. Каждый такой отряд в большинстве случаев действовал несогласованно с другими отрядами, территория его действия преимущественно ограничивалась одним селом или имением. Крестьяне старались прежде всего отомстить своему помещику как непосредственному врагу.

Отрядами руководили энергичные, смелые крестьяне, пользовавшиеся авторитетом и уважением остальных. Виднейшим из таких руководителей был крепостной помещиков Богушей из села Смажева, Тарновского округа, плотник Яков Шеля. Среди односельчан Шеля был известен как человек умный и справедливый. Общество избрало его ходяком по крестьянским делам. Он судился с помещиками. После одной его жалобы на помещика последний публично наказал его и посадил под арест. Это усилило ненависть Шели к господам. Во время восстания Шеля был беспощаден к помещикам и прежде всего уничтожил всю семью Богушей. В отряде, которым он предводительствовал, и среди других руководителей он пользовался большим уважением и авторитетом. Но Яков Шеля, как и другие предводители восстания, не выделялся по своей сознательности из крестьянской массы: он возвышался над ней только организаторскими способностями и энергией.

Австрийское правительство, провоцируя крестьянские массы на выступление против польского восстания, одновременно принимало меры, чтобы это выступление

не превратилось в крестьянскую войну против феодально-крепостнических порядков. Уже 20 февраля один из видных представителей австрийской бюрократии в Галиции, тарновский староста Носиф Брейньль, издал приказ, в котором призывал всех подданных императора «сохранить спокойствие и избежать насилия». 25 февраля во многих округах Галиции было объявлено военное положение. Мера эта, нужно полагать, была направлена исключительно против крестьянского движения, так как польское восстание, которое также могло вызвать эту меру, к этому времени было подавлено и уцелевшие остатки повстанцев уже не представляли для правительства ничего опасного. 2 марта Брейньль на основании правительственного распоряжения дал приказ местным властям охранять помещичьи имения и принуждать крестьян к господским работам. В Восточной Галиции тарнопольский староста Сахер издал приказ, в котором предупреждал, что нарушения помещичьих прав будут сурово наказываться.

Дело не ограничивалось приказами и распоряжениями. Как только правительство распорядилось с польским восстанием и ясно увидело, что крестьянское движение угрожает существованию всей феодально-крепостнической системы в Австрийской империи, оно тотчас же направило против крестьян военные силы. В начале марта правительство разослало по Галиции карательные отряды, которые силой оружия приводили крестьян к послушанию их господам. Одновременно с отрядами были разосланы чиновники, которые должны были отбирать все, что забрали крестьяне у помещиков. Кроме того правительство обратилось к Якову Шеле как к главному предводителю восставших крестьян с предложением уговорить их вернуться к послушанию. Переговоры с Шелей ни к чему не привели. Наоборот, Шеля приказал крестьянам под страхом наказания не приступать к господским работам.

Между тем подходило время полевых работ, а крестьяне не приступали к обработке помещичьих полей и не складывали оружия. С оружием встречали крестьяне карательные отряды, высылаемые правительством, попросту нападали на шляхту, разрушали помещичьи имения, делили помещичьи земли. Восстание не только не прекращалось, но все больше разрасталось. Крестьяне все яснее осознавали, что их врагом является не только польская шляхта, но и австрийское правительство. Восставшие крестьяне в Галиции держали как бы в осаде все окружающие города и даже Львов. Правительство решило принять самые энергичные меры. 30 марта из Вены последовало распоряже-

ние применять оружие. Из Австрии двинулись в Галицию значительные вооруженные силы.

Началась кровавая расправа. Крестьяне храбро защищались и в отдельных стычках наносили серьезные поражения австрийским войскам, но, плохо вооруженные и еще хуже организованные, были разбиты. Тысячи крестьян были казнены. Яков Шеля был арестован и сослан в Буковину, где был убит.

Крестьянское восстание было подавлено в апреле 1846 года, но еще долго продолжались отдельные вспышки. В некоторых местах Галиции борьба крестьян продолжалась еще летом 1846 и зимой 1847 года.

Австрийское правительство потопило восстание в крестьянской крови. Крестьяне в борьбе с помещиками и правительством, которое защищало помещиков, потерпели поражение. Причина их поражения заключалась в том, что тогда, в эпоху крепостного права, у галицийских крестьян не было союзника и руководителя в лице рабочего класса. Их борьба, какой бы она ни была ожесточенной, была стихийной борьбой. «Крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»¹.

Крестьянское восстание 1846 года оказало большое влияние на дальнейшие события в Галиции. Закаленные в борьбе с помещиками и правительством, галицийские крестьяне уже не могли оставаться послушными крепостными рабами; рушилась слепая вера крестьян в правительство.

Несомненно, что издание законов от 13 апреля и 12 ноября 1846 года, положивших начало ограничению феодальных повинностей крестьян и постепенной ликвидации крепостного права, во многом зависело от героической борьбы галицийских крестьян в 1846 году.

3

Восстание в Галиции оказало влияние на крестьянское движение других стран, куда проникали слухи о галицийских событиях. Под действием этих слухов волновались крестьяне Силезии, Чехии и Моравии. Галицийское восстание оказало влияние и на крестьянское движение в Российской империи, в частности на Правобережной Украине. Территориально и этнически Галиция была тесно связана с Правобережной Украиной. Население по обе

¹ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 24. Партиздат. 1937.

стороны границы находилось в постоянном общении: в Галицию убегали от своих господ крестьяне Правобережной Украины, а на Правобережную Украину убегали крестьяне из Галиции. Галицийские крестьяне приходили в приграничные русские губернии на заработки, занимались здесь мелкой торговлей; сюда приходили также крестьяне со специальной целью — призывать своих собратьев — правобережных украинцев — на восстание против своих помещиков. Идея, что о крестьянском восстании в Галиции тотчас же стало известно крестьянам Правобережной Украины; например в пограничном местечке Литовиже, Владимирского уезда, Волынской губернии, как повествует официальное дописание, появился из Галиции крестьянин, подстрекавший крестьян того местечка к восстанию против помещиков. Он был арестован, а для безопасности в Литовиже тотчас же была направлена рота солдат.

Галицийские события нашли на Правобережной Украине полное сочувствие. Помещики Правобережной Украины эксплуатировали и угнетали крестьян не менее жестоко чем помещики Галиции.

Для характеристики положения крестьян Правобережной Украины в 40-х годах XIX века приведем выдержку из документа, хранящегося в Киевском областном историческом архиве. Документ этот непосредственно относится, правда, только к Киевской губернии, но то, что писал в нем киевский губернатор, полностью отражает положение вещей и в Подольской и в Волынской губерниях. Это подтверждается тем, что генерал-губернатор Правобережной Украины Бибигов предложил гражданским губернаторам двух упомянутых губерний разослать по уездам такие же документы.

Чтобы, хотя бы в некоторой мере избежать крестьянских волнений, киевский гражданский губернатор составил в сентябре 1839 года проект циркулярного отношения к уездным предводителям дворянства и исправникам, в котором предлагал им принять меры против помещичьих злоупотреблений. Нас интересует та часть документа, где говорится не об этих мерах, которые никогда в действительности не применялись, а о самих злоупотреблениях. Нужно только помнить, что то, о чем в циркуляре говорится как о «злоупотреблениях», было постоянным явлением.

«До меня дошли верные сведения, — писал губернатор, — подтвердившиеся отчасти во время обозрения мной высочайше вверенной моему управлению губернии, что некоторые господа помещики, посессоры и управители употребляют крестьян в работы сверх определенного по 590 ст. 9 то-

ма свода законов о состояниях времени, т. е. более 3-х дней в неделю, занимая их целыми семействами, молодых и старых от 5 до 7 дней еженедельно с раннего утра всякий день до поздней ночи; если же у других владельцев и не полагаются барщины более узаконенных 3-х дней, то не исключается из оной дней, в которые случится непогода или кто из крестьян постигнут будет болезнью, и, таким образом, несмотря, что и крестьяне не употребили этого времени в пользу свою, заставляют работать последние дни, что также значит как бы и всю неделю работали владельцу, не получая никакого вознаграждения и имея в расчете за 6 только 3 дня. Крестьяне в такой крайности должны если не владельцу, то для себя заниматься работой и в воскресные праздничные дни и работою очень трудною, чтобы изыскать способы пропитать себя и уплатить подати, взимаемые с них своим порядком. Посему лишаются даже времени быть в церкви, и многие поневоле отвыкли приносить богу жертвы и изгладили религиозные чувства. Сверх того, несмотря на столь отяготительные работы, некоторые владельцы взимают еще с крестьян денежные и вещественные данины как то: куры, яйца, хмель, грибы, орехи и т. п.». Далее, губернатор писал, что особенно притесняют крестьян посессоры, управляющие и экономы, которые сверх обыкновенных доходов из имения, что идут владельцу, извлекают еще доходы лично для себя, «не щадят крестьян, притесняют беспрестанными работами, делая неправильные расчеты при посылках их с транспортом и т. п.». Когда посессор передает имение «в самом жалком состоянии владельцу, сей вместо льготы ищет тех же доходов, которые с трудом извлекал посессор; и как истощение сих сил и средств не доставляют крестьянам приносить те жертвы, трудиться постоянно попрежнему, тогда под предлогом ослушности они получают жестокое наказание. Такое состояние крестьян вовлекает их даже в отчаяние посягать на самоубийства, как обнаруживается очень часто по следствиям, и решает их приобретать способы к содержанию противузаконными средствами»¹.

Преобладавшие на Правобережной Украине польские помещики, питая ненависть к украинскому народу, наказывали своих крепостных не только за уклонение от работы и непослушание, но и за национальность и веру.

Начальник Лубенской жандармской охраны в Волынской губернии нашел у по-

¹ Киевский областной исторический архив. Фонд киевского гражданского губернатора. Секретная часть. Дело № 11 за 1839 год, л. № 5.

мещика села Сморгвы «церковного старосту, богобоязненного старика, скованным двойными железными кандалами: двое других крестьян оказались с набивными колодками, в которых содержались более трех месяцев. Затем был найден еще один крестьянин также в колодках. Вследствие гонений этого помещика, — писал начальник жандармской охраны, — крестьяне начали ослабевать в православной вере и переходить к обрядам католической церкви»¹.

Не удивительно, что слухи о событиях в Галиции вызывали у крестьян Правобережной Украины самые живые отклики и побуждали их также расправиться со своими помещиками, как расправлялись их братья, крестьяне Галиции. Кроме того среди крестьян Правобережной Украины были живы славные традиции их предков. Из уст в уста, из поколения в поколение передавались сказания о Кошивичине. Еще в 1826 году на Киевщине ожидали появления сына Гопты, который будто бы уже предписал всем панам отдать землю крестьянам, а самим выбраться в Варшаву, «а кто не послушается, тех будут истреблять в день пасхи».

В 1846 году генерал-губернатор Правобережной Украины Бибииков получал донесения с мест о намерениях крестьян взбунтоваться против своих помещиков.

Генерал-губернатору доносили, что в разных местах Правобережной Украины крестьяне намереваются то на пасху, то в жатву, то в другое время поголовно вырезать помещиков и шляхту. Крестьяне одной из деревень Владимирского уезда, Волынской губернии, уже приходили к священнику спрашивать, можно ли начать уничтожать панов и будет ли это грех. Толки крестьян о поголовном истреблении господ продолжали ходить и в последующие годы. В 1847 году в селе Кашиперовке, Таращанского уезда, Киевской губернии, крестьяне говорили, что 13 июня в местечке Татиеве во время ярмарки «будут выбирать куколь из пшеницы», т. е. «резать панов и ляхов», о чем будто бы имеется уже «два указа». В Литовельском и Звенигородском уездах крестьяне также собирались вырезать господ. В Бердичевском уезде один из крестьян уверял других, что резня помещиков последует непременно и скоро.

Эти толки произвели переполох среди помещиков, и не только в украинских губерниях. Налуганные галицийским восстанием и слухами о намерениях крестьян, помещики Смоленской губернии, например,

говорили, что если недалеко от них мужики режут помещиков, лет ничего невозможного в том, что и у них скоро начнется то же самое. Не менее смоленских помещиков боялись расправы и помещики Правобережной Украины.

Русское правительство сначала было склонно видеть в галицийском восстании борьбу верных австрийскому правительству крестьян против поляков. Страхаясь роста польского демократического движения в России, оно даже выражало по поводу галицийских событий удовлетворение. Однако с самого начала оно и боялось этих событий. Русское правительство не могло не заметить антикрепостнической сущности крестьянского движения 1846 года в Галиции, и очень скоро оно поняло, что это движение небезопасно для крепостнических порядков не только в Галиции, но и в пределах Российской империи. Николай I писал князю Паскевичу: «Проникающее в Галиции — урок добрый и доказывает еще разом более, что никогда черни воли давать не должно, чего у нас отнюдь не допущу»².

Опасаясь, как бы крестьяне смелых с Галицией губерний не последовали примеру галицийских крестьян, царское правительство весной 1846 года обновило на вошедшем положении Царство Польское, а также губернии Волыньскую, Подольскую, Виленскую, Ковельскую и Гродненскую. Николай I послал предписать находившемуся тогда в Петербурге Бибиикову немедленно вернуться в Киевское генерал-губернаторство и впредь не допускать никаких подобных попыток. Бибииков распорядился иметь строжайшее наблюдение за лицами, которые могут внушать подозрение, арестовывать их и допрашивать, подозрительных и беспаспортных немедленно же высылать в Киевскую крепость под строгим караулом и в кандалах. 2 июня 1846 года генерал-губернатор предписал «весьма секретно» всем земским исправникам: «Донести мне немедленно, не было ли во вверенном вам уезде подобных слухов и из чего они могли возникнуть и какое произвели влияние на крестьян. А между тем тщательно наблюдать, дабы подобные слухи распространяемы не были: рассеивателей в то же время допрашивать, с чего они известились и с какой целью повторяют рассказы о сем. На крестьян же в особенности обратить внимание, чтобы убедиться ближайшим образом, не имеют ли к ним доступа какие враждебные внушения и в какой мере может быть справедливо то, что они предпринимают произвести беспорядки». Кроме того во многие места Правобережной Украины бы-

¹ И. Попруженко «Эпизод из истории польского крестьянства» (1846—1848 гг.). «Исторический вестник» за 1894 год. Т. LVII, стр. 129.

² И. Игнатович «Борьба крестьян за освобождение», стр. 13. М. и Л. 1924.

ли разосланы чиновники особых поручений с целью следить за порядком среди крестьян и внушать им повиновение. То же было поручено духовенству.

Уже по тому, как страшились помещики и правительство толков о поголовном истреблении господ, можно заключить, что положение на Правобережной Украине в 1846 году было крайне напряженным. Только подавляя малейшие проявления крестьянского движения правительство и помещики Правобережной Украины смогли избежать массового восстания крестьян, подобного восстанию в Галиции.

Однако несмотря на обостренную бдительность правительства, в 1846 году на Правобережной Украине было несколько более или менее значительных, хотя и местных, крестьянских выступлений. В этом году волновались крестьяне местечка Турисы, Ковельского уезда, Волынской губернии. Есть предположение, что на крестьян местечка Турисы оказало влияние галицийское восстание. Волновались также крестьяне села Кореличи, Новоградского уезда, той же губернии. Крестьяне Старо-Константиновского уезда, Волынской губернии, принадлежавшие графине Ржевуской, «написав прошение губернатору, стали оказывать ослушание и заставили переменить двух управляющих». Эти их действия повлияли на других крестьян уезда. По поводу волнений в Старо-Константиновском уезде начальник III отделения царской канцелярии и шеф жандармов граф Орлов писал: «...помещичьи крестьяне в Старо-Константиновском уезде Волынской губернии, обремененные работами, и прежде были довольны своими владельцами; ныне же после беспорядков в Галиции, хотя дворяне начали опасаться крестьян и обходиться с ними человеколюбивее, но крестьяне сделались своевольнее и громко выражают свои жалобы. Полагают, что к этому сверх слухов о восстании крестьян на господ своих в Галиции они подстрекаются заграничными простолюдниками, которые под видом продажи ягод и других произведений переходят в наши пределы»¹.

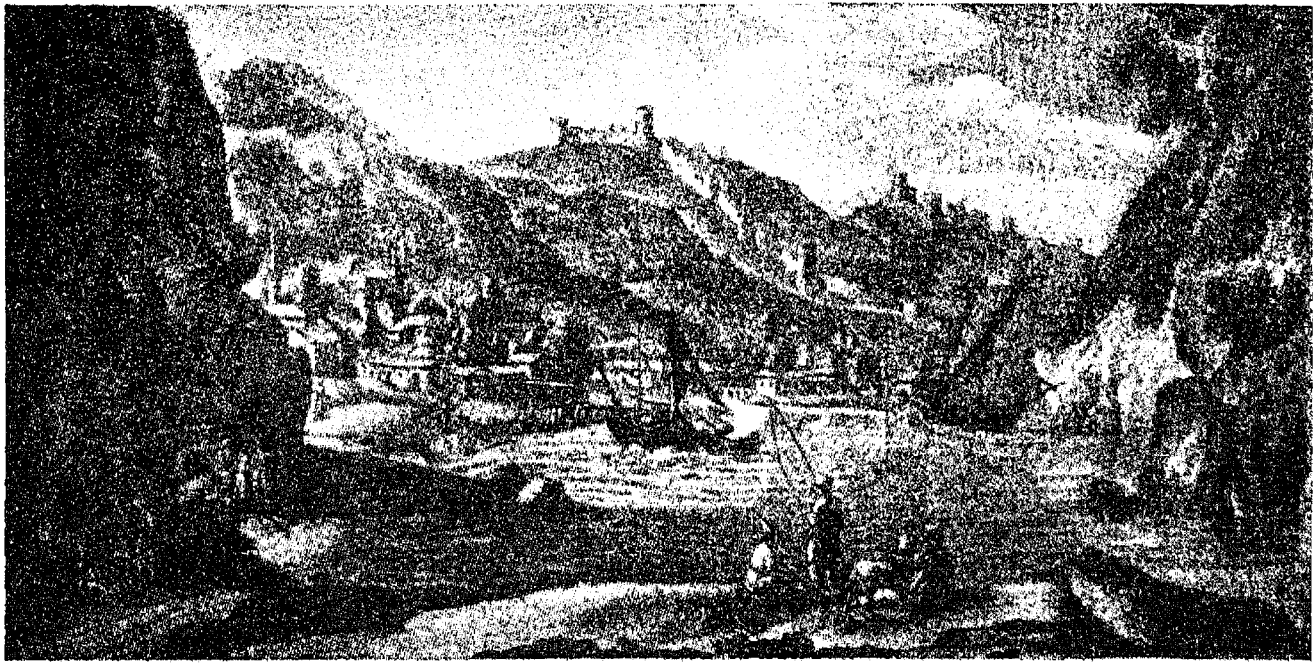
Таким образом, несомненно связь крестьянского восстания 1846 года в Гали-

ции с крестьянским движением на Правобережной Украине. Эта связь вытекала не только из того, что крестьянские массы Галиции и Правобережной Украины были связаны национальной общностью и территориальной близостью, но и из того, что и те и другие находились под гнетом феодально-крепостнической эксплуатации и в равной мере старались сбросить этот гнет. Как в крестьянском восстании в Галиции, так и в крестьянском движении на Правобережной Украине основным содержанием была борьба за волю и землю, против помещиков и польской шляхты. И если на Правобережной Украине борьба в 1846 году не поднялась до такого уровня, до какого она поднялась в Галиции, то причина этого была не в том, что правобережные крестьяне были менее подготовлены к этой борьбе и менее решительны. Крестьянское движение на Правобережной Украине, начавшееся в связи с восстанием в Галиции, не захватило русское правительство врасплох. Еще прежде чем среди крестьян успела распространиться достаточно широко весть об истреблении господ в Галиции, правительство уже успело принять решительные меры для предотвращения грозившей ему опасности. Были мобилизованы все силы, охранявшие крепостнический порядок и самодержавие, и движение не поднялось до уровня общего крестьянского восстания.

Однако, несмотря на то что крестьянское движение на Правобережной Украине не вышло за пределы отдельных местных волнений и правительству удавалось подавлять каждое изолированное выступление, самодержавие было напугано. Оно сознавало, что карательных мер недостаточно и что нужно в какой-то степени регулировать отношения между крестьянами и помещиками. Вибиков после галицийского восстания начал особенно энергично вводить обязательные инвентари в помещичьих имениях Правобережной Украины. Инвентари эти должны были установить размеры крестьянских повинностей по каждому имению, сверх которых помещик не имел права ничего требовать от крестьян. Инвентари были введены в 1847—1848 годах, но они не препятствовали помещикам усиливать эксплуатацию и угнетение крепостных и не могли помешать росту крестьянского движения. Наоборот, после их введения крестьянское движение на Правобережной Украине стало развиваться с новой силой.

¹ И. Игнатович «Отражение в России крестьянского движения в Галиции 1847 года. Сборник «Трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета». Вып. 5-й, стр. 203. 1923.

Б. Вольфсон,

кандидат исторических наук

Присоединение Крыма к России в 1783 году

1

До присоединения Крыма к России крымские степняне татары мало занимались земледелием. Несмотря на высокую плодородность крымской земли обрабатывались только участки, расположенные вдоль берегов рек и ручьев. Преимущественным занятием населения было скотоводство при кочевом образе жизни. Большие стада овец, белых двупорбых верблюдов и табунны лошадей паслись на обширных равнинах Тавриды. Все земли принадлежали турецкому султану, крымскому хану, феодалам — мурзам и беям. Султану принадлежали земли всего южного берега Крыма (110 деревень), Яйла, Судакская долина, Керченский полуостров и Подгорный массив. Хану принадлежали соляные озера, торы, простиравшиеся по долинам рек Салгира, Альты, Качи, и все так называемые пустующие земли. Мурзы владели большими массивами земли, арендованными ими и полученными в дар от ханов и султанов. Мурзы в свою очередь сдавали землю в аренду на кабальных условиях крестьянам.

С крестьян мурзы принимали натурой: $\frac{1}{10}$ часть от урожая хлеба, фруктов, сена, льна, от продукции пасек и багштанов, 5% — от мелкого скота и птицы. За овец и за землю мурзы принимали денежную плату. Кроме того крестьяне облагали еще разными поборами муллы. Несмотря на то что крестьяне-татары не были лично закреплены, они работали на земле своих господ без ограничения времени, так как продолжительность барщины устанавливали владельцы земель.

Сельскохозяйственная техника была на очень низком уровне. Плуги имелись только у зажиточных крестьян. Наиболее распространенный метод пахоты был следующий: плуги волочило юсупарника, троеух которых клали тяжелое бревно, талцли по земле. После такой «обработки» земля сеяли просо. Не удивительно, что хлебопашество в Крыму было тогда малодоходным и малораспространенным делом. Крымские татары-крестьяне вели нищенскую, голодную и бесправную жизнь.

Татарские князья заводили у себя роскошные гаремы по образцу турецких, содержали большое количество слуг и вели праздный образ жизни. Князские подя

обрабатывали не только татарские крестьяне, но и рабы¹. Феодалов мало интересовало состояние их хозяйства, так как средства к жизни они черпали в набегах на украинские селения. Эти набеги в XVII веке совершались с помощью турецких янычар. Награбленные имущества феодалы присваивали себе, а вынужденный хлам отдавали своей многочисленной и голодной «свите», которая была самым жалким образом жизни.

Классовая борьба в ауле принимала иногда очень острые формы. Исследователь истории Крымского ханства Ф. Хартхайм писал: «Познее сословие в крымской юрте представляется нам народом, отделившимся на волю и раздробленным сословиями высшим. Едва успеет какая-нибудь группа кочевых людей образовать из себя аул для постоянного жительства и домоводства, как незамысленным образом этот аул попадает под иго какого-нибудь счастливица, подведенного хану коня. Один из них получает право на известную часть дохода, другой получает право на 11 рабочих дней, а третий получает в безводном пространстве колодезь и, сидя над его отверстием, взимает плату за право водопоя»².

Крымско-татарское ханство никогда самостоятельной политической роли не играло. Во второй половине XV века Турецкая империя, завладев южными берегами Черного моря и выходя из него, приступила к завоеванию Крыма. С 1478 года Крымское ханство стало вассальным отпущением к Турции. Без согласия турецкого султана ни один татарский хан не мог вступить на престол.

Обряд посвящения в Стамбуле нового крымского хана был такой: султан вызывал к себе кандидата в ханы, тот падал перед ним ниц и целовал край его одежды. Тем временем слуги султана надевали на хана кафтан,шитый золотом, саблю с золотой рукояткой, осыпанной алмазами; на голову ему надевали чалму с бриллиантовым пером, а на плечи клалли кожаный сарыч со стрелами. При этом султан говорил хану: «Ты воспитан моими щедротами, сейчас я даю тебе ханство, и я посмотрю, каков ты. Ты должен быть мне благодарен, поэтому бойся моего гнева и будь доволен моей милостью». Затем хана выводили на улицу, сажали на коня и в сопровождении отряда янычар отправляли к

берегу моря, где его ждал парусник. Отряд янычар сопровождал хана до Евпатории, а оттуда до Бахчисарая, где он в присутствии населения и турецких чиновников под барабанный бой торжественно занимал ханский престол.

Г. де Шейссонель, французский консул в Крыму, живший в Бахчисарае при трех ханах: Арслан-Гирее, Алим-Гирее и Крым-Гирее, — т. е. до 1758 года, и внимательно изучивший быт, нравы и государственное устройство татарского ханства, писал в своей книге:

«Татарские ханы так подчинены турецким императорам, они с такой покорностью несут ярмо, возложенное на них, что очень редко случается, чтобы они всходили на престол без Турции. Они удовлетворяются тем, что интригуют для достижения своей цели в Порте, они занимают свой пррон смиренно и покидают его безропотно»³.

Воевать и заключать мир крымский хан должен был, исходя из интересов турецкого султана. Во всех бесчисленных войнах, которые вела Турция, на стороне ее участвовали крымские татары.

Слабость ханской власти еще увеличивалась тем, что с ханом соперничали сильные местные феодалы. Заместитель хана и его военачальник — кашга и нуреддин — были пожизненными владельцами обширных земельных угодий и нередко оспаривали у хана власть. Весь Крым был поделен на пятнадцать «бейликов» (княжеств), владельцы которых, беи, бесконтрольно управляли своими подданными. Беи часто против воли ханов затевали набеги на государство, с которыми Крым был в союзе. Мусульманское духовенство во главе с муфтием представляло собой независимую от хана феодальную организацию, расплачивавшуюся крупными владениями и пользовавшуюся большим влиянием на крымские дела.

Крым был для господствующих классов Турецкой империи источником обогащения.

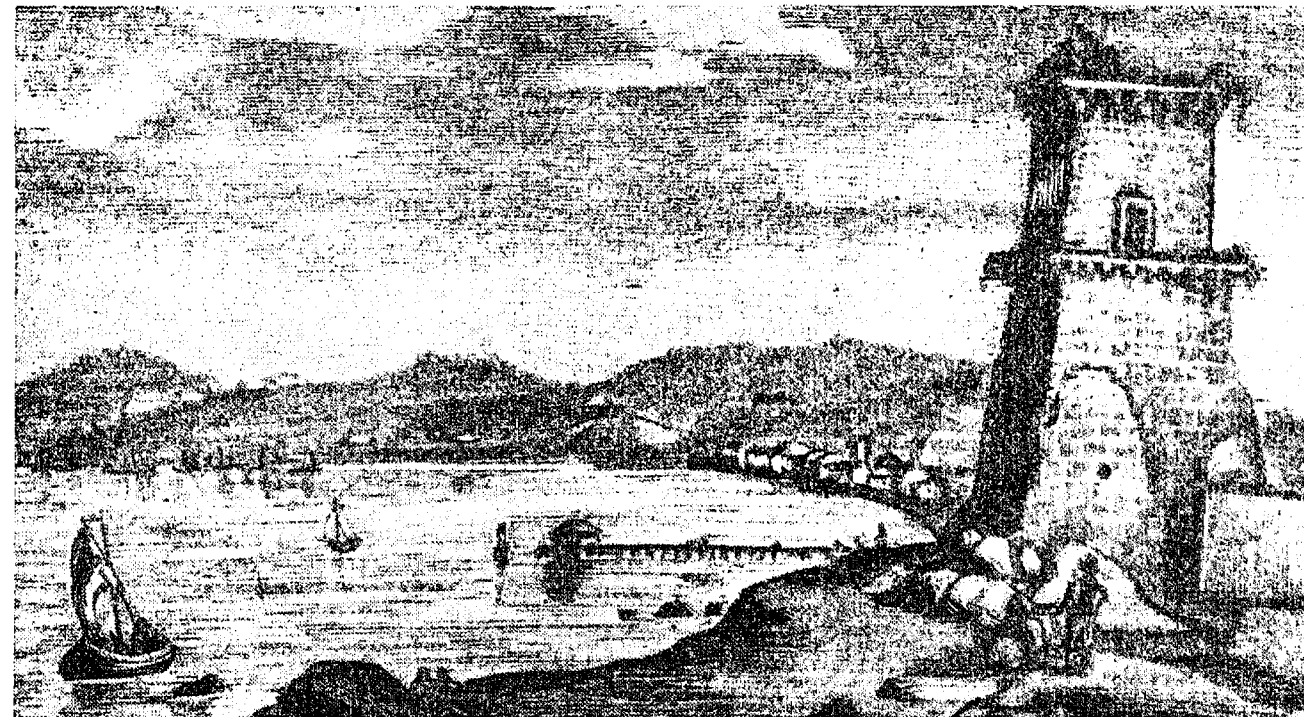
Турецкие султаны ежегодно присылали в Крым своих эмиссаров, которые отвозили на кораблях в Турцию огромные суммы денег и драгоценности, собранные с населения в виде дани и налогов. По требованию султана ежегодно десятки тысяч татар отправлялись в Турцию для военной службы. Рабыни для гаремов, мед, лучший скот, пленница, меха, золото отправлялись в Турцию в огромном количестве. Татар-крестьян, не имевших средств для уплаты налогов, ставили к соляным озе-

¹ Применение рабского труда и работорговля в конце XVIII века были присущи не только крымским феодалам. В Дагестане, Черкессии, где феодализм также пустил глубокие корни, применение рабского труда и работорговля сохранились еще к началу XIX века (например в Южном Дагестане, Казикумухе, в Аварии и т. д.).

² Ф. Хартхайм «Исторические судьбы крымских татар», стр. 230. 1866.

³ Г. де Шейссонель «Трактат о торговле на Черном море». Париж. 1787. Подлинник на французском языке.

Остатки древней Каффы.

С гравюры XIX века.

рам, где они добывали соль наравле с осужденными на смерть преступниками.

До самого последнего дня существования ханства в Крыму процветала торговля рабами. Г. де Шейссонель, объехавший весь Крымский полуостров и лично беседовавший с ханами, вельможами, купцами и крестьянами, рассказывает:

«Торговля невольниками в Крыму чрезвычайно значительна. Черкесы платят дань татарскому хану рабскими в установленном количестве. Этот государь посылает их в Константинополь к султану и должностным лицам Порты, а также направляет ими окружающих лиц и турецких чиновников, приезжающих к его двору с поручениями от османского правительства. Купцы из Константинополя и из других мест Анатолии и Румелии приезжают в Каффу (Феодосия) для покупки невольников. Хан приобретает их также ежегодно в большом количестве, независимо от тех, которых получает от черкесов. Он сохраняет за собой право первого выбора, а когда прибывает толпа невольников, никто не имеет права покупать, пока хан не сделает выбора. Невольники являются товаром, на который невозможно установить цену. Они бывают всех возрастов, начиная от детского возраста и кончая дряхлыми. Разные слабости, для которых они предназначаются: полнота, красота, возраст, традиция, способности, сила, здоровье, соответствие требованию, — от этого зависит их цена, которая колеблется между 60 и 5—6 тысячами пиастров»¹.

Многие путешественники рассказывали, что город Каффа (Феодосия) был мировым производственным рынком, где сконцентрировано до 30 тысяч рабов из Литвы, Польши, Украины и Кавказа. Их пригоняли на рынок, прикованных друг к другу цепями около пяти по 10 человек, продавали с аукциона и увозили в Турцию, Персию, Индию, Португалию, Египет и другие страны. «Хотя Крымские татары имеют стада, обильно плодящиеся, однако пленными рабами они богаче и потому слабеют ими и другие земли»², — писал один современник.

О жизни и быте рабов в Крыму рассказано в работе Михалона Литваша, которого цитирует Ф. Хартахай:

«Те из этих несчастных, которые по сильней, часто, если не делаются кастрами, то клеймятся на лбу и щеках и, связанные или скованные цепями, мучатся днем на работе, ночью в темницах, и жизнь их поддерживается небольшим количеством пищи, состоящей в мясе дохлых животных, ицилом, покрытом червями, отвратительном даже для собак»³.

По праздникам над рабами потешались: ставили больших, стариков и детей к базарной стене и упражнялись в стрельбе по ним как по живым мишеням.

О том, что в Крыму в XVI и XVII веках имелось большое количество рабов (так называемых «военнопленных»), свидетельствуют многочисленные источники. Известный турецкий историк, путешественник XVII века Эвлия-Челеби, рассказывает,

² Андриановский «Крымские татары», стр. 13. Киев. 1892.

³ Ф. Хартахай «Исторические судьбы крымских татар», стр. 235.

¹ Г. де Шейссонель «Трактат о торговле на Черном море».

что скопление огромного количества рабов затрудняло их охрану. Каждую ночь десятки и сотни молодых рабов и рабынь убегали на Украину через Перекопский перешеек. Это привело работодателей и рабовладельцев к мысли о постройке у Перекопа заградительного. Этот замысел был поддержан ханом Магомет-Гиреем II Жирчим (1577—1584). По его распоряжению был вырыт канал длиной в 8 тысяч шагов, шириной в 20 шагов и глубиной в 7 шагов, соединивший Азовское море с Черным морем. Когда вода залила канал, то Крым превратился в остров. По этому каналу проходили караваны и даже небольшие корабли. Перекопский канал служил не только для предотвращения побегов рабов из Крыма, но и для защиты ханства от набегов казаков.

О том, как «заботились» султаны и ханы о развитии производительных сил Крыма и благосостоянии татарского народа, можно судить по следующему рассказу Пейссонеля: «В 1755 году Арслан-Гирей-хан, государь с пропитательным умом, удостоил меня разговором о разных предметах, относящихся к управлению государством. Я воспользовался этой обстановкой, чтобы поделиться с ним некоторыми своими соображениями о способах к умножению населения Крыма и его торговли. Я взял на себя смелость убеждать его, что в этой самой прекрасной части его владений имеется много неиспользуемых земель и рабочих рук. Я просил его обратить внимание на необозримое пространство необработанных степей, начиная от ручья Булгашака и до самого Перекопа; здесь с трудом можно найти несколько обработанных полей; далее, посмотреть на бесчисленное число крепостных, сильных и праздных, влчачащих бесполезное и несчастное существование в свитах всяких мелких музр, но имея никакого иного занятия, как только сопровождать их, и никакого иного вознаграждения, кроме скотской жизни. Я дал понять этому государю, что можно было бы ограничить дворян в пределах точного количества прислуги, которых положение обязывает их содержать, и затем распределить действительные земли среди этих праздных крепостных, которые, не имея на что содержать себя, стареются и умирают в безбрачии. Я добавил, что государь мог бы выдать в виде ссуды небольшой капитал, пугальный на приобретение волов и инвентаря, необходимого для расчистки и обработки земли, которая давала бы урожай зерна и даже хлопчатника, растущая, но нуждающегося в орошении, и что эти новые землевладельцы выработали бы своим трудом средства, необходимые для содержания семьи, и были бы в состоянии умножать число

соддат и земледельцев. Государь этот в заключение заявил, что дворянство слишком могущественно в Крыму, а монарх не имеет достаточно абсолютной власти, чтобы пытаться проводить подобные нововведения. Далее, он подчеркнул, что продолжительность пребывания всякого хана на престоле зависит всецело от воли и каприза турецкого императора, поэтому всякий государь не уверит в том, что продержится на троне достаточно время, чтобы суметь выполнить подобные проекты, которые его пресмыка, может быть, разрушит до основания, вместо того чтобы приложить старания к их усовершенствованию»¹.

О том, что экономика Крыма до присоединения его к России была на крайне низком уровне, можно судить по предметам вывоза и ввоза. При татарских ханах из Крыма вывозились невольники, рабыни для гаремов, шерсть, воловьи и бараньи шкуры, вино (в особенности судацко-козское), соль, меха, мед и т. д., ввозились деготь, мыло, полотно, хлопок, сахар, посуда, стекло, веревки, пенька, железо, иголки и другие товары.

Таким образом, главными предметами вывоза из Крыма были рабы и сельскохозяйственное сырье, а предметами ввоза — промышленные товары.

Другие источники подтверждают свидетельство Пейссонеля. Азиатский деспотизм, насаждавшийся многочисленными султанскими эмиссарами в Крыму, тормозил и губил всякую живую мысль, изгонял и вытравлял в зародыше науки и искусства.

На Крым турецкие султаны смотрели как на свою колонию, как на плацдарм для войны с Россией. Они выстроили в Крыму много крепостей — на Арабатской стрелке, в Феодосии, Евпатории, Перекопе, Керчи (Ени-Кале), Севастополе (Ахтиаре), Тамани и др. В этих крепостях содержались турецкие гарнизоны. Так, на Перекопе было 1200 янычар, в Гезлеве (Евпатории) находился отряд янычар в 3 тысячи человек и т. д. Все дороги, стратегические пункты и порога находились в руках турецких визирей, которые могли в любую минуту парализовать действия ханов, если только это было желательно султану. Турецкие посланцы вели себя в Крыму, как настоящие неограниченные властители. За малейшее неповиновение татар избивали палками по пяткам. Турецкие визиря рубили головы своим противникам и сажали на кол кого угодно по своему усмотрению. Турецкие эмиссары интриговали, смещали ханов, разжигали распри между татарскими феодалами, искусственно насаждали в Крыму турецкий язык, турецкие законы, обряды и обычаи

¹ Г. де Пейссонель «Трактат о торговле на Черном море».

и воспитывали татар в духе ненависти к украинскому и русскому народам. Все уездные судьи, муллы и все высшие должностные лица были ставленниками султана. Деньги, веса и меры допускались только турецкие. Дома, мечети, бани строились только в турецком стиле. Торговая связь Крыма с Европой была крайне стеснена, так как Порта ревниво следила за тем, чтобы товары, привозимые турецкими торговцами из других стран, не имели в Крыму конкурентов. Ни один корабль без разрешения Турции не мог подойти к крымским берегам. Неоднократные попытки торговцев Испании, Дании, Гамбурга, Венеции, Пруссии и других стран добиться от Турции разрешения вывозить товары в Крым не имели успеха. Крым, некогда бывший оживленную торговлю со странами Средиземного моря и Востока, превратился в глухую турецкую провинцию.

Географическая близость Крыма к Украине и Восточной Европе связывала крымских татар с украинским и русским народами. В конце XV — начале XVI века, при московском великом князе Иване III и крымском хане Менгли-Гирее, между Москвой и Крымом существовал союз против Польши и Литвы. Но султанская Турция делала все возможное, чтобы направить крымских феодалов на украинский и русский народы.

Истории известны попытки сближения народов Украины с крымскими татарами. Так, в 1648—1653 годах Богдан Хмельницкий состоял в союзе с крымским ханом для совместной борьбы против польской шляхты. Но когда наступал решительный момент, татарские ханы, подкупленные польской шляхтой, изменяли Хмельницкому. Иногда татарские ханы даже обращали свое оружие против Хмельницкого, вероломно захватывая в плен украинских воинов. Так было под Зборовым в 1649 году, под Берестечком в 1651 году и т. д.

2

Нельзя сказать, чтобы все крымские ханы слепо повиновались турецкому султану. Некоторые ханы пытались освободить Крым от ита султана, но все такие попытки обычно кончались трагически для их инициаторов. Каждый шаг крымского хана, окруженного несметным количеством турецких интриганов и шпионов, скрывавшихся под масками муллы, кадия, халифа¹, был известен султану.

Хан Магомед-Гирей, не угодивший турецкому визирю, по приказу султана был убит вместе со всеми своими чиновниками.

¹ Кадий — мусульманский духовный судья; халиф — мусульманский проповедник.

Сменивший его Ислям-Гирей был сослан султаном на остров Родос. Ислам-Гирей (1633—1636) по приказу султана был убит вместе со своим братом.

Лучшие представители татарского народа самоотверженно добивались отделения Крыма от Турции. В этом отношении характерна история двух крымских ханов: Крым-Гирей и Шагин-Гирей, — которые отличались от своих предшественников, грубых и жестоких деспотов, патриотизмом, честностью, культурностью.

Крым-Гирей в 1758 году прибыл из Турции и занял ханский престол по приказу султана. Он был европейски образованным человеком и видел явную отсталость Крыма от соседней России. Во время своего ханства Крым-Гирей пытался преобразовать страну, собирается завести дружественные отношения со всеми европейскими странами. Но об этих замыслах узнал турецкий султан, и хан был отравлен приехавшим из Турции «лекарем».

Последний крымский хан, Шагин-Гирей², учился в Салониках и Венеции. Он был знаком с историей, литературой, искусством и в молодости написал много хороших стихов. Став крымским ханом в 1777 году, Шагин-Гирей пытался бороться с темнотой и предрассудками, которые наследовались в Крыму турецким духовенством.

Внутренний застой Крымского ханства, постоянная опека и грубое вмешательство османской Порты во внутренние дела Крыма, частая и беспредельная смена ханов, делавшая невозможным разумное управление ханством, возмущали Шагин-Гирея.

Он презирал и ненавидел турецких султанов и их визирей.

Он хотел избавить татарский народ от турецкого ига и с помощью черкесов создать большое независимое от Турции государство³.

² Необходимо отметить, что многие историки незаслуженно очернили имя Шагин-Гирея. Меньше всего мы должны верить тем, которые повторяли вслед за татарскими буржуазными националистами слова «предатель», «подкупленный Екатериной» и т. д. Известные нам факты о Шагин-Гирее показывают, что он был передовым человеком своего века, стоявшим неизмеримо выше своих предшественников.

³ Об этих стремлениях Шагин-Гирея русский резидент в Крыму Константинов писал графу Панину: «Дух» его не хочет ограничиться тесными пределами Крыма: он постоянно имел в виду Кавказ, из жителей которых надеялся иметь храбрых воинов, а из недр его неисчерпаемые богатства, ибо уверен в существовании множества металлов в кавказских горах, теперь же, видя Порту, стремящуюся захватить Кавказ, страшно тоскует».

Шагин-Гирей говорил своим друзьям: «Неужели из-за общности религии Крым должен быть связан с Турцией? На свете очень много мусульманских государств, но они отнюдь не связаны с Турцией»¹.

Везде весто Шагин-Гирей отобрал у турецкого духовенства вакуфные земли и передал их в руки крестьянских обществ за выкуп. Он поощрял обработку пустынных земель. Он уравнивал в правах христиан с магометанами и вернул России всех обращенных в рабство военнопленных христиан. Шагин-Гирей беспощадно истреблял любителей легкой наживы, грабивших украинские поселения, и ярых сторонников султана.

В отличие от других ханов, которые рабски подражали обычаям Турции, Шагин-Гирей бросил вызов косяким традициям турецкого быта и старался все менять в своем ханстве на европейский лад. Старая столица Крыма, Бахчисарай, была местом, где сосредоточивались реакционеры и приверженцы Турции. Шагин-Гирей приступил к строительству новой татарской столицы в Фодосени. Он начал сооружать новый монументальный двор и стал чеканить свою монету, аннулируя тем самым турецкие деньги. Для этого он выписал из России 50 пудов серебра и 300 пудов свинца. Хан выстроил пороховой и литейный заводы, заложил фрегат. Он ввел перепись населения по европейскому образцу и обязал своих казначеев вести точный учет прихода и расхода денег. Он выписал из-за границы ученых, врачей, офицеров, архитекторов, художников, лесоводов, археологов и других специалистов, завязал широкие дипломатические связи с европейскими государствами, отобрал 40 молодых татар и послал их учиться в петербургские школы и гвардейские полки.

Шагин-Гирей искоренял азиатские обычаи и в своем личном быту: он ел, сидя за столом и пользуясь вилок и ложкой, в то время как татары ели руками, сидя на земле. Он ездил в европейской карете (обычно ханы ездили верхом), носил европейский костюм, позволил художнику писать с себя портрет (магометанская религия запрещает делать изображения людей), перестал брить, по мусульманскому обычаю, голову. Он заставлял своих чиновников жить по-европейски.

Естественно, что хану-новатору пришлось выдерживать яростные атаки реакционеров — сторонников Турции. Духовенство немедленно отлучило его от мусульманской церкви, объявив его отступником от Магомета. Турецкий эмиссар Сулейман Ата направил на хана мусульманских фанатиков.

В стране разгорелась гражданская война между татарским народом и татарско-турецким духовенством, ведшим за собой наиболее отсталые слои населения. Царская Россия не осталась в стороне от этой борьбы. Зная об антитурецкой ориентации Шагин-Гирея, она поддерживала его действия против султанских агентов в Крыму.

3

Чем более слабело Крымское ханство вследствие турецкого владычества и внутренних неурядиц, тем менее успешны были попытки Турции использовать Крым для борьбы с Россией. Последний крупный набег крымских татар на русские и украинские земли относится к 1769 году, когда Турция начала войну с Россией, воспользовавшись тем, что часть русской армии участвовала в военных действиях против Польши. Набег окончился полной неудачей: в 1770 году русские войска под командованием Румянцева наголову разбили татар близ реки Ларги.

Московское государство, превратившееся в начале XVIII века в Российскую империю, все более настойчиво стремилось подчинить своему влиянию Крымское ханство.

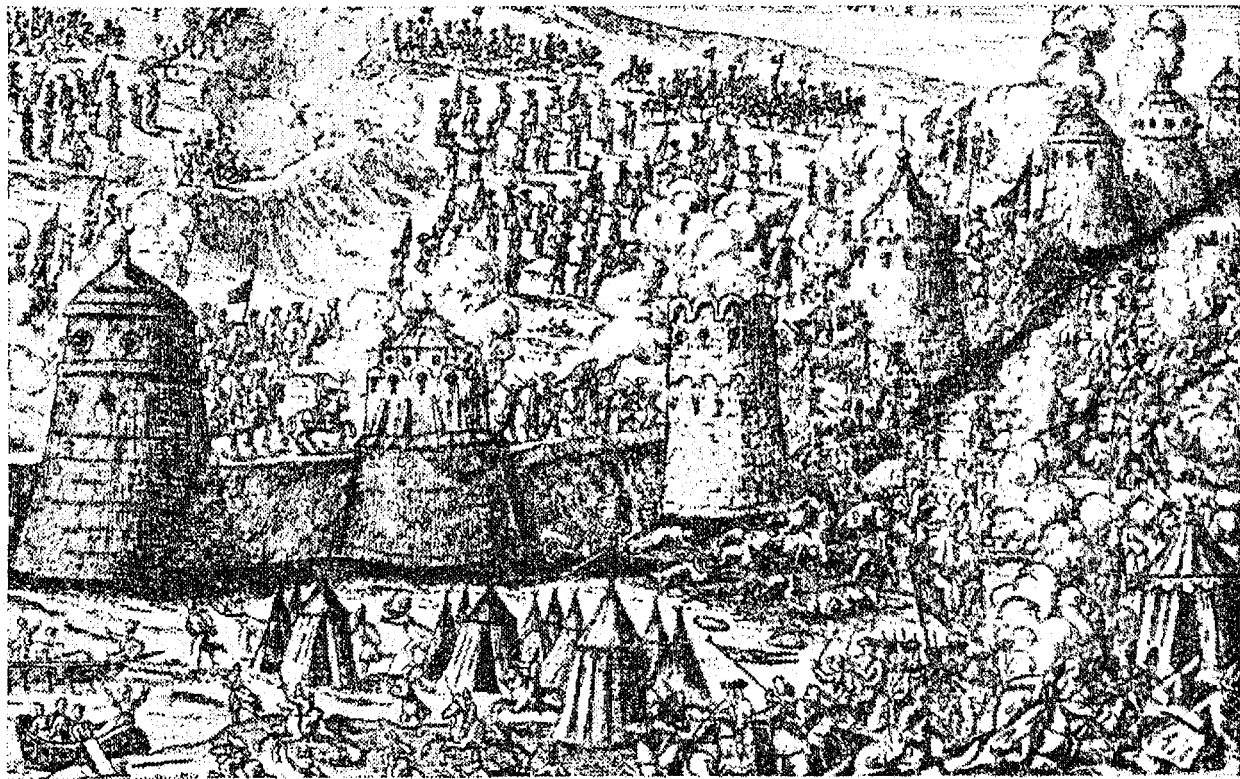
Россия давно добивалась выхода к Черному морю. Ей необходимы были черноморские порты для усиления товарооборота и расширения связей с другими странами. Но если в XVI и XVII веках походы русских войск на Крым не отличались особым упорством и настойчивостью, то в XVIII веке они стали более организованными и более успешными.

В 1736 году, в царствование Анны Ивановны, фельдмаршал Миних разбил армию крымского хана Баллан-Гирея у Перекопа и занял степную и предгорную части Крыма. Карасубазар был сожжен, Евпатория разрушена, а Бахчисарай и Ак-Мечеть превращены в пепел. Татарские деревни также разрушались и сжигались. Уцелела лишь та часть населения, которая успела бежать в горы.

Однако укрепиться шатлою в Крыму Миниху не удалось. Ему пришлось вернуться на материк.

В следующем году Миних, обойдя войско хана Менгли-Гирея, ожидавшего русские войска у Перекопа и у Арабатской стрелки, переправил свою армию на плотах через Сиваш, вторгся в Крым и отступил западную его часть. Миних уничтожил большую часть войск хана, освободил в Карасубазаре большое количество пленных-христиан, сжег около тысячи деревень, но и на этот раз был вынужден оставить полуостров, так как его армия не была обеспечена продовольствием.

¹ С. М. Соловьев «История России с древнейших времен». Т. XXIX.

Победа войск Миниха над крымскими татарами 31 мая 1736 года.
О гравюры Бека.

В 1738 году друпой русский полководец, граф Ласси, преследуя войска хана Менгли-Гирея, вторгся в Крым через обмелевший от западных ветров Сиваш, зашел в тыл войскам татарского хана, разгромил его армию и опустошил западную часть полуострова. Но и ему пришлось поспешно вернуться в Россию, так как опустошенная и разрушенная предыдущими походами крымская степь не могла прокормить опрощную русскую армию. Небольшую выгоду получила Россия от истребления и уничтожения татарских деревень, а русскому народу эти походы стоили свыше 100 тысяч человеческих жизней.

Последний поход русских войск в Крым состоялся в 1771 году под командованием князя Долгорукого, занявшего весь полуостров.

Ослабевшая после многочисленных войн оттоманская Порта вынуждена была пойти на уступки России. В 1774 году, по кучуккайнарджийскому миру, Крымский полуостров был объявлен независимым от Турции. Россия получила крепости в Керчи (Ени-Кале), Кипурне. Крымское ханство и земли, лежащие по реке Кубани, были признаны независимыми от Турции. Русские суда стали свободно плавать в Черном море.

Все же Крым еще не принадлежал России, и Екатерина, вместе с Потемкиным, не спешаясь в выборе средств, стремились сделать все для того, чтобы Крымский полуостров стал частью Российской империи.

Толкало Россию на захват Крыма и то обстоятельство, что начиная со второй половины XVIII века усишились торговые отношения на Черном море. Французский консул в Крыму Г. де Шейссонель добивался превращения Крыма в рынок сбыта французских товаров и даже претендовал на то, чтобы Франция овладела всей торговлей на Черном море.

Шагин-Гирей, вступивший на ханский престол в 1777 году, проводил руссофильскую политику, но держал себя независимо и с достоинством, а это раздражало Екатерину, желавшую видеть в Шагин-Гирее своего холопа.

В 1778 году императрица приказала вывести из Крыма всех христиан: греков, армян, грузин, — в руках которых были сосредоточены ремесла и вся торговля в крае. Этим распоряжением Екатерина хотела поставить экономическую жизнь Крыма в полную зависимость от России и подорвать финансы хана, так как христиане были основными налогоплательщиками в Крыму. Из Крыма были выведены 31 386 человек. Хозяйство Крыма пришло в упадок. Доходы хана резко сократились, но он попрежнему стремился сохранить свою независимость.

В 1782 году Екатерина неожиданно прислала хану 12 тысяч рублей серебром на содержание его семьи. В это же время она добилась от Шагин-Гирея разрешения русскому флоту зимовать в Севастопольской бухте. Велед за этим русский посол в Бахчисарае князь Веселницкий потребо-

вая от хана уступить России Актарскую гавань (у Азовского моря). Беспрепятственное требование князя возмущило Шагин-Гирея, пропавшего, что 12 тысяч рублей, подаренные ему Екатериной, попросту означали посылку его подкупить. Хан отказался от этих денег. В письме Весселицкому от 28 августа он писал:

«...Что же касается до 12 000 рублей, которые мне пожаловали от всепресветлейшей императрицы моя всемилостивейшую покровительницу из единой монаршей милости без всяких моих заслуг на мое столовое содержание, яко прибывшему к ея империи, то оного дела с упомянутыми не вмешивать...»¹.

В том же году Потемкин советовал Шагин-Гирею «добровольно» оставить ханский престол.

Турецкие эмиссары сумели использовать недовольство части крымского населения феодальным гнетом и вызвали восстания против Шагин-Гирея, который долгое время был вынужден скрываться в горах. Поверив затем обещаниям Екатерины и Потемкина, что Крымское ханство будет независимым от Турции и России, Шагин-Гирей обратился к России за военной помощью. Русские войска заняли Крым в апреле 1783 года. Мятельники — сторонники Турции — были вынуждены бежать.

Но когда Крым был занят русскими войсками, Потемкин вызвал Шагин-Гирея в Петербург, к цариче. Шагин-Гирей упорно не хотел оставить Крым. Генералу Игельstromу удалось насильно отправить Шагина в столицу. Там хан узнал, что Екатерина отказалась от своего обещания. Потемкин посоветовал Шагину остаться в России и предложил ему ежегодную пенсию в 200 тысяч рублей. Тем временем в Крыму власть хана перестала существовать. С помощью русских войск, прочно укрепившихся в Крыму, были учреждены новые органы царской власти. Шагин-Гирей очутился в безвыходном положении. Он отказался от заманчивого предложения Потемкина и решил вернуться в Крым. Но в Воронеже Потемкин задержал хана, и с этого момента Шагин-Гирей вынужден был жить под надзором полиции. Только в 1787 году Шагин-Гирей добился разрешения на выезд из России. Он решил уехать в Италию через Турцию, где надеялся повидаться с друзьями. В этом же году Шагин с огромной свитой выехал в Турцию, но там он был обезглавлен по приказу султана.

Исправительно было бы считать присоединение Крыма к России результатом личных столкновений между Шагин-Гиреем и

Потемкиным. Поглощение Крыма Россией было predetermined быстрое развитие военного могущества России, которой необходим был выход к Черному морю.

4

Захватив Крым, Екатерина 8 апреля 1783 года опубликовала манифест, согласно которому «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу Всероссийскую». Желая привлечь на свою сторону и использовать в интересах русского самодержавия верхушку татарского общества, Екатерина предоставила баям права российского дворянства. Крым был переименован в Таврическую губернию. Россия получила выход к Черному морю. Многовековой борьбе Турции и крымских ханов с Россией был положен конец. Крымский полуостров из колонии султанской Турции превратился в колонию крепостнической России.

Степная часть Крыма и города, расположенные в его предгорной части (Феодосия, Евпатория, Бахчисарай), не оправдывались еще от опустошительных походов Миниха, Ласси, Долгорукого и других. Торговля и кустарная промышленность были парализованы вследствие вывоза из Крыма христиан, увезших с собой все ценности. Земля не обрабатывалась, так как крестьяне из-за постоянных феодальных междоусобиц и политических перемен не надеялись снять урожай.

Тяжкой оставалась жизнь народных масс Крыма при царском владычестве. Внутренние волнения и восстания среди татар не прекращались. Заподозренные в агитации или в симпатиях к Турции наказывались беспощадно. «Умиротворение» края произошло только после истребления значительной части крымских татар.

В донесении из Барасубазара в Петербург от 28 апреля 1783 года писалось следующее:

«Экзекуция продолжалась тайно от его сиятельства и еще над некоторыми преступниками, при коей и упомянутые в письме 46 человек наказаны каторгой, битьем плетью и некоторым урезанием ушей: ныне же по всему Крыму состоит спокойно»².

Чтобы оградить Крым от дальнейших интриг султана, земли, лежащие между татарскими деревнями и большими дорогами, по специальному указу Екатерины, были заселены отставными русскими солдатами. Оружие: ружья, сабли, кинжалы, пистолеты — было отнято у татар, а табуны лошадей угнаны за Перекоп. Кубанских ногайцев Потемкин распорядился пе-

¹ Исторический архив Крымской АССР, ф. 154, дело № 2558, л. 40.

² Там же, л. 1.

Екатерина II во время путешествия по Крыму.
1787 год.

О гравюры XVIII века.

реселить в Тамбовскую, Саратовскую губернии и на Урал. 1 августа 1783 года выведенные из родных мест ногайцы взбунтовались, отказались идти в далекие, неведомые края и устремились обратно на Кубаль. Потемкин жестоко расправился с непокорными ногайцами.

В 1784 году Екатерина решила показать миру свое новое приобретение. Она изъявила желание совершить путешествие по Крыму в сопровождении иностранных представителей.

Подготовка к встрече императрицы началась еще за три года до ее поездки. Князь Потемкин не пожалел ни денег, ни трудов, чтобы показать с наибольшим блеском и пышностью новые русские владения.

Маршрут путешествия царицы был выработан заранее. По всему пути местные власти стали исправлять дороги, мосты, устанавливали каменные верстовые столбы, дорожные знаки, рыли колодцы и т. д. В Херсоне, Перекопе, Феодосии были наспех выстроены путевые разборные деревянные дворцы. На каждой станции стояли наготове от 400 до 500 лошадей для Екатерины и ее свиты.

Все работы, связанные с приездом Екатерины, производились ускоренными темпами. Ввиду недостатка рабочих рук губернатор разрешил использовать воинские команды, стоявшие в Крыму. В Киеве, Чернигове и других городах вербовались плотники, столяры, кузнецы и в особенности маляры. Из Москвы привозили ме-

бель, посуду, украшения и пр. Все покосившиеся старые домики были снесены, на их месте возводились новые, иногда бу-тафорские. В некоторых пустынных степях были возведены дома, сараи, целые деревни с новыми постройками, чтобы создать у гостей иллюзию заселенности и благоустроенности края.

О размахе этих работ можно судить по приказу Потемкина от 3 апреля 1785 года:

«...Камня и кирпича заказать готовить большое количество у Ак-Мечета, где будет губернский город Симферополь, готовить также материалы на местах, где назначаются гостиницы, коим я пришло планы.

Не упустить строить соляные магазины у озер. В Севастополе подрядить готовить камень для строения, завезть по способности кирпичный завод и черепичный, делать везде большим числом.

В Бахчисарай большую улицу, где имеет быть проезд ее величества, застроить хорошими домами и лавками, которое строение скоро может быть кончено на манер тамошней, покрывать же черепицей»¹.

По особому приказу губернатора в 1787 году должны были быть вспаханы все земли, лежащие вдоль пути, по которому ожидался проезд императрицы. 10 тысяч деревьев было приказано посадить вдоль Перекопской дороги. Факелы и смоляные бочки расставлялись там, где императрица должна была проехать ночью. У Перекопа были сооружены триумфальные ворота, раскрашенные живописцами.

28 февраля 1787 года В. С. Попов писал губернатору Каховскому, что «Потемкину угодно, чтобы по тракту следования ее величества в деревнях татарских умножить народ, приказав из всех дальних по несколько в сии собратся для принесения поклонов. Также и в Бахчисарае постараться число народа умножить, а в деревнях развалины исправить»².

Во исполнение этого предписания из всех деревень Крыма спонялись крестьяне «для поклонения царице». К Перекопу пригнали даже стариков из самых дальних местностей Крыма — из Керчи и Судака. В некоторых местах по пути следования Екатерины Потемкин выстроил в степи новые дома и заселил их оставленными солдатами и беглыми крестьянами.

Весной этого же года по распоряжению губернатора в Таврическую губернию было завезено много незамужних женщин. 28 февраля в Перекоп прибыли 35 «девок»;

¹ «Известия Таврической ученой архивной комиссии» № 11, стр. 89.

² Там же, стр. 107.

которых в тот же день выдали замуж за отставных солдат и матросов. 10 апреля прибыла в Симферополь партия в 258 женщин, которых после замужества поселили в Алешках. Эти новые семьи образовали новые деревни: Мазанку, Петровское, Изюмовку и другие.

19 мая 1787 года Екатерина проехала через Перекоп. Личная свита ее была огромна. Ее сопровождали австрийский император Иосиф II, английский, французский и австрийский послы, гетман Потоцкий, князь Потемкин, министры и многие другие. Ее встречали воинские и гражданские чины в новых мундирах, крестьяне, одетые в новые казенные национальные костюмы. Она проехала Симферополь, Бахчисарай, Балаклаву, Севастополь, Байдарскую долину, Феодосию, Карасубазар и осталась довольна потемкинским маскарадом. В Карасубазаре в честь ее приезда ночью было сожжено 300 тысяч ракет.

Как отнеслось местное коренное население к везду Екатерины II в Бахчисарай, свидетельствует очевидец этих событий, французский посол в России в 1785—1789 годах граф де Сегюр, сопровождавший Екатерину: «Старые и молодые татары и турки сидели молча у дверей своих домов или в лавках, не выражая ни удивления, ни любопытства, ни хоть какие-нибудь признаки радости или неудовольствия при виде нового для них пышного поезда, который во всей своей красе представился их взорам, они были неподвижны, не вставали, не обращали

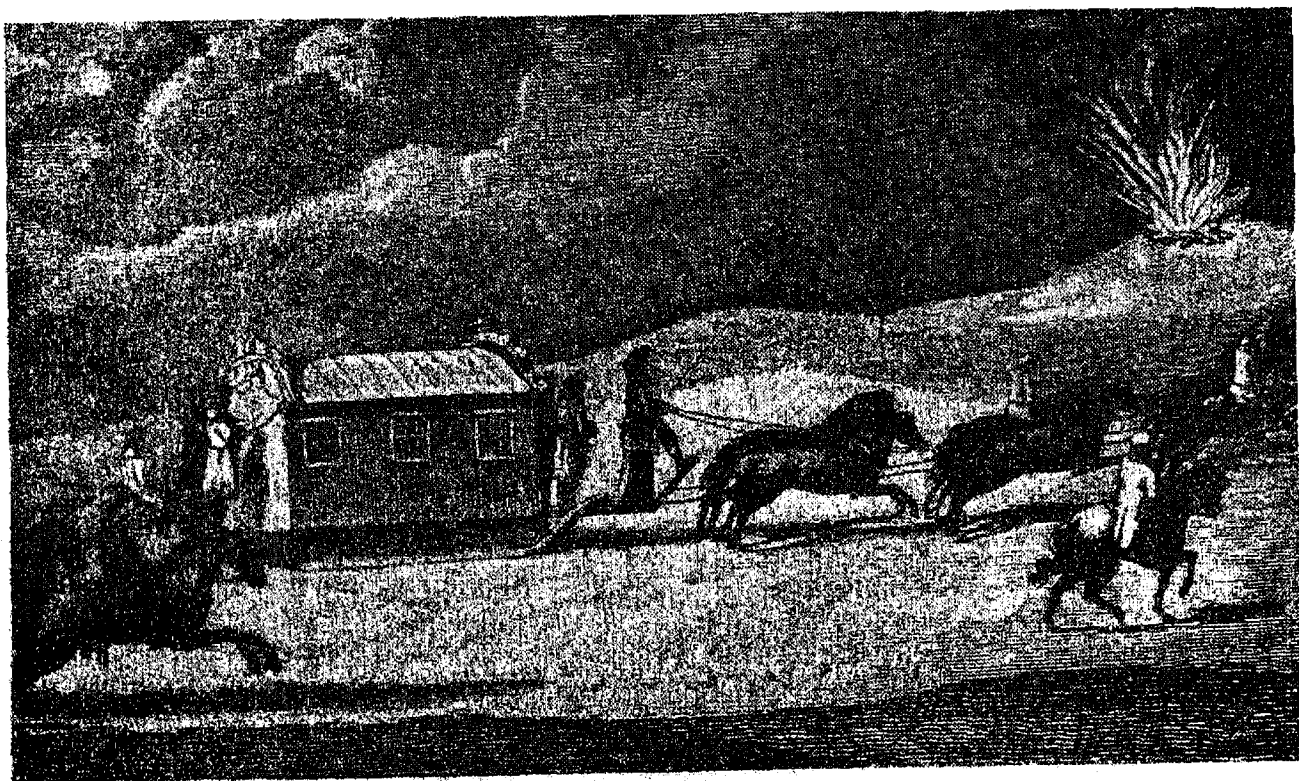
на нас ни малейшего внимания, иногда даже отворачивались»¹.

Никто из свиты императрицы не обратил внимания на то странное обстоятельство, что некоторые дома состояли только из трех стен, что многие красивые большие здания стояли не на фундаменте и т. д. Никого не удивляло и то, что нищие, голодные крестьяне шеголяли в выданных им на время повенных костюмах и изображали собой довольных, богатых хлебопашцев. После проезда Екатерины через декорированную местность дома тут же разбирались и быстро увозились окольными путями к другой дороге, по которой Екатерина должна была возвращаться в столицу. Большие деревянные и войлочные разборные дворцы после отбытия императрицы из Крыма были возвращены по принадлежности донским казакам, у которых они были взяты на время.

5

Захватив Крым, русское правительство объявило все земли, бывшие в пользовании у татар-крестьян, казенными и начало щедрой рукой раздавать их своим приближенным. Татары, не сумевшие доказать документами право на владение своими участками, были лишены земли, на которой жили и трудились их предки в течение многих веков. Потемкин лично присвоил 13 тысяч десятин земли в Байдарской долине, близ Фороса. Его личный

¹ «Записки графа Сегюра», стр. 210. Петербург. 1866.

Путешествие Екатерины II в Крым в 1787 году.

С гравюры XIX века.

Медаль, выбитая в честь Потемкина после путешествия Екатерины II по Крыму. 1787 год.

секретарь В. Попов получил 27 876 десятин, князь Безбородко — 18 006 десятин, генерал Жаховский — 7549 десятин, адмирал Мордвинов — 5778 десятин, полковник Куликовский — 2900 десятин, Я. Булгаков (русский посол в Турции) — 2114 десятин, М. Ширипский — 27 333 десятины, придворная горничная Черкусихина получила 1570 десятин и т. д.

В расхищении татарских земель активно участвовали представители местной губернской власти: губернатор Бороздин, генерал-адъютант Розенберг, генералы, офицеры, духовенство, полицейские и др. Орды хищников, взяточников, насильников хлынули со всех сторон в Таврическую губернию. Татары-крестьяне лишались не только земли, но и своих мельниц, лавок, садов, пекарен и т. д. Грабежом и присвоением татарских земель по примеру русских помещиков занялись и татарские феодалы. Так например в Евпаторийском уезде помещик Меджит-Челеби завладел землей татар деревни Камбар. В деревне Калач помещик Абдурсим-Оглу завладел землей всех татар этой деревни.

В 1816 году по специальному царскому указу была создана «комиссия для отвращения разных злоупотреблений в Таврической губернии». Затем была организована «генеральная межевая комиссия», которая должна была разрешать на местах все спорные земельные дела между помещиками и татарскими крестьянами. О результатах деятельности этой комиссии можно судить по докладной записке ее председателя, который писал: «Почти все власти Крыма имеют землю, они влияют на ход размежевания. Граф Воронцов предложил более мучительный процесс раз-

межевания, который тянулся бы 40 лет. Но правды не было бы и после 50 лет»¹.

Как видно из архивных дел, татары не стеснялись в одиночку судиться с весьма сильными захватчиками и выступали в суде целыми деревнями. Ответчиками являлись генералы, офицеры, помещики, духовные лица, полицейские, кушцы, чиновники и др. В этой неравной борьбе «право» всегда оставалось на стороне ответчиков. Волокита и бюрократизм были невероятные. Так, дело по обвинению графов Мордвиновых в захвате нескольких тысяч десятин татарской земли в Байдарской долине тянулось свыше 125 лет. Оно началось в 1794 году, постоянно откладывалось по просьбе ответчиков, дошло до сената в 1876 году, возобновилось в 1918 году, при немецких оккупантах, и прекратилось навсегда только в 1920 году, когда барон Врангель был разгромлен и в Крыму установилась советская власть, навеки разрешившая спор в пользу трудового народа.

Лишая крымских татар права на землю и другое имущество, русские помещики закабалляли население, прикрепляя его к земле.

В то же время русский царизм привлекал на свою сторону татарских феодалов и мусульманское духовенство. Татарское духовенство получило в дар большие земельные наделы. Впоследствии татарские муллы и мурзы служили русскому цариз-

¹ Ленинградский Центральный Государственный архив внутренней политики, культуры и быта. Ф. «Комитета 6 декабря 1826 г.», д. № 283, л. 77. Всеподлинный рапорт председателя Симферопольской межевой комиссии от 1832 года.

му «верой и правдой». Татарское крестьянство оказалось под двойным гнетом: русского царизма и своих помещиков и кулаков.

6

Несмотря на то что Крым после присоединения к России испытал жестокий колониальный гнет, это присоединение дало все же толчок развитию экономики и культуры края. Усилились его торговые связи с Россией, развернулось строительство мостов, дорог. В Севастополе создавался черноморский флот.

Уже в 1798 году, то есть через 15 лет после присоединения Крыма к России, в Севастополе насчитывалось 60 кораблей. Увеличилось количество кирпичных, черепичных, сукошных, кожевенных заводов и других кустарных предприятий. Усилилась разработка соляных озер, рыбных промыслов.

Из Европы были приглашены в Крым архитекторы, садовники, врачи, художники и т. д. Понадобились в большом количестве плотники, строители, тесальщики камня, маляры. Для удовлетворения спроса на рабочую силу пришлось приглашать людей из других губерний и даже стран. Цены на рабочие руки поднялись непомерно. Усилился спрос на продовольствие, фураж, вино, фрукты, орехи и т. п.

В степях Крыма исчезли кочевники с их юртами, население стало оседлым. Появились новые колодцы. Прекратились разорительные набеги на украинские селения. Исчезли рабовладельцы и работорговля. От примитивного земледелия и отсталого скотоводства, татары перешли к более совершенным методам хлебопашества и скотоводства.

Приток переселенцев из России и Западной Европы дал возможность татарскому народу общаться с представителями культуры самых разнообразных стран. Это ослабило вековую замкнутость крымских татар, поддерживаемую религиозным фанатизмом мусульманского духовенства.

С присоединением Крыма к России в Таврическую губернию хлынул большой поток новых сил и капиталов, вытеснявших феодальные пережитки в землевладении.

Во второй половине XIX века, с развитием капитализма в России, стали развиваться капиталистические отношения и в Крыму.

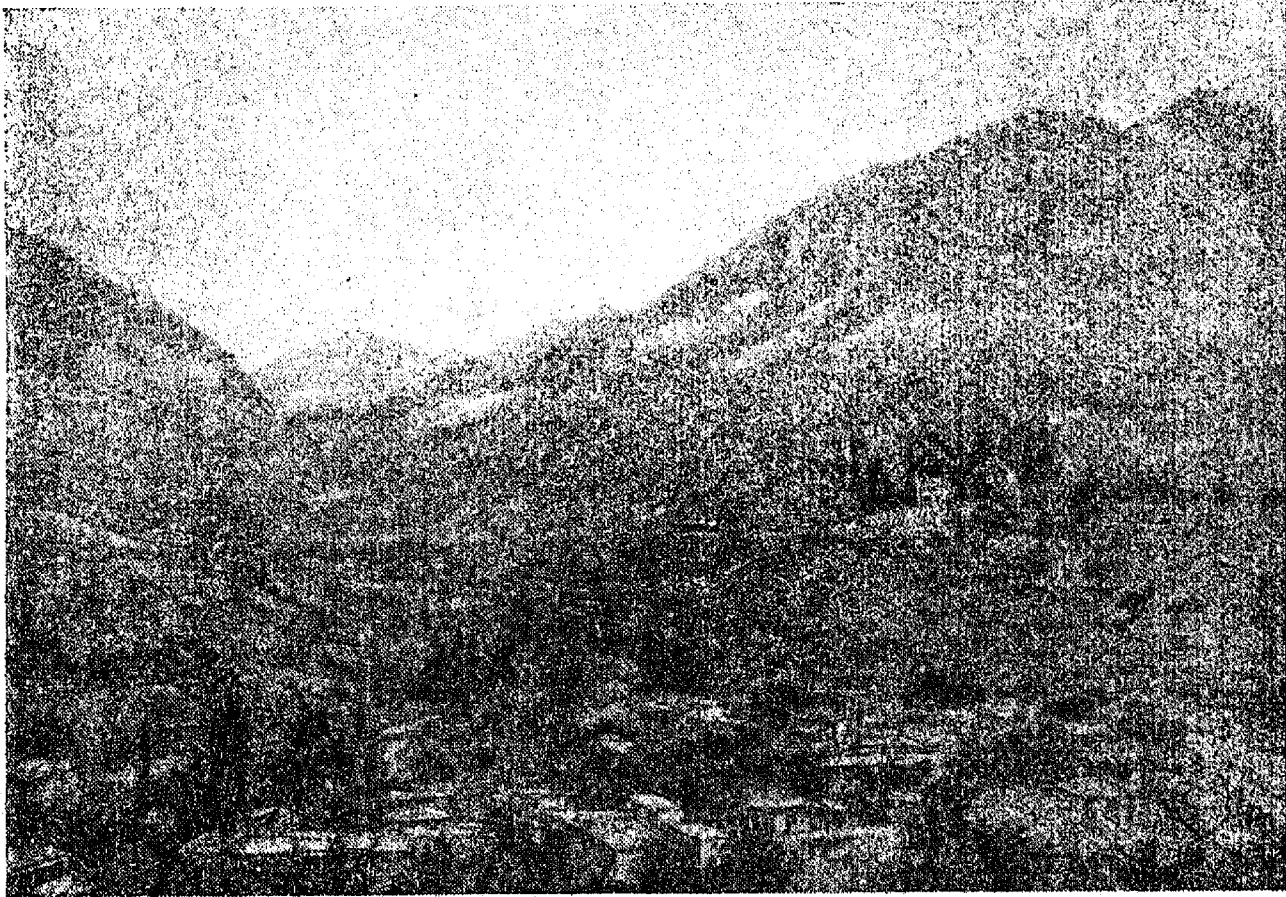
Татарские буржуазные националисты немало потрудились над тем, чтобы затемнить, исказить историю крымских татар. Идеализируя Крымское ханство и султанскую Турцию, они из кожи лезли вон, чтобы «доказать», будто до присоединения Крыма к России все татары жили в довольстве, не знали нужды и что все несчастия татарского народа (безземелье, обнищание и эмиграция) были только следствием присоединения Крыма к России. Все эти басни сочинялись для того, чтобы сеять ненависть к русскому народу и приписать турецкому султану совершенно незаслуженную славу защитника крымских татар.

Марксистско-ленинская историческая наука неопровержимо доказывает вздорность этой «концепции». Как указывал Маркс, Россия играла «...прогрессивную роль по отношению к Востоку...» Государство России играло «...цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»¹.

Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР указало в своем постановлении, опубликованном 22 августа 1937 года, что для Грузии присоединение к России было меньшим злом чем поглощение ее инакской Персией и султанской Турцией. Это указание следует применить и к Крыму. Для крымских татар присоединение Крыма к России было меньшим злом чем сохранение его зависимости от отсталой, замкнутой страны с застывшим феодальным строем и деспотическим управлением, какой была Турция.

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

Н. Фиолетов

Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией

Возникновение Бухарского и Хивинского ханств

Средняя Азия — один из древнейших центров орошаемого земледелия. Здесь те же природные условия, что и в других странах древнего Востока: жаркий, засушливый климат, большие реки (Аму-Дарья и Сыр-Дарья). В этих условиях возможно развитое земледелие при помощи искусственного орошения. В Средней Азии, как и в других странах древнего Востока, эти условия способствовали раннему возникновению рабовладельческих государств. После арабского завоевания (VIII век нашей эры) на территории этих государств развилась феодальная культура. Со II века до нашей эры Средняя Азия становится ареной почти непрерывной борьбы между оседлыми земледельческими народами Ирана и кочевыми народами Турана¹.

После опустошительного монгольского нашествия и полуторавекового ига монголов (1220—1370 годы) наступил период временного экономического и культурного подъема Средней Азии, объединенной в империи Тимура (1370—1405 годы). Широко развивалось искусственное орошение, прокладывались дороги, строились города. Самарканд сделался одним из богатейших городов и культурных центров Азии.

Но империя Тимура вскоре после его смерти в свою очередь пережила феодальный распад, открывший дорогу новым нашествиям кочевых народов.

Во время владычества Тимуридов в Дашт-и-Кипчаке (в нынешних казахских степях) кочевала тюрко-монгольская орда, которую мусульманские писатели стали называть с середины XV столетия узбе-

дарств — Ирана (Персия) и Афганистана. Туран — наименование, на котором расположены Туркменская и часть Узбекской и Казахской ССР.

¹ Иран — географическая область, охватывающая территорию современных госу-

ками. Во время владычества Абдул-Хаир-хана (около 1465 года) часть этой орды, недовольная ханом, ушла на юго-восток (в Причуйский край и южную часть Семиречья) и стала называться казахами, в то время как оставшиеся под властью Абдул-Хаир-хана продолжали называться узбеками. В XVI веке внук Абдул-Хаир-хана, Шейбани, объединил под своей властью как узбеков, так и другие тюрко-монгольские племена, получившие впоследствии также общее название узбеков. Воспользовавшись происходившими при последних Тимуридах междоусобиями и феодальными войнами (в которые враждующие стороны нередко вовлекали и узбеков), Шейбани овладел сначала Бухарой, Самаркандом и Ферганой, затем — Хорезмом, Балхом и Хорасаном. Образовалось новое обширное узбекское государство — Шейбанидов. Одновременно с созданием государства Шейбанидов стало складываться поволжское государство шаха Исмаила, основателя династии Сефевидов. Между этими государствами началась борьба.

В 1510 году Шейбани-хан погиб под Мервом в бою с шахом Исмаилом, к которому перешла часть владения узбекского хана. После короткого владычества Ирана государство Шейбанидов восстановило свою самостоятельность. В Хорезме образовалось независимое от Шейбанидов узбекское ханство с центром сначала в Ургенче, затем в Хиве. Под влияние Хивинского ханства подпала и значительная часть районов, населенных кочевниками-туркменами. На развалинах государства Шейбанидов образовались таким образом два ханства: Бухарское и Хивинское.

Бухарское и Хивинское ханства до русского протектората

В истории этих ханств можно отметить следующие периоды: 1) от образования ханств до конца XVIII века — период феодального распада; 2) с начала XIX века до установления русского протектората (1873 год) — период ханского абсолютизма; 3) период русского протектората и внедрение русского капитала (с 1873 года до Октябрьской социалистической революции); 4) период от Октябрьской социалистической революции и образования Бухарской и Хорезмской советских народных республик до национального размежевания Средней Азии (конец 1924 года).

Для первого периода характерен хозяйственный и культурный упадок Средней Азии после временного подъема в эпоху Тимура. К причинам этого упадка можно отнести прежде всего феодальный распад и междоусобную борьбу феодалов, переживавшиеся в то время обоими ханствами, приведшие к образованию своеобразной

«удельной системы». Междоусобия феодалов осложнялись борьбой между кочевым и оседлым населением внутри ханств, столкновениями между племенами и, наконец, постоянными войнами Бухарского и Хивинского ханств друг с другом и со своими соседями. Нашествие узбеков в начале первого периода оставило такие опустошения, последствия которых изживались лишь очень медленно.

В дальнейшем усилившиеся Россия и Китай преградили новым ордам кочевников путь на запад и на восток, и Туркестан остался для кочевников единственным объектом набегов и палачежгий. С севера в Бухару вторгались казахи, с востока — киргизы. В то же время с юга Бухарскому и Хивинскому ханствам угрожала Персия. В 1740 году Бухара и Хорезм подверглись опустошительному набегу Надир-шаха персидского, владевшего ими в течение семи лет (1740—1747 годы). Наконец, одним из существенных факторов, повлиявших на хозяйственный и культурный упадок Средней Азии в этот период, было перемещение мировых торговых путей. С открытием морского пути в Индию и Китай «великий караванный путь» с востока на запад через китайский Туркестан и долину Аму-Дарьи — путь трудный, проходивший по безводным пространствам и опасный из-за нападения кочевников, — окончательно потерял мировое значение и продолжал обслуживать лишь местные рынки. Для Хивинского ханства имели печальные последствия еще и то, что в конце XVI века главный рукав реки Аму-Дарьи повернул с запада на восток, от Каспийского моря к Аральскому морю. Вследствие этого главные торговые центры Хорезма оказались в безводной пустыне. Средняя Азия в значительной мере утратила свою роль посредника между Востоком и Западом. Сохранили свое значение лишь пути к низовьям Волги. Торговая роль Средней Азии ограничивалась главным образом посредничеством между Индией и Россией. Отсюда хозяйственно-культурная замкнутость среднеазиатских ханств в этот период. Натуральные и полунатуральные формы хозяйства в это время оставались преобладающими. Основной экономикой было сельское хозяйство — земледелие и скотоводство. Земледелие развивалось медленно из-за недостатка орошаемой земли. Широкому же проведению оросительных работ препятствовали и феодальные порядки, и феодально-удельные войны, и нападения кочевников, и культурно-техническая отсталость.

По этим причинам большое значение, в особенности в Хивинском ханстве, сохраняло кочевое скотоводческое хозяйство. После узбекского нашествия завоеватели на территории Хорезма начали переходить

к оседлой, земледельческой жизни. При этом узбекская военно-феодалная аристократия, сделавшаяся господствующим классом в Хивинском ханстве, завладела лучшими, орошенными землями коренного населения. Головы арыков (оросительных каналов) были захвачены узбекскими феодалами, и только юнцы арыков, в которых оставалось уже мало воды, орошали земли коренного населения — туркмен. На этой почве возникла борьба за землю и воду между узбеками и туркменами, проходящая через всю историю Хивинского ханства. Борьба носила ожесточенный характер и сопровождалась массовым избиением побежденных (в 1623 году, при Асфендиар-хане, в Хиве произошло избиение узбеков, а в 1645 году, при Абуль-Гази-хане, — избиение туркмен). Окончательная победа в этой борьбе осталась за завоевателями-узбеками. Все большее число туркмен-земледельцев превращалось в кочевников-скотоводов пустыни, время от времени устраивавших набеги на оседлое население. Из-за недостатка орошенных земель кочевые племена, позднее появившиеся в Бухарском ханстве, с трудом переходили к земледелию, поэтому и здесь частично сохранялось наряду с земледелием кочевое скотоводство.

Особые условия земледелия создали и особые формы феодальных отношений. Эти отношения облекались в юридическую оболочку мусульманского шариятного¹ права, ставшего господствующим в среднеазиатских государствах, после того как ислам распространился в Средней Азии.

Шариятное право в принципе признает всю землю государственной собственностью, верховным распорядителем которой является глава государства (эмир или хан).

Значительную часть земли ханы предоставляли в наследственное пользование и владение феодалам. Все земли в среднеазиатских ханствах делились на следующие виды по формам землевладения: 1) земли, находившиеся в непосредственном распоряжении хана, 2) владельческие, переданные в наследственное владение отдельным лицам (так называемые мюльковые), 3) вакуфные земли, закрепленные в вечное пользование (без права отчуждения) за духовно-учебными учреждениями (мечетями, духовными школами и пр.). Часть мюльковых земель ханы предоставляли духовным и светским сановникам «за особые заслуги».

Так же как земли ханские, эти земли

¹ Шарият — мусульманские законы, основанные на Коране (книге изречений, приписываемых пророку Мухамеду) и толкованиях к нему, составленных мусульманскими богословами.

предоставлялись их владельцами отдельными участками в пользование издольщикам и арендаторам. Ту сумму податей, которая должна была бы вноситься в казну с этих земель, зависимые пользователи платили владельцам, сами же владельцы освобождались от податей и повинностей.

Недостаток орошенной земли и трудности орошения создавали условия для усиленной эксплуатации издольщиков. На практике издольщина установилась главным образом в форме чайрикчества, при котором обрабатывавший землю крестьянин получал четверть урожая (чар-ек), если у него не было собственного инвентаря и семян.

Даже если он имел собственный инвентарь и семена, издольщик получал только половину урожая. При этом издольщик закреплялся на своем участке на установленный срок и не мог бросить работу без разрешения владельца.

Издольщина была, таким образом, одной из форм внеэкономического принуждения и феодальной эксплуатации.

Другие мюльковые земли — амияковые — владельцы получали от ханов в виде временного пожалования, как вознаграждение за службу. Наиболее распространенная форма этого землевладения называлась «икт», что соответствовало западноевропейским бенефициям и древнерусским дворянским поместьям.

Особенностью среднеазиатских иктов являлось то, что владельцы их получали право на сбор в свою пользу поземельной подати с населявших эти земли землевладельцев и не имели права вести на этих землях самостоятельное помещичье хозяйство.

Хераджные земли (третья категория мюльковых земель) предоставлялись государством в наследственное владение населявшим их мелким земледельцам с уплатой ими податей и повинностей государству (большую часть натурой — от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{5}$ части урожая). Налог этот и по форме своей и по размерам приближался

Пленный персианец в Хиве.
Музей народов СССР.

к феодальной ренте, получаемой государством.

Вакуфные земли являлись главным источником доходов духовных учреждений и духовенства и основой господства духовных феодалов. Владельцы вакуфных земель передавали их в издольное пользование или же получали с них поземельную подать (в этом случае вакуфные земли освобождались от податей в пользу государства).

Со всеми этими формами феодального землевладения мы встречаемся уже в начале первого периода. Преобладающей формой являлись икты.

Бухара издавна сделалась центром мусульманского духовного образования и мусульманской «учености» в Средней Азии. Уже во время Шейбанидов (1510—1597 годы) увеличилась власть и влияние мусульманского духовенства, ученых мулл, богословов и законопедов. Поэтому уже в это время широко распространилось вакуфное землевладение — эта своеобразная форма господства восточномусульманских духовных феодалов. Наряду с феодальными отношениями в Бухарском и Хивинском ханствах сохранялись и остатки более ранних формаций — рабовладельческого и родового строя.

Узбеки, завоевавшие Бухару и Хорезм, разорили оседлое земледельческое население. Покоренные жители этих стран оказались не в состоянии прокормить своим трудом завоевателей в лице многочисленной узбекской военно-феодальной аристократии. Это усилило спрос на рабский труд. Главными поставщиками рабов были кочевье, в особенности туркменские племена, промышленявшие, между прочим, продажей в рабство пленных, захваченных ими во время набегов на соседние области. Хива издавна сделалась для этих туркменских племен одним из главных рынков сбыта рабов.

Узбекский род находился уже ко времени завоевания на той стадии своего развития, когда органы родового строя, по выражению Энгельса, «...из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹.

В среднеазиатских ханствах родовой строй кочевых народов стал разлагаться. Используя свое право распоряжаться пастбищами и выступая в роли организаторов оросительных работ, родовые старейшины держали в экономической зависимости массу рядовых членов рода и постепенно превращались в феодальную знать. Наряду с этим в Хиве туркменская феодально-ро-

довая верхушка срашивалась с хивинской феодальной знатью, родовые вожди переходили на службу к хивинским ханам, наделавшим их землей.

Среднеазиатские ханства возникли на развалинах империи Тимура, организованной в значительной мере по образцу монгольской империи Чингис-хана. Это монгольское наследие отразилось на государственном устройстве ханств, причем в большей степени в Хивинском ханстве чем в Бухарском. Прежде всего с монгольским наследием было связано длительное господство удельной системы в ханствах. У монголов эта система сложилась при переходе от родового строя к кочевому государству с элементами феодальных отношений. В разложившемся родовом строе возникло неравенство не только между родовой верхушкой и рядовыми членами рода, но и между самими родами. Появились роды сильные и роды слабые в военном и экономическом отношениях, понавшие в вассальную зависимость от первых.

Создалась степная аристократия, во главе которой находился ханский род, который стал рассматриваться как высший владетель всей государственной земли.

Один из родичей был великим ханом — повелителем всей империи, — другие же члены рода получали отдельные улусы и уделы и становились вассалами хана. Удельная система установилась в Бухаре еще с начала узбекского завоевания. Сохранилась эта система и после образования отдельных Бухарского и Хивинского ханств. И здесь государство считалось собственностью правящего рода, члены которого назывались султанами. Один из них, как глава рода, провозглашался ханом (в Бухаре он получал титул эмира). Остальные члены делались правителями областей — беками (в Хиве — хакимами). Старшие получали более крупные города, младшие — более мелкие. Но младшие члены рода могли получать и более крупные уделы после смерти своих старших родичей.

Эта система в обоих ханствах была связана с ожесточенной борьбой удельных владетелей между собой и с ханами, продолжавшейся вплоть до конца XVIII века. Вскоре после смерти Шейбани-хана между его наследниками начались раздоры и междоусобия, которые разоряли страну, задерживали ее хозяйственно-культурное развитие и особенно тяжело отражались на положении крестьянства. Народные массы получили некоторое облегчение в правление Абдуллы-хана (1560—1598 годы). В этот период узбеки переходили от кочевого скотоводства к оседлости и земледелию, восстанавливали системы искусственного орошения и проводили новые каналы, что способствовало подъему земледелия. Но после смерти Абдуллы-хана, при новой ди-

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 217. Партиздат. 1937.

настии, Аштарханидов (1599—1737 годы), продолжались ожесточенные феодальные войны со всеми их последствиями. История Хивинского ханства до конца XVIII века также представляла картину постоянной борьбы между ханами и узбекской военной аристократией, картину бесконечных войн между феодалами. После того как в 1688 году прекратилась династия основателей ханства, ни один хан не мог прочно утвердить свою власть и основать династию.

В конце XVIII века власть хивинских ханов сделалась почти номинальной. Действительная власть сосредоточивалась в руках их советников — инаков. Однако и в этих условиях феодальной борьбы росли, хотя и медленно, производительные силы и вместе с тем подготовлялся, в особенности со второй половины XVIII столетия, переход к следующей фазе развития феодального общества.

В конце XVIII века возобновились обширные оросительные работы, росла городская ремесленная промышленность (бумажные и шелковые ткани и одежды, художественно-керамические и металлические изделия, ковры и пр.). Вместе с тем развивались товарно-денежные отношения.

Процесс быстрого хозяйственного развития, который переживала Европа в XVIII веке, отразился и на Средней Азии. Вновь оживлялись и усиливались торговые связи Средней Азии с Европой. При этом сношения эти все более и более переходили с южных путей — через Персию — на северные — через Россию.

С ростом товарно-денежных отношений, усиливалась и эксплуатация крестьянства. Подпала под влияние торгово-ростовщического капитала и ремесленная промышленность. В особенности скупщики, торговцы, ростовщики эксплуатировали крестьян-ремесленников. Рост торгово-ростовщического капитала отразился и на сельском хозяйстве. К феодальной эксплуатации крестьянства присоединилась и новая форма гнета — торгово-ростовщическая кабала, которая приводила к обезземелению части крестьянства. В начале второй половины XIX века число безземельных доходило на Зеравшане до 25% сельского населения. Часть их должна была заниматься в батраки к богатым землевладельцам. Вместе с тем обострялась классовая борьба. Стихийные восстания крестьянства, происходившие и в предыдущий период, вспыхивали с новой силой. Характерным примером таких выступлений явилось восстание китай-кыпчаков в Бухаре. Классовая борьба обострялась, экономические связи расширялись; возникла потребность в более единой, сильной и прочной государственной власти. К началу XIX века ликвидировалась удельная система и усилилась

власть хана. В Бухаре уже с середины XVIII века выдвинулся издавна пользовавшийся влиянием в Средней Азии узбекский род Мангыт. Представитель этого рода Мухаммед Рахим, занимавший должность визиря при хане, в 1856 году захватил престол и основал новую прочную династию, постепенно завоевавшую неограниченную власть.

В Хиве в начале XIX века инак Ильтезер — представитель другого влиятельного узбекского рода, Кунград, — также захватил власть, стал неограниченным повелителем и основал новую династию. К началу этого периода окончательно сложился в систему тот общественный и государственный строй восточной деспотии, который сохранялся в Бухаре и Хиве до самого конца существования этих ханств.

Удельный порядок постепенно ликвидировался, беки и хакимы перестали быть наследственными владетелями: они стали назначаться эмиром или ханом и превратились в чиновников последних.

Неограниченная монархия, установившаяся в Бухаре и Хиве, отличалась, однако, от абсолютной монархии на Западе. Маркс формулировал это различие западноевропейского и восточного абсолютизма на примере испанской монархии, которую он считал близкой к восточному деспотизму: «...абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления... Деспотизм разнообразил свой характер в различных провинциях... по при всем своем деспотизме правительство не мешало провинциям сохранить их различные законы и обычаи... Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, по он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления»¹.

Эта характеристика применима и к среднеазиатским ханствам. Глава ханства — эмир или хан — обладал формально неограниченной властью. Ему принадлежало право на жизнь, смерть и имущество его подданных. Он бесконтрольно распоряжался всем достоянием государства. Не делалось определенного различия между государственной и ханской казной. Личность и власть эмира и хана были окружены глубоким почитанием и ореолом.

Хан был крайне далек от повседневной жизни мест и не проявлял к ней почти

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. X, стр. 722.

никакого интереса. Если правители областей аккуратно вносили в ханскую казну установленную сумму из своих сборов, посылали хану известное количество «подарков» и содержали положенное количество войска, то хан не находил нужным беспокоить себя вмешательством в местные дела или контролем местной администрации.

Поэтому власть беков и хакимов на местах во многих отношениях оставалась бесконтрольной и неограниченной. При дворе самого эмира или хана находился большой штат служащих, одновременно и обслуживавших нужды дворцового хозяйства и занимавшихся государственными делами. Высшим сановником являлся кушбеги — первое лицо после эмира или хана, заменявший властителя в его отсутствие. Эта должность соответствовала издавна установившейся в восточных государствах должности визиря — заместителя монарха, фактически ведавшего всем текущим управлением. Вторым по значению сановником являлся диванбеги, ведавший финансово-податной частью. При этих сановниках состояли канцелярии и управления с многочисленным штатом слуг и чиновников, у которых личная служба своему господину совмещалась с выполнением государственных обязанностей. Бухарское ханство делилось на бекства, во главе которых стояли беки со своим штатом слуг — чиновников. Бекства делились на амлякдарства во главе с амлякдарами и их чиновниками. В сельских местностях выбирались старшины (аксакалы) и старосты. Главными функциями всей этой администрации являлись сбор податей и военно-полицейская охрана. Особенностью государственного устройства в Хивинском ханстве являлось различие в организации управления для оседлого и для кочевого населения и для различных национальностей. Туркмены, казахи и каракалпаки, сохранявшие родовое устройство, управлялись своими родовыми старейшинами.

Вся эта многочисленная администрация не получала из казны содержания, а жила за счет сборов (большей частью натурой) с населения (система «кормления»). Беки уплачивали из собранных податей определенную сумму в ханскую казну, а остальное обращали в свою пользу. Так же поступали и амлякдары: они уплачивали из собственных средств определенную часть в бекскую казну, а остальное брали себе. Ханы, их сановники, беки и амлякдары содержали за свой счет своих чиновников и слуг. Эта система при отсутствии контроля давала правителям и чиновникам неограниченные возможности для произвольных поборов. Полная зависимость служилых людей от правителей, при дворах

которых они состояли, приводила к расцвету чиновничества и рабства.

Власть эмира и хана ограничивалась лишь в известной мере обязанностью не отступать от ислама и соблюдать законы шариата.

В Бухаре и Хиве, как и в других мусульманских государствах, властитель считался не только светским, но и духовным главой своих подданных. Но властитель должен был считаться с авторитетом ученых законовевов — толкователей шариата, являвшихся одновременно и представителями высшего мусульманского духовенства (улема). Ханские указы подлежали утверждению шейх-уль-ислама (главы мусульманских ученых в стране), который особой грамотой, фетвой, свидетельствовал о том, что указ не противоречит шариату. Суд, образование и благотворительность находились в ведении духовных властей и были пропитаны началами ислама и шариата. К мусульманскому духовенству принадлежали не только исполнители религиозных обрядов (имамы и муллы), но и судьи (казии), законоведы (муфтии) и учителя (мударрисы). Во главе суда стоял кази-каглян, назначаемый эмиром и назначавший в свою очередь казиев — судей. Казии содержания из казны не получали, а жили за счет сборов и пошлин с дел. Размеры сборов не были точно регламентированы, что также давало широкий простор злоупотреблениям и взяточничеству.

Наряду с духовно-судебной организацией в Бухарском и Хивинском ханствах существовала своеобразная система духовно-полицейского надзора, осуществляемого раисами. Раисы, принадлежавшие к духовенству, наблюдали за выполнением законов и одновременно за «чистотой нравов» и соблюдением мусульманских обрядов. Два раза в день — утром и вечером — раис объезжал город со своими помощниками, вооруженными палками. На базаре он производил проверку весов и мер и в случае обнаружения неправильности тут же на месте подвергал виновного наказанию палками. Таким же способом он расправлялся с нарушителями порядка и приличий. На улицах раис имел право проверить у любого встречного знание ислама. Не выдержавших экзамена он тут же отправлял на неделю—две в школу или на час молитвы в мечеть. Эта духовная полиция была характерной чертой системы управления восточной деспотии.

В среднеазиатских ханствах женщины были бесправны и вели затворнический образ жизни.

Шариат в принципе не допускал участия женщины в общественных делах, кроме исключительных случаев (свидетельство на суде, причем показания двух

женщин считались равносильными наказаниям одного мужчины), а обычай не позволял женщине показываться в общественных местах и перед мужчинами без покрывала на лице (паранджи, которая делалась обыкновенно из конского волоса). Для женщин устраивались особые помещения во внутреннем дворе, куда строжайше запрещалось входить мужчинам, кроме ближайших родственников. Брачный договор напоминал обычную торговую сделку. Для заключения его жених должен был уплатить мехр в пользу невесты (в обеспечение от произвольного развода) и калым в пользу родителей невесты.

Так как калым достигал значительных размеров, то беднякам приходилось долго собирать необходимую сумму, чтобы вступить в брак. Если они не могли внести калым, они должны были отработать его у родителей невесты. Между тем, по обычному праву туркмен, только жематые получали право на пользование водой из общественных арыков для орошения земли. В силу этого бедняки, не имевшие возможности уплатить калым, не могли вести своего хозяйства и должны были идти в кабалу к зажиточным.

Мужчина, по шариату, мог иметь одновременно до четырех жем. Он мог получить развод по собственному желанию, в то время как жена могла развестись с мужем только в определенных случаях (при неисполнении мужем своих обязанностей по содержанию жены и т. п.). Муж являлся главой семьи и мог подвергать жену наказаниям за непослушание. Распространена была выдача замуж малолетних (с 9-летнего возраста).

Культура в среднеазиатских ханствах была всецело проникнута влиянием ислама. Мусульманская религия являлась государственной идеологией и считалась основанием всякой науки. В Коране, шариате и в произведениях их толкователей, по мусульманским представлениям, даны все необходимые знания и ответы на все вопросы.

Отсюда господство в магометанских государствах мусульманской схоластической философии, ограничивающей свои задачи толкованием и систематизацией высказываний признанных авторитетов. Бухара являлась центром этой схоластической учености в Средней Азии. Мусульманские богословие, философия и шариатное право исчерпывали круг наук, изучавшихся и разрабатывавшихся бухарскими учеными. Школы в бухарском ханстве, как и в других мусульманских государствах, были духовно-юридическими. В низших школах (медресе) обучались арабской грамоте, корану (на арабском языке), счету и пр., в высших (медресе) — изучались богосло-

вие, шариатное право, арабский язык и литература. Эта система культуры и образования была идеологической опорой восточной деспотии и поддерживала в среднеазиатских ханствах замкнутость и неподвижность.

Бухарское и Хивинское ханства под русским протекторатом

Средняя Азия издавна привлекала внимание правящих кругов царской России как торговый путь в Индию и другие страны Востока, как территория, имеющая для России крупнейшее экономическое и политическое значение. Со времени неудачных походов при Петре I (экспедиция Бухгольца в 1715 году в Восточный Туркестан и экспедиция князя Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 году) начинается постепенное проникновение России все дальше и дальше в глубь Средней Азии. В течение почти полутора столетий продолжались постепенный захват казахских степей и покорение казахских орд. В Казахстане строились крепости и создавалась «линия обороны», защищавшая новые владения России. Эта линия постоянно продвигалась вперед. К середине XIX века русские владения вплотную подошли к границам Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Быстрое развитие капитализма в России после крестьянской реформы 1861 года усилило стремление царской России к проникновению в Среднюю Азию, которая являлась объектом англо-русской борьбы за политическое и торговое влияние.

Текстильной промышленности было уже тесно в пределах рынка Центральной России. Она нуждалась кроме того в собственной сырьевой базе. Средняя Азия могла быть одновременно и обширным рынком и источником дешевого хлопкового сырья для русской текстильной промышленности.

Уже в начале 60-х годов русские войска овладели частью территории Кокандского ханства. В 1864 году были захвачены города Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент, а в 1865 году — Ташкент. Тогда же начались столкновения с Бухарским ханством. В 1868 году были взяты города Самарканд и Катта-Курган. Бухара стала в вассальные отношения к России. Вскоре был предпринят поход на Хиву. В 1873 году Хива была взята. Хивинский хан признал суверенитет России, уплатил контрибуцию и уступил территорию по правому берегу Аму-Дарьи. В 1876 году к России была присоединена территория Кокандского ханства (Фергана), а в 1881—1885 годах — Закаспийский край.

Россия фактически сделала всю Среднюю Азию своей колонией. Но не все части этой колонии получили одинаковое

юридическое положение. Значительная часть завоеванных областей была включена в состав туркменского генерал-губернаторства, а Бухара и Хива остались формально самостоятельными ханствами, находившимися под русским протекторатом. Причины этого коренились прежде всего в международном положении и, в частности, в отношениях России и Англии. В 1885 году, писал Ленин, «...России была на волосок от войны с Англией из-за дела добычи в Средней Азии... движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии...»¹. Уже тотчас же после поражения Бухары, в 1868 году, начинаются дипломатические переговоры с Англией о разграничении сфер влияния в Средней Азии.

Англия выразила желание о «сохранении независимости Бухары». Стороны договаривались избегать «непосредственного соседства между собой».

В связи с этим Бухара и Хива, так же как и Афганистан, рассматривались как «буфер» между русскими и английскими границами. Поэтому включение ханств в территорию Туркестанского генерал-губернаторства при создавшемся международном положении не признавалось удобным. «Запятие бухарского ханства со включением его в пределы России, — говорилось на совещании между министром иностранных дел Горчаковым и военным министром Милютиним, — повело бы неминуемо к необходимости усилить число войск в этой части края, к увеличению издержек военных и административных и, не доставив при этом особенно важных выгод, могло бы весьма усложнить общее наше политическое положение».

Крайние военно-империалистические круги решительно возражали против формальной самостоятельности Бухарского и Хивинского ханств и в сохранении их видели результат слабости русской дипломатии. В 1891 году туркестанский генерал-губернатор Вревский писал начальнику штаба: «Я не могу смотреть на оба эти ханства иначе, как на неотъемлемую часть Российской империи, временно лишь находящуюся в исключительном положении по своему внутреннему положению». Принципы, положенные в основу отношений России к Бухаре и Хиве, сформулированы были еще до покорения их, в циркуляре князя Горчакова от 26 июня 1864 года. «Положение России в Средней Азии, — говорится в этом циркуляре, — одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, без твердой общественной организации. В подобных случаях интересы безопасности граждан и

торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованные государства имели известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными».

В этом циркуляре характерны «оправдание» империалистической политики как защиты интересов «образованных государств» и типично колониаторский взгляд на коренные народы Средней Азии как на «полудикие», лишенные «организации».

Отношения Бухарского ханства к России были юридически оформлены договорами 23 июня и 23 сентября 1873 года и дополнительными статьями 1882 года. Эти договоры предусматривали свободу русской торговли и судоходства в Бухаре, право беспешлиного провоза через Бухару транзитных товаров, право проживания русских подданных в Бухаре и приобретения ими там недвижимого имущества.

Русские подданные в Бухаре не подлежали ведению бухарских судов: они судились русскими судами. Бухарское ханство лишалось права самостоятельных сношений с другими государствами.

Бухарский эмир, оставаясь неограниченным главой государства во внутренних делах, подчинялся русским властям в вопросах иностранной политики и военных. Для сношений с бухарским правительством было учреждено в 1885 году особое политическое агентство, управлявшее также проживавшими в Бухаре русскими подданными. Наблюдение за Бухарским и Хивинским ханствами возлагалось также на туркестанского генерал-губернатора. Положение Хивинского ханства было еще более зависимым. Если с Бухарой формально был заключен «договор о дружбе», то хивинский хан был вынужден признать себя «покорным слугой императора всероссийского».

В остальном договор с Хивой 12 августа 1873 года повторил основные положения договоров с Бухарой.

Несмотря на сохранение протектората Бухарское и Хивинское ханства фактически рассматривались в русских правящих кругах как «части империи», «управляемые наследственным эмиром или ханом». В экономическом же отношении Бухара и Хива были русскими колониями, доставлявшими сырье и являвшимися рынками сбыта. Русский капитал, внедрившись в Бухару и Хиву и создав в них банки и торговые фирмы, в то же время не был заинтересован в коренной ломке феодальных порядков и развитии местного капитализма.

В период русского протектората в Бухаре крупное купечество было очень немногочисленно. Основная масса торгов-

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 281.

Отряд русских войск у колодца на пути в Хиву.

С гравюры XIX века. Музей народов СССР.

цев состояла из посредников и маклеров русских торговых фирм и банков.

С ростом товарно-денежных отношений к феодальной эксплуатации крестьянско-ремесленного населения ханств присоединился ростовщический гнет русских капиталистов и их посредников.

Бухара и Хорезм после 1917 года

Революционное движение в Бухарском и Хивинском ханствах зародилось еще до Октябрьской социалистической революции. С проникновением капитализма развилась буржуазная оппозиция существующему режиму. Возникли младобухарское и младохивинское движения, представлявшие интересы нарождавшейся местной буржуазии. Однако до Октябрьской революции эти движения преследовали ограниченные цели. Буржуазия в среднеазиатских ханствах только что начинала развиваться. При этом это в значительной части была посредническая, торговая буржуазия, связанная с русским капиталом и сраставшаяся с феодальными элементами. Оппозиция ее к ханскому режиму вызывалась тем, что при этом режиме торговцы не могли ни свою жизнь, ни свое имущество считать в безопасности от произвола властей. Требования оппозиции первоначально заключались только в ограничении административного произвола и в установлении начатков самоуправления. Характерен в этом отношении «Проект реформы», принятый Комитетом младобухарцев в 1917 году. Этот проект сохраняет в неприкосновенности вакуфное и светское привилеги-

рованное (свободное от налогов) землевладение. Он требует только упорядочения управления вакуфными землями и контроля над использованием доходов. «Водный вопрос» проект разрешает лишь путем новых ирригационных работ, не затрагивая самой системы распределения воды. «Разорение дехкан благодаря обычаям ростовщичества всем известно», — говорится в проекте. Но авторы его предполагали бороться с этим явлением только путем организации земельного банка, дешевого кредита и использования незанятых земель. Эти меры не могли уничтожить закабаленная дехкан ростовщическим капиталом. Проект говорит о развитии просвещения, но сохраняет в основном прежний тип мусульманской школы. Он предлагает только открывать наряду с ними сельскохозяйственные и частные школы. Шариатный суд сохраняется с тем только изменением, что суды переводятся на казенное содержание. Проект требует, далее, упорядочения системы управления: учреждения совета министров и 10 министерств и пр. Наконец, в нем говорится о свободе печати. Из этой программы очевидно, что младобухарская партия склонна была посягать на ханскую власть и готова была помириться на незначительных реформах.

Основной революционной силой в ханствах при отсутствии пролетариата были бедняцкие и полупролетарские массы крестьянства. Но массы эти не имели ни организации, ни руководства, и потому движения их до Октябрьской революции

носили стихийный характер. Они осложнялись еще и межнациональной борьбой, использовавшейся феодальными элементами. Вследствие того что в ханствах сохранились пережитки родового строя, эти движения часто возглавлялись родовыми вождями.

Характерно в этом отношении туркменское восстание 1916 года, происходившее в конце империалистической войны, когда царское правительство вынуждено было вывести из Хивы часть находившихся там войск. Во главе восстания встал один из родовых туркменских вождей — Джунаид-хан.

Джунаид не принадлежал по рождению к туркменской знати (в прошлом он был пастухом). Он создал сильную военную дружину и стремился к объединению туркменских племен под своей властью и к подчинению Хивы туркменским феодалам. Движение шло под лозунгом борьбы с хивинским правительством, опиравшимся на узбекских феодалов, и с русским империализмом. Поэтому движение поддержали и узбекские дехкане, страдавшие от двойного гнета — своих феодалов и русских империалистов.

В феврале 1916 года Джунаид вторгся в столицу ханства и объявил себя ханом Хорезма. Вскоре, однако, Хива снова была занята русскими войсками и Джунаид бежал в Персию. Карательная экспедиция, посланная царским правительством, разрушала население, облагала его контрибуцией, сжигала целые аулы и вырезывала их жителей. Зверства карателей подготовили почву для новой вспышки движения в 1917 году.

После февральской революции 1917 года Временное правительство не внесло никаких изменений в отношении России к этим ханствам. Бухара и Хива попрежнему оставались русскими колониями. Но революция послужила толчком для возобновления и роста народного движения в ханствах.

В Хиве началась агитация за свержение хапа. Однако младохивинцы, испугавшись роста крестьянского движения, предпочли договориться с ханом о конституционных реформах. Ханская власть осталась, но наряду с ней был создан временный комитет из представителей узбекской буржуазии и «прогрессивного» духовенства. По требованию этого комитета, Сеид Асфендиар-хан 5 апреля 1917 года выпустил манифест о новых началах управления с участием «собраний депутатов» (меджлиса).

Одновременно Асфендиар-хан тайно обратился за помощью к комиссару Временного правительства в Туркестане генералу Куропаткину. На помощь хану были при-

сланы отряды войск под командой генерала Мир-Бадалова и полковника Зайцева.

Временный комитет был распущен, а большинство членов его (17 человек) было арестовано и приговорено к смертной казни (с помощью рядовых солдат русских частей арестованным, кроме трех, удалось бежать за пределы ханства). Начались преследования младохивинцев. В то же время хан старался раздуть межнациональную вражду между узбеками и туркменами и посеять раздор между вождями туркменских племен.

В Бухаре в 1917 году под давлением масс также оживилось младобухарское движение. Чтобы предупредить его дальнейшее развитие, эмир по совету русского Временного правительства издал 7 апреля 1917 года манифест с обещанием некоторых реформ (назначение определенного содержания чиновникам, которым запретили облагать население в свою пользу, отделение государственного бюджета от казны эмира, установление контроля над деятельностью администрации и пр.). Манифест этот не удовлетворил не только народные массы, ожидавшие прежде всего разрешения земельного вопроса, но и так называемые прогрессивные младобухарские круги. Начались демонстрации. Народные волнения оказались настолько серьезными, что эмирское правительство смогло подавить их только при помощи вызванных из Самарканда русских войск. Таким образом, и в Бухаре и в Хиве народные движения были подавлены при помощи войск петроградского Временного правительства. Русские воинские части, на которые ханские правительства опирались в борьбе с народными движениями, разошлись, как только до них дошли первые известия об Октябрьской революции. Революционное движение в ханствах вспыхнуло снова.

Лишенные поддержки русской армии, феодалы в ханствах попытались использовать местный национальный шовинизм и межнациональные противоречия. Возвратившийся из Персии Джунаид-хан к середине 1918 года подчинил себе остальных туркменских вождей и стал во главе туркмен-номудов. В борьбе с хивинским ханом он использовал старые споры между узбеками и туркменами из-за земли и воды (как указывалось выше, головы всех больших арыков проходили через земли узбеков и только концы арыков орошали места туркменских поселений. Это приводило к постоянным распрям между этими народами). Джунаид в октябре 1918 года вторгся в Хиву. Хан был убит. Джунаид объявил ханом несовершеннолетнего Сеид-Абдуллу, сам же сделался фактическим диктатором Хивы. Узбекская феодальная знать, опасаясь крестьянского движения и

Набег туркмен. — Русско-персидская граница.

С гравюры XIX века. Музей народов СССР.

особенно установления в Хиве советской власти, вошла в соглашение с Джунайдом. Политика Джунаида была основана на раздувании национальной розни. Узбеков грабили, отнимали у них воду. Поборы и произвол администрации привели в расстройство хозяйственную жизнь страны. В то же время новое правительство преследовало революционные элементы и среди узбеков и среди туркмен.

Диктатура Джунаида и туркменских феодалов очень скоро вызвала недовольство не только туркменской дехканской массы, но и буржуазии. Революционные силы туркмен и узбеков стали объединяться для борьбы с режимом Джунаида. Под давлением масс активизировались младохивинцы. Программа, выдвинутая ими в это время, предусматривала требования политических свобод и выборного начала в организации власти, автономии туркмен и «справедливого дележа воды». Диктатура Джунаида теряла под собой почву и к концу 1919 года стала клониться к упадку.

Джунаид пытался найти опору в российской контрреволюции. Он установил связь с колчаковским и дutowским «правительствами» и белогвардейцами понизовья Аму-Дарьи (сохранился, между прочим, текст обращения Колчака к бухарскому эмиру от 25 сентября 1919 года и к хивинскому хану от 30 сентября 1919 года о совместных действиях). На терри-

торию Хивы стали проникать белогвардейские элементы, из которых была организована так называемая заирская сотня.

Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая колониальный гнет и разрешившая вопрос о земле, произвела глубокое впечатление на широкие крестьянские массы в среднеазиатских ханствах. Под давлением масс младохивинский комитет в ноябре 1919 года обратился к советской власти за помощью против Джунаида. Началось собирание революционных сил под руководством большевиков. Центром движения явился советский Турткуль, куда бежала от преследований революционно настроенная часть хивинского населения. Здесь хивинские революционеры формировали добровольческие красные отряды. Впервые хорезмские крестьяне выступали на вооруженную борьбу под руководством пролетарской партии. Учитывая народные настроения, ряд туркменских родовых вождей отказался от белогвардейской помощи и порвал с Джунайдом. Так поступили Азис-хан, Кош Мамед-хан, Гулям Али.

В декабре Джунаид вместе с отрядами белогвардейцев перешел Аму-Дарью и попал на части Красной Армии, но потерпел поражение. 26 декабря добровольческие дружины, состоявшие из бежавших из Хивы противников ханского режима, вместе с частями Красной Армии перешли на хивинский берег (вскоре части Красной Ар-

мни возвратились обратно). Одновременно произошло народное восстание и в самой Хиве. Джунаид-хан бежал. Хак Сейд Абдулла отрекся от престола и передал власть временному правительству из членов младохивинского комитета. 30 апреля 1920 года был созван Всехорезмский курултай (съезд народных депутатов), провозгласивший Хорезмскую народную республику.

Тот же процесс нарастания и объединения революционных сил происходил после Октябрьской революции и в Бухарском ханстве. После разгрома белогвардейских сил и поражения Джунаида в Хиве буржуазное реакционное правительство осталось без всякой поддержки. Бежавшие от преследований младобухарцы объединились. Центром их стал Ташкент. Вспыхнуло революционное восстание, охватившее широкие массы бухарского крестьянства. 2 сентября 1920 года бухарский эмир Сейд Алим бежал из столицы в Восточную Бухару. Оттуда он пытался наступать на революцию, опираясь на сепаратистские стремления местной родовой аристократии и используя басмачество.

14 сентября образовалось новое правительство из младобухарцев, а 5 октября собрался I съезд трудящихся Бухары, провозгласивший Бухарскую народную республику. Новая республика в течение года отражала натиск сначала войск эмира, затем, после его поражения, — басмаческих банд, возглавляемых турецким генералом Энвер-пашой. Территория Бухары была окончательно очищена от басмачества в 1922 году при содействии Красной Армии.

Временные правительства в обеих республиках образовались из младобухарского и младохивинского комитетов. Революция 1920 года, однако, с самого начала пошла значительно дальше младобухарского и младохивинского движений и их программ. Крестьянство не удовлетворилось свержением хана и объявлением республики: оно требовало удовлетворения своих жизненных интересов, прежде всего разрешения вопроса о земле и воде. В то же время революция в среднеазиатских ханствах совершилась под непосредственным воздействием развернувшейся в России социалистической революции, создавшей уже советскую форму государства, и под сильным влиянием партии большевиков. Эти особенности революции 1920 года отразились на государственном строе новых республик. Республики эти стали не буржуазно-демократическими, а народными, советскими, хотя еще и не социалистическими. Ленин называет их крестьянско-советскими республиками¹. По консти-

туциям Бухары и Хорезма (Хивы), в этих республиках был установлен советский строй, но с существенными отличиями от общественного устройства советских социалистических республик: отсутствовала диктатура пролетариата и сохранялась частная собственность на средства производства. Ограничения частной собственности устанавливались лишь в отношении владения землей, для которого была предусмотрена законом норма. Ханские земли были национализированы и распределены между безземельными и малоземельными крестьянами, но сохранилось вакуфное землевладение. Продолжали существовать суды казисов, действовавшие по шариату, и духовные мусульманские школы (наряду с государственными светскими). В то же время в Бухарской и Хорезмской народных республиках благодаря работе большевиков росли сознание и организованность бедняцких и полупролетарских масс крестьянства. Советские социалистические республики оказывали советским Бухаре и Хорезму большую политическую, экономическую и культурную поддержку.

Все это способствовало быстрому движению крестьянских советских республик по социалистическому пути.

В 1924 году Бухара и Хорезм стали советскими социалистическими республиками и вошли в состав СССР². Это был огромный шаг вперед в движении народов Средней Азии по пути к социализму. Вхождение Бухары и Хорезма в Советский Союз устранило главное препятствие к национальному размежеванию народов Средней Азии.

«В эпоху дореволюционную обе эти страны (Туркменистан и Узбекистан. — Н. Ф.) были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих»³. Устранение межнациональных противоречий обеспечило национальное самоопределение и братское сотрудничество в строительстве социализма для всех среднеазиатских народов.

В результате национального размежевания на месте Бухарской и Хорезмской республик образовались Узбекская и Туркменская союзные и Таджикская автономная, позднее ставшая союзной, ССР.

² Преобразование советских народных республик в советские социалистические республики происходило при скрытом противодействии младобухарцев и младохивинцев, разоблаченных впоследствии как шпионско-диверсионная агентура иностранных разведок.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 201—202. Госполитиздат. 1939.

Из истории Индо-Китая

Поражение Франции в пронесходящей ныне второй империалистической войне одолело Французский Индо-Китай, бывший в течение 80 лет колонией Франции, одним из узловых пунктов столбовых империалистических держав на Тихом океане.

Естественные богатства страны: каменный уголь, апатиты, железо и другие ископаемые; непрерывно возрастающая (до 1940 года) продукция каучука; рис, идущий в огромном количестве на мировой рынок, — все это делает Индо-Китай лакомой добычей для империалистических держав. Но еще большее значение в ходе развития второй империалистической войны приобретает Индо-Китай как исключительно выгодная стратегическая позиция в Юго-восточной Азии.

Географическое положение Индо-Китая¹, его соседство с Китаем, давнишним объектом притязаний империалистических держав, соседство с Бирмой, а следовательно, с Индией — монопольным владением Англии, — с Сиамом, его близость к Голландской Индии, к Британской Малайе, к Филиппинам еще более усиливают притягательные свойства Индо-Китая для империалистических хищников.

Самым настойчивым претендентом на Французский Индо-Китай является Япония. В широком плане создания «нового порядка» в Юго-восточной Азии, т. е. подчинения всех стран этой части мира японскому империализму, захват Индо-Китая является первоочередной задачей. Из Индо-Китая Япония рассчитывает развернуть широкое наступление на Южный Китай и таким путем добиться скорейшего поражения Китая, а затем использовать Индо-Китай как плацдарм для экспансии в страны Южных морей.

События последнего года показали, что Япония уже добилась частичного выполнения своего плана. Тонкин — большая территория Индо-Китая, граничащая с Китаем, — уже оккупирован японскими войсками. Япония предпринимает все более на-

стойчивые шаги к проникновению в Кохинхину.

С западной границы на Французский Индо-Китай ведут наступательные военные силы формально независимого государства Таи (Сиам), которое одновременно с Японией предъявило Индо-Китаю территориальные требования. С конца ноября 1940 года начались военные действия вдоль Меконга, величайшей реки мира, отделяющей Французский Индо-Китай от Таи. 7 февраля 1941 г. открылась в Токио конференция Таи и Индо-Китая при посредничестве Японии по урегулированию пограничного конфликта. В марте 1941 года между обеими странами было заключено соглашение, по которому часть территории Французского Индо-Китая с 1 млн. населения отошла к Таи.

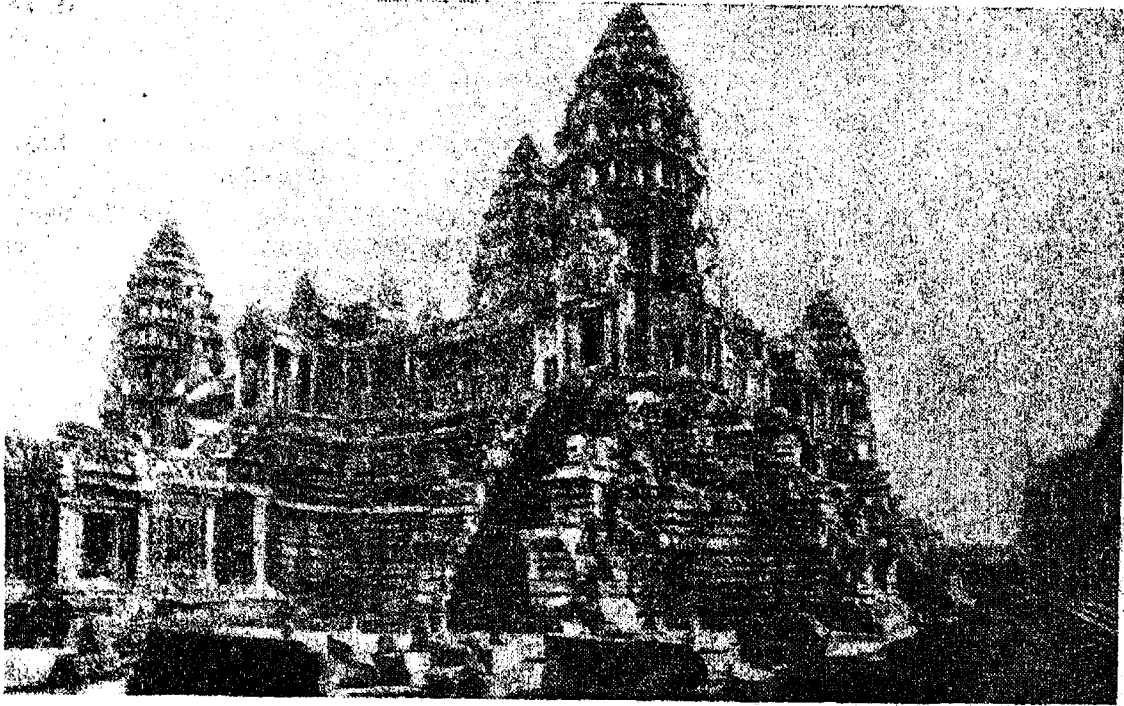
Устремления Японии встречают решительное противодействие других империалистических держав, заинтересованных в разрешении тихоокеанской проблемы в свою пользу, и в первую очередь — противодействие со стороны США. Усиление позиций Японии на Тихом океане не может нравиться американским империалистам. Английские империалисты также не могут допустить, чтобы Япония заняла выгодные стратегические позиции, столь близкие к владениям Британской империи. Как в США, так и в Англии пристально следят за тем, что происходит в Юго-восточной Азии, и предпринимают соответствующие контрмеры против японской экспансии. Лихорадочное укрепление США своих стратегических тихоокеанских позиций, соглашение с Англией об использовании военно-морских баз Великобритании и в первую очередь цитадели британского империализма в Азии — Сингапур — все это свидетельствует о назревании новой пугающей схватки на берегах Тихого океана.

Все эти события последних месяцев, центром которых является Французский Индо-Китай, показывают не только злободневность, но и необходимость изучения положения как современного Индо-Китая, так и его истории.

1

В XVIII—XIX вв., когда западноевропейские капиталисты устремились в далекие заморские страны в поисках рынков сбыта и рынков сырья, и позже, в эпоху

¹ Французский Индо-Китай занимает восточную и юго-восточную части Индокитайского полуострова, расположенного между Бенгальским заливом и Южнокитайским морем. Он является третьей по величине (741 тысяча квадратных километров) и первой по численности населения (23 миллиона человек) колонией Франции.

Ангкор Ват. Индо-Китай.

монополистического капитализма, когда империалистические державы кроили и перекраивали карту мира, Индо-Китай оставался объектом устремлений и ожесточенной борьбы великих держав, главным образом Франции и Англии. В самом конце XIX века и в начале XX века сложилось такое соотношение сил на международной арене, при котором Франции удалось победить в этой борьбе и подчинить себе Индо-Китай.

Захват Индо-Китая был источником не только ряда столкновений между Францией и Англией, но и ожесточенной борьбы народов Индо-Китая, отстаивавших с оружием в руках независимость своей страны.

До того как современный Индо-Китай был покорен и превращен в колонию французского империализма, народы, его населявшие, прошли долгий исторический путь.

На территориях современных составных частей французского Индо-Китая: Аннама, Тонкина, Кохинхины, Лаоса и Камбоджи — на протяжении веков создавались и вновь распадались государства. Отдельные народы, населявшие эти государства, достигли высокой степени культуры. Об этом свидетельствуют сохранившиеся грандиозные сооружения знаменитых мертвых городов Ангкор Том и Ангкор Ват, построенных в XI и XII веках древним народом — кхмерами. Это подтверждают и старинные башни — памятники культуры другого народа, шамов, — встречающиеся в разных частях Индо-Китая.

Но в результате непрерывных военных

столкновений и чужеземных нашествий многие великие народы древности, населявшие эти земли, превратились в численно небольшие, жестоко угнетенные племенные группы.

Предки аннамитов (в старые времена этот народ носил название «жиао-чи»), самого многочисленного из народов, населяющих в настоящее время Французский Индо-Китай (18,5 миллиона из 23 миллионов всего населения страны), появились на этой территории за много столетий до нашей эры. Китайские и аннамские летописи, на данных которых основываются французские и китайские работы по истории Индо-Китая, указывают, что Виет-Нам — «Страна юга», — населенная древними аннамитами (в нее входила южная часть современных китайских провинций: Юннань, Гуандун и Гуанси, — весь современный Тонкин и часть Аннама), на протяжении долгих веков сохраняла свою самостоятельность и вела оживленную торговлю с Китаем.

Во II веке до нашей эры китайские войска наводнили и покорили страну Виет-Нам. Она была превращена в китайскую провинцию, управляемую китайскими наместниками.

После покорения Виет-Нам стала не только данникой Китая; летописи говорят о том, что китайцы принуждали ее народ работать в рудниках, добывать золото и драгоценные камни, вылавливать со дна моря жемчуг, охотиться за высоко ценящимися белыми слонами. В стране были установлены тяжелые подати и повинности.

Древняя королевская гробница в Камбодже.

В начале нашей эры китайцы начали заселять страну Виет-Нам: туда ссылались осужденные на изгнание за пределы Китая. Постепенно в Виет-Нам проникала китайская культура. Китайцы обучили местных жителей возделывать рис, научили их отливать орудия, необходимые для работы на рисовых полях.

Желая подчеркнуть, что страна покорна им, китайцы стали ее называть (с III века нашей эры) «Ан-нам», что означает «Умиротворенный юг». Но в действительности страна Виет-Нам отнюдь не была умиротворена. Возмущение народа против угнетателей неоднократно прорывалось в форме восстаний. На протяжении почти полутора тысячелетий аннамский народ вел борьбу против иноземного гнета. Ему не раз удавалось сбрасывать иго завоевателей. История этой освободительной борьбы еще не изучена, но о ней сохранилось много легенд и преданий. Из поколения в поколение передавались имена полководцев и вождей, которые вели народ на борьбу против иноземцев-захватчиков. Эти имена еще и сейчас чтят как имена национальных героев. Так, народные предания сохраняли память о двух сестрах: Трынг Трак и Трынг Нью, — поднявших в 40 году I века нашей эры народное восстание, во время которого был изгнан китайский правитель. Только через три года восстание было подавлено.

Такие восстания неоднократно повторялись и в последующие века. Но только в

XV веке, после десятилетней войны (1418—1428), аннамский военачальник Ле Ло, о котором летописи говорят как о храбром солдате и искусном полководце, сумел окончательно изгнать китайских правителей из страны.

Освободившись от китайского гнета, Аннам все же оставался в продолжение нескольких веков в вассальном подчинении у Китая. Китайский император утверждал аннамских «вуа» (королей) в их королевском сане, он передавал аннамскому королю его владения на правах лена и вручал ему ежегодно позолоченную печать с изображением поднимающегося перблюда, который являлся эмблемой вассальных отношений. Со своей стороны аннамские короли должны были в знак своей преданности и покорности регулярно отправлять караваны с данью китайскому императору.

Страна была населена многочисленными народностями и племенами, которые стояли на разных ступенях общественно-экономического развития. Часть из них сохраняла родовой строй (главным образом горные племена Индо-Китая); в основном же преобладал феодальный строй, сохранившийся в Аннаме вплоть до завоевания его французами. При этом значительного развития достигли уже товарно-денежные отношения. В основе общественного и государственного строя в Аннаме лежала эксплуатация общины; аннамское феодальное государство держалось на крепостном труде аннамского крестьянина.

Феодалы-мандарины получали в качестве дуделов известное количество деревень, население которых несло барщину и выплачивало наряду с этим оброк натурой. В Камбодже барщина доходила до 3—4 и даже 6 месяцев в году. Известную долю собираемого оброка мандарины вносили королю; кроме того они содержали за свой счет определенное количество солдат. Король и учреждения культа — пагоды — имели своих, приписанных к ним крестьян. В Камбодже и Лаосе существовал с давних пор узаконенный институт долгового рабства. Рабы являлись полной собственностью своего господина, они могли быть проданы вместе с землей, скотом и другим имуществом. Рабами становились также пленники, захваченные во время войны.

Между «вуа» (королями) и «шуа» (крупнейшими феодалами) происходили беспрерывные столкновения. Банды наемников, находившихся на содержании у отдельных мандаринов, грабили и разоряли народ. Король и феодалы, которым нужны были все большие и большие средства для содержания войска и ведения войн, беспрерывно увеличивали размеры сборов

и повинностей. Феодалыная междоусобица, частые военные столкновения и все увеличивавшиеся поборы изнуряли и разоряли население.

Летописи и записки миссионеров сообщают о народных движениях, направленных уже не только против иноземцев, но и против своих угнетателей — феодалов. Самым мощным восстанием народа против феодалов было восстание тайшонов, вспыхнувшее в 1771 году и достигшее грандиозного размаха. Тайшоны свергли правящую династию.

Борьба между тайшонами и Нгуен Аном, свергнутым королем, продолжалась около 30 лет с переменным успехом и сопровождалась большими потерями с той и другой стороны. Через полтора десятка лет после начала восстания тайшоны заняли значительную часть Кокхинкина, Аннама и Тонкина. Китай вынужден был признать Нгуен Ван-гье, одного из тайшонов, королем страны.

Тайшоны сумели создать армию и даже военный флот. Но главная их сила была в поддержке народных масс, которые рассматривали эту борьбу как священную войну против своих угнетателей — больших и малых мадариков. Но народные массы активно поддерживали тайшонов только некоторое время. Когда руководители тайшонов, достигнув власти, продолжали ту же политику народного угнетения, как и свергнутая династия, народные массы постепенно начали отходить от движения.

Поражению тайшонов способствовали и французские корабли, снаряженные французскими миссионерами и купцами, находившимися во Французской Индии и Индо-Китае и заинтересованными в укреплении влияния Франции в Индо-Китае.

После долгих и кровопролитных битв в июне 1801 года Нгуен Ан одержал окончательную победу над тайшонами. В 1802 году он овладел Тонкином и провозгласил себя королем под именем Жиа Лонга, а в 1806 году объявил себя императором и образовал Аннамскую империю, в которую вошли Аннам, Тонкин и Кокхинкина; Камбоджа и Лаос стали ее вассалами.

При Жиа Лонге был воссоздан центральный государственный аппарат, проведены административное деление страны и перепись населения, составлены земельные указы в Кокхинкине; проведено новое обложение земель, выработаны кодексы законов, созданы императорская армия и флот.

Все это говорит о том, что Аннамская империя в начале XIX века все в большей мере выходила из феодальной замкнутости. В стране уже шел процесс образования внутреннего рынка. Аннам становился на путь самостоятельного развития,

на путь, который был шассильственно прерсечен французским вторжением.

2

Непосредственному захвату и закабалению Индо-Китая предшествовала деятельность в стране первых разведчиков французского капитализма на Дальнем Востоке — католических миссионеров.

На протяжении XVI, XVII и XVIII веков сначала португальские, испанские и голландские, а позже английские и французские миссионеры и купцы старались укрепиться в отдельных пунктах Индо-Китая. Во Франции в министерствах флота и иностранных дел скоплялись кипы докладов и отчетов, в которых самыми яркими красками описывались блестящие перспективы торговли с этой богатой страной.

Но, тем не менее, торговые связи Индо-Китая с европейскими странами, которые начали было развиваться в XVII — начале XVIII века, значительно ослабели. Непрерывные войны и междоусобицы в Аннаме, видимо, сильно мешали развитию торговли. Западноевропейские купцы неохотно торговали со страной, где их прибыли подвергались большому риску и где их товары облагались значительно более высокими пошлинами, чем товары соседних, восточных стран.

Только во втором десятилетии XIX века французская буржуазия начала предпринимать попытки вновь завязать торговые

Бонза. Статуэтка из дерева. Искусство аннамитов.

отношения с Кохинхинной. Революция конца XVIII века раз навсегда сокрушила во Франции феодализм. Во Франции, хотя и с трудом, прокладывала себе путь промышленная революция. В годы реставрации шло быстрое накопление, усиленно рос дешезный капитал, крепла буржуазия. Отдельные группы французской буржуазии уже тогда остро ставили вопрос о колониях. Несмотря на то что Англия, разрушившая первую колониальную империю Франции, прилагала все усилия, чтобы в корне пресечь попытки Франции вновь обзавестись колониями, французская буржуазия делала все более настойчивые шаги в этом направлении.

Начиная с 1817 года в Индо-Китае направляются сначала торговые, а затем военные французские корабли. Но долгое время попытки Франции закрепиться в Аннамской империи кончались полной неудачей.

Англия со своей стороны предпринимала в первой половине XIX века попытки возобновить торговые связи с Индо-Китаем, но они также ни к чему не приводили.

Перспектива торговли с Францией и другими европейскими странами нимало не соблазнула правителей Аннама. Во-первых, для них было более или менее ясно, что так называемое тропическое, попытки которого чаще всего сопровождалось канонадой, является лишь предлюдием к установлению иноземного гнета. Во-вторых, та незначительная потребность во внешнеторговых связях, которую мог ощущать тогдашний Аннам с его натуральным в основном хозяйством, полностью удовлетворялась торговлей с Китаем. Наиболее важные рынки (например Фай-фо в Кохинхине) были в руках китайцев.

«Религиозная» деятельность французских миссионеров вызывала в Индо-Китае растущую неприязнь. Становились все более ясными действительные мотивы, приводившие католических попов в страну. Да и сама по себе проповедь христианства не могла нравиться правящим кругам Аннама, основной религией которого был буддизм. Император Мин Манг издал даже специальный указ, запрещающий деятельность миссионеров в стране.

Действия французских военных кораблей у берегов Индо-Китае красноречиво говорили о том, что имеется в виду уже не только завязывание торговых связей, а прямой и насильственный захват страны.

Закабалив Алжир, Франция хотела по примеру Англии принять участие в разграблении и захвате дальневосточных стран. Англия, чрезвычайно расширив за протяжении первой половины XIX века свои владения в Индии, усиленно грабила

Китай. Как известно, Франция приняла участие во второй «опиумной войне» в Китае (1857—1858 годы). Для французской буржуазии вопрос о захвате Индо-Китае уже с первых шагов тесно переплетался с вопросом о проникновении в Китай. Биржовым политикам, финансистам и дельцам Франции мерещился Китай, с его сотнями миллионов населения, с баснословными богатствами и обширными рынками.

Была, однако, сила, стоявшая на пути Франции. Этой силой являлась Англия, начавшая хозяйничать в Китае. Традиционная политика английского правительства испокон веков состояла в том, чтобы не дать никому утвердиться по соседству с Индией, которую английская буржуазия уже с XVIII века считала своей вотчиной.

Французской буржуазии было не под силу тягаться с Англией.

Внешняя политика Второй империи представляла собой смесь безрассудного авантюризма с трусливой уступчивостью по отношению к Англии. При всем своем припадении к колониальным авантюрам Наполеон III выжидал момента, когда создастся благоприятная международная обстановка для атаки на Индо-Китай.

Переход правительства Пальмерстона к активным действиям в Китае несколько развязывал руки Франции в Индо-Китае. В Париже имели основания предполагать, что Англия, занятая по горло своими делами в Китае, не будет мешать Франции закрепиться в Индо-Китае. Так и получилось на деле.

Предлогом для начала давно задуманной экспедиции послужили «преследования миссионеров» в Аннаме. Было объявлено, что Наполеон III и испанская королева Изабелла II решили наказать аннамского императора Тудука и защитить дело католической церкви. Участие испанских военных сил в экспедиции было относительно небольшим. Испания была привлечена к этой экспедиции главным образом для того, чтобы расположить общественное мнение в пользу экспедиции как заграничной, так и в самой Франции, где была сильна оппозиция против колониальных авантур империи.

31 августа 1858 года объединенные франко-испанские силы под командованием адмирала Риго де Жемуиля вошли в бухту Турана и приступили к бомбардировке города.

Так началась военная экспедиция в Кохинхину, которая не принесла славы французскому оружию.

Эта экспедиция была трудной прежде всего с военной точки зрения. Военные

Носильщики риса. Тонкин.

действия развивались в тропических лесах, в болотах, под палящим солнцем. Переходы совершались через затопленные водой рисовые поля. Французские солдаты плохо переносят климат; эпидемии холеры и дизентерии опустошали воинские части. Тропическая лихорадка косила их ряды. Потери (главным образом от болезней) были очень велики. Аннамиты оказывали жестокое сопротивление французам.

Военные действия длились несколько лет. Французы нередко терпели поражения. Особенный ущерб французским войскам наносили непрерывно действовавшие партизанские отряды.

Только 4 июня 1862 года был заключен договор между императором Франции и королевой Испании с одной стороны и императором Аннама — с другой. По статье 3-й договора, Франции передавались 3 кохинхинские провинции: Биен-Хоа, Жиа-Дин и Ми-тхоо, а также остров Пуло-Кандор; французским купцам предоставлялось право свободной торговли по Меконгу и всем его притокам; разрешалось свободное плавание и всем французским военным судам; открывались для свободной торговли три кохинхинских порта: Турай, Балат и Куанг-Ан; Франция и Испания получали преимущественные права в этой торговле; Аннам обязывался также заплатить Франции и Испании в течение 10 лет контрибуцию в размере 20 миллионов франков.

В течение последующих лет Франция

захватила и остальные 3 провинции Кохинхины: Винь-Лонг, Хатиен и Чау-Док. Военный режим в Кохинхине официально существовал вплоть до февраля 1869 года, потому что в течение всех этих лет партизанская война народных масс в Кохинхине не утихала. Но и после того как был опубликован декрет, установивший гражданскую администрацию, продолжалось усмирение Кохинхины.

После Кохинхины на очередь встал захват Камбоджи. Завоевание этой богатой страны сулило большую добычу. Пном-Пень, главный город Камбоджи, имел большое торговое значение (через него шли товары из Сиам в Сайгон), а также стратегическое (его положение на важнейшей водной артерии — Меконге).

По договору 1862 года, Аннам передавал свои суверенные права на Камбоджу Франции. Но Камбоджа с давних пор находилась и под суверенным покровительством Сиам, в котором к тому времени закрепилось влияние Англии.

Вопросы, касающиеся границ Сиам и его взаимоотношений со своими соседями, не могли решаться без Англии. Таким образом, завоевательные планы Франции и здесь столкнулись с интересами Англии.

Вопрос о Камбодже решался в течение нескольких лет, на протяжении которых англо-французские отношения неоднократно обострялись. В результате длительных переговоров в июле 1867 года между Фран-

цией и Сиамом был заключен договор, по которому Сиам признавал протекторат Франции над Камбоджей, но зато, по этому договору, Франция уступала Сиаму две богатейшие провинции: Баттамбанг и Сиам-Реал.

Установлению французского господства не обошлось и в Камбодже без долгой и кровопролитной борьбы захватчиков с народными массами. В 1866 году вспыхнуло восстание, которое охватило огромный район — часть Кохинхины и Камбоджи. В этом районе собралось много тысяч повстанцев: аннамитов, камбоджийцев, шамов и стэнгов. Общая борьба объединила эти, ранее враждовавшие между собой народности. Французы наводнили районы восстания войсками и подавили его.

3

Вслед за тем Франция немедленно перешла к захвату Тонкина, наиболее густо населенной области Индо-Китая, о баснословных богатствах которой давно рассказывали миссионеры и купцы. Но для финансовой клики, направленной политикой Третьей республики, значение Тонкина определялось прежде всего его соседством с Китаем.

Во время захвата Кохинхины и Камбоджи Китай не оказал решительного сопротивления французским войскам прежде всего потому, что он сам в тот момент переживал последствия войны с Англией и Францией и последствия грабительских тьяньцзиньских договоров¹. К тому же Кохинкина и Камбоджа не были смежными с Китаем областями. Налажение на Тонкин неизбежно приводило Францию к военному столкновению с Китаем. Английская буржуазия также отнеслась весьма неодобрительно к намерению Франции ворваться через Тонкин в Южный Китай.

Опор народных масс французским завоевателям начался уже при первых попытках французского военного вторжения в Тонкин. Отряды аннамских и китайских партизан, живших в пограничных районах, так называемых «Черные флаги»², вступили в борьбу, как только французские

¹ Тяньцзиньские договоры были подписаны в 1858 году в результате войны Англии и Франции с Китаем. Согласно этим договорам, Китай обязывался принять постоянных иностранных послов, открыть для иностранной торговли ряд новых портов, уплатить большую контрибуцию и т. д.

² Партизанские китайские и аннамские отряды, действовавшие в пограничных районах, получили название «Черных флагов» потому, что они шли в бой с маленькими черными флажками.

войска появились в Тонкине. На протяжении двух с лишним десятков лет происходила партизанская война против французского нашествия.

В октябре 1873 года французское командование в Кохинхине послало в Тонкин военные суда под командованием лейтенанта Франсиса Гарнье. 9 ноября 1873 года Гарнье предъявил командующему аннамскими войсками ультиматум об очищении в двухдневный срок крепости Халой. 12 ноября он повторил свой ультиматум, а 18-го объявил в обращении к населению об открытии Красной реки «для торговли государством, имеющих договоры с Аннамом», т. е. Франции, Испании и Китая. Произошли кровавые столкновения между французскими и аннамскими войсками, в результате которых Гарнье захватил Халой и часть тонкинской дельты.

Однако победа была кратковременной. Тотчас же началось ожесточенное сопротивление населения Тонкина и борьба партизанских отрядов против французских завоевателей. Гарнье был убит в бою. «Черные флаги» теснили французов. Положение было таким, что французское правительство решило добиться мира. 15 марта 1874 года был заключен договор между Францией и Аннамом. Большая часть французских войск была эвакуирована из Тонкина.

Согласно 2-й статье договора, Франция признавала суверенитет аннамского короля и его полную независимость по отношению ко всякой иностранной державе. Франция обязывалась оказать ему необходимую «помощь» для поддержания в его государстве «порядка и спокойствия» и для защиты его от «всякого нападения». Но в 3-й статье договора аннамский король обязывался сформировать свою внешнюю политику с политикой Франции. Аннам лишился права заключать какие-либо торговые договоры, противоречащие договору, заключенному с Францией, и обязывался открыть для торговли города Хайфонг и Халой и всю Красную реку, от моря до Юннани.

Французские колониальные политики рассматривали этот договор лишь как перемирие, как «переход к окончательному конфликту»³. Ни Франция, твердо решившая не только захватить Тонкин, но и установить свое неоспоримое влияние в южнокитайских областях, ни Китай, не желавший без борьбы согласиться на установление французского протектората над Аннамом и на захват французами Тонкина, не могли удовлетвориться положением, которое создавалось в результате договора.

³ Gaissman «L'oeuvre de la France au Tonkin la conquête, la mise en valeur», p. 39. Paris. 1906.

И действительно, последующие годы показали, что такое положение долго длиться не могло. В сентябре 1878 года Аннам обратился за военной помощью к Китаю для подавления восстания на севере Тонкина. Китай направил свои войска в Аннам. Франция заявила протест.

25 марта 1882 года французские военные суда и солдаты под командованием Ривьера были направлены губернатором Кохинхина в Тонкин. Ривьер, прибыв 25 апреля 1882 года к стенам крепости Ханой, начал с предъявления ультиматума тонгдоку (начальнику) крепости. Ультиматум с предложением полной капитуляции был послан в 5 часов утра; на ответ давался двухчасовой срок. В 8 часов утра началась осада крепости, которая и была взята французами.

Население Тонкина ответило на действия французов массовым сопротивлением. Во главе движения стояли «Черные флаги».

Снова начались долгие годы военных действий в Индо-Китае; французские войска не раз терпели поражения. Франция вынуждена была посылать новые и новые подкрепления в Тонкин; вопрос о кредитах на тонкинскую экспедицию вновь ставился во французском парламенте.

В конце концов Аннам все же вынужден был капитулировать, и 25 августа 1883 года была подписана предварительная конвенция о протекторате, а 6 июня 1884 года — «договор» между Францией и Аннамом, предусматривающий полное подчинение Аннама Франции.

Но даже и после капитуляции аннамского правительства война в Тонкине не прекратилась и даже не ослабела. Эта война превратилась в войну французских отрядов против тонкинских партизан.

«Черные флаги» продолжали сражаться с исключительной храбростью. Даже французское командование вынуждено было признать их беззаветное мужество.

Положение французов в Тонкине резко ухудшилось после вступления в войну Китая. В связи с действиями Франции Китай выразил протест и потребовал эвакуации французских войск из Тонкина. Французы не только не эвакуировали своих войск, но продолжали передвигаться в Тонкин. Китай послал в Тонкин свои регулярные войска.

Под красными, черными и белыми знаменами повстанческие отряды и регулярно китайские войска теснили французов. Положение французских войск становилось угрожающим. Одна телеграмма за другой летели в Париж с требованиями подкреплений, снаряжения, военных материалов. В конце 1883 — начале 1884 года Франция послала в Тонкин новые войска. После кровопролитных боев с большими потерями

с той и другой стороны французы заняли Сонтэй, Бак-Нинь, Хунг-Хоа и ряд других районов.

Под влиянием этих успехов французов Китай согласился на заключение «предварительной конвенции о дружбе и добрососедских отношениях». Конвенция, подписанная 17 мая 1884 года в Тяньцзине, должна была служить основой для окончательного договора между Францией и Китаем.

Однако уже 23 и 25 июня 1884 года произошли новые кровавые столкновения в Бак-Ле, спровоцированные французами.

После инцидента в Бак-Ле война с Китаем возобновилась с новой силой. В августе 1884 года французский флот подверг бомбардировке арсенал в Фу-Тчэу и китайский флот на реке Мин, нанеся ему значительный ущерб. Затем французский флот подошел к Формозе (остров Тайвань) и через некоторое время занял порт Келунг. В январе 1885 года адмирал Курбе блокировал устье Ян-Цзы; в марте того же года французы захватили Пескадорские острова. Но 27 и 28 марта 1885 года произошло значительное поражение французских войск под Лялгсоном. Теснимые китайскими войсками, французы бежали, потеряв большую часть своих солдат.

Бриер де Лиль, командующий французскими войсками в Индо-Китае, послал тревожную телеграмму в Париж, требуя новых подкреплений. Эта телеграмма, опубликованная в парижской прессе, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Толпа в несколько тысяч человек собралась у респоток дворца Бурбонов с криками: «Долой Ферри!»¹. В палате был поставлен вопрос о доверии правительству. Министерство Жюль Ферри пало. Падение Ферри было «провалом руководимой биржевыми спекулянтами колониальной политики»².

Нельзя ни на минуту упускать из виду ту роль, которую на протяжении всей истории захвата Французского Индо-Китае играла британская дипломатия. В начале войны в Тонкине Англия через своего советника подталкивала Китай к активным действиям, стремясь развязать войну между Францией и Китаем и тем самым ослабить позиции Франции в Индо-Китае. Но когда Франции удалось захватить ряд важнейших стратегических пунктов в Южнокитайском море, Англия, боясь дальнейшего закрепления Франции в этой части Тихого океана, стала нажимать на Китай, добиваясь, на-

¹ Жюль Ферри — глава французского правительства в тот период, один из основных вдохновителей вторжения в Тонкин.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 457.

оборот, скорейшего окончания войны. Вот почему в январе 1885 года Англия взяла на себя посредничество в переговорах между Китаем и Францией. Нажим Англии на Китай и блокада Яп-Цзы, препятствовавшая снабжению китайских войск, заставили Китай пойти на переговоры с Францией.

9 июня 1885 года в Тяньцзине был подписан договор между Францией и Китаем. Общий характер договора был не слишком благоприятен для Франции. В этом сказались влияние Англии. Договор уже не исключал, правда, из признания господства Франции в Тонкине, но он решительно ограничивал дальнейшие поползновения Франции к расширению. В статье 1-й указывалось, что французские войска «ни в коем случае не могут переходить границу, которая отделяет Тонкин от Китая». Согласно статье 9-й, Франция должна была в течение месяца после подписания договора полностью эвакуировать остров Формозу и Пескадорские острова.

Но подписание договора с Китаем совсем не означало действительного прекращения войны в Индо-Китае (1920—1922). В «Военной истории Французского Индо-Китая», написанной офицерами генерального штаба, так определялись задачи французских войск в Тонкине в 1885 году: «1) усмирить дельту Красной реки, которая вся целиком была охвачена восстанием; 2) завоевать верхние районы Тонкина и потом их усмирить»¹.

Действия по «умиротворению» Тонкина начались в 1885 году и продолжались вплоть до 1897 года. Это были ежегодные военные кампании, которые предпринимались от сентября до мая, т. е. в наиболее благоприятный по климатическим условиям отрезок года.

Тонкинский народ оказывал упорное сопротивление французам, проявляя исключительную выносливость и храбрость. О героизме некоторых вождей повстанческих отрядов сложились народные легенды. К таким вождям относятся Де Там, Де Кие, Док Нью, Люонг Там-ку и многие другие.

Народный герой Де Там на протяжении нескольких лет вел успешную борьбу против французских войск с искусством опытного полководца. Его отряды то появлялись, делая внезапные набеги на воинские части французских войск, то вновь исчезали в горах. Французы заявляли, что Де Там «изъявил покорность», а через несколько месяцев он снова наносил тяжелые поражения французским войскам. И значительно позже, когда французы считали, что они, наконец, добились «замирения» тонкинской дельты,

отряды Де Тама продолжали действовать, и французам приходилось посылать против них сильные воинские части. Несмотря на все преследования старый партизанский вождь был неуловим. Население Тонкина охраняло его жизнь. И только в феврале 1913 года два подкупленных китайца убили его. Эти изменники доставили его голову французскому командованию, которое ее выставило для устрашения народа на рынке в Нья-Пам.

4

Но и после покорения тонкинской дельты Франция считала вопрос о западных границах своей дальневосточной колонии неразрешенным. Речь шла теперь о захвате новой значительной области — Лаоса — и камбоджийских провинций, отданных в свое время под нажимом Англии Сиаму.

Маршал Лиотей в своих письмах из Тонкина писал: «С тех пор, как была признана экономическая необходимость воссоздания колониальной империи и восстановления на Индокитайском полуострове того, что мы потеряли на Индостанском полуострове, трудно себе отдать отчет в том, что наиболее богатым куском этого полуострова является Сиама, и потому особенно важно, логично и полезно создать там протекторат. Мы должны избавиться от всякой притворной чувствительности в отношении независимости этого государства... Если там не будет преобладать наше влияние... там будет другое, это всем хорошо известно. Этот спелый плод упадет в чьи-нибудь руки, надо, чтобы это были наши руки»².

Но Англия не могла допустить столь близкого соседства Франции со своими индийскими владениями. Она захватила Верхнюю Бирму, полностью подчинила Сиама своему влиянию и тем самым отодвинула нежелательного соседа. Правда, 4 июля 1884 года Англия заключила с Францией конвенцию, в которой признавала французское влияние во всем бассейне Меконга. Но развитие дальнейших событий показывает, что Англия вела на Индокитайском полуострове двойную игру: заключив конвенцию с Францией, она толкала Сиама на активные действия в Лаосе.

Сиама, ссылаясь на свои традиционные права, вытекавшие из когда-то установленного вассального подчинения Лаоса, в сентябре 1885 года решил предпринять военную экспедицию в Луан-Прабан, столицу Лаоса. Но Франция со своей стороны считала Лаос «естественным продолжением» Камбоджи и Аннама. На протяжении ряда

¹ «Histoire Militaire de l'Indochine Française», V. I, p. 120. Paris. 1931.

² Lyautey «Lettres du Tonkin et de Madagascar (1894—1899)», p. 438. Paris. 1921.

лет отношения между Францией и Сиамом были очень напряженными. В 1893 году они чрезвычайно обострились и дело дошло до военных столкновений. В результате этих столкновений был заключен договор 3 октября 1893 года между Францией и Сиамом. По статье 1-й договора, сиамское правительство отказывалось от всяких претензий на левый берег реки Меконга и на ее острова.

Англия признала захват Францией Лаоса и левого берега Меконга, зафиксированный договором 1893 года. Но в январе 1896 года Англия заставила Францию подписать конвенцию, в которой обязывала ее признать независимость Сиам, т. е. ставила решительную преграду дальнейшим посягновениям Франции расширяться за счет Сиам. Сиам был разделен на три зоны: 1) собственно Сиам, сохранивший формальную независимость; 2) северный и восточный районы, ограниченные Меконгом, — старые камбоджийские провинции, лаотийские княжества, занятые в разное время Сиамом, объявленные зоной французского влияния, и 3) полуостров Малакка, входивший в зону английского влияния.

Отношения между Францией и Сиамом оставались напряженными, так как Франция считала, что вопрос о границах не урегулирован. Ряд территорий, ранее захваченных Сиамом, до сих пор оставался в его руках.

Разумеется, политику Англии в отношении Сиам определяла не забота о самостоятельности и интересах Сиам, а соотношение сил на международной арене. В начале XX века это соотношение изменилось: налицо было все более намечавшееся сближение между Англией и Францией, направленное против Германии. Частные вопросы подчинялись этому решающему направлению внешней политики Англии.

На этот раз в числе разменной монеты, при помощи которой империалисты регулировали свои взаимные расчеты, фигурировала и часть Сиам. 13 февраля 1904 года был заключен договор между Францией и Сиамом, за спиной которого стояла Англия. По новому договору, Франция приобретала 32 тысячи квадратных километров территории на юге. Сиаму было приказано из Лондона отказаться от суверенитета, который он сохранил в Лаосе и над районом Бассака и над большей частью королевства Луан-Прабан. Со своей стороны Франция должна была эвакуировать порт Шантабун, который она занимала в течение 11 лет после договора 1893 года. Франция делала Сиаму и некоторые другие незначительные уступки. Так был реализован еще один пункт программы французских захватов в Индо-Китае.

Уточнение границ Франции с Сиамом произошло согласно договору 23 марта 1907 года. Сиам возвращал Камбодже, т. е. фактически Франции, провинции Баттамбанг и Сиам-Реал. Империалистическая Франция приобретала 20 тысяч квадратных километров территорий с населением приблизительно в 300 тысяч человек. Таким образом, западные границы Французского Индо-Китая были, наконец, урегулированы.

Теперь Франция выжидала удобного момента для того, чтобы перешагнуть через те ограничения, которые ставил договор, заключенный с Китаем в 1885 году.

Японо-китайская война, в результате которой Япония захватила богатую добычу в Китае, послужила благоприятным поводом для вмешательства европейских государств и наступления новой эры — безудержного грабежа Китая европейскими хищниками. Как известно, Россия, Германия и Франция пред'явили совместный ультиматум Японии об отказе от Ляодунского полуострова. Французские буржуазные историки объясняют вмешательство Франции в дела Китая желанием «обуздать вождения» Японии и «облегчить для Китая бремя симоносекского мира»¹ (1895 год). Под прикрытием столь благородного намерения начался грабеж Китая, захват китайских территорий, получение концессий на разработку горных богатств Китая и т. д.

Франция сумела с большими выгодами для себя использовать создавшееся положение. 20 июня 1895 года была заключена конвенция, уточнявшая границу между Индо-Китаем и Китаем в более благоприятном для Франции смысле. Одновременно была заключена конвенция о торговле, по которой французским подданным, ведущим торговлю в провинциях Юннань, Гуанси и Гуандуне, предоставлялись значительные преимущества. Для французской торговли открывались новые пограничные города: Лунчжоу, Монг-Тзе, Ссе-Мао и Хо-Кеу. Товары, идущие через эти города, облагались меньшими пошлинами. Согласно пункту 5-му, устанавливалось, что «Китай для эксплуатации своих рудников в провинциях Юннань, Гуанси и Гуандуне может обращаться к французским промышленникам и инженерам»; устанавливалось также, что «железные дороги, существующие в Аннаме, могут быть продолжены на китайской территории»². Так намечался путь империалистической эксплуатации южнокитайских провинций.

¹ M. Dubois et A. Terrier «Un siècle d'expansion coloniale», p. 825. Paris. 1902.

² Ibid., pp. 920—924.

Французская буржуазия очень скоро приступила к осуществлению своих планов в этом богатом районе Китая.

С 1896 года началась острая борьба между европейскими государствами за захват концессий на постройку железных дорог в Китае. На юге Китая оспаривали первенство в строительстве железных дорог Англия и Франция. Франции удалось добиться продолжения строительства железных дорог из Тонкина в Юннань и Гуанси. Французская компания начала строить эти дороги. Франция добилась исключительного права разработки копей в Юннани и Гуанси, права приобретения здесь католическими миссиями земель и другого недвижимого имущества и разрешения на реконструкцию арсенала в Фу-Чжоу.

Когда европейские страны начали отхватывать у Китая куски его территории, Франция также получила в концессию на 99 лет территорию и бухту Гуанчжоу-вань, расположенную напротив большого острова Хайнань. Конвенция о передаче Гуанчжоу-вань была подписана 22 апреля 1898 года.

Но этим не ограничились территориальные притязания Франции в отношении Китая. Она добилась от Китая обязательства не уступать никакой иной державе провинций Юннань, Гуанси и Гуандуна, а также острова Хайнань. Таким образом, в этой части Китая прочно устанавливалась «сфера влияния» Франции. Англия допустила

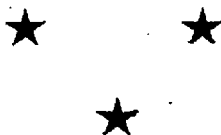
это только потому, что сама она приобрела гораздо более обширную сферу влияния в других районах Китая.

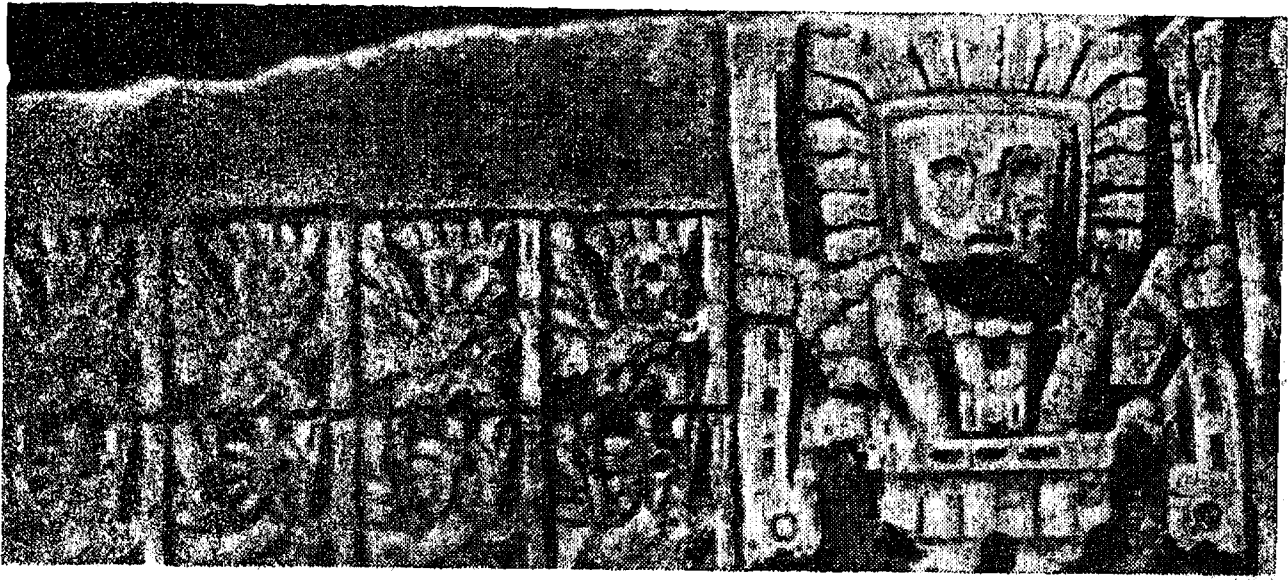
Так в самом конце XIX века оформилась дальневосточная колония Франции. Индо-Китай был завоеван. Перед французскими империалистами стояла задача — создать и укрепить в захваченной стране такой режим, который позволил бы развернуть наибольшую эксплуатацию Индо-Китая и обеспечить получение максимальных прибылей для финансовой олигархии Третьей республики.

* * *

В течение почти полувека «трава» Франции на Индо-Китай не оспаривалась остальными империалистическими державами. Но положение в корне изменилось после военного поражения Франции во второй империалистической войне. От хода и исхода этой войны зависит дальнейшая судьба Индо-Китая, за обладание которым в наши дни уже разгорелась ожесточенная борьба. Но судьба его зависит в конечном счете и от борьбы индокитайского народа за свою независимость.

К началу второй империалистической войны индокитайские народные массы подошли, накопив значительный опыт борьбы за независимость страны. Богатая событиями история этой борьбы требует особого исследования и освещения.

Проф. М. Косвен

Древнее Перу

В 1492 году Христофором Колумбом была открыта Америка. Начался период так называемой конкисты — кровавого покорения народов и племен вновь открытого материка. Углубляясь в страну, конкистадоры столкнулись с двумя достигшими высокого развития очагами древнеамериканской культуры: государствами Мексико и Майя — в Средней Америке и древним Перу — на западе Южной Америки. Прошло примерно 40 лет, и обе эти древние цивилизации были сметены с лица земли, оставив после себя лишь археологические памятники. Правда, Перу оказалось в более выгодном положении, благодаря тому что непосредственно вслед за покорением этой страны ряд испанских авторов занялся изучением ее истории и описанием ее состояния во время конкисты.

Задача настоящего очерка — описать культуру древнего Перу на основании как археологического материала, так и сочинений испанских хронистов.

1

Древнее Перу было расположено в Южной Америке. Две идущие параллельно цепи Анд делили страну на три различных географических района: низменную береговую полосу вдоль Тихого океана, орошаемую незначительными реками и почти совершенно лишённую осадков, плоскогорье, также не имеющее больших рек, но зато оро-

шаемое дождями, и, наконец, полосу тропического леса. Умеренный, ровный климат дал основание назвать Перу «Страной вечной осени». Природа страны в общем небогата. Лишь недра ее в различных местах изобилуют золотом, серебром и медью.

Произведения на территории Перу археологические раскопки дали довольно большой материал по неолиту. Оставляя эти данные в стороне, обращаемся к истории Перу с того момента, когда здесь возникла, судя по археологическим показаниям, обработка металлов. С этой точки зрения, наиболее ранние памятники истории Перу датируются (хотя датировка эта не лишена спорности) IX веком до нашей эры. Так или иначе, археологические памятники, как добытые путем раскопок, так и наземные, свидетельствуют о том, что в течение ряда веков до нашей эры в прибрежной полосе современной республики Перу существовала развитая культура, в частности три центра городского типа: Трухильло, Наска, Писакуанако. Создателями этой культуры были народности чиму, или юнка, и аймара, остатки которых сохранились и поныне.

Наиболее величественными и вместе с тем характерными памятниками этого периода истории Перу являются мегалитические сооружения, сохранившиеся до настоящего времени в различных местах страны, в частности грандиозные ступенчатые пирамиды, одна из которых дости-

гает 40 метров высоты. Техника сооружения древнеперуанских мегалитов замечательна: вес отдельных каменных блоков доходит до 150 тонн; они сложены без всякого скрепляющего материала, но благодаря тщательной отсечке краев так плотно пригнаны, что между отдельными блоками невозможно просунуть даже лезвие ножа. По этим памятникам древнейший период истории Перу иногда именуется мегалитическим.

Наряду с мегалитами древнейшая культура Перу характеризуется замечательной фигурной керамикой: сосудами, имеющими форму своней, плодов, животных и людей (причем сосуды, изображающие людей, часто имели портретное сходство); далее — рельефными изображениями на камне и, наконец, изумительными текстильными изделиями. Изделия эти по своей прочности, тонкости выделки, оригинальности рисунка и яркости красок остаются непревзойденными. Найденные при археологических раскопках, эти древнеперуанские ткани сохраняют всю свою прочность и красочную яркость.

Историю мегалитического периода восстановить более полно сейчас невозможно.

Более или менее достоверная история древнего Перу (не считая все же некоторой легендарности в отношении самой ранней поры) начинается только с XI—XII веков нашей эры, со времени завоевания страны инками. Инки представляли собой, судя по всем данным, одно из племен этнической группы индейцев кичуа, обитавших в центральной части прибрежной полосы Перу и на территории современной Боливии. Предание рассказывает,

что инки явились на плоскогорье, покорили обитавшие здесь племена аймара, а затем в течение трех — четырех веков распространили свою власть на обширную территорию, охватывавшую современные Перу, Эквадор, частично Колумбию, Чили, Боливию и даже Аргентину. Создав таким образом обширное государство, инки сделали его высшим правящим сословием, а вождь племени инков — главой этого государства. По примерному подсчету, численность населения древнего Перу достигала до 12 миллионов.

В начале XVI века, как раз в то время, когда древнее Перу достигло своего наибольшего расцвета, в Южной Америке появились испанцы. Завоевание Перу было облегчено происходившей в тот момент междоусобной борьбой двух братьев, претендентов на престол, Атахуальпы и Гуаскара. В течение 1524—1535 годов Перу было покорено и разграблено, древняя перуанская культура разрушена до основания. Поднятое в 1535 году третьим братом, инкой Манко-Капакон, восстание было жестоко подавлено. В настоящее время потомки древних перуанцев впадают жалкое существование полуколониальных рабов. Частично они смешались с завоевателями.

2

Древнеперуанская культура, культура инков, представляет очень большой интерес.

В технике перуанцев, в оружии и орудиях преобладал в качестве материала камень наиболее твердых пород, в частности обсидиан. При этом перуанцы знали плавку и литье меди, серебра и золота, знали также бронзу, качество которой было здесь весьма высоким.

Основным занятием перуанцев было земледелие, а основной культурой — маис. На андском плоскогорье, в особенности в отдельных местностях, важную роль играл картофель (пипа на языке кичуа), употреблявшийся в вареном и сушеном виде. Как в настоящее время установлено, именно район Перу и Чили является родиной культурного маиса и картофеля; именно здесь эти культуры были впервые выведены из местных диких видов туземными племенами еще в первобытную эпоху их истории.

Обрабатывалась земля мотыгой. Природа страны в общем не особенно благоприятствовала развитию земледелия, главным образом из-за недостатка влаги. Вопрос об орошении разрешался различным образом в двух разных районах страны. На засушливом побережье была устроена сложная система ирригации. Вся эта область была покрыта сетью каналов, плывущихся

Фигурный глиняный сосуд. Древнее Перу.

на сотни километров. Каналы проходили частично по естественным руслам, частично по руслам, выложенным камнем, в некоторых местах — через тоннели и акведуки длиной в 15—20 метров. Для сохранения воды были сооружены огромные резервуары. Размер одного из таких резервуаров, уцелевшего до сей поры, — 1200 на 800 метров; в него поступала вода из двух источников, находившихся на расстоянии: один — 22 километра, другой — 8 километров.

На гористом плоскогорье проблема орошения была разрешена иным образом. Здесь были построены традиционные многоступенчатые террасы, тщательно укрепленные камнем и снабженные системой каналов для стока воды. По всей видимости, в засушливое время года вода на террасы доставлялась в горшках. Превосходным удобрением служили скопившиеся на прибрежных островах мощные залежи птичьего помета — гуано. По-видимому, именно перуанцы впервые использовали этот вид удобрения, получившего затем широкое распространение.

Перуанцы — единственные из всех племен и народностей туземной Америки — знали скотоводство. Они вывели из местных диких видов небольшое верблюдообразное животное — ламу и его разновидность — альпаку. Оба эти животные использовались на мясо и на шерсть, а также в качестве вьючных (впрочем, значение их в этом отношении не было велико, потому что лама берет не больше 50 килограммов и способна на переход не более 20 километров в день, а альпака и того меньше). Родственные этим животным хуанако и вигоны, оставшиеся дикими, также использовались на мясо и шерсть. Перуанцы приручили собаку и имели домашнюю птицу (вид утки).

Довольно высоко было развито в древнем Перу ремесло, в частности керамическое. О торговле имеется мало данных; источниками упоминают о существовании рынков и дорожных торговых пошлин. Деньгами служили раковины, слитки меди и кружки золота.

Общественный строй древнего Перу близок к строю древних восточных рабовладельческих обществ. Рабство достигло в Перу, по-видимому, весьма значительных размеров, хотя каких-либо данных о числе рабов не существует. Источниками рабства было взятие в плен и дарь людьми, которой обладались покоренные племена. Активная завоевательная политика инков сопровождалась захватом целых племен, которые обращались в рабство и переселялись внутрь страны. Рабы поступали в первую очередь в распоряжение главы страны — Инки, являвшегося крупней-

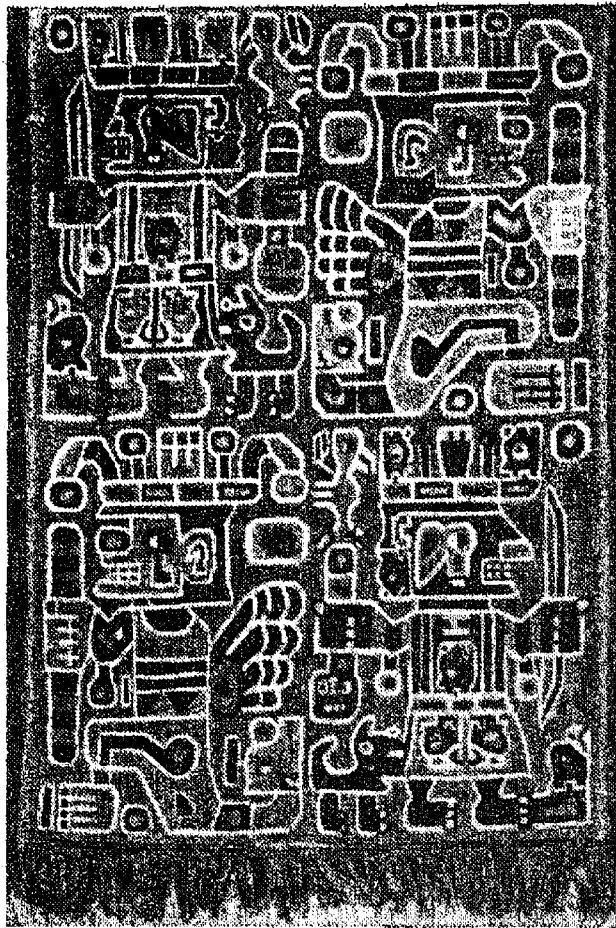

Фигурный сосуд. Древнее Перу.

шим рабовладельцем, затем — знати, получавшей пленных рабов в порядке пожалования, и, наконец, — жрецов и храмов. После этого рабы отдавались, вероятно, и отдельным родовым свободным. Рабы использовались как в домашнем хозяйстве, так и в земледелии.

Основную массу населения древнего Перу составляли свободные общинники — *haciungua*. Древнеперуанская община — айлю — носит, судя по описаниям, отчетливые черты родовой общины. Каждая айлю имела свой тотем, которым являлись животные, растения, элементы и явления природы: змея, кондор, маис, гора, река, гром, молния и пр. Разделение на айлю сохранялось и в городах (деление города на кварталы). Родовая община состояла из семей, представлявших собой основные хозяйственные ячейки. Во главе общины стоял ее старшина.

Более полное представление о древнеперуанской общине и об общественном строе древнего Перу дает ознакомление с системой землевладения и землепользования, а также с отношениями частной собственности.

Ткань с мифологическими изображениями.
Древнее Перу.

Вся подтая к обработке земля делилась в древнем Перу на 3 части. Одна треть этой земли находилась во владении и пользовании общины. Две другие трети распределялись следующим образом: часть, именованная «землей Инки», предназначалась на содержание самого Инки, войска и чиновничества; другая часть, именованная «землей Солнца», предназначалась на содержание жречества и храмовой прислуги, а также больных, вдов, сирот и пр. Все эти земли обрабатывались рабами и свободными общинниками, которые несли также ряд натуральных и трудовых повинностей. Общинная земля распределялась в зависимости от числа членов семьи. Каждый мужчина, вступающий в брак, надеялся одним участком — *tupri* («мера» на языке аймара), размер которого был неодинаковым в различных районах Перу и зависел от условий местности и почвы. Затем прибавлялось по одному *tupri* на каждого родившегося сына и на каждого слугу (раба?) и по $\frac{1}{2}$ *tupri* на дочь. Из этого расчета составлялся падеж семьи, причем ежегодно он изменялся, в зависимости от изменения численности семьи. Во владении отдельных семей находилась, по видимому, только пахотная земля, а поля, луга, лес и другие земли, по особому расчету распределявшиеся по общинам,

находились в коллективном владении и пользовались всей общиной.

Помимо термина «айлю» в источниках фигурирует также древнеперуанский термин «марка», по замечательному совпадению созвучный с древнегерманским термином. И так же, как спорно значение германской марки, спорным оказывается перуанский термин. Надо прежде всего заметить, что тогда как айлю является словом языка кичуа, марка принадлежит языку аймара, и возможно, что оба термина, однозначны. Выказывались, однако, различные мнения о значении термина «марка». Одни считают, что марка представляет собой всю землю общины, другие, — что она означает ту часть общинной земли, которая оставалась в коллективном владении общины, третьи полагают, что марка представляла собой соединение нескольких айлю, наконец, четвертые видят в марке соседскую общину в отличие от айлю, как общины родовой.

Помимо земли каждая семья владела небольшим количеством скота (олам и альпака). В свою очередь вся община также владела коллективно небольшим стадом, мясо и шерсть которого распределялись по семьям. Частной собственности на землю древнеперуанская айлю, как правило, судя по источникам, не знала. Однако отдельные указания источников говорят о том, что земельная собственность начала уже выделяться из общинной земли, сосредоточиваясь в руках старшин.

Таким образом, следует сделать вывод, что господствующей общественной формой в древнем Перу была родовая община с зачатками частной собственности. Наряду с этим имеются признаки, правда, весьма неопределенные, что родовая община переходила в соседскую (в некоторых местах во всяком случае). Происходило ли это в силу процесса имущественной дифференциации в среде общины и происшедшего отсюда падения родственных связей либо же вследствие тех массовых переселений, которые практиковались в Перу, решить сейчас невозможно.

3

Господствующее сословие в древнем Перу состояло из высшего чиновничества, военачальников и местных управителей, по видимому, племенных вождей. Источники иногда называют эту группу инками, утверждая, что именно потомки инков-завоевателей образовали правящее сословие древнего Перу. Вряд ли это точно. По видимому, прямые потомки завоевателей действительно составляли в древнем Перу особый аристократический слой, однако вряд ли знати, как видно из отдельных указаний, пополнялись не только инками.

Знать владела на основе частной собственности землей, рабами, скотом, драгоценностями, роскошными одеждами и пр. Источником этих благ было пожалование Инки.

Инки имели особое отличие — оттянутые мочки ушей, к которым привешивались украшения, почти вроде длинных серег, причем размер этих серег находился в соответствии с рангом данного лица. Испанцы называли их orejones (от oreja — ухо) — ушастые. Но это отличие, составлявшее привилегию инков, получали в порядке пожалования и не-инки за военные и другие заслуги.

Наряду со знатью особо привилегированное сословие составляло жречество, весьма многочисленное, организованное по принципу строгой иерархии. Жречество также владело землями на правах частной собственности, помимо земель, принадлежавших храмам. Главным жрецом был всегда брат или дядя правящего Инки.

Испанские хронисты, как и последующие авторы, особенно охотно и очень подробно останавливаются на личности самого правящего Инки. Инка был верховным наследственным правителем страны, одновременно верховным военачальником и жрецом. Особа его считалась священной; он назывался «сыном Солнца» и обожествлялся. Инка обладал громадным личным богатством и был окружен исключительной роскошью. Помимо собственных земель и громадных стад лам и альпака, Инка владел несметным количеством драгоценностей. Когда один из последних Инков, Атахуальпа, был захвачен испанцами, он предложил в качестве выкупа наполнить золотом и драгоценностями комнату в 40 кубических метров, в которой он был заточен. Уплата выкупа не помешала, впрочем, испанцам предательски убить Атахуальпу.

По описаниям, одежды Инки были обшиты золотом и драгоценными камнями и украшены перьями редких птиц. Он ел и пил из золотых сосудов, никогда не прикасаясь дважды к одному и тому же сосуду, никогда не надевая вторично того же платья и т. д. Появление Инки составлялось торжественной церемонией. Когда он путешествовал, его носили на великолепных носилках. Он восседал на золотом троне; простые смертные не смели взглянуть Инке в лицо. Приблизиться к нему можно было только с босыми ногами, имея в знак покорности какую-либо юшку на голове. Инка имел много жен. Главной его женой, койя, была, по обычаю, его старшая сестра. Сын Инки от этой жены становился его законным наследником. Умерший Инка мумифицировался и помещался на золотом кресле в храме Солнца.

Столицей древнего Перу был город Куско, представлявший обширный населенный центр с роскошным дворцом, великолепными храмами, чудесными садами и пр. Сейчас Куско — один из крупных экономических и культурных центров современной республики Перу.

Как уже говорилось, инки вели активную завоевательную политику. Перуанская армия была основана на всеобщей воинской повинности, а военное воспитание начиналось с десятилетнего возраста. В дальнейшем производился отбор годных к строю, а негодных назначали на вспомогательные работы — в носильщики и пр. Набор в армию был рассчитан таким образом, чтобы $\frac{1}{10}$ часть всего взрослого мужского населения страны постоянно находилась в войсках. Снабжение армии производилось, как было указано, за счет земель Инки; сверх того население поставляло для армии натурой одежду, оружие и пр. Запасы снабжения армии хранились в особых складах — магазинах и арсеналах.

Во вновь завоеванных областях, на границах страны возводились укрепления, строились крепости и т. д. Произведенной в недавнее время аэрофотосъемкой были обнаружены остатки грандиозной стены — оборонительной линии, которая шла на большом протяжении вдоль восточной границы древнего Перу.

Древнее Перу подчиняло соседние племена не только путем завоеваний, но и путем сложной внешней политики: туземные племенные вожди подкупались, в честь побежденных устраивались пышные празднества, и если эти вожди извещали полную покорность, то оставлялись на своих местах, но при этом в покоренных землях размещались перуанские гарнизоны. Однако наиболее действительным средством территориального расширения древнего Перу были очень распространенные массовые переселения. Покоренные племена целыми переселялись внутрь страны либо в неплодородные местности, которые они должны были осваивать. На место выселенных переселились целые группы уже заморенного населения из других областей.

Очень высоко поставлено было в древнем Перу внутреннее управление страной. Основу административной системы составляло разделение всего взрослого мужского населения в возрасте от 25 до 50 лет на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Каждое подразделение имело своего главу. Вся страна в целом делилась на четыре части — по странам света; во главе каждой части стояли наместники Инки. Вся эта система служила целям как управления, так и распределения повинностей и натуральных поборов. Система эта

Развалины укреплений. Древнее Перу.

основывалась на тщательно проводимом учете населения и ресурсов страны, причем ежегодно поступавшие новые сведения контролировались особополномоченными, посылавшимися на места.

Особую черту древнеперуанской организации управления составляла сеть складов или магазинов. Сюда поступал весь урожай с земель Инки и земель Солнца, а также натуральные поборы с населения в виде сырья, сушеного мяса, одежды, обуви и пр. Склады были расположены по всей стране, близ населенных пунктов и вдоль дорог. Каждый склад состоял из 20—50 небольших помещений, удаленных одно от другого на случай пожара. Состояние складов постоянно проверялось особыми надсмотрщиками, испорченные продукты уничтожались и т. д.

Наконец, исключительно высоко стояла в древнем Перу организация дорожного дела и службы связи. Ряд авторов утверждает, что на протяжении всей истории, вплоть до XIX века, ни одна страна не обладала такой развитой и благоустроенной сетью сухопутных дорог и такой организацией связи, как древнее Перу. В труднейших природных условиях, преодолевая все естественные препятствия, при крайне низкой технике древние перуанцы покрыли всю свою страну сетью превосходных дорог, достигавших 6—8 метров ширины, вымощенных смесью щебня с глиной, укрепленных от размыва и

защищенных от заноса песком. Древнеперуанские дороги были сооружены настолько основательно, что некоторые из них сохранились до настоящего времени. Сооружение и поддержание дорог в образцовом порядке составляло повинность местного населения. Во вновь завоеванных областях первым делом сооружались дороги. Две главные магистрали шли вдоль всей страны: одна — вдоль берега океана, другая — по плоскогорью; обе эти артерии соединялись поперечными дорогами, сеть которых все время расширялась. Мосты, при всей своей технической примитивности (перуанцы не знали гвоздей, досок и пр.), представляли собой весьма прочные сооружения из камня, дерева и иного растительного материала.

Примерно на равных расстояниях одно от другого по всем дорогам были расположены *tamri* — обширные здания, представлявшие собой станции — места для отдыха войска и путешественников. Тут помещались и склады или магазины военного снабжения.

Наконец, вся эта система увеличивалась особой бурьерной службой. Бурьеры специально смолodu тренировались в беге и приучались переносить голод и жажду. Они помещались по два человека в кичкингах, расположенных на известном расстоянии одна от другой в возвышенных местах, и должны были постоянно следить за возможным появлением на дороге другого

курьера. Завидев его, один из них бежал ему навстречу, а затем к следующему пункту. Второй курьер предназначался на случай, если новое поручение приходило в отсутствие первого. Передача сообщений производилась при помощи узелковых знаков — «кипу» (о которых мы еще будем говорить) — и просто голосом. В экстренных случаях несложные известия передавались путем дымовых сигналов. Благодаря такой системе связи известия и распоряжения передавались из одного конца страны в другой в течение нескольких дней.

4

В древнем Перу существовало хорошо разработанное неписанное право. Наказания были весьма суровы. Особо преследовались убийство, кража и пьянство; последнее все же было довольно широко распространено. Распоряжения власти объявлялись во всеуслышание на рынках.

Особую черту древнеперуанской жизни, черту, о которой очень много писали и которая, несомненно, значительно преувеличивалась, составляла регламентированность всей жизни и быта. Она проявилась в надельном распределении земли, в десятиричном делении всего населения. Источники свидетельствуют о том, что в древнем Перу были регламентированы занятия охотой, право резать скот, даже потребление топлива. Брак считался обязательным. Если верить источникам, через каждые два — три года в определенное время провозился сбор всех девушек, достигших 18—20 лет, и молодых людей, достигших 24—26 лет, причем особоуполномоченное лицо соединяло супружеские пары. Если это сообщение соответствует действительности, то тут, во всяком случае, надо видеть лишь нечто вроде принудительного брака для перешедших брачный возраст.

Домашний быт древних перуанцев какими-либо особенностями не отличался. Широко было распространено ношение всевозможных украшений. Окраски тела и татуировки, практиковавшейся у многих других индейских племен и народностей, перуанцы не знали. Табак, который курили и жевали по всей остальной Америке, в Перу употреблялся только в качестве медицинского средства.

Весьма непонятны и неочетливы данные сохранились об одном любопытном учреждении древнего Перу. Судя по этим данным, ежегодно со всей страны собирались самые красивые девушки, которые помещались в особые дома, где проводили по несколько лет, обучаясь под руководством старух домашнему хозяйству и совершению культовых церемоний. По окончании курса обучения одни девушки шли

в гарем Инки, другие отдавались в жены знати, наконец, особо избранные посвящались богу Солнца, осуждались на безбрачие и становились служительницами храмов. Их обязанностью было поддерживать священный огонь и выпекать священный хлеб. Они же шили одежды для правящего Инки. Число таких «дев Солнца» доходило в древнем Перу до нескольких тысяч.

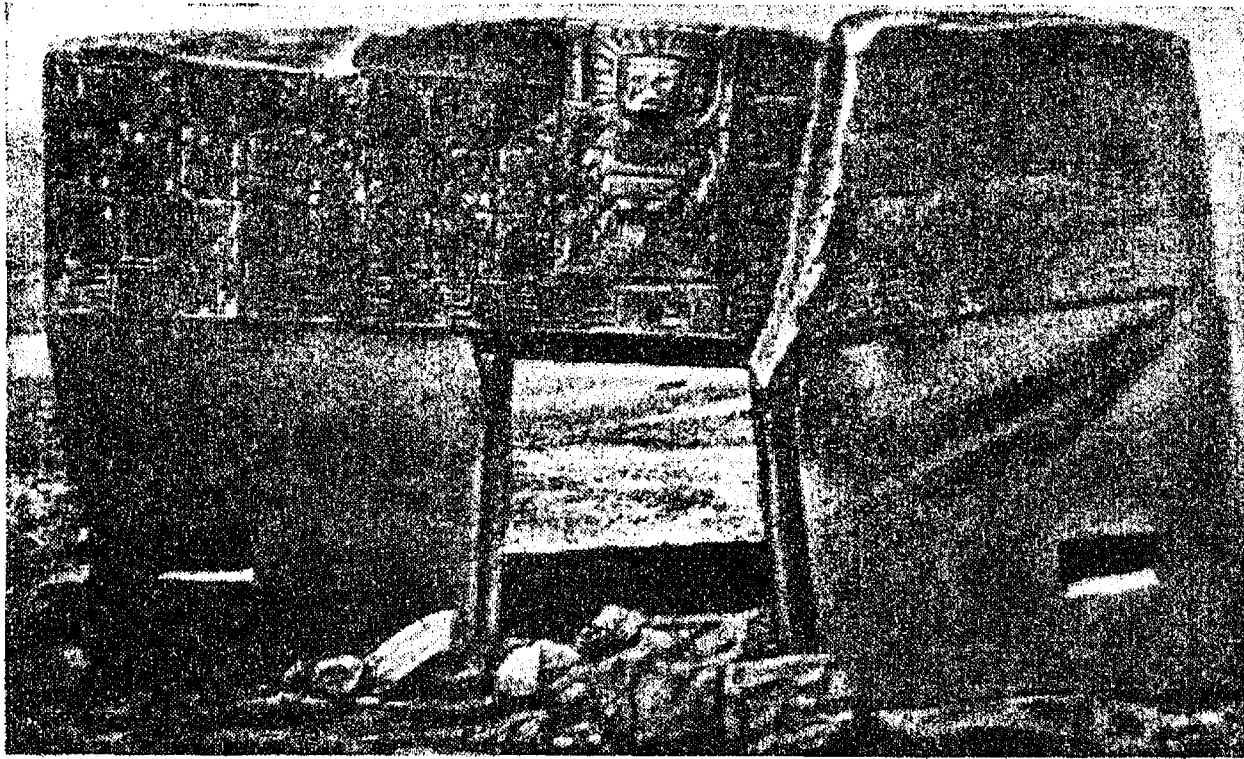
Духовная культура древнего Перу находилась на довольно высоком уровне.

Письменности в древнем Перу не существовало. Счет был десятиричный. Для изображения чисел служили шнуры с узелками. Это первобытное средство обозначения числа, известное ряду народностей, иногда именуемое «узельковым письмом», было доведено в древнем Перу до высокой степени совершенства. Перуанское «кипу» состояло из толстого шнура, к которому был привязан ряд тонких шнурков разной длины и разного цвета с узелками. Цвет соответствовал предмету, для изображения которого служил данный шнурок, например красный — для войска, желтый — для золота. Иногда к тонким шнуркам были прикреплены еще более тонкие для изображения деталей. Но «кипу» служило не только для счета (в частности для обозначения статистических данных). Этим способом передавались также сообщения. «Кипу» служило и календарем. Наконец, судя по указаниям источников, то же «кипу» использовалось для увековечения исторических событий.

Астрономические познания перуанцев были, повидимому, невелики. Календарь состоял из 12 лунных месяцев; солнечный год был неизвестен. Высоко стояла в древнем Перу хирургия. Перуанцы знали не только ампутацию конечностей, но и трепанацию черепа. Найденные при раскопках погребений трепанированные черепа хранят, согласно произведенной экспертизе, бесспорные следы того, что операция была сделана при жизни. Знали древние перуанцы и анестезию. Они культивировали местный кустарник кока, листья которого употреблялись в качестве болеутоляющего средства. Те же листья в смеси с золой съедобного растения квиноа (или квиноа) либо гашеной известью перуанцы жевали в качестве наркотика. Таким образом, древнее Перу является родиной кокаина, а одновременно и кокаинизма.

Несмотря на отсутствие в древнем Перу подлинной письменности здесь существовала история. Это была своеобразная «устная история», передававшаяся из поколения в поколение. Существовали в древнем Перу и «историки». Источники рассказывают, что когда умирал правящий Инка, собирался совет высших должностных лиц и подвергал обсуждению жизнь и деятель-

Ворота с барельефом. Древнее Перу.

ность умершего. Если жизнь его признавалась бесполезной, то в густую хронику вносились только имя, если — полезной, то поручалось поэтам-певцам увековечить память умершего в песнях, которые и передавались из поколения в поколение. Рассказывают также, что один из Инков собрал всех своих «историков», заставил их рассказать все о своих предшественниках, а затем приказал главные события прошлого изобразить в виде рисунков на больших досках, которые были помещены в одной из зал храма Солнца.

Историки в древнем Перу входили в сословие ученых, пользовавшееся особым почетом. Брут ведения ученых был весьма разнообразен. Они производили астрономические наблюдения и составляли календарь, занимались межеванием и составлением земельных планов и географических карт, хирургией, драматическим искусством и музыкой, они же подготовляли законы.

Школа и образование были привилегией знати. В программу школьного преподавания входили, помимо военного дела, различные науки и искусство. Выпускной экзамен включал испытание в силе, умение преодолевать опасности и пр.

Памятников изобразительного искусства древнего Перу сохранилось крайне мало. Живопись, главным образом вазовая, оригинальна, весьма экспрессивна, но все же, с точки зрения чисто художественной, стоит не особенно высоко. Орнамент преимущественно геометрический. Очень хорошие стилизованные изображения на тканях. Высоко стояли различные виды художественного ремесла: керамика, ювелирное

дело и замечательная мозаика из пестрых птичьих перьев. Характерными чертами древнеперуанской архитектуры являются прочность, простота и симметричность. Дворцы и храмы отделялись с необычайной роскошью: нередко стены храмов и дворцов внутри и снаружи были облицованы толстыми золотыми и серебряными пластинами. Особенность древнеперуанской архитектуры — дверное отверстие в форме трапеции и внутренние ниши, служившие, возможно, для помещения статуй.

Религия перуанцев, повидимому, уже оформилась в стройную, централизованную систему. Из области первобытных верований стойко сохранялись элементы тотемизма, культа природы и культа предков, причем отдельно почитались предки семейные, родовые и племенные. Предки мифифицировались. Господствующей религией был культ Солнца. Во главе пантеона стояло Инти-Солнце; Луна была сестрой — супругой Солнца. Остальные боги — Гром, Радуга, Море, Маис и др. — были их слугами. Каждый бог имел свои храмы, культы, церемонии и празднества.

Религия играла в древнем Перу очень большую общественную и политическую роль. Идолы — боги завоеванных стран — перевозились в Луско и помещались в храм Солнца.

Храм этот представлял собой, судя по описаниям испанцев, грандиозное сооружение. Он состоял из нескольких зданий, окруженных стеной, имевшей много ворот. Здесь же находились отдельные храмы, посвященные Луне и младшим богам. Рядом помещался дом «деи Солнца». В глав-

ном храме было воздвигнуто громадное изображение бога Солнца из литого золота, украшенное драгоценными камнями, перед которым «девы Солнца» поддерживали неугасимый огонь. Здесь же, на золотых креслах, помещались мумии умерших Инков. К храму прилегал «золотой парк», как его называли испанцы. В этом парке растения, цветы, плоды, птицы, бабочки, животные, изображения людей — все было сделано из чистого золота.

Такова в основных чертах культура древнего Перу.

5

Пораженные обширностью страны, ее благоустроенностью, сравнительно высокой культурой, громадной властью ее правителя, распространявшейся на ряд соседних народностей, завоеватели-испанцы назвали древнее Перу «империей». В XVII веке некоторые элементы общественных отношений древнего Перу, рассматриваемые сквозь призму распространенной тогда идеализации экзотических обществ, дали повод назвать Перу «социалистическим государством». В конце XIX века основой общественного строя Перу считали «аграрный коммунизм», причем в целом древнее Перу рассматривалось не как классовое общество, не как государство, а лишь как насильственное и в известной мере искусственное соединение отдельных племен.

Все эти концепции в тех или иных комбинациях существуют в буржуазной литературе и в настоящее время.

Действительно, в древнем Перу, как и во всех ранних классовых обществах, сохранялись элементы первобытно-общинных отношений, но они не являлись господствующими и ведущими. С другой стороны, мы должны констатировать в древнем Перу отсутствие некоторых элементов классового строя, в частности отсутствие подлинной письменности. Тем не менее, ряд весьма значительных элементов культуры: металлургия, развитая и централизованная ирригация, высоко стоявшее дорожное дело, строй земельных отношений, отчетливое выделение господствующей верхушки общества, развитое рабство, верховная власть, постоянная армия, жреческое сословие, централизованная религия, накопец, общий высокий уровень развития искусств, в частности архитектуры, — все это представляет собой явление, свойственные только классовому строю. На основании этого можно сделать вывод, что в древнем Перу было, несомненно, классовое общество.

Остается решить, к какой классовой формации следует отнести древнее Перу. В этом древнеамериканском государстве существовало развитое рабство, но какова была численность рабов и какое место

занимал рабский труд в общественном производстве, точно неизвестно.

Однако не только рабы в юридическом смысле, рабы как лично несвободные, решают в данном случае дело. От свободной родовой общины в Перу оставалось весьма мало. Система наделного распределения земли вместе с принудительными переселениями сводила свободу пользования землей, основным источником средств существования, к минимуму. На свободных общинниках, не считая наборов в армию, лежал ряд тягчайших натуральных и трудовых повинностей (обработка земель Инки и земель Солнца, частновладельческих земель знати, жречества и храмов, работа на постройках различных сооружений, дорог и пр.). Ясно, что при таких условиях номинально свободные общинники древнего Перу находились в фактическом рабстве. Первобытная родовая свобода была подавлена классовой эксплуатацией.

Таким образом, следует признать, что древнее Перу представляло собой раннеклассовое рабовладельческое общество восточного типа.

Конечно, древнеперуанское общество вполне своеобразно, что еще раз подтверждает действие закона неравномерности развития различных обществ и отдельных элементов культуры в каждом данном обществе. Действие этого закона с полной отчетливостью сказывается и в других рабовладельческих обществах того же типа, и каждое из этих обществ по-своему столь же своеобразно. Но и в восточных рабовладельческих обществах, и в древнем Перу, при всем своеобразии каждого из них, был один и тот же способ производства. В культуре древнего Перу имеются свои особенности, но общество, тип производственных отношений остается тем же, что и на древнем Востоке.

Вариантами этого типа являются рабовладельческие общества Египта, Месопотамии, Индии, Китая.

Вопрос о сходстве древнеперуанской культуры с культурами древнего Востока был уже поставлен давно. Ставился и вопрос о возможных влияниях, или заимствованиях, но для ответа на него пока нет решительно никаких данных. Однако ряд параллелей и аналогий можно без труда провести: сюда относится наличие в Перу централизованной ирригации, дорожного строительства, деления общества на рабов, общинников, знать и жречество, постоянного войска и воинской повинности, административных переселений, централизованной религии и храмов, династического брака на сестре, мумификации, пирамид.

Как известно, отдельные из этих элементов присущи и различным раннеклассовым обществам Восточного полушария.

А. Фохт

Методы работы с учебником по истории СССР для 10-го класса

1

Учебник «История СССР» для 10-го класса под редакцией проф. А. М. Панкратовой охватывает период истории нашей страны с начала 900-х годов до наших дней. Это примерно тот период, в который росла, крепла и развивалась большевистская партия. Поэтому преподавателю истории СССР в 10-м классе особенно важно для глубокого усвоения содержания учебника изучить как «Краткий курс истории ВКП(б)», так и основные работы Ленина и Сталина, относящиеся к этому периоду.

Для более детального изучения отдельных событий этого времени надо использовать такие произведения, как «История гражданской войны в СССР» (т. I. 2-е изд.), кроме того полезно ознакомиться с монографиями и статьями в наших исторических журналах («Пролетарская революция», «Историк-марксист», «Исторический журнал» и др.).

Работа преподавателя над самим учебником должна строиться так, чтобы он смог полностью использовать его в своем преподавании. Уже в процессе первого чтения целесообразно отмечать те места, которые нуждаются в разъяснении или некоторой детализации, а также те, которые могут быть самостоятельно изучены учениками и усвоены без особых разъяснений учителя. После первого чтения учебника можно составить план прохождения всего курса в целом (распределение тем по дням, выделение дней для повторения и для письменных работ). Затем следует перейти к повторному чтению учебника, к изучению материала уже по отдельным урокам и к составлению конспекта. Во время проработки учебника рекомендуется тщательно изучать относящиеся к тексту иллюстрации, карты, диаграммы и т. д. Одновременно следует отмечать в конспекте те моменты, которые, по мнению преподавателя, нуждаются либо в дополнении путем привлечения яркого документа и

живого художественного образа либо в разъяснении вследствие своей трудности.

Следует параллельно читать соответствующие главы «Краткого курса истории ВКП(б)» и произведения Ленина и Сталина. Так например, почерпнув фактический материал по революции 1905—1907 годов из учебника истории СССР, преподаватель изучает главу III «Краткого курса истории ВКП(б)» и затем приступает к изучению основных произведений Ленина и Сталина о революции 1905—1907 годов.

Прежде всего нужно тщательно конспектировать работу Ленина «Доклад о революции 1905 года» (т. XIX, стр. 343—357). (Конспект доклада Ленина преподавателю нужно составить еще и потому, что ученики также будут писать конспекты и преподавателю понадобится его конспект при проверке работ учеников.) В этом докладе следует обратить особое внимание на указание Ленина: «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской... что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения» (т. XIX, стр. 345). Это указание Ленина поможет преподавателю понять возможность перерастания революции 1905 года в революцию социалистическую.

Специально о роли пролетариата в революции 1905 года у Ленина имеется работа «О статистике стачек в России» (т. XV, стр. 25—49). В этой статье особенно важно остановиться на волнообразном нарастании стачечной борьбы, затем — на роли рабочих различных профессий в революции, а главное — на значении стачечной борьбы 1906 года в ходе революции.

В работе И. В. Сталина «Об основах ленинизма», в главе III («Теория»), в разделе III, преподаватель найдет классическое изложение ленинско-сталинского уче-

ния о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую (см. И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 20—26. 11-е изд.). Роль крестьянства и аграрного вопроса в революции преподаватель может изучить по специальной работе Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов» (т. XI, стр. 329—498). Эта работа теоретически обосновывает вопрос о национализации земли и о тактике большевиков в отношении крестьянства в революции 1905—1907 годов, то есть разъясняет первый лозунг партии по крестьянскому вопросу. О революционной роли крестьянства в революции 1905 года ярко говорит товарищ Сталин в разделах 1 и 2 главы V своей работы «Об основах ленинизма» («Вопросы ленинизма», стр. 35—39. 11-е изд.). Наконец, в работе Ленина «Уроки революции» (т. XIV, стр. 369—373) преподаватель найдет оценку итогов революции. После этого преподаватель собирает дополнительный фактический материал.

Таким образом, на основе работ Ленина и Сталина следует изучать и все остальные главы курса истории СССР 10-го класса.

Материал учебника излагается таким образом, чтобы ученики систематически приучались к марксистскому разбору и обобщению изучаемых исторических событий.

Прохождение этого курса неразрывно связано также с работой по коммунистическому воспитанию учащихся. Уроки на тему «Борьба за создание революционной партии пролетариата» (§ 3) дают возможность снова конкретно показать ученикам, что центр мирового пролетарского движения переместился в Россию (об этом говорилось в курсе истории СССР для 9-го класса). Преподаватель подчеркивает, что именно в России в начале XX века под руководством Ленина и Сталина была создана большевистская партия — партия нового типа, — которая стала в дальнейшем образцом для пролетарских партий других стран. Указание Ленина, что «большевизм годится как образец тактики для всех» (т. XXIII, стр. 386), вызывает у учеников чувство гордости за великое, международное значение большевизма.

Рассказывая о новых методах борьбы пролетариата в 1900—1904 годах, которые пропагандировались и проводились в жизнь сторонниками ленинской «Искры», а после II съезда РСДРП — большевиками (урок на тему «Начало массовой политической борьбы в России», § 2), учитель подчеркивает, что российский пролетариат

давал мировому рабочему классу образцы революционной массовой борьбы в тяжелых условиях полицейского режима.

На уроках о революции 1905—1907 годов преподаватель указывает на роль пролетариата как передовой, основной силы революции, боровшейся за гегемонию, за руководство борьбой крестьянских масс и угнетенных народов царской России. Обосновывая пораженческую тактику большевиков во время русско-японской войны 1904—1905 годов, учитель раскрывает подлинный патриотизм этой позиции. Поражение царского правительства означало его ослабление, означало приближение, ускорение революции. Большевики знали, что для того, чтобы успешно бороться против внешнего врага, чтобы защитить страну, русский народ должен был свергнуть самодержавие, ибо царь и его бездарные генералы были способны лишь на предательство и измену (пример Порт-Артура) и могли привести страну только к позорным поражениям. Вот почему в параграфе о русско-японской войне специально выделена подтема «Значение падения Порт-Артура». Рассказывая о подвигах подлинных защитников Порт-Артура — матросов и солдат во главе с генералом Кондратенко, — учитель показывает как резкий контраст этому героизму изменников-генералов, которые сдали Порт-Артур врагам. Ученикам становится тогда ясно, что все эти Стессели, Куропаткины и Алексеевы не желали по-настоящему защищать нашу дальневосточную землю.

Раздел «Военная интервенция. Гражданская война» дает особенно богатый материал для воспитания сознательного советского патриотизма, этой движущей силы нашего социалистического общества.

В учебнике очень подробно и ярко изложены подвиги народных героев гражданской войны — Николая Щорса и его Богунского полка, В. И. Чалаева, Буденного — и подвиги тысяч героев — рабочих и крестьян, — которые грудью отстояли советскую родную землю от натиска врагов.

Учебник систематически показывает ту громадную работу, которую вели Ленин и Сталин по организации победы, лично руководя военными операциями, начиная с первых дней гражданской войны. В каждой теме по истории гражданской войны учебник освещает роль товарища Сталина, как величайшего пролетарского полководца. Непосредственное руководство товарища Сталина рядом важнейших операций каждый раз обеспечивало победу Красной Армии над врагом. Представление о ведущей роли товарища Сталина в гражданской войне закрепляется при помощи специальной карты — «И. В. Сталин на фронтах гражданской войны».

Особенно важна тема «Партия большевиков — организатор победы на фронтах» (§ 51). В учебнике дано сконцентрированное, сжатое изложение причин победы нашей страны над объединенными силами международного империализма и российской белогвардейщины. Задача учителя состоит в том, чтобы подобрать ярко иллюстрированные из уже пройденного материала по истории гражданской войны во всем положительном учебника. Тогда ученики крепко запомнят, что великая партия большевиков под руководством своих вождей Ленина и Сталина привела нашу страну к победе.

Разделы учебника о восстановительном периоде и о периоде борьбы за социалистическую индустриализацию страны дают также богатый материал для воспитания чувства советского патриотизма. Знакомство с героическими подвигами на трудовом фронте, когда рабочие и крестьяне советских республик в крайне тяжелых условиях восстанавливали разрушенное хозяйство, а затем осуществляли социалистическую индустриализацию, превратив страну из отсталой в мощную социалистическую индустриальную державу, — все это способствует развитию у учащихся чувства гордости за советский народ, чувства любви к своей родине.

Товарищ Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» указал, что на СССР с надеждой взирает весь мировой пролетариат: «Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество, — они делают свое дело, наше дело — хорошо, — поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции» («Вопросы ленинизма», стр. 329. 11-е изд.). На материале учебника преподаватель показывает, что успехи нашего социалистического строительства являются успехами мировой пролетарской революции. Вот почему пламенный советский патриотизм неотделим от пролетарского интернационализма.

Во время изучения истории СССР XX века преподавателю рекомендуется собирать также местный исторический материал. В памяти учеников значительно ярче запечатлеются исторические события, если их связать с событиями из истории той местности, где расположена школа, то есть с событиями, в которых принимали участие родные учащиеся. Очень полезно, например, рассказать ученикам об участии рабочих их города в стачках протеста против «кровавого воскресенья» в 1905 году, по поводу менского расстрела в 1912 году. Или рассказать ученикам сельской школы, как их отцы и деды боролись еще в 1905 году, а затем в 1917 году за ту землю, ко-

торая теперь отдана навечно данному колхозу. О Великой Октябрьской социалистической революции нужно также рассказывать в связи с местными событиями. Ученикам особенно интересно знать, как установилась советская власть в их местности и как разворачивались здесь события гражданской войны. Чрезвычайно важно показать, как великие сталинские пятилетки изменяли хозяйственный облик данной местности. Однако местный материал следует привлекать лишь в качестве подсобного, дополнительного материала, отнюдь не делая его основным.

Такая постановка изучения истории способствует наглядности исторических представлений учащихся, делает их конкретнее.

Очень большую роль в преподавании играют, как известно, экскурсии. Учителю во время своей подготовки к курсу следует заранее наметить те экскурсии, которые можно совершить в данной местности. Так, в Ленинграде чрезвычайно поучительны такие экскурсии: 9 января 1905 года; февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года; Октябрьское вооруженное восстание 1917 года; оборона Петрограда от Юденича; сталинский Ленинград (итоги пятилеток для Ленинграда). В Москве можно дать очень интересные экскурсии: московское декабрьское вооруженное восстание 1905 года; Октябрь 1917 года в Москве; сталинская социалистическая реконструкция Москвы. В каждом колхозе можно организовать экскурсию, связанную с историческими для данного колхоза местами.

Нужно особо выделить экскурсии на братские могилы борцов революции. Ученики на этой экскурсии узнают имена тех своих сограждан или односельчан, которые отдали свою жизнь в борьбе за социализм. Эти имена надо сохранить в памяти молодежи, а то ведь часто бывает даже в Москве или Ленинграде, что ученики не знают, в честь кого названа та улица, на которой расположена их школа.

Для того чтобы экскурсии прошли успешно, преподавателю следует заранее ознакомиться с местным музеем, наметить темы экскурсий.

2

Готовясь к самому уроку, преподаватель на основе своих конспектов и записей составляет план и конспект рассказа, в котором он знакомит учащихся с новым материалом. Прежде, до выхода учебника, рассказ учителя заменял учебник и нужно было подробно излагать весь новый материал, что отнимало очень много времени.

Теперь в своем рассказе учитель может отмечать только важнейшие моменты из

нового материала, уделяя больше внимания разбору и обобщению исторических фактов.

Приведем несколько примеров, как при наличии учебника учителю надо строить рассказ. В рассказе «О внешней политике Столыпина» (§ 16) нет нужды подробно излагать англо-русское соглашение 1907 года, о котором достаточно сказано в учебнике, кроме того оно известно ученикам из курса новой истории (9-й класс). Важно подчеркнуть зависимое положение, в какое попал царизм после подписания этого договора. Точно так же нет нужды подробно излагать боснийский кризис, также знакомый ученикам из курса новой истории. Особое внимание в рассказе учителю следует уделить выяснению места царской России в системе мирового империализма. Поэтому главный упор делается на два последние пункта: «Царизм — сторожевой пес западного империализма на Востоке» и «Царизм — резерв западного империализма». Разъяснение учителя в этом вопросе создает у учеников конкретное представление о зависимом, полукOLONIALном положении царизма, который был поэтому вынужден защищать интересы англо-французского империализма.

Еще пример. Учебник подробно излагает историю национально-освободительного движения народов России после свержения царизма. Поэтому преподавателю нет нужды останавливаться на этом. Он может сосредоточить внимание в своем рассказе, во-первых, на позиции русского пролетариата в национальном вопросе, ярко выраженной Лениным и Сталиным, и, во-вторых, вскрыть буржуазный характер национального движения в то время. При этом следует подчеркнуть, что буржуазии помогали соглашательские партии.

Тема «Октябрьское вооруженное восстание» (§ 33) нуждается в дополнении в вопросе о подготовке восстания. Нужно показать ученикам ту революционную настойчивость, с которой Ленин и Сталин звали партию на организацию и проведение вооруженного восстания. Поэтому следует к материалам учебника прибавить чтение отрывков из писем и статей Ленина, в которых он разъяснял партии марксистско-ленинское искусство вооруженного восстания.

Надо зачитать из письма «Марксизм и восстание» (т. XXI, стр. 195) ленинское указание на три условия успеха восстания, а из письма «Советы постороннего» (т. XXI, стр. 319—320) — указание на пять правил вооруженного восстания и передовую статью товарища Сталина «Вся власть Советам!», которая замечательно умело в легальной форме уведомила партию о постановке на очередь дня воору-

женного восстания, то есть об исторической резолюции ЦК РСДРП(б) от 10(23) октября 1917 года (см. Ленин—Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 460—461. Политиздат. 1938).

Учебник крайне сжато сообщает: «Для руководства восстанием 7 октября Ленин тайно переехал в Петроград». Следует напомнить ученикам, многие из которых видели фильм «Ленин в Октябре», как Ленину удалось обмануть сыщиков и пробраться в Петроград и как он там скрывался. Равным образом более подробно следует рассказать о том, как Ленин пошел вечером 24 октября (6 ноября) в Смольный и чуть не попался в руки юнкерского патруля. Следует зачитать на уроке исключительное по убежденности и революционному подьему письмо Ленина членам ЦК (т. XXI, стр. 362—363) и, разобрав его, показать гениальное предвидение Лениным хода событий (в этом письме он писал, что нужно выступать немедленно, так как промедление смерти подобно).

Как материал для рассказа рекомендуется использовать сценарий Каплера к фильму «Ленин в Октябре».

В своем рассказе преподаватель обязательно должен использовать богатый материал исторических карт, диаграмм и иллюстраций учебника. В ряде случаев надо пользоваться одновременно несколькими картами. Так, на стр. 35 дана карта стачечного движения в 1905 году. Для того чтобы учащимся стало ясно, как распределялось стачечное движение, необходимо предложить им рассмотреть одновременно на стр. 71 карту «Экономика европейской России в 1905—1907 годах», тогда они поймут, почему максимум стачечников приходился на Петербург, Ригу, Баку и на другие индустриальные центры.

Точно так же одновременно надо изучать две карты: «Помещичье и крестьянское землевладение» (стр. 40) и «Крестьянское движение в 1905—1907 годах» (стр. 41). Для удобства одновременного обозрения они даны на развороте. При этом следует напомнить также карту из учебника 9-го класса, на которой показано распространение отработочной и капиталистической систем хозяйства в помещичьих имениях в России в конце XIX века (стр. 253). Сопоставляя вместе эти три карты, можно установить, что максимум крестьянских волнений дают районы, в которых преобладают помещичьи латифундии с господством отработочной системы.

Очень показательна карта распространения советской власти (стр. 193). В учебнике много карт по истории гражданской войны, по которым и следует изучать историю этого периода. По этим картам вид-

но гениальное военное искусство Ленина и Сталина, их умение предвидеть направление удара противника и предупреждать этот удар. Очень важна политическая карта Брестского мира, по которой наглядно можно видеть, какой громадный вред нашей революции принесло предательство Троцкого и Бухарина. Именно в результате этого предательства была ликвидирована советская власть в Эстонии. Следует напомнить при этом, что белоэстонцы всячески помогали попыткам Юденича захватить Петроград, что белая Эстония была одним из центров шпионажа и диверсий против СССР.

Экономические диаграммы (земельной реформы Столыпина, роста монополистического капитала в России и роста зависимости русского капитализма от западноевропейского капитала) следует использовать при прохождении соответствующих разделов.

Среди экономических диаграмм особенно важны три диаграммы, рисующие изменение экономики СССР за время советской власти. На стр. 327 дана диаграмма непрерывного роста продукции СССР и топтание на одном месте капиталистического мира. На стр. 326 показан рост доли СССР в мировой продукции: с 2,6% в 1913 году доля эта возросла до 13,7% в 1937 году. На стр. 328 диаграмма показывает превращение СССР из слабой, отсталой аграрной страны в могучую, передовую, социалистическую индустриальную державу.

Очень показательны и хорошо запоминаются диаграммы стачечного движения на стр. 38 (1895—1907 гг.) и на стр. 100 и 101 (1908—1916 г.г.). По этим диаграммам ясно виден колоссальный подъем стачечного движения во время революции 1905—1907 годов, затем падение его во время столыпинской реакции и новый подъем движения в 1912—1914 годах. Временно приостановленное войной движение снова оживилось начиная с 1916 года и привело к революции 1917 года.

Иллюстрации носят документальный характер, это главным образом фотографии важнейших исторических событий того периода. Число иллюстраций в учебнике 10-го класса меньше чем в предшествующих учебниках, зато возросло число карт и в особенности диаграмм. Нужно обязательно приучить учащихся читать диаграммы, так как это умение им пригодится в их будущей практической деятельности.

Следует обратить внимание еще на одну, очень важную сторону работы: на постепенное развитие у учеников умения читать произведения классиков марксизма-ленинизма. В течение учебного года ученикам дается для изучения до 10 отдельных до-

ступных для них произведений Ленина и Сталина.

Изучение это можно начать со статьи Ленина «Падение Порт-Артура» (т. VII, стр. 44—50). Предварительно преподаватель составляет себе конспект этой статьи и ее подробный план. Самое занятие проводится таким образом. Сначала преподаватель или ученик зачитывает всю статью, затем отдельные учащиеся читают по абзацу или по несколько абзацев, освещающих определенный пункт плана. Каждый ученик кратко формулирует прочитанное и записывает свою формулировку (после того, как она проверена преподавателем) на доске. Так постепенно изучается в классе вся статья и составляется ее конспект. При этом преподаватель знакомит учеников с методами записей и указывает им, как надо цитировать.

Возможно, что за урок не удастся изучить полностью статью, тогда остальную часть ее ученики изучат дома и напишут самостоятельно остальной план и конспект, руководствуясь тем же принципом работы, что и в классе.

Говоря об исторических деятелях, преподаватель должен приводить характеристики, данные им классиками марксизма, а также привлекать воссозданные художественной литературой образы этих деятелей. Так, в рассказе о Ленине нужно обязательно в основу положить работы товарища Сталина о Ленине и ленинизме, а затем использовать художественный портрет Ленина, написанный А. М. Горьким, а также стихотворения о Ленине, написанные В. В. Маяковским.

Чрезвычайно полезно использовать также и кино. Как раз по истории СССР XX века имеется много первоклассных фильмов, которые являются прекрасной иллюстрацией к событиям этого периода. Так, тема § 2, «Начало массовой политической борьбы в России», освещается в фильме «Мать» по повести Горького; события 1905 года отражены в фильмах «Бропесец Потемкин» и «Белеет парус одинокий» (по одноименной повести Катаева); время столыпинской реакции — в первой части трилогии о Максиме — «Юность Максима»; эпоха нового революционного подъема 1912—1914 годов — во второй части той же трилогии — «Возвращение Максима». Лучшие кинофильмы относятся к Великой Октябрьской социалистической революции; среди них также высокохудожественные фильмы, как «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Большинство учеников 10-го класса в городских школах видели эти кинофильмы, поэтому можно в рассказе ссылаться на них, напоминая ученикам их содержание. Образы, созданные в кинофиль-

мах и в художественных произведениях, помогают конкретно представить прошедшее, излагаемое в учебнике, а учебник дает возможность осмыслить эти образные представления, то есть понять их и объяснить их историческое значение.

3

Переходим к работе учеников над учебником.

Обязательным требованием для полного усвоения учеником заданного материала является самостоятельное составление подробного плана заданного урока. Такой план прежде составляли преподаватели. Теперь же, имея в своем распоряжении учебник, учащиеся могут сами под руководством учителя научиться составлять подробный план заданного материала¹.

При составлении планов учащиеся приучаются, во-первых, не просто читать, а изучать учебник, во-вторых, подробный план дает ученику веки для его рассказа, и, в-третьих, он приучает систематизировать ответы.

Опыт показывает, что ученики склонны вместо плана составлять подробный конспект, но с этим надо бороться.

При чтении следует обратить особое внимание на разбор и обобщение исторических событий, на выяснение их значения, на историческую характеристику

действовавших тогда людей. Надо помнить, что все зависит от условий, места и времени.

Наиболее важные обобщения Ленина и Сталина выписываются в тетрадь, по истории с соблюдением всех указанных правил цитирования (точное название произведения, указание тома, страницы, издания).

Ученик должен уяснить себе значение всех встречающихся в учебнике научных терминов и иностранных слов. Он должен находить по карте в учебнике все указанные географические места с тем, чтобы при ответе свободно показывать их по карте; изучить все встречающиеся в тексте диаграммы и при ответе использовать их. Необходимо также твердо заучить основные хронологические даты, встречающиеся в тексте учебника, а для остальных событий помнить примерно их время (начало века, первая четверть, половина, и т. п.).

* * *

Такая работа учителя и ученика над учебником даст возможность ученикам 10-го класса хорошо подготовиться к выпускным испытаниям по истории и прочно знать такой важный в политическом отношении курс, как история советского периода нашей страны.

А. Родин

Московский городской дом пионеров

«Знаешь ли ты родную Москву?»

(ОПЫТ МАССОВОЙ ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ)

1

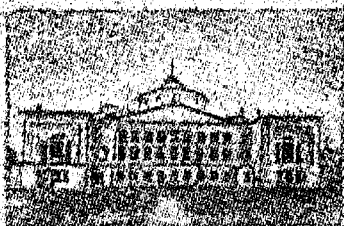
Зимой 1939—1940 года в московских музеях появились в большом количестве новые посетители: это были школьники. Они приходили в одиночку или маленькими группками, сосредоточенно и внимательно рассматривали экспонаты, выписывали цитаты, копировали рисунки. Часто, не удовлетвовавшись первым осмотром, они возвращались снова и снова к интересующим их экспонатам.

Значительно увеличился наплыв учащихся и в библиотеках: в Пушкинской, Тургеневской, в филиале Исторической

библиотеки. Юные посетители усиленно рылись в каталогах, осаждали библиографов требованиями справок и с большой усидчивостью делали выписки из многочисленных исторических книг. Этих ребят, преимущественно учащихся 5—9-х классов, привела в музеи и библиотеки историческая игра «Знаешь ли ты родную Москву?» Московские школьники изучали историю Москвы. Для них были выпущены голубые книжечки с картинками и вопросами к ним. Например рисунок Красной площади в XVII веке сопровождался вопросами: кто эти люди, изображенные на площади; что они делают здесь; какой была Красная площадь в XVIII и XIX веках; какие здесь происходили исторические события? И т. п. Чтобы участники игры могли ответить на эти вопросы, го-

¹ См. статью «О работе с учебником по истории СССР в IX классе» в «Историческом журнале» № 2 за 1941 год, стр. 149.

К борьбе за дело Ленин —
Сталина идут пионеры!

ПУТЕВКА—ЗАДАНИЕ

УЧАСТНИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИГРЫ
«ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ МОСКВУ
И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ?»

ТЕМА:

Подмосковные усадьбы в эпоху крепо-
стного права: Цуионское (бывш.
Останкино) и Кусково.

дубая книжечка отсылала их в музеи, к книгам, к картинам.

Это изучение Москвы носило название игры потому, что за каждый ответ на вопрос, за каждое выполненное задание участнику засчитывалось очко; получивший определенное количество очков премировался. Однако то, что это изучение называлось игрой, ничуть не снижало требований, предъявляемых к участникам, и член-корреспондент Академии наук СССР профессор С. В. Бахрушин, ознакомившись с результатами зимнего тура, заметил, что правильное было бы назвать это изучение конкурсом, а не игрой. Однако термин «историческая игра» уже вошел в практику внеклассной работы в Москве.

Игра эта вызвала очень большой интерес среди учащихся. Зимой в исторической игре принимало участие 3 тысячи школьников. Это был первый тур исторической игры.

Летом игра приняла несколько иные формы: ребята—участники игры—проводили теперь большую часть времени не в музеях и библиотеках, а в пригородах Москвы. В летние дни так хорошо соединить прогулку в живописные окрестности Москвы с изучением исторического прошлого. Многие окрестности Москвы богаты памятниками прошлого: историческое село Коломенское с его реликвиями XVI и XVII веков; Останкино и Кусково, под-

московные усадьбы крепостной эпохи; Филли и Бородино с памятниками Отечественной войны; Абрамцево, связанное с именами замечательных художников и писателей...

Десятками и сотнями ребята организовано направлялись в окрестности Москвы в поездах и на катерах, на метро и в троллейбусах, в трамваях и пешком. В руках ребят вместо голубых книжечек были «путевки-задания», разработанные центральным штабом игры для второго (летнего) тура и изданные МосгорОНО. Задания можно было выполнить, только побывав на экскурсии, прослушав лекцию, прочитав книги. По теме «Подмосковные усадьбы крепостной эпохи» требовалось, например, от участников игры: 1) осмотреть Останкинский дворец-музей, 2) побывать в Кускове, 3) прочитать ряд книг о крепостном праве и, в частности, об этих подмосковных усадьбах (была указана минимальная литература). Вопросы ставились такие: с какой целью был построен графом Шереметевым Останкинский дворец; какие фамилии крепостных архитекторов и художников, строивших и украшавших Останкинский дворец, ты узнал; как кончил свою жизнь один из строителей дворца — талантливый архитектор-крепостной Павел Аргунов; сколько всех крепостных было в XVIII веке у Шереметева; что ты узнал о классовом расслоении среди крепостных? Опиши господ, дворовых и крестьян-крепостных на празднике в Кускове. И т. п.

Одной из интереснейших летних тем было также изучение сталинского плана реконструкции Москвы. И эту тему изучали не столько в городе, сколько за городом. Надо было осмотреть новые гранитные набережные и новую застройку берегов Москвы-реки—и ребята отправлялись на катере по реке; чтобы увидеть чудесные сооружения канала Москва—Волга,—также предпринималось путешествие в окрестности города. Но и по улицам самой Москвы ребята совершали экскурсии с большим удовольствием: по обновленной улице Горького или по тесным переулкам Собачьей площадки — будущему блистательному проспекту Конституции.

Вот в центре города, в Театральном проезде, около «Метрополя», расположилась группа ребят. Одни описывают остатки стен Китай-города, другие описывают их. Это краснопреспетские ребята готовят материал к альбому на тему об оборонительных укреплениях Москвы.

Некоторые районы устраивали довольно оригинальные экскурсии. Москворецкие ребята организовали замечательную экскурсию на стройку дома по В. Калужской улице. Здесь главный инженер об-

лазии с ребятами многоэтажный строящийся дом снизу доверху, наглядно объясняя им, что значит скоростное строительство.

Ребята Киевского района были с большой заботливостью приняты директором завода Хладокомбината, где они не только увидели применение совершенной механизации и получили представление о современном советском промышленном предприятии, но и... вкусно покушали: завод готовит мороженос, и его дирекция па-славу угостила юных историков.

В Соколыническом районе изучению сталинского плана предшествовала лекция, а затем была устроена викторина: ребята получали на руки листок с пятью вопросами, на которые они должны были ответить, чтобы быть премированными, причем допускалось пользоваться книгами и справочниками, которые для этого были выставлены в читальне. Примерно вопросы были такие: что теперь находится на месте бывших стен Белого порога; чем отличались башни Кремля XV века от современных; какие места связаны в Москве с памятью о Степане Разине; в каких художественных произведениях описана Москва XVII века; чье имя носит самый крупный завод в Москве? И т. п.

2

Приведем типичный пример того, как ставилось изучение темы «Отечественная война 1812 года».

Во вступительной беседе руководитель рассказал о причинах войны и последовательно изложил ход военных действий. Ребята должны были (как этого требовала «путевка-задание») начертить карты расположения войск и наступления Наполеона. Черчение карты помогало осмыслить ход военных действий. Любопытно, что впоследствии, при осмотре экспонатов в музее, ребята настолько внимательно рассматривали карты, что указывали на расположение данных, приводимых экспонатами и книгами.

Во время бесед читались также отрывки художественных произведений — «Войны и мира» Л. Н. Толстого и др. Таким образом, ребята вводились в круг вопросов, которым посвящалась экскурсия. Нужно отметить, что экскурсия проходила значительно активнее и продуктивнее, если ее материал был разработан в предварительных предэкскурсионных беседах.

Музеи давали ценнейший наглядный материал для понимания Отечественной войны. Подлинные документы, портреты, вооружение, а также военные трофеи (знамена французских войск, кухня Наполеона, его сабля) помогали воссоздать об-

становку войны. После предварительного знакомства с Отечественной войной устраивалась экскурсия в Кутузовскую избу в Филлях. Ребята подходили к ней с некоторым волнением: им казалось, что, перешагнув порог избы, они как бы войдут в непосредственное соприкосновение с тем, что здесь происходило в 1812 году. Однако экскурсовод рассказывал им, какой вид имела тогдашняя Москва, описывал ее быт и т. п., ничего не говоря непосредственно о событиях, имевших здесь место. Впоследствии мы отказались от услуг экскурсовода и ограничивались тем, что прочитывали вслух отрывок из романа «Война и мир» Льва Толстого «Совет в Филлях» и подробно рассматривали повешенные в избе портреты участников совета и картину Кившенко.

Отдаленность Бородине от Москвы и неудовлетворительные условия тамошней туристской базы дали возможность побывать в Бородине, к сожалению, лишь двум — трем группам. Одна из групп, между прочим, ходила с путевками и заданиями в Бородине походом с военным руководителем.

Останется надолго в памяти ребят экскурсия в Петровский дворец. Осмотрев все достопримечательности дворца, ребята расположились на лужайке, недалеко от здания дворца; один из участников игры продекламировал стихотворение Пушкина «Вот, окружен своей дубравой, Петровский замок...»; затем зачитали отрывки из документов — воспоминания французских офицеров и самого Наполеона о московском пожаре.

После этой экскурсии ребята с удовольствием приступили к составлению ответов на вопросы «путевки-задания». Многие давали зарисовки, планы. Учащиеся старших классов (8—9-х), не удовлетворяясь вопросом-ответной системой, хотели дать связанное, последовательное изложение всего материала по изучаемой теме.

Просмотр кинофильма «Бородино» помог понять план наступательных действий Наполеона и оборонительно-наступательных действий русской армии.

Интересно отметить, что ребята Киевского района, где расположено Можайское шоссе, Дорогомилово, изучали Отечественную войну в связи со своим районом (разбирали происхождение названий Кутузовской слободы и переулков: Платовского, Багратионовского и др., — побывали на Поклонной горе, в Филлях и т. д.).

Бауманские ребята не ограничились составлением альбомов и выпуском стенных журналов: они выступили также с коллективным докладом на тему «Отечественная война». Это был своего рода литературный монтаж: последовательно, в коротеньких

выступлениях, занимавших 2—3 минуты, они рассказывали историю нашествия Наполеона на Москву, вводя в описание стихи и даже сцены из «Войны и мира» и пьесы Соловьева «1812 год».

3

Методическое руководство исторической игрой осуществлялось научной общественностью, так называемым центральным штабом в составе члена-корреспондента Академии наук СССР профессора А. В. Шестакова (председатель), заслуженного деятеля наук профессора Н. Г. Тарасова, профессора Н. А. Гейнике, заведующей историческим кабинетом городского Дома пионеров Н. И. Руниной, научных работников А. Ф. Родина, П. В. Сыгина, О. Т. Бозловой и др. Летом центральный штаб организовал для местных работников коллективные и индивидуальные консультации и выделил одного из своих членов для методических инструкций в районах, где организовались районные штабы, возглавлявшиеся внешкольными инспекторами или директорами домов пионеров.

Организации экскурсий содействовала Городская детская туристско-экскурсионная станция. Много помогали участникам игры музеи, которые установили бесплатное посещение для ребят при предъявлении ими «путевки-задания» (Исторический, бывший Новодевичий монастырь, Коломенское, Останкинский и др.). В некоторых районах архитекторы выступали с докладами на собраниях ребят, пригласили их к себе, познакомили с проектом реконструкции районов, даже совместно обсуждали эти проекты.

Педагогическое руководство исторической игрой в детских учреждениях складывалось различно: в одних районах сами ребята, получив «путевки-задания», составляли на них ответы, обращаясь за консультацией в свой районный Дом пионеров или в городской Дом пионеров (так было организовано, например, в Москворецком районе). В других районах руководители площадок или библиотечные работники, работники домов художественного воспитания организовывали ребят, обсуждая совместно с ними ответы на вопросы «путевки-задания» (например Свердловский район, парк Потылихи, Сокольнический, Куйбышевский и другие районы).

В некоторых районах были организованы кружки, где специалист-руководитель или учитель проводил углубленную работу (например Бауманский, Киевский, Советский, Ростокинский и другие районы). Ростокинский район установил теснейший контакт с Останкинским музеем-дворцом: директор по научной части К. А. Соловьев

и научные сотрудники руководили исторической игрой в порядке шефства.

Во многих случаях сами ребята не только организовывали, но и руководили исторической игрой. Член Клуба юных историков Бауманского района Петя Евдокимов, ученик 9-го класса, выдвинутый вожаком школы на лето, вовлек весь свой отряд в историческую игру и сам успешно руководил занятиями, постоянно держа связь с руководителем клуба и используя его консультации.

Ребята Ростокинского района втянули в историческую игру воспитанников Марфинского детского дома.

Бауманцы написали ребятам, живущим в лагере около Абрамцева, об исторической игре, послали «путевки-задания», и те привезли в конце лета выполненные исторические работы.

Леня Войницкий (Москворецкий район) пишет, что он, взяв тему «Абрамцево», побывал в районных библиотеках, в Третьяковской галерее и прочитал воспоминания Поленовой, путеводитель Смирнова, работу о подмосковных усадьбах профессора Гейнике, биографии Репина, Васнецова, Серова и др. Володя Фельдман (Бауманский район), готовясь к теме «Отечественная война», прочитал 18 книг.

Читальня Музея истории и реконструкции Москвы, находящаяся в бывшем Новодевичьем монастыре, впервые увидела в своих стенах читателей-ребят.

4

В Бауманском районе в результате зимней работы весной организовался Клуб юных историков. Интересно, что, по решению ребят, членом клуба мог быть только тот, кто сделал членский взнос в форме доклада, рисунка и т. п. на историческую тему. Остальные участники числились кандидатами до той поры, пока они своей работой не приобретали права на членство.

Большой интерес вызвало у юных историков-бауманцев обсуждение итогов посещения мастерской районного архитектора. Ребята внесли ряд полезных предложений: например озеленить районную магистраль и Спартаковскую площадь, устроить пляжи по берегам реконструируемой Яузы, поместить мемориальные доски на исторические здания, сохранить некоторые названия улиц, отражающие историю (например Немецкий переулок, Лефортовская площадь, Кукуевский переулок). Свои пожелания они написали в коллективном письме председателю союза советских архитекторов академику Колли.

В ответ на это академик Колли прислал ребятам письмо: «Считаю своим долгом отметить вашу прекрасную инициативу,

проявленную по отношению к вопросам, связанным с реконструкцией нашей Москвы. Целый ряд ваших предложений и замечаний по реконструкции вашего района заслуживает внимания, а потому ваши пожелания переданы мною в Управление планировки Москвы, с просьбой учесть их в дальнейшей работе по планировке и благоустройству вашего района».

Районный архитектор предложил Клубу юных историков обследовать дом № 4/6 по Старо-Кирочному переулку, который, по сообщению Всесоюзной академии архитектуры, принадлежал во времена Петра I известной Анне Монс. Ребята были в строительном архиве Моссовета и установили по планам, что в XIX веке этот дом принадлежал католической церкви и вокруг него была обширная озелененная территория, теперь плотно застроенная. Осмотрев старый каменный двухэтажный дом, ребята установили, что он находится в числе обвалытых домов, измерили размеры кирпича и сообщили эти данные районному архитектору.

Необыкновенное оживление среди ребят Бауманского района вызвала телеграмма следующего содержания: «Юные историки. Прошу помочь мне в расшифровке таинственного значения загадочной цифры «3/5». Ключ к разгадке посылаю почтой. Жду ваших писем. Профессор Летописцев».

Ключ к расшифровке таинственной цифры 3/5 имел вид громадного плаката, на котором было написано:

«Разложите на столе план Москвы с точным направлением по странам света (с помощью компаса). Старт на Красной площади. Отсюда отправляйся на северо-восток по улице, названной именем писателя-революционера.

Дойдя до конца улицы, выйдешь на площадь, где находились ворота деревянных стен,—назови их. От этой площади пойдешь вдоль реки, теперь текущей в трубе (что за река?). Как дойдешь до площади, носящей название несуществующих ворот, войди на станцию метро. Кассирша не даст тебе билета до тех пор, пока не объяснишь, почему площадь называется так странно. Своё объяснение запиши.

На площади, название которой связано с нашей советской молодежью, поднимешься мысленно в воздух, пролетишь над башней, на спице ее черный дракон, с хвостом, двумя лапами и высунутым языком. Что за здание, что за дракон, почему он здесь?» И так далее.

Ребята были очень заинтересованы. Алеша Брагин быстро разгадал и улицу Чернышевского, и Покровские ворота Земляного города, и реку Черногрязку и побежал на Комсомольскую площадь, чтобы увидеть «дракона», которого он никогда

не замечал, но увидел здесь на Казанском вокзале не дракона, а «петуха». Не старый ли это герб Казани? Алеша направился в Пушкинскую библиотеку, перерыл все энциклопедии и нашел то, что искал.

Очень много разговоров было о «профессоре Летописцеве», существование которого ребята взяли под сомнение. Они сильно подозревали, что все это «подстроил» их руководитель¹. Споры о «профессоре Летописцеве» уселились, когда на итоговое собрание клуба явился «представитель профессора Летописцева», который будто бы по поручению профессора помог ребятам до конца расшифровать таинственное значение цифры 3/5, которая, как оказалось, означала местонахождение строящейся станции метро — Бауманская, д. 3/5.

5

Хорошей концовкой исторической игры было участие юных историков в карнавальном шествии 30 августа в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Члены Клуба юных историков Бауманского района были одеты в старинные русские костюмы, блестящие на солнце яркими цветами, серебром и золотом. Ребята несли стяги: портрет Сталина на фоне кремлевской башни и Дворца Советов; портрет Молотова с его словами: «Мы, большевики, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов»; портрет Баумана с надписью: «Наш район носит славное имя пламенного большевика Н. Э. Баумана»; портреты Маркса и Энгельса со словами: «Наша улица носит их имена». Далее несли диаграммы с указанием количества участников исторической игры, поступивших от цветов и т. д.

Ребята были очень довольны, когда товарищ Ярославский, принимавший парад, зааплодировал колонне юных историков.

Второй тур исторической игры закончен. В нем приняло участие свыше 12 тысяч ребят — все это посетители детских площадок при школах и домоуправлениях, детских парков, домов пионеров.

Работали и ребята, жившие на даче под Москвой, приезжавшие в город на консультации или письменно их запрашивавшие.

Можно с уверенностью сказать, что никогда в Москве так широко не ставилось изучение истории города и его окрестностей, как летом 1940 года. Если не все ребята, вовлеченные в игру, дали законченные работы (поступило в штабы около 900 письменных работ, рисунков и т. п.), то свыше 12 тысяч ребят пытались так

¹ Руководителем клуба является автор статьи.

или иначе выполнить задания, поставленные перед ними исторической игрой.

Занятия, связанные с игрой, не только дали ребятам много конкретных исторических сведений, но и привили им вкус к изучению истории, приучили их внимательно вглядываться в окружающие их исторические памятники. Ребята начали увлекаться историческими находками. Так, двое ребят, живущих в районе Арбата, увидев среди булыжника мостовой в Спасо-Песковском переулке кусок чугуна, решили выяснить: по историческая ли это ценность? Вытащив чугунный шар, они отнесли его в Исторический музей, где определили, что это — пушечное ядро конца XVII века. Бауманские ребята, узнав об этом, обследовали чугунные тумбы в своем районе, и две из них оказались пушками XVII века, о чем они сообщили в музей.

Воспитательное значение внеклассной исторической работы несомненно.

Воспитываемая исторической игрой любовь к Москве — это патриотическая любовь к славному прошлому нашей страны, к прекрасному сегодня и еще более замечательному завтра.

Массовое изучение истории Москвы не может ограничиться вторым туром.

«Мы, активисты, — говорила Валя Мухина от имени юных историков Московского городского дома пионеров и Бауманского дома культуры на итоговом собрании по летней исторической игре, — должны быть застрельщиками и в третьем туре. В историческую игру должны быть втянуты десятки тысяч ребят, и наши взрослые друзья должны помочь нам так, как они помогали летом».

Третий тур исторической игры «Знаешь

ли ты родную Москву и ее окрестности?» включает следующие темы:

- 1) Революция 1905 года в Москве;
- 2) История своего района (его прошлое, настоящее и будущее);
- 3) Лермонтовская Москва (в связи со 100-летием со дня смерти Лермонтова в 1941 году);
- 4) Сталинский план реконструкции Москвы.

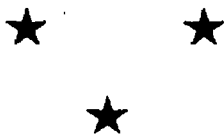
На основе опыта массовой внеклассной работы по истории летом 1940 года в Москве можно сделать следующие выводы: внеклассная работа по истории может быть организована как массовая, с привлечением большого количества школьников, если предварительно разработаны темы, составлены маршруты экскурсий, планы изучения, вопросники, методические указания. Необходимо позаботиться также о том, чтобы обеспечить доступность музеев и библиотек и организовать консультации для руководителей.

Подбор исторических тем для изучения должен соответствовать времени года. По каждой краеведческо-историческая тема будет изучаться в связи с историей всей страны и исходить из процессов исторического развития страны в целом.

Внеклассная историческая работа должна базироваться на активности и самостоятельности детей и проводиться с широким применением экскурсионного и лабораторного методов.

Форма игры (счет на очки, премирование) является одним из важнейших средств стимулирования активности и интереса детей в массовой работе.

Подобные игры, имеющие целью изучение родных мест, воспитывают наших детей в духе любви к нашей родине, в духе советского патриотизма.

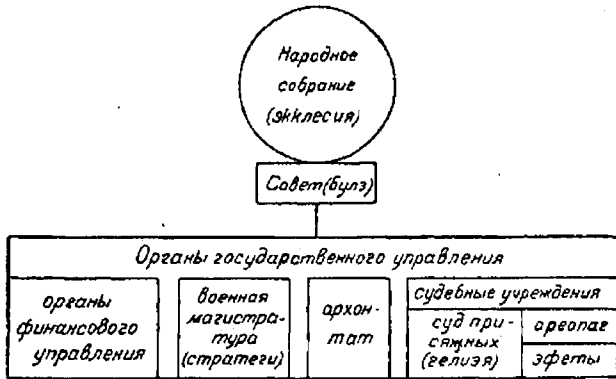

Графические иллюстрации

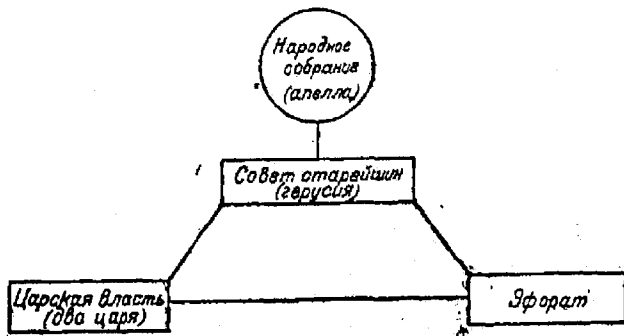
в преподавании истории древнего мира

Существуют, как известно, три способа графической схематизации: 1) диаграмма, 2) картограмма и 3) стереограмма. Оставляя в стороне вопрос о применении стереограммы, мы остановимся в настоящей статье лишь на первых двух способах.

Диаграмма может быть с удобством применена для наглядного представления качественных или количественных отношений в истории общества. Вот схема, поясняющая государственное устройство Афин в эпоху расцвета демократии:

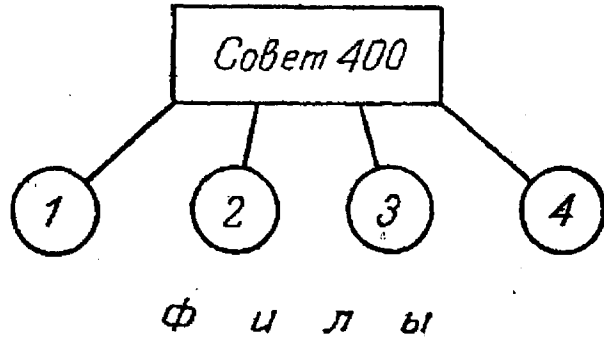

Государственный строй Спарты может быть иллюстрирован при помощи следующей схемы:

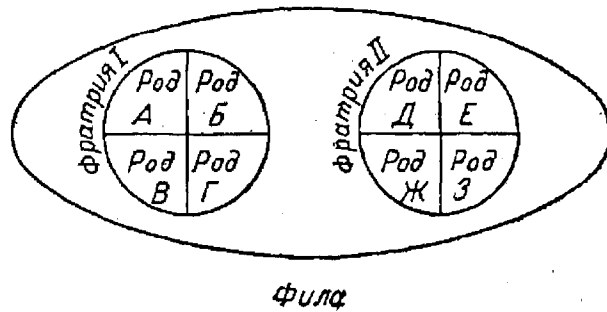

Столь же простая схема дает наглядное

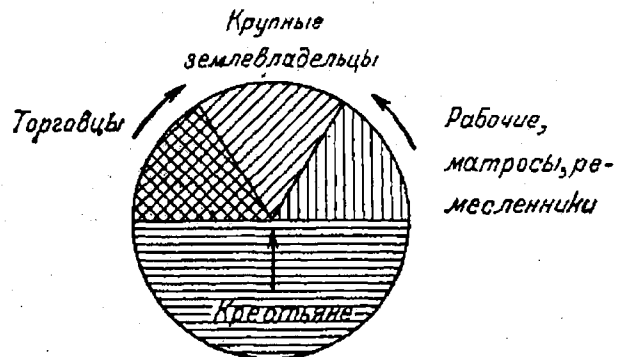
представление о комплектовании афинского Совета четырехсот.

Взаимоотношение между родом, фратрией и филлой в древней Греции можно пояснить соответствующей схемой:

По тому же принципу строятся графические схемы, рисующие классовое расслоение того или иного общества в определенную эпоху, например афинского гражданства в VI веке до нашей эры:

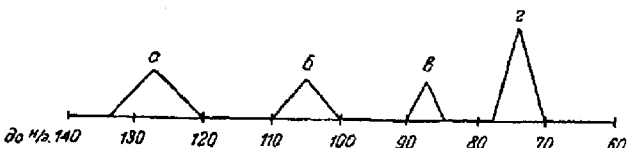

Приведем еще таблицу, иллюстрирующую права и обязанности граждан по конституции Солона:

Название классов	Минимум ежегодного дохода	Отношение к военной повинности	Политические права		
Пентакосио-медимны	500	Кавалерия и тяжелая пехота	Участие в народном собрании, в гелие	Доступ к государственным должностям	Доступ к долж. архонтов и казнач.
Всадники	300	То же			
Зевгиты	200	Тяжелая пехота			
Феты	менее 200	Легкая пехота и военный флот			

Все приведенные выше таблицы и диаграммы носят характер структурных схем и рассматривают явление в определенный момент его развития. Возможны, однако, и такие случаи, когда приходится графически изображать явления как функцию времени. В основе таких диаграмм лежит принцип координат: на горизонтальной линии отмечаются точками определенные хронологические моменты, на перпендикулярах же, восстановленных в этих точках, отмечаются производные или функции. Соединяя крайние точки перпендикуляров непрерывной линией, получаем соответствующую «кривую», наглядно рисующую нам, например, рост населения или цены на товары за ряд лет.

Так, ход революционного движения в древнем мире во II—I веках до нашей эры можно представить в виде волнообразной линии, взлеты которой будут соответствовать под'емам революционного движения. Конечно, о точной передаче количественных отношений в данном случае не может быть и речи, и такие чертежи имеют значение лишь в качестве простого иллюстративного приема:

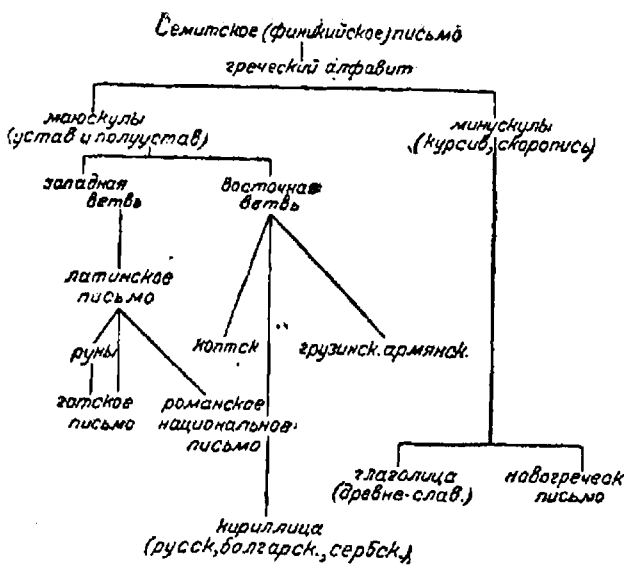

- а — Первое сицилийское восстание рабов (137—132); восстание в Малой Азии (133—130); движение Грахов (133—121).
 б — Второе сицилийское восстание (104—100); Сатурнин (100).
 в — Союзническая война (90—88).
 г — Восстание Спартака (74—71).

Особым видом графических изображений является картограмма, т. е. контурная карта, с нанесенными на нее условными знаками, обозначающими те или иные исторические факты. Такие исторические атласы, к сожалению, редко применяют этот прием. А между тем как ярко и вычурно встанет перед учащимся, например, весь ход греко-персидских войн или Пелопоннесской войны, если начертить на карте экспедиции Мардония в 492 году, путь Ксеркса в 480—479 годах, далее, походы Павсания и Кимона против Персии, северный рейд Брасида в 424—422 годах, движение Лисандра на Афины в 405 году и т. д.

На картах легко изобразить при помощи красок, аппликаций или штриховки различные этапы роста Спарты или римской общины, основные моменты самнитских и латинских войн, путь Ганнибала в 218—216 годах, путь Гасдрубала в 208 году, этапы сирийской войны 192—189 годов и многое другое. Равным образом при помощи картограмм и аппликаций можно показать внешнеполитические группировки различных государств в ту или иную эпоху, например общины, вступившие в общегреческий союз для отражения персов, общины, ставшие на сторону персов, и общины, сохранившие нейтралитет; или для эпохи Пелопоннесской войны: государства, вошедшие в Афинский морской союз, государства, принадлежавшие к Пелопоннесскому союзу, и общины, оставшиеся нейтральными.

Графический прием изучения удобен также для иллюстрирования исторического развития того или иного идеологического явления: преобладания идей, умственных течений, культурных достижений и т. д. Вот схема, поясняющая историю европейских алфавитов:

Исторические картограммы могут в некоторых случаях иметь значение не только в качестве простого иллюстративного приема, но и в качестве метода научного анализа. Так, если мы попытаемся вслед за А. В. Мишулиным нанести на карту важнейшие очаги революционного движения рабов в древнем мире, то нам сразу бросится в глаза международный характер этого движения, перекидывавшегося из страны в страну¹.

Такая картограмма будет служить образным пояснением слов римского историка-хрониста Павла Орозия (V век нашей эры) о том, что восстания распространяются подобно искрам, вызывающим в различных местах пожары². Античные авторы сообщают нам о восстаниях, вспыхивающих в нескольких местах одновременно³. В не-

¹ См. А. В. Мишулин «Спартакосское восстание». Карты 1 и 3. М. 1936.
² См. Orosius V, 9, 5.
³ См. Диодор XXXIV, гл. 2, 19; Афиней 272 С; см. Ашпман «Гражданские войны» I, 116 и сл.

которых случаях мы узнаем о личных организационных связях между повстанческими центрами. Стоик Блоссий из Кум, один из приверженцев Гракхов, отправляется к поднявшему в Малой Азии знамя восстания Аристоникку с тем, чтобы отдать на службу революции свой организационный талант и пламенный энтузиазм⁴.

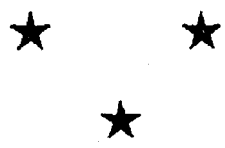
Во II веке до нашей эры Коринф становится как бы штаб-квартирой революционного движения. Но, конечно, о существовании единого фронта, общей программы и координированной тактики в восстаниях рабов не могло быть и речи⁵.

Приведенные выше приемы схематизации исторического материала применимы и в ряде других случаев и могут быть значительно расширены и обогащены. Подобные иллюстративные схемы давно уже известны в методике преподавания теории и истории литературы⁶. Цель настоящей заметки заключается в том, чтобы показать возможность и желательность применения графического метода и на уроках истории.

⁴ См. К. Бюхер «Восстания рабов 143—129 гг.», стр. 118 и сл. Ленинград. 1924.

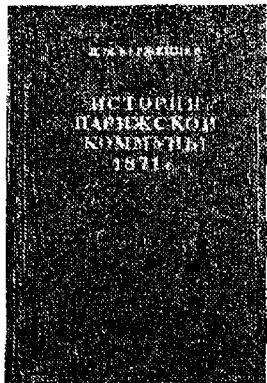
⁵ См. слова В. И. Ленина о восстаниях рабов в античном мире (т. XXIV, стр. 375).

⁶ Из обширной литературы по этому вопросу можно назвать следующие работы: С. Шаблювский «Схематизация как дидактический прием» («Родной язык в школе». Кн. 2—3-я. 1916); Е. Кагаров «Заметки о преподавании русского языка» («Наука и школа». Кн. 3-я. 1916); А. Р. «Графический метод в русской литературе» («Путь просвещения». Кн. 7—8-я. 1925) и др.

Ценный труд по истории Парижской коммуны*

Советские историки достигли в изучении Коммуны значительных результатов. В самом начале Великой Октябрьской социалистической революции советская историография выдвинула группу партийных литераторов, осветивших по-ленински борьбу Парижской коммуны. Здесь прежде всего следует упомянуть имена И. И. Скворцова-Степанова¹ и В. А. Быстрянского², которые дали в своих работах марксистски выдержанное и притом популярное изложение истории Коммуны.

В 20-х годах были изданы переводные работы, главным образом французские, довольно точно отразившие основные положения буржуазной историографии в трактовке Коммуны. Книга либерально настроенного профессора Ж. Буржена³ отличается фактической достоверностью, но обходит основные социально-экономические проблемы истории Коммуны. И это — лучшее, на что способен буржуазный историк Коммуны. Другой автор, социал-соглашатель Л. Дюбрейль⁴, игнорируя новейший документальный материал, пытается представить сильные стороны Коммуны (слом буржуазной государственной машины и др.) источником ее слабости, причиной поражения коммунаров. Наконец, плохо замаскированным пасквилем является книжка К. Талеса, договорившегося до клеветнического заявления о том, что в дни Коммуны «революционеры выбивались из сил, чтобы заставить правильно функционировать... старую машину, заеванную

империей»⁵. Работа Талеса показательна для буржуазной исторической литературы, стремящейся к фальсификации «величайшего пролетарского движения XIX века»⁶. Лишь несколько переводных книг, главным образом мемуары революционных деятелей⁷, отличаются исторической достоверностью.

За последние два десятилетия на европейском книжном рынке появилось всего лишь несколько книг о коммунарах. Разработка истории Коммуны заняла видное место лишь в советской историографии.

Помимо трудов вышеназванных авторов, а также многочисленных статей по различным вопросам истории Коммуны и отдельных публикаций документов⁸ наша историография дала о Коммуне несколько сводных работ⁹.

Задачей советских историков было на основе гениальных указаний классиков марксизма-ленинизма, пользуясь обширной документацией и последними исследовательскими выводами, создать научную, всесторонне разработанную историю Коммуны. Вместе с тем необходимо было дать живое изложение событий, показать облик героев-коммунаров. Книга покойного П. М. Керженцева показывает, что искания советской историографии на пути к решению этой ответственной задачи увенчались значительным успехом.

* * *

Несколько слов о структуре рецензируемой работы. Ее девятнадцать глав можно разбить на три раздела. Первые шесть глав, несколько более трети книги, посвя-

⁵ К. Талес «Коммуна 1871 года», стр. 96. Л. 1925.

⁶ Ленин. Т. XII, стр. 163.

⁷ Луиза Мишель «Коммуна». Л. 1926; Арну А. «Народная история Парижской Коммуны». СПб. 1906; Либкнехт В. «48 год и Коммуна». СПб. 1906.

⁸ А. Молок «Парижская Коммуна 1871 года; в документах и материалах». Л. 1925; «Протоколы Парижской Коммуны 28 марта—30 апреля 1871 года»; «Письма рабочих Парижской Коммуны». Партиздат. М. 1937; «Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 года». М. 1933.

⁹ Основные: А. Молок — «Парижская Коммуна 1871 года». Л. 1927; О. Вайнштейн «История Парижской Коммуны». М. 1932.

* П. М. Керженцев «История Парижской Коммуны 1871 года». Соцэкгиз. 1940. 552 стр. 10 000 экз. 10 руб. 25 коп.

¹ И. И. Скворцов-Степанов «Парижская Коммуна и вопросы тактики пролетарской революции». Последнее издание 1938 года.

² В. А. Быстрянский «Очерки по истории Парижской Коммуны». П. 1921.

³ Ж. Буржен «История Коммуны». Л. 1926.

⁴ Л. Дюбрейль «Коммуна 1871 года». П. 1922.

щепы кризису Второй империи, движению парижских масс, кануну Коммуны.

В главах VII—XVII — основной части работы — исследованы деятельность Коммуны, ее состав, организация власти и роль рабочего класса. В X, XIII и XVII главах автор очень подробно излагает военную борьбу парижского пролетариата против версальцев. Остальные главы этого же раздела посвящены социально-экономическим и культурным мероприятиям Коммуны, показывают организацию масс, сломавших старую государственную машину, борьбу за создание новой власти, взаимоотношения Парижа с остальной Францией. Освещены также разногласия внутри Коммуны, шпионаж ее врагов, германская интервенция.

Глава XVIII дает яркое описание кровавой майской недели и последовавшего за ней контрреволюционного террора.

В XIX (заключительной) главе говорится об активной помощи словом и делом, которую оказывал Маркс Коммуне, о причинах поражения Коммуны и о ее мировом историческом значении.

Приложения к книге содержат краткий очерк историографии Парижской коммуны, библиографию и отдельно карту Парижа и схему военных действий.

* * *

Значительное место, отведенное в книге кануну Коммуны, позволило автору подробно обрисовать историю ее возникновения.

С помощью обширного документального материала, используя удачно подобранные цифры, автор создает картину маразма Второй империи, показывает рост рабочего движения, влияние на него мелкобуржуазного прудоновского «мютюэлизма», ошибочных идей Бланки и Бакунина. При этом П. М. Керкенцев не ограничился общим изложением всех этих доктрин: он охарактеризовал партийную прессу, работы прудонистов Вермореля, Мильера, бланкиста Тридона, что весьма ценно для советского читателя.

Затем показаны условия создания, первые годы борьбы и роста парижской секции Интернационала. Автор приводит читателя на улицу Гравилье, 44:

«Бюро Интернационала помещалось в маленьком флигеле во дворе, — это была комната 4 метра на 3. Здесь стояли простой стол, две табуретки, четыре стула и чугунная поломанная печка» (стр. 26).

Из «гравильеров» наибольший авторитет среди трудящихся приобрели левые прудонисты Варлен, Малон, Бурдон. Политические процессы и преследования еще более усиливали их влияние, рождали в среде

революционной части секции Интернационала мысль о близости революции.

В октябре 1869 года Бастелика (организатор социалистического движения в Марселе) писал из Марселя в Париж Рипару (делегату Интернационала от лионских рабочих): «Накануне социальной революции и тем более накануне политической революции нужно установить лояльный союз (особенно в области практических мероприятий) между социалистами Лиона, Парижа, Руана и Марселя, чтобы не вверяться наобум происходящим событиям: нам нужно возможно скорее выработать и установить план действия для французской революции» (стр. 31). В таком же духе писал Варлен (левый прудонист, видный деятель Интернационала) к Обри (руанский делегат Интернационала).

Близость решительных перемен стала особенно ощутимой в 1870 году. Дело Виктора Нуара¹ было лишь поводом для взрыва революционной ненависти трудящихся. Авантюристически начатая Наполеоном III война с Пруссией показала внутреннюю зниłość бонапартистского режима. «Императорская Франция, — отмечает автор, — пошла на войну не готовой ни дипломатически, ни политически, ни в чисто военном отношении» (стр. 37). К сожалению, автор не развивает это правильное положение, а приводит лишь отрывок из статьи Энгельса о дипломатической слабости французской позиции.

4 сентября империя рухнула. Было создано «правительство национальной обороны», которое Маркс заклеил как «правительство национальной измены»². В книге даны яркие характеристики членов правительства Трошию, Фавра, Пикара, Симона, Ферри, показан их предательский план удушения республики.

Автор говорит, далее, о миссии Серрайнэ, направленного в сентябре 1870 года в Париж в качестве полномочного представителя Генерального совета Интернационала, излагает тактику Маркса и Энгельса в первые дни республики. Маркс осудил манифест парижских секций Интернационала, предложивших пруссакам организовать «мировую республику», и дал развернутые директивы секциям во втором воззвании Генерального совета от 9 сентября. Через три дня Энгельс в письме к Марксу дал замечательное предостережение: «...следовало бы помешать выступлению рабочих до заключения мира... Стоит им теперь победить — служба делу нацио-

¹ Дело об убийстве родственником Наполеона III, принцем Пьером Бонапартом, журналиста Виктора Нуара.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 293.

нальной обороны, — как им придется взять на себя наследство Бонапарта и нынешней паршивой республики; они будут бесполезно раздавлены немецкими армиями и снова отброшены на двадцать лет назад»¹.

Заключение мира, использование трудящимися республиканских свобод для своей организации и создания массовой пролетарской партии — в этом заключались первоочередные задачи дня, без разрешения которых массы не могли быть готовы к борьбе за власть. «Эта правильная оценка положения и продуманная программа действий Маркса и Энгельса, — говорит автор, — к сожалению, имели мало сторонников среди руководителей пролетариата Парижа» (стр. 51).

В книге показаны образование Центрального комитета 20 округов и его ошибки. В первые дни республики в ее оценке ошиблись все революционные деятели французского пролетариата.

Большим достоинством рецензируемой работы является то, что она впервые в нашей историографии детально разбирает организацию и функции «комитетов бдительности», которые были «центрами революционной деятельности парижских масс» (стр. 59). Так же обстоятельно показаны борьба масс за вооружение, структура и дифференциация национальной гвардии, попытки Гамбетты ограничить создание рабочих батальонов; показана деятельность масс в клубах; виднейшим политическим деятелям пролетариата: Варлену, Серраюе, Франкелю, Бланки, Тридону, Флурансу, Делеклюзу — даны запоминающиеся характеристики.

Сентябрь и октябрь были для парижских масс временем вооружения, периодом формулирования народных требований, а затем и прямой борьбы за провозглашение Коммуны. Эти революционные тенденции показаны автором главным образом на интересном материале газет «La Patrie en danger» (издавалась Бланки), «Le Combat» (редактировалась Ф. Пиа), «Le Réveil» (редактировалась Делеклюзом). Наиболее решительную позицию занимали Бланки и его сторонники.

«30 и 31 октября сообщения о падении Меца, о перемирии, о поражении при Бурже обрушились на голову населения» (стр. 118). Используя всеобщее негодование, Центральный комитет 20 округов и бланкисты 31 октября пытались провозгласить Коммуну. В книге подробно освещены события 31 октября и дан анализ причин поражения масс. Несколько скупо описано движение на периферии, за исключением Алжира.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 399.

Предательская политика правительства во время осады вызвала 22 января 1871 года новое стихийное выступление масс, также неудачное. Автор показывает, как перед альтернативой — революционные массы или прусские пугало — Фавр и компания предпочли последнее. «Трудящие вожди из «национальной обороны» до такой степени испугались разоружиться, что передали пруссакам больше оружия, чем полагалось по перемирию...» (стр. 153).

На февральских выборах в Национальное собрание монархисты и другие реакционеры получили $\frac{2}{3}$ мест. 17 февраля правительство возглавил Тьер, сказавший, что «для монархии еще не пришло удобное время» (стр. 158). Наступала реакция.

Но уже 19 февраля последовало грозное предостережение из революционного лагеря: Центральный комитет 20 округов призвал в декларации призывать лишь власть революционной Коммуны. В эти же дни состоялось первое заседание делегатов национальной гвардии. В книге рассказано, как образовался ЦК национальной гвардии, как создавалась в противовес ему офицерская организация, позднее, под давлением масс, влившаяся в Центральный комитет.

Освещая деятельность парижских секций Интернационала, автор показывает их ошибки. Лишь 1 марта по требованию Варлена секции послали в ЦК национальной гвардии комиссию, да и то с оговоркой, что члены ее «будут действовать в индивидуальном порядке» (стр. 175).

Автор показывает, как с середины февраля до середины марта под влиянием массовых демонстраций на площади Бастилии, братания народа с солдатами, захвата пушек национальной гвардией, под тяжелым впечатлением вступления пруссаков в Париж происходила революционная консолидация пролетарских и мелкобуржуазных масс. В эти дни неизмеримо высоко поднялся авторитет ЦК национальной гвардии. «В марте все ждали взрыва, ждали восстания» (стр. 187). Оно последовало 18 марта 1871 года.

* * *

Ленин подчеркивал, что «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял»². П. Берженцев, исходя из высказывания Ленина, дает картину событий 18 марта, правильно анализирует ошибки Центрального комитета национальной гвардии, который не организовал немедленного наступления на Версаль и поспешил заявить о своей готовности передать власть свободно избран-

² Ленин. Т. XV, стр. 157.

ной Коммуны. Однако исторический смысл всего совершившегося был ясен парижанам. Орган Коммуны «Journal officiel» писал 21 марта: «Пролетариат... понял, что на него возложен повелительный долг и неоспоримое право стать господином собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть» (стр. 214).

К власти пришли люди из гущи народа. «Имена членов нового правительства столь неизвестны, — ускакался реакционно настроенный писатель Эдмонд Гонкур, — что это кажется просто мистификацией» (стр. 216). Читатель знакомится с деятельностью рабочих Асси, Рапье, Бержере и многих других членов Центрального комитета национальной гвардии. Трупящиеся «ощутили, инстинктивно искали путей для организации своей государственной власти» (стр. 220).

Крупнейшая ошибка, как указывал Маркс, была допущена Коммуной по отношению к Французскому банку, у которого коммунары сначала потребовали лишь 1 миллион франков для пособия наиболее нуждающимся семьям. «Журд и Варлеп, узнав о согласии де Плека (директор банка. — Н. П.), были очень обрадованы и закричали: «Дело идет!» («Са ва!»). Они даже не представляли себе, что могли бы потребовать от банка передачи всех ценностей» (стр. 222).

Интересные материалы приведены автором о попытках контрреволюции 21—24 марта дезорганизовать революционные силы столицы. Борьбу с агентами Тьера Центральный комитет национальной гвардии начал, по существу, только с 24 марта, причем «еще до 31 марта некоторые ворота к Версалю были фактически в руках отрядов национальной гвардии, поддерживавших правительство» (то есть Тьера. — Н. П.) (стр. 227). Центральный комитет национальной гвардии не проявил достаточной твердости, вступил в сношения с «законной» властью, вел восьмидневную полемику с мэрами округов Парижа. В этом сказалось вреднейшее влияние прудонистов, жаждавших мирного соглашения с Версалем. Автор правильно заключает, что «провозглашение немедленных выборов в Коммуну и переговоры с мэрами о порядке проведения выборов были выгодны только правительству Тьера, а вовсе не восставшему народу Парижа» (стр. 232).

Малоизвестные материалы (французские работы, изданные в 1871 году)¹ привлечены в книге для характеристики предвыборной кампании. Даны также детальное

описание партийного состава избранной Коммуны и характеристики ее выдающихся членов. Автор рассказывает о первых шагах Коммуны в области организации власти и законодательной работы. Коммуне пришлось сломать старую государственную машину, подавить контрреволюционный саботаж, выдвинуть новые кадры и, опираясь на массы, создавать органы пролетарской государственности. При этом Коммуна руководствовалась принципом коллегиальности.

Для управления Парижем было создано 10 комиссий: исполнительная, военная, продовольственная, финансовая, судебная, общей безопасности, труда и обмена, общественных служб, внешних сношений, по просвещению. Характерно, что бланкисты преобладали в комиссиях исполнительной, военной и общей безопасности, в то время как прудонисты ведали всей экономической работой.

Разбирая деятельность комиссий, автор не всегда достаточно точен в своих утверждениях. Например в существенной поправке нуждается следующее заявление: «Финансовое хозяйство Коммуны действовало прекрасно» (стр. 256). Известно, что коммунары почтиительно остановились перед сейфами Французского банка. Большинство в Коммуне принадлежало бланкистам, которые «были тогда социалистами большей частью лишь по революционному пролетарскому инстинкту...»². «Откуда становится понятным, — писал Энгельс, — почему Коммуна в экономической области упустила кое-что такое, что, по нашим нынешним представлениям, сделать ей было необходимо»³.

2 апреля начались военные столкновения коммунаров с версальцами. Подробно описывая апрельские бои, автор сравнивает военные силы обеих сторон, характеризует военных руководителей Коммуны, особенно ее героев — Ярослава Домбровского и Валерия Врублевского.

В книге исследован вопрос о взаимоотношениях Центрального комитета национальной гвардии и Коммуны. Буржуазная историография, чтобы преуменьшить значение Коммуны, пыталась доказать приоритет Центрального комитета национальной гвардии над нею. Автор разрушает эту вражескую концепцию и убедительно доказывает, что «не может быть речи о влиянии Центрального комитета национальной гвардии на какие-либо решения Коммуны, кроме чисто военных» (стр. 291).

В апреле коммунары укрепили муниципалитеты, начали коренное переустройство

¹ В. Малон «La troisième défaite du prolétariat français». Neuch. 1871; F. Mailard «Affiches, professions de foi, documents officiels». P. 1871.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 91.

³ Там же.

суда. «На заседании 22 апреля был обсужден и принят общий закон, который провозглашал равный для всех суд, выборность судей и свободу защиты» (стр. 314).

В ответ на версальский террор был принят закон о заложниках, производились аресты. В проведении этой меры члены Коммуны не выказали единодушия. «Парижские коммунары были слишком мягки в отношении версальцев, за что их с полным основанием ругал в свое время Маркс»¹.

Коммуна проявила медлительность в борьбе с реакционной печатью. «На заседании 1 апреля Верморель, Лефрансэ, Урбей и др. требовали «безусловного уважения к свободе печати»... Только в середине мая Коммуна начала более активно прекращать издание враждебных газет» (стр. 319). С опозданием (15 апреля) был принят декрет о конфискации имущества врагов народа. Автор показывает, что и борьба за централизацию власти проводилась в Париже недостаточно решительно, главным образом из-за палубного влияния прудонистов.

В апреле Коммуна провела свои основные социально-экономические мероприятия: «знаменитый декрет»² о передаче рабочим артелям мастерских, брошенных их хозяевами, декреты об отмене ночной работы в булочных, о запрещении штрафов и вычетов, о максимуме заработной платы и повышении ее низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих. В рецензируемой работе дается подробное освещение и других постановлений Коммуны: о реквизиции пустующих квартир, об отсрочке платежей, о ломбарде. В § 5 главы XI изложена финансовая политика Коммуны. Автор не только анализирует значение перечисленных декретов: он излагает историю возникновения каждого законопроекта, разбирает отношение к каждому закону отдельных группировок Коммуны.

Обстоятельно охарактеризована в книге печать, которая «несмотря на всю ее неорганизованность, обилие газет-однодневок, выпускавших лишь по нескольку номеров, была величайшим рычагом Парижской Коммуны в ее борьбе за новое государство и новый строй» (стр. 353).

Коммуна пыталась привлечь на свою сторону крестьянство. Социалистка Андре Лео написала листовку за подписью «Парижские рабочие», которая стотысячным тиражом рассылалась по провинции. Но многие газеты Коммуны недооценивали роль крестьянства. Колебавшаяся между бланкизмом и прудонизмом газета «Cri du peuple»

писала 3 мая, обращаясь к крестьянам: «Вы — источник наших бедствий, и вы даже не краснеете. Вы только думаете о своих виноградниках, нивах, своем скоте и пр.» (стр. 366—367). Подобные обвинения выставлялись и прудонистской «La Commune» («Коммуна»). Лишь некоторые газеты, в том числе прудонистская «La Sociale», правильно оценили роль трудового крестьянства Франции.

Осажденная Коммуна не сумела связаться с крестьянством. «Парижская Коммуна пала потому, между прочим, что платнулась на противодействие средних слоев, и прежде всего крестьянства»³.

Отсутствие широких революционных резервов коммунары остро почувствовали в мае, когда для Коммуны палились особенно тяжелые дни. 8 мая был похлнут форт Исси. 9 мая, опубликовав предательское письмо, ушел в отставку военный делегат Россель. В эти же дни назревал раскол руководства Коммуны на бланкистско-якобинское «большинство» и прудонистское «меньшинство». Прудонисты выступили 15 мая с манифестом, обвинявшим Коммуну в том, что она «отреклась от своей власти в пользу диктатуры, которая названа Комитетом общественного спасения» (стр. 385). Последовавшая страстная полемика в печати показала всем врагам Коммуны ее ослабление и дала повесть материалы шпионам, особенно активизировавшимся в мае.

В специальном разделе (§ 4 главы XIII) книги автор показывает опутавшую Коммуну сеть шпионажа, заговоров и предательства.

Версальское правительство рано утром получало все парижские газеты. Оно поддерживало регулярную связь с Французским банком, откуда шли к Тьеру деньги и шпионские сведения. Армию шпионов составляли сотни враждебных Коммуне репортеров, военных в отставке и бывших полицейских империи.

«Другим очагом шпионажа были заграничные миссии. Правда, основной персонал их перебрався в Версаль, но вслуду были оставлены «для охраны» люди, которые после шпионскую службу и спосились с Версалем...

Тьер стал применять самую широкую систему подкупа. Блюзере сообщал, что ему предлагали большие суммы за предательство Коммуны. К Домбровскому тоже был подослан агент Тьера с предложением предать дело Коммуны» (стр. 397). «Кроме подкупов Тьер организовывал и ряд диверсий. Одной из наиболее крупных был взрыв

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 313. 9-е изд.

² Ленин Т. XV, стр. 159.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 180. Госполитиздат. 1939.

пороховой фабрики на улице Рапп 17 мая» (стр. 398).

Несмотря на требования масс «Коммуна мало обращала внимания на шпионскую и диверсионную работу своих врагов» (стр. 401), «значительная часть членов Коммуны возразила против широкого применения террора и карательных мер» (стр. 402). Мало того: только в середине мая было введено в Париже обязательное удостоверение личности.

В дни тяжелых испытаний парижские массы проявили героизм и большую творческую инициативу. Усилилась работа секций Интернационала. Число рабочих синдикатов (профессиональных союзов) выросло до 34, рабочих производственных кооперативов — до 43. Продолжали действовать «комитеты бдительности». Газеты публиковали письма трудящихся, которые «вносили разные предложения Коммуне, давали оценку ее декретов, иногда критиковали Коммуну за неактивность или перешительность, сигнализировали о контрреволюционной деятельности агентов Тьера и т. д.» (стр. 419)¹.

Интересные сведения дает автор о клубах, функционировавших по вечерам, часто в церквях, где днем совершались богослужения. Всего в Париже было до 40 клубов. Автор опровергает мнение некоторых исследователей, не придававших особого значения этой форме массовых организаций: «Наряду с печатью Коммуны клубы и народные собрания были могучим средством активизации пролетарских масс. Клубы и народные собрания цементировали пролетарскую диктатуру и энергично помогали в борьбе» (стр. 436).

Невиданный героизм был проявлен трудящимися женщинами, которые в середине апреля организовали «Союз женщин» с Центральным и окружными комитетами. Эти комитеты создавали санитарные отряды, обеспечивали питание бойцов. Женщины сражались на аванпостах и баррикадах. Автор дает яркие характеристики Луизы Мишель, Е. Дмитриевой-Тумановской, А. Корвин-Бруковской, показывает, как «сотни женщин нашли себя в революционной борьбе Коммуны и стали крупными организаторами, ораторами, бойцами» (стр. 423).

В мае, когда враг тесно сжал кольцо вокруг города, Коммуна продолжала свою социально-экономическую деятельность. Она утвердила устав шувальских оружейных мастерских, положивший начало новой системе организации труда, предложила при распределении заказов на военное обмундирование оказывать предпочтение рабочим ко-

операциям, установила таксу на хлеб, повысила оклады учителей, приступила к организации профессиональных школ, передала театры ассоциациям артистов, вела борьбу с церковью.

Автор обобщает анализ всех этих мероприятий в главе XVI — «Коммуна — государство нового типа».

21 мая версальцы захватили ворота Сен-Клу. 8 дней продолжалась агония Коммуны. «Даже враги признавали, что коммунары героически боролись на баррикадах и мужественно умирали, если попадали в плен» (стр. 502). В книге собраны исчерпывающие сведения о расправе версальцев с Коммуной. «30 тысяч коммунаров — мужчин, женщин, детей — было убито версальцами. Число арестованных коммунаров достигало 50 тыс. Таким образом, вместе со скрывшимися из Парижа участниками Коммуны 90—100 тыс. жителей Парижа (главным образом рабочих) выбыло из столицы. Целые кварталы и улицы опустели. Ряд категорий рабочих профессий на долгие годы совершенно исчез из Парижа» (стр. 504). Месть озлобленной буржуазии не знала предела. «И для пролетариата эта расправа 1871 г. была кровавым рубежом, знаменовавшим новый этап истории — гибель первой диктатуры пролетариата...» (стр. 512).

Маркс и Энгельс признали Коммуну «славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского Июньского восстания»².

Основываясь на фактическом материале, автор пишет: «Маркс действительно был подлинным и активным участником Парижской Коммуны, вдохновителем великой пролетарской борьбы, гениальным ее историком и непревзойденным теоретиком» (стр. 517).

«...при всех ошибках, — писал Ленин, — Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века... Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патристические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»³.

Коммуна обогатила опыт международного революционного движения, показала, что победивший рабочий класс должен сломать старую, буржуазную государственную ма-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 106.

³ Ленин. Т. XII, стр. 163.

¹ См. «Письма рабочих Парижской Коммуны». Партиздат. 1933.

пину и заменить ее новым типом государства.

«Республика Советов,— писал товарищ Сталин,— является... той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»¹.

* * *

Книга П. М. Керженцева, являясь ценным вкладом в марксистскую историографию Парижской коммуны, заинтересует не только специалистов, но и широкие читательские массы. Она написана просто и понятно. Автору удалось сделать изложение живым и образным. Вот, например, сцена в Законодательном корпусе в день провозглашения республики 4 сентября:

«Депутаты растерянно прячутся в соседние комнаты. В дверях слышен стук прикладов. Председатель палаты, известный промышленник Шпейдер (владелец заводов Крезо), сходит с места председателя. Его хватают за шиворот, выталкивают вон. Ему кричат вдогонку: «Долой! Вот убийца наших братьев в Крезо» (стр. 40).

П. М. Керженцев по-новому излагает некоторые вопросы, например о политике Коммуны в области заработной платы, о соотношении партийных группировок в руководящих органах Коммуны. Он подробно характеризует массовые организации, клубы и печать Коммуны. Автор очень широко использовал источники, в том числе некоторые новые материалы.

К числу немногих недостатков работы можно отнести отдельные неточности и противоречия. На стр. 249 мы читаем: «Первый, мирный период Коммуны продолжался только шесть дней (28 марта—2 апреля)». Через несколько страниц автор дает иную периодизацию: «Первый, мирный период Коммуны продолжался 16 дней (18 марта—2 апреля) или, точнее, 15 дней, потому что уже 2 апреля произошли первые столкновения с версальцами» (стр. 261). Вообще трудно говорить о мир-

ных днях Коммуны. Если в указанные автором сроки не было активных военных операций, то уже 20 марта подняла голову внутри столицы агентура Тьера. 21 и 22 марта она организовала контрреволюционные уличные демонстрации. Был ранен член Центрального комитета Мальжурналь. Буржуа пытались разоружить национальных гвардейцев, стреляли в них, убили двух человек и восьмерых ранили.

В книге отмечено международное значение Коммуны, но необходимо было также показать и отклики международного пролетариата на деятельность Коммуны, влияние ее на рабочее движение в других странах.

Есть в книге и отдельные печатные формулировки. В начале книги автор так охарактеризовал сущность бонапартизма:

«Политическая система, получившая название бонапартизма (по имени обоих Наполеонов—первого и третьего), характеризуется, как указывали Маркс и Ленин, тем, что правительство использует разнопласия между существующими классами, более или менее уравнивая их друг друга» (стр. 9). На самом деле Ленин указывал, что бонапартизм «...старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом»². Значит, дело не просто в «разногласиях между существующими классами», как сказано у Керженцева, а в крайнем обострении борьбы между двумя основными классами капиталистического общества. «...империя была единственно возможной формой правления в такое время, «...когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности»³. Автор не подчеркнул этой классовой сущности бонапартизма, не отметил, что такая политическая система весьма непрочна и уже в момент своего зарождения подтачивается внутренними противоречиями.

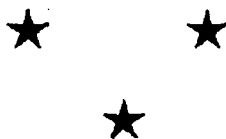
Книга П. М. Керженцева является ценнейшим пособием для изучения истории Парижской коммуны.

Н. ПЕВЗНЕР

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 76.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 312.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 35. 11-е изд.

Хроника революционного рабочего движения в Петербурге*

История революционного рабочего движения в Петербурге, в бывшей столице царской империи, в городе, который стал колыбелью пролетарской революции и с полным правом носит сейчас имя величайшего из вождей пролетариата, представляет для нас особый интерес. По истории этого движения имеется

обширный материал, однако он разбросан по многочисленным источникам, из которых многие стали библиографической редкостью. С этой точки зрения следует приветствовать появление книги такого типа, как «Хроника», которая кратко излагает в хронологической последовательности факты и события этой истории за большой период времени — с 70-х годов XIX века до кануна революции 1905—1907 годов.

Перечень событий в «Хронике» дает возможность год за годом проследить рост и изменение характера забастовочного движения на петербургских предприятиях за три с половиной десятилетия; «Хроника» повествует о деятельности народников среди рабочих Петербурга, о появлении первых марксистских кружков и групп, о широкой организационной и агитационной деятельности ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», о борьбе петербургских искровцев против «экономистов», а впоследствии Петербургского большевистского комитета против меньшевиков.

В ряде случаев составители «Хроники» (кандидат исторических наук Э. Корольчук и научный сотрудник Ленинградского института истории ВКП(б) Е. Соколова) не ограничиваются указанием на то или иное событие, а приводят также оценку, которую оно получило в работах Ленина и Сталина, в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

При работе над «Хроникой» использовано более 90 книг и брошюр, свыше 30

журналов и газет и кроме того архивные фонды Центрального государственного архива революции в Москве и ленинградских архивов.

* * *

Семидесятые годы прошлого столетия характеризуются началом систематической борьбы рабочего класса России против капиталистов. 1870 год, с которого начинается «Хроника», ознаменовался крупной стачкой на Невской бумагопрядильне в Петербурге, которая вызвала смятение в правительственных сферах и в кругах либеральной буржуазии. Именно в связи с этой стачкой «Русские ведомости» рекомендовали властям для подавления стачек посылать в помощь полиции войска, а министр внутренних дел направил губернаторам секретный циркуляр, в котором предписывал им, чтобы они в случае стачки рабочих, «не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми, высылали таковых...» (стр. 69).

В «Хронике» за 70-е годы отмечено еще 65 стачек в Петербурге. Почти все они возникали стихийно, главным образом в связи с задержкой выдачи заработной платы, снижением расценок, трубным обращением и произволом администрации. Даже в стачке рабочих Новой бумагопрядильни в марте 1878 года, в организации которой участвовал «Северный союз русских рабочих», чувствуется незрелость рабочего движения того периода; стачечники организовали шествие 200 рабочих к Анничкову дворцу для подачи жалобы наследнику. Тем не менее бурно протекавшие стачки 70-х годов заставили царское правительство издать в 1882 году закон, по которому рабочий день подростков в возрасте 12—15 лет ограничивался 8 часами, а дети до 12 лет к работе не допускались. Этот закон в значительной степени оставался на бумаге, так как контроль за его выполнением был крайне слабым.

По «Хронике» можно проследить тот путь, каким в 70-е годы в среду русских передовых рабочих проникали идеи Маркса и Энгельса. В марте 1870 года в Железье была создана из русских политических эмигрантов русская секция I Интернационала. В связи с этим Маркс, который внимательно следил за развитием русского ре-

* Э. Корольчук и Е. Соколова «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге (1870—1904 гг.)». Том I. Под общей редакцией В. А. Быстрианского (Ленинградский институт истории ВКП(б). Лениздат. 1940. 394 стр. 5000 экз. 16 руб.

волюционного движения, написал от имени Генерального совета I Интернационала обращение к членам Комитета русской секции, в котором говорилось: «Ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» (стр. 68). Однако русская секция просуществовала лишь до 1872 года. Оторванная от русского рабочего движения, она не смогла оказать какого-либо существенного влияния на его развитие.

В марте 1872 года вышло первое русское издание I тома «Капитала» К. Маркса в переводе народника Даниэльсона. Напечатанная в 3000 экземплярах, книга эта была быстро распродана; выдавать же ее в публичных библиотеках и в читальных правительстве запретило. О том, как царское самодержавие и его чиновники боролись против проникновения в Россию революционных идей с Запада, особенно после Парижской коммуны, свидетельствует следующий курьезный факт. Получив сообщение от своей заграничной агентуры о том, что К. Маркс якобы собирается в Россию, III отделение еще в июле 1871 года дало распоряжение жандармскому управлению в Одессе строго наблюдать за его проездом через Константинополь и в случае, если Маркс прибудет в Россию, немедленно его арестовать. В начале июня 1872 года III отделение получило известие из Одессы о том, что там арестован приехавший из Англии К. Маркс. Однако выяснилось, что К. Маркс из Англии никуда не выезжал и одесскими жандармами был арестован некий английский купец Маркс.

Основным препятствием, мешавшим проникновению идей научного социализма в среду русских рабочих, были народники. С начала 70-х годов они начали завязывать связи с рабочими и проповедывать среди них свой антинаучный, мелкобуржуазный социализм, свою политику индивидуального террора, исходившую из вредной для дела революции народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига.

В конце 1871 года кружок народников-чайковцев в Петербурге установил связь с рабочими. Студенты-народники организовали занятия с рабочими отдельных предприятий, устраивали общие чтения. В 1873 году из числа распропагандированных чайковцами рабочих ряда заводов за Невской заставой, на Выборгской стороне и на Васильевском острове оформилась революционная группа. В ней находились такие выдающиеся передовые рабочие, как В. П. Обнорский, С. К. Волков, Петр Алексеев. Характерно, что эти рабочие вскоре стали выступать против чайковцев. Это видно из материалов «Хроники».

Среди заметок «Хроники» за 1874 год под датой март 15(3) мы читаем:

«В конститутивной квартире кружка В. С. Ивановского, где жил ткач Петр Алексеев (7-я рота Измайловского полка), состоялось собрание организованных в кружки заводских рабочих всех районов, на котором присутствовало до 40 человек. На собрании ярко проявилась зрелая уже среди передовых заводских рабочих оппозиция по отношению к народникам и обсуждался вопрос о разрыве с чайковцами» (стр. 81—82). Особенно усилилось недовольство передовых рабочих народниками после того, как некоторые передовики-рабочие побывали за границей, где они познакомились с западноевропейским рабочим движением, с идеями I Интернационала.

Уже в 1876 году рабочие из центра заводской группы заложили основы «Северного союза русских рабочих». Об этом «Союзе» и о «Южнороссийском союзе рабочих» Ленин писал: «...эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты (Ленин имел в виду народников. — О. В.) ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»¹. Рабочие начинают понимать, что сила движения не в действиях отдельных «героев», а в организованности и сплоченности пролетариата. Этот рост классового самосознания рабочих, их интерес к политической борьбе нашли следующую любопытную характеристику в одной из «агентурных записок», относящейся к 1876 году. «Прежде из толпы выделялись личности, — писал агент охраны, — прямо приступавшие к проведению какой-либо социальной или революционной идеи... теперь же, наоборот, любой рабочий рассуждает об интересующих его вопросах, читает не только общедоступные книги, но нередко следит и за периодической печатью, причем останавливает свое внимание исключительно на статьях политического или либерального направления, дающих повод по преимуществу к осуждению правительственных распоряжений...» (стр. 89). В феврале 1876 года на собрании передовых рабочих с участием интеллигентов-народников на квартире Г. В. Плеханова велись жаркие споры о методах революционной работы. К 1876 году относится и первое политическое выступление русских рабочих — демонстрация на Казанской площади, — а в марте следующего, 1877 года на процессе 50-ти рабочих Петр Алексеев произнес свою замечательную политическую речь. Программа «Се-

¹ Ленин. Т. II, стр. 535.

верного союза русских рабочих», обсуждавшаяся в кружках рабочих-передовиков и принятая в конце 1878 года (по старому стилю), ставила как ближайшую задачу «Союза» завоевание политической свободы и политических прав для народа.

Известно, что народники враждебно встретили эту программу. В «Хронике» по этому поводу приводится следующий факт. В январе 1879 года народники создали периферийный кружок «Земли и воли», который, по мысли его организаторов, должен был действовать в противовес «Северному союзу русских рабочих». Недовольство рабочих народническими теориями нашло своё отражение и в нелегальной печати того времени. В № 5 «Земли и воли» (апрель 1879 года) члены «Северного союза русских рабочих», отвечая землевольцам, в письме в редакцию следующим образом обосновывали необходимость политической борьбы: «...Мы спланируем, организуемся, берем близкое нашему сердцу звание социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволить нам правильное развитие свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы...» (стр. 113).

Вышедший в свет в 1880 году первый и единственный номер органа «Союза» «Рабочая заря»—этой первой рабочей газетой в России—подчеркивал необходимость политической борьбы рабочих против правительства.

Но, как известно, народникам все же удалось увлечь некоторых передовиков-рабочих на путь террористической деятельности. К числу их в первую очередь относится Степан Халтурин. По материалам «Хроники» можно проследить, как Степан Халтурин, один из организаторов «Северного союза русских рабочих», участник политической демонстрации, организатор рабочих кружков и библиотек, перешел к террористическим актам. Материалы «Хроники» со всей наглядностью подтверждают правильность того положения, что первые русские рабочие организации 70-х годов несмотря на свою политическую незрелость, несмотря на наличие в их программе серьезных ошибок народнического толка все же на щелую голову переросли народников.

1883 год—год создания в Женеве группы «Освобождение труда», которая «...проделала большую работу по распространению марксизма в России, теоретически

основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»¹. В конце этого года в Петербурге образовалась группа Д. Н. Благоева, так называемая «Партия русских социал-демократов». Это была первая марксистская группа в Петербурге, хотя она и носила на себе печать сильного влияния лассальянства и народничества. Материалы «Хроники» за 1884 и последующие годы показывают, как на ряде заводов создавались рабочие кружки, изучавшие марксизм. В течение 1884 года группа Благоева организовала до 15 кружков, разработала «Проект программы русских социал-демократов». Ею был разработан также устав рабочей кассы, обсуждавшийся в рабочих кружках; она вела переписку с группой «Освобождение труда». С большим упорством группа Благоева работала над организацией нелегальной типографии, неоднократно воссоздавая ее после провалов. В 1887 году группа была полностью разгромлена.

Уже в 1886 году в Петербурге был создан еще один марксистский кружок—кружок П. В. Гочисского—под названием «Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России», который связался с рядом петербургских предприятий. В отличие от группы Благоева он резко отрицательно относился к террору.

1887 год прошел под знаком роста кружков самообразования на петербургских предприятиях. В 1888—1889 годах с этими кружками установил связь марксистский кружок Родзевичей. На фоне растущего стачечного движения создавались все новые рабочие кружки, жадно изучавшие идеи научного социализма.

Осенью 1889 года возникла Брусневская организация, названная так по имени ее организатора студента-технолога М. И. Бруснева, выдающегося пропагандиста марксизма.

Из «Хроники» видно, что в начале 1890 года Брусневская организация сделала попытку связаться с массовым рабочим движением. В связи с забастовкой в петербургском порту она выпустила листовку, написанную Л. П. Красиным, в которой сформулировала экономические и политические требования рабочих. Аналогичная листовка была выпущена и в связи со стачкой на судостроительном заводе «Новое адмиралтейство» в 1891 году. В феврале 1891 года была даже сделана попытка начать издание постоянного печатного органа, в котором должны были помещаться сообщения о рабочем движении на фабриках и заводах, о нуждах рабочих. Но это были лишь единичные явления. Центр

¹ «История ВКП(б)», стр. 26.

тяжести деятельности группы заключался в углубленной пропаганде теоретических идей марксизма.

К весне 1890 года Брусневская организация объединила уже до 20 кружков, которые распределялись по высшему и низшему разрядам. Задача занятий с кружками высшего разряда состояла в том, чтобы выработать из рабочих вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов.

1891 год ознаменовался первой в России социал-демократической демонстрацией передовиков-рабочих в связи с похоронами писателя Н. В. Шелгунова и празднованием впервые в Петербурге 1 Мая.

В 1893 году в Петербург приехал Ленин. Социал-демократическая работа в Петербурге значительно оживилась. «Хроника» сообщает о дискуссиях Ленина и других русских революционных марксистов с пародниками и легальными марксистами. С осени 1894 года Ленин начал большую пропагандистскую работу в рабочих кружках. Уже осенью и зимой 1894 года Ленин поставил вопрос о развертывании наряду с пропагандой агитации в рабочих массах.

Особенно богаты событиями, характеризующими революционное рабочее движение в Петербурге, 1895, 1896 и 1897 годы. Это были годы бурного роста стачечного движения (в одном 1896 году произошла 41 стачка), это был период, когда созданный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.

1895 год начался волнениями рабочих на Невском судостроительном и механическом заводе, вызванными невыдачей в срок заработной платы. Рабочие разгромили заводскую контору и лавку и пытались поджечь дом управляющего. Волнения были подавлены казаками и пожарными, обливавшими рабочих водой на морозе. Это стихийное выступление рабочих послужило толчком к непосредственному переходу группы «стариков» к массовой агитации. 4 января (по новому стилю) Ленин написал листок к рабочим Семяниковского (Невского судостроительного) завода. В начале 1895 года с переходом к массовой политической агитации Ленин объединил все марксистские кружки в Петербурге в единую организацию, названную несколько позже «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», которая была зародышем партии нового типа, подготовила создание революционной марксистской рабочей партии в России. «Хроника» сообщает многие факты, показывающие, как развертывалась деятельность ленинского «Союза борьбы»,

как происходило соединение социализма с рабочим движением. «Союз» изучал положение на предприятиях, подготовлял стачки и руководил ими, выпускал листовки, формулировавшие экономические и политические требования рабочих и разъяснявшие конечные цели рабочего класса.

Так например, когда на фабрике шерстяных изделий англичанина Торнтона в связи с систематическим снижением расценок и с произволом администрации при определении расценок и при чаложении штрафов осенью 1895 года стало нарастать недовольство в среде рабочих, «Союз борьбы» и лично Ленин немедленно занялись подготовкой выступления на фабрике. Стачка началась 6 ноября (по старому стилю). Накауне, 5 ноября, вышла изданная «Солозом» тектографированная листовка «Чего требуют ткачи?», которая была разбросана по корпусам фабрики и произвела на рабочих огромное впечатление. Через несколько дней Ленин созвал за Невской заставой собрание для выяснения общего положения в районах Петербурга. 10 ноября вышла написанная Лениным листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтон», которая распространялась и на других предприятиях и послужила сигналом к началу стачечной борьбы и на других заводах.

«Хроника» дает представление о той исключительно интенсивной революционной деятельности среди рабочих, которую развернули ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и лично Ленин осенью и зимой 1895 года. В «Хронике» сообщается, например, что 24(12) ноября Ленин и В. В. Старков посетили рабочего Н. Е. Меркулова и передали ему листовки. В ноябре же Ленин посещал трактир А. Никитина на Васильевском острове, чтобы получить от рабочих фабрики Лаферм сведения о ходе вспыхнувшей там стачки, участвовал в составлении листовки в связи с этой стачкой. К осени и зиме 1895 года относятся и проведенные Лениным собрания рабочих и совещания членов «Союза борьбы». В этот же период Ленин писал брошюру «Объяснение закола о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», завязывал связи с другими городами, с группой «Освобождение труда», подготавливал к печати первый номер газеты «Рабочее дело».

После своего ареста в декабре 1895 года Ленин из тюрьмы продолжал руководить движением. В мае 1896 года в Петербурге произошла знаменитая стачка рабочих текстильных предприятий. Ближайшим поводом к мощному подъему стачечной волны весной 1896 года было то, что некоторые фабриканты по случаю коронации Николая II закрыли фабрики на 3 дня,

выдав заработную плату лишь за один день. Под руководством «Союза» рабочие поднялись на борьбу, выдвинув общие требования петербургских текстильщиков — сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Это было время «...знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года»¹. По «Хронике» можно день за днем проследить развитие этой войны, увидеть, как она росла вширь, перекачивалась с одного предприятия на другое. По материалам «Хроники» видна величайшая оперативность, проявленная «Союзом борьбы» в деле руководства этими стачками. «Союз» прекрасно знал настроение рабочих на каждом предприятии, быстро откликался на все, что имело значение для успешного хода стачки. Так, под датой июнь 15(3) значится: «Возобновилась работа на Митрофаньевской мануфактуре. Заколебалась часть рабочих фабрики Кенига: 100 рабочих хотели приступить к работам, но не смогли этого сделать, так как остальные 1200 рабочих бастовали» (стр. 215).

А уже под следующей датой, июнь 16(4), мы читаем: «Союз борьбы» в листовке «К рабочим бумагопрядильни Кенига» указывает на недопустимость возобновления работ до удовлетворения предъявленных требований, квалифицируя прекращение стачки как измену рабочему делу» (там же).

Организованность и упорство бастующих вынуждены были признать и правительственные круги. Так, на совещании у градоначальника 11 июня (30 мая) было отмечено, что спокойное течение забастовки и стойкость бастующих «приводят к прямому заключению о существовании сильной организации, руководящей этими беспорядками» (стр. 212—213). Стачки 1895—1896 годов, как указывал Ленин, «...ослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса»².

Эти стачки, как известно, имели своим результатом издание закона об 11½-часовом рабочем дне.

В начале 1897 года Ленин и другие «старички» были отправлены в ссылку. Характер деятельности «Союза» изменился. У руководства его стали оппортунисты из группы «молодых». Взаимоотношения этой группы с ленинским «Союзом борьбы» можно проследить по «Хронике». Еще в июле (по старому стилю) 1896 года остатки группы «молодых» и оппортунистиче-

ская группа Тахтарева присоединились к «Союзу» и повели борьбу за руководство в нем. Как уже отмечалось, Ленин поддерживал связь с «Союзом борьбы» из тюрьмы. Но шовые крупные аресты в августе 1896 года эту связь ослабили. К руководству «Союзом» пришли новые, политически неустойчивые люди. А осенью 1896 года оформилась новая центральная группа «Союза борьбы». С этого времени внутри группы появились серьезные разногласия. Зимой 1896—1897 года в «Союз борьбы» влился еще один оппортунистический кружок. Листовки, выпускавшиеся «Союзом», часто не содержали политических требований. В феврале 1897 года Ленин по выходе из тюрьмы и перед отправкой в ссылку резко высказался на совещании старого состава руководства «Союза борьбы» против оппортунистической линии нового руководства.

В октябре (старого стиля) 1897 года вышел первый номер газеты «Рабочая мысль», которая редактировалась группой оппортунистов. Возникновение этой газеты «...вывело экономизм на свет божий...»³, — писал Ленин. С № 5, с декабря 1898 года, эта газета стала официальным органом петербургского «Союза борьбы», и направление его деятельности приняло явно оппортунистический характер.

Характерно, что уже со второй половины 1897 года в Петербурге начали создаваться отдельные кружки и группы, хотя и недовольные «экономизмом», но и сами не являвшиеся выдержанными марксистскими группами, зачастую скатывавшиеся на народнические, эсеровские позиции. Наряду с этим возникали и новые группы «экономистского» толка. Все это свидетельствует об идейном разброде и распаде, которые были характерны для русской социал-демократии конца 90-х и начала 900-х годов.

К первого рода группам относятся следующие: созданная осенью 1897 года группа «Рабочее знамя», «Группа рабочих для борьбы с капиталом», возникшая в апреле 1899 года, далее «Группа 20-ти», созданная летом того же года, группа «Социалист», организованная летом 1900 года, и «Социал-демократическая рабочая библиотека», возникшая осенью того же года. К группам, стоявшим на позициях «экономизма», принадлежали «Группа самосвобождения рабочих», возникшая в марте 1899 года, и группа «Вперед», созданная в начале 1900 года.

К лету 1900 года «Союз борьбы» реорганизовался на оппортунистических началах. Основой «Союза» стала особая «Рабо-

¹ Ленин. Т. IV, стр. 383.

² Ленин. Т. I, стр. 458.

³ Ленин. Т. IV, стр. 387.

чая организация» во главе с комитетом. Интеллигенты, входившие в «Союз», составили особые исполнительные группы. Как указывал Ленин, смысл этой реорганизации заключался в том, что социал-демократия была низведена на роль «исполнительных групп» по отношению к экономической борьбе рабочих.

Характерно, что в первомайском листке «Союза борьбы» в 1899 году требование 8-часового рабочего дня было заменено требованием 10-часового рабочего дня. Это была измена международной социал-демократии, как писала по этому поводу позже «Заря».

В условиях роста стачечной борьбы и нарастания революционного подъема такое положение в Петербургской социал-демократической организации было чревато величайшими опасностями для дальнейшего развития революционной борьбы. Португалисты не только не руководили революционным движением, но даже срывали революционную борьбу рабочих. В демонстрации 17(4) марта 1901 года, организованной студентами, комитет «Рабочей организации» отказался участвовать. Правда, рабочие пошли на демонстрацию вопреки руководителям из «Рабочей организации».

Вскоре «Рабочее знамя» и «Социалист» решили устроить новую демонстрацию. «Союз борьбы» вновь отказался участвовать в ней. Рабочие, прослышавшие о готовившейся демонстрации, заполнили в назначенный день 24(11) марта Невский проспект, ожидая призыва к демонстрации, но его не последовало.

Не отказавшись от распространения первомайского листка «Искры» в 1901 году, «экономисты» из «Союза борьбы» при этом однако во многих случаях отрезали края прокламации с надписью «Долой самодержавие!»

Между тем, как это видно из «Хроники», революционное настроение рабочих во всей стране, в том числе и в Петербурге, резко повышалось. 5 мая (22 апреля) в Тифлисе, в центре города, состоялась под руководством товарища Сталина массовая первомайская рабочая демонстрация. В Петербурге в мае имела место знаменитая «Обуховская оборона» — первое в России открытое вооруженное столкновение пролетариата с царскими войсками. Во главе движения стояли передовые рабочие Обуховского завода, однако в общепетербургском масштабе движение протекало без революционного руководства. Борьба обуховских рабочих началась 7 мая и закончилась 14 мая (старого стиля). За это время, как это видно из «Хроники», петербургский социал-демократический центр не выпустил ни одной листовки ни к рабочим-обуховцам, ни к рабочим других

предприятий Петербурга. Какая разница по сравнению с временем осенне-летних стачек 1896 года! Между тем революционная энергия и инициатива рабочих в начале 900-х годов были исключительно велики. Об этом свидетельствует чрезвычайно интересная выдержка из письма петербургского ткача, которое опубликовано в № 7 «Искры» (август 1901 года). В письме говорилось: «Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет вокруг, нужна только искра, и будет пожар... Сейчас все рабочие точно керосином облиты... и это все видят: теперь уже мастера многих не трогают, и в праздник полиция вежливо просит на палубной стороне толпой не стоять, и так просит, будто рабочий завтра свободу получит. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее... Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не ячейки, теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать» (стр. 301).

В таких условиях Ленин со всей определенностью поставил вопрос о необходимости отвоевать Петербургскую организацию у «экономистов». Материалы «Хроники» дают возможность проследить, какая ожесточенная борьба развернулась в Петербурге между искровцами и «экономистами».

В сентябре 1901 года направленные Лениным в Петербург несколько искровцев из состава берлинской группы содействия «Искре» и местные петербургские искровцы образовали искровскую группу в Петербурге, которая приняла название «Петербургский отдел «Искры».

Во второй половине октября Ленин писал искровской группе: «Помните, что завоевание Петербурга в наст[оящее] время самый главный вопрос для Искры и что для этого завоевания нужна большая энергия и большая осторожность»¹.

В начале мая 1902 года Ленин послал в Петербург агента «Искры» И. И. Радченко с заданием завоевать петербургские социал-демократические организации на сторону «Искры». В июне 1902 года по инициативе искровцев состоялось партийное собрание, на котором присутствовали рабочие 5 районов. Все рабочие единогласно высказались против «экономизма». Это собрание явилось поворотным этапом в ходе завоевания искровцами Петербурга. Вскоре после этого была проведена реорганизация «Союза борьбы» в духе организационных принципов «Искры».

Ленин неотрывно следил за состоянием Петербургской организации, за борьбой

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 202.

искровцев с «экономистами». В своем письме к И. И. Радченко от 16(3) июля 1902 года он поздравлял его с опрымным успехом — приступом к реорганизации местного комитета — и требовал от Радченко, чтобы он добился от «Союза борьбы» опубликования заявления об отказе от «экономизма» и о признании «Искры». Радченко этого добился, о чем он известил Ленина 2 августа (20 июля).

В июле же петербургские искровцы получили от Ленина еще 2 письма с указаниями и советами относительно борьбы с «экономистами».

Но опубликованные заявления Петербургского комитета еще отнюдь не означало конца борьбы. Группа «экономистов» во главе с А. С. Токаревым начала кампанию против решений «Союза борьбы», объявив эти решения незаконными. Разгорелась война с «экономистами» внутри Петербургского комитета. Ленин непосредственно руководил борьбой искровцев против Токарева. 24(11) сентября 1902 года он писал: «По всему видно, что вышибало (Токарев. — О. В.) шахматно идет «на войну», и искровцы оскандалят себя на веки, если не ответят на это самой решительной и отчаянной войной». Ленин требовал изгнания «вышибалы». Это сделать нужно, писал он, «...ни капли не боясь «раскола» Союза»¹. В конце года для укрепления Петербургского комитета в его борьбе против «экономистов» Ленин направил в Петербург агента «Искры» И. В. Бабушкина.

В своих письмах в январе 1903 года Ленин, критикуя слабую активность петербургских искровцев в борьбе с «экономистами», советовал взамен арестованного члена Организационного комитета от Петербурга выбрать И. В. Бабушкина. «...он этого вполне заслуживает, — писал Ленин. — Да и вообще, видимо, без профессиональных революционеров дело никогда не двинется ни на вершок вперед»².

В следующем письме Ленин приветствовал энергичную борьбу Бабушкина с «экономистами» и просил продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний. «Война вышибаловцам, — писал Ленин, — и к черту всех примирителей, людей с «неуловимыми взглядами» и мямлей! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2—3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей»³.

Во время выборов на II съезд РСДРП (апрель—май 1903 года), которыми руководила искровская группа, входившая в

Петербургский комитет, на участие в съезде претендовали еще отколовшаяся в конце февраля от ЦК группа, самовольно присвоившая себе также название «Петербургского комитета РСДРП», и «экономистская» «Рабочая организация». Третейский суд из представителей Организационного комитета по созыву съезда, Московского и Тверского комитетов РСДРП(б) постановил дать право на посылку делегатов законному ЦК и «Рабочей организации». ЦК послал двух делегатов: одного — с решающим, другого — с совещательным голосом.

Июль—август 1903 года—время, когда работал II съезд РСДРП, — в России проходили массовые политические стачки и демонстрации. По поводу них ЦК РСДРП выпустил специальную листовку — «По всем петербургским рабочим и ремесленникам», — в которой призывал ко всеобщей стачке в Петербурге.

Последние страницы «Хроники» содержат материал, характеризующий после съездовскую борьбу Петербургского комитета, в котором большинство составляли большевики, против меньшевиков и его деятельность по руководству нарастающей революционной борьбой петербургского пролетариата.

6 июля (23 июня) 1904 года Петербургский комитет решительно осудил политику новой «Искры» и высказался за скорейший созыв III съезда РСДРП. Вследствие дезорганизаторской деятельности меньшевиков Петербургская организация раскололась. В декабре 1904 года меньшевики создали в противовес возглавлявшемуся большевиками Петербургскому комитету свою организацию, которую несколько позднее назвали «Петербургской группой при ЦК РСДРП».

Положение Петербургской социал-демократической организации в 1904 году было типично для других организаций в РСДРП ко времени революции 1905 года. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» об этом говорится: «...благодаря оппортунизму и раскольническим действиям меньшевиков Российская социал-демократия оказалась в это время расколотой на две фракции. Раскол нельзя было еще считать полным, и эти две фракции не были еще формально двумя разными партиями, но на деле они очень напоминали две различные партии, имеющие свои собственные центры, свои собственные газеты»⁴.

* * *

«Хроника» снабжена приложениями — таблицами, показывающими рост и концентрацию фабрично-заводского пролетариата в Петербурге и стачечное движение

¹ Ленин. Т. XXVIII, стр. 149.

² Там же, стр. 161—162.

³ Там же, стр. 167.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 60.

фрагментами в «Хронике» периода, списке литературных и архивных источников, использованных при составлении «Хроники», списке петербургских фабрик и заводов, упомянутых в «Хронике».

К таким пособиям, как «Хроника», заголовок предъявляются существенно повышенные требования в отношении справочного аппарата, облегчающего пользование книгой, и уж, конечно, в отношении точности ее общаемых сведений. С этой точки зрения составитель «Хроники» следует упрекнуть в том, что он не снабдил книгу ни предметным, ни именованным указателями и не указал в списке фабрик и заводов, на каких страницах о них идет в книге речь.

Неприятно поражает в «Хронике» и такого рода неточность: на стр. 218 упоминается стачка рабочих Александровского механического завода в 1896 году отпущена к 21(9) июня, а на 221 стр. говорится, что эта стачка происходила 20 (8) июня, причем в обоих случаях ссылка дается на один и тот же источник.

В обширной статье Е. Соколовой «Рабочее движение в Петербурге в 1870—1904 годах», предпосланной материалам «Хроники», приходится отметить ошибку принципиального характера. Статья эта, дающая характеристику рабочего движения в Петербурге на различных этапах, написана на основе добросовестно собранного обширного фактического материала. Но мы никак не можем согласиться с характеристикой рабочего движения 80-х годов, данной в статье. Автор пишет: «Промышленный кризис 80-х годов, сопровождавшийся массовой безработицей, создал неблагоприятные условия для рабочего движения» (стр. 18). Далее автор утверждает: «Неблагоприятная политическая и экономическая обстановка в 80-х годах привела к известному упадку рабочего движения по сравнению с 70-ми годами» (там же). Такое утверждение неправильно: оно противоречит как марксистско-ленинской теории, так и прямым высказываниям Ленина по этому вопросу. У автора статьи получается так, что кризис вообще создает неблагоприятные условия для развертывания рабочего движения. Это, конечно, неверно. Известно, что лидеры II интернационала, стремившиеся задержать развитие революционной классовой борьбы пролетариата, создали «теорию» о том, что кризисы неблагоприятны для стачечной борьбы.

Большевики вели упорную борьбу против этой «теории», которая полностью обнаружила свою несостоятельность.

Что касается того влияния, которое кризис 80-х годов оказал на развитие стачечной борьбы пролетариата, то Ленин в ряде своих высказываний подчеркивал как раз обратное тому, что утверждает автор.

В статье «Ценное признание» Ленин писал:

«Наступает 1884—1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в центральном районе (особенно замечательна Морозовская стачка)»¹. В другом месте, в статье «Внутреннее обозрение», Ленин писал: «Еще в 1885 году, когда о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи, даже в центральном районе, где рабочие ближе стоят к крестьянству, чем в столице, промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там»².

Но к упадку стачечного движения в России привел кризис 80-х годов, а не его дальнейшему развитию. Тем более это имело место в таком центре, как Петербург. Очень характерно, что большинство стачек 80-х годов в Петербурге не обходилось без вмешательства полиции. Крупным событием в истории стачечного движения 80-х годов была объединенная стачка рабочих фабрики Пала и двух фабрик Максвелла — Петровской и Спасской мануфактур в декабре 1886 года. Для подавления стачки, длившейся 5 дней, был вызван эскадрон казаков, который всю ночь провел около фабрик Максвелла и Пала и совместно с полицией произвел многочисленные аресты рабочих.

Количественное сокращение стачек в Петербурге за 80-е годы по сравнению с 70-ми никак нельзя объяснить промышленным кризисом.

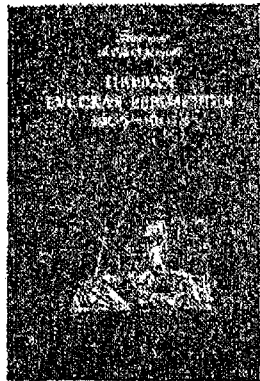
«Хроника» является полезным и нужным пособием как для преподавателя, так и для всякого занимающегося углубленным изучением истории революционного движения в нашей стране, истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

О. ВЕЙЛАНД

¹ Ленин. Т. IV, стр. 159.

² Там же, стр. 312.

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов в России — эта гонимая репрессиями Октябрьская — занимает громадное место в новейшей мировой истории. Эта революция показала всему миру «...все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе,

в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»¹.

Книга проф. А. Панкратовой, в которой обобщен большой фактический материал, раскрывает живо и убедительно весь сложный переплет и все разнообразие форм классовой борьбы в период революции 1905—1907 годов, этой первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма.

Большое достоинство работы А. Панкратовой заключается в том, что революционные события 1905—1907 годов автор рассматривает в неразрывной связи с ходом всемирной истории, с основными вехами не только внутренней, но и внешней политики царизма.

В первой главе, после краткого очерка экономического развития страны, автор, привлекая богатый материал о массовом революционном движении в начале XX века, иллюстрирует ленинско-сталинские положения о перемещении центра революционного движения в Россию, о гегемонии рабочего класса в российском революционном движении, о могучих резервах революции в лице трудящегося крестьянства и угнетенных народов, о контрреволюционной позиции российской буржуазии и о двух социальных войнах в недрах царской России. Тем самым показана подготовка условий для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В специальной главе автор показывает влияние русско-японской войны на развитие революционного кризиса в стране. Дальневосточная авантюра царизма, задуманная правящими кругами как «отвлекающее средство» против внутренней революционной опасности, в действительности развязала силы революции. А. Панкратова приводит яркие примеры антивоенной пропаганды большевиков и демонстраций против войны осенью 1904 года. В заключе-

тельной части этой главы дана картина грандиозной бакинской стачки 1904 года, которая «...послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России» (Сталин).

Обстоятельно излагается в книге начало революции — события, связанные с 9 января 1905 года. Перед читателем проходит история «гапоуиады» — неизжитые монархические иллюзии рабочих, использованные Гапоном для гнусной полицейской провокации. Много внимания уделено откликам на «кровавое воскресенье» как внутри страны, так и за границей, в частности, — стачкам и демонстрациям протеста на национальных окраинах: в Польше, Прибалтике и на Кавказе.

В разделах, посвященных парастанию крестьянского движения в ходе революции 1905 года, автор, правильно подчеркивая стихийный характер крестьянской борьбы, в то же время отмечает, что в Прибалтике и особенно в Закавказье, где большевики под руководством товарища Сталина показали образцы революционной агитации среди крестьян, последние выступали более организованно.

Отмечая ошибки, допущенные во время восстания на броненосце «Потемкин», автор детально останавливается на громадном значении выступления потемкинцев, как первого открытого перехода крупной части военной силы царизма на сторону революции и как первой попытки образования ядра революционной армии.

Центральное место в книге отведено все-российской политической стачке в октябре 1905 года и декабрьскому вооруженному восстанию, в котором первая русская революция достигла своего зенита. Используя переписку Николая II, автор документально устанавливает, что манифест 17 октября с обещанием «свобод» был лишь маневром, временным отступлением самодержавия на новые позиции с целью выиграть время и перегруппировать силы.

Достаточно полно обрисован подъем национально-освободительного движения после 17 октября в Латвии, Эстонии, Закавказье, вылившийся в форму открытых восстаний (Кутайса, Батум, партизанская война в латвийской и эстонской деревне, муккумское восстание в Латвии и пр.). В этой связи автор излагает позицию большевиков в национальном вопросе, рассказывает о том, как учил товарищ Сталин закавказских большевиков сочетать пролетарскую революционную борьбу с борьбой за национальное освобождение народов Кавказа.

Вслед за изложением истории политической и военно-технической подготовки большевиками восстания А. М. Панкратова рассматривает вопрос о соотношении всеобщей политической стачки и вооруженного восстания. Автор подчеркивает оппортунизм

¹ Ленин. Т. XX, стр. 13—14.

вождей II интернационала, которые, искажая и фальсифицируя взгляды Энгельса, утверждали, будто время уличных восстаний уже прошло и что высшей формой рабочего движения является не вооруженное восстание, а всеобщая стачка. Вместе с тем автор указывает на ошибочные установки Розы Люксембург и идущих за ней германских левых социал-демократов, в противовес Ленину смотревших на вооруженное восстание лишь как на стихийный процесс, который не может быть организован пролетарской партией.

Касаясь всемирноисторического значения опыта первой русской революции, автор приводит интересные данные о том, как империалистическая буржуазия Западной Европы и Америки спасала царское самодержавие от революции. Несмотря на наличие острых противоречий между отдельными империалистическими государствами, в вопросе о сохранении романовской монархии они выступали единым фронтом. Французская биржа предоставила царизму миллиардный заем на расстрелы, военно-полевые суды и карательные экспедиции. Вильгельм II в ноябре 1905 года отдал приказ дивизии миноносцев и крейсерам «Любек» и «Гамбург» в случае необходимости отплыть в Петергоф и доставить царскую семью в Киль. Английский король Эдуард VII посылал Николаю II телеграммы с соболезнованием по поводу гибели от рук революционеров отдельных царских слуг. Даже папа римский в специальном послании в декабре 1905 года, прославляя «мудрость и мягкость» Николая II, призывал католиков-поляков к верности царю и к борьбе с революцией.

Но у русской революции также был союзник — западноевропейский пролетариат. В книге имеется материал о прокатившейся за рубежом мощной волне пролетарского гнева против кровавых злодеяний царизма.

Автор показывает, как под влиянием первой русской революции активизируется западноевропейское рабочее движение, начавшее перенимать опыт русской массовой политической стачки, и приводит данные о стачечном движении в Германии, Австрии, Франции и Англии. Цитируя слова Ленина о том, что революция 1905 года вызвала национально-освободительное движение в Турции, Персии, Китае, А. М. Папкратова указывает, что первая русская революция знаменует «...начало нового периода в мировой истории, пришедшего на смену периоду «мирного» развития, — периода мощного подъема рабочего движения на Западе

и бурных революционных потрясений на Востоке» (стр. 187).

С внешней стороны книга оформлена хорошо. К сожалению, в книге встречаются досадные неточности и очевидные опечатки. Известный дяликовский циркуляр о «кухаркиных детях» относится к 1897 году вместо 1887 (стр. 16). Наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Алексеев дважды (на стр. 25 и 27) назван голером.

Крестьянским движением осенью 1905 года было охвачено не больше половины, как указано в рецензируемой книге, а больше трети всех уездов страны (см. Ленин. Т. XIX, стр. 353, а также «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 77).

В книге почти не упоминается о контрреволюционной роли церковников. Между тем без учета их роли нельзя получить достаточно полного представления о формах борьбы царизма против массового революционного движения. Не следует забывать, что многочисленная рать белого и черного духовенства явилась в период первой русской революции серьезной идеологической опорой самодержавия, укрепляя монархические иллюзии в народе и отвлекая внимание своей паствы от вопросов классовой борьбы в сторону национальной розни.

Трудно согласиться с мнением автора, что «Союз русского народа» составлял основную опору самодержавия (стр. 117). Черносотенцам при всех их ухищрениях и демагогии не удалось пустить корни в толщу народных масс. О глубоком и длительном влиянии «Союза» на массы не может быть и речи. Без правительственных субсидий и содействия администрации «Союз русского народа» не просуществовал бы и нескольких дней. Эти черносотенцы, по выражению Ленина, представляли собой «...лужки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее»¹. Что же касается физической опоры самодержавия, то ею в период первой революции было главным образом войско, помогавшее царю подавлять революционное движение².

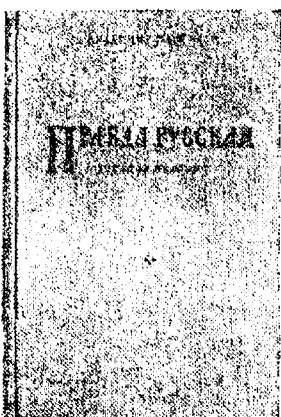
Работа А. Папкратовой дает правильный, марксистско-ленинский анализ крупнейшего этапа революционного прошлого нашей страны. Широкие круги советских читателей с интересом ознакомятся с этой книгой, повествующей о героических классовых боях в 1905—1907 годах.

Е. Ч.

¹ Ленин. Т. XII, стр. 6.

² См. «Историю ВКП(б)», стр. 88.

Все вышедшие за последние годы учебные издания Правды Русской (в 1914 году — под редакцией А. И. Яковлева, в 1928 году — под редакцией А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина, в 1934 году — под редакцией акад. Б. Д. Грекова) воспроизводили почти без изменений текст этого памятника по устаревшим в настоящее

время изданиям Н. В. Калачова и М. Ф. Владимирского-Буданова. Учебное же издание, подготовленное Институтом истории Академии наук СССР, основано на выпущенном одновременно с ним новом научном академическом издании Правды Русской. В учебном издании учтены результаты большой научной работы: изучения 102 списков памятника (из 112 известных).

В учебном издании Института истории полностью воспроизведены тексты Краткой Правды (по Академическому I списку) и Правды Пространной (по Троицкому I списку). Кроме этих двух списков, положенных в основу издания, приведены главные разночтения из 10 других списков. Изданию предшествует предисловие археографического характера. В нем очень кратко изложены результаты работы по изучению взаимоотношения списков Правды и их классификации, выполненной для академического издания В. П. Любимовым. К текстам даны детальные построчные комментарии, ставящие своей задачей разъяснить содержание памятника.

Большую помощь в изучении Правды Русской окажут читателям 2 указателя: 1) литературы и 2) «терминов и речений», встречающихся в памятнике. В конце книги даны таблицы построчного деления текста Правды в настоящем издании и предшествующих изданиях Калачова и Сергеевича.

Учебное издание Правды Русской выполнено с большой тщательностью и со знанием дела. Однако это издание не лишено и некоторых незначительных недостатков с точки зрения правильности воспроизведения текста и характера комментариев к нему.

Прежде всего вызывает сомнение упрощенная транскрипция текста памятника: замена некоторых старинных букв соответствующими современными: «е» вместо

«ѣ», «й» вместо «і», «у» вместо «оу» и т. д. Подобная модернизация таких древних текстов, как списки Правды, вряд ли оправдана и не была применена в предыдущих изданиях под редакцией проф. А. И. Яковлева и акад. Б. Д. Грекова. К тому же модернизированная транскрипция, принятая в учебном издании Правды Русской, не проведена последовательно на протяжении всего текста. Так, «оу», как правило, передается через «у», но в ст. 1 Пространной Правды мы встречаем «можъ», в ст. 94 «женоу». В тех случаях, когда сохраняется орфография подлинника, она проведена также непоследовательно. Буква «и» вообще не заменяется в учебном издании буквой «й» в тех случаях, когда «й» употребляется в современной транскрипции на месте древнего «и». Например в книге находим «чъей», «конюший», «месячнии» и т. д. Но в ст. 7 Пространной Правды читаем «разбойника» вместо «разбоиника», в ст. 54 — «котрый» вместо «которые», в ст. 86 — «железный» вместо «желъзный». В учебном издании сохраняется «ь» в конце слова, например «приметь», «лицемъ», «по немъ» и т. д., но в ст. 51 Пространной Правды «мѣсячнѣмъ» передано через «месячнем», в ст. 99 — «тѣмъ» через «тем», в ст. 114 — «чъемъ» через «чеем» и т. д. В учебном издании в соответствии с транскрипцией того времени не допускается вставка «ь» в середине слова, между двумя согласными: «обелный», «татбу», «людми» и т. д., но в ст. 100 Пространной Правды встречаем «меньшему» вместо «меншему». Правда, подобных лягушков не так много и они не нарушают общего прекрасного впечатления от издания текста памятника. Тем не менее в последующих повторных изданиях было бы желательно добиться более строгого единообразия правописания.

Можно отметить ряд неточностей в передаче текста. Например в ст. 29 Краткой Правды читаем «обиду» вместо «за обиду». В Пространной Правде: в ст. 29 вместо «ка кто будетъ почалъ» ошибочно напечатано «кто будетъ почалъ»; в ст. 31 вместо «а видока два» — «и видока два»; в ст. 48 вместо «не надобѣ» — «на надобе»; в ст. 60 вместо «паки ли» — «паки»; в ст. 95 вместо «той задницѣ (наследства. — Л. Ч.) не имати» — «той задница не имати» и т. д.

Вызывает ряд возражений и пунктуация учебного издания Правды Русской. В тексте фразы «то вирное платити в ней же вири голова начнетъ лежати» (ст. 20 Краткой Правды) после слова «платити» следует поставить запятую. В ст. 18 Пространной Правды фраза «паки ли варяг или кто ин тогда» требует запятой после

слова «ин». В ст. 29 знаки препинания расставлены следующим образом: «аще ли не будеть на пемь знамения, то привести ему видок слово противу слова; кто будеть почал, тому плати 60 кун». Нам представляется правильное после слова «видок» поставить двоеточие, а перед словом «кто» запятую. В ст. 110, в фразе «а второе холоуство поиметь робу без ряду», после слова «холоуство» естественно ожидать двоеточия.

В учебном издании Правды Русской принято новое деление текста на статьи, выработанное для академического издания памятника и значительно отличающееся от постатейного деления, принадлежащего Калачову и Сергеевичу. Попытка новой разбивки текста Правды Русской на статьи представляет большой интерес и в ряде случаев проливает совершенно новый свет на содержание памятника. Но иногда отступление от нумерации Калачова представляется нам немотивированным. Так, непонятно объединенные с предыдущей статьей статьи Пространной Правды, устанавливающей шкалу вымыкалий за кражу скота (ст. 40—41 по изданию Калачова, 45 — по академическому изданию). Статья эта по своему содержанию носит самостоятельный характер и имеет отдельный заголовок — «А се уроци скоту», — выделенный в рукописи кинovarью и начинающийся с красной строки.

Обращаясь к комментариям к тексту Правды, следует отметить, что они отвечают своей задаче «облегчить ориентировку учащегося в материале каждой данной статьи». В комментариях дается свод ученых мнений по вопросу толкования отдельных статей и терминов, приводятся параллели из других древнерусских юридических памятников, а также из памятников западного и византийского права и т. д.

Нам хотелось бы только отметить несколько формальный характер комментариев. Изучение текста Правды Русской должно вестись в большей связи с историей классовой борьбы в древней Руси XI—XII веков.

В Фраткой Правде соединены два основных документа: древнейший — Правда Ярослава (ст. 1—18) и более поздний — Правда Ярославичей (ст. 19—41)¹.

В первых же статьях Правды Ярослава мы находим указания на ее связь с новгородским восстанием 1015—1016 годов. Ст. 1 говорит о праве мести родственников убитого убитые с заменой мести денеж-

ным штрафом в 40 гривен. В текст этой статьи вставлена специальная формула, устанавливающая одинаковое возмещение за убийство представителей различных слоев новгородского общества: «аще будеть русин, либо гридин, либо купчина, либо ябетник, либо мечник, аще изъгон будеть, либо словенин, то 40 гривен положиши за нь»².

Таким образом, эта статья декретировала равное право на защиту жизни для всех разрядов населения, кроме холопов, без различия социального положения. В ней нельзя не видеть попытки сгладить остроту противоречий между новгородским обществом и варяжской дружиной, вылившихся в кровавое столкновение 1015—1016 годов³.

Во всех следующих статьях Правды Ярослава противопоставляются друг другу по своему положению в обществе только «муж» в значении «свободный муж» и «холоп» — «челядин». Все эти статьи посвящены столкновениям воиной варяжской дружины и городского населения. Перед нами общество вооруженных воинов в обстановке постоянной внутренней вражды. Недаром Правда Русская, определяя размер денежных возмещений за ущерб, нанесенный личности, предусматривает всевозможные виды междоусобий и их последствия: убийство, отсечение рук, ног и пальцев, повреждение бороды и усов, оскорбление дружинной чести. Недаром в числе вещей названо обычное имущество воина — «оружие», «порт» (воинская одежда, доспех) и «копь»⁴, а в числе «изломанных» вещей — «порт», «копье» и «щит». Очевидно, социальная и племенная вражда проявлялась не только в красочных, драматических эпизодах, подобных столкновению на Парамонове дворе, о котором рассказывает Новгородская летопись. Правда Русская рисует нам будничную, повседневную картину постоянных ссор, сопровождающихся убийствами, членовредительством, нанесением «кровавых» и «синих» ран, посягательствами на

² «Русин» толкуется различно: как варяго-русс, или как киевлянин, или как русский вообще, в отличие от варяжского дружинника. Нам представляется наиболее правильным первое толкование. «Гридин» — княжеский дружинник. «Ябетник» — должностное лицо, слуга из княжеской челяди. «Мечник» — княжеский дружинник-судья. «Изъгон» — городской житель, потерявший связь со своим родом. «Словенин» — новгородец, в отличие от «русина» — варяга (см. Учебное издание, стр. 36—39, а также указатель терминов).

³ Это отмечено Б. Д. Грековым в его работе «Киевская Русь», стр. 67 и сл. М. и Л. 1939.

¹ Повидному, самостоятельные памятники представляют собой и ст. 42—43 («поклон вирный» и «урок мостыников»). Это, повидному, специальные княжеские уставы.

чужие усы и бороду, уничтожением и кражей военного имущества.

Правда Ярослава уделяет этому много внимания. С одной стороны, она предоставляет широкое поле частной инициативе отдельных лиц в деле защиты их жизни, чести и здоровья: месть за убийство предоставляется родственникам убитого, за увечье — детям изувеченного, за раны и побои — самому пострадавшему. С другой стороны, Правда Ярослава пытается ограничить личный произвол в этой области: требует показания двух свидетелей или присяги для получения денежного удовлетворения за посягательство на личность, свидетельских показаний — для получения права мстить за раны и побои и пр.

Совершенно очевидно, что все эти многочисленные статьи об ударе мечом, не вынутым из ножен, или рукоятью и пр. имеют в виду вооруженного воина, того, чьей принадлежностью является меч и честь которого страдает от побоев «батогом» (палкой), «чашею», «рогом» или «тылесницею» (плоской стороной меча).

На обостренность отношений между новгородским населением и вооруженными отрядами варяжских дружинников указывает и вставка в ст. 11, декретирующая право владельца беглого «челядина» «изымать» его у укрывателя. Эту общую формулу, предусматривающую вообще укрывательство беглого холопа, Правда Ярослава дополнила определением разряда укрывателей: «Аще ли челядин съкрыется любо у варяга любо у кольбяга...» (иностранца, вероятно, скандинава). Конечно, не случайно это постоянное упоминание «варяга» и «кольбяга», указывающее на социально-племенную рознь этих людей с новгородскими жителями. О том же свидетельствует и терминология статьи. Выражения «а его за три дни не выведуть», «то изымати ему свой челядин» свидетельствуют об изолированности варягов, живших особой колонией, в огражденном и замкнутом месте. Право на такой вывод дает, быть может, и ст. 13: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду». В выражении «свой мир» можно видеть указание на противоположность «своей общины», то есть местного населения, и корпорации вооруженных варягов, подобно тому, как в последующее время в Новгороде существовали особые Готский и Немецкий дворы¹.

Очевидно, требование «заклича» (объявления во всеуслышание) в исках о про-

павших вещах и холопах в первую очередь должно было предотвратить возможность самоуправства новгородских жителей, направленного против варягов.

Итак, возникшая под влиянием серьезных столкновений новгородцев и варягов Правда Ярослава ставила своей задачей урегулировать отношения вооруженных варяжских дружинников с местным населением.

Юридическое нормирование взаимоотношений между двумя мирами, «местным» и пришлым, придает Правде Ярослава характер договора, в котором в одинаковой степени защищались интересы вооруженной варяжской дружины и интересы верхов местного населения (гриди, купцы вятичские, т. е. новгородские дружинники, торговые верхи и пр.). Этот компромиссный, договорный характер как нельзя более подходит к юридическому акту, являвшемуся следствием вынужденного примирения князя с местной новгородской дружиной после акта мести за избытые варяжские отряды.

Не случайно Правда Ярослава обнаруживает определенную близость к содержанию первого договора Новгорода с немецкой Ганзой и Готландом 1195 года², также урегулировавшего, взаимоотношения между двумя вооруженными корпорациями, в данном случае купеческими. Эта близость проявляется и в сходной терминологии (немецкий купец, «купчина», именуется в договоре варягом), и в общем для обоих памятников понятии «свободного мужа» (см. в договоре «оже моужа свяжутъ без вины», «оже оударятъ моужа ороужеемь»), и в особой охране чести в договоре («а оже моужа свяжутъ без вины, то 12 гривен за сором старых боун», «оже оударятъ моужа ороужеемь, любо колом, то 6 гривен за рану старые») и т. д. Наконец, ст. 15 Правды Ярослава, требующая двенадцати свидетелей по искам о пропавшем имуществе, имеет интересную параллель в статье договора 1195 г. о взыскании долга («Оже емати скот варягоу на роусинѣ или роусину на варязѣ, а ся его заприть, то 12 мужь послухи, идеть ротѣ, взьмет свое»³). Повидимому, позднейшие взаимоотношения новгородцев с отрядами вооруженного немецкого купечества напоминали изолированность варяжских военных верхов от местного «мира» во времена Ярослава. Эта изолированность требовала договорных гарантий.

Правда Ярослава является «договором», регулирующим взаимоотношения варяга

² См. «Хрестоматию по истории русского права» М. Владимировского-Будаянова. Вып. 1-й, стр. 92. 6-е изд. СПб. 1908.

³ «Скот» — в данном случае деньги. «Послух» — свидетель. «Рота» — присяга.

¹ Это отмечено Н. А. Максимейко в его «Опыте критического исследования Русской Правды». Вып. 1-й, стр. 14 и сл. Харьков. 1914.

«русина») и «словенина», так же как «свещания» (договоры) Олега и Игоря определяют взаимоотношения «русина» и «гречина», мирная грамота Новгородца с немцами 1195 года — взаимоотношения «лемчина»-варяга и новгородца-«русина», а договор смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригрой, Готландом и немецкими городами 1229 года — взаимоотношения «русина» с «латиняшином»¹.

Совсем в иной социальной обстановке сложилась Правда Ярославичей. Ее возникновение относится ко второй половине XI века — ко времени, когда в Киевской Руси уже значительно развились феодальные отношения.

Правда Ярославичей — это вотчинный регламент киевских князей, регулирующий социальные взаимоотношения в пределах княжеского и, возможно, боярского землевладения². Перед нами центр вотчинного управления — княжеский двор с сельскохозяйственными постройками (клетями, хлевами и пр.), с прилежащими лесными и земельными угодьями, границы которых обозначаются межами и перетесами (межевыми знаками). Перед нами княжеская дружина, поместная администрация: огнищани (принадлежащие к княжескому двору), под'ездные (княжеские рассыльные), тиуны (управляющие), конюхи, сельские и полевые старосты, зависимое и несвободное население княжеских доменов и обитатели соседних крестьянских общин: рядовичи (свободные люди, работающие по договору), холопы, смерды (крестьяне).

В Печерском Патерике упоминаются земельные владения одного из составителей Правды Ярославичей — князя Святослава. Очевидно, это были какие-то из тех доменов, на которых так тщательно и подробно останавливается Правда Ярославичей. Эти домены представляют собой неприкосновенную феодальную собственность, поэтому ипоки Киево-Печерского монастыря, собравшиеся вместе с толпой богомольцев близ княжеского поля, не решаются приступить к постройке на нем церкви, пока сам князь не даст на это своего согласия.

Обращаясь к содержанию Правды Ярославичей, мы попадаем в атмосферу классовой борьбы, развертывавшейся в княжеских доменах. Перед нами детальная шкала штрафов, предусматривающая всевозможные способы нарушения прав феодалов, начиная с убийства огнищанина и кончая покражей утки, гуся, курицы; от

разбоя, поджога и уничтожения медкой до кражи собак или охотничьей птицы.

К охране интересов феодальной знати направлены многие статьи Правды Ярославичей: повышенный восьмидесятигривенный штраф за убийство лиц из княжеского двора, ответственность всей крестьянской общины (верви) за такое убийство, продажа смерти («в пса место») убийцы управляющего именем при охране последним княжеской собственности («у клетя, или у коня, или у говяда», или у коровье татбы) — ст. 21). Статья 23 прямо ссылается на одно из таких преступлений: убийство дорогобужками конюха князя Мстислава.

В Правде Ярославичей подробно перечислены разнообразные правонарушения: покражи скота в хлеву и на поле, похищение хлеба из клетки, гумна и ямы, кража птицы, сена. Это по единичные случаи, а массовые грабежи, в которых участвует по 10—18 человек (см. ст. 31, 40) и которые караются повышенными штрафами. Кроме того в Правде Ярославичей упоминаются поджоги, «изуродование» княжеских бортей³, перепаживание медкой и уничтожение межевых знаков. В условиях феодальных отношений XI века все эти правонарушения являлись формой активного протеста зависимых сельских низов против социального неравенства, все более обострявшегося в связи с процессом феодализации.

В Правде Ярославичей постоянно противопоставляются друг другу князь и смерд. Это смерд является субъектом тех постоянных выступлений против феодалов, о которых толкуют все статьи Правды. Это он является объектом тех репрессий и штрафов, которыми они переполнены. Жизнь смерда оценивается в шестнадцать раз дешевле жизни огнищанина и приравнивается к оценке жизни холопа. Эти данные находят параллель в других источниках того времени, свидетельствующих о припущенном положении смерда. Подаром в «Слове о преподобных отцах Федоре и Василии» (Печерский Патерик) бесы, якобы работающие на братию Киево-Печерского монастыря, сравниваются с холопами и смердами: «как рабы куплены (в другом списке — смерды. — Л. 4.) работают и дрова носят на гору».

Задача комментариев к текстам Правды Русской должна заключаться в том, чтобы на материале этого памятника осветить процесс феодализации древней Руси XI—XII вв. Составители пособия верно поняли эту задачу и отнюдь не считали возмож-

¹ См. «Хрестоматию» М. Владимири-ского-Буданова. Вып. 1-й, стр. 97.

² Этот характер Правды Ярославичей хорошо показан Б. Д. Грековым в его трудах, посвященных Киевской Руси.

³ «Говядо» — крупный рогатый скот.

⁴ «Борть» — дерево с дуплом, в котором водились пчелы.

пым придавать комментариям узко археографический и филологический характер. Желательно было бы только еще более расширить историческую часть. Следовало привести иллюстративный материал из Печерского Патерника, житийной литературы, проповедей и поучений того времени, особенно же из летописей (например летописные рассказы о киевском восстании 1068 года и о движении смердов начала 70-х годов XI века, запись под 1093 годом о засильи тиунов князя Всеволода: «и пачапа тиуни его грабити люди и продаяти» и пр.). Есть все основания предполагать, что Правда Ярославичей явилась прямым ответом феодальной верхушки на киевское восстание 1068 года и связанное с ним движение смердов 70-х годов.

Далее комментаторам следовало поставить вопрос о происхождении краткой редакции Правды Русской в дошедшем до нас виде. Когда, где, в какой социальной обстановке, при каких социально-политических условиях были слиты в единый текст отдельные, ранее самостоятельные юридические памятники (Правда Ярослава и кодекс его сыновей)? Создание краткой редакции Правды Русской следует, нам кажется, связывать с общественным движением в Новгороде в 30-х годах XII века, в результате которого были выработаны основы позднейшего новгородского политического уклада. Эти годы — наиболее бурный период социально-политической жизни Новгорода, заполненный острыми классовыми столкновениями. В это время новгородская знать стремилась стать независимой от Киева и захватить в свои руки политическое руководство, а городские и сельские низы (смерды) вели классовую борьбу против беззастенчивого хозяйничанья в Новгороде феодально-княжеского окружения. Кульминационным пунктом этой борьбы был 1136 год, когда произошло крупное новгородское восстание против киевского ставленника — князя Всеволода Мстиславича. Вероятно, именно в это время в Новгороде могла вестись кодификационная работа над юридическим сборником, который включил в себя законодательство предыдущего (XI) века и явился важным политическим документом борьбы Новгорода против киевской княжеской власти. Новгородская политическая мысль в поисках каких-либо исторических примеров письменных княжеских гарантий городу обратилась к Ярославовой Правде 1016 года. В условиях социальной борьбы первого тридцатилетия XII века, деятельными участниками которой явились новгородские смерды, этот новгородский договор с Ярославом был соединен с законодательством ярославовых сыновей, посвященным как раз вопросу о смердах.

Так появилась краткая редакция Правды Русской, сохранившаяся в составе Новгородского летописного свода.

Что касается пространной редакции Правды Русской, то среди ее источников наряду с Правдой Ярослава и Правдой Ярославичей центральное место принадлежит уставу киевского князя Владимира Мономаха (1113). Чтобы дать учащимся возможность правильно истолковать его, было бы очень важно привести в комментариях летописный текст о киевском восстании 1113 года, предшествовавшем законодательству Мономаха. Этот князь занял киевский стол в очень сложной социальной обстановке. В это время поднялись низы города и деревни против крупных ростовщиков и феодалов-землевладельцев. Мономах, чтобы прекратить восстание, вынужден был сделать ряд уступок киевским массам, но в то же время он сумел отстоять позиции господствующей феодальной верхушки. Обострившиеся классовые противоречия заставили Владимира Мономаха действовать осторожно и вести дипломатическую игру. Он принял на себя роль «блюстителя» интересов смердов.

Вопрос о том, какие именно статьи пространной редакции Правды Русской принадлежат Владимиру Мономаху, является спорным. Разрешение этого вопроса представляло одну из задач комментариев. Исходя из предпосылки, что основное содержание законодательства Мономаха посвящено различным формам долговых взаимоотношений в городе и деревне, исследователи обычно приписывают Мономаху два устава: 1) «о резах» (о процентах) и 2) «о закупах» (см. ст. 53—66). Оба устава вынужденно прибегают к ряду компромиссных мер в защиту интересов людей, попавших в кабалу. К числу этих мер принадлежат регулирование законом денежных процентов, запрещение «робить» закупа за обращение в суд, гарантирование ему «правды» на его господина, обеспечение закупа «свободы во всех кунах», в случае если он будет продан своим владельцем в рабство, и пр. Но все эти гарантии, сопровождавшиеся многообещающей фразеологией, оставляли неизменными основы феодальной структуры киевского общества, в котором закуп занимал нижнюю ступень.

Уставы о резах и закупах представляют собой основные памятники законодательства Мономаха. Несомненно, что к тому же законодательству относятся и некоторые другие статьи Пространной Правды. Нам кажется, что выделить их может помочь летописный рассказ о временах князя Владимира Святославича (под 996 годом). По словам летописи, во время княжения Владимира умножились разбой. Епископы об-

ратились с вопросом к князю: «се умножишася разбойници, почто не казниши их?» Владимир объяснил свое бездействие тем, что он «бонется греха». Епископы начали убеждать князя, что он поставлен «на казнь злым, а добрым на милование». Тогда Владимир отверг виры и начал казнить разбойников. Впоследствии епископы и старцы высказались за восстановление виры, которые должны были пойти на вооружение. «И рече Володимер: да тако буди».

Этот летописный текст неоднократно комментировался, причем большинство исследователей слишком доверчиво подходило к нему, не сомневаясь в его достоверности. Между тем весьма вероятно, что летописный рассказ является продуктом письменности XII века и вышел из-под пера летописца — современника Владимира Мономаха — под влиянием социальной действительности его времени. «Разбой», как и «грабелж» и «татья», был одной из форм протеста социальных низов против гнета, порождавшегося процессом феодализации. Всякое выступление масс в феодальном обществе против правящих классов обычно тенденциозно трактуется летописцем как «разбой». Описывая борьбу Владимира с разбоями, предпринятую с благословения епископов, летописец тем самым давал религиозную и моральную санкцию карательным мерам, направленным к подавлению социальных движений.

Эти меры, которые нуждались в оправдании летописца путем ссылки на прошлую деятельность князей, отразились в ряде статей Правды Русской, которые довольно легко выделить из текста. Эти статьи объединяются в устав о вирах и ответственности общины — верви за преступления (ст. 4—8, 18—22, 35, 70, 77, 83, 84). Обращаясь к анализу указанной группы статей, мы видим, что никакой «заботливости» об «интересах сельских низов», которая якобы пронизывает устав о закупничестве, здесь нет; мы имеем дело с классовой борьбой в феодальной деревне, знакомой нам по вотчинному регламенту Ярославичей XI века, борьбой, в которой княжеская власть применяет репрессии против восстающих низов. Наиболее резкие проявления борьбы масс против феодального гнета (разбой, подлог гумна или двора и татья коня) влекут за собой суровую кару — поток и разграбление, выдачу князю преступника с семьей и имуществом. Поток и разграбление — акт классовой расправы, для оправдания которого летописцу понадобились религиозная санкция и историческая аргументация, — здесь выступают в нескрытом виде. Недаром особенно сурово наказывается злоумышленное убийство («разбой без всякою

свады»¹), являющееся в ряде случаев подобно намеренному уничтожению «пакощами» скота актом классовой борьбы. Особенно много внимания уделяется ответственности верви — крестьянской общины — за преступление, совершенное ее членом, и коллективной купле виры («дикая вира») за убийство. Аналогична по содержанию статья 70, предписывающая верви платить за укрывательство «татя», обвиняющегося в уничтожении земельных знаков или охотничьих приборов («ако будет росечена земля или знаменце, им же ловлено, или есть, то по верви искачи татя ли платити продазю»). Наконец к той же группе постановлений относится статья, возлагающая на ту крестьянскую общину, к которой приведет «следы скрывшегося «татя», обязанность отвести («отсочить») от себя эти следы или же, в противном случае, взять на себя платеж «татбы» и «продажи».

Интересно было бы получить в комментариях ответ на вопрос о месте и времени создания полного текста Пространной Правды. Судя по тому, что ее древнейший (конца XIII в.) список дошел до нас в составе повгородской Бормчей (из Синодального собрания), можно считать, что Пространная Правда возникла в Новгороде в конце XII — начале XIII века². В 1209 году в Новгороде произошло восстание, по характеру своему очень напоминающее движение киевских городских и сельских масс 1113 года. Как и в Киеве, здесь поднялись против ростовщиков и феодалов должники, запутавшиеся в кабальных сетах. Видным представителем новгородской феодальной верхушки был посадник Дмитр Мирошкинич, крупный землевладелец и ростовщик. У него было обнаружено много «досок», на которых значились суммы, розданные им в заем. Восставшие низы зажгли посадничьи и боярские дворы, распродали их села, захватили имущество. Можно думать, что подобно тому как киевское восстание 1113 года породило компромиссное законодательство Мономаха, так и события классовой борьбы в Новгороде в конце XII — начале XIII века послужили толчком к выработке Пространной Правды.

Классовая борьба в Новгороде XI—XIII вв. сыграла значительную роль в истории создания Правды Русской. Поэтому очень важной задачей является сравнение ее текста с памятниками повгородского и псковского права, какими являют-

¹ «Свада» — ссора.

² Независимо от нас к аналогичному выводу пришел проф. М. Н. Тихомиров. Он прямо связывает Пространную Правду с восстанием 1209 года.

ся договоры Новгорода с князьями и особенно Псковская Судная Грамота.

Если Правда Русская является продуктом изменившихся отношений Новгорода к киевским князьям и выработки в нем основных черт, характерных для позднейшего городского уклада, то Псковская Судная Грамота конца XV века (1467 г.) появилась накалине надвигающейся ломки этого уклада под ударами московских великих князей и фиксировала «псковскую пошлину». Оба юридических сборника представляют собой важнейшие политические документы соответствующих периодов. Их составление диктовалось обращением к исторической традиции, стремлением сделать все главные законодательные уставы и договоры с князьями, оставшиеся от прошлого, основой политической программы текущего момента. Подобно тому, как Правда Русская вобрала в себя уставно-договорные грамоты Ярослава, регулировавшие взаимоотношения между вооруженными варягами княжеской дружины и городской общиной, в основу Псковской Грамоты были положены «псковская пошлина» (обычное право) и договоры Пскова с князьями (Александром Михайловичем Тверским и Константином Дмитриевичем Белозерским).

Утвержденная на вече Псковская Судная Грамота представляет собой выборку отдельных статей из договоров с прежними князьями и запись местной «пошлины» (обычного права). Твердо разграничивая интересы князей и Пскова, она должна была служить гарантией неприкосновенности установившегося социально-политического правопорядка от посягательств со стороны Москвы. В этой «псковской пошлине» и в грамотам, подписанным их прежними князьями, закрепили впоследствии псковичи в ответ на притязания московского наместника, потребовавшего себе «наместничью деньгу».

Добиваясь независимости от Киева, правящие верхи Новгорода пытались использовать движение смердов против князя Всеволода Мстиславича. Отсюда интерес новгородской верхушки к кодексу Ярославичей, целиком посвященному смердам, и включение его в Новгородский кодекс 30-х годов (Краткая Правда). В кодексе начала XIII века (Пространная Правда) помещено законодательство Мономаха о закупках. В последние дни борьбы псковичей

за свою самостоятельность (начало XVI века) ту же политику привлечения на свою сторону смердов проводило московское правительство, пытаясь таким образом подавить сопротивление псковских феодальных верхов.

Об указателе литературы, посвященной Правде Русской, необходимо сделать два замечания. Во-первых, в учебном издании естественно прежде всего ожидать рекомендательной библиографии. Поэтому было бы желательно выделить в указателе главные труды о Правде Русской, знакомство с которыми необходимо для студентов в первую очередь. Но это отнюдь не исключает важности исчерпывающей библиографии трудов по вопросам, связанным с Правдой Русской. В этом отношении указатель учебного издания требует некоторых дополнений. Так, в нем выпущены работы В. И. Курдюновского «Что такое «свод» нашего древнего права» («Юридические известия» 1913, № 8); А. И. Соболевского «Две редакции Русской Правды» («Сборник статей в честь гр. А. С. Уваровой». М. 1916); Д. Голенищева-Бутузова «Русская Правда и Византия» (Иркутск, 1913) и др. Не упомянуты также труды иностранных комментаторов Правды — Кадлеца и Колера. Желательно было бы дать и список изданий Правды Русской. Такой список приведен акад. Б. Д. Грековым в его учебном издании Правды, вышедшем в 1934 году.

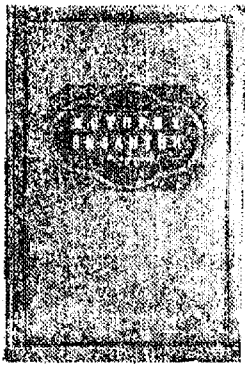
Ценность «Указателя терминов и речений» заключается в том, что перед нами не просто список слов, но словарь, разъясняющий непонятные древнерусские термины. К сожалению, от этого принципа составления указателя имеются отступления. Правда, такие слова, как «борода», «видеть», «господин» и т. п., не нуждаются в объяснении, но термины «болотодел», «верней», «дача», «добыток» и др. следовало объяснить.

Все эти недостатки легко исправить в следующих изданиях. Давая же общую оценку учебному изданию Правды Русской, следует отметить, что с его выходом в свет наши высшие учебные заведения получили ценное пособие для изучения Правды Русской — «этого важнейшего памятника социально-экономической жизни и права древней Руси», как он охарактеризован в предисловии к книге.

Л. ЧЕРЕПНИН.

История Византии является одним из важнейших этапов всемирно-исторического развития человечества, ибо это история средневековой почти всех стран так называемого Переднего Востока, примыкающих к берегам Средиземного моря: Балканского полуострова с прилегающими

к нему островами, Малой Азии, нашего Советского Закавказья (Армении, Грузии, отчасти Азербайджана), части Месопотамии, Сирии, прибрежной Аравии, а также Египта, почти всей Северной Африки, Южной Испании, Италии. Все эти страны входили в Византийскую империю в период ее расцвета, когда Средиземное море гордо называлось в Византии «Византийским озером».

В состав Византии входили наиболее культурные в средние века страны; здесь были расположены мировые центры того времени: Константинополь, Фессалопиис, Антиохия, Селевкия, Александрия и др.; здесь было средоточие торговли и ремесла. В то время как в странах Западной Европы культура, унаследованная от античного мира, переживала все углублявшийся упадок, на востоке, в Византии, это наследие сохранялось.

Всемирноисторическое значение Византии заключается также в том огромном влиянии, которое она оказала на славянские народы, в частности на развитие Киевской Руси, на культурную и политическую жизнь арабских племен, на исторические судьбы множества варварских народов Восточной Европы, Азии и Африки. Очень большое влияние оказывала Византия и на историческое развитие средневековой Западной Европы.

Но несмотря на огромное значение Византийской империи ее история изучена еще весьма недостаточно, особенно социально-экономическая история. На заре развития капитализма, в связи с так называемым возрождением античных наук и искусств в XV—XVII веках, крупные историки и филологи проявляли большой интерес к Византии. Такие ученые XVI—XVII веков, как Скалигер, Мабиллон, Дюканж и др., заложили прочный фунда-

мент изучения византийской истории. Но в XVIII веке идеологи революционной буржуазии—Гиббон, Монтескье, Лебо—характеризовали византийскую историю как «самый затхлый, ужасный участок эпохи средневекового варварства...» (стр. 4). Ученые XVIII века считали Европу, находившуюся в процессе бурного роста капитализма, центром мирового исторического развития; история же Византии рассматривалась ими как процесс непрерывного разложения Западной Римской империи. Естественно, что при таком подходе история Византии не могла плодотворно изучаться.

Такое положение вещей продолжалось до второй половины XIX века, когда буржуазная наука стала проявлять интерес к истории Византии, особенно к истории византийской культуры. Однако больших документальных трудов, которые охватывали бы всю историю Византии, не появлялось со времен Гиббона и Лебо ни на Западе, ни в царской России. Только во второй половине XIX века вышел ряд работ по отдельным вопросам, главным образом по политической истории Византии. Большое значение имели работы русских ученых, из которых в первую очередь надо назвать В. Г. Васильевского, В. Панченко, К. Н. Успенского, Ф. И. Успенского, Ю. Кулаковского, С. П. Шестакова и др. Среди западноевропейских византинологов выделяются имена Ш. Деля, К. Шлюмберже, О. Рамбо, Ф. Шаландона, Цахарие фон Лингентала, Г. Гельцера, Крумбахера, и др. М. В. Левченко, безусловно, прав, подчеркивая преобладание реакционного направления в буржуазном византийствовании, особенно в русском.

Ф. И. Успенский и Ю. Кулаковский довели изложение истории Византии до VIII—IX веков. Ф. И. Успенский в своей «Истории Византийской империи» (два больших тома) собрал обширный материал по первоисточникам, но его концепция с научной точки зрения наивна и сверх того носит отпечаток социального заказа российского самодержавия. Для него Византия — это «юговосток Европы», отмеченный некоторыми чертами исторического своеобразия. Чрезвычайно характерно, что при всех своих знаниях Ф. И. Успенский не придавал значения важнейшему моменту в истории Византии — ее азиатским и африканским территориям и связям.

Своеобразие византийской истории, «византизм», Ф. И. Успенский усматривает в преобладании греческого языка и в борьбе национальностей за политическую власть. В итоге этой борьбы центром исторического развития Византии стал элли-

* М. В. Левченко «История Византии». Краткий очерк. Соцэкгиз. М. и Л. 1940. 262 стр. Тираж—20 000. Цена (в переплете) 6 р. 75 к.

ский народ, выделившийся из восточного комплекса народов и стран (Армении, Грузии, Сирии и др.). Восточные «инородцы» оказались исключенными из византийской истории.

Определяя так односторонне византизм, Ф. И. Успенский далее правильно подчеркивает взаимовлияние Византии и славянства: крестьянская община в Византии возникла в результате славянской колонизации, но положение крестьянства в Византии в свою очередь повлияло на уклад жизни крестьянства в славянских государствах, особенно в Киевской и Московской Руси.

Ф. И. Успенский весьма много места уделял церковным вопросам, не включая, однако, церковь в число борющихся политических сил, совершенно отделяя ее от остального государственного аппарата. В этом отношении он стоял на тех же позициях, что и остальная буржуазная литература, стремящаяся укрепить ореол «неземного» авторитета христианско-православной церкви.

Трехтомная «История Византийской империи» Ю. Кулаковского изображает Византию как прямое продолжение Римской империи. Этим труд Кулаковского невольно отличается от труда Ф. И. Успенского, который, как мы видели, находил в Византии черты древнегреческого наследия. Ю. Кулаковский не выдвигает в своей работе крупных исторических проблем, связанных со значением Византии во всемирной истории: он в основном дал сводку первоисточников, без достаточного критического их разбора.

Таким образом, пример этих двух монументальных трудов по истории Византии показывает, как далека была буржуазная византинология от подлинно научного понимания византийской истории. Прежде всего она не создала сколько-нибудь продуманной периодизации этой истории. Отдельные ее отрезки, как указывалось выше, были разработаны очень подробно. К таким периодам относятся главным образом VI век (правление прославленного Юстиниана I) и время с X по XIV век, о котором имеется значительная литература (A. Vogt «Vasile I et la civilisation byzantine»; F. Chandon «Les Comnènes»; A. Rambaud «L'empire grec au X siècle»; труды K. Schumberger; Б. Шапченко «Крестьянская собственность в Византии»; П. Яковенко «К истории иммунитета в Византии» и др.).

Период с VI века до конца IX века разработан слабо; весьма недостаточно освещено и иконоборческое движение.

Подводя итоги современному положению истории Византии, надо сказать, что новых крупных работ в этой области, показывающих главные пути социально-эконо-

мического и политического развития Византии, не существует.

Экономическое развитие Византии и связанные с ним классовые отношения выявлены в литературе крайне слабо. Несколько большее внимание уделялось, главным образом в русской специальной литературе, вопросу о положении крестьянства, но и здесь многое осталось неисследованным; что же касается городской экономики, развития торговли и производства, то эти вопросы почти не изучены.

Перед советскими византинологами стоит почетная и трудная задача — дать новую, подлинно научную концепцию истории Византии, основанную прежде всего на глубоком изучении социально-экономического развития страны, материального и политического положения народных масс и их роли в историческом процессе. Необходимо понять все конкретное своеобразие сложившихся здесь отношений. Очень важно обратить внимание на сложный этнический состав империи и отсутствие господствующей национальности, проследить связь крупных событий политической истории с основными линиями истории классовой борьбы в византийском государстве, выяснить происхождение, социальную сущность византийского государства и изучить его эволюцию, учитывая отмеченную выше основную особенность Византии как комплекса стран и народов.

В известной мере предшественником советских византинологов является К. Н. Успенский. Ему принадлежит одна из немногих попыток дать византийскую историю в социально-политическом разрезе. Эта попытка, безусловно, заслуживает внимания. Автор, основываясь на первоисточниках, стремился выявить особенности развития Византийской империи как феодального государства и доказывал, что положение земледельческой трудовой массы в Византии было сходно с положением широких слоев земледельцев в феодальных государствах Западной Европы. К. Н. Успенский дал интересную концепцию иконоборческого движения, указав на связь его с сильным развитием монастырского землевладения. Вместе с тем Успенский отметил и значительные отличия феодальных монастырей Западной Европы от византийских. Военно-политическая история Византии почти совсем отсутствует в труде К. Н. Успенского.

2

В отличие от буржуазных историков М. В. Левченко попытался дать цельную картину византийской истории, начиная с 395 года и до захвата империи турками. Весьма ценно то относительно большое внимание, которое автор книги уделяет ро-

ли Византии в истории славян и Киевского государства. Немалое место отведено в книге истории византийской культуры, причем дается также и свежий материал (как например вновь открытые прекрасные мозаики в храме св. Софии).

Но самым главным в работе М. В. Левченко является основная задача, которую поставил себе автор, — впервые дать марксистский анализ событий византийской истории, вскрыть характер классовых отношений в Византийской империи. Эта задача, надо прямо сказать, далеко не решена автором. Отказавшись от критического разбора специальных работ западных и русских буржуазных ученых и отводя эти работы как ошибочные по своей концепции, М. В. Левченко, однако, широко использовал их в своей книге. Против последнего нельзя было бы возражать, если бы автору вполне удалось освободиться от традиционных построений византийской истории. Но этого сказать нельзя.

Первой задачей автора было выяснить те различия между западной и восточной частями Римской империи, которые обусловили падение одной и тысячелетнее продолжение исторического развития другой. Поставив этот вопрос, М. В. Левченко ясного ответа на него не дает (стр. 10). Во-первых, он не указывает самого момента оформления Византийской империи, не указывает тех событий, которые определили возникновение нового византийского государства, просуществовавшего тысячу лет после падения западной части Римской империи. Ведь не может считаться единственным моментом, определяющим отделение Восточной империи от Западной, тот факт, что Феодосий I перед смертью оставил западную половину своему сыну Георгию, а восточную — Аркадию. В буржуазной историографии этому факту действительно придается большое значение, но это только доказывает ее бессилие правильно поставить вопрос о возникновении и сущности Византийской империи.

Левченко правильно отмечает наличие хозяйственных, политических и культурных традиций эллинистических монархий в Восточноримской империи (стр. 11), но не показывает, как эти традиции способствовали оформлению византийского государства. Характеризуя Византию, автор полностью воспроизводит ту картину разрушения и упадка, которая столь общеизвестна в отношении Западной империи. Автор, по существу, не указывает разницы в положении между западной частью империи, переживавшей глубокое разложение, и восточной частью, где имелись возможности для дальнейшего развития.

Автор без критики принимает выводы сербского византинолога Манойловича, вызывающие сомнения. Манойлович в своей

статье в специальном французском журнале «Byzantion» за 1936 год правильно характеризует константинопольские демы¹ как ископаемые, еще с эллинистических времен существовавшие административно-политические организации городского населения. Но он опирается на совершенно недостаточные источники (просто названия городских кварталов), когда говорит о постоянном социально-политическом характере группировок «голубых» и «зеленых». Наоборот, факты свидетельствуют, что под флагом как «голубых», так и «зеленых» могли выступать разные социальные группировки. Кроме того для понимания социально-политической сущности демов гораздо важнее выяснить их распространение и организацию в рамках всей Византийской империи, а не в одном только Константинополе. Во всяком случае представление о демах, претендующих на роль «городского народного собрания» (стр. 21) и являющихся «обширными самоуправляющимися организациями» (стр. 22), совершенно не вяжется с той подавленностью городского населения, о которой пишет М. В. Левченко, характеризуя восточную часть империи.

Недостаточно четко показано в рецензируемой работе различие между положением и ролью церкви в восточной и западной частях Римской империи. Роль христианской церкви в истории последних трех веков Римской империи огромна. Христианская церковь представляла собой не только религиозную организацию, но в гораздо большей степени мощную политическую силу. Между тем в изложении М. В. Левченко мы не находим углубленного анализа политической роли церкви.

«Идеологической опорой правительства являлась христианская церковь, с которой правительство Римской империи уже в IV в. заключает тесный союз», — пишет М. В. Левченко (стр. 22). Утверждение это крайне неудачно. Здесь, во-первых, роль церкви ограничивается, и она выступает лишь как фактор идеологический, а между тем церковь в то время была первостепенным политическим фактором. Во-вторых, опять-таки получается полное сходство с тем, что происходило на Западе: в западной части империи церковь стала независимой политической силой, вступающей в те или иные «тесные союзы» с варварской государственностью; в восточной же части

¹ Кстати, почему автор пишет «демы», а не «демы»? Ведь мы говорим «демократия», а не «димократия» и называем широко распространенные в эллинистическом мире мелкие административно-политические подразделения «демами», а не «димами». Совершенно необязательно следовать здесь за произношением, установившимся в прежних духовных семинариях.

империи имел место не «тесный союз» христианской церкви с государственной властью, а полное слияние обеих этих политических организаций, происшедшее в 325 году на Никейском соборе, на который собралась почти исключительно епископы одной восточной половины империи. Этот факт всемирноисторического значения не получил должной оценки в работе М. В. Левченко, а между тем даже буржуазная литература в настоящее время начинает учитывать значение этого события (см. E. Stein).

Византия, являясь исторической преемницей восточной части Римской империи, унаследовала от этой последней весь политический аппарат, включавший в себя и церковь. Отсюда понятна огромная роль церковно-религиозных проблем в Византийской империи.

Но М. В. Левченко не осветил этого вопроса во всей его глубине, ограничившись замечаниями, противоречащими конкретным фактам византийской истории. «Сохранение сильных пережитков рабства, — пишет Левченко, — при развитии крепостнических форм эксплуатации являлось специфической особенностью Византии. Новый способ производства здесь развивался при сохранении внешней формы старого государства: императорской власти, военно-бюрократического аппарата, — и потому развитие его происходило медленно и мучительно для непосредственного производителя» (стр. 27). Другими словами, история Византии сводится к тысячелетней агонии. Это достаточно старый, еще выдвинутый Гиббоном тезис, против которого сам Левченко протестует несколькими страницами выше (например стр. 6, где указывается на значительную роль Византии в культурно-политическом развитии славянства). Отличие Византии от средневекового Запада, таким образом, состоит «в сохранении внешней формы старого государства», в сохранении «сильных пережитков рабства». Значит, это отличие не затрагивало классовой структуры византийского общества, которая была феодальной. А из этого в свою очередь вытекает, что между государством и его классовой базой в течение тысячи лет сохранялось глубокое противоречие. Положение, вызывающее весьма серьезные сомнения.

Отличия Византии от средневекового Запада были гораздо более значительными, чем это показывает в своей книге М. В. Левченко. Он усматривает эти отличия во внешней форме старого государства, а не в классовой структуре византийского общества, в известной мере определявшейся социально-экономическими, политическими и культурными пережитками эллинистических монархий. Об этих пережитках гово-

рит и сам автор в другом месте (стр. 11), но не пытается подтвердить эти общие положения конкретным анализом фактов.

Противоречивость и неясность изложенной в главе I основной концепции истории Византийской империи приводит к тому, что в главах II—IV автор не связывает фактов политической истории с общей концепцией, даваемой им в главе I. Изложение фактов начинается со смерти Феодосия I, причем факты излагаются конспективно и не объясняются, не группируются по главным линиям исторического развития. Автор, например, заявляет, что «хотя фикция единой империи и сохранялась, отношения между правительствами обеих империй сразу приняли враждебный характер» (стр. 28). Почему это произошло, никак не объясняется. А это тем более важно выяснить, что через несколько строк сказано: «Эта вражда затрудняла задачу отражения нападений варваров извне и подавления революционного движения рабов и колопов изнутри».

Далее называются имена Евтропия, Синесия, Алариха, Гайны и т. д. без достаточного объяснения связи этих исторических фигур с социально-политической обстановкой. Автор не показывает политических группировок и социально-политической ориентации называемых им деятелей. Читателю трудно понять, почему внезапно в 400 году поднимаются константинопольские думы, почему гот Фравитта выступает против гота Гайны, почему Аларих вдруг «направил свое внимание на запад» и этим улучшил положение империи, и т. д.

Совсем уже странно звучит рассказ о выступлении Иоанна Златоуста: «В самой столице в 403—404 г. произошло неожиданное и шумное столкновение между императорской властью и константинопольским епископом Иоанном Златоустом... предпринявшим запоздалую и бесполезную попытку борьбы с развращенностью духовенства. Естественно, что такой епископ не мог прийти ко двору в столице Восточной империи» (стр. 31). Совершенно непонятно, как может автору представиться «неожиданным» выступление Иоанна Златоуста в момент развертывания напряженнейших внутренних противоречий рождавшейся Византийской империи, тем более, что одним из основных противоречий была структура власти. Каким образом в 400 годах нашей эры попытка Иоанна Златоуста могла быть «запоздалой и бесполезной»? И разве в попытке борьбы с «развращенностью духовенства» заключалась сущность выступления Златоуста?

Автор неправильно и поверхностно объясняет «изуверством духовенства» крупнейшие политические события в Александрии и вообще в Египте, связанные с деятель-

ностью знаменитого Кирилла Александрийского (стр. 33), представителя местного сепаратизма. Совершенно в отрыве от этих важнейших для понимания социально-политической сущности Византийской империи событий приводятся чрезвычайно существенные данные об аграрных отношениях в Египте. Автор не учитывает также значения деятельности «языческих» группировок, представлявших определенное политическое направление. Не показана организационная связь между бурными революционными выступлениями масс и религиозными и политическими группировками, не показаны и общие линии политики императоров Льва, Зенона, Анастасия.

Хотя социально-политические корни борьбы религиозных группировок в Византии почти совсем не изучены, все же нельзя грандиозные восстания масс при Анастасии сводить к церковным спорам. «Монахи и церковники, враждебные «еретическому» правительству, нашли себе союзников в константинопольских димах и среди военно-варварской верхушки федератов Балканского полуострова. Этот блок сторонников халкидонского вероисповедания доставил серьезные затруднения Анастасию» (стр. 50), — пишет Левченко. Далее он отмечает, что в самом Константинополе церковные споры вызвали кровавые столкновения. «...димоты подожгли гипподром и таскали по улицам статуи императора и императрицы... В 512 г. приказ императора внести в один церковный гимн монофизитскую прибавку вызвал новую вспышку восстания... разгромлены дома высших правительственных лиц. Анастасий без порфиры и диадемы должен был на гипподроме обратиться к народу с речью, в которой он выражал готовность сложить с себя звание императора...» (там же). Все это описание дается без всякого классового анализа событий!

Немного лучше обрисована и проблема взаимоотношений империи и варваров в специфических условиях восточной части империи; но выяснено значение вандалского завоевания для Восточной империи; исторической случайностью выглядит появление готов на Балканском полуострове.

Приход к власти Юстиниана, неграмотного иллирийского крестьянина, объясняется так: «Но имя Юстиниана служило только вывеской, под которой объединились часть сенаторской аристократии, педовольная политикой Анастасия, военно-варварские группировки Иллирии и Фракии и все сторонники Халкидонского вероисповедания: православное духовенство, дим голубых и значительная часть населения Константинополя» (стр. 53).

Автор не пытается разобраться в классовом составе этого социально-политиче-

ского блока. «Они требовали... восстановления Римской империи в старых границах» (там же) — такова программа блока. Спрашивается: почему «военно-варварским группировкам Иллирии и Фракии», т. е., в переводе на классовый язык, варварско-крестьянским массам этих двух больших провинций, требовалась старая Римская империя; почему, далее, эти жестоко эксплуатируемые правящим классом крупных землевладельцев «крестьянские массы вступают в союз со своими угнетателями, «частью сенаторской знати», да еще на платформе идеи всемирной монархии? Почему «дим» голубых, представлявший собой, по утверждению автора, богатую верхушку константинопольского населения, объединился с крестьянскими массами и значительной частью населения Константинополя? И при чем тут халкидонское вероисповедание? Как мог составить такой блок классово враждебных или классово разнородных сил? Наконец, почему такому широчайшему блоку потребовалась «вывеска» в лице никому не известного Юстиниана?

На этих положениях автора следует остановиться более подробно, так как они тесно связаны с основным недостатком первой части книги, содержащей историю ранней Византии.

Даже история юстиниановской Византии, одного из наиболее детально изученных периодов византийской истории, представляется неясной в изложении М. В. Левченко. В основном автор так же, как и вся существующая литература по истории Византии, некритически следует за основным источником — Прокопием Кесарейским — непримиримым противником Юстиниана. Вот ряд характеристик правления Юстиниана, приведенных в рецензируемой книге: «Юстиниан оставил империю обширнее пространством, но гораздо беднее внутренними ресурсами, чем раньше». Далее М. В. Левченко говорит о «политике религиозной нетерпимости...», о том, что «такая же политика проводилась и по отношению к язычникам, которых еще немало насчитывалось в деревнях», что «нетерпимая и агрессивная политика нового правительства проявлялась и в его отношении к димам» (стр. 55—58).

Перейдя затем к восстанию Ника в 532 году, автор объясняет его как реакцию на систему вымогательств всей чиновной иерархии, особенно финансовых агентов. При этом остается невыясненным, какие классовые группировки и с какой программой выступали в этом восстании.

Совершенно по Прокопию характеризуется итог правления Юстиниана: «По эти внешние блестящие успехи были куплены дорогой ценой», «Трудящиеся массы

воссоединенных стран, которым реставрация принесла только большое закабаление...», «Завоевания на западе были куплены ценой разорения Востока» (стр. 84). Деятельность Юстиниана автор сводит к завоевательным войнам, к содержанию «пышного и роскошного двора, бесчисленной паразитической армии попов, монахов, чиновников, сооружения роскошных, но большей частью бесполезных сооружений, подарков и субсидий варварским племенам и т. д.» (там же).

Автор пишет о том, что палачи опустошали целые страны, большая часть населения представляла бесправную массу, терроризованную префектом претория Иоанном Калпадокийским, который «грабил целые города»; дороги были завалены трупами жевшии и детей, умерших от голода, и т. д.

Перед нами весь арсенал обвинений Прокопия Кесарейского и Иоанна Лидийского против Юстиниана.

Автор не подвергает критической оценке достоверность этих источников, между тем известно, что не только Прокопий, но и Иоанн Лидийский и Агафий примыкали к политической группировке, безусловно враждебной Юстиниану. Кроме того автор повторяет эти, ставшие традиционными обвинения, не замечая того, что даже Прокопий, считая траты Юстиниана чрезмерными и излишними, вместе с тем с осуждением говорит об аскетическом и даже демократическом характере его поведения. Для Прокопия, представителя городской знати языческого направления, Юстиниан — прежде всего палач сенаторов и знати вообще, и это обуславливает враждебность Прокопия к императору.

Далее, вряд ли будет исторически правильно рассматривать церковь времен Юстиниана только как паразитический организм: нельзя забывать, что церковь в это время представляла собой важнейшую часть государственного аппарата, монастыри являлись весьма мощной политической и экономической организацией, и вполне понятно, что Юстиниан считал их лучшим средством укрепления государства¹.

Модернизация, к которой прибегает М. В. Левченко в этом вопросе, искажает реальную картину.

Наряду с традиционно отрицательными характеристиками Юстиниана М. В. Левченко описывает и положительную сторону его деятельности, впадая примерно в те же противоречия, с которыми мы сталкиваемся у Ш. Дюля («Justinien et la civilisation byzantine») или у Бери («History

of byzantin empire»). В самом деле, как совместить «страшное наследие», оставленное якобы Юстинианом, с его упорной и положительной реформаторской деятельностью в области административной, его борьбой с элементами феодальной анархии на местах, вниманием, которое «правительство Юстиниана уделяло экономическим вопросам» (стр. 68), традиционной законодательной деятельностью, огромным строительством не только «бесполезных», но и весьма «полезных» сооружений?

Исходя из всего этого, ясно, что необходимо пересмотреть оценку деятельности Юстиниана и прежде всего поставить вопрос о характере и социальной базе его власти.

М. В. Левченко повторяет старый тезис о византийских императорах, особенно по отношению к Юстиниану, как родоначальниках самодержавия, в частности русско-го; он поддерживает и другой старый тезис — о крупном землевладении как социальной опоре Юстиниана. Но надо прежде всего отметить, что Прокопий отнюдь не изображает Юстиниана легитимным монархом: он называет его тираном, что в переводе на современный политический язык не означает власти наследственной.

Если учесть вышеотмеченную социально-политическую позицию Прокопия, то можно сделать вывод, что «тирания» Юстиниана носила демократический характер. В ряде мест «Тайной истории» Прокопий ставит в вину Юстиниану его демократизм².

Вероятнее всего предположить, что Юстиниан защищал интересы городских масс, особенно городского торгово-ростовщического капитала. Сам Юстиниан в «Институциях» исходит из античных представлений о власти и известным образом связывает власть монарха с волеизъявлением народа. Наконец, то обстоятельство, что византийские народные массы заставляли государственную власть считаться с собой, неоднократно подчеркивает и М. В. Левченко.

Нам кажется, что этих соображений достаточно, чтобы подвергнуть столь важный исторический вопрос основательному пересмотру.

Это относится и к тезису о крупном землевладении. Прежде всего нужно выяснить характер данного крупного землевладения, ибо с крупным землевладением мы сталкиваемся и в рабовладельческом мире и в эпоху империализма. При этом надо не забывать, что землевладение церковно-монастырское было в Византии того времени землевладением государственным, так

¹ Интересная трактовка этого вопроса дана в вышеупомянутой работе К. Н. Успенского.

² См. Прокопий «Тайная история», гл. XIII.

как византийская церковь представляла собой, как было указано выше, часть государственного аппарата. Это явствует из Юстинианова кодекса и особенно из новелл¹ Юстиниана, которые являются собственно законодательством самого Юстиниана. Новеллы до мелочей регулируют положение церкви и особенно монастырей, организуют церковно-монастырское землевладение, регулируют приобретение и отчуждение монастырских земель, ответственность духовных лиц и т. д. Здесь Юстиниан выступает как глава государства и как хозяин. Огромное развитие церковно-монастырского землевладения в Византии, отмеченное и автором, говорит о преобладании там землевладения государственного характера.

Необходимо отметить, что в разделе о завоевательной деятельности Юстиниана автор дает много нового для учебного пособия фактического материала, особенно о североафриканских событиях.

В изложении истории Византии VII—X веков, весьма слабо пока изученной, отмеченная выше несвязность общей концепции автора приводит прежде всего к крайне примитивной периодизации — по векам; глава V озаглавлена «Иконоборческое движение» и разделена на две подглавы: «Византия в VIII веке» и «Византия в IX веке»; таким образом, одна из важнейших эпох византийской истории оказывается разорванной на две части.

Основной вопрос — о происхождении и сущности феодального строя — М. В. Левченко излагает, опираясь на Г. Гельцера, и связывает появление феодального строя с перерождением сельской трудовой массы, превратившейся в результате славянских вторжений в массу свободных крестьян, возродившихся к общинной жизни. Ясное и интересное изложение этого трудного вопроса следует поставить в большую заслугу автору. Нужно однако отметить, не отрицая роли славянской и иной варварской колонизации, что источники все же не свидетельствуют о столь радикальной аграрной революции и не указывают на варварскую колонизацию как на причину исчезновения господствовавших в VI веке колониальных отношений и появления на их месте свободного крестьянства в VII веке. «Земледельческий закон» говорит не только об общинных, но и о частновладельческих отношениях. Следовательно, можно полагать, что свободное крестьянство VII века образовалось не только и, может быть, не столько благодаря варварской колонизации, сколько гнетически было связано с теми самыми сельскими

трудовыми массами, положение которых автор изображает столь мрачными красками в III главе.

Не надо забывать, что варварская колонизация в значительной мере производилась самим византийским правительством. Вследствие этого переселяемые варвары, с одной стороны, оказывали влияние на положение и быт местных сельских трудовых масс, но с другой стороны, и сами изменяли на чужих местах и в чужих условиях свой общественный быт.

М. В. Левченко, несомненно, прав, связывая эти сдвиги в социально-политических отношениях Византии с глубоким революционным кризисом, охватившим империю в начале VII века. Жаль, что автор не сделал попытки связать развитие феодального строя с иконоборческим движением. Это позволило бы гораздо глубже рассмотреть расстановку классовых сил в той напряженной социально-политической борьбе, которая составляет сущность иконоборческой эпохи.

Но в данной трактовке иконоборческое движение дано в отрыве от предшествующего развития, и классовая характеристика его выглядит неудовлетворительной: «Это была борьба за укрепление императорского самодержавия в интересах правящего класса против центробежных политических тенденций духовенства, особенно монашества, отдельных групп элиты и против революционных движений низов» (стр. 119). Эта формула не вяжется прежде всего с собственными утверждениями автора о «Земледельческом законе» как продукте иконоборческой эпохи; нет также связи с характеристикой, которую автор дал законодательной деятельности иконоборцев вообще; наконец, фронт противников иконоборцев оказывается здесь столь широким, что остается неизвестным, для кого же, в конце концов, опиралось иконоборческое движение.

Тезису о борьбе иконоборцев с революционным движением низов противоречит связь их с павликианами, которых автор сам же характеризует как представителей этих революционных низов. Глухо говорится в книге о том, что «Исаврами было сделано много для сохранения и упрочения разлагавшейся империи и ее господствующего класса» (стр. 119). Но что это за класс? О крупном землевладении автор не упоминает. На стр. 128 говорится о «ставшей у власти военно-чиновничьей группировке», но подобное определение совершенно недостаточно. Классовый характер восстания Фомы Славянина остается опять-таки невыясненным. Наибольший упор М. В. Левченко делает на крестьянство как на главную силу восстания. Но если крестьянство являлось главной силой восстания, трудно понять смысл

¹ Законы, издававшиеся правившим императором и не включенные в предшествовавшие законодательные сборники.

«Земледельческого закона», обеспечивавшего интересы крестьянства. Остаются необъясненными также и блестящие военные успехи иконоборческих императоров.

Конечно, иконоборческое движение изучено весьма слабо, но, выступая с первой советской общей историей Византии, следовало показать достаточно убедительную с точки зрения классового анализа связь событий. В частности, говоря об иконоборчестве, нельзя игнорировать, как это делает М. В. Левченко, византийский порад.

Глава о Македонской династии написана интересно. Здесь умело использована специальная и общая литература и показана дальнейшая эволюция земледельческой трудовой массы и ее отдельных прослоек, рост крупного землевладения и развитие эксплоатации крестьянства. Хорошо показано также развитие ремесла и торговли, которое автор связывает с мировым экономическим значением Византии (стр. 143—150). Отмечены торговые связи с Киевской Русью и с итальянскими городами, но жаль, что автор недостаточно связывает эти данные с анализом социально-политической структуры Византии.

В книге отчетливо характеризуется политический аппарат македонских императоров, отмечается энергичная и успешно проводимая централизация, но параллельно говорится о таком грозном росте феодально-землевладельческой знати, к которой автор присоединяет и церковь, что делается непонятными политические успехи македонских императоров. Здесь опять сказывается недооценка развития городов и не вполне выясненная политическая роль церкви.

Не совсем точна характеристика законодательных памятников Македонской династии; следует отметить неизменность гражданско-правовой основы этих памятников сравнительно с предшествующим законодательством. Крестьянскую политику македонских властителей нужно было больше увязать со всей социально-политической обстановкой империи. Автор отмечает рост феодальных отношений в X—XI веках, приводит примеры экскуссий и хрисобулов, но не отмечает особенностей этих проявлений феодализма по сравнению с Западной Европой; между тем в специальной литературе соответственные данные имеются (у Яковешко и Fegadou).

Интересна глава о византийской культуре IX—XI веков. В сжатой форме здесь дается конкретное представление об искусстве, литературе и философско-публицистической мысли того времени.

Особо следует отметить главу «Византия, Русь и Западная Европа», где прекрасно обрисованы мировые экономиче-

ские, политические и культурные связи Византийской империи.

Последние две главы книги описывают историю Византии времен крестовых походов; особые очерки посвящены Латинской и Никейской империям, а заключительный очерк доводит изложение событий до 1493 года. В этих главах дана живо и интересно преимущественно политическая история.

Следовало бы несколько дольше остановиться на экономическом положении Византии, особенно на ее связях с итальянскими городами, и более подробно охарактеризовать средиземноморскую торговлю, тогда роль Византии в крестовых походах стала бы очевидной. Это помогло бы определить военные и материальные ресурсы Византии, позволившие ей вести столь энергичную внешнюю политику при Комнинах.

Очень интересна глава о Византии времен четвертого крестового похода. Удачно использованные данные Никиты Хониата и Михаила Акомината воссоздают картину острых социально-политических противоречий, взрывающих государство изнутри. Интересно было бы связать выступления Андроника Комнина с ростом широких народно-революционных движений в поздней Византии, с внутренней борьбой в Константинополе во время осады его крестоносцами, — словом, вскрыть те источники революционной энергии, которые с такой силой выявились в восстании зелотов.

Автор недооценивает крайнюю напряженность революционной ситуации в период этого восстания, прекрасно иллюстрирующего всю сложность классовых противоречий в Византии не только XIV века, но и более раннего периода. Вместе с тем это восстание прекрасно показывает, что падение Византии непосредственно связано с бурным разрыванием в ней внутренних противоречий; внешние удары, обильно обрушивавшиеся на Византию, были причиной, действовавшей параллельно.

Подводя итоги, надо сказать, что книга М. В. Левченко содержит большой фактический материал, сплошь и рядом даже чрезмерный для краткого курса. Крупнейшим недостатком книги является отсутствие достаточно отчетливой общей концепции, которая помогала бы группировать фактический материал. Это особенно важно в отношении ранней Византии. Вторая часть книги, особенно начиная с Македонской династии, дает живой и интересный материал и представляет собой несомненное достижение советской науки, хотя и здесь еще далеко не разрешены стоящие перед советскими историками проблемы.

А. БЕРГЕР

Новинки исторической литературы

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Том XIII. Часть 2-я. Статьи, корреспонденции, документы Интернационала. 1870—1873 [Подготовили к печати И. Г. Викторов и И. Ф. Горин под руководством В. В. Адоратского]. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). М. Политиздат. 1940. XIV + 768 стр. и 4 вкл. л. факс. и карт. 48 000 экз. 6 р. 50 к.

Вновь вышедший том Сочинений Маркса и Энгельса охватывает период от начала франко-прусской войны (июль 1870 года) по конец 1873 года. Сверх того в томе помещена брошюра, вышедшая летом 1873 года, «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих».

ЭНГЕЛЬС Ф. Статьи и письма. 1838—1845. М. Госполитиздат. 1940. 590 стр. и 9 вкл. л. илл. 26 000 экз. 10 руб.

Данная книга по своему содержанию целиком соответствует II тому Сочинений Маркса и Энгельса (М. 1929) и охватывает первые литературные работы Энгельса: 32 политические статьи из различных немецких и английских периодических изданий, 4 философских памфлета против Шеллинга, 5 поэтических опытов юного Энгельса и 21 письмо (к братьям Ф. и В. Греберам и др.).

АЛЕКСАНДРОВ Г. Формирование философских взглядов Маркса и Энгельса. Лекция, прочитанная 19 и 23 октября 1940 года в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (Лекции в помощь изучающим марксизм-ленинизм). М. Политиздат. 1940. 48 стр. 100 000 экз. 50 коп.

В начале книги дана общая характеристика социально-экономического положения Германии в первой половине XIX века. Затем последовательно прослеживается эволюция философских взглядов Маркса и Энгельса по отдельным этапам их работ: период сотрудничества Маркса в «Рейнской газете» (1842—1843 годы), работа Маркса и Энгельса в парижском «Немецко-французском ежегоднике» (1844 год), труд Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845 год) и совместная работа Маркса и Энгельса над «Святым семейством» (1845 год) и «Немецкой идеологией» (1845—1846 годы).

«Сталин И. В.» (Сборник. Состав. В. Ф. Плетнев). К 60-летию со дня рождения. М. Гослитиздат. 1940. 484 стр. и 38 вкл. л. илл. 10 000 экз. 45 руб.

Своеобразная художественная биография товарища Сталина, составленная по принципу литературного монтажа из 270 отрывков художественной прозы и публицистики, воспоминаний, фольклора, пьес и киносценариев. В конце книги помещены обращение ЦК ВКП(б) к товарищу Сталину в день его 60-летия и 13 статей, посвященных товарищу Сталину, написанных его ближайшими соратниками.

БОГДАСАРОВ А. С. О книге товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Стенограмма лекций, прочитанных 8 и 9 июня 1940 года (Курс истории ВКП(б). Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Гл. У. Партия большевиков в годы подъема рабочего движения, перед первой империалистической войной (1912—1914 годы) (Лекция 3 и 4-я). М. 1940. 54 стр. 7000 экз.

Начало книги знакомит читателя с постановкой национального вопроса в программе РСДРП. Затем автор характеризует ту историческую обстановку, в которой появилась книга Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (написана в конце 1912—начале 1913 года), и ее основные положения. Побутно освещены ошибочная ультра-«левая» позиция в национальном вопросе Розы Люксембург и оппортунистическая платформа «культурно-национальной автономии» австрийских социал-демократов. В заключении автор останавливается на историческом значении книги Сталина в международном и российском рабочем движении.

ШВЕЙЦЕР В. Сталин в туруханской ссылке. Воспоминания подполковника. М. «Молодая гвардия». 1940. 48 стр. и 1 портр. 50 000 экз. 60 коп.

Книжка принадлежит перу старой деятельности большевистской партии, работавшей в революционном подполье совместно с товарищами Сталиным и Суреном Спандаряном. Вместе с тов. Спандаряном тов. Швейцер отбывала ссылку в Туруханском крае, в селе Монастырском. В эти годы (вторая половина 1913—начало 1917 года) тов. Швейцер часто встречался с товарищем Сталиным, сосланным в далекий заполярный поселок Курейку. В книжке рассказывается также о Я. М. Свердлове и встрече с большевистской пятеркой, членами IV Государственной думы, прибывшими в 1915 году в туруханскую ссылку.

О Сталине. Указатель литературы, изданной к 60-летию И. В. Сталина. [состав. А. М. Бочавер, С. С. Гилевская, В. П. Никитин и А. Л. Фарбер. Под ред. С. М. Шпигельяльса]. М. Всесоюзная книжная палата. 1940. 120 стр. 25 000 экз. 2 р. 75 к.

В книге указана книжная, журнальная и газетная литература, вышедшая в свет в связи с 60-летием товарища Сталина. Литература распределена по разделам: «Великий продолжатель учения и дела Ленина» (общие работы о жизни и деятельности товарища Сталина); «Сталин и марксистско-ленинская философия»; «Сталин и марксистско-ленинская историческая наука»; «Сталин и марксистско-ленинская политическая экономия»; «Сталин об империализме и кризисе капиталистической системы»; «Сталин о партии и революции»; «Сталин о построении комму-

низма»; «Сталин о социалистическом государстве»; «Сталин и национальный вопрос»; «Сталин и социалистическая индустриализация страны»; «Сталин и социалистическое преобразование деревни»; «Сталин и оборона социалистического государства»; «Сталин и социалистическая культура»; «Сталин и советский народ»; «Сталин и трудящиеся капиталистических стран»; биографические материалы о Сталине (10 разделов в хронологическом порядке); «И. В. Сталин в творчестве народов СССР»; библиографические обзоры и указатели произведений Сталина и литературы о нем.

ГАЛКИН И. С. Германия в 1870—1914 годах. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Новая история. Лекции 25, 26 и 27-я). М. 1940. 63 стр. 7000 экз.

В книге дается характеристика государственного строя Германии, ее достижений в области индустриализации к 70-м годам прошлого века. Затем довольно подробно рассказано о внутренней политике несменяемого канцлера Германской империи этих лет — Бисмарка, о рабочем движении и германской социал-демократии в период исключительного закона против социалистов (1878—1890 годы). Последние разделы книги посвящены внешней политике Бисмарка, состоянию Германской империи в начале XX века и рабочему движению 1905—1914 годов. Охарактеризованы три основные течения германской социал-демократии этих годов («центр» во главе с Каутским и Вебелем; правые, возглавляемые Бернштейном, Фольмаром и Легином, и левые группы, руководимые Кларой Цеткин, Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом). В конце книги кратко охарактеризованы причины, толкнувшие Германию в первую мировую империалистическую войну.

ГАЛКИН И. С. Австро-Венгрия (1867—1914 годы). Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Новая история. Лекция 36-я). М. 1940. 24 стр. 7000 экз.

В брошюре описывается внутреннее устройство дуалистической империи и характеризуется значение для ее истории пестрого национального состава. Затем освещены важнейшие факты внешней и внутренней истории Австро-Венгрии за последние 47 лет перед первой мировой империалистической войной (по отдельным министерским периодам). Значительное место отведено рабочему и социалистическому движению и национальным конфликтам. Показано значение оккупации (1879 год) и последующей аннексии (1908 год) Австро-Венгрией славянских стран — Боснии и Герцеговины. Обрисована оппортунистическая политика в национальном вопросе австрийской социал-демократии (с ее пресловутой платформой «культурно-национальной автономии», разбитой товарищем Сталиным в его истори-

ческой работе «Марксизм и национальный вопрос»).

Курс истории ВКП(б) (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Глава III. Меньшевики и большевики в период русско-японской войны и первой русской революции (1904—1907 годы). М. 1940. 7000 экз.

Лекция 5-я. Е. Ярославский. Появление Советов рабочих и солдатских депутатов и оценка их роли большевиками и меньшевиками. 22 стр.

Лекции 7—8-я. Е. Ярославский. Аграрная программа большевиков. Книга Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». 28 стр.

В первой брошюре освещена история Советов рабочих и солдатских депутатов в период революции 1905 года в Иваново-Вознесенске, Костроме, на ряде уральских заводов, в Петербурге и других городах.

Во второй брошюре изложена история аграрной программы большевиков, начиная с высказываний Маркса и Энгельса по аграрному вопросу и программы группы «Освобождение труда».

Подробно охарактеризована классическая работа Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (написана в конце 1907 года).

ЕФИМОВ А. В. Европа в период 1815—1848 годов. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Новая история. Лекции 7, 8 и 9-я). М. 1940. 44 стр. 7000 экз.

Результаты Венского конгресса (1815 год), коалиции полуфеодалных держав, победивших Наполеона; Франция в период реставрации Бурбонов (1815—1830 годы); развитие утопического социализма и июльская революция 1830 года во Франции; состояние 38 германских государств в этот период; внешняя и внутренняя политика Англии по 1848 год (деятельность Роберта Оуэна, чартистское движение)—таковы основные разделы этой книги.

ТАРЛЕ Е. В. Италия после Венского конгресса. Революция 1848 года в Италии. Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Новая история. Лекция 14-я). М. 1940. 20 стр. 7000 экз.

В книге рассказывается о положении Италии в начале XIX века, о революционном движении в Италии 20-х и 30—40-х годов. Автор излагает историю революции 1848 года в Италии и дает политические характеристики вождя оппортунистического крыла движения Джузеппе Маццини (1805—1872 годы) и вождя революционной Италии Джузеппе Гарибальди (1807—1882 годы).

ТАРЛЕ Е. В. и ЕФИМОВ А. В. Европа в период 1794—1815 годов. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941

учебном году (Новая история. Лекции 5 и 6-я). М. 1940. 64 стр. 7000 экз.

В основном книга посвящена истории Франции в период Директории, Консульства и наполеоновской империи. Читатель знакомится с внутренним положением Франции в эти годы, с Бабефом и «Заговором равных», с государственным переворотом 18 брюмера 1799 года, с шпионажем и диверсионной деятельностью при Наполеоне I, с народной войной против Наполеона в Испании и с многочисленными войнами Наполеона (итальянская кампания, завоевание Египта, разгром Австрии и Пруссии, континентальная блокада главного врага Наполеона—Англии—и, наконец, неудачный поход 1812 года в Россию и разгром Наполеона).

Хорошо освещена в книге политика великого русского полководца Кутузова в дни Отечественной войны. Организуя все силы страны против иноземного нашествия, он в то же время энергично восставал против того, чтобы Россия шла на поводу у Англии в этой кровавой схватке французского и английского капитализма в борьбе за господство над миром. «Если бы этот проклятый остров провалился сквозь землю, то все народы от этого только выиграли бы»,—сказал раз старый полководец.

Последние страницы книги посвящены положению Англии и германских государств в период 1789—1815 годов.

БАБЕНЬШЕВ П. П. Донские казаки в войне 1812 года. Очерк. Р/Д. Ростгиздат. 1940. 124 стр. 5000 экз. 2 руб.

За краткой характеристикой положения донского казачества в начале XIX века следует довольно подробное изложение боевых действий донских казаков до оставления русскими Москвы. Описаны организация всеобщего ополчения на Дону в 1812 году и участие казаков при разгроме армий Наполеона.

ЕФИМОВ А. В. Французская буржуазная революция конца XVIII века. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Новая история. Лекция 3 и 4-я). М. 1940. 64 стр. 7000 экз.

Основные разделы книги: экономическое и политическое положение Франции накануне революции; идеологи революционной буржуазии (Монтескье, Вольтер, Дидро) и народных масс (Руссо, Жан Мелье, Морелли) накануне революции; начало революции (работа Генеральных штатов и взятие Бастилии 14 июля 1789 года); период нахождения у власти крупной буржуазии; революция 10 августа 1792 года (взятие Тюильри) и переход власти к жирондистам; переворот 31 мая—2 июня 1793 года и период якобинской диктатуры; 9 термидора второго года республики (27 июля 1794 года) и переход власти в руки контрреволюционной буржуазии.

НОВИЦКИЙ Г. А. Образование Российской империи. Дворянская империя 1725—

1762 гг. Россия во второй половине XVIII века. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Курс истории СССР. Лекции 24—29-я). М. 1940. 128 стр. 7000 экз.

Первый раздел книги содержит характеристику царствования Петра I, его внешней и внутренней политики, состояния русской культуры в первой четверти XVIII века, а также дает историческую оценку реформ Петра.

Во втором разделе описывается борьба феодальных групп за власть после смерти Петра I, рассказывается о периоде бюрократизации, политике дворцовой империи при Елизавете, экономическом положении России 1750—1760 годов, излагается история отдельных народов России в период 1725—1762 годов.

Последний раздел охватывает вторую половину XVIII века: крестьянское восстание 1773—1775 годов под руководством Пугачева, дворянскую диктатуру после крестьянской войны, историю народов Российской империи, внешнюю политику России и, наконец, русскую культуру конца XVIII века.

КОСТРИКОВЫ А. М. и Е. М. Детские и юношеские годы Сергея Мироновича Кирова (Воспоминания). Город Киров. Обл. изд-во. 1940. 54 стр. с илл. 7000 экз. 1 р. 65 к.

Воспоминания двух сестер С. М. Кирова охватывают его детские годы в семье в Уржуме, жизнь в приюте, куда Киров был отдан после смерти матери семилетним ребенком (отца Киров лишился еще раньше), учебу в начальной школе и городском училище, а затем в низшем механико-техническом училище в Казани, начало революционной деятельности на канikuлах в Уржуме и, наконец, отъезд С. М. Кирова восемнадцатилетним юношей в 1904 году в Томск, где Киров надеялся поступить в Технологический институт. Попутно в книжке дается ряд штрихов, характеризующих быт и нравы 90—900-х годов в глухом провинциальном городке.

Сергей Миронович Киров. Указатель литературы (состав. научные сотрудники Музея С. М. Кирова П. К. Сюшнерберг и В. А. Ершов). М. Всесоюзная книжная палата. 1940. 50 стр. 10 000 экз. 1 руб.

Первая половина книги (стр. 7—26) занята перечнем произведений С. М. Кирова за 1910—1934 годы. Во второй части книги указана важнейшая литература о Кирове на русском языке в отдельных изданиях, а также помещенная в книгах и журналах. Литература разбита по периодам жизни С. М. Кирова; в конце приведены отклики на злодейское убийство Кирова.

ФРУНЗЕ М. В. Избранные произведения (статьи и речи о Красной Армии). М. Воениздат. 1940. 264 стр. с карт. и 3 вкл. л. портр. и карт. 6 руб.

Из обширного литературного наследия М. В. Фрунзе для дальнего сборника ото-

браны те работы, которые являются наиболее актуальными для настоящего времени. Приведенные статьи и речи распределены на три группы: работы проблемного характера о строительстве Красной Армии (4 работы), работы по организации Красной Армии (11 работ о конкретных задачах устройства отдельных родов войск) и работы о подготовке страны к обороне (4 работы). В конце сборника помещена историческая научно-исследовательская работа М. В. Фрунзе «Европейские цивилизаторы и Марокко»; в ней даны история захвата Марокко европейцами и обзор столкновений империалистических интересов в Марокко, кончая детальным анализом испано-риффской войны 1924 года и франко-риффской войны 1925 года.

В начале книги помещены статья полковника Е. Болтина «Революционер, полководец, ученый» и автобиография тов. Фрунзе.

БОРИСОВ С. Фрунзе (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1—2 [157—158]). М. «Молодая гвардия». 1940. 312 стр. с илл., факсим. и карт. 50 000 экз. 6 руб.

Книга является наиболее полной из появившихся до настоящего времени биографий М. В. Фрунзе. В 11 главах перед читателем последовательно проходят детство и юность великого пролетарского полководца, его революционная работа в 1905 году в Шуе и Иваново-Вознесенске, почти десятилетнее пребывание в царских тюрьмах, каторге и ссылке, руководство большевистскими организациями в 1917 году на западном фронте (в Минске) и родном Иваново, участие в октябрьских боях и, наконец, военная деятельность М. В. Фрунзе в период интервенции и гражданской войны на восточном фронте, в Средней Азии, его роль в разгроме Врангеля. Предпоследняя глава книги посвящена работе М. В. Фрунзе по строительству Красной Армии после гражданской войны. Одиннадцатая глава книги говорит о последних днях жизни М. В. Фрунзе.

КУЗЬМИНОВ И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования (Институт экономики Академии наук СССР). М. Соцэкгиз. 1940. 219 стр. 10 000 экз. 4 р. 75 к.

Данная работа показывает историю социалистического соревнования, начиная от коммунистических субботников и кончая новыми формами стахановского движения наших дней (многостаночное обслуживание и совмещение профессий). В книге выявлена связь стахановского движения с индустриализацией страны, дан анализ методов стахановской работы, указано значение стахановского движения для перехода от социализма к коммунизму.

ГУРЕВИЧ М. Партия большевиков в борьбе за социалистическую индустриализацию СССР (1926—1929 годы). М. Изд. Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии имени В. И. Ленина. 1940. 64 стр.

Автор прежде всего останавливается на сущности и задачах социалистической индустриализации и трудностях этого периода. Затем рассказывает об организации троцкистско-зиновьевского антипартийного блока и о борьбе партии под руководством товарища Сталина за идейный и организационный разгром этого блока. В книге говорится также о работе XV партийной конференции (26 октября—3 ноября 1926 года), о докладе товарища Сталина «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» на VII расширенном пленуме Исполнительного комитета Коминтерна и, наконец, о работе XV съезда партии (декабрь 1927 года).

Последние главы книги подводят итоги достижений социалистической индустриализации СССР.

Комиссары. Сборник посвящается 20-летию кузницы большевистских комиссаров. М. Военно-политическая ордена Ленина академия РККА имени В. И. Ленина. 1940. 204 стр. с илл. и 7 вкл. л. илл.

Сборник выпущен к 20-летию Военно-политической академии РККА имени Ленина (1919—1939 годы). В нем помещены 9 литературных очерков об отдельных воспитанниках Академии — героях гражданской войны и участниках строительства Красной Армии, 2 очерка бывших слушателей Академии и 1 статья одного из преподавателей. Открывается сборник известной статьей тов. Ворошилова — «Сталин и Красная Армия» (1939 год).

ВОЛКОВ Н. За 20 лет (1920—6 июня 1940). Очерки к истории комсомола на Дону. Р/Д. Ростиздат. 148 стр. с илл. 7500 экз. 3 р. 25 к.

В книге довольно подробно рассказано о работе комсомола на Дону в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 годы), в годы борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929), в период коллективизации сельского хозяйства (1930—1934 годы). Освещена и работа последних лет — в области культурного строительства, по обобщению страны.

В начале книги кратко рассказано, как жила рабочая, крестьянская и казачья молодежь Дона при царизме, и затем дан очерк революционной деятельности южно-русской группы учащейся молодежи (1902—1903 годы), находившейся под влиянием большевиков.

ПРЕМЫСЛЕР И. Из истории революционного Луганска. Под ред. М. С. Ролика (Украинский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КП(б)У). Киев. Госполитиздат. 1940. 72 стр. с пертр. 10 000 экз. 1 р. 20 к. На украинском языке.

В начале книги дана краткая история Луганска (ныне Ворошиловград) с конца XVIII века и показана его жизнь при царизме. Революционная история Луганска тесно связана с именем товарища Ворошилова. Здесь организовал он широкие рабочие массы вокруг большевистской

партии в 1905 году. Здесь он руководил вооруженными силами дуганского пролетариата в первый период Великой Октябрьской социалистической революции. Обо всем этом довольно подробно рассказано в книге тов. Премыслера.

МОКРОУСОВ А. В. В горах Крыма. Записки о краснопартизанском движении во франгелевском тылу. Симферополь. Крымгиз. 1940. 132 стр. и 1 карта. 8000 экз. 4 руб.

Автор книги командовал краснопартизанскими отрядами в тылу у белых с августа 1920 года до полного разгрома франгелевцев и взятия Крыма Красной Армией (ноябрь 1920 года). Правдиво и просто он рассказывает о том, с какими неимоверными трудностями небольшая группа прорвалась по заданию партии в белогвардейский тыл и организовала там из мелких партизанских отрядов могучую краснопартизанскую армию. В приложениях дан ряд документов о действиях партизанской армии и схема основных рейдов ее.

СПИРИДОНОВ П. И. Большевики в тылу белогвардейщины. Керчь. Изд-во «Керченский рабочий». 1940. 96 стр. с илл. и карт. 5000 экз. 1 р. 50 к.

Книжка посвящена борьбе керченских рабочих под руководством большевистской партии против интервентов и белогвардейцев (1917—1920 годы). Свообразные условия Керченского района придают особый интерес книге: основными базами борьбы были здесь многочисленные каменоломни, расположенные вокруг города. Особая глава посвящена массовому выступлению керченских партизан 23 мая (6 июня) 1919 года. В конце книги приложен ряд документов и материалов.

Памяти павших за Советский Крым. 1918—1920 годы. Сборник статей и воспоминаний (состав. Р. Вуль). Симферополь. Крымгиз. 1940. 204 стр. с илл. 7000 экз. 5 р. 25 к.

В книге дан 21 очерк разных авторов, рассказывающих о жизни, революционной борьбе и славной смерти отдельных партийных работников, рабочих и красных партизан, погибших в 1918—1920 годах в борьбе за Советский Крым.

ХРУЛЕВ В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация (Военно-историческая библиотека). М. Воениздат. 1940. 100 стр. с карт. 1 р. 50 к.

В популярном очерке тов. Хрулев излагает историю чехословацкого мятежа 1918 года и его ликвидации. События описываются в строго хронологическом порядке (борьба за Казань в августе 1918 года, бои около Симбирска в августе—сентябре 1918 года, боевые операции на подступах к Сызрани и Самаре в сентябре—октябре 1918 года, бои под Ижевском в начале ноября 1918 года).

ПЕТРОВ С. М. Разгром дутовщины (первый этап борьбы: 1917—январь 1918 года). Челябинск. Челябингиз. 1940. 208 стр. со схем. 5000 экз. 3 р. 15 к.

Книга описывает контрреволюционное движение на Южном Урале, возглавленное казачьим полковником Дутовым. Последовательно проанализированы социально-экономические предпосылки дутовщины, контрреволюционные планы Дутова. Показаны выступления дутовцев в Троицке, Челябинске, Верхнеуральске и Оренбурге, попытки захвата белыми Саратова, Астрахани, Уральска и Омска, национальная политика Дутова. Затем рассказывается об организации революционных сил, восстановлении власти Советов в Челябинске и Троицке и борьбе за Оренбург, окончившейся восстанием оренбургских рабочих и взятием Оренбурга красногвардейскими отрядами (17—18 (30—31) января 1918 года).

Книга написана в основном по материалам Челябинского, Свердловского и Чкаловского (быв. Оренбургского) архивов и рукописным воспоминаниям участников борьбы.

ПЯХАНОВ Г. В. Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям). М. Политиздат. 1940. 96 стр. 100 000 экз. 1 р. 50 к.

Воспоминания Плеханова относятся к 70-м годам прошлого века и впервые были напечатаны в 1892 году в сборнике «Социал-демократ», выпущенном группой «Освобождение труда» в Женеве (кн. 3 и 4-я). В собрании сочинений Плеханова эти воспоминания помещены в III томе (1923 год).

Плеханов рассказывает о народнических рабочих кружках, стачечной борьбе рабочего класса, Казанской демонстрации 6(18) декабря 1876 года и деятельности «Северно-русского рабочего союза», руководимого Халтуриним и Обнорским. Все это относится к Петербургу. Последняя глава поворит о рабочем движении 70-х годов в провинции.

ЦЕТЛИН М. Война буров за независимость (1899—1902 годы). М. Воениздат. 1940. 40 стр. с илл. и 1 карта. 65 коп.

В книге даны общая характеристика империалистической политики Англии в XIX веке, беглый очерк заселения Южной Африки европейскими колонистами, а также история образования выходцами из Голландии бурских республик (1837—1848 годы) и упорные посягательства английского империализма на их независимость. Более подробно рассказано в книге об англо-бурской войне 1899—1902 годов, окончившейся захватом Англией богатейшей территории бурских республик. Книга рассчитана на широкие читательские круги.

ФЕДОРОВА Б. Крепостной Тагил. 1701—1861 годы. Эпизоды из истории горного дела на Урале XVIII и XIX веков. Свердловск. Облгиз. 1940. 96 стр. 5000 экз. 3 р. 40 к.

Научно-популярная работа, построенная в основном на материалах богатейшего Тагильского архива. Автор описывает историю Тагильского металлургического за-

вода с первых лет существования завода (начало XVIII века) и до годов, предшествующих отмене крепостного права.

ЧУЛОШНИКОВ А. П. Восстание 1755 года в Башкирии (Институт истории Академии наук СССР). М.—Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 112 стр. и 1 карта. 2000 экз. 7 руб.

Книга делится на три раздела: в первом — дана характеристика социально-экономического положения Башкирии в 30—50-х годах XVIII века под пятой русского царизма; во втором — описана подготовка восстания среди отдельных народов Башкирии; в третьем — изложен общий ход восстания 1755 года и указаны причины его неудачи.

Источники, использованные автором, приведены в подробных примечаниях.

Труды Историко-этнографического музея евреев Грузии. Том I. Тбилиси. 1940. 262 стр. 1000 экз. 14 руб.

В книге помещены 4 статьи: 1) «История торговли грузинских евреев» (1800—1864 годы), 2) «Правовое положение евреев Грузии в XIX веке», 3) «Исследование о брегетской библии» и 4) «Термины «Еврей», «Израиль» и «Урия». Вторая статья напечатана на русском языке; в остальных на русском языке даны только резюме.

В конце книги помещено 79 документов по истории евреев Грузии, все на грузинском языке.

ФЕДОРОВ В. Г. История винтовки. М. Воениздат. 1940. 128 стр. с илл. и черт. 2 р. 25 к.

В книге дана краткая история развития так называемого ручного метательного оружия, начиная с метательных снарядов древних времен и кончая автоматическим оружием наших дней. Главное внимание уделено развитию огнестрельного ручного оружия XIX—XX вв., преимущественно в России.

РАЙНОВ Т. И. Наука в России XI—XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. Части I—III (Академия наук СССР. Постоянная комиссия по истории техники и естествознания). М.—Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 508 стр. с илл. и черт. и 3 вкл. л. илл. и факсим. 5000 экз. 19 руб.

В первой части книги (в 7 главах) освещены взгляды на природу в эпоху Киевской Руси, отразившиеся в технике древней Руси, в богословских учениях и в компиляциях из античных работ по естествознанию.

Во второй части (в 11 главах) охарактеризован период XIV—XVI вв.

В третьей части (в 6 главах) изложено состояние естественных наук в Московском государстве в XVII веке, причем особенно обстоятельному разбору подвер-

гается своеобразная «энциклопедия» начала XVII века — «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленный в 1607 и 1621 годах по немецким и латинским источникам.

В примечаниях указана библиография. В конце книги даны именной и предметный указатели.

Ольвия. Том I (Институт археологии Академии наук УССР) [Отв. ред. Н. И. Ячменев]. Киев. Изд-во Академии наук УССР. 1940. 304 стр. с илл. и план. и 22 вкл. л. илл. и черт. 1070 экз. 35 руб.

Книга составлена Институтом археологии Академии наук УССР совместно с Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР. В начале книги помещен общий отчет о раскопках на территории древнейшей греческой колонии в УССР (VII век до нашей эры—IV век нашей эры) за 1935—1936 годы и затем даны 8 статей различных авторов, посвященных отдельным материалам раскопок (терракоты, керамика, костяные изделия, монеты, кости домашних и диких животных, эпитафические памятники). В конце роскошно изданного тома большого формата напечатаны 3 статьи по отдельным частным вопросам ольвийской истории и, наконец, дано 49 таблиц с планами раскопанных зданий и изображениями найденных предметов и их осколков.

Итоги работ второго пленума Комиссии по изучению ископаемого человека. Советская секция Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (Inqua). [Отв. ред. акад. И. М. Губкин]. (Академия наук СССР. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода № 6—7). М.—Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 156 стр. с илл. и черт. и 4 вкл. л. илл. 5000 экз. 12 руб.

В книге помещены: статья, посвященная памяти покойного редактора сборника академика И. М. Губкина (1871—1939 годы); общая информация о работах пленума Комиссии по изучению ископаемого человека, состоявшегося в Ленинграде 24—26 декабря 1937 года; 45 авторефератов заслушанных докладов и содержание прений по ним; 5 заметок о некоторых научных новостях в области изучения ископаемого человека и небольшая библиография новых иностранных работ в этой области.

Состоявшийся пленум Комиссии по изучению ископаемого человека по своему значению и объему работ перерос во Всесоюзную конференцию по вопросам изучения каменного века в нашей стране.

Основной тематикой пленума были вопросы геологической датировки отдельных археологических памятников и итоги изучения собранных за последние годы материалов о палеолитических и неолитических стоянках на территории СССР.

По страницам журналов

В статье Л. Лехтблау «Революция 1848 г. и царская цензура» («Историк-марксист» № 7 за 1940 год) показано, что революция 1848 года вызвала среди правящих верхов России страх перед коммунизмом. Революционные события породили в правящих сферах своеобразный «интерес» к деятельности Маркса и Энгельса. Царский шпион Яков Толстой доложил из Парижа о пребывании здесь Маркса и об издании им «Немецко-французского ежегодника». Некий доктор Манн (он же Стениш) прислал в III отделение фантастический доклад о тайном обществе «Юная Россия», председателями «революционного правления» которого будто бы были Маркс и Лелевель. Манн даже представил в III отделение подложный «отчет Маркса» о деятельности общества.

В том же номере помещена статья Г. Гельбраса «СССР и Иран (1917—1940 гг.)», в которой показаны влияние Великой Октябрьской социалистической революции на историю иранского народа и значение СССР для борьбы Ирана за свою независимость.

В № 8 представляет интерес статья Г. Качалуридзе «Грузия во второй половине XIX века». В ней рассказывается о развитии капитализма в Грузии и о связанном с ним образовании грузинской нации, о крестьянском движении, о дружинских народнических организациях, о распространении марксизма в Грузии, об образовании группы «Месаме-даси», левое крыло которой, руководимое товарищем Сталиным, положило начало революционной социал-демократии в Грузии. На актуальную тему написана статья К. Юцака «Война в Китае и политика США». Материалы для изучения вопроса о занятиях Маркса историей в его студенческие годы дает публикация статьи современника Маркса левегельянского историка Кёшпена «Берлинские истории».

В № 9 опубликована статья М. Фейгельсона «Мещочничество и борьба с ним пролетарского государства». В статье раскрыта контрреволюционная, кулацкая сущность мещочничества, показан величайший вред, который оно наносило пролетариату и трудовому крестьянству. Дезорганизуя государственное снабжение населения хлебом по твердым ценам, способствуя росту анархии и бандитизма, мещочничество ни в коем случае не спасало городских жителей от голода, так как большая часть хлеба, скупаемого мещочниками, попадала в руки спекулянтов и «бывших людей». Советское правительство вело беспощадную борьбу с мещочничеством вопреки предателям вроде Рыкова и Ларина, пытавшихся легализовать мещочничество под маской «активного самоснабжения населения».

В статье С. Кана «Из истории борьбы Маркса за пролетарскую партию в Герма-

нии» рассказано о разрыве коммунистов, возглавляемых Марксом, с немецкими мелкобуржуазными демократами перед революцией 1848 года.

В отделе «Исторические заметки» приводится курьезный документ, свидетельствующий о том, что органы юстиции свергнутого Временного правительства разыскивали Ленина в Эриванской губернии, в то время как он был уже главой советского правительства.

№ 10 посвящен Энгельсу в связи с юбилеем 28 ноября 1940 года 120-летием со дня рождения великого соратника Маркса. В номере опубликованы статьи В. Степановой «Фридрих Энгельс (Краткая биография)», Ем. Ярославского «Маркс и Энгельс о России», С. Захарова «Маркс и Энгельс о некоторых вопросах истории Англии», Н. Андреева «Как работал Энгельс над вопросами средневековой истории». В отделе «Критика и библиография» помещены аннотированный перечень высказываний Энгельса по вопросам истории под заглавием «Энгельс об истории (библиография)» и «Библиография работ о жизни и деятельности Ф. Энгельса (Краткая справка)». В конце номера напечатана «Летопись жизни Ф. Энгельса».

В № 11 помещена статья академика Б. Грекова «Ломоносов-историк». Автор доказывает, что Ломоносов стал заниматься историей задолго до написания «Российской истории», к работе над которой он приступил в 1761 году. Еще в 1749 году Ломоносов вступил в ожесточенный спор с академиком Миллером по одному из основных вопросов русской истории — вопросу о происхождении русского народа. В этом споре Ломоносов проявил качества незаурядного ученого и подлинного патриота, понимавшего, что история как наука требует политически ответственного к себе отношения.

Исследуя содержание первой части «Российской истории» Ломоносова, академик Греков приходит к выводу, что Ломоносова интересовала прежде всего не история князей, а история жизни народа. Если для Карамзина и даже Соловьева призвание варягов было «началом русской истории», то для Ломоносова оно было только началом «самодержавства Российского», а история русского народа началась гораздо раньше прихода Рюрика. Многие соображения, высказанные Ломоносовым в его «Истории», не только не устарели, но, как указывает академик Греков, находят в себе в наши дни все большее признание. Так, академик Греков считает справедливым мнение Ломоносова, что название «Русь» в применении к югу нашей страны никак не связано с варягами.

В том же номере помещены статьи А. Гукковского «Победа советской власти в

Армении в 1920 году». П. Дауге «Революция 1905—1907 гг. в Прибалтике».

В № 12 особый интерес представляет мастерски написанная статья Р. Вишпера «Политические идеологии буржуазной интеллигенции XIX в.». В статье разобраны реакционные теории ряда крупных буржуазных ученых (Эдуарда Мейера, Вильгельма Констана, анархиста Элизе Реклю) о природе и взаимоотношениях общества и государства. Напечатанная в том же номере статья Э. Ренкиной «СССР в 1930—1931 годах» является сокращенной частью главы из III тома учебника Истории СССР для вузов. В статье А. Золоторева «Присхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука» приведены новые данные по вопросам, разработанным в классическом труде Энгельса, в частности о периодизации исторического процесса, принятой Морганом, работу которого «Древнее общество» использовал Энгельс, о происхождении общества, о происхождении рода.

Ряд интересных публикаций помещен в двух последних номерах журнала «Красный архив» за 1940 год: «К истории борьбы литовского народа за советскую власть в 1918—1919 гг.», «Из истории борьбы карельского народа за власть Советов», «Революционные события в Прибалтике в 1905 г.» (№ 5), «К 40-летию «Искры» (вводная статья Ем. Ярославского), «Мероприятия Советского правительства Латвии (1918—1919 гг.)»; «Материалы к истории рабочего контроля над производством (1917—1918 гг.)», «Англо-бурская война в донесениях русского военного агента» (№ 6) и др.

В Ленинграде начал выходить новый исторический журнал — «Борьба пролетариата» (ученые записки Ленинградского института истории ВКП(б)). Задачей журнала является всесторонняя разработка вопросов истории Ленинградской партийной организации, особенно послеоктябрьского периода. В № 1, вышедшем в ноябре 1940 года, впервые публикуются две речи С. М. Кирова: на I Ленинградском областном съезде рабочих-металлистов 2 января 1928 года и на I Ленинградском областном съезде профессиональных союзов 5 марта 1928 года. В журнале помещены статьи П. Бутырина «Киров и дружба народов», К. Шарикова «Ленин и петербургские большевики в годы первой русской революции (1905—1907 гг.)», В. Тарасова «Мурманск в 1917 г.», А. Беркевича «Петроградские продотряды летом 1918 г.». В отделе «Документы и материалы» напечатана хроника «Июльские дни 1917 г.», в которой перечислены события, имевшие место с 14(1) июля по 2 августа (20 июля).

В последних номерах «Военно-исторического журнала» напечатан ряд статей по истории гражданской войны: статья Ф. Яковлева о Котовском (№ 8), И. Премислера «Разгром бандитизма на Украине (1921 г.)» (№ 9), статьи Ф. Новицкого о контрударе по Колчаку в 1919 году, В. Клементьева об освобождении Бухары в 1920 году, О. Городовикова «2-я конная

армия в северной Таврии (1920 г.)» (№ 10). Из работ по истории империалистической войны особый интерес представляет статья А. Кононенко «Германо-польская война 1939 г. (Некоторые оперативные выводы)», помещенная в № 11. В том же номере напечатаны статья В. Андреева «Военная деятельность Энгельса (май—июль 1849 г.)» и впервые переведенные на русский язык статьи Энгельса «Мост военный» и «Орудие», написанные им для «Новой американской энциклопедии» Ч. Дана. В № 11 введен новый отдел — «Из зарубежной печати». В заметке «Десанты прежде и теперь» изложено содержание статьи из германского военно-научного ежемесячника «Wissen und Wehr» («Наука и армия») о четырех наиболее крупных десантных операциях XX века: японском десанте в Маньчжурии во время русско-японской войны, Галлиполиской операции войск Антанты в 1915 году, захвате немцами Дано и Эзель в 1917 году и германском десанте в Норвегии в апреле 1940 года.

В двух номерах (8 и 9) помещены статьи В. Минаева о войсковой и агентурной разведке в древнее время и в эпоху феодализма.

В № 10 журнала «Знамя» помещена вторая часть воспоминаний генерал-майора А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» (первая часть была опубликована в № 9 журнала за 1939 год). Во второй части автор рассказывает о русско-японской войне, во время которой он служил в штабе главнокомандующего Куропаткина. Воспоминания А. А. Игнатьева дают красочную картину состояния русской армии и боевых операций во время маньчжурской кампании. Автор приводит многочисленные факты героизма русских солдат, подвиги которых оставались бесплодными из-за вялости и нерешительности высшего командования, плохой выучки и слабой технической оснащённости войск. В последней главе мемуаров даны живые зарисовки начинавшейся первой русской революции.

В том же номере, в очерке М. Мендельсона «Семья Рузвельтов», дана социальная и политическая характеристика двух американских президентов — Теодора и Франклина Рузвельта — и их окружения.

В № 11—12 помещен очерк Евгения Хозина «Петр Первый на море». В очерке рассказывается о деятельности Петра I по строительству морского флота и о его руководстве военными операциями на Черном и Балтийском морях.

В №№ 8, 9, 10 и 11—12 «Нового мира» опубликована вторая книга романа А. Антоновской «Великий Моурави» — о борьбе за объединение Пруссии и освобождение ее от чужеземного ига Георгии Салкадзе (конец XVI—начало XVII века). Первая книга романа (в двух частях) вышла в Гослитиздате, в серии «Исторические романы».

Повесть С. Голубова «Бекетовка» помещена в № 10 «Молодой гвардии». Глав-

ный герой повести — герой гражданской войны, боевой соратник Сталина и Ворошилова Николай Руднев. В № 12 помещена повесть того же автора «Черниговцы» — о восстании черниговского полка в Тульчине в декабре 1825 года. В № 11 резко раскритикован исторический роман Петрова-Бирюка «Казак», вышедший в Ростове на Дону третьим изданием. Рецензент Ф. Пудалов указывает на ряд грубых несообразностей, допущенных романистом (восстание казачьего кубанского полка в 1905 году приписано донским казакам, хотя в политических настроениях донцов и кубанцев в 1905 году, в силу различия социальных и бытовых условий, была существенная разница; донские казаки представлены трусами, лишенными патриотизма, что является очевидной клеветой, и т. д.).

Исторический роман Аркадия Первенцева «Над Кубанью» напечатан в №№ 8, 9, 10 и 11 журнала «Октябрь». Роман по содержанию примыкает к предыдущему произведению Первенцева — роману «Кочубей», в котором главным действующим лицом является герой гражданской войны кубанский казак-большевик Иван Кочубей. Герой нового романа Первенцева — подросток, красноармеец Миша Карагода.

В статье И. Нусинова «Л. Н. Толстой и родина» («Октябрь» № 11) характеризуется отношение великого русского писателя к вопросам войны и защиты родины. Отстаивая в теории принцип «непротивления злу», Толстой не только в период написания «Войны и мира», но и в последние годы своей жизни прославлял в художественных образах борьбу народа за свою независимость, против чужеземных поработителей («Хаджи Мурат»).

В №№ 10 и 11 журнала «Звезда» (Ленинград) помещены поэма Георгия Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество» в переводе с грузинского Н. Тихонова и первая книга романа-хроники Н. Ингегиша «Георгий Седов». В тех же номерах помещено исследование Г. Блока о Шванвиче — офицере перешедшем к Пугачеву, прототипе Швабрина из «Капитанской дочки» Пушкина.

В № 10—11 «Литературного современника» (Ленинград) опубликован отрывок из подготовленной к печати работы академика Е. Тарле «Крымская война». Отрывок озаглавлен «Посольство Меншикова и разрыв сношений между Россией и Турцией» и посвящен дипломатическим осложнениям между Россией с одной стороны, Англией, Францией и Турцией — с другой, предшествовавшим Крымской войне.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Институт истории Академии наук СССР в 1940 году

Институт истории Академии наук СССР является одним из крупнейших исторических научно-исследовательских учреждений СССР. В коллективе Института работает 6 академиков, 10 членов-корреспондентов, 19 докторов исторических наук. Наряду с ними в Институте работает молодежь, часть которой уже имеет свои научные труды и ученые степени. В Институте работает 34 аспиранта, из них 14 аспирантов — без отрыва от производства. Согласно уставу Академии наук СССР, в Институте готовится 10 докторантов, работающих над докторскими диссертациями.

Штатный состав Института — основа его работы, но им не ограничивается круг научных работников, принимающих участие в работах Института. В качестве соавторов, редакторов, рецензентов, докладчиков, участников научных диспутов и т. д. в Институте истории выступают, помимо его основных работников, работники других родственных институтов Академии

наук СССР, академий и исторических учреждений братских республик, работники вузов и т. д.

Создание широкого актива вокруг основных кадров Института позволило приступить к осуществлению очень сложных и больших работ, требующих участия большого числа различных специалистов-историков. В 1940 году Институт в основном завершил создание учебников по истории для высшей и средней школ. Первые учебники по истории для вузов вышли в 1939 году (учебник по истории СССР, часть 1-я, по истории Греции, по истории средних веков, части 1-я и 2-я, по истории нового времени, части 1-я и 2-я). В 1940 году Институт выпустил учебники по истории СССР, часть 2-я; по истории колониальных и зависимых стран, часть 1-я, и учебники для средней школы (история СССР, древняя история, история средних веков, история нового времени). В истекшем же году Институт подготовил второе, исправленное и дополненное издание всех

ранее вышедших вузовских учебников (кроме учебников по истории древнего мира, второе издание которых будет подготовлено в 1941 году), закончил работу по написанию учебника по истории СССР для неисторических вузов, учебника по истории колониальных и зависимых стран для вузов, часть 2-й, и учебника по истории этих стран для средней школы.

Работа над учебниками очень тесно связана Институт с нашими историческими вузами. В порядке подготовки первых изданий и особенно при обсуждении вышедших учебников и подготовке вторых изданий работники исторических вузов (профессорско-преподавательский состав, а также студенчество) дали ряд очень ценных предложений. Оживленное обсуждение учебников не только в печати (см. рецензии «Правды» и др.), но и на диспутах, организованных в стенах Института исторических вузов Москвы, Ленинграда и др. городов,— яркое свидетельство того внимания, которым научная общественность встретила эту работу Института. Значение ее вышло далеко за пределы учебных пособий для высших учебных заведений. Попытка дать на основе учения классиков марксизма-ленинизма картину развития человеческого общества в древнейших временах до наших дней привлекла к себе внимание самых различных кругов нашей страны — от колхозника до академика. Одним из свидетельств этого является поток писем в адрес Института с запросами, указаниями, просьбой о высылке учебников и т. д.

Одновременно с работой над учебниками Институт вел работу по учебным пособиям для специальных курсов по истории отдельных народов нашего Союза. В 1940 году были закончены очерки по истории башкирского народа, очерки по истории Казахстана (совместно с казахстанским филиалом Академии наук СССР), работа по истории Азербайджана. Сотрудничество Института истории Академии наук с историческими учреждениями отдельных республик нашего Союза (Институт истории Академии наук Украинской ССР, Институт грузинского филиала Академии наук и т. д.) поможет поднять изучение истории отдельных народов Страны советов до того уровня, который требуется указаниями товарищей Сталина, Кирова, Жданова в их замечаниях на конспект учебника по истории СССР.

Работа почти над двумя десятками томов учебников несколько задержала другую большую работу Института: многотомные «Историю СССР» и «Всемирную историю». Работу над многотомной «Историей СССР» Институт ведет уже не первый год. «История СССР» должна показать историческое развитие нашей страны, приведшее к победе социалистической революции и образованию Союза Советских Социалистических Республик. Исходя из указаний «Краткого курса истории ВКП(б)» и работ классиков марксизма-ленинизма, многотомная «История СССР» освещает развитие

производительных сил нашей страны, изменения производственных отношений, классовую борьбу и одновременно с этим исследует историю ее культуры, ее общественных идей. Излагая историю СССР в связи с мировой историей, многотомник особое внимание уделяет истории отдельных народов СССР. Для работы над многотомником использовано не только критически переработанное наследие предшествующей исторической литературы, но и свежие материалы, почерпнутые из архивов.

Все издание рассчитано на 12 томов, из которых I и II посвящены древнейшей истории нашей страны — до образования Киевского государства; III, IV и V томы освещают историю СССР от IX до конца XVIII века; VI и VII томы — историю XIX века; VIII том — историю революции 1905 года, империалистической войны и февральской революции 1917 года, и три тома (IX—XI) — историю СССР со времени Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Последний, XII том будет содержать вспомогательный материал (хронологические таблицы) — результат специальной исследовательской работы. Издание будет снабжено иллюстративным материалом и специально составленными историческими картами. Работа над многотомником по истории СССР ведется под руководством Главной редакционной комиссии, в которую входят: академики А. Я. Вышинский, Б. Д. Греков, Е. М. Ярославский, Ю. В. Готье, В. Л. Комаров, А. Я. Манандян; члены-корреспонденты Академии наук СССР С. В. Бахрушин, И. И. Минц, А. М. Панкратова, В. И. Пичета, А. В. Шестаков и др.

В 1940 году Институт истории Академии наук СССР закончил работу над III и VI томами. В III томе (ответственные редакторы — академик Б. Д. Греков и член-корреспондент С. В. Бахрушин) дана экономическая и политическая история Киевской Руси, распадение ее на уделы, героическая борьба русского народа против иноземных завоевателей (в частности борьба против монголов), процесс объединения раздробленных русских княжеств в централизованное государство и начало превращения его в централизованное многонациональное государство. В VI томе (ответственные редакторы — член-корреспондент А. В. Шестаков и профессор Е. А. Мороховец) освещен процесс разложения феодально-крепостнической системы под влиянием роста капиталистических отношений в стране в первую половину XIX века. В отдельных разделах тома дается история народов СССР, история общественных движений, история культуры.

В IV томе, редактирование которого оканчивается в ближайшее время (ответственные редакторы — академик Б. Д. Греков и член-корреспондент С. В. Бахрушин), освещается история СССР в XVII веке: дальнейшее развитие производительных сил, развитие ремесла и рост городов, образование всероссийского рынка, закрепощение крестьян и обострение клас-

совой борьбы (крестьянские войны), образование русского абсолютизма. Отдельными главами даны история Украины, Белоруссии, Крыма, Кавказа, Средней Азии, Сибири и вновь присоединенных к Советскому союзу народов Эстонии, Латвии и Литвы.

По остальным томам в 1940 году в Институте велась подготовительная работа; два из них (том V—XVIII век и том VII—вторая половина XIX века) близки к окончанию. Одновременно с Институтом истории работу над многотомной «Историей СССР» вел Институт истории материальной культуры Академии наук, который в 1940 году закончил I и II томы истории, освещающие древнейший период истории страны до IX века.

Параллельно Институтом велась в 1940 году работа по одному из самых значительных его научных начинаний — «Всемирной истории». Последнее издание должно на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина дать картину всего исторического процесса развития человеческого общества, охватив историю всех народов и всех времен. Издание рассчитано на 28 томов, делящихся на 4 основные отдела: история древнего мира (6 томов), история средних веков (6 томов), новая история (11 томов) и новейшая история (5 томов). В редакционную комиссию, осуществляющую общее руководство изданием, входят академики А. Я. Вышинский, Е. М. Ярославский, В. П. Волгин, А. М. Деборин, В. Д. Греков, Е. В. Тарле, С. А. Жебелев, В. В. Струве и другие.

В 1940 году Институт истории закончил работу по XIV тому «Всемирной истории» (ответственный редактор — академик В. П. Волгин), охватывающему период мировой истории от конца Семилетней войны до французской буржуазной революции. В этом томе освещаются аграрная революция и промышленный переворот в Англии, американская революция, кризис абсолютистского строя во Франции. Большое внимание уделено истории социальных и политических идей буржуазного «просвещения». В данном томе дана также история неевропейских стран, судьба которых была тесно связана с Европой (колонии). Вместе со сданным ранее XV томом (французская буржуазная революция 1789—1794 годов) том XIV находится в типографском производстве. Окончено написание и редактируется ряд других томов (том II — «Древний Восток»; том III — «Греция классического периода»; том IV — «История эллинизма»; том VII — «Западная Европа до XI века»; том XI — «Европа XVI—XVII веков»; том XXIII — «Первая мировая империалистическая война»).

Выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» и работа Института над многотомной «Историей СССР», «Всемирной историей» и учебниками поставили перед коллективом работников Института, как и вообще перед всеми работниками исторического фронта, ряд важнейших, не решенных до сих пор проблем. Не имел

возможности дать в настоящий момент монографическую разработку этих вопросов. Институт провел пока в предварительном порядке ряд научно-теоретических дискуссий.

Предметами обсуждений на этих дискуссиях в 1940 году были вопросы об абсолютистской монархии, об образовании русского национального государства, об образовании украинской и белорусской народностей, основные вопросы истории древнего Востока, фазы развития советского государства, характер революции 1848 года, предпосылки образования всероссийского рынка и т. д. В порядке предварительного обсуждения отдельных работ на Ученом совете Института, на заседаниях его секторов, на сессии отделения истории и философии сотрудниками Института в 1940 году было сделано более 100 научных докладов. Среди них доклады по ранней истории Западной Украины (академик Греков), по истории Белоруссии (член-корреспондент Пичета), по истории Буковины (профессор Неедлы) и ряд других.

В ближайшее время Институт выносит на обсуждение вопросы периодизации «Всемирной истории» и «Истории СССР», вопрос о варварских государствах и др. Проведенные Институтом теоретические дискуссии и научные доклады позволили Институту в той или иной степени разрешить задачу создания отдельных томов многотомников, учебников и в то же время послужили толчком к дальнейшей, более углубленной разработке указанных проблем. Отдельные доклады, заслушанные на этих дискуссиях, уже сданы в печать в виде статей в органы периодической печати Института, другие послужили началом монографических работ.

В создании многотомных «Истории СССР» и «Всемирной истории», а также в дискуссиях, развернувшихся в связи с ними, помимо членов коллектива самого Института, широкое участие приняли работники московских и ленинградских институтов Академии наук, работники филиалов Академии наук и историки городов Тбилиси, Харькова, Одессы, Горького, Мипска и других.

Помимо больших коллективных работ, охарактеризованных выше, Институт истории в 1940 году подготовил к печати ряд сборников, монографий и публикаций. Из них важнейшие. Сборник по истории Византии и Сборник по истории славян. Оба сборника включают в себя статьи сотрудников недавно созданных в Институте сектора славяноведения и группы византиноведения. Сектор истории СССР XIX и начала XX века подготовил сборник «Революция 1905 г. в национальных районах». Ведутся также работы по составлению сборников по истории Западной Украины, Эстонии, Литвы, Латвии, Молдавии. В 1940 году вышел в свет I том монументальной публикации «Правда Русская», содержащий тексты этого исключительного памятника по истории СССР эпохи Киевского государства. Данное издание является наиболее полным по количеству использован-

ных для него списков. В печати находится II том, в котором даются снимки важнейших списков. Этот том дает возможность исследователю производить и палеографический анализ памятника, списки которого хранятся в различных хранилищах Москвы и Ленинграда и не всегда доступны ученому. Подготовлен также III том, содержащий примечания и комментарий к памятнику. Публикацией «Русской Правды» Институт начал серию академических изданий важнейших памятников истории СССР.

В настоящее время Институт приступает к подготовке по этому же типу изданий «Новости временных лет» и Судебников. В 1940 году подготовлены также публикации и по отдельным вопросам: документы по истории крестьянских движений XIX века, материалы по истории Казахской ССР, «Царизм и буржуазные революции» и др. По линии отдельных монографий в 1940 году велись работы по истории крымской кампании (академик Е. В. Тарле), истории Казанского царства (доктор исторических наук М. Н. Тихомиров), истории пролетариата в России (член-корреспондент А. М. Панкратова) и др.

Печатная продукция Института истории за 1940 год состоит из 20 томов периодических изданий («Историк-марксист», «Исторические записки», «Исторический архив», «Новгородские сборники», «Вестник древней истории»); из 7 учебников по истории для высшей и средней школы; из 6 монографий, трех публикаций и одного сборника. Среди последних работы академика В. П. Волгина—«Социальные и политические идеи во Франции перед революцией» (1748—1789 годы), профессора С. В. Юшкова—«Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», профессора С. И. Архангельского—«Аграрное законодательство английской революции 1649—1660 гг.»; работы А. Н. Насонова—«Монголы и Русь» и др. Из публикации исторических материалов Институт в 1940 году выпущены: «Правда Русская», том I, «Правда Русская» (учебное издание), материалы по истории Казахской ССР, том IV (преимущественно материалы по истории Малой Орды с 80-х годов XVIII столетия по 20-е годы XIX столетия). Кроме того напечатан II том сборника «Против исторической концепции М. Н. Покровского».

Довольно широко развернулась в 1940 году деятельность Ученого совета Института истории Академии наук по рассмотрению диссертаций, представленных на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук. Ученый совет рассмотрел 19 диссертаций, из них 7 диссертаций—на соискание степени доктора исторических наук. За присуждение степени доктора исторических наук Ученый

совет Института высказался по работам: тт. А. И. Андреева—«Очерки по источниковедению Сибири XVII—XVIII вв.», Н. Д. Полонской-Василенко—«Очерки по истории заселения Южной Украины в середине XVIII века», Ш. К. Чхетия—«Тбилиси в XIX столетии», С. Я. Борового—«Очерки по истории евреев на Украине в XVII—XVIII вв.», Н. С. Волкова—«Возникновение и первые этапы развития советской авиации», М. В. Левченко—«История Византии» и Е. М. Жукова—«История японской военицины».

Степень кандидата исторических наук Ученый совет Института присудил: И. С. Юзюфовичу («Возникновение Коммунистического Интернационала»), В. И. Шункову («Очерки по истории крестьян Западной Сибири в XVII—XVIII вв.»), С. Д. Кунискому («Отклики Парижской Коммуны в России»), Г. Н. Ильинскому («Иранская революция 1905—1911 гг.»), О. А. Старосельской («Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции конца XVIII в.»), И. С. Брагинскому («Народные движения в Бухарском ханстве после царского завоевания до революции 1917 г.»), А. Ф. Остальцевой («Англо-бурская война и ее влияние на внешнюю политику Англии»), Е. Г. Борраменскому («Революция в Иране 1905—1911 гг. и большевики Закавказья»), П. К. Алефиренко («Отношение правительства Екатерины II к французской революции XVIII в.»), А. В. Гиршфельду («Версаль») и С. И. Ленчнер («Ноябрьская революция 1918 г. в Германии»). Среди диссертантов были ученые Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Одессы, Киева, Иркутска и других городов СССР.

Коллектив Института в Москве ведет значительную работу по установлению научных связей с научными работниками других городов. Помимо привлечения отдельных работников и коллективов к большим работам Институт в 1940 году организовал ряд выездов работников Института на места, где ими были сделаны научные доклады. Работники Института выезжали в Тбилиси, Баку, Ереван, Алма-Ату, Минск, Новгород и другие города. С докладами выезжали: академик Б. Д. Греков («Некоторые вопросы периодизации истории СССР»), академик В. П. Волгин («Социалистическая собственность в истории социализма и в Сталинской Конституции») и др.

Институт подготовил также в 1940 году ряд научно-популярных исторических брошюр («Георг Вашингтон», «Сун Ят-сен» и др.). Кроме того сотрудниками Института было прочитано для самых различных слоев советской общественности значительное количество лекций.

В. ШУНКОВ

ПИСАТЕЛЬ-БОЛЬШЕВИК

Д. А. ФУРМАНОВ

(март 1926 года)

15 марта 1926 года умер замечательный писатель-большевик Дмитрий Андреевич Фурманов.

Он родился 25 октября (7 ноября) 1891 года в семье крестьянина села Середка, Середской волости, Костромской губернии. В своей автобиографии он пишет: «Учение: городское 6-классное в Иваново-Вознесенске, там же торговая школа, потом на Волге, в Кинешме за три года окончил 5, 6, 7 классы реального. Затем Московский университет. Закончил по филологическому факультету в 1915 г., но не успел сдать государственные экзамены — братом милосердия с поездами и летучками Земсоюза гоним на турецкий фронт по Кавказу, к Персии, в Сибирь, на западный фронт под Двинск, на юго-западный на Сарны-Чарторийск...»

Перед революцией, возвратившись в Иваново-Вознесенск, Д. А. Фурманов стал преподавать на рабочих курсах. Он глубоко изучал окружающую его жизнь и с восторгом встретил революцию 1917 года; Д. А. стал работать в Совете рабочих депутатов. Вскоре он вступил в большевистскую партию и познакомился с М. В. Фрунзе, который оказал решающее влияние на идейное его воспитание.

Замечательны слова из дневника Фурманова, относящиеся к периоду вступления его в ряды партии Ленина — Сталина (июль 1918 г.):

«Теперь прибило к мраморному могучему берегу — скале. На нем построю я свою твердыню — убеждение. Только теперь начинается моя сознательная работа, — работа определенно классовая, твердая, уверенная, нещадная борьба с классовым врагом».

Фурманов уезжает на фронт и получает назначение в 25-ю Чапаевскую дивизию. В исключительно ярком, талантливом произведении «Чапаев» писатель отразил этот период своей жизни и жизни легендарного комдива.

После самоотверженной работы в Чапаевской дивизии в качестве военного комиссара Фурманов выполнял важнейшие задания М. В. Фрунзе: был начальником Политуправления туркфронта, уполномоченным Реввоенсовета по Семиречью, проявил большевистскую непреклонность и героизм во время мятежа, описанного им в замечательном романе «Мятеж».

С 1921 года Д. А. Фурманов, приехав в Москву, получил возможность всерьез заняться литературным трудом и приступил к обработке своих записей. Замечательные свои произведения «Чапаев», «Мятеж» и другие он считал только подготовительной работой.

Советский народ высоко чтит память одного из самых любимых своих писателей-большевиков.

ЛИТЕРАТУРА: А. Фурманов «Дмитрий Фурманов», боец, писатель, большевик. Госполитиздат. 1938; М. Серебрянский «Дмитрий Фурманов». Госполитиздат. 1936.

РАССТРЕЛ ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

(март 1906 года)

6 (19) марта 1906 года царским правительством были расстреляны лейтенант Петр Петрович Шмидт и матросы Сергей Частник, Александр Гладков, Никита Антоненко — участники ноябрьского восстания 1905 года в Черноморском флоте.

Руководитель этого восстания лейтенант Шмидт, сын контр-адмирала, находился в то время на военной службе в Черноморском флоте. Человек, страстно преданный своему народу и революции, он несмотря на путаные политические взгляды своим революционным энтузиазмом и пламенными речами, направленными против самодержавия, завоевал широкие симпатии среди матросов. Популярность Шмидта особенно возросла после его выступления в Севастополе в октябрьские дни на похоронах расстрелянных царскими войсками участников мирной демонстрации. После этой речи он был арестован. Арест Шмидта глубоко взволновал самые широкие массы населения Севастополя. На митинге рабочие избрали его своим «пожизненным депутатом». Власти, опасаясь выступления масс, вынуждены были вскоре его освободить.

Под влиянием прандиозного политического стачечного движения в городах России в начале ноября в Черноморском флоте вспыхнуло восстание матросов.

Несколько кораблей подняло красный флаг. К революционным матросам присоединились саперы. Крейсер «Очаков», на достройке которого работали петербургские и сормозские рабочие, сделался штабом восстания. Команда «Очакова» 12 ноября шпротнала с корабля всех офицеров и выбрала баталера Частника командиром, матроса Гладкова — старшим механиком крейсера и матроса Антоненко — старшим артиллеристом.

Нуждаясь в опытном военном руководителе, восставшие обратились к лейтенанту Шмидту с просьбой возглавить восстание. Шмидт согласился и принял командование «Очаковым». К восставшим присоединился еще ряд кораблей Черноморского флота.

Но силы были неравны. Артиллерия, оставшаяся в руках властей, открыла ураганный огонь по крейсеру «Очаков» и подожгла его. Матросы с горящего корабля были вынуждены спасаться вплавь, но их

расстреливали с берега. Последним в воду бросился Шмидт. Он был арестован.

8 февраля 1906 года участников восстания судили и царский суд приговорил их к смертной казни. На суде они держали себя героически. В своей речи на суде Шмидт сказал:

«...Покади, за спиной у меня, останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию. Великая радость и счастье наполняют мне душу, и я являю смерть».

Майбрьское восстание 1905 года в Черноморском флоте было подавлено, так как восставшие не имели большевистской организации, меньшевики же, засевшие в Севастопольской организации РСДРП и в

Совете депутатов, были против вооруженного восстания и предательски тормозили подготовку к нему. Способствовала неудаче восстания и беспечность восставших, оставивших в руках врагов склады с оружием и боеприпасами.

Но восстание это не прошло бесследно. Оно было одним из вооруженных выступлений в армии и флоте, которые заложили основу революционной организации в царской армии и подготовили победу русской революции под руководством партии Ленина—Сталина в 1917 году.

ЛИТЕРАТУРА: И. П. Вороницын «Лейтенант Шмидт». М.-Л. Госиздат. 1925; Н. Гуглина «Лейтенант Шмидт». М. Изд. «Новая Москва». 1926; Б. Зюбаров «Лейтенант Шмидт». М. «Воениздат». 1939; Сборник «Шмидт И. П.» (Письма, воспоминания, документы). М. 1922.

ПОПРАВКА

В статье М. Москалева «Фридрих Энгельс и группа «Освобождение труда» в № 2 за 1941 год (стр. 30, правая колонка, 4-й и 5-й абзацы) неточно изложена история появления статьи В. И. Ленина «Фридрих Энгельс».

Это место следует читать так:

«Энгельс умер 5 августа (нового стиля) 1895 года. В сентябре 1895 года Ленин возвратился из-за границы в Петербург и возглавил центральную организацию социал-демократов. Для № 1 «Рабочего дела» — органа петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — Ленин написал статью, посвященную памяти Энгельса. Но когда в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года были арестованы Ленин и его соратники по «Союзу борьбы», был конфискован и подготовленный к печати № 1 «Рабочего дела».

Статья Ленина «Фридрих Энгельс» была направлена за границу и опубликована без подписи автора в № 1—2 плекановского сборника «Рабочий», вышедшем весной 1896 года.

Содержание

К выпуску нового, четвертого издания Сочинений В. И. Ленина	1
Передовая — «Яркая вежа в истории ВКП(б)»	5
Н. РУБИНШТЕЙН — Значение работ Ленина и Сталина в развитии русской исторической науки	11
В. ПЕНТКОВСКАЯ — Доклад товарища Сталина на X съезде РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»	25
Е. ЧЕРМЕНСКИЙ — Кадеты накануне февральской буржуазно-демократической революции 1917 года	35
В. ДОВЖЕНОК — Крестьянское восстание 1846 года в Галиции	46
Б. ВОЛЬФСОН — Присоединение Крыма к России в 1783 году	56
Н. ФИОЛЕТОВ — Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией	68
В. ВАСИЛЬЕВА — Из истории Индо-Китая	80
М. КОСВЕН — Древнее Перу	91

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

А. ФОХТ — Методы работы с учебником по истории СССР для 10-го класса	100
А. РОДИН — Знаешь ли ты родную Москву?	105
Е. КАГАРОВ — Графические иллюстрации в преподавании истории древнего мира	111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. ПЕВЗНЕР — Ценный труд по истории Парижской коммуны	114
О. ВЕЙЛАНД — Хроника революционного рабочего движения в Петербурге	121
Е. Ч. — Профессор А. Пашкратова «Первая русская революция 1905—1907 годов»	129
Л. ЧЕРЕПНИН — «Правда Русская. Учебное пособие»	131
А. БЕРГЕР — Об «Истории Византии» М. В. Левченко	138
Новинки исторической литературы	146
По страницам журналов	152

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

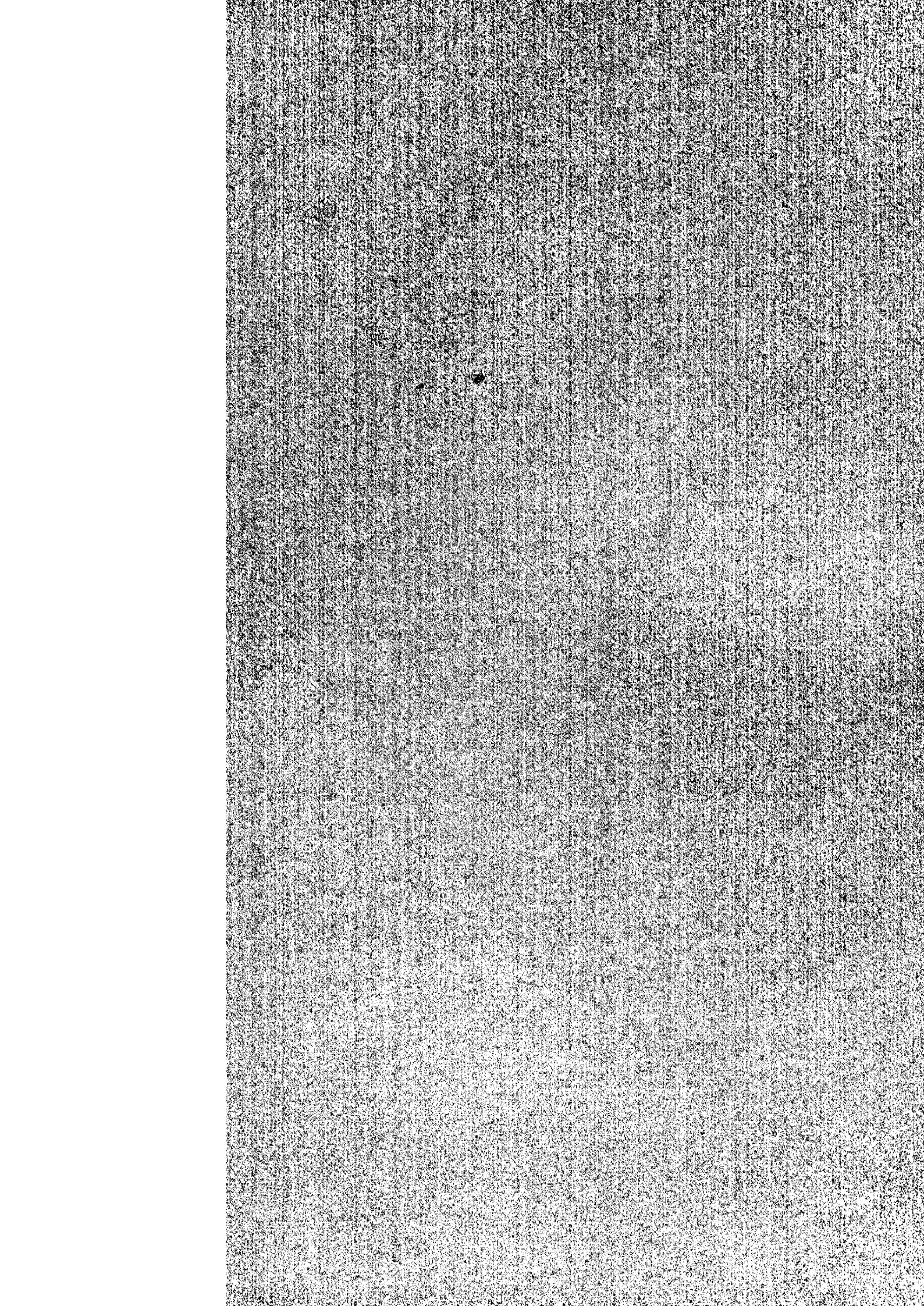
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Адрес редакции: ул. «Правды», 24, комната 809, тел. Д 3-30-48,
Д 3-36-50.

Ответственный редактор — Б. М. ВОЛИН
Зам. редактора — С. И. Голнер
Отв. секретарь — О. С. Вейланд

А 37228. Изд. № 323. Зак. 440. Тираж 50 000
Подписано к печ. 26/III—1941 г. 10 печ. л. 70 800 экз. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24

Ежемесячный научно-популярный
и иллюстрированный

Исторический ЖУРНАЛ

Исторический ЖУРНАЛ

ведет пропаганду исторических знаний; освещает вопросы истории СССР, всемирной истории (древней, средневековой, новой и новейшей), уделяет особое внимание истории ВКП(б), освещает историю международного революционного движения, вопросы истории мировой культуры и исторической науки, отводит особое место вопросам критики и библиографии исторической литературы, ведет работу по общению опыта преподавания истории в школе, информирует о работе исторических учреждений и дает на страницах журнала консультации по вопросам, поставленным читателями.

Исторический ЖУРНАЛ

освещает все эти вопросы на основе учения марксизма-ленинизма — диалектического и исторического материализма — на основе положений «Краткого курса истории ВКП(б)», имевших товарища Сталина, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам изучения и преподавания истории.

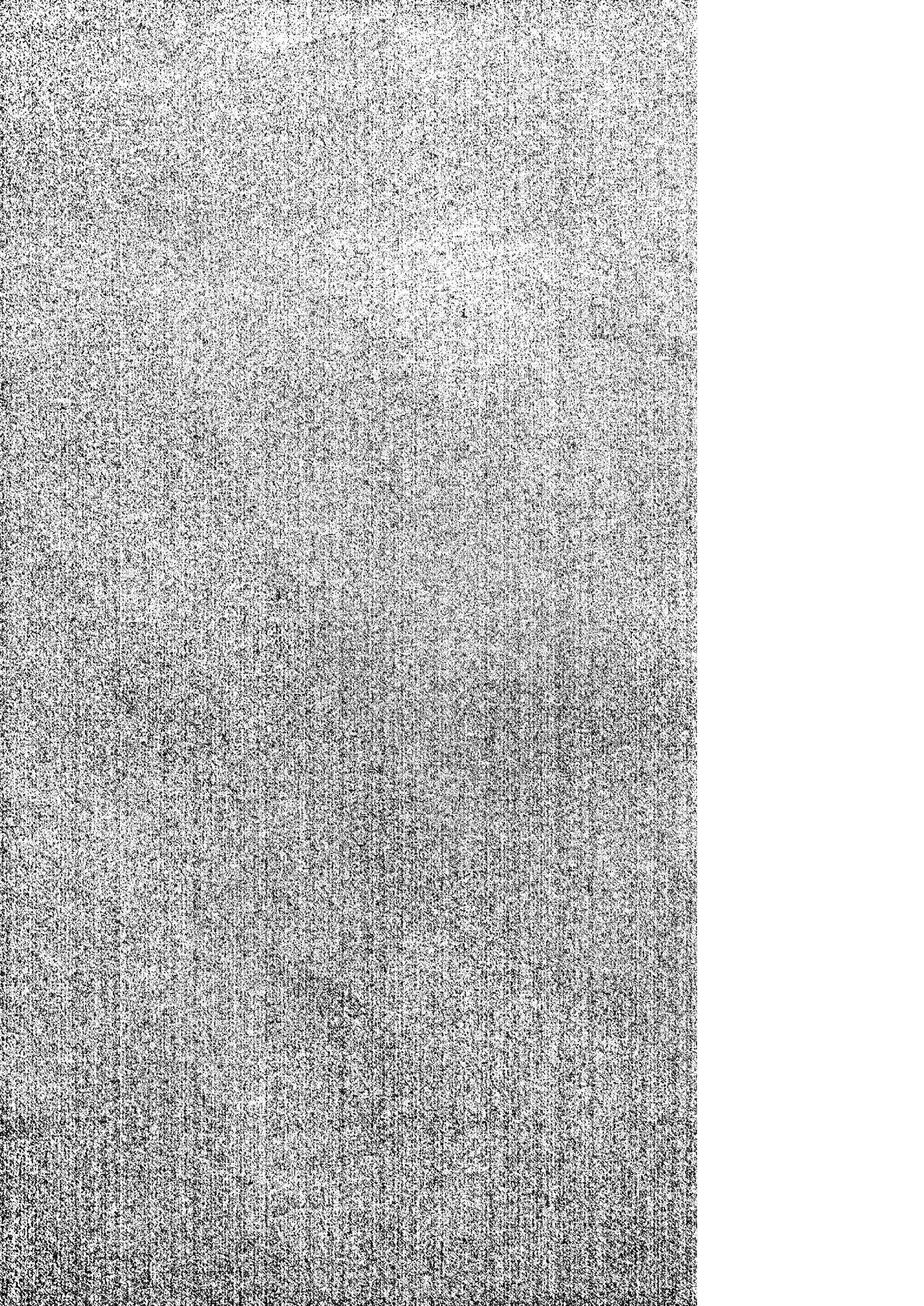
Исторический ЖУРНАЛ

рассчитан на советскую интеллигенцию, особенно на преподавателей истории, пропагандистов, публицистов и советских студентов.

Исторический Журнал

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1941

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 4

Апрель 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О работе В. И. Ленина «О продовольственном налоге»

(1921—1941)

Работа Ленина «О продовольственном налоге» имеет подзаголовок: «Значение новой политики и ее условия». В этой работе вопрос идет именно о политике, и притом о политике новой, о нэпе. Эта политика требовала «решительной перемены, гибкости, умелого перехода», — как говорил Владимир Ильич в докладе о натуральном налоге 15 марта 1921 года на X съезде РКП(б).

В этот период Ленин многократно оставался на том, что такое политика. Политика есть отношение между классами, отмечал Ленин на X съезде партии. А через полтора месяца во II варианте плана-конспекта брошюры «О продовольственном налоге» Ленин ставит вопрос «Quid est «politica»?» («Что такое «политика»?») и, развивая положение о том, что политика есть отношение между классами, записывая: «(1) авангард пролетариата к его классу. (2) пролетариат к крестьянству. (3) пролетариат (и крестьянство) к буржуазии»¹. Эти ленинские указания дают верный ключ к пониманию того значения, какое имел переход нашей партии к нэпу.

1

Что же означал нэп, введенный по предложению Ленина в марте 1921 года на X съезде партии? В какой обстановке эта мудрая политика партии Ленина — Сталина была установлена?

Это был крайне трудный, переломный период в истории молодой Советской республики. Только что победоносно для диктатуры пролетариата кончилась гражданская война. Иностранцы интервенты и русские белогвардейцы были разбиты наголову. Надо было перейти к мирному хозяйственному строительству социализма.

Предстояла труднейшая задача — залечить раны, нанесенные войной империалистической и гражданской. А раны, нанесенные врагом всему народному хозяйству — промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, — были исключительно глубоки. «...только по окончании войны, — говорил Ленин, открывая X съезд большевиков, — мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран. Но мы не можем перейти целиком даже к излечению этих ран»².

Разорение страны в итоге четырехлетней империалистической войны и трехлетней войны с интервентами было действительно велико. Разрушенные фабрики и заводы, взорванные мосты, искалеченный транспорт, заброшенные поля настойчиво требовали восстановления, творческого, производительного труда.

Производство государственной промышленности равнялась только 18% довоенной, а кто не знает, как нищенски мала была промышленность в царской России! Посевная площадь составляла $\frac{3}{5}$ довоенной площади посевов, а вся продукция сель-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 314.² Там же, стр. 204.

ского хозяйства в 1920 году составляла только половину довоенной. Не хватало для фабрик топлива. В стране был острый недостаток в самом необходимом.

Исключительно велики были страдания героического пролетариата. В феврале 1933 года товарищ Сталин, обращаясь к колхозникам на I всесоюзном съезде колхозников-ударников, напомнил им, чего стоили победы социализма рабочим Ленинграда, Москвы, Донбасса, Харькова, что пережили они, чтобы добиться этих успехов. «Я мог бы вам рассказать, — говорил тогда товарищ Сталин, — некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года»¹. Сильно страдало тогда и крестьянство.

Разработанный весной 1918 года Ленинским планом приступ к социалистическому строительству, изложенный им в статьях «Главная задача наших дней», «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» и особенно в работе «Очередные задачи Советской власти», был сорван гражданской войной и интервенцией. Война с абсолютной необходимостью заставила перейти к продовольственной разверстке — продразверстке. Это и было началом периода военного коммунизма.

Что же собой представляла та система мероприятий военного периода, которая известна в истории нашей страны под названием политики военного коммунизма, теснейшим образом связанной с продразверткой?

В соответствии с решающей исторической задачей организации отечественной войны, военного разгрома интервентов и внутренней контрреволюции, партия построила и всю хозяйственно-экономическую политику советской власти.

Вся страна была превращена в военный лагерь.

Вся крупная, средняя и мелкая промышленность была поставлена под контроль советских органов. Была объявлена монополия хлебной торговли. Частная торговля хлебом была запрещена. Была установлена продразверстка: все излишки хлеба у крестьян были взяты на учет и изымались для нужд Красной Армии и рабочих; оставались небольшие фонды только для посева и минимум для личного по-

требления. Была введена всеобщая трудовая повинность для всех классов.

Военный коммунизм был попыткой взять крепость капиталистических элементов прямым штурмом, открытой, лобовой атакой. Политика военного коммунизма была решительно необходима, иного выхода в то время не было и быть не могло. Без продразверстки, без политики военного коммунизма победа в гражданской войне была бы невозможна. «...конечно, — говорил Ленин, — будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть»².

Крестьянство, получив из рук советской власти всю помещичью землю (150 миллионов гектаров бывших помещичьих, казенных и монастырских земель) и от Красной Армии защиту от наседавшего помещика, шло на продразверстку, мирилось с военным коммунизмом, со всеми нехватками и недостатками. В огне гражданской войны был создан и закреплён военно-политический союз рабочего класса и крестьянства. Когда же громы войны отгремели, а последний царский генерал — Врангель — был разбит и сброшен со своей армией в Черное море, измученные войной и голодом люди, возвратившись с фронтов домой, стали настойчиво добиваться немедленного улучшения положения.

Вся система военного коммунизма привела в столкновение с интересами крестьянства. Да и рабочий класс она сильно задевала. В гражданской войне рабочий класс самоотверженно вынес на себе все ее главные тяготы. Вследствие приостановки и нерегулярной работы фабрик и заводов часть рабочих уходила в деревню, занимались кустарными промыслами (изготавливали зажигалки); по существу, они переставали быть рабочими, деклассировались, теряли свой рабочий облик. Стала ослабевать классовая база диктатуры пролетариата. На почве голода и лишений начало проявляться недовольство и в части рабочего класса.

В стране нарастал общий кризис, хозяйственный и политический.

Основа, на которой держался военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, оказывалась явно недостаточной. Необходимо было создать новую хозяйственную основу этого союза. «Теперь, когда война кончена, и земле не угрожает больше опасности, — писал в 1921 году

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 414—415. 11-е изд.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 207.

товарищ Сталин, — старая форма союза уже недостаточна. Нужна другая форма союза. Теперь дело идет уже не о том, чтобы сохранить земли за крестьянином, а о том, чтобы обеспечить крестьянину право свободного распоряжения продуктами этой земли»¹.

Надо было укрепить рабочий класс, надо было отступить на время ближе к своему тылу, сойтись с широкой массой крестьянства, подтянуть резервы, усилить пролетарскую диктатуру и перейти от военного штурма капитализма к более длительной осаде его крепости, чтобы, накопив силы, вновь начать решительное наступление.

В связи со всем этим партия приступила к выработке новой установки по всем вопросам хозяйственной жизни страны. Такой новой установкой и явился решительный поворот от политики военного коммунизма к «новой» (а по существу, к старой политике, которая была разработана Лениным и которую партия начала проводить еще в 1918 году) экономической политике, к нэпу.

Обосновывая необходимость новой экономической политики, Ленин исходил из того, что самое важное — это найти формы сотрудничества с мелкими земледельцами, ибо пока остается мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство, оно не может жить без обеспечения за ним рынка, свободной торговли. «Мелкий земледелец, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побуждатель, соответствующий его экономической базе, т. е. мелкому отдельному хозяйству»².

Вот почему Ленин прежде всего остановился на необходимости немедленной замены продразверстки продовольственным налогом — продналогом. Свои предложения по этому вопросу он сделал еще за месяц до кронштадтского мятежа, показавшего серьезное колебание мелкобуржуазной стихии и прежде всего стихии крестьянской.

2

В начале февраля 1921 года Ленин наметил следующий «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян»:

1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле [о т о б р а н и я] изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога с [размерами] стара-

тельностью [х о з я и н] земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного [з а в е р ш е н в ы п о л н е н и я] внесения налога»³.

Эти тезисы были написаны для комиссии, которая была образована в тот же день на заседании Политбюро ЦК партии, когда обсуждался вопрос «О по с е в н о й к а м п а н и и и п о л о ж е н и и к р е с т ь я н с т в а». Они легли в основу проекта постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом.

В планах доклада о натуральном налоге X съезду РКП(б) Ленин набрасывает следующие мысли, бросающие яркий свет на сущность поворота:

«— — — в политике: >* сплоч[енно]сти (и д[и]ц[ипли]ны) вну[три] п[ар]тии, больше б[о]льш[е] с м[е]ньш[ев]и[к]ами и с[о]циалистами-р[е]волюционерами.

— — — в эк[о]номи[ке]: удовл[ет]во[р]ить возможно больше сре[д]нее[й] кр[е]стьян[с]т[в]о...

...Индивиду[альный] тов[аро]-обмен? Да! Усилим пр[ои]з[вод]ство, двинем оборот, дадим передышку, усилим м[е]л[к]ую б[у]рж[у]аз[ию], но гораздо больше укрепим кр[у]пное пр[ои]з[вод]ство и прол[ет]ариат...

... С т и м у л м е л к о м у пр[ои]з[вод]ите-лю: двинь пр[ои]з[вод]ство. Важнее всего»⁴.

В этих немногих словах Лениным дана исчерпывающая программа новой политики партии и правительства.

По предложению и по докладу Ленина на X съезде партии и было принято постановление «О замене разверстки натуральным налогом». Вот как формулировал партийный съезд первый пункт этого исторического мероприятия: «1) Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом»⁵.

По решению съезда было установлено,

³ Ленинский сборник XX, стр. 57—58.

* Знак > означает больше.

⁴ Ленинский сборник XX, стр. 43, 44.

⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов...» Ч. 1-я, стр. 388.

¹ «Правда» № 286 за 1921 год.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 241.

что правительство должно определить налог в размерах меньших, чем продрозверстка; общее расписание налога должно быть опубликовано до начала весенних работ; все запасы, остающиеся в хозяйстве после внесения налога, поступают в полное распоряжение крестьянина, который может ими торговать по своему усмотрению.

В осуществление этого решения X съезда партии 21 апреля 1921 года был издан декрет о продрозлоге, по которому продовольственный налог на 1921—1922 хозяйственный год был установлен почти втрое меньший, то есть 240 миллионов пудов зерна вместо 423 миллионов, которые должны были быть получены по продрозверстке в 1920—1921 годах.

В дополнение к этому декрету 24 мая 1921 года был издан новый декрет, по которому устанавливалось, что право обмена, покупки и сбыта распространяется также и на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности. В начале апреля 1921 года был опубликован декрет о потребительской кооперации. Декрет отменял все прежние ограничения, разрешил и обязал производить заготовки сельскохозяйственных продуктов и требовал от кооперации налаживания нормальной торговли между городом и деревней. 30 июня 1921 года были отменены ограничения денежного обращения, а 12 октября 1921 года был организован Госбанк и установлен червонец как твердый денежный знак Советской страны.

Таким образом, введением продрозлога было положено твердое начало свободы товарооборота, свободы торговли.

Введение продрозлога означало поощрение личной заинтересованности земледельца — крестьянина, — подъем его хозяйства, увеличение производства хлеба, столь необходимого для страны и прежде всего для промышленных рабочих. А это было самое важное, самое существенное.

Допущение известной свободы товарооборота не могло не породить, как предугадывал Ленин на X съезде партии, известное оживление капитализма (появление капиталистических элементов, мелких частных торговцев, оживление мелкой частной промышленности). Однако при условии сохранения советской власти, укрепления пролетарской диктатуры и удержания в ее руках командных высот — земли, промышленности, железнодорожного и водного транспорта, банков — были все возможности государственного регулирования товарооборота. Поэтому оживление капиталистических элементов было нестранным пролетарскому государству. Тем более что, получив известное количество товаров, кото-

рыми она могла бы широко распоряжаться, советская власть укрепляла не только политическую, но также и экономическую власть пролетариата.

Конечно, нэп допускал оживление капиталистических элементов, но самое это допущение было рассчитано на борьбу социалистических элементов с капиталистическими. При этом советская власть не проводила политики невмешательства, а, наоборот, всей силой пролетарской диктатуры поддерживала социалистические элементы в их борьбе с капиталистическими, добиваясь скорейшего вытеснения капиталистических элементов, их окончательной ликвидации. Вся новая политика была направлена на построение фундамента социалистической экономики, на победу социализма.

В плане речи на IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 года) Ленин ставил вопрос «В чем план или идея или суть нэпа?», отвечал:

«а) сохранение земли в руках государства,

б) тоже все командные высоты в области средств производства (транспорт и т. д.)

в) свобода торговли в области мелкого производства.

д) государственный капитализм в смысле привлечения частного капитала (и концессии и смешанные общества)¹.

Введение свободной торговли хотя и являлось уступкой крестьянству («В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли»², — говорил Ленин), но оно было такого рода уступкой, что улучшало взаимоотношения пролетариата с крестьянством, укрепляло их союз и смычку между ними, усиливало рабочий класс, делало более устойчивой его руководящую в этом союзе роль.

А между тем троцкисты, правые и другие враги партии выступили с напатками на Ленина, на партию, на советскую власть, демагогически, преступно пытаясь представить нэп как уступку капитализму, как новый «Брест», а на деле стремились расширить нэп до полной реставрации капитализма, превратить его в полную капитуляцию перед капитализмом.

Ленин в борьбе на два фронта неустанно разъяснял истинный характер нэпа.

В своем докладе на X съезде партии Ленин подчеркнул громадное значение правильных экономических отношений с

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 388.

² Там же, стр. 391.

основной массой крестьянства для подема сельского хозяйства и решающее значение этого подема для восстановления государственной промышленности. Ленин осветил перспективу создания экономической основы социализма — мощной социалистической индустрии — и перехода затем в решительное социалистическое наступление для окончательного уничтожения остатков капитализма в стране.

Разоблачая контрреволюционный троцкизм, отстаивая ленинскую политику непа как единственно правильную, товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) (1925 год) говорил: «Знал ли Ленин, что неп будет использован на первых порах прежде всего капиталистами, купцами, кулаками? Конечно, знал. Но говорил ли Ленин, что, вводя неп, мы делаем уступки спекулянтам и капиталистическим элементам, а не крестьянству? Нет, не говорил и не мог этого сказать. Наоборот, он всегда утверждал, что, допуская торговлю и капитализм и меняя политику в направлении непа, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных условиях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма, ибо смычку мы не можем наладить теперь иначе, как через торговлю, ибо мы только таким образом можем укрепить смычку и построить фундамент социалистической экономики»¹.

3

Переход к новой экономической политике, от продрозверстки к продналогу, являлся временным отступлением. Говоря о характере отступления, надо иметь в виду сущность непа, сложную его природу.

Троцкисты и другие враги партии демагогически характеризовали неп только как отступление. А в действительности неп был кратковременным отступлением, задачей которого была подготовка к решительному и победоносному наступлению. Известно, что через год после введения непа, на XI съезде РКП(б), Владимир Ильич заявил, что «отступление кончено», и выдвинул очередной лозунг перегруппировки сил и подготовки наступления на частнохозяйственный капитал. А в том же году, после XI съезда РКП(б), в ноябре 1922 года, на пленуме Московского совета Ленин, разъясняя смысл непа, подчеркнул, что отступление было совершено затем, чтобы «потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед». Тогда же он произнес свои вехные

¹ И. Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 230—231. Партиздат. 1937.

В. И. Ленин. 1921 год.
С рисунка худ. Васильева.

слова о том, что из России неповской будет Россия социалистическая.

Разоблачая антипартийную «новую» оппозицию, товарищ Сталин в 1926 году в своей работе «К вопросам ленинизма» напомнил, что неп только начался отступлением, а затем перешел в успешное наступление социализма на капиталистические элементы. При этом товарищ Сталин, раскрывая сложную природу непа, отмечал, что на путях непа происходит двухсторонний процесс — процесс развития капитализма и процесс развития социализма, что самый процесс этот крайне противоречив и заключается в борьбе элементов социалистических с элементами капиталистическими, в преодолении элементов капиталистических элементами социалистическими.

Товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) дал следующую классически точную характеристику непа, в которой он показал весь диалектический процесс непа, начиная с допущения капиталистических элементов и кончая построением фундамента социалистической экономики: «Неп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уни-

чтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹.

Это гениальное сталинское определение нэпа, основанное на уже накопившемся новом опыте социалистического строительства, показывает как самую природу нэпа, так и характер временного отступления, предпринятого в начале нэпа, чего не могли и не хотели понять оппозиционеры всех оттенков, будучи плохими марксистами и крутыми невеждами в вопросах большевистской политики.

Отступления бывают разные, учит марксизм-ленинизм. Бывают моменты, когда партия, как и армия, вынуждена отступить потому, что она потерпела поражение. Так например было после поражения революции 1905—1907 годов. Тогда большевистская партия отступила для того, чтобы сохранить себя, сохранить свои кадры, собраться с силами и, перестроившись применительно к новой обстановке, вновь пойти в наступление на врага. Но не такого рода отступление имел в виду и предлагал Владимир Ильич при введении нэпа. Партия и советская власть не только не потерпели ни от кого поражения в гражданской войне, а как раз наоборот: сами нанесли жесточайшее поражение всем многочисленным и опаснейшим врагам социализма.

Какого же рода отступлением было введение нэпа?

«...бывают и такие моменты.—говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— когда победоносная партия или армия в своем наступлении забегает слишком далеко вперед, не обеспечив себе тыловой базы. Это создает серьезную опасность. В таких случаях опытная партия или армия находит обычно нужным, чтобы не оторваться от своей базы,—несколько отступить назад, поближе к своему тылу, чтобы связаться покрепче со своей тыловой базой, обеспечить себя всем необходимым и потом вновь пойти в наступление более уверенно, с гарантией на успех. Именно такого рода временное отступление и проводил Ленин при нэпе»².

Ленин на VII московской губпартконференции в конце октября 1921 года, говоря о соотношении разных систем и приемов политики в революции, разъяснял, что политика нэпа явилась политикой длительного обходного движения, медленной осады крепости. В этом была разница между прежней экономической политикой лобовой атаки на капитал в 1918—1919—1920 годах и той новой экономической политикой, которая была принята на

X съезде РКП(б) и стала осуществляться с весны 1921 года.

4

В своей гениальной работе «О продовольственном палате» Ленин разъясняет основные вопросы новой экономической политики.

Вопрос о продпалате, как основной вопрос новой экономической политики, несмотря на четкое решение X съезда нуждался в дальнейшем теоретическом обосновании, которое вооружило бы партию в борьбе против извращений нэпа и в борьбе против разномыслиющей оппозиции «слева» и справа, отражавшей острую классовую борьбу в стране и колебания всех неустойчивых элементов в партии.

Отметив, что обсуждение этого вопроса «носит характер несколько сутолочный», Ленин во вводной части говорит, что к вопросу о продпалате, одному из главных вопросов политики в тогдашних условиях, полезно подойти не с его злободневной, а с его общепринципальной стороны, «...взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня»³.

Работа «О продовольственном палате» написана Лениным через месяц после X съезда, в середине апреля 1921 года, и вышла отдельной брошюрой в издании Государственного издательства в мае 1921 года.

Этот труд исключительно большого исторического значения Ленин готовил в условиях тогдашней, крайне сложной обстановки. Этой работе предшествуют насыщенные богатейшим содержанием четыре плана и конспекта⁴.

Черновым, первоначальным наброском плана является I конспект, который лег в основу значительно более подробно разработанного II конспекта—главного для всей работы. III конспект посвящен преимущественно госкапитализму, а IV—общим политическим итогам и выводам.

Насколько тщательно готовил Владимир Ильич свою работу, говорят четыре варианта названия брошюры. Сперва Ленин намечает следующее название: «О замене разверстки налогом и о соглашении с крестьянством (или о задачах рабочего правительства в крестьянской стране) и о задачах рабочего класса по отношению к крестьянству». Хотя здесь дано глубокое содержание темы, Ленин недоволен этим заголовком и на полях рукописи отмеча-

¹ И. Сталин. Политотчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 247—248.

² «История ВКП(б)» стр. 246.

³ Ленин. Т. XXVI, стр. 321.

⁴ См. там же, стр. 310—316.

ет следующее: «Точнее бы передавало содержание — «О замене разверстки налогом в связи с общими задачами и условиями данного политического момента». Но и это, более точное заглавие не удовлетворило Ленина, очевидно, со стороны стиля, ибо он записывает: «тяжело!» Тогда он тут же набрасывает третий проект: «Замена разверстки налогом в связи с особыми условиями данного политического момента». Здесь отмечается особенность условий, вызвавших введение продналога, что, однако, снова не удовлетворяет Владимира Ильича. Тогда он записывает, наконец, последний проект заглавия брошюры: «Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от «военного» коммунизма к правильному социалистическому фундаменту». Но и это заглавие осталось только черновым наброском. Брошюра, появившаяся в печати, носила название «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)».

Эти четыре плана-конспекта брошюры представляют замечательную лабораторию творческой ленинской мысли. Остановимся только на отдельных замечаниях Ленина в этих конспектах.

Ленин с самого начала отмечает попытку «левых коммунистов» представить нпк как «Брест». «Брест» ли?» — иронически замечает Ленин. Ленин противопоставляет военный коммунизм правильным хозяйственным отношениям. Крайне важна запись Ленина в разделе «Середняк» (Нивелировка), где он подчеркивает, что продналог есть ставка не на кулака, а на середняка (подчеркнуто в рукописи). «Ставка» на середняка в земледелии. — записывает Ленин. «Старательный крестьянин, как «центральная» фигура нашего хозяйственного подема», ибо произошла «нивелировка деревни» — «бедноте» дали уравнительный передел, помещичью и кулацкую землю, экстраординарную помощь государства. Открывая перспективу перехода к социалистическому земледелию, Ленин намечает его пути: мелкий крестьянин, колхозы, э л е к т р и ф и к а ц и я.

Фиксируя свои мысли о взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством, о соглашении с середняком, Ленин записывает, что союз рабочих с крестьянством — основа всех основ советской власти — «необходимое и достаточное» условие ее прочности».

Разоблачая демагогов и паникеров, Ленин на вопрос, страшны ли социализму «индивидуализм» крестьянина, его «свободная торговля», отвечает: «Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация,

все равно неизбежен возврат к капитализму»¹.

Касаясь тогдашнего международного положения, Ленин отмечает, что оно сложилось для нас благоприятно: у них — распад, у нас — сплочение. Анализируя международную обстановку, Ленин перечисляет противоречия на мировой арене: Антанта против Германии, Америка против Японии, Америка против Европы, империалистский мир против Азии. И здесь знаменитое ленинское положение: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кон растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора». «Aut aut. Tertium non datur» (Или—или. Третьего не дано)² — записывает Ленин.

Особенно останавливает внимание в этих ленинских записях определение, данное «политике», цитированное выше. Говоря о политике в IV варианте плана, Ленин отмечает диалектику превращения экономики весны 1921 года в политику: «Кронштадт».

Но произведя «трезвейшую оценку зла», гений революции решительно записывает: «Беззаветность в борьбе».

Таково вкратце основное содержание ленинских четырех конспектов, легших в основу его исторической работы «О продовольственном налоге».

5

Ленин, считая необходимым в начале брошюры показать экономику Советской России, приводит «длинную выписку» из своих двух статей: из статьи «Главная задача наших дней», написанной 11 марта 1918 года по поводу Брестского мира, и из статьи «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», написанной 3—5 мая 1918 года и направленной против бухаринцев, надевших маску «левых коммунистов».

В этих выдержках Ленин характеризует тогдашнюю экономику Советской России, ее пять укладов. Первый уклад — имевшееся в нашей стране патриархальное, то есть в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; второй уклад — мелкотоварное производство, куда Ленин относил большинство тех крестьянских хозяйств, которые продавали хлеб; третий уклад — частнохозяйственный капитализм, накладывавший сильный отпечаток на экономическое лицо страны; четвертым укладом являлся государственный капитализм, и, наконец, пятым общественно-экономиче-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 313.

² Там же.

...касается...
...смысла...
...и...
...и...
...и...

И...
...

Закон

...
...

...
...
...

...
...
...
...
...

...
...
...
...
...

...
...
...
...
...

Тридцать вторая страница рукописи В. И. Ленина «О продовольственном налоге». 1921 год.

ским укладом — социализм, удельный вес которого был еще очень слаб. «Россия, — отмечал Владимир Ильич, — так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней»¹.

Указав на преобладание мелкобуржуазной стихии в экономике страны, Ленин особо останавливается на вопросе о государственном капитализме. Центральный отрывок начинается с решительного ленинского утверждения, что государственный капитализм был бы шагом вперед сравнительно с тогдашним положением дел в стране. Ленин разъясняет, что по отношению к мелкобуржуазной стихии государственный капитализм являлся бы полезным, прогрессивным, экономически несравненно более высоким укладом и ничего страшного для советской власти не представлял бы, ибо «...советское государство

есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты»².

Цитируя свои более ранние высказывания об экономике РСФСР, о государственном капитализме и пр., Ленин переходит к вопросам о продналоге, о свободе торговли и о концессиях. Основные элементы экономики страны, указанные в 1918 году, остались в 1921 году, к моменту введения продналога, те же. Больше того, за истекшие три года значительная часть крестьянской «бедноты» (пролетарии и полупролетарии) превратилась в середняков, тем самым экономика страны еще в большей мере подверглась воздействию мелкобуржуазной, мелкособственнической «стихии». Это следует иметь в виду при оценке положения, создавшегося в стране к весне 1921 года. Еще более усугубилось это положение гражданской войной, усилившей разорение страны, обескровившей рабочий

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 322.

² Там же, стр. 325.

классе. Положение окончательно стало угрожающим в результате неурожая 1920 года, бескормицы, падежа скота, еще сильнее задержавших восстановление разоренной промышленности.

«В итоге, — писал Ленин, — политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы»¹.

Ленин разъясняет, почему именно надо было начать с крестьянства, а не с рабочих. При этом он на данном, конкретном примере отмечает смысл учения о «решающем звене». Сущность руководства со стороны диктатуры пролетариата заключается в том, чтобы суметь направить свою политику в сторону разрешения неотложной, решающей, важнейшей задачи. А самой большой задачей в тот момент было поднятие производительных сил крестьянства, что можно и должно было привести к восстановлению промышленности, к усилению позиций рабочего класса.

Демагоги и папикеры, враги пролетарской диктатуры — прежде всего троцкисты — пытались свернуть советскую власть с этого единственно правильного пути в сторону удовлетворения минутных, частичных интересов, как например закупка хлеба за границей, ввоз мануфактуры и других товаров из-за границы. Ленин, предостерегая против этого, решительно указывал, что это означало бы цеховые интересы пролетариата поставить выше его классовых интересов, принести в жертву этим непосредственным интересам его диктатуру, его союз с крестьянством, его руководящую роль в борьбе за социализм. А эти коренные интересы рабочего класса требовали немедленных и серьезных мер для поднятия производительных сил крестьянства. Важнейшей, решающей, серьезнейшей мерой, поворотной вехой в экономической политике того времени и явилась замена продразверстки продналогом.

Владимир Ильич, разъясняя историческую необходимость военного коммунизма как политики временной, подчеркивает в то же время, что в мелкокрестьянской стране диктатура пролетариата может осуществить одну единственно правильную политику, отвечающую интересам рабочего класса, способную укрепить основы социализма и привести его к полной победе, а именно — обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину.

Но как осуществлять этот обмен продукции городской промышленности на крестьянский хлеб, оставшийся после налога, когда промышленность еще не восстановлена, когда сразу быстро восстановить крупное социалистическое производство крайне трудно? Если это сразу сделать нельзя (с этим не так-то легко справлялись богатейшие, передовые страны после разорительной империалистической войны), то «значит, — разъясняет Ленин, — необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы»². А это не могло не означать возрождения мелкой буржуазии и капитализма.

Но Ленин бесстрашно смотрел в глаза действительности. Никакого другого вывода, кроме того, что в стране мелкокрестьянской развитие мелкого хозяйства является развитием мелкобуржуазным, развитием капиталистическим, делать нельзя было. Такова была тогдашняя экономическая действительность без прикрас. Всякую попытку тогда просто запретить торговлю, то есть запретить развитие капитализма, Ленин называл глупостью и самоубийством. Надо было не пытаться запретить или запретить капитализм, а стараться направить его в русло государственного капитализма.

В работе о продналоге Ленин повторяет и развивает сказанное им о государственном капитализме еще весной 1918 года и накануне Октябрьской революции, в сентябре 1917 года, в его брошюре «Грозившая катастрофа и как с ней бороться». Он ставит вопрос диалектически: государственный капитализм, его преимущества, его роль надо сравнивать не с социализмом, которого еще нет, который только еще впереди, а с мелкобуржуазным производством, господствовавшим в тогдашней политико-экономической системе и накладывавшим свой отпечаток на всю экономику страны. Ленин высмеивал тех, кто начетнически твердил: «Капитализм есть зло, социализм есть благо». Капитализм есть зло по отношению к социализму — это верно. Но не об этом сравнении шла тогда речь: речь шла о том, что по отношению к мелкому производству государственный капитализм был шагом вперед.

Особенно же нельзя было забывать различия между ролью государственного капитализма в буржуазном обществе и его ролью в условиях диктатуры пролетариа-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 330—331.

² Там же, стр. 332—333.

И. ЛЕНИН

О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ

(Значение новой политики и ее условия)

(Статья 1 Ленинского бюджета 1921 года в журнале Государственного издательства «О продовольственном налоге» в газете «Трудовой контроль» и в журнале «Красная газета»)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Титульный лист брошюры В. И. Ленина
«О продовольственном налоге». 1921 год.

та. «...Чтобы еще более раз'яснить вопрос, — писал Ленин, — приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерско-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского то же государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.-е. пролетарское, и вы получите в сию ту сумму условий, которую дает социализм»¹.

Еще в III варианте конспекта Ленин перечислял основные формы государственного капитализма в условиях диктатуры пролетариата: концессии, кооперация, комиссионеры, аренда. Все эти формы показаны и раз'яснены Лениным в его работе «О продовольственном налоге». Эти формы необходимы и неизбежны, указывал Ленин, имея в виду крайнюю пестроту общественно-экономических укладов в крайне отсталой стране.

Ленин, особо останавливаясь на вопросе о концессиях, раз'ясняет, что, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношений, концессии — это

«...договор, блок, союз Советской, т.-е. пролетарской, государственной власти с государственным капитализмом против мелко-собственнической (патриархальной и мелкобуржуазной) стихии»². Этот договор нужен был затем, чтобы быстро развивать производительные силы, увеличить количество продукции немедленно, в кратчайший срок. Концессии означали усиление крупного производства против мелкого, передового против отсталого, машинного против ручного, усиление государственно-упорядоченных экономических отношений в противоположность мелкобуржуазно-анархическим. Эта политика концессий, умело, в меру и осторожно проводимая под контролем советской власти, раз'яснял Ленин, ни в каком случае не являлась заменой классовой борьбы классовым миром. Концессия являлась определенным видом борьбы, продолжением классовой борьбы. И поэтому определение того, выгодна ли концессия, не опасна ли она, зависело от соотношения сил, от борьбы.

Концессии, как известно, не получили сколько-нибудь широкого развития. Их удельный вес был ничтожен в народном хозяйстве, которое быстро стало развиваться на основе нэпа и все меньше нуждалось в концессиях. Переговоры о концессиях с представителями иностранного капитала на первых этапах нэпа сыграли известную роль в деле установления экономических связей с капиталистическим миром, явившихся подготовкой к установлению связей политических.

В своей работе Ленин уделяет специальное внимание кооперации. На X съезде партии в докладе о натуральном налоге Ленин предложил оживить деятельность кооперации, «задушенной» при развертке (решением IX съезда партии кооперация была подчинена Компроду — Комиссариату продовольствия). Ленин предложил следующую резолюцию, которая съездом была принята: «Ввиду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа развертки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет: указанную резолюцию отменить. Съезд поручает ЦК выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене развертки натуральным налогом»³. Этим самым было положено начало расширению «прав» кооперации.

² Там же, стр. 334.

³ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов...», стр. 389.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 325.

Кооперацию мелких товаропроизводителей в мелкокрестьянской стране Ленин рассматривал тогда как разновидность госкапитализма. «Такая трактовка кооперации, — указывал товарищ Сталин, — была достоянием и удовлетворительна в 1921 г., когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом» (Сталин «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 153). Как разновидность государственного капитализма «кооперативный» капитализм мог в известной мере быть полезным и выгодным тогдашнему хозяйству Советской республики.

«Политика кооперативная, — писал Ленин, — в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения»¹.

Ленин в 1921 году, еще тогда, когда не было развитой социалистической промышленности, считал возможным превращение кооперации в могучее средство борьбы против капиталистических отношений. Но известно, что ленинская оценка кооперации как формы госкапитализма оказалась вскоре превзойденной историей. Успехи в области строительства социалистической промышленности, достигнутые на рельсах пана, привели к тому, что кооперация стала смыкаться с социалистической индустрией. И уже в 1923 году Ленин писал, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (Т. XXVII, стр. 396). Кооперация стала основной зацепкой для социалистического развития. Выдвинутый Лениным кооперативный план намечал пути приобщения крестьянства через кооперацию к социалистическому развитию. А уже через 10 лет на основе этого гениального плана была блестяще разрешена задача перевода миллионов мелкобуржуазных крестьянских хозяйств на путь социализма.

В «Продналоге» Ленин анализирует и третий и четвертый виды госкапитализма — комиссионеров и аренду — и указывает, что на громадных просторах Советской России, где царили «патриархальщина, полудикость и настоящая дикость», необходимо применять разнообразные посредствующие пути, приемы и средства для перехода от докапиталистических отношений к социализму.

Все эти мероприятия, начиная от продналога и кончая госкапитализмом, были вызваны крайней отсталостью и разоренностью страны, необходимостью быстро и решительно поднять производительные силы народного хозяйства, в первую голову крестьянского. Ленин, указывая выход из положения, открывал стране грядущую перспективу. «Мыслимо ли, — спрашивал Ленин, — осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, — отвечал Владимир Ильич, — мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии... Это условие — электрификация»². Ленин выдвинул этот план как переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму.

Предупреждая снова и снова, что свобода торговли есть капитализм, что капитализм есть спекуляция, Ленин выдвигает ряд решительных мероприятий по борьбе с бюрократизмом, со злоупотреблениями, со спекуляцией, с хищениями и всякими уклонами капиталистических элементов от контроля государства, от надзора и учета. Естественно, что в условиях допущения развития капиталистических элементов создавалась серьезная угроза злоупотреблений в деле проведения продналога, работы кооперации и пр. со стороны примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи. «Тут нужна чистка террористическая, — требовал Ленин, — суд на месте и расстрел безоговорочно»³.

Особое место Ленин уделяет политической обстановке, создавшейся к весне 1921 года, — «Кронштадту», как яркому выражению колебаний мелкобуржуазной стихии. Мелкобуржуазная стихия потому и называется стихией, раз'ясняет Ленин, что «это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное». «Кронштадтские» лозунги и выражали настроение не вполне оформленной, мало определенной, крайне неясной мелкобуржуазной стихии.

Ленин вскрывает роль эсеров и меньшевиков, поднимавших эту стихию против большевиков. Лидеры этих контрреволюционных партий — эсер Чернов, «герой мелкобуржуазной фразы», и меньшевик Мартов, рыцарь подделанного «под марксизм» мещанского реформизма, — воображали, что они могут использовать «Кронштадт» и его лозунг «Советская власть без большевиков» в «своих» интересах, не служа целиком белогвардейщине, помещикам и капиталистам.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 337.

² Там же, стр. 338.

³ Там же, стр. 348.

Ленин, разоблачая их, показывает, что буржуазия и ее идеолог Милюков — действительно серьезная классовая сила, а мелкая буржуазия с ее Мартовыми и Черновыми может быть по самой своей социальной сути не чем иным, как выражением классового бессилия. «В 1789 году, — отмечает Ленин, — мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смелы и жалки; в 1917—1921 годах они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, но их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное»¹. Мелкобуржуазные, мельшевьевско-эсеровские нарциссы болтали, а Милюковы и белогвардейщина были людьми контрреволюционного дела.

К лету 1921 года, когда появилась в свет ленинская работа о продналоге, политическая обстановка, соотношение классовых сил стали «яснее ясного»: «Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелкобуржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики»². Ленин призывал решительно подчинить «мелкобуржуазную стихию», на почве которой всегда произрастали Наполеоны и Кавеньяки. А лидеров этой стихии, как открытых, так и перекрасившихся в беспартийные, предупреждал Ленин, мы должны держать в тюрьме.

Ленин намечает развернутую программу борьбы за подъем земледелия и промышленности, за развитие оборота между земледелием и промышленностью, за победу социализма. Он требует при этом решительной борьбы с бюрократизмом и учит «уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним». Он призывает партийных и беспартийных вызвать большую инициативу мест, настаивает на переводе руководящих работников на уездную и даже волостную работу, требует от руководителей умения проверять работу, налаживать проверку их работы самой массой, направлять работу и учиться у тех, у кого есть знания. Во II проекте конспекта Ленин записывает: «...вызвание новых людей из «низов» — (α) молодежи; (β) беспартийных».

Свою работу «О продовольственном налоге» Ленин заканчивает следующим глубоко оптимистическим выводом: «Массо рабочих и крестьян нужно немедленно улучшить их положение. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Прод-

налог и ряд связанных с ним мероприятий этому помогут. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблющихся много. Нам мало. Колеблющиеся разединены. Мы объединены. Колеблющиеся экономически не самостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим»³.

Эта работа Ленина, обосновавшая новую экономическую политику, явилась острейшим теоретическим оружием, отточенным марксистско-ленинской материалистической диалектикой; она учит политической зоркости, марксистскому уменью разбираться в сложнейших вопросах тактики и стратегии революционной борьбы, беспощадности к классовому врагу, вере в творческие силы народных масс, глубокой убежденности в конечной победе социализма.

Новая экономическая политика имела громадное международное значение. Поворот партии к этой политике был вызван не только условиями классовой борьбы внутри страны, но всей международной обстановкой и международным положением Советской России. Этот поворот находился в тесной связи с открывшейся перспективой длительной передышки, длительного сосуществования мира социализма и мира капитализма, началом экономических связей с капиталистическими странами.

Эта мудрая ленинская политика в переходный от капитализма к социализму период не является только особенностью социалистической революции в России. Она применима во всех странах, где будет совершена пролетарская революция, где будет осуществлена диктатура рабочего класса, ибо всюду будут в той или иной мере иметь место мелкие хозяйства простых товаропроизводителей (мелкие крестьянские хозяйства, фермеры, ремесленники и т. п.), с интересами которых должен считаться победивший пролетариат.

Нап⁴ поэтому — образец большевистской политики, большевистской тактики для всех. Этот интернациональный характер напа указан и в программе Коммунистического Интернационала, разработанной под руководством и при непосредственном участии товарища Сталина.

Программа Коминтерна на основе богатейшего опыта партии большевиков считает допустимым, а иногда и необходимым, в условиях гражданской войны и интервенции, введение военного коммунизма в инте-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 346.

² Там же, стр. 347.

³ Там же, стр. 351.

ресях решительной победы над врагом. Однако программа не считает такую политику нормальной при отсутствии чрезвычайных условий интервенции и войны. Программа Коминтерна в условиях нормального развития считает правильной именно политику нэпа. В программе указывается, что пролетариат и его партия должны иметь в виду, что ряд навыков и традиций во всех областях хозяйственной жизни, унаследованных от свергнутого буржуазного строя, не может быть изжит сразу. Поэтому от победившего пролетариата требуется такое правильное сочетание — на основе рыночных отношений — крупной социалистической индустрии и мелкого хозяйства, которое обеспечило бы прежде всего ведущую роль социалистической промышленности и вместе с тем способствовало бы максимальному подъему всей основной массы крестьянских хозяйств.

Товарищ Сталин в разделе «Крестьянский вопрос» своей работы «Об основах ленинизма» следующим образом формулирует задачи хозяйственной деятельности советской власти в начале нэпа: «Усилить и развить национализированную индустрию; связать для этого индустрию с крестьянским хозяйством через торговлю, регулирующую государством, заменить продразверстку продналогом... оживить торговлю и развить кооперацию, вовлекая в эту последнюю миллионы крестьянства, — вот как рисовал Ленин очередные задачи хозяйственного строительства на пути к постройке фундамента социалистической экономики»¹.

Рабочий класс, руководимый партией Ленина—Сталина, сумел весной 1921 года совершить решающий поворот в области экономической политики, использовав крестьянские резервы для того, чтобы сомкнуть индустрию с сельским хозяйством, поднять социалистическое строительство и подвести под диктатуру пролетариата необходимый экономический фундамент.

6

Прошло 20 лет со времени написания В. И. Лениным его гениальной работы «О продовольственном налоге». Как изменилась наша страна в политическом и экономическом отношении, как выросла внутри и на мировой арене наша социалистическая держава! Россия неповская стала Россией социалистической, великой страной социализма.

На X съезде партии, в брошюре «О продовольственном налоге» и на XI съезде партии Ленин указывал, что в тот период

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 41. 11-е изд.

еще не было фундамента социалистической экономики, фундамент этот еще предстояло построить.

За прошедшие 20 лет не только построен надежнейший фундамент социализма, но на его основе возросло величественное, светлое здание социализма.

Многомиллионное крестьянство нашей страны, представлявшее собой распыленную мелкобуржуазную стихию, под руководством рабочего класса превратилось в колхозное крестьянство, хозяйство которого насыщено новой, современной техникой. Трудности в диктатуре рабочего класса, испытывавшиеся в период создания Лениным его брошюры «О продовольственном налоге», отошли в далекое, безвозвратное прошлое. Рабочие, крестьяне, интеллигенция сплочены в единый трудовой фронт. Полная демократизация политической жизни страны, создание Сталинской Конституции есть результат укрепления морально-политического единства советского народа, все более крепнущей дружбы народов нашей страны. Прочности советской власти, доверию, которое питает к ней советский народ, может позавидовать любое правительство в мире.

Исторические решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) в отношении хозяйственного плана на 1941 год подчеркивают с громадной силой те перемены, которые произошли в нашей стране за истекшие 20 лет. Так, если в 1921 году вся валовая продукция промышленности равнялась 2 миллиардам рублей (это составляло 19,5% довоенного времени), то в 1941 году выпуск валовой продукции промышленности СССР составит 162 миллиарда рублей. Если производство чугуна составляло в 1921 году 116,3 тысячи тонн, то в 1941 году оно будет равно 18 миллионам тонн. Если каменного угля добывалось в 1921 году 7 миллионов тонн, то в 1941 году поставлена задача — добыть 191 миллион тонн. Если в 1921 году вся посевная площадь составляла 90,3 миллиона га, то в 1941 году она будет равна 157 миллионам га. В 1921 году на полях нашей страны вообще не было тракторов и комбайнов, а в 1941 году насчитывается 523 тысячи тракторов и 182 тысячи комбайнов.

Одних этих сравнительных цифр достаточно, чтобы видеть, как сказочно выросла за истекшие годы наша страна, руководимая партией Ленина—Сталина, разгромившей врагов большевизма, осуществлявшей и разрабатывавшей под руководством товарища Сталина дальше гениальную политику, обоснованную Лениным в его работе «О продовольственном налоге».

Б. ВОЛИН

Рождение первой сталинской пятилетки

От XV съезда партии до V съезда советов
(декабрь 1927 года — май 1929 года)

1

В декабре 1925 года с трибуны XIV съезда ВКП(б) товарищ Сталин поставил перед партией, перед всем советским народом великую цель — превратить нашу страну из аграрной в индустриальную страну, экономически независимую от капиталистических стран. Выдвинутая товарищем Сталиным задача социалистической индустриализации стала законом социалистического развития нашей страны.

Прошло два года, и политика социалистической индустриализации привела к решающим успехам. На XV съезде партии товарищ Сталин в своем отчетном докладе констатировал, что «...развитие нашего народного хозяйства идет под знаком индустриализации страны, под знаком растущей роли промышленности в отношении сельского хозяйства»¹ и задача партии — «...двигать дальше всеми мерами индустриализацию нашей страны»².

Успехи социалистической индустриализации сделали возможным массовое колхозное строительство, укрепили плановое начало в экономике страны и создали предпосылки для перехода к наступлению социализма на капиталистические элементы по всему фронту народного хозяйства.

Имея в виду именно это наступление, XV съезд разработал директивы по составлению первого пятилетнего плана социалистического строительства — первой сталинской пятилетки.

Съезд указал, что «в соответствии с политикой индустриализации страны в первую очередь должно быть усилено производство средств производства», что «наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР...»³.

Съезд предложил уделить особое внимание скорейшему осуществлению плана электрификации, развитию черной и цветной металлургии, развитию химических производств, дальнейшему разворачиванию добычи угля, нефти, торфа, всех видов машиностроения, золото-платиновой промышленности.

Съезд предложил организовать ряд новых производств: оборудования для металлургии, топливной и текстильной промышленности, авто-, авио- и тракторостроения, производство искусственного волокна, добычу редких элементов, производство алюминия, ферромарганца, цинка, связанного азота, калия, и т. д., и т. д.

Эти общие политико-хозяйственные директивы надо было перевести на конкретный язык взаимно увязанных цифр. Дело это было нелегкое во всех отношениях.

1928 год и начало 1929 года, в течение которых разрабатывалась первая пятилетка, были периодом острой классовой борьбы в стране. На основе постановлений XV съезда партия стала осуществлять более решительное наступление на капиталистические элементы деревни. Хлебозаготовительная кампания 1928—1929 года ознаменовалась особенно острой классовой борьбой. Кулачество, державшее в своих руках 20% хлебных излишков, припрятывало хлеб, не желая славить его государству. Это обстоятельство еще больше увеличило затруднения на хлебном фронте, связанные с низким уровнем производства товарного хлеба в то время.

За первые пять месяцев хлебозаготовительной кампании 1928—1929 года пшеницы было заготовлено на 51 миллион пудов меньше чем в соответствующий период прошлого года. При этом наиболее резко упали хлебозаготовки на Северном Кавказе и в Сибири, где кулак был особенно силен. Создавалась угроза кризиса всего народного хозяйства. Для того чтобы ее предотвратить, советское правительство ответило на саботаж кулачества рядом чрезвычайных мер.

Состоявшийся летом 1928 года шахтинский процесс также был показателем той остроты классовой борьбы, которая в

¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, стр. 51. Госиздат. 1928.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 1295.

то время имела место. Старые, враждебные советской власти специалисты, действовавшие по прямым заданиям иностранных разведок, пытались путем вредительства сорвать хозяйственное строительство и индустриализацию страны.

Это была экономическая интервенция международной буржуазии, имевшая целью подготовить военную интервенцию против СССР. Капиталистический мир к этому времени вступил в так называемый третий период своей послевоенной истории. Этот период характеризовался крайним обострением всех противоречий капиталистической системы и распытыванием частичной капиталистической стабилизации, которое усилило стремление империалистических держав к разрешению этих противоречий за счет СССР.

Усиление наскоков правых реставраторов капитализма на политику партии, их борьба против напряженных темпов индустриализации, против политики более систематического ограничения кулачества и частного — также один из характерных моментов той обстановки, в которой партия и советская власть разрабатывали первую сталинскую пятилетку.

Детальная разработка этого плана ставила перед органами советской власти в числе прочих задачу овладения новыми методами планирования.

Советская страна настойчиво и последовательно осваивала один этап планирования за другим. В 1920 году был составлен первый генеральный план — план государственной электрификации страны — ГОЭЛРО, но потребовалось еще несколько лет для перехода от ГОЭЛРО к годовым контрольным цифрам, а потом — к пятилетнему плану. До 1925 года планирование ограничивалось составлением общесоюзных планов только по некоторым отдельным отраслям промышленности. В 1925—1926 году впервые были разработаны единые годовые контрольные цифры всего народного хозяйства в целом — цифры, в которых были увязаны планы всех отдельных отраслей народного хозяйства.

Теперь предстояло овладеть новым этапом планирования; составление пятилетнего плана требовало умения смотреть далеко в будущее, требовало смелой постановки основных проблем развития страны.

Трудность заключалась еще в том, что все это приходилось делать в значительной мере руками враждебно настроенных людей. Аппарат Госплана, ВСНХ, других ведомств в преобладающей своей части состоял тогда из специалистов старой школы, выросших и воспитанных в условиях капитализма. Впоследствии выяснилось,

что многие из них, если не большинство, остались верными слугами своих, изгнанных из Советского Союза хозяев. Под обманной личиной они прятали свое нутро вредителей и шпионов, продолжавших верой и правдой служить капиталу.

Но даже многие из тех, кто честно пытался служить советскому государству, находились в плену у старых представлений: они не понимали великого революционного смысла пятилетки, того, что пятилетка должна была явиться в руках партии могучим орудием социалистического преобразования страны, коренной ее социалистической переделки, подведения под ее эконоимику новой, передовой технической базы.

Валериан Владимирович Куйбышев гневно высмеивал этих «мудрецов». «Иными мерками, — писал он, — отличными от капитализма, эти буржуазные экономисты органически неспособны мерить. Они до сих пор ничего не поняли в той системе хозяйства, которую создала Октябрьская революция. Они тщательно перечитывают и штудируют старые учебники, выискивая исторические «прецеденты»... и никак не поймут, что ни в одном учебнике, по которым они учились и кроме которых они ничего не знают, — не говорится ни одного слова о таком государстве, где у власти стоит рабочий класс, где в его же руках сосредоточена и вся крупная промышленность, и транспорт, и банки, где осуществляется плановое хозяйство»¹.

Внутри ВСНХ, в секциях Госплана шла борьба за пятилетку, за проектируемые темпы развития страны, каждой отдельной отрасли хозяйства, за каждую цифру пятилетки.

Пятилетка несла с собой грандиозные качественные изменения облика страны. Она знаменовала новую экономическую и социальную структуру советского общества и в первую очередь огромный рост — и количественный и качественный — рабочего класса, новое соотношение между городом и деревней, переселение миллионов крестьян в город, создание новой экономической географии. Осуществление пятилетки должно было навеки покончить с социальными бедствиями, унаследованными от капитализма: безработицей, аграрным перенаселением и др.

Всего этого значительная часть экономистов не понимала, рассматривая пятилетку лишь как программу строительства определенного количества заводов.

Небезызвестный меньшевик Базаров доказывал, например, что индустриализация приведет к огромному росту безработицы,

¹ В. В. Куйбышев «К работе над пятилетним планом». «Торгово-промышленная газета» от 18 января 1929 года.

так как машина освобождает людей от труда.

Неотъемлемую часть пятилетнего плана составлял план технической реконструкции отдельных отраслей народного хозяйства. Но когда встал вопрос о путях и методах этой реконструкции, оказалось, что некоторые признанные «авторитеты» из числа экономистов явно тянут свои отрасли производства вспять. Так, крупнейший «авторитет» в области текстильной промышленности А. А. Фелотов (впоследствии один из героев процесса «Промпартии») категорически высказался против заимствования советской текстильной промышленностью американского технического опыта. Эту свою «оригинальную» позицию он обосновал тем, что в Америке капитал дешев, рабочая сила дорога, а у нас-де в СССР капитала мало и в то же время имеется достаточно большой резерв рабочей силы.

В одной из работ, выпущенных Научно-техническим советом черной металлургии, высказывалась мысль, что рост производства металла может вызвать длительный кризис сбыта, так как столь быстрый рост потреблений не имеет прецедентов в истории развития металлургии.

Выросшие на представлениях о низкой заработной плате русского рабочего, чудовищной его эксплуатации, о миллионах голодных русских мужиков, дешевле которых ни одна машина работать не будет, специалисты, возглавлявшие научно-технические советы ВСНХ и соответствующие секции Госплана, упорно пытались проталкивать ориентацию на отсталое производство с ручным трудом. Не говоря уже о явно враждебных тенденциях со стороны одной части специалистов, в этом чрезвычайно резко сказывалась слабость советской технической мысли того времени, унаследованная Советской страной от царской России.

Дореволюционная русская промышленность, как известно, находилась в большой зависимости от иностранной технической мысли. Ее конструкторские кадры, ее кадры проектировщиков были очень слабы. Иностранцы-акционеры, владельцы промышленных предприятий, доставляли в Россию уже готовые конструкции, готовые проекты заводов.

Голы мирской, а затем и гражданской войны, оторвавшие от мировой техники русскую техническую мысль, способствовали тому, что она во многом фактически осталась почти на уровне 1914—1915 года. Первые проекты новых предприятий, составленные в 1924—1926 годах, полностью отражали это положение.

В Америке уже давно были в массовом производстве турбогенераторы мощностью в 40 тысяч киловатт, советские заводы

делали лишь машины в 16 тысяч киловатт; в США строили доменные выплавлявшие 1000 тонн чугуна в сутки, в СССР все еще проектировались печи на 500—600 тонн; за границей работали уже мартены производительностью в 150 и больше тонн, советские металлурги проектировали новые мартены, рассчитанные только на 100 тонн.

Если бы все эти проектировки были осуществлены, они закрепили бы техническую отсталость советской индустрии, превратили бы ее в придаток капиталистического хозяйства.

XV съезд партии уделил особое внимание индустриализации отсталых районов и республик.

Еще в начале восстановительного периода товарищ Сталин со всей силой ставил вопрос об индустриализации отсталых национальных республик как о единственном пути к действительному уничтожению фактического неравенства. С трибуны XII съезда партии товарищ Сталин говорил: «Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отсталых в культурном отношении республиках, — а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше, как источники сырья, — необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности»¹.

В резолюции XV съезда подчеркивалось, что «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов...»².

Из этих четких и ясных указаний следовал практический вывод о географическом перемещении промышленного строительства на восток, о строительстве текстильных фабрик в сырьевых районах Средней Азии, об усиленном промышленном строительстве на Урале и в Сибири.

Эти основные партийные установки были взяты под обстрел рядом экономистов и старых специалистов.

На страницах «Известий текстильной промышленности и торговли», органа текстильной промышленности, провозглашалось, что и впредь «основным районом текстильной промышленности должна оставаться Центральная промышленная область». Более того, «...если было бы, — писалось в этом журнале в 1928 году, —

¹ XII съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет, стр. 446. 1923.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, стр. 1300.

решено создать новый центр хлопчатобумажной промышленности в Туркестане, т. е. в чисто аграрном районе, в котором все традиции и психика населения связаны с сельским хозяйством, то пришлось бы для этой промышленности брать рабочих на стороне, т. е. выписывать их из Центрального промышленного района»¹.

Таким образом великорусские провинсты пыгались и виредь обречь среднеазиатские республики на роль сырьевых колоний.

В унисон с ними профессор-экономист Диманштейн на страницах «Экономической жизни» издевался над проектом Магнитогорского завода, требуя, чтобы на этом проекте был поставлен крест. А в специальной работе он же проповедывал колонизацию и аграризацию окраин. Тот же Диманштейн с пеной у рта ополчился против такой неоспоримой истины, как недостаточность для СССР единого металлургического центра.

Диманштейн не был одинок. Группа украинских националистов, окопавшихся в недрах Госплана Украины, создала даже обширную литературу, направленную против развития новых районов, в пользу сохранения за Донбассом монополии единого металлургического центра.

Используя все трудности 1928 года, аргументируя ими, оппортунисты и капитулянты требовали, чтобы проектировки пятилетки были максимально урезаны.

2

Нелегка была борьба с этой сворой старых экономистов и техников, объединившихся для яростных нападок на пятилетний план социалистического строительства.

В этой борьбе сталинский ЦК партии опирался на рабочий класс, на первые сформировавшиеся тогда кадры новой интеллигенции и лучших представителей старой интеллигенции, сыгравших активнейшую роль в разработке планов пятилетки. Достаточно вспомнить имена: покойного автора проекта Днепростроя акад. И. Г. Александрова, покойного И. М. Губкина, знаменитого кораблестроителя акад. А. Н. Кобылова, отца русской металлургии акад. М. А. Павлова, строителя Волховской и Свирьской гидроэлектростанций акад. Г. О. Графтио, теоретика советского авиастроения С. А. Чаплыгина, акад. А. Н. Баха и многих других.

Партия неустанно работала над воспитанием и выращиванием новых кадров специалистов. В июле 1928 года пленум

¹ Цит. по журналу «Леткая промышленность» № 9 за 1928 год, стр. 21.

ЦК ВКП(б) по докладу товарища Молотова принял развернутое решение «Об улучшении подготовки новых специалистов». В этом решении ЦК подчеркивает, что «подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу в с е й п а р т и и»².

Вопреки яростному сопротивлению правых ряд вузов был передан в ведение промышленности. Установлен был жесткий максимальный срок обучения в высшей школе. Сталинский ЦК партии уделял особое внимание вопросу о социальном составе учащихся вузов. По решению партии не менее 65% общего приема 1928 года во вузы должны были составить рабочие. Была расширена сеть рабфаков. Партия спяла тысячу испытанных коммунистов с партийной, советской, профессиональной работы и направила их на учебу.

Во главе предприятий и трестов стояли коммунисты-хозяйственники, в подавляющем своем большинстве не получившие никакой специальной подготовки. Несмотря на голод в хозяйственных кадрах партия снимала сотни хозяйственников и направляла их в специально созданные промышленные академии и на курсы различного типа, призванные помочь хозяйственникам в кратчайший срок получить определенный минимум технических знаний.

Партия воспитывала, растила новые кадры, новую интеллигенцию рабочего класса. Впоследствии, к концу первой пятилетки, частью уже в годы второй пятилетки, эта интеллигенция стала у руководства цехами, заводами, целыми отраслями.

Но тогда, в 1928—1929 годы, эта роль выполнялась все еще в основном специалистами старой формации. Их руками приходилось составлять и пятилетку, готовиться к ее осуществлению.

В апреле 1928 года были опубликованы директивы Президиума ВСНХ по составлению промышленной пятилетки. В основу этих директив были положены указания председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева.

Попыткам протащить в пятилетку технику вчерашнего дня, равнению на примитивный, ручной труд была противопоставлена ориентация на самую передовую технику, на максимальную механизацию производственных процессов. В. В. Куйбышев призывал к максимальному напряжению «воли всего рабочего класса для скорейшего осуществления поставленных им себе целей»³.

Вопреки потугам закрепить и еще бо-

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 293. Госполитиздат. 1940.

³ «Торгово-промышленная газета» от 26 апреля 1928 года.

лее углубить разрыв между немногими передовыми промышленными районами и отсталыми аграрными окраинами в основу пятилетки было положено сталинское указание о развитии промышленности на востоке, создании второго угольно-металлургического центра — Урало-Кузнецкого комбината, — второго текстильного центра в Средней Азии и т. д.

Осенью 1928 года начался новый обстрел пятилетки. К этому времени относится выход вредительских «Замосток экономиста» Бухарина. Этой статьей Бухарин, опираясь на баланс строительных материалов, состряпанный строительным комитетом ВСНХ и показывавший резкий дефицит кирпича, цемента и других строительных материалов, сделал попытку подвести «теоретическую» базу под капитулянтские требования правых реставраторов капитализма об урезке темпов пятилетки.

Выступление Бухарина было немеленно подхвачено другим махровым правоуклонистом — Фрумкинским. Скромный ведомственный журнальчик «Финансовое хозяйство», посвященный технике финансов, Фрумкин превратил в трибуну своих антипартийных выступлений. В унисон с Бухариным Фрумкин «доказывал» необходимость урезать вложения в тяжелую промышленность, снизить и резко замедлить темпы индустриализации. Выступления Бухарина и Фрумкина открыли весь сонм явных и тайных врагов пятилетки, открывших по всему фронту новые яростные атаки против нее.

С огромным вниманием следила Советская страна за ходом строительства любимого первенца индустриализации — Днепровской гидроэлектростанции. Сюда были брошены лучшие технические силы нашей страны: партия и правительство поручили руководство строительством одной из крупнейших электростанций в мире не иностранцам, а советским инженерам.

В глазах всего народа Днепрогэс являлся воплощением сталинской идеи индустриализации. Строительные работы на Днепре развивались чрезвычайно успешно: за 1927—1928 год в строительство было вложено 62,2 миллиона рублей. Это была еще не превзойденная в истории капитального строительства СССР сумма. А правоуклонисты нагло выступали против строительства Днепровской станции.

Когда осенью 1928 года партия и правительство обсуждали вопрос о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—1929 год и встал вопрос о размерах ассигнований на капитальное строительство, Наркомфин (одним из руководителей которого был Фрумкин) предложил сильно урезать просимые ВСНХ ассигнования.

Выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года, товарищ Сталин разоблачил все ухищрения Фрумкина и дал беспощадный по своей железной логике критический анализ его выступлений, его пресловутой «теории» «о возможностях», его неудачных попыток урезать ассигнования на дело индустриализации. На примере Фрумкина стране было показано, что представляет собой правый уклон.

В этой же речи товарищ Сталин с исчерпывающей ясностью поставил вопрос о темпе развития индустрии.

Подчеркивая напряженность наших планов, обусловленную внутренней и внешней обстановкой, товарищ Сталин говорил: «Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности... мы должны ликвидировать нашу технико-экономическую отсталость... И именно для того, чтобы провести в жизнь эту задачу, мы должны систематически осуществлять быстрый темп развития нашей индустрии»¹.

В своей резолюции ЦК партии категорически заявил, что «основной задачей партии, ее генеральной линией является линия на дальнейшую индустриализацию страны...»².

Осуществляя волю партии, неуклонно претворяя в жизнь указания товарища Сталина, его верный соратник В. В. Куйбышев дал энергичный отпор бухаринским попыткам ревизовать установки партии. В ответ на бухаринское выступление он написал письмо в редакцию «Торгово-промышленной газеты», в котором призывал не отступать перед трудностями.

В. В. Куйбышев предлагал развернуть промышленность строительных материалов, вложить жизнь в бездействующие заводы, мобилизовать местную промышленность, промысловую кооперацию. «Будите тех, кто спит, торопите медлящих, травите бюрократизм»³, — призывал В. В. Куйбышев работников печати.

Откликаясь на пламенный призыв В. В. Куйбышева, широкая советская общественность горячо заинтересовалась положением промышленности строительных материалов. На предприятиях цементной, кирпичной, алебастровой промышленности наблюдался необычайный производственный подъем. Коллективы предприятий

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 359—359. 3-е изд. Соцэкгиз. 1931.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 287.

³ «Торгово-промышленная газета» № 266 за 1928 год.

жадно искали у себя на производстве не затронутые еще производственные резервы и всегда находили их.

Из Ленинграда и Харькова, из Курска и Рыбинска, из Днепропетровска и Ростова, из Одессы и Баку, из Саратова и Киева — со всех концов Союза сообщали о возможности дополнительно загрузить предприятия, о десятках бездействующих кирпичных, алебастровых, известковых заводов. Оказалось также, что при помощи самых элементарных мероприятий производственная мощь их может быть во много раз увеличена. Выяснилось, например, что постройкой самых обычных дешовых сараев для сушки кирпича производство его может быть увеличено более чем в полтора раза. Блестящие результаты дали опыты применения ряда местных материалов: закавказского туфа, естественного шифера и др.

Бухаринской шулерской игре в «балансы» и цифирь, бухаринским попыткам равнять промышленность на «узкие» места была противопоставлена большевистская целеустремленность, активное воздействие на эти «узкие» места, концентрация сил и ресурсов именно на отстающих участках с таким расчетом, чтобы они перестали быть «узкими», чтобы они больше не тормозили развития всего строительства.

За усилением промышленности строительных материалов последовал тщательный пересмотр и увеличение резервов во всех остальных отраслях промышленности.

Пятилетка уже перестала быть делом одних только плановиков, экономистов, техников. Слово «пятилетка» сделалось родным и близким миллионам советских труящихся, оно превратилось в лозунг.

Текстильщики гор. Ивалова, Твери и Москвы заключили между собой договор социалистического соревнования на выполнение и перевыполнение плана. Вступили в соревнование колхозы и совхозы Украины. Геологи искали новые виды сырья, топлива. Агрономы культивировали новые технические культуры. На заводах и фабриках инженеры, техники, рабочие упорно улучшали работу тех именно участков, которые тормозили поступательное движение всего предприятия.

В этот период ставится на практические рельсы вопрос о создании индустрии искусственного волокна, кендыря, кенафа, каучуконосов. Группа ученых-химиков во главе с акад. А. Н. Бахом обратилась к правительству с докладной запиской о химизации народного хозяйства. Правительство вынесло в связи с этим решение создать специальный комитет по химизации. Перед комитетом были поставлены задачи детально разработать ряд про-

блем, в частности использования и расширения сырьевой базы, создания калийной промышленности, развертывания индустрии органических красителей, разрешение проблем синтетической химии (искусственный каучук, бензин). На Урале, в Чусовских городках, забил нефтяной фонтан, на карте угольных богатств СССР появился новый угольный бассейн — Карагадинский.

3

В январе 1929 года подготовка пятилетнего плана вступила в свою последнюю стадию. Разработанный ВСНХ проект промышленной пятилетки поступил на рассмотрение в Госплан. Созван был ряд совещаний для обсуждения вопросов пятилетки по основным отраслям промышленности.

С особым нетерпением ждали совещания, посвященного пятилетке черной металлургии. Именно вокруг этой пятилетки разгорелись особо жаркие бои в печати и в аппарате ВСНХ. От темпов создания новой, передовой металлургии зависели темпы индустриализации, темпы превращения СССР в передовую индустриальную державу.

Пятилетка черной металлургии, разработанная ВСНХ, предусматривала строительство ускоренными темпами новых заводов: Магнитогорского, Кузнецкого, Криворожского. 10 миллионов тонн чугуна должно было выплавляться к концу пятилетки. Это означало утроение за пять лет производства металла.

Совещанием руководил председатель промсекции Госплана — проф. Калинин (будущий «герой» процесса «Промпартии»). Докладывал план пятилетки один из ее составителей — главный инженер Главметалла Хренников (впоследствии тоже разоблаченный как вредитель).

Основной вывод Хренникова сводился к тому, что для того, чтобы строить новые металлургические заводы, Советскому Союзу придется ввозить не только проекты, не только оборудование, не только инженеров, техников, даже не только высококвалифицированных рабочих-металлургов, но и каменщиков. Из его доклада непосредственно вытекало, что Советскому Союзу предстояло затратить миллиарды валютных рублей на импорт материалов, машин, людей.

Лишь меньшинство участников совещания отстаивало цифры пятилетки. Представители этого меньшинства не скрывали трудностей, стоящих на пути строительства черной металлургии, но в то

же время они указывали методы и средства для преодоления этих трудностей.

Председательствующий Калининков построил свое заключительное слово предельно дипломатично. Воздав должное «удивительной плановой смелости ВСНХ», он заявил, что, тем не менее, предложения ВСНХ явно нереальны. Не 10 миллионов тонн чугуна и даже не 8, а максимум 5—6 миллионов тонн можно проектировать на конец пятилетки. За 13 предвоенных лет, говорил он, в пору самого бурного развития капитализма в России, когда из-за границы устремлялся непрерывный поток стерлингов, франков, марок, выплавка чугуна увеличилась лишь на 2 миллиона тонн, а тут хотят за 5 лет увеличить выплавку на 6,5 миллиона тонн — это без помощи иностранного капитала, за счет одних лишь внутренних ресурсов!

Глубокое недоверие к намеченным темпам, обстановка раз'едающего скептицизма, кривые улыбочки, которыми встречалось каждое выступление в пользу пятилетки, характерны и для многих других отраслевых совещаний, в частности по машиностроению, химии.

Но несмотря на все вылазки и ухищрения Калининковых, Хренниковых и т. п. созываемые совещания при Госплане все же дали положительный эффект. В процессе борьбы против врагов пятилетки выяснились отдельные неувязки в планах, концентрировалось внимание на отстающих и требующих особого форсирования участках народного хозяйства.

* * *

В то время как пятилетка проходила свой нелегкий путь в стенах Госплана, за пределами его уже развернулась кипучая работа по осуществлению пятилетнего плана.

Партия и правительство принимали все меры к тому, чтобы обеспечить стране возможность использовать все последние достижения мировой техники. Заключение договоров о технической помощи с крупнейшими мировыми концернами давало все гарантии того, что вновь создаваемая в стране мощная индустрия действительно воплотит последнее слово мирового технического прогресса.

К началу 1929 года в действии находилось уже около четырех десятков договоров о технической помощи.

Проектирование первой шеренги гигантов: Сталинградского тракторного, Магнитогорского и Кузнецкого заводов, Уралмаша — шло быстрыми темпами.

В ходе проектирования и ознакомления с последними достижениями мировой техники конторы этих гигантов принимали

все более величественные размеры. СССР брал курс на самые передовые домыны, мартены, машиностроительные заводы.

Лишь за год до того в США была задута крупнейшая для того времени в мире домна, объемом в 943 кубометра; в США впервые начали строиться могучие мартеновские печи произвольностью больше 150 тонн. Используя американский опыт, СССР приступил к строительству самых крупных в мире домен и мартенов: было принято решение строить на Магнитогорском заводе мартены мощностью в 150 тонн и печь объемом в 930 кубометров. (Впоследствии эта доменная печь была перепроектирована и объем ее доведен до 1000 кубометров.) Было вынесено решение строить целую серию гигантов авто- и тракторостроения на принципах непрерывного потока и массового производства. А между тем конвейер являлся тогда повинкой и в Западной Европе.

Товарищ Сталин непосредственно руководил всей работой по закладке новой технической базы промышленности, разработкой основных линий технической политики.

Первоначально в Магнитогорске предполагалось построить домыны объемом в 600 кубометров. Ознакомившись с последними достижениями американской металлургии, товарищ Сталин настоял на удвоении мощности домен. То же случилось с мартенами и блюмингами¹. Товарищ Сталин был инициатором строительства авто- и тракторных заводов. Товарищем Сталиным были даны основные указания, легшие в основу реконструкции всей золотой промышленности, химии, машиностроения, лесной промышленности.

Партия вынесла решение создать на берегу Днепра величайший в Европе комбинат в составе заводов качественных сталей, алюминиевого и т. д.

Не было уже к началу 1929 года заводов и фабрик, которые оставались бы в стороне от борьбы за пятилетку. Вновь и вновь изучались возможности каждого отдельного агрегата, станка, вновь и вновь пересматривались планы рационализации производства, планы наиболее эффективного использования сырья, топлива.

Первый год первой сталинской пятилетки ознаменовался пуском многочисленных новых предприятий, построенных в 1926—1928 годах. Одна за другой входили в строй бумажные фабрики: Балахнинская, Кондопожская, Сясьский целлюлозный завод; начали работать нефтепроводы Баку — Батуми, Грозный — Туапсе, нефтеперегонные заводы в Батуми.

¹ См. сборник «Встречи с товарищем Сталиным», стр. 44. Госполитиздат, 1930.

первый построенный советской властью металлургический завод в Керчи, первый мелеплавильный завод в Корсак-Пасе, текстильные фабрики в Иваново, Тбилиси, Ленинграде, стекольные заводы в Гусь-Хрустальном, Белом Бычке, и т. д., и т. д.¹.

Ввод в строй этих новых, механизированных предприятий означал активизацию значительных капиталовых вложений, рост промышленных ресурсов страны, он создавал новый резерв для борьбы за пятилетку.

С каждым днем становилось все яснее, что огромные массы крестьянства действительно повернули на колхозный путь, что партия сумела «...превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян»².

Колхозное движение открывало новые замечательные перспективы перед сельским хозяйством, оно несло с собой изобилие стране, но в то же время оно предъявляло новые требования к промышленности: социалистическое земледелие выступало как крупный потребитель сельскохозяйственных машин, тракторов, удобрений.

Пятилетний план все еще шествовал по инстанциям, а на Урале, на Украине, в Москве и Ленинграде, на Кавказе и на Дальнем Востоке по зову партии уже развертывалась героическая борьба за пятилетку. Последние этапы работы над составлением пятилетки переплелись с первым этапом работы по непосредственной ее реализации.

4

В марте открылся V съезд Президиумов Госпланов, который должен был обсудить окончательный проект пятилетки.

Многое изменилось за два месяца, отделявшие съезд Президиумов Госпланов от рассмотрения отдельных пятилеток Госпланом: успешно протекал ввод в эксплуатацию новых предприятий, найден ряд новых резервов на местах.

Да и самая пятилетка выглядела теперь по-иному. Это уже был не голый, абстрактный ряд цифр по отраслям промышленности и районам: к разработанному Высшим советом народного хозяйства детальному плану был приложен увесистый список конкретных новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, городов, поселков, которые предстояло построить. На огромной висевшей в зале карте красовалась густая сеть квадратов, ромбов, тре-

угольников, каждый из которых означал новый индустриальный центр.

А главное, эти треугольники и ромбы являлись уже не просто условными знаками. На местах с каждым днем все более бурно развертывалось строительство. Пятилетка уже осуществлялась. Это и наложило ярчайшую печать на всю работу съезда.

Открывая съезд, председательствующий Г. М. Бржижановский сразу определил направление его работы. Он указал, что дискуссия должна вестись не вокруг основных линий плана, не вокруг вопроса о темпах развития, не вокруг цифр плана, так как все эти вопросы исчерпывающе ясны: в центре внимания должен стать вопрос о наиболее рациональных методах и путях, которыми следует добиваться выполнения пятилетнего плана.

Многие из участников съезда, выступавшие на январских совещаниях против пятилетки, вынуждены были перед лицом фактов выступить с признанием пятилетки.

Яркую речь на съезде произнес В. В. Куйбышев. Сжато, лаконично и в то же время образно, с необычайным подъемом и воодушевлением тов. Куйбышев подвел итоги длительной дискуссии, происшедшей вокруг пятилетки. «Пятилетний план родился, — заявил он, — этот исторический факт можно зафиксировать».

Среди обывательских и полубывательских кругов, говорил В. В. Куйбышев, до сих пор замечается несколько ироническое отношение к планированию, особенно к перспективному. Иногда усмешки и ирония, недоверие к возможности составить пятилетний план сквозят в выступлениях отдельных экономистов и общественных деятелей. Между тем то, что происходит на этом съезде, является прекрасным доказательством необычайного укрепления плановой мысли, доказательством возможности запроектировать совершенно реальную и вполне детализированную пятилетку.

Закрывая съезд, Г. М. Бржижановский говорил о той непоколебимой бодрости и уверенности, которые так ярко прозвучали в речи Куйбышева, и предложил выразить ему за это глубокую благодарность.

V съезд Госпланов принял два варианта пятилетки: «отправной» — минимальный — и оптимальный. Минимальный вариант отставал от оптимального на 20%. Иными словами, минимальный вариант растягивал выполнение пятилетки еще на один год.

Оба варианта съездом Госпланов были переданы в Совнарком.

Март и апрель вновь и с особой силой показали, что только оптимальный, уско-

¹ См. «Торгово-промышленную газету» от 21 апреля 1929 года.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 269. 11-е изд. Госполитиздат. 1939.

ренный, вариант соответствует интересам страны.

Колхозы и совхозы надо было оснастить новейшей техникой: интересы коллективизации властно требовали всемерного форсирования всех отраслей промышленности, обслуживающих сельское хозяйство.

Поэтому в плане было дополнительно запроектировано строительство второго тракторного гиганта — в Харькове. Мощности Сталинградского завода, что называется, на ходу была значительно увеличена. Форсировалось строительство гиганта сельскохозяйственных машин в Ростове.

Реально намечались пути значительно более быстрого, чем это предполагалось ранее, строительства металлургических заводов. Один из крупнейших металлургов страны — главный инженер Кузнецкстроя И. П. Бардин, ныне академик, член Хозяйственного совета по металлургии и химии при Совнаркомом СССР, — убедительно доказал, что первый чугун может быть дан домнами Кузнецкого завода не через 7½ лет, как это утверждали ранее Хренниковы и им подобные, и не через 3½ года, как это предусматривала пятилетка, а через 2½ года.

Призыв Бардина подхватили руководители других строек. Одна стройка за другой брали на себя конкретные обязательства строить быстрее. Ускорение строительства являлось новым могучим резервом.

Творческая работа конструкторов показала, что многие машины, намеченные к ввозу из-за границы, могут быть созданы внутри страны, и это освобождало валютные ресурсы.

Ряд поправок пришлось внести в пятилетку угольной и нефтяной промышленности: более быстрые темпы развития топливотребляющей промышленности, ставшая реальной перспектива тракторизации и автомобилизации страны, естественно, диктовали необходимость соответствующего развития топливной промышленности.

На ход обсуждения пятилетки все большее влияние оказывает новый, огромного значения фактор — пламя социалистического соревнования, разгоревшееся с невиданной силой. Массы находили и выдвигали все новые формы социалистического соревнования. Именно в эти месяцы возникает то величественное движение миллионов, с которым пятилетки органически связаны, от которого пятилетки неотделимы. По почину комсомола на заводах, фабриках, рудниках, промыслах Донбасса, Ленинграда, Москвы, Баку, Урала нарождается новое замечательное движение — ударничество.

Ни одного прогула, жесточайшая трудовая дисциплина, максимум выработки при

отличном качестве, бережливое использование сырья, топлива, вспомогательных материалов — таковы были главные лозунги развернувшегося ударничества. Вскоре ударники дополнили эти лозунги еще одним: «Не жди, пока нормировщик придет к твоему станку, проявляй сам инициативу в пересмотре норм выработки!»

Осуществляя этот лозунг, сотни и тысячи рабочих по собственной инициативе вносили предложения повысить нормы, вносили рационализаторские предложения о дальнейшем улучшении производства.

Все это, вместе взятое: ускорение сроков строительства, новые потребности социалистического сельского хозяйства, великодушный порыв рабочего класса, нашедший свое выражение в ударничестве, — создало новую обстановку.

Вот почему уже через месяц (30 марта), когда пятилетка стала в порядке дня обязательного заседания Совнаркома и ЦО, минимальный вариант плана выглядел совсем убогим.

На этом заседании дискуссия шла вокруг одного вопроса — о том, надо ли сохранить оба варианта пятилетки, надо ли сохранить минимальный вариант.

Сторонники сохранения двух вариантов аргументировали свою точку зрения необходимостью иметь в запасе минимальный вариант плана на случай стихийных бедствий (неурожаи), а также на случай менее быстрой реализации качественных заданий пятилетки. В действительности, конечно, это была последняя замаскированная попытка правых реставраторов капитализма хоть в какой-либо мере задержать темпы развития социалистической индустриализации страны.

На одном из первых же заседаний после официальных докладчиков Госплана, предлагавших принять два варианта, выступил тов. А. И. Микоян¹.

Тов. Микоян предлагал утвердить один лишь вариант — оптимальный, так как нужно иметь ясную и четкую линию в дальнейшей работе. А. И. Микоян поставил вопрос о дальнейшем ускорении темпов развития нефтепромышленности, производства сельскохозяйственных машин, строительства электростанций.

На этом заседании сделал свою вражескую вылазку Рыков, предложивший параллельно с пятилетним планом развития всего народного хозяйства создать еще специальный двухлетний план развития сельского хозяйства.

Разоблачая это предложение Рыкова, товарищ Сталин на Пленуме ЦК партии в апреле 1929 года говорил:

¹ См. «Торгово-промышленную газету» от 1 апреля 1929 года.

«Двухлетний план выступил у Рыкова на сцену для того, чтобы потом, в ходе практического осуществления пятилетнего плана, противопоставить пятилетке двухлетку, перестроить пятилетку и присоединить ее к двухлетнему плану, сократив и обкарнав ассигнования на дело индустрии»¹.

Двухлетка вместе с ее автором была выброшена в мусорный ящик истории.

23 апреля объединенное заседание Совнаркома и СТО приняло решение утвердить в качестве программы хозяйственного строительства на ближайшие пять лет оптимальный вариант плана, сосредоточив на его осуществлении все усилия государственных органов и общественных организаций и всемерно мобилизуя для этой цели творческую энергию широких масс пролетариата, беднейшего и среднего крестьянства и научно-технических сил страны.

В тот же день начала работать XVI партийная конференция. Она одобрила «пятилетний план Государственной плановой комиссии в его оптимальном варианте, утвержденный Советом Народных Комиссаров СССР, как план, полностью отвечающий директивам XV съезда партии»².

В обращении ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза конференция призвала организовать во всех областях строительства соревнование фабрик, заводов, шахт, железных дорог, совхозов, колхозов, советских учреждений, школ, больниц.

20 мая 1929 года открылся V всесоюзный съезд советов. Хозяин советской земли утвердил пятилетку.

Пятилетний план — величественный сталинский план преобразования страны — был утвержден. Страна получила большевистскую программу действий.

* * *

Прошло 12 лет. В феврале 1941 года в Москве собралась XVIII партийная конференция. В докладах тт. Маленкова и Вознесенского подытожен замечательный путь, пройденный страной за время между XVI и XVIII конференциями.

Выполнив досрочно первую и вторую пятилетки, советский народ успешно работает над выполнением третьей пятилетки. Пятилетние сталинские планы стали могучим фактором борьбы за прогресс нашего народного хозяйства.

Осуществляя сталинский план социалистической индустриализации, СССР стал могучей индустриальной державой. В 1940 году промышленность СССР дала на 137,5

миллиарда рублей продукции, то есть в 8,5 раза превысила продукцию дореволюционной промышленности. По сравнению с 1929 годом Советский Союз увеличил свое социалистическое производство в 5,3 раза. Если уровень 1929 года приять за 100, то уровень промышленного производства в СССР в 1940 году составит 534%, а в США — лишь 111%. Таковы закономерности капиталистического и социалистического воспроизводства.

На советской земле навсегда ликвидированы безработица, аграрное перенаселение, нищета. Советский Союз завоевал экономическую независимость.

Нет такой машины, которую не могли бы сделать советские рабочие, под руководством советских инженеров, на советских предприятиях. Весь мир мог оценить качество советских танков, советских самолетов, всей той замечательной техники, которой социалистическая индустрия оснастила свою Красную Армию, в боях у озера Хасан, у Халхин-Гола, на Карельском перешейке, в боях за освобождение Западной Белоруссии и Западной Украины.

Коренным образом изменилась социальная структура советского общества. Эксплоататорские элементы ликвидированы. Произошло перераспределение населения между деревней и городом. За время между 1926 и 1939 годами население городов выросло с 26,3 миллиона человек до 55,9 миллиона человек, то есть больше чем вдвое. В то же время сельское население уменьшилось на 6,1 миллиона человек.

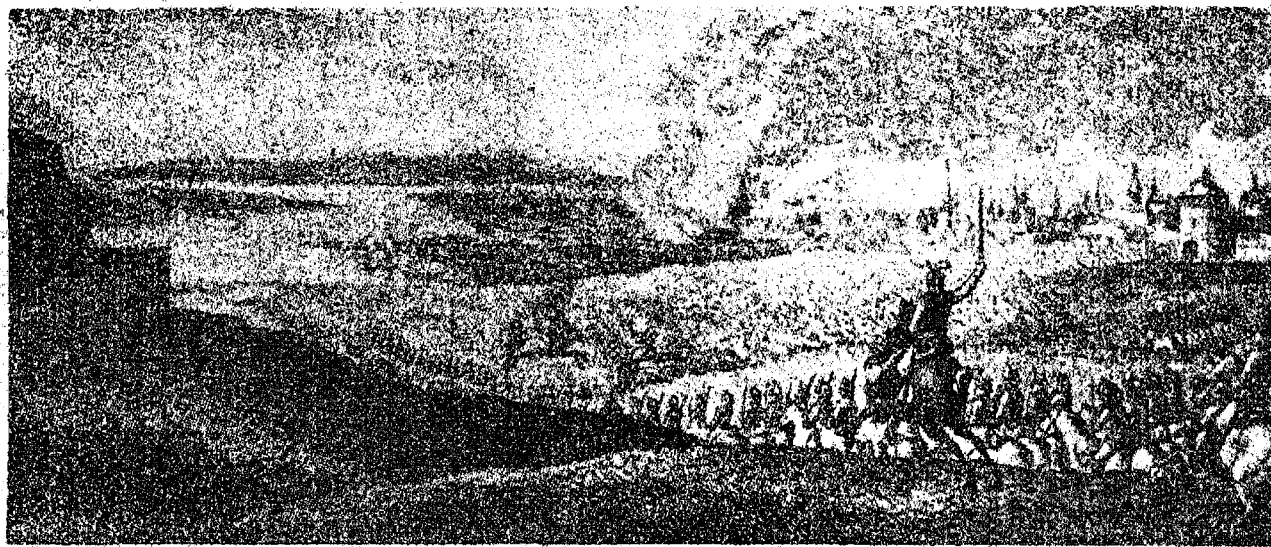
Народное хозяйство СССР развивается планомерно, по законам расширенного социалистического воспроизводства. Это означает неуклонный рост производства во всех отраслях хозяйства, это означает неуклонный рост социалистического накопления, материального благосостояния трудящихся.

А на завтра после окончания работы конференции, в день двадцатилетия Госплана СССР, в печати появилось сообщение о том, что ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР поручили Госплану СССР приступить к составлению генерального хозяйственного плана на 15 лет, рассчитанного на решение задачи — перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении.

Под мудрым сталинским руководством народы СССР досрочно выполнили первые две пятилетки и успешно выполняют третью. По величественному сталинскому замыслу они создадут и выполнят 15-летний генеральный план, разрешат главную экономическую задачу, завершат строительство бесклассового социалистического общества, завершат переход от социализма к коммунизму.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 255. 11-е изд.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях...». Ч. 2-я, стр. 327.

Проф. Н. Коробков

Взятие Измаила (1790 год)

Дрожит земля, дождь искр
течет;
Блокочут реки рдяной лавой.
О Росс! Таков твой образ
славы,
Что зрел под Измаилом свет.
Б а й р о н

1

«Знающим древнюю историю нашего отечества довольно известно, что воинство Российское, когда еще и просвещение регу¹ военных ему не поспешествовало войска мужественного имя носило. Но... когда к храбрости его природной дисциплина военная присоединилась... оружие российское там только славы себе не приобретает, где руки своей не под'емлет»².

Когда Петр I заново перестроил, вооружил и обучил свое войско, оно разбило и уничтожило лучшую из европейских армий того времени — армию Карла XII. При преемниках Петра технический уровень армии снизился. Основы новой национальной русской стратегии и тактики были забыты. Войско реорганизовали на прусский лад; решающую роль начали играть наемные командиры-иностранцы. Целью обучения сделались стройная маршировка на парадах, выправка, умение стоять в караулах. Уборка волос и шегольское одяние сол-

дата считались самым главным в военном деле. Чтобы в марше не гнулись колени, под них подвязывались лубки, «и словом так одевали, что ежели положить человека наземь, то он, — по свидетельству генерала Хрущева, служившего в это время в армии (2-я четверть XVIII века), — никаким образом сам собой без помощи другого встать не может. А в некоторых полках был сделан такой станок, в котором, чтобы прям был солдат, на несколько часов поставя, винтом завинчивали. Когда на караул должно идти роте, то за сутки начнут убирать волосы и убравши люди не могут спать иначе, как сидя...»³.

По свидетельству современника, то, «что в соблюдению настоящей службы нужно, почитали вещью маловажною... исправность ружья в редких полках наблюдаемо было, потому стреляло ли оно, или нет не всякой замечал, ибо войска готовились для глаз и хвалы, а не для войны...»⁴.

В армии были широко распространены телесные наказания и насаждался прусский взгляд на солдата как на машину. Организация управления, снабжения, санитарной службы находилась в самом неудовлетворительном состоянии. Полки были недоукомплектованы. Основную силу

¹ Хрущев А., ген. «Размышление, в каком состоянии армия была в 1764 году и проч». «Сборник главного управления генерального штаба». 1909. Вып. 3-й, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

³ Регулы — правила.

⁴ Из манифеста от 22 сентября 1762 года. Полное собрание законов Российской империи, № 11668.

составляли пехота и артиллерия, значительно улучшенная в елизаветинское время стараниями генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова. Конница, наоборот, была вовсе негодной. Плох был командный состав, особенно высший.

Все эти недостатки сказались в первый период Семилетней войны: в ее первую кампанию Россия фактически даже не сумела вмешаться. В последующие кампании успехи армии тормозились организационными неполадками, бездарностью командования, а в некоторых случаях и изменой; все это не позволяло полностью использовать результаты побед. И все же русские при всяком соприкосновении с неприятелем проявляли боевые качества, поражавшие противника, и в конечном итоге оказывались победителями. Как рассказывает капитан армии короля Фридриха, Архенгольц, русские в сражении под Цорндорфом (14 августа 1758 года¹) «явили зрелище, какого доселе не видывали примеров. Расстрелявши свои патроны, они стояли твердо... Свежие полки заступали ряды убитых и, казалось, желали иметь одинаковую участь с своими товарищами. Легче было их убивать, нежели принуждать к бегству»². «Что касается русских гренадеров — записал по тому же повелению аг'ютант короля де Катт, — то с ними нельзя сравнить ни одного солдата»³.

Будучи атакованы Фридрихом на Кунерсдорфских высотах близ Франкфурта (1 августа 1759 года), русские решительно разгромили армию этого крупнейшего полководца своего времени.

Причины приоритета русского войска в отношении считавшейся первой в мире и действительно замечательно обученной, великолепно вооруженной прусской армии⁴ можно искать лишь в качествах — прежде всего в моральных качествах — русского солдата.

Западноевропейские армии и, в частности, армия Фридриха составлялись из наемников, вербовавшихся не только в своем, но и в соседних государствах. Как признавал сам Фридрих, в солдаты шли люди из полонков общества, которых лишь при помощи жестокого насилия можно было держать в строю. Армию размещали в лагерях, оцепленных часовыми, вели в бой сомкнутыми линиями, на которых

следовали ряды, стрелявшие по оставшим или пытавшимся бежать.

Вступая на королевскую службу ради наживы, чуждые Idee родины, солдаты наемных армий не имели никаких моральных стимулов к самопожертвованию. При поражениях и неизбежном при этом падении дисциплины в войсках развивалось массовое дезертирство. Так например в 1757 году «дезерция» из прусской армии, потерпевшей поражение от австрийцев, была «так сильна, что понять не можно; каждый день по 1500 человек и более приходят... генерал Бек рапортовал, что он у себя уже до 6000 дезертиров имеет», и требовал повеления, «куда отправить оных»⁵. Как отмечает командовавший осадой Кольберга П. А. Румянцева (позднее фельдмаршал), пруссаки отрезали пойманным дезертирам носы и уши. Изуродованные люди, однако, снова бежали, и многие из них доходили до русского лагеря⁶.

Тактика прусской армии могла быть только линейной, так как при этом строе контроль над солдатом ослабился. Войско было связано с магазинным снабжением, потому что разрешение добывать

⁵ Донесения русского военного атташе при австрийской главной квартире ген. Шпрингера. Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), фонд Военно-ученого архива (ВУА), № 1657, л. 119.

⁶ Секретный журнал кольбергской экспедиции. ЦВИА, ВУА, № 1690, л. 44.

А. В. Сухорин.
Пастель работы художника Шиндлера, исполненная в Праге, 1880 год.

¹ Даты везде приводятся по старому стилю.

² Архенгольц И. «История Семилетней войны в Германии с 1756 по 1763 год». Перев. Мартос М. 1841, стр. 103.

³ Cat. Henri de «Mes entretiens avec Frédéric II». Mémoires et Journal. Leipzig, 1835, p. 358.

⁴ См. Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 202.

Форма высшего командного состава полевой пехоты. Конец XVIII века.

продовольствие реквизициями тотчас бы разложилось его.

Русская армия строилась на системе рекрутских наборов. Она была единообразна по национальному и социальному составу, регулярные ее части комплектовались из крестьянства великорусских областей (сбор рекрутов из других губерний введен лишь в третьей четверти XVIII века). Уголовные преступники даже по отбытии наказания в доекатерининское время в армию не допускались.

Срок службы солдат в третьей четверти XVIII века был ограничен 25 годами. Солдат был государевым служилым человеком и в своей службе видел долг перед родиной. Суровые условия жизни в армии, палочные наказания, трудность и опасность походов делали этот долг очень тяжелым. Не удивительно, что от рекрутчины старались уклониться всеми возможными способами, вплоть до побега. Нередки были случаи и дезертирства солдат, но, с другой стороны, имелось немало крестьян, которые искали в солдатчине спасения от гнета своих помещиков и стремились в рекруты. Когда при вступлении на престол Елизаветы распространился слух о восстановлении отмененного после Петра права крепостных записываться в войска, крестьяне во множестве бежали от помещиков и подавали просьбы о зачислении в солдаты. Многие старые солдаты так свык-

лись с армией, что, отслужив свои 25 лет, оставались служить сверхсрочно.

Если число побегов солдат наемной армии в военное время резко увеличивалось, то в русском войске наблюдалось, скорее, обратное явление. При этом большая часть побегов из русской армии была обусловлена не нежеланием сражаться, а следствием слишком жестоких «штрафов батожьем», страхом повторного наказания и в некоторых случаях причинами личного характера¹.

Внешняя дисциплина в русской армии, так же как и в наемных, поддерживалась палкой, однако внутренняя дисциплина ее, неизменно сказывавшаяся в наиболее ответственные моменты сражений, покоилась на глубоких и крепких основаниях. Она базировалась на моральном сознании долга перед родиной, вере в святость присяги и ярко выраженном чувстве взаимозвязанности, взаимной поддержки.

Энгельс и Мериинг очень отчетливо сформулировали последнее положение:

«Энгельс объясняет причины того, что Бернгарди и другие знатоки русского войска признают за неоспоримый факт, следующим образом: «Русский солдат обладает, безусловно, большой храбростью. Пока тактическое решение сражения заключалось в натиске больших сомкнутых пехотных масс, он был в своей стихии. Весь его жизненный опыт учил его держаться спаянно со своими товарищами. Полукоммунистическая «еще община в деревне, товарищеская работа артели в городе,— всюду круговая порука, взаимная связанность товарищей... Эта психология не оставляет русских и на военной службе. Массы батальонов невозможно рассеять. Чем больше опасность, тем сильнее спаянность отдельных групп»... Внутренней спайкой русских войск была не дисциплина постоянного войска, а дисциплина милиции², та, которая вытекает из общности условий труда и жизни входящих в армию солдат... Даже тогда, когда в русской армии дисциплина милиции сталкивалась с дисциплиной вкуча, побеждала первая»³.

Эти моральные качества были важнейшей предпосылкой победоносности русской армии и возможности создания на основе ее опыта форм стратегии и тактики, чрезвычайно близких к наполеоновской стратегии «сокрушения». Зачатки последней

¹ Следственные дела по армии, действовавшей в Пруссии в 1757—1761 годах. ЦВИА, ВУА, № 1672, лл. 458—459 и др.

² Милиция — ополчение, войско, формируемое во время войны.

³ Мериинг Ф. «Очерки по истории войны и военного искусства». М. 1938, стр. 448—449.

запальные военные историки связывают с американской освободительной войной, развитие — с войнами французской революции и завершение — с походами Наполеона. Русскую «сокрушительную» стратегию второй половины XVIII века при этом упускают из виду. Между тем особенности русской армии позволили ее полководцам значительно ранее американской войны отказаться от общераспространенной тогда в Западной Европе доктрины о стратегии на «истощение» противника. П. А. Румянцев, уже под Кольбергом (1761 год) нащупывавший пути этой новой стратегии и тактики, в кампанию 1770 года развернул ее в полном блеске, показав такие поражающие образцы, как победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле.

Суворов, органически выросший из среды армий и долгие годы служивший рядовым, пришел к той же идее, но он с большей полнотой, чем кто-либо из его предшественников, сумел осознать ее и подобно Наполеону найти единственно правильное тактическое и стратегическое применение войска, из которого он вышел и которое вел за собой.

2

После Семилетней войны на основе накопленного в ней опыта началась перестройка русской армии. Среди выдающихся военных администраторов того времени особенно выделялись Румянцев, Потемкин, Суворов, Панин. За ними следовала целая плеяда их сподвижников и учеников.

Армия была значительно увеличена, полки приведены к численному единообразию, переустроен Генеральный штаб, упорядочено положение, права и обязанности командного состава, введены новые кавалерийский и пехотный уставы. Наряду с линейным строем в армии стали применять движение и наступление колоннами: зарождалась тактика глубокого строя. Переходной формой к последнему являлось действие «кареями» (каре) разной величины, до мелких батальонных и даже ротных включительно.

Были созданы егерский корпус и особые егерские команды, приспособленные для действий в рассыпном строю и быстрой меткой стрельбы, значительно улучшена и усилена конница. В 70-х годах XVIII столетия не приспособленная к войне тяжелая кавалерия была упразднена. Артиллерия сделана более подвижной и единообразной по калибрам. Ей приклали саперов, увязали действие артиллерии с действиями других родов оружия.

Большое внимание было уделено обучению солдат. В этом отношении особенно много сделал Суворов. Выработанная им инструкция «Наука побеждать» с замеча-

тельной четкостью определила принципы обучения и воспитания войск, а также принципы новой, решительной, наступательной тактики, ведущей к победе.

Суворов установил, что обучать солдат надо только тому, что потребует на войне, и притом в условиях, напоминающих боевую обстановку. Излюбленной формой упражнения была сквозная атака. Войска, разделенные на две части, строились колоннами или развернутым строем и в ускоряющемся движении атаковали друг друга. При сближении бегущая пехота со штыками наперевес и кавалерия ни на минуту не задерживались. Штыки только в последнее мгновение поднимались вверх, и каждый солдат немного подался вперед, что давало возможность прорваться в образующиеся мелкие интервалы. Пройдя сквозь строй, стороны поворачивались кругом, перестраивались и повторяли атаку. Все это производилось с такой «фуррией», что люди нередко получали сильные ушибы.

Учение проводилось в условиях различной местности и часто ночью. На месте учений строились укрепления с рвами, волчьими ямами и рогатками. Группы войск поочередно обороняли и штурмовали эти крепости. Много внимания уделялось длительным переходам с суточной нормой в 30—35 верст.

Рядовой и унтер-офицер Фанагорийского полка.
Конец XVIII века.

Суворов особенно ценил действие холодного оружия и решение боя искал в мощном штыковом ударе. Это был единственно верный способ победы, так как при тогдашнем состоянии огнестрельного оружия эффективность его оказывалась крайне ограниченной. Задача заключалась в том, чтобы быстро пересечь поражаемую зону, после чего рукопашный бой кончал сражение¹.

Роль штыка повышалась еще более от того, что снабжение боевыми припасами в походе было затруднено. Каждый стрелок имел при себе лишь 20 пуль, и по 30 пуль на ружье возилось в запасе. Нередко случалось, что уже в первых сражениях пули оказывались израсходованными, а получить пополнение не представлялось возможным. «Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, как негде взять. Стреляй редко, да метко»², — требовал поэтому Суворов. Признавая решающее значение за холодным оружием, он вместе с тем ценил и ружейный огонь, но применял его ограниченно, избегал действия залпами и настаивал на индивидуальной меткой стрельбе³.

В основу тактики, знание которой Суворов считал обязательным для каждого солдата, Суворов клал «три воинские искусства»: первое — «глазомер», «как в лагере стать, как маршировать, где атаковать, гнать и бить»; второе — «быстрота: неприятель нас не чает, считает за сто верст; а когда издалека за двести, триста и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову»; третье — «натиск... Атакуй холодным ружьем... пехота коли в штыки, кавалерия тут и есть!.. Везде строй! В окончательной победе кавалерии, гони, руби! Кавалерия займется, пехота не отстанет»⁴.

Необходимейшей предпосылкой победы Суворов считал волю каждого солдата к победе. Солдат должен твердо знать цель операции. «Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той причине

даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»⁵.

И командир и солдат, стремящиеся к победе и ясно понимающие свои оперативные задачи, получили право и были обязаны в пределах строгой дисциплины проявлять личную инициативу.

Воспитанная на этих принципах, армия представляла собой живой, активный и целеустремленный организм, великолепно приспособленный к решительным действиям как в целом, так и частями. Это была кардинальная противоположность прусской армии, представлявшей законченный образец бездушного, четко действовавшего, но безынициативного, слепо подчиненного боевого аппарата.

Исходя из качеств и способностей своего войска, Суворов мог поставить перед ним задачи, совершенно недоступные для наемной армии. Вместо нерешительного маневрирования он применил быстрое наступление в решающем направлении. Выигрыш в войне обеспечивается, по мнению Суворова, не постепенным истощением противника, а уничтожением его живой силы. Для этого необходимо всегда держать инициативу в своих руках. Только «быстрое неослабное и безостановочное нанесение неприятелю удара за ударом приводит его в замешательство, лишает его всех способов справляться»⁶.

Если западноевропейские генералы XVIII века действовали растянутым фронтом, то Суворов не признавал «кордонной системы». Значительно раньше Наполеона он выработал принцип максимальной сосредоточенности сил в момент соприкосновения с неприятелем. «За полезное считаю рекомендовать при генеральной атаке необходимость в каждом случае предосторожность, именно ту, чтобы силы были вместе соединены, дабы не сделать атаку тщетною, отделяя войска без нужды и ослабляя произвольно»⁷.

«Потребно... единодушное, совокупное и единовременное содействие... войск»⁸.

Блестящие действия Суворова и его армии, не знавшей ни одного поражения, заполняют собой ряд страниц мировой военной истории второй половины XVIII века. Некоторые из них особенно ярко характеризуют гениальность вождя русской армии, таковы итальянский и швейцар-

¹ Дистанция активного действия ружейного огня в то время не превышала 40 метров; атакующая пехота могла преодолеть это расстояние примерно в 20 секунд, а кавалерия и того скорее. Поскольку ружья заряжались с дула, каждый из атакуемых мог успеть сделать за это время не более 2 выстрелов.

² «Вахт-парад».

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. «Военно-исторический журнал» № 5 за 1940 год, стр. 58.

⁶ Из донесения Суворова императору Павлу. 1799 год. ЦВИА, ВУА, № 2827. Ч. 1-я, лл. 23—24.

⁷ Письмо от 6 сентября. Цит. по списку из архива Государственного исторического музея.

⁸ Цитированное донесение. ЦВИА, ВУА, № 2827. Ч. 1-я, л. 25.

ский поход. В других разительно выступает несокрушимая мощь и несравненное мужество суворовской армии; таковы взятие Праги и еще более штурм Измаила. Но во всех этих, да и других эпизодах Суворов и армия были достойны друг друга, представляя собой страну, которой они служили. «Мы русские!» — с гордостью говорил Суворов своим солдатам перед сражениями. И Энгельс правильно определил его как национальное явление, называя «старика-солдата» «архирусским генералом».

3

Успехи внешней политики России в 70—80-х годах XVIII века на западных и особенно южных границах обуславливали неизбежность новых столкновений с соседями и в первую очередь с Турцией, которая не могла спокойно допустить присоединения Крыма к России. Со своей стороны русское правительство не довольствовалось полученными результатами. В середине 70-х годов Потемкин разработал так называемый «греческий проект», увлекший Екатерину. Намечалось полное изгнание турок из Европы и создание в восточной части Балканского полуострова и на побережье Эгейского моря «Греческой империи», корону которой хотели отнять второму внуку Екатерины — Константину. Из дунайских княжеств Молдавии и Валахии намеревались сделать буферное государство «Даклию», а западная часть Балканского полуострова должна была перейти в сферу влияния Австрии. Для осуществления этого проекта намеревались вызвать национальное восстание греков против турецкого владычества и, поддержав это восстание, захватить Константинополь. Естественно, что «греческий проект», из которого в Петербурге не делали тайны, вызвал величайшую тревогу европейских правительств. «Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы... не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой. Это было бы единоподержавным господством над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом. Это означало бы: что Черное море, лишь только пожелает царь, может быть закрыто для всех торговых и военных флотов, кроме русского, что это море превращено в русскую военную гавань и место маневров русского флота, который в любой момент мог бы из этого безопасного убежища делать вылазки через укрепленный Босфор...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 3-я, стр. 10.

Рассчитывать на осуществление проекта в реальных условиях того времени можно было лишь обладая неудержимым воображением Потемкина. Непозбежная война с Турцией имела, однако, и более реальные цели: укрепить и обезопасить русские границы и окончательно закрепить присоединение Крыма, продвигнуться до Дуная или, по крайней мере, до Днестра на югозападе.

Европейские кабинеты всеми способами старались затруднить положение России. Особенно энергично действовала Англия, толкавшая Турцию к выступлению против России и стремившаяся создать при этом максимально неблагоприятную конъюнктуру для русских. После неудачной войны 1768—1774 годов Порты желала, однако, иметь более реальные гарантии и долгое время воздерживалась от агрессивных действий, пока, наконец, в августе 1787 года, подстрекаемая английской и прусской дипломатией, не объявила России войну.

В Петербурге готовились к этой войне; в предвидении ее был заключен военный союз с Австрией, однако момент, избранный Портой для начала действий, оказался для России неожиданным. Дислокация частей, предназначенных для войны против турок, была беспорядочной. Войска плохо снабжались. Потемкин, назначенный главнокомандующим, действовал нерешительно, а командовавший австрийскими частями принц Кобург держался уклончивой тактики и вел двойственную политику. Флот вначале действовал неудачно, и лишь блестящая операция Суворова под Кинбурном (1 октября 1787 года) помешала туркам захватить этот стратегически важный пункт. Во время сражения погибло около 4500 человек из турецкого десанта.

После длительной осады Потемкин в декабре 1788 года, наконец, взял турецкую крепость Очаков. Между тем положение России осложнилось начавшейся войной со Швецией. Пруссия, мечтавшая о присоединении Данцига и Торна, с одной стороны, и шведской Померании — с другой, в начале 1790 года заключила союз с Портой. Сорокатысячный прусский корпус был придвинут к границам Лифляндии, другой, такой же силы, направлен в Силезию, чтобы угрожать отсюда Австрии, тогда как столичная резервная армия предназначалась для поддержки того или другого корпуса в зависимости от обстоятельств. Слабая Польша, до того находившаяся под полным влиянием России, вступила в союз с Пруссией. Если польские земли в начале войны использовались как база для операций против турок, то теперь они обратились в плацдарм, угрожавший тылу русской армии.

Австрия, переживавшая глубокий внутренний кризис и находившаяся под угрозой

нападения Пруссии, не могла продолжать войну. В июле 1790 года она заключила с Портой перемирие и приступила к переговорам о сепаратном мире.

Между тем Швеция, истощенная войной, заключила трактат с Россией (Верельский мир 3 августа 1790 года). Положение России улучшилось, но освобожденные русские войска не могли быть использованы для действий против турок: они были необходимы для обороны западных границ. Россия стремилась к скорейшему заключению мира, но Порта не соглашалась на предложенные ей условия, и переговоры тянулись безрезультатно. Русские должны были добиться успехов, которые сделали бы султана более сговорчивым.

Несмотря на отсутствие подкреплений положение русских на турецком фронте с конца 1789 года значительно укрепилось вследствие блестящих побед, одержанных Суворовым при Фокшапах (21 июля) и Рымнике (11 сентября). В кампанию 1790 года Потемкин наметил в качестве основной задачи овладеть нижним течением Дуная. Для этого необходимо было захватить крепости Исакчи, Тульчу, Килию и Измаил. Корпусу Суворова было поручено при поддержке флотилии генерала де Рибаса взять Галац и Браилов.

18 октября русские заняли Килию, гарнизон которой, согласно условиям капитуляции, отошел за Дунай. 7 ноября русские заняли Тульчу, а вслед затем — Исакчи.

Оставался Измаил, потеря которого должна была заставить турок поспешить с заключением мира.

Флотилия генерала де Рибаса и полковника Головатого направились к острову Сулину (Чатал) на Дунае против Измаила. Перед ними была поставлена задача — уничтожить турецкие суда, укрывавшиеся под защитой крепости. Вследствие неожиданности появления русских Сулин был взят без особого напряжения. На этом острове русские установили три батареи. 20 ноября суда де Рибаса и Головатого разместились выше и ниже города и, поддержанные артиллерией с острова, начали бомбардировку. Под прикрытием огня русские корабли приблизились к турецкой флотилии, часть ее уничтожили, быстро высадили десант и, атаковав каменный редут крепости (Табия), захватили его. Две попытки турок вернуть укрепление оказались безуспешными. Между тем продолжался жестокий обстрел крепости, в которой вспыхнули пожары. Не намереваясь начать более решительных операций и считая свои силы недостаточными для удержания захваченного редута, де Рибас отозвал войска и вернулся на остров. Турки попы-

тались высадить десант на Сулине, чтобы выбить отсюда противника, но были решительно отражены и в дальнейшем не возобновляли таких попыток.

В последующие дни число батарей на Сулине было доведено до 8; 80 орудий неустанно бомбардировали город и суда противника. Турецкий флот был почти весь уничтожен: только в сражении 20 ноября он потерял более 50 судов разной величины и много артиллерии.

В то время как флотилия де Рибаса действовала со стороны Дуная, с противоположной стороны 21 ноября крепость обложил отряд генерала Кутузова. 24 ноября на помощь ему подошли войска генерал-аншефа Гудовича, а вслед затем к крепости прибыл отряд генерал-поручика Потемкина (двоюродного брата главнокомандующего). Общее число осаждающих достигало 30 тысяч человек (29 батальонов, 11 эскадронов и 15 тысяч нерегулярных войск).

Войска располагались полукругом на расстоянии около 4 километров от крепостных верков. Командование не было объединено: Гудович, которому был подчинен Кутузов, Потемкин, де Рибас действовали самостоятельно. Между тем время шло, погода испортилась, начались дожди и холода. Чувствовался острый недостаток продовольствия и топлива. В ожидании вылазок противника русские солдаты спали не раздеваясь. Среди них начали распространяться болезни; лазареты были очень плохо организованы, в них работали невежественные лекари, хирургов не было.

Бомбардировка не приносила крепости существенного вреда, а на штурм командование не решалось. Между тем де Рибас, имевший поручение, уничтожив турецкую флотилию, идти к Галацу, намереваясь 27 ноября сняться с якоря. Накануне этого дня был созван военный совет. Исходя из того, что «осадной артиллерии нет, кроме морских орудий на эскадре и у полевой артиллерии один комплект зарядов, а для ближних ее выстрелов устроены с флангов крепости батареи ненадежны», совет вынес неопределенное решение — «обложение переметить в блокаду»¹ при условии обеспечения осаждающих продовольствием и топливом. Совет считал сомнительным возможность успешно штурмовать крепость и решение вопроса представлял главнокомандующему.

По существу, совет предлагал отказаться от дальнейших операций против Измаила. В соответствии с этим часть войск П. С. Потемкина отошла от крепости. Артиллерию отправили к Бендерам. Флоти-

¹ Постановление Военного совета от 26 ноября 1790 года. ЦВИА, фонд 82, связка 191, л. 16, л. 20.

для готовилась отплыть в Галац. Кампания заканчивалась, и надежда вынудить турок к заключению мира исчезала.

В этих условиях «светлейший» ордером от 25 ноября (т. е. накануне военного совета под Измаилом) поручил Суворову взять командование войсками, осаждавшими крепость, и «предпринять с помощью божиею на овладение города»¹. Потемкин считал целесообразным штурмовать город со стороны Дуная. «Рыбас будет вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым»², — писал Потемкин в приложенной к ордеру записке.

«Получа повеление вашей светлости, отправился я к стороне Измапла», — ответил 30 ноября Суворов, а за день до этого главнокомандующий отправил ему секретный ордер, в котором сообщил, что «прежде нежели достигли мои ордера к г. генералу-аншефу Гудовичу, генерал-поручику Потемкину и ген.-майору де Рибасу с препоручением Вам команды над всеми войсками, у Дуная находящимися, и о произведении штурма на Измаил, они репились отступить. Я получа сей час о том рапорт, предоставляю Вашему Сиятельству поступить тут по лучшему Вашему усмотрению продолжением ли предпрятий на Измаил или оставлением оного»³.

Суворов между тем выслал к Измаилу из-под Галаца свой любимый Фанагорийский гренадерский полк, 150 охотников Апшеронского полка и 1000 арнаутов — нерегулярное войско, набранное из местного населения. Вместе с ними он отправил продовольствие, 30 штурмовых лестниц и 1000 фашин. Сам Суворов выехал в сопровождении 40 казаков, но в дороге опередил конвой и уже 2 декабря, проскакав за двое суток 100 верст, явился под Измаилом, сопутствуемый одним ординарцем и встреченный общей радостью войск.

4

Ознакомившись с планом Измаила, Суворов начал ежедневные тщательные рекогносцировки местности и лично, сопровождаемый старшими командирами, обезджил крепость.

Крепость Измаил расположена на правом берегу килийского рукава Дуная, на склоне высоты, довольно круто спускающейся к реке. В этом месте скрещиваются пути из Галаца, Хотина, Бендер и Килии, и оно является ключом к овладению Доб-

руджей. Правильно оценивая значение этого пункта, турки тщательно укрепили его; работы были осуществлены под руководством французских и немецких инженеров. Оборонительная линия имела по реке около 2000 метров, с запада — до 1400 и с северо-востока — 2660 метров. Обширность крепости «по излучинам местоположения простирается до десяти верст; сие пространство употреблено в намерении, чтоб был он оплотом, в случае неудачи, где целая армия могла бы под закрытием без помешательства переправляться, ибо и мост внутри крепости. По сему то и наименован он орду калеси, то есть армейская крепость»⁴.

Насыпанный из земли крепостной вал, достигавший 8 метров высоты, составлял ломаную линию с входящими и исходящими углами и 7 бастионами. В юго-восточном углу отвесно поднимался на 12 метров кавальер⁵, вооруженный 22 орудиями. В западном углу приречной стороны мощный каменный казематированный редут Табия имел двухэтажную артиллерийскую оборону. Второй, одетый камнем бастион, усиленный башнями, очень высокий, крутой и вооруженный 22 орудиями, защищал крайний северный угол крепости. Всего на валах сухопутной стороны стояло до 200 орудий, а со стороны реки, где укрепления были слабее и имели незаконченный характер, было размещено до 35 пушек и мортир большого калибра. Передовую линию укрепления составлял ров, глубина которого колебалась от 6 до 10 метров при ширине в 12 метров. Местами он был залит водой.

Внутри Измаил разделялся на две части: большую, западную — старую — и меньшую, восточную — новую — крепости. Они отделялись одна от другой широкой низиной. В городе было значительное количество крупных и массивных каменных построек, обеспечивавших возможность обороны против прорывавшегося в крепость неприятеля.

Гарнизон Измаила был необычайно велик, так как в него влились войска из славившихся русским крепостей Килии, Хотина, Аккермана и Бендер. По сообщению Суворова в письме к австрийскому принцу Кобургу о взятии Измаила, «гарнизон состоял действительно из 35 000 вооружен-

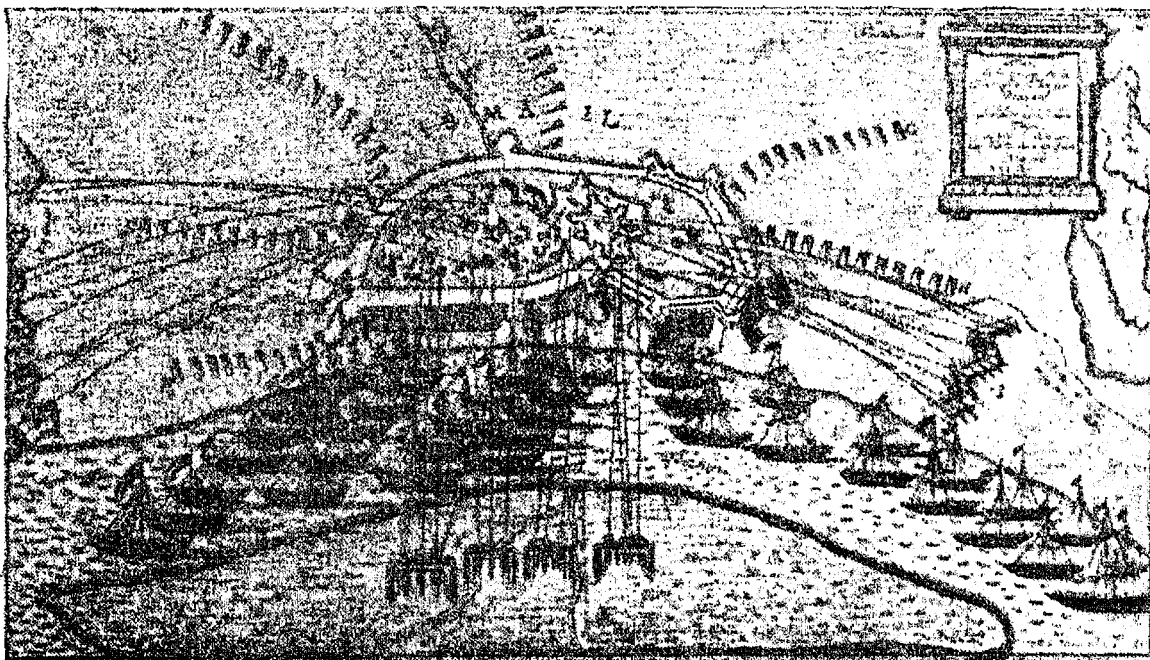
⁴ Прибавление к № 11 «Санктпетербургских ведомостей» от 1 февраля 1791 года. СПб. 5 февраля 1791 года, стр. 12 (воспроизведено в приложении к «Суворовскому сборнику». Варшавского военного журнала. Варшава. 1900).

⁵ Кавальер — фортификационное сооружение, господствующее над общекрепостными верками. Внизу помещались казематы для хранения припасов.

¹ Орлов, Н. «Штурм Измаила Суворовым в 1790 году». СПб. 1890. Приложение, стр. 128—129.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 130.

План штурма Измаила.

С гравюры того времени.

ных людей, хотя сераскир и получал провианту на 42 000»¹. Взять мощную крепость с гарнизоном в 35 тысяч человек, располагая лишь 31 тысячей людей, часть которых была вооружена крайне неудовлетворительно, да к тому же не имея осадной артиллерии, казалось делом почти невозможным.

Отчетливо понимая стоявшие перед ним трудности, Суворов, однако, без всяких колебаний решился на штурм. «Сего числа приступлено в заготовлению осадных материалов, коих не было для батарей, — писал Суворов Потемкину 3 декабря — и будем старатца их совершить к следующему штурму дней через пять в предосторожность возрастающей стужи и мерзлой земли; шанцовой инструмент по мере умножен: письмо вашей светлости к сераскиру отправлю за сутки до действия. Полевая артиллерия имеет снарядов только один комплект. Обещать нельзя божий гнев и милость зависит от его провидения...»².

Верный своему принципу «не презирать никогда неприятеля, каков бы он ни был, стараться знать его оружие и способ как оным действует и сражается»³, Суворов собирал сведения о расположении вражеских сил и состоянии крепости самыми различными способами: путем рекогносцировок, разведки, расспросов, через тайных агентов. Сущность этих сведений Суворов приказал сообщить армии так, чтобы они

были известны всем, от высших начальников до рядовых.

Дополнительно к высланным из-под Галаца материалам было заготовлено еще 40 осадных лестниц и 2 тысячи больших фашиш. В тылу русских войск выстроили укрепление с валом и рвом, воспроизводящими измаильские; расставленные сверху фашиши изображали неприятеля. По ночам, чтобы не привлекать внимания турок, войска под непосредственным руководством Суворова упражнялись здесь в штурмовании укреплений.

В ночь на 7 декабря на флангах войск, полукругом обложивших крепость, в расстоянии 2 километров от нее, началась постройка батарей, имевших целью дезориентировать противника, заставив его ожидать длительной осады. Две десятипушечных батареи, придвинутые на 320 метров к крепости, начали обстрел Табии; две других, также в составе 10 орудий, предназначенные для бомбардировки восточного укрепления, строились в 400 метрах от него под огнем противника. Продолжались и работы по постройке и усилению батарей на острове Сулине.

5 декабря подошли отступившие в конце ноября (т. е. еще до приезда Суворова) части Потемкина, а на следующий день явилось подкрепление, высланное из-под Галаца. 7 декабря Суворов отправил сераскиру Измаила Айдозли-Метмет-паше письмо главнокомандующего с предложением сдать. «Требую от вас добровольной сдачи города, — писал тот. — В таком случае все жители и войска Измаильские Турки Татары и прочие какие есть закона Магометанского отпустятся за Дунай и их име-

¹ Глинка С. «Жизнь Суворова, им самим описанная». М. Ч. 1-я, стр. 140.

² Орлов Н. Цит. соч. Приложения, стр. 131.

³ Глинка С. «Жизнь Суворова, им самим описанная». Ч. 2-я, стр. 233.

нием, но есть ли будете вы продолжать бесполезное упрямство, то с городом последует судьба Очакова, и тогда кровь невинная жен и младенцев останется на вашем ответе»¹.

Лично от себя Суворов написал:

«Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость при том бываемую! даю знать чрез сие вашему превосходительству и почтенным султанам! и требую отдачи города без сопротивления, тут будут показаны всевозможные способы к выгодам вашим и всех жителей! о чем и ожидаю от сего, чрез двадцать четыре часа решительного от вас уведомления к восприятию мне действий, в противном же случае поздно будет погубить человечеству когда не могут быть пощажены не только никто, но и самые женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства; и зато никто как вы и все чиновники пред богом ответ дать должны»².

За высокими валами Измаила турки чувствовали себя в безопасности. У них были громадные по сравнению с осаждающими силы. Сераскир Айдозли-Мегмет пользовался известностью как опытный военачальник и намеревался держаться до конца. Под его начальством находились выдающиеся турецкие паши и татарские султаны, среди которых выделялся брат крымского хана Каплан-Гирей, прославленный победой над австрийцами у Журжи (9 июня 1790 года), когда он захватил большую часть артиллерии противника, изрубил два батальона и заставил принца Кобурга снять осаду с Журжи и поспешно отступить к Бухаресту. Турецкий гарнизон был обеспечен продовольствием более чем на полтора месяца; боевые припасы имелись у турок в изобилии.

Сверх всего этого гарнизону Измаила был объявлен фирман (указ) султана, которым повелевалось в случае сдачи крепости казнить каждого из ее гарнизона, где бы он ни был обнаружен.

Желая протянуть время и дожидаться туманов и морозов, которые очень затруднили бы действия русских, сераскир не

отклонил предложения безоговорочно, а сообщил о намерении запросить визиря. В ожидании ответа он хотел заключить перемирие на 10 дней. Суворов отказал, но так как штурм еще не был подготовлен, продлил срок «размышления» до утра 10 декабря.

В назначенное время ответ не поступил. Суворов приказал прочесть письмо сераскира ротам; объезжая полки, он говорил с солдатами, напоминая им о былых победах и внушая уверенность в необходимости и неизбежности взятия Измаила.

Накануне штурма был созван военный совет. После вдохновенной речи Суворова о необходимости овладеть крепостью или умереть под ее стенами никто не решился предложить половинчатых решений. При опросе все вслед за младшим из членов совета бригадиром Платовым повторили: «Штурмовать!» Днем штурма было назначено 11 декабря. План операции, составленный еще до совета, неоднократно допелнялся и корректировался Суворовым³.

Согласно диспозиции, на штурм направлялись 3 группы войск в составе 3 колонн каждая. Со стороны Дуная 9 тысяч человек поручались командованию де Рибаса. Во главе 7500 человек, назначенных атаковать крепость с запада, был поставлен П. С. Потемкин; против восточного участка предназначались 12 тысяч человек под начальством генерал-поручика Самойлова. 2500 сабель выделили в резерв под командой бригадира Вестфалена.

Первая колонна (генерал-майора Львова) имела задачей, разрушив укрепление между берегом реки и Табией, атаковать Табию и прилегающую к ней куртину. Вторая колонна (генерал-майора Ласси) должна была атаковать куртину от Бросских до Хотянских ворот. К ним и к куртине слева направлялась третья колонна (генерал-майора Мекноба), четвертая колонна (бригадира Орлова) назначалась для удара на куртину восточнее Бендерских ворот; распространяясь отсюда вправо, она должна была поддержать пятую колонну (бригадира Платова). Последняя, направляясь по ложбине, отделявшей старую крепость от новой, должна была прорваться в крепость, а частью помогать высадке десанта. Обе колонны состояли из спешенных казаков. Их крайне неудовлетворительное вооружение состояло главным образом из укороченных пик. Шестая колонна (генерал-майора Голенищева-Кутузова) предназначалась для атаки вала у Билийских ворот и прилегающих к ним участков.

³ Первый вариант плана был составлен де Рибасом и скорректирован Кутузовым.

¹ Орлов Н. Цит. соч. Приложения, стр. 132.

² Там же, стр. 133—134. Обычно цитируется другое письмо Суворова: «...Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи...» и т. д. Однако этот вариант, известный по черновику Суворова (ЦВИА, ф. 52, оп. 194, связка 191), им же зачеркнут, вследствие чего надо полагать, что эта записка не была послана, а вместо нее отправлено цитируемое письмо.

Штурм Измаила.

С гравюры того времени.

Конный резерв располагался группами позади наступающих: против Бросских, Хотинских и Бендерских ворот и восточнее последних.

Со стороны Дуная, первой (восточной) колонной (генерал-майора Арсеньева) предстояло действовать против новой крепости, кавальера и прибрежного бастиона. Ей должна была помочь группа казаков, продемонстрировавших против примыкающего к Дунаю вала. Вторая колонна (бригадира Чепеги) направлялась против центра обсервы, а третья (секунд-майора Маркова) — против старой крепости.

Флотилия должна была плыть двумя линиями: впереди — 145 легких судов с десантом, за ними — 58 более крупных судов, прикрывавших высадку огнем своих тяжелых орудий. Обоз намечалось отвести в тыл, построить в вагенбург¹ и поручить охране гусарского эскадрона из резерва. Выделенные (по 100 человек) из каждого батальона резерва люди несли охрану лагеря. Командующий штурмом должен был находиться близ района действий третьей колонны.

Начало штурма назначили на 5 часов, т. е. за 2½ часа до рассвета, с тем чтобы еще в темноте овладеть валом, а уличный бой вести после восхода солнца. Сигналом к штурму служили три ракеты. На всякий случай начальникам приказали сверить часы, с тем чтобы и без сигнала во-

время начать наступление. Для того чтобы сигналы не заставили турок насторожиться, каждый день перед рассветом в разных местах пускали ракеты.

Силы внутри колонн были заранее распределены, установлен порядок действия стрелков, способы забрасывания рва фашинами, доставки и установки штурмовых лестниц; четко определены действия частей внутри города.

Ранним утром 10 декабря 600 русских орудий начали бомбардировать крепость с воды и суши. Обстрел продолжался беспрерывно около суток и окончился за 2½ часа до начала штурма. Эта подготовка имела не только тактическое, но и огромное моральное значение — положительное для русских, отрицательное для турок. Крепость первоначально отвечала, потом огонь стал слабее и, наконец, вовсе прекратился. Тем не менее русские потеряли под огнем противника 1 судно и до 400 человек.

В этот же день до Рибас произвел репетицию высадки десанта. Это, с одной стороны, дезориентировало турок, а с другой стороны, показало русским трудности операции и помогло избежать на следующий день той путаницы и суматохи, которые наблюдались на репетиции.

Перед вечером войскам читали приказ Суворова: «Храбрые воины! Приведите себя в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам

¹ Вагенбург — полевое укрепление, составленное из обозных экипажей.

предлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить или умереть со славою»¹.

Солдатам было приказано отдыхать. Их должны были разбудить не более чем за четверть часа до начала наступления (чтобы не увеличивать ожиданием первого возбуждения). Начальники должны были бесшумно вывести свои части и положить их в 300 шагах от контрэскарпа².

В ночь на 11 декабря в русском лагере, однако, почти никто не спал. Суворов обходил расположение войск, останавливался у костров, разговаривал с солдатами, вспоминал, как отличились полки в прошлую войну, кампании и сражения, хвалил доблесть солдат, говорил о предстоящем новом подвиге, и солдаты восторженно слушали его³. Во время обхода лагеря ему доставили письмо от австрийского императора Леопольда, которое он сунул в карман не читая.

В крепости царило сдержанное волнение. Сераскир Мегмет-паша приказал половине гарнизона бодрствовать и всю ночь об'езжал посты; дозоры ходили вдоль куртин; командиры отрядов проверяли часовых. Ночью с 10-го на 11-е два запорожца-изменника перебежали к туркам и осведомили их о готовящемся штурме. «Через всю ночь» в Измаиле «было молчание и только слышан был глухой шум, изъясняющий внутреннюю заботу и осторожность»⁴.

В 3 часа пополудни, едва видная в густом тумане, поднялась первая сигнальная ракета; войска, построены в колонны, заняли места, назначенные по диспозиции. По второму сигналу войска начали строиться в боевой порядок и в 5½ часов бесшумно пошли на приступ. Утро было темное, а туман так стусился, что не все видели третью ракету. Внезапно крепость опоясалась огнем залпа: «От выстрелов... была вся в свету»⁵. В ответ тотчас загрела русская канонада. Зная, какое

значенно солдаты придадут действию артиллерии, но опасаясь, что под стенами крепости они попадут под свой же огонь, Суворов в целях поддержки духа войск приказал стрелять холостыми зарядами. Несмотря на темноту колонны двигались в полном порядке, под музыку.

В голове каждой колонны шли отборные стрелки, за ними — рабочие с шанцевыми инструментами; солдаты несли фашины и лестницы. Позади колонн следовал их частный резерв.

Суворов, окруженный небольшой группой штабных офицеров, принимал донесения и руководил действиями, посылая приказания через выделенных для этого ординарцев.

Первой приблизилась к крепости вторая колонна (Ласси). По диспозиции, она должна была атаковать куртину у Бросских ворот, но Ласси нашел более выгодным направить удар на соседний бастион. Под картечью и частым ружейным огнем противника солдаты забросали ров фашинами, полезли на вал по приставленным лестницам, взбирались, цепляясь за выступы, придерживаясь за воткнутые в вал штыки. Оставшиеся внизу егеря стреляли, целясь на огни турецких выстрелов.

Среди первых егерей, ворвавшихся на вал, был секунд-майор Неклюдов; за ним вместе с солдатами поднялись прапорщик Гагарин и командовавший колонною Ласси. Толпы турок окружили передовых, рубя их саблями, сбрасывая в ров пиками. Было много убитых. Неклюдова тяжело ранили. Группа солдат во главе с Ласси с трудом отбивалась от окружившего ее неприятеля. Егеря, собранные Гагариным, бросились снизу на выручку и оттеснили противника.

Между тем первая колонна, забросав ров фашинами, перебравась через каменный палисад, тянувшийся от редута Табии к Дунаю. За палисадом был второй ров. Его пришлось переходить под картечным огнем редута. На той стороне огромная толпа турок обрушилась на русских с холодным оружием. Фашигорийцы и алшеронцы пошли в штыки, отбросили турок, овладели несколькими батареями и, оглябая редут, под гранатами и картечью ринулись к Бросским воротам. Командовавший колонной генерал Львов, любимец Потемкина, не выдержал ужаса боя, отстал и оказался раненым. Командование взял на себя суворовский ученик полковник Золотухин. Штыковой атакой он захватил Бросские ворота, пробился до Хотинских, отворил их, впустил русскую кавалерию и соединился со второй колонной.

Третья колонна (Мекноба), штурмовавшая большой северный бастион, куртину и

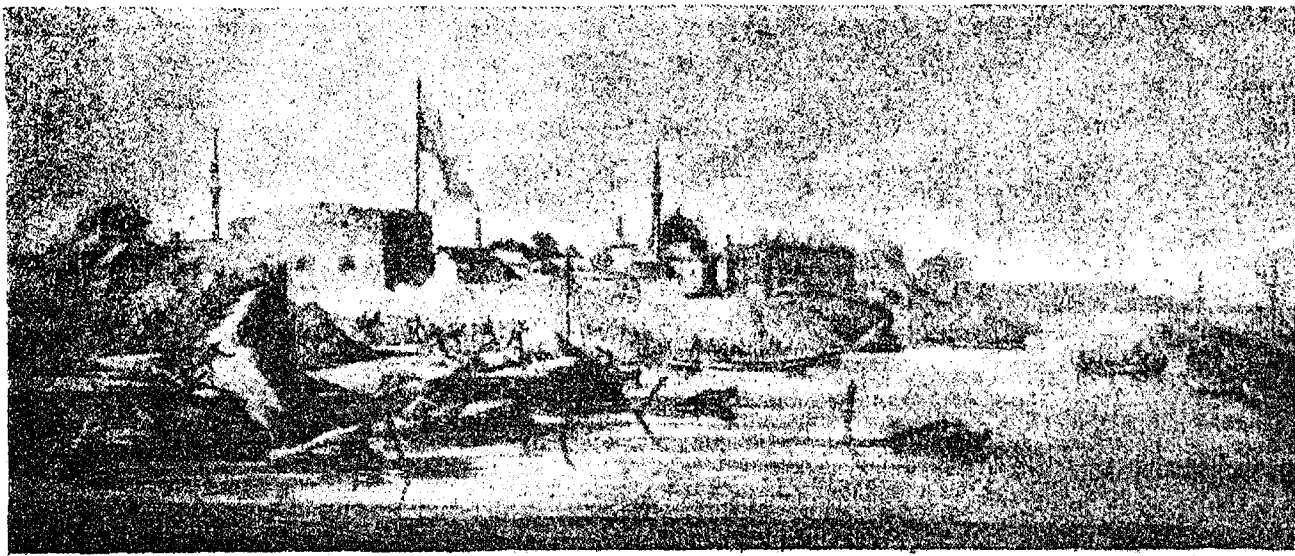
¹ Петров А. «Вторая турецкая война». СПб. 1880. Т. II. стр. 337—338

² Контрэскарп — боковая поверхность наружного рва укрепления со стороны поля. Контрэскарп делается с расчетом затруднить спуск в ров при штурме и выход из него при отступлении.

³ Смитт Ф. «Суворов и падение Польши». СПб. 1866, стр. 337—338.

⁴ Прибавление к № 11 «Санктпетербургских ведомостей» 1 февраля 1791 года, стр. 18.

⁵ «Рассказы старого воина о Суворове». М. 1847, стр. 374.

Штурм Измаила со стороны Дуная.

С гравюры Шифляра.

малый бастион за нею, очутилась перед стеной высокой стеной, что десятиметровые лестницы оказались слишком короткими и их пришлось под жестоким огнем противника связывать по две. Эта задержка стоила многих жертв.

На валу русские встретились с яростным сопротивлением отборных янычар, которыми командовал сам сераскир. Туркам удалось сначала потеснить атакующих, но подошедший русский резерв помог сломить сопротивление противника. Большой бастион был занят. Начался бой за куртину. Мекноб был тяжело ранен. Ранены были и все командиры егерского Лифляндского корпуса.

В очень тяжелом положении оказалась четвертая колонна (Орлова), атаковавшая укрепление левее Бендерских ворот. Когда часть колонны взбиралась на валы крепости и передовые наверху вступили уже в отчаянную схватку, а вторая половина была еще внизу, ворота раскрылись, и массы турок ударили на оставшихся во рву казаков. Последние своими укороченными миками встретили противника, но это несовершенное оружие разлеталось под ударами сабель, и казаки гибли сотнями.

Русские во рву были бы вовсе истреблены, если бы Суворов сразу же не выслал им на подмогу конницу из своего резерва, поддержанную пехотой из резерва колонны. Атакованный со всех сторон, противник частью погиб, частью прорвался обратно к воротам, которые успел закрыть за собой.

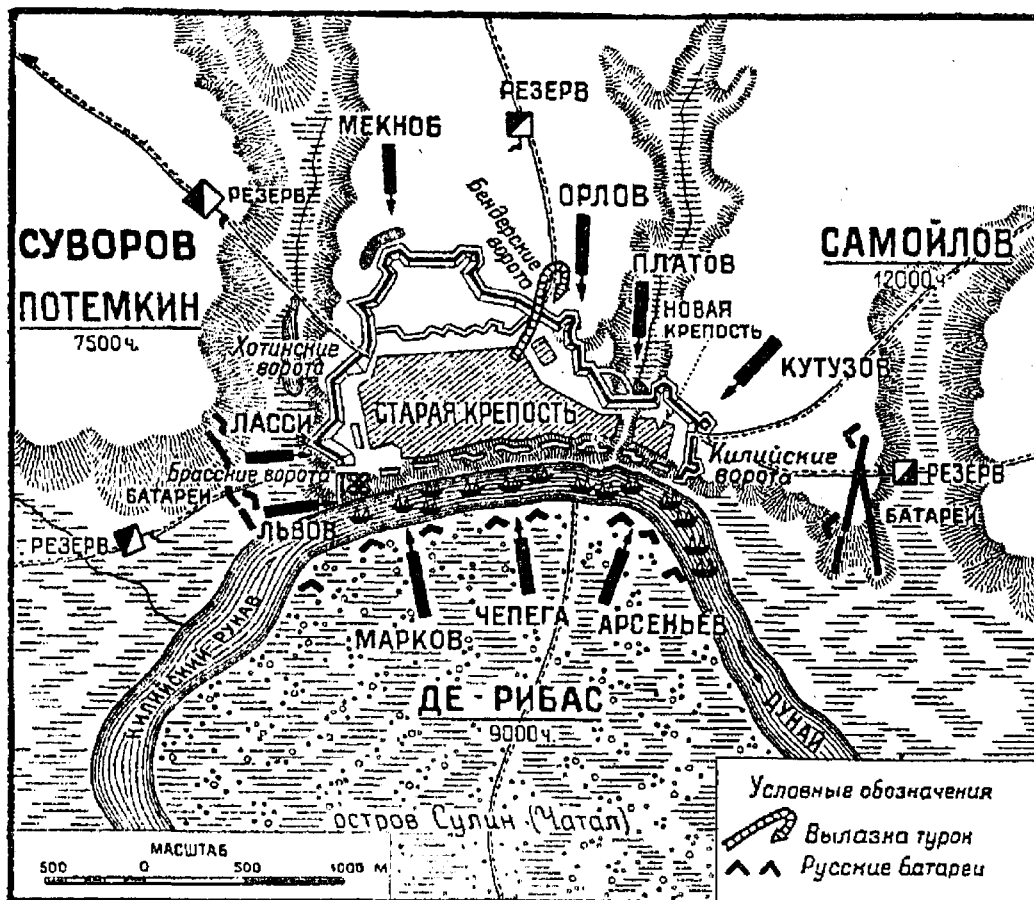
Орлов, наконец, овладел валом при поддержке действовавшей рядом пятой колонны (Платова). Последней, чтобы добраться до вала, пришлось перейти низину, залитую водой. Это обстоятельство, а также необходимость выделить часть сил на под-

держку погибавших во рву казаков Орлова и огромные потери задержали Платова. Однако при помощи батальона Бугских егерей, высланных Кутузовым из его резерва, Платов, наконец, отбросил противника, занял свой участок и сомкнулся с колонной Орлова. Вслед затем он проник в город и вступил в связь с войсками, высаживавшимися на берегу Дуная.

Между тем колонна Кутузова после отчаянного боя захватила бастион у Клипейских ворот и выдержала натиск огромного скопища турок; поддерживаемая резервным Херсонским гренадерским полком, она штыками отбросила неприятеля и прочно заняла свой участок.

Со стороны Дуная штурм тоже был удачен. Десантные войска высадились на берегу между 7 и 8 часами утра под прикрытием огня с судов. Колонна Арсеньева быстро овладела высоким кавальером, батареями и укреплениями, но понесла при этом огромные потери. Менее успешно действовала вторая колонна (бригадира Ченегги). Задержка произошла уже при высадке, так как назначенные в авангард запорожцы, устрешенные огнем крепости, отказывались высадиться. Пришлось пропустить вперед регулярную пехоту, которая и захватила вражеские батареи. Третья колонна (Маркова) выходила на берег под картечным огнем с редута Табин. Уже в это время она понесла большие потери, и ее командир был ранен. Плохо ориентируясь в темноте, колонна направилась на сближение с Ласси, в то время как отдельные ее солдаты уже проникли в город.

С наступлением рассвета все крепостные сооружения были в руках русских. Предстояло брать город. Суворов двинул вперед резервы. Конница и полевая артиллерия были введены в открытые во-

Штурм крепости Измаил. Схема составлена на основе архивных материалов и планов, приводимых Антиным, Орловым, Колубакиным.

рота крепости. С ружьями наперевес, под музыку пехота пошла в наступление. Жесточайший бой закончился на узких улицах. Из домов стреляли, бросали гранаты. Вспыхивали пожары. Все крупные каменные постройки превратились в центры ожесточенного сопротивления. Суворов приказал бить картечью из 20 легких орудий вдоль улиц, занятых противником. Вместе с тем он выделил усиленную охрану к пороховым складам, которые турки пытались взорвать.

Колонна Ласси первая пробилась к центру города и атаковала здесь армянский монастырь, в котором засело около тысячи турок под начальством татарина Максуд-Гирей. После упорной борьбы русские ворвались в монастырь, истребили сопротивлявшихся и взяли в плен около 300 человек.

Четвертая и пятая колонны сражались в это время на площади, где их окружили массы турок. Плохо вооруженные казаки несли огромные потери, но их поддерживали высланные из резерва Бугские егеря, которые штыковыми ударами во фланг принудили противника к бегству. Силы неприятеля все еще не были истощены, и он пытался не только организовать правильное сопротивление, но и выбить русских из занятых ими участков.

Каплал-Гирей, собрав янычар и несколько тысяч конных турок и татар, атаковал наступающих. Напад на черноморских казаков, он нанес им большие потери и захватил два орудия, но не выдержав схватки с подоспевшей русской пехотой, погиб геройской смертью вместе со своим отрядом.

После упорного сопротивления было взято каменное здание близ Бендерских ворот, где погибло около 1500 турок, а 250 сдались в плен.

Сераскир Айдозли-Мегмет-паша с 2 тысячами отборных янычар и приближенными 2 часа сопротивлялся в каменном хане¹ неподалеку от Хотинских ворот. Его атаковал батальон фанагорийцев под командой полковника Золотухина. Накопец ворота были выбиты пушечными выстрелами, и солдаты ворвались внутрь здания. В ожесточенной схватке большая часть янычар была убита; несколько сот сдалось в плен. Их вывели во двор, чтобы обезоружить, но в это время один из янычар выстрелил и русские солдаты бросились в штыки. В живых тут осталось не более 100 турок. Среди погибших оказался и сераскир.

¹ Хан — гостиница, караван-сарай.

Город был залит кровью, трупы грудами лежали на улицах. Солдаты, приведенные в ярость упорным сопротивлением, уничтожали все встречавшееся на их пути. По обычаю того времени, город был отдан им «в добычу».

В 2 часа дня весь Измаил был в руках русских. Суворов отправил по улицам конные раз'езды, уничтожавшие последнее сопротивление. Турки, засевшие в мечети и укрывшиеся в каменных ханах, сложили оружие. Последним сдался редут Табия. В 4 часа дня сопротивление прекратилось.

Кутузов, которого Суворов назначил комендантом Измаила, расставил караулы и патрули, устроил огромный госпиталь. Город стали очищать от трупов. Пленных отправили в Николаев.

Турки потеряли при штурме более 26 тысяч убитыми и около 9 тысяч пленными. Из числа последних 2 тысячи тяжело раненых вскоре умерли. Кроме множества военного снаряжения, орудий, оружия и другой добычи в Измаиле, судя по дописаниям, взято 400 знамен, 7 бунчуков¹ и 2 санджака², у русских было убито около 4 тысяч человек. Из 6 тысяч раненых более половины умерло вследствие тяжелых ранений и недостатка врачебной помощи. В официальных реляциях показаны другие, меньшие цифры, но они маловероятны.

5

Штурм Измаила — один из поразительных примеров русской военной истории. Позднее Суворов говорил о нем, что на такой штурм можно решиться только раз в жизни. Когда солдаты смотрели потом с высоты валов на верки и рвы Измаила, они поражались, что такую крепость можно было взять штыками. Успех подобного предприятия был возможен лишь при изумительных боевых качествах атакующих и образцовой подготовке и организации штурма.

Если с начала русских операций под крепостью много времени было пропущено зря, а бесполезная бомбардировка, не нанося существенного вреда противнику, только побуждала его лучше укреплять Измаил, то Суворов не потерял бесплодно ни одного часа времени. Едва получив ордер Потемкина, он тотчас отправился к месту назначения и прибыл туда через

двое суток. За 9 дней, прошедших до штурма, было сделано все, что возможно: заготовлены штурмовые припасы, войска специально обучены, их моральный дух поднят.

Из сил, имевшихся в распоряжении Суворова, ничто не осталось неиспользованным. Он не выделил даже сколько-нибудь значительного резерва, кроме того минимума, который был расположен позади атакующих.

Момент атаки был выбран чрезвычайно удачно. В самом плане ее не было ничего исключительного, но он был мастерски выполнен. Суворов нашел его настолько удачным, что по тому же почти принципу построил позднее (в 1794 году) не менее удачный штурм Праги.

Во все время штурма войска действовали дисциплинированно. Были очень умело использованы все роды оружия, действовавшие в полном взаимодействии. Начальники частей проявили не только точность в исполнении плана, но и большую находчивость. Следуя общей директиве, они в нужных случаях проявили ценную инициативу в соответствии с обстановкой боя. Вместе с тем они показали высокое личное мужество, причем из общего числа около 650 офицеров, участвовавших в штурме, выбыли из строя (убитыми и ранеными) до 400 человек. Наряду с этим имелись и единичные проявления трусости. Помимо упомянутого выше случая с командиром первой колонны Львовым можно указать на происшествие с полковником Хвостовым, который пытался уклониться от командования после ранения командира третьей колонны Мекноба.

Несравненную доблесть проявили солдаты. Старики, рассказывавшие про этот штурм, говорили: «Никто из нас не думал о смерти, но никто же не думал остаться живым»³. Солдаты рвались в бой, обгоняя командиров, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

По свидетельству Суворова, «мужество, твердость и храбрость всех войск в сем деле подвизавшихся оказались в полном совершенстве нигде более не могло означится присутствием духа начальников расторопность и твердость штаб и оберофицеров, послушание устройство и храбрость солдат, когда при всем силном укреплении Измаила со многочисленным войском при жестоком зашищении продолжавшемся шесть с половиною часов, возле неприятель поражен был, везде сохранил был совершенный порядок»⁴.

³ «Рассказы старого воина», стр. 376.

⁴ «Суворовский сборник» Варшавского военного журнала, стр. 46. Варшава. 1900.

Патенне Измаила произвело огромное впечатление как в Турции, так и во враждебной России Европе. Ждали появления русских на подступах к столице Порты: пути для наступления за Дунай и далее были открыты.

Перешительный Потемкин не сумел, однако, использовать плоды победы. Талантливый военный администратор, умный политик и дипломат, он на всем протяжении войны проявлял себя как самый посредственный полководец.

Взятием Измаила Потемкин закончил кампанию. Он отправил Суворова обратно к Галацу и, расположив войска на зимние квартиры, уехал в Петербург, где за взятие Измаила получил шитый драгоценными камнями фельдмаршальский мундир, Таврический дворец и другие награды.

Первое свидание Суворова с Потемкиным в Яссах, после взятия Измаила, закончилось известной размолвкой, которая дорого обошлась Суворову. За свою победу он был произведен одиннадцатым подполковником Преображенского гвардейского полка (полковником этого полка числилась Екатерина); в память покорения Измаила была выбита медаль, с одной стороны которой изображен мало похожий на Суворова профиль. Эти награды, полученные вместо заслуженного фельдмаршальского жезла, Суворов называл позднее «стыдом Измаильским».

По настоянию Потемкина Суворов был отозван из действующей армии и с второстепенным поручением отправлен в Финляндию.

«Пятьдесят лет практики обратили меня в класс захребетников,— писал отсюда Суворов секретарю Екатерины II Турчагинову, — стерли меня клеветы, ведая, что я всех старше службою и возрастом, но не предками и не камердинерством у равных...»¹.

¹ «Суворов в Финляндии». «Вестник Европы» № 10 за 1883 год, стр. 766—767.

Ужасное кровопролитие при взятии Измаила не раз вызывало порицания жестокости Суворова. Массовые потери казались особенно вопиющими на фоне иногда вовсе бескровных войн XVIII века. Стараясь избежать жертв, Потемкин бесконечно тянул, например, осаду Очакова и не обращал внимания на то, что люди в его армии во множестве умирали в это время от эпидемических болезней и недоедания. Та же медлительность, боязнь прямых жертв и непонимание огромности потерь, которые страна и армия несут при войне на истощение, угрожали затянуть на несколько лет третью Польскую войну. Суворов явился тогда как хирург, чтобы тяжелой, но быстрой операцией прекратить болезнь, конца которой не было видно. «Миролюбивые фельдмаршалы при начале Польской кампании провели все время в заготовлении магазинов, — говорил Суворов после кровопролитного штурма Праги. — Их план был сражаться три года... Какое кровопролитие! И кто мог поручиться за будущее!.. Одним ударом приобрел я мир и положил конец кровопролитию»².

Маркс и Энгельс позднее указывали: «...без насилия и железной решимости ничто в истории не делается... если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались... мягкосердечием... что случилось бы с историей!»³. Огромные жертвы при быстром, решительном и сокрушительном способе ведения войны в сущности гораздо менее ужасны чем последствия нерешительных, медлительных и затяжных военных действий⁴.

² «Польская война 1794 года в реляциях и рапортах Суворова». «Красный архив» № 4 за 1940 год, стр. 156.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 212.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 38.

ЛИТЕРАТУРА: Антинг Ф. «Жизнь и военные деяния Генералиссимуса князя Итальянского гр. А. В. Суворова-Рымнического», Ч. II, стр. 132—181. СПб. 1800; Глинка С. «Жизнь Суворова, им самим описанная», Ч. I, стр. 115—143. М. 1819; Богданович М. «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции», стр. 228—261. СПб. 1852; Боголюбов А. «Полководческое искусство А. В. Суворова», стр. 44—53. М. 1939; Елчанинов А. «А. В. Суворов». «История русской армии и флота», Т. II. Вып. 2, стр. 105—112. М. Изд-во «Образование». 1911; «История генералиссимуса кн. Итальянского гр. Суворова-Рымнического», Ч. I—II, стр. 73—83. М. 1812; Калинин С. «Суворов», стр. 36—44. М. 1938; Колобакин Б. «Суворов под Имаилом». «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба», стр. 172—196. СПб. 1900; Песковский М. «Суворов. Его жизнь и военная деятельность», стр. 52—56. СПб. 1899; Петрушевский А. «Генералиссимус князь Суворов». Гл. II, стр. 231—252. СПб. 1900; Орлов Н. «Штурм Имаила Суворовым в 1790 г.». СПб. 1896; Петров А. «Вторая Турецкая война в царствование императрицы Екатерины II». Гл. 5, стр. 165—190. СПб. 1880; Смит Ф. «Суворов и падение Польши». Ч. I, отд. 9, стр. 303—362. СПб. 1866—1867; «Реляция о взятии приступом города и крепости Измаила». «Суворовский сборник» Варшавского военного журнала. Приложения, стр. 1—46. Варшава. 1900; «Собрание всех помещенных в ведомостях обей столиц с 1787 по 1791 год включительно реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи». Ч. IX. Москва. 1791; «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба», стр. 246, 261—262, 270, 276, 305—306, 316, 341—346. СПб. 1901.

Сенат при Петре I

1

В системе административных реформ Петра образование Сената занимает центральное место.

В конце XVII века старая Боярская дума перестала играть существенную роль в государственном управлении. Она становилась помехой реформаторской деятельности Петра I, деятельности, направленной к созданию и укреплению военно-бюрократической империи.

После приезда Петра I в 1698 году из заграничного путешествия Боярская дума больше не собиралась. Вместо нее было создано новое учреждение — «Консилия», то есть систематические с'езды начальников приказов для решения различных государственных дел. Но это вновь созданное учреждение не было достаточно стройным, гибким и постоянно действующим высшим правительственным органом.

«Консилия» происходила в Ближней канцелярии, которая занималась вопросами государственных доходов и расходов и контролировала финансовую деятельность приказов. «Консилия» не была простым продолжением Боярской думы, которая всегда находилась при царе, непосредственно руководившем ее работой. С'езды начальников приказов собирались большей частью без царя, так как Петр, постоянно занятый разнообразными делами, редко бывал в столице.

Состав «Консилии» существенно отличался от состава Боярской думы. В заседаниях «Консилии» участвовали только руководители приказов. Совершенно отсутствовали представители духовенства, а из думных бояр присутствовали лишь те, которые руководили приказами.

С'езды начальников приказов в Ближней канцелярии были новым высшим правительственным учреждением, промежуточным звеном между старой Боярской думой и Сенатом, созданным Петром I только в 1711 году.

В буржуазной исторической и историко-юридической литературе имеются разноречивые суждения по вопросу о том, были ли идея и организация высшего правительственного учреждения в России — Сената — заимствованы у Западной Европы.

В. Т. Сергеевич писал: «...Сенат — название не русское, это может навести на

мысль, что и самое учреждение позаимствовано, особенно если вспомнить, что почти все петровские учреждения списаны с иностранных. Тем не менее сенатом мы никому не обязаны. Заимствовано лишь одно имя, а что касается существа дела, то это учреждение совершенно оригинальное, свое русское, созданное Петром из Боярской думы, на основании тех потребностей и нужд, которые сам Петр испытывал в деле управления государством»¹.

В. В. Ивановский высказал противоположное мнение. Он считал, что идея и организация Сената с некоторыми изменениями, приспособленными к русской действительности, были заимствованы у Западной Европы. «Сенат, — писал он, — учрежден в России при Петре Великом в 1711 году, по образцу подобного же учреждения, существовавшего в Швеции. Изучая государственные учреждения в Швеции, Петр Великий остановился именно на сенате; это учреждение с некоторыми изменениями, приуроченными к быту русской жизни, должно было, по его мнению, найти удобную почву и в системе нашего управления...»².

Э. Берендтс, который считается знатоком государственного устройства и хозяйства Швеции, дал отрицательный ответ на вопрос, был ли Сенат создан по типу Государственного совета Швеции. В 1710 году, после десятилетнего пребывания в Швеции, возвратившись в Россию из плена генералы Адам Вейде и Головин. В Швеции они ознакомились с устройством шведской центральной администрации. От них Петр мог узнать об организации шведского Государственного совета, который во время отсутствия Карла XII управлял государством. Но был ли Сенат слепком со шведского Государственного совета? В этом Берендтс сомневается. Он ссылается на то, что шведский Государственный совет никогда не носил названия Сената, вел борьбу против политики Карла XII, когда тот находился в Турции, в то время как созданный Петром Сенат пользовался у него огромным доверием.

¹ В. Т. Сергеевич «Лекции и исследования по истории русского права», стр. 833. СПб. 1893.

² В. В. Ивановский «Русское государственное право». Т. I, стр. 218. Казань. 1896.

Собственноручный указ Петра I от 22 февраля 1711 года об учреждении правительствующего Сената.

Собственноручный указ
Петра Великого
о учреждении
Сената
в 1711 году

Собственноручный указ
Петра Великого
о учреждении
Сената
в 1711 году

Собственноручный указ Петра I от 22 февраля 1711 года об учреждении правительствующего Сената.

С. Петровский писал: «В настоящее же время мы можем с некоторою вероятностью только догадываться, что Шведский Сенат послужил по образцу, потому что наш Сенат 1711 г. и последующих годов до 1718 по своему устройству не походит на шведский...»¹. Далее Петровский развивает мысль о том, что сходство созданного Петром I Сената со шведским Государственным советом было лишь внешним. Оно было вызвано сходством положения России и Швеции. Обе страны переживали длительную, изнурительную войну. Карл XII находился в постоянных отлучках, и вместо него страной управлял Государственный совет, которому даны были большие полномочия. Петр также редко бывал в своей столице. Управление страной находилось в руках «Консилии» и приказов, которые действовали неслаженно.

Это сходство в положении обеих стран, нуждавшихся в сильном правительственном учреждении, возможно, привело Петра к мысли учредить в России вышнее, с огромными полномочиями учреждение и назвать его Сенатом: «Определили быть для отлучек наших правительствующий Сенат, для управления...»².

Утверждение Петровского, что образование Сената было вызвано лишь условиями войны и постоянными отлучками Петра I, нельзя признать правильным. Можно согласиться с ним лишь в том, что сходство Сената Петра I со шведским Государственным советом могло быть только внешним.

¹ С. Петровский «О Сенате в царствование Петра Великого», стр. 86. М. 1975.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. IV, № 2321 (в следующих списках — сокращенно «ЛСЗ»).

В исторической литературе и в источниках нет прямых указаний на то, что принципы и структура Сената были заимствованы у Швеции. Петр I хорошо знал о существовании в ряде западноевропейских стран высших государственных учреждений, называемых сенатом. С некоторыми из них велась переписка (венецианским, шведским, польским), но нет никаких оснований предполагать механическое перенесение их устройства в Россию, так как каждое из них имело свои особенности.

Необходимо вообще иметь в виду, что в практике управления государством Петр I довольно часто называл иностранными именами должностных лиц и учреждения. Так возникли названия «министр», «губернатор», «канцелярия» и т. д. Несомненно, что административные реформы Петра в той или другой степени имели на себе отпечаток влияния Западной Европы. Иноземные названия учреждений и должностных лиц свидетельствуют о том, что Петр I, как преобразователь, стремился отделить старые учреждения и порядок их управления от новых, хотя в иных случаях под новыми наименованиями сохранялось старое содержание. Тем самым Петр хотел показать разрыв преемственной связи между старой администрацией и вводимой им новой.

Сенат, как высший орган власти, был учрежден без соответствующей подготовки и плана. Эта реформа была проведена Петром так же бессистемно, как и другие его административные реформы, до образования коллегий. Если бы Петр в основу учрежденного им Сената желал положить принципы и структуру какого-нибудь из западноевропейских сенатов, то, несомненно, он или его ближайшие со-

трудники вели бы в этом направлении определенную подготовку. А это, безусловно, нашло бы отражение в виде материалов и справок в огромной переписке Петра I и его сотрудников за первое десятилетие XVIII века. Такие материалы в архивах не обнаружены. Следовательно, можно утверждать, что, создавая подчиненный ему высший орган государственной власти — Сенат, — Петр I не брал за образец какой-либо из западноевропейских сенатов. Но он усвоил идею о необходимости для России централизованного, гибкого аппарата власти по образцу передовых европейских государств.

Сенат состоял из девяти человек, сенаторы назначались из представителей крупного дворянства. Они должны были возглавлять центральный аппарат власти, помогать царю управлять государством. Внутренняя и внешняя обстановка: народные волнения и восстания, непрерывающиеся войны, напряженное финансовое и экономическое положение, а особенно разрушение старого центрального приказного аппарата губернской реформой 1708—1710 годов — все это в совокупности настойчиво требовало создания нового центрального аппарата государственной власти для выполнения тех задач, которые стояли перед господствующим классом помещиков-крепостников и купцов.

Первоначально петровский Сенат по своей структуре и функциям во многом был похож на старые московские приказы и не имел никакого сходства с западноевропейскими учреждениями. Но с первого же дня своего существования он был бюрократическим учреждением, высшим центральным аппаратом государственной власти.

Учреждением Сената и рядом указов Петр I добивался такой организации центрального государственного аппарата, которая могла бы устранить исторически сложившуюся бесконтрольность местных и центральных учреждений. Эта бесконтрольность приводила к тому, что воеводы и приказные чиновники могли грабить не только население, но и государственную казну, нанося ущерб общегосударственным интересам.

В буржуазной исторической и историко-юридической литературе существовало довольно распространенное мнение о том, что Сенат в первый период его организации был временной комиссией, а не постоянным органом власти. Обычно ссылаются на указы от 22 февраля и 2 марта 1711 года, в которых говорится, что Сенат создан «для отлучек наших». Буржуазные историки и юристы толковали формально эти указы, что приводило их к ошибоч-

ному выводу. На самом деле Сенат с первого дня его организации являлся постоянным учреждением, которое постепенно совершенствовалось. В письмах и указах Петра Сенату и своим ближайшим сотрудникам нет ни малейшего намека на временный характер этого учреждения. Когда Петр I бывал в столице, то Сенат не прекращал своей деятельности.

Мысль о Сенате, как о высшем центральном государственном учреждении, высказанная в указе об учреждении Сената от 22 февраля 1711 года, в четкой и категорической форме подтверждена Петром I в его письме из Горок от 11 марта 1711 года А. Д. Мещникову, который в то время находился в Риге, командуя армией на захваченной у шведов территории. В этом письме Петр I сообщал о принятых им мерах для пополнения армии рядовым и командным составом: «...для пополнения беглых я накрепко Правительствующему Сенату наказал, чтоб несколько тысяч в Москве имели в готовности, и уже собрано не мало, и надеюсь, что то исправлено будет»¹. Далее в этом письме давались указания о формировании войск, расположенных в западных гарнизонах, и артиллерии. В конце письма Петр подчеркивал: «Еще-ж объявляю, уже вы известны, что мы определили Сенат Правительствующий, которому всю полную мочь дали, того ради извольте о всех требованиях писать к ним, а к нам только о том веление давать, дабы время не терять»².

Из этого письма Петра Мещникову очевидно, что Сенат являлся помощником царя, высшим органом власти во всей системе государственного аппарата, а не временной комиссией на время отлучек царя из столицы.

Реформы 1708—1710 годов и образование Сената в 1711 году означали огромный шаг вперед в деле централизации и упорядочения государственного аппарата. Наряду со старыми, разрозненными и потерявшими свое значение приказами создавались новые учреждения, более гибкие и централизованные.

Создалась такая структура государственного аппарата: Сенат — высшее административное, судебное и контролирующее учреждение; обломки старых приказов, которые или слились с аппаратом губернских канцелярий или стали в зависимость от губернаторов (некоторые приказы формально сохранили свою самостоятельность, но были лишены многих функций, свойственных центральному аппарату); губернские центры во главе с губер-

¹ И. И. Голицын «Деяния Петра Великого» Т. IV, стр. 523. М. 1838. 2-е изд.

² Там же, стр. 524.

наторами, к которым были приписаны города и уезды. Таким образом создавался дифференцированный бюрократический аппарат, лучше чем старые приказы приспособленный для того, чтобы выколачивать из населения различные государственные повинности и подавлять растущее сопротивление народных масс. Этот аппарат обеспечивал Петру I проведение активной внешней политики и ликвидацию экономической и культурной отсталости России.

2

Изучая деятельность Сената и его роль в создании и укреплении централизованного бюрократического аппарата государственной власти помещиков-крепостников и торговцев, необходимо прежде всего выяснить классовый состав Сената в его первоначальном виде и проследить происшедшие в нем последующие изменения, вплоть до образования коллегий.

Нам известно из указа об образовании Сената от 22 февраля 1711 года, что состав Сената был определен в девять человек. Из них двое входили в состав Ближней канцелярии: Стрешнев, начальник разряда, и граф Мусин-Пушкин, начальник монастырского приказа. Остальные семь человек были преимущественно из крупных военных и гражданских чиновников: князь Голицын, архангельский губернатор, впоследствии один из представителей консервативной оппозиции, сторонник царевича Алексея Петровича; князь Волконский, обер-комендант Ярославской провинции; Самарин, кригс-цальмейстер, с 1708 года начальник мундирной канцелярии, привлекался по делу царевича Алексея; Апухтин, генерал-квартирмейстер; Племянников, управляющий казенными парусными заводами; князь М. В. Долгорукий, неграмотный, за которого приговоры Сената подписывал Племянников; Мельницкий, стольник. Обер-секретарь Сената — Шукин, который до образования Сената был прибыльщиком и президентом илжерских канцелярий.

В состав Сената до образования коллегий не входили верховные господа, или «принципалы», как их называл Сенат в своих приговорах: князь Меншиков, адмирал Апраксин, генерал-фельдмаршал Шереметев, канцлер Головкин, подканцлер Шафиров, начальник Ближней канцелярии Зотов. Но отсутствие этих, наиболее влиятельных, ближайших сотрудников Петра в Сенате не умаляло его значения как высшего правительственного учреждения в стране и не ставило его во второстепенное положение в системе государственных учреждений. Принадлежность сенаторов к крупным помещикам-крепостникам несо-

мненна. Большинство из них до образования Сената занимало высокое положение в государственном аппарате: Стрешнев и Мусин-Пушкин были членами Боярской думы и «Министерской консили» в Ближней канцелярии и т. д. Совершенно очевидно ошибочность утверждения М. Н. Покровского, будто состав Сената был собран «без всякого внимания к их происхождению и социальному положению...»¹.

Сенат по своему составу коренным образом отличался от старой Боярской думы и Ближней канцелярии. Сенаторы были подобраны Петром I из дворянской знати, но по их личным заслугам и способностям, а не по родовитости и должностному положению, как это было раньше с составом Боярской думы и Ближней канцелярии. Местничеству был нанесен последний, сокрушительный удар.

Первоначальный состав Сената 1711 года не был устойчивым. В нем уже в 1712 году начали происходить перемены. В 1712 году из Сената ушел по старости сенатор Мельницкий. В 1713 году сенатор князь Голицын был назначен на должность рижского губернатора. С конца апреля 1713 года он не присутствовал на заседаниях Сената, хотя указа об освобождении его от сенаторских обязанностей не было.

В 1714 году на сенатских приговорах больше не встречается подписи Племянникова.

В связи с обнаружившимися злоупотреблениями и казнокрадством в приказах и канцелярии Ингерманландской губернии было арестовано и привлечено к ответственности несколько человек, в числе их сенаторы Апухтин, который управлял купеческой палатой и денежными дворами, и Волконский, управлявший Тульским оружейным заводом. Следствием было установлено, что они не только совершали злоупотребления в деле управления порученными им казенными предприятиями, но и злоупотребляли властью как сенаторы, используя в личных интересах свое положение: под чужими именами подряжались «на торгу в Сенате на поставку провианта по дорогой цене» и т. д. В 1714 году они были отстранены от занимаемых должностей, а в начале 1715 года осуждены, подвергнуты публичному наказанию и высланы.

Сенатор Самарин, привлеченный по делу царевича Алексея, по имевшему указу Петра I от 6 февраля 1718 года был

¹ М. Н. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. II, стр. 314. М. 1933.

гибкости, самостоятельности и четкости в работе. Порядок решения дел в Сенате не отвечал этим требованиям. Заметив этот существенный недостаток, Петр указом от 4 апреля 1714 года установил, что дела в Сенате должны решаться большинством голосов.

В порядке работы Сената были некоторые черты сходства с порядком работы старой Боярской думы и «Консилии» министров в Ближней канцелярии: не были установлены точные сроки заседаний, которые созывались по мере накопления дел в канцелярии Сената; не было обеспечено постоянное присутствие кого-либо из сенаторов в канцелярии Сената для текущей работы, которой руководил обер-секретарь Шукин.

Этот недостаток был скоро замечен Петром, и 16 апреля 1714 года последовал именной указ, устанавливавший более четкий порядок работы канцелярии Сената. Каждому сенатору вменялось в обязанность активно участвовать в текущей работе Сената. Были установлены ежедневные дежурства сенаторов в канцелярии. Дежурные сенаторы должны были просматривать дела, готовить вопросы к очередным заседаниям Сената, созывать сенаторов на эти заседания, посылать «подтвердительные указы» соответствующим лицам и учреждениям о своевременном и точном выполнении ими именных указов и сенаторских приговоров. От каждого сенатора требовалось, чтобы он вел журнал, где он должен был записывать, что им сделано во время дежурства. Таким образом, на сенаторов возлагались определенные обязанности по руководству текущей работой Сената, и выполнение этих обязанностей контролировалось.

Однако установленный порядок работы сенаторов в канцелярии Сената соблюдался ими плохо. Вследствие этого 20 января 1716 года последовал именной указ, который требовал от каждого сенатора, чтобы он во время своего месячного дежурства не только каждый день заходил в Сенат для соблюдения порядка, установленного указом от 16 апреля 1714 года, но выполнял работу, возложенную на дежурного сенатора, не считаясь со временем: «...все дни сидеть не только, что с утра до обеда, но и после обеда, если дело случится...»¹. Это означало, что сенаторы должны не формально отбывать свое месячное дежурство, а руководить текущей работой канцелярии Сената, контролировать исполнение его решений и быстро решать те вопросы, которые не требуют участия всех сенаторов. Этим же указом устанавливалось календарное расписание за-

седаний Сената. Заседания должны были происходить три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам.

За неявку на заседания без уважительных причин, засвидетельствованных сенаторами, налагался штраф в 50 рублей за каждый пропущенный день.

В делах Сената за 1718 год имеются указания, что количество заседаний Сената в неделю иногда не ограничивалось тремя днями и доходило до четырех и даже пяти дней в неделю. Заседания происходили в разных местах: «...в понедельник — в городе, вторник — майорские дела, среду — коллегии, четверг в адмиралтействе, пятницу — в сенате»². Заседания Сената начинались с 5 часов утра. «Майорские и коллегийные дела в казенном дому и чтоб в пятом часу по утру везте начинать»³. В определенные дни на заседаниях Сената слушались дела только одного ведомства.

Привилегии сенаторов по сравнению с другими должностными лицами заключались в том, что сенаторы в случае привлечения их к уголовной ответственности подлежали высшему суду Сената, минуя низшие и средние судебные инстанции, причем приговор Сената по их делам получал законную силу лишь после его утверждения царем. Других привилегий у сенаторов не было. Гражданские дела сенаторов шли обычным порядком через соответствующие судебные и административные инстанции.

Правом доносить на сенаторов и требовать суда над ними пользовался из всех фискалов⁴ только обер-фискал. В указе о должности обер-фискала от 5 марта 1711 года говорится, что низшие фискалы пользуются такими же правами, как и обер-фискал, «...кроме того, как вышнего судью (сенатора.— Г. А.) или генерального штаба на суд без обер-фискала позвать не могут»⁵.

Этот порядок очень скоро обнаружил свои недостатки: на сенаторов мог доносить только обер-фискал, и притом только самим сенаторам, которые должны были судить своего провинившегося коллегу. А так как далеко не все сенаторы отлича-

² Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). «Доклады и приговоры Сената». Кн. 42-я, л. 412.

³ Там же.

⁴ Фискалы — должностные лица, в обязанности которых входил тайный надзор за действиями государственных учреждений и чиновников и за поведением жителей. Обер-фискал — высшее должностное лицо, контролировавшее деятельность фискалов и пользовавшееся правом тайного надзора за действиями высокопоставленных лиц.

⁵ «ПСЗ». Т. IV, № 2331.

лись безукоризненной честностью, то отношение Сената к доносам обер-фискала о злоупотреблениях сенаторов было не только недоброжелательное, но и враждебное.

Фискал Нестеров в 1713 году доносил Петру I, что сенаторы злоупотребляют своим положением в корыстных целях: «...некоторые из них не только по данным им пунктам за другими не смотрят, но и сами вступили в сущее похищение казны вапей под чужими именами, чего явно и отречься не могут; какой же от них может быть суд правый и оборона штересов ваших?»

Получив это письмо и другие доносы о нерадивом и неревностном исполнении своих обязанностей сенаторами, Петр писал 12 июня 1713 года: «Господа Сенат! По неже уведомлены мы, что вы по доносам фискальским ни единого главного дела не вершили, по все проманиваете время до времени, забывая бога и души свои, того ради сие последнее о сем пишу к вам, ежели пяти, или шти дел главных, буде более не успеете о которых вам будут фискалы доносить, до ноября первого числа не вершите и преступником [которые для своих польз интерес государственной портят], не учтите смертную казнь, не шадя никого в том, и ежели инако в том поступите, то вам сие будет»¹.

Но эти угрозы Петра не могли искоренить злоупотреблений сенаторов. Волокита в решении дел по доносам фискалов продолжалась попрежнему. Поэтому по распоряжению Петра дела о злоупотреблениях отдельных сенаторов были изъяты из ведения Сената и переданы особым судам, составленным из сенаторов и офицеров гвардии или только из гвардейских офицеров.

Эти чрезвычайные суды назначались именными указами. Так например для расследования по фискальским доношениям на сенатора Апраксина была создана чрезвычайная следственная тройка, в которую входили офицеры гвардии: майор Салтыков, капитан Панин, капитан-поручик Голенищев-Кутузов. Апраксин обвинялся в следующих преступлениях: в «неявленной покупке в г. Пскове льну, в заморский отпуск и в утайке пошлин»; в переводе с Караваявым из Архангельской губернии в Казанскую крестьян «не малого числа и неплатеже с оных крестьян всяких государственных податей»; в снижении податных платежей без приговора на то сенаторов «по дружбе тайному советнику Долгорукову с юрковских его волостей складных доходов не малого числа»² и т. д.

¹ «Сборник Русского исторического общества». Т. XI. СПб. 1873.

² ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 51-я, л. 42.

По фискальским доношениям о злоупотреблениях сенатора Я. Ф. Долгорукого по распоряжению Петра I была создана следственная комиссия из офицеров гвардии под председательством лейб-гвардии майора Дмитриева-Мамопова в составе капитана Лихарева и поручика Бахметьева. Сенатор Я. Ф. Долгорукий обвинялся в следующих преступлениях: в отдаче трех подрядов на поставку сукна «иноземцам и приеме от них худых сукон»; в даче от своего имени для Сибирского торгового «казенных пятьдесят тысяч рублей»; во взятках с подрядчиков иноземцев; в укрывательстве от службы офицеров, и т. д. Эта комиссия следствия не закончила и по распоряжению Петра I передала его повой комиссии, под председательством обер-секретаря Сената Шуккина, к которому сенатским приговором от 21 января были прикомандированы в качестве ассессоров офицеры гвардии Семеновского полка: подпоручик и прапорщик. В эту комиссию сенатским приговором от 3 января 1718 года был назначен дьяк Филипп Ключарев. Шуккин был назначен во главе этой следственной комиссии не как представитель Сената, а как доверенное лицо Петра I.

Сенаторов допрашивали не в помещении следственной комиссии, а в канцелярии Сената, куда приезжала следственная комиссия в полном составе. Такой порядок допроса сенаторов был их привилегией как особо важных должностных лиц. Если сенатор обвинялся в тяжелом преступлении, то Петр I лично назначал особый состав суда из сенаторов, генералитета и офицеров гвардии, который назывался «Высшим судом». На следствии по таким делам присутствовал сам царь, и приговор «Высшего суда» получал окончательную силу и приводился в исполнение только после его утверждения Петром.

Кроме привилегий, которыми пользовались сенаторы в случае их привлечения к уголовной ответственности, других юридических преимуществ у сенаторов формально не было. Но сенаторы сами создавали себе незаконные привилегии, используя свое высокое положение для личных целей. У сенаторов были слабо развиты чувства ответственности и государственного долга несмотря на настойчивые попытки Петра I привить им, как высшим государственным чиновникам, эти качества. Среди них были еще достаточно сильны традиции безответственности и бесконтрольности, столь характерные для старого приказного аппарата. Взятничество, казнокрадство и служебные преступления были обычным явлением для государственных

³ Там же.

ного аппарата петровской эпохи. Сенаторы в этом отношении не отличались от других чиновников.

4

При Сенате Петр I создал институт губернских комиссаров, для того чтобы удовлетворить насущную потребность вновь образованных губернских учреждений в руководстве. Еще преимущественница Сената—Влажная канцелярия—остро нуждалась в регулярном получении сведений от губерний по различным вопросам государственного управления.

В именном указе от 22 февраля 1711 года об организации Сената очень четко, коротко и ясно говорится о губернских комиссарах при Сенате и их назначении: «...также со всех губерний в вышеописанном «суду-Сенате» для опроса и принятия указов быть по два комиссара с губернии»¹. Фактически права, обязанности и компетенция губернских комиссаров были значительно шире, чем это было определено указом от 22 февраля 1711 года. Это понятно, если иметь в виду, что все административные реформы Петра I до образования коллегий проводились без определенного плана.

Чтобы разобраться в правах и обязанностях губернских комиссаров и понять их назначение в системе петровской администрации, необходимо изучить их практическую работу и отношение к Сенату и губернаторам.

Для руководства губернскими учреждениями со стороны Сената и для проверки выполнения ими правительственных распоряжений требовалось постоянное представление из губерний различных сведений и отчетности. Но большим препятствием этому служили огромное расстояние, отделявшее столицу от губернских центров, плохое состояние дорог и старые феодальные традиции местной администрации. Петр I прекрасно учитывал эти трудности. В письме к Меншикову от 6 февраля 1711 года он писал о медленном выполнении губернаторами указов: «...до ныне бог вела в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе, а потом буду не словом, а руками со оными поступать»².

Учреждение губернских комиссаров при Сенате было вызвано потребностью Сената в наиболее быстрой связи с губерния-

ми и в проверке выполнения губернаторами различных распоряжений.

Функции губернских комиссаров были определены в приговоре Сената от 16 марта 1711 года, в котором предписывалось губернским комиссарам быть при Сенате. Губернаторам, не приславшим еще комиссаров, было приказано прислать их немедленно, а явившимся от губернии комиссарам «е. в. г. указ сказать чтоб они для приема указов и для вопроса о пужных тех губернии делах, были всегда безотлучно; грамоты и ведения о всяких губернских делах, для скорой к губернаторам посылки и воспринимания ответов отдавать им с расписками, а им посылать те распоряжения к губернаторам с нарочными и по получении ответа подавать в канцелярию Сената за своими руками»³. Ямскому приказу Сенат предписал для обеспечения постоянной связи комиссаров со своими губернаторами давать им почтовые ямские подводы. Сенат стремился обеспечить систематическую связь с губернской администрацией, что усиливало централизацию государственного аппарата.

Несмотря на то что именные и сенатские указы о должности губернских комиссаров при Сенате за время существования этого института не ввели в него других изменений или дополнений, губернские комиссары на практике значительно расширили свою компетенцию. Губернские комиссары давали ответ в Сенате, исполнен тот или другой указ губернатором или нет и почему. Например Сенат спрашивал комиссара Московской губернии, отправлены ли от этой губернии шесть подьячих в Ригу для армии по указу. «...А комиссарам той губернии говорено... что подьячие в Ригу отправлены и доношение о том внесено будет»⁴. Казанский губернский комиссар Поздняков доносил Сенату, что отправить положенных с его губернии троих подьячих для посылки в Кенигсберг обучаться немецкому языку губернатор не может, а также не может вносить денег на содержание других подьячих, посланных в счет Казанской губернии. Архангельский комиссар доносил, что подьячие от Архангельской губернии для обучения немецкому языку в количестве двух человек, а также положенные для этой цели деньги высланы.

Сенат спрашивал губернских комиссаров, сколько денег по различным сборам выслано из губерний в приказы и почему не высланы положенные суммы.

На комиссаров были возложены функции губернских казначеев по определенным платежам. Губернские комиссары по-

¹ «ПСЗ». Т. IV, № 2321.

² С. Соловьев «История России с древнейших времен». Т. XI—XV, стр. 37. СПб. Т-во «Общественная польза». 2-е изд.

³ «ПСЗ». Т. IV, № 2339.

⁴ ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 3-я, лл. 139 и 140.

давали в канцелярию Сената сведения о поступлении к ним денег для платежей разным приказам и канцеляриям. На основании этих сведений в канцелярии составлялась ведомость о количестве денег, которыми располагали губернские комиссары для соответствующих платежей.

Иногда Сенат по требованиям приказов и канцелярии, минуя губернаторов, обращался к губернским комиссарам с требованием внести причитающиеся от губернии платежи и угрожал строгими наказаниями. Не только Сенат, но и начальники отдельных канцелярий с его разрешения вызывали к себе губернских комиссаров, требовали от них копии бумаг, которые те писали к губернаторам о высылке им денег. Так например начальник подрядной канцелярии полковник Кошелев, которому было поручено взыскивать недоимки, несколько раз вызывал к себе губернских комиссаров с бумагами о платежах с губернии в городскую канцелярию. Просмотрев бумаги, он убедился, что комиссары писали по этому вопросу губернаторам «многожды»¹, но наличных денег у них для этих платежей не оказалось.

Нередко губернаторы возлагали на комиссаров поставку фуража и провианта для армии и флота. Губернским комиссарам поручалось заключать договоры с подрядчиками в столице и следить за выполнением этих договоров. Сенат не только требовал от губернских комиссаров отчета о количестве высланных и недосланных из губернии рекрутов, но и поручал им после медицинского осмотра рекрутов, приведенных в Москву и Петербург, помещать больных в лазарет, а годных сопровождать до места их назначения, снабдив деньгами и провиантом. Недоросли с именными списками присылались к комиссару, который их представлял на «смотр» Сенату. Беглых крестьян, сысканных и приведенных в столицу, комиссары были обязаны отсылать в свои губернии, к прежним их владельцам.

Таким образом, функции губернских комиссаров не ограничивались передачей в губернии именных и сенатских указов и отчетом об их выполнении Сенату. Практическая деятельность комиссаров вышла далеко за пределы, очерченные указами. Для выполнения самых разнообразных поручений губернским комиссарам необходимы были помощники и канцелярские сотрудники. Для выполнения этих обязанностей к ним из губерний высылались польские, а Сенат назначал им по 10 солдат для посылок. Так вокруг губернских комиссаров

создавался небольшой административный аппарат.

Губернские комиссары при Сенате назначались губернаторами и утверждались Сенатом. Они отбирались из царедворцев и армейских офицеров. Таким образом, по своему классовому составу это были помещики-крепостники. Они должны были хорошо знать работу своей губернской администрации и по посланным указам «о губернских всяких ведомостях ответственать». Назначение на должность губернского комиссара было бессрочным, с годовым окладом жалованья в 120 рублей деньгами и 60 четвертей хлеба.

Ответственность губернских комиссаров при Сенате за невыполнение возложенных на них обязанностей не была регламентирована указами. Но это не значит, что они не отвечали перед Сенатом и были только передаточной инстанцией между ним и губернаторами. На практике они несли ответственность перед Сенатом и за деятельность губернских учреждений. Довольно часто губернских комиссаров наказывали не только за их проступки и неисполнительность, но и за проступки губернаторов.

В 1712 году Сенат отдал распоряжение, чтобы губернские комиссары ежедневно представляли в канцелярию Сената письменные сведения, сколько из их губерний отправлено в полки рекрутов, лошадей и амуниции по указам Сената и сколько недослано. Если же комиссары не явятся «в который день» и не представят требуемых ведомостей, «...на них иметь штрафу в казну по рублю за день кажлый и о том им приложить руки»². 14 мая 1715 года губернские комиссары были вызваны в канцелярию Сената, где им был объявлен указ, чтобы они в губерниях со всех подрядных дел начиная с 1711 года сняли копии и выслали их в течение первых чисел июня в подрядную канцелярию. Если эти сведения не будут в срок представлены, то комиссары будут оштрафованы. Штраф был одной из слабых мер наказания. К комиссарам довольно часто применялось более суровое наказание — правож. 15 мая 1713 года Антекарский приказ донес Сенату о том, что ему за прошлые годы, начиная с 1710 до первой четверти 1713 года, не внесено со всех восьми губерний 126 944 рубля. На этом «доношении» была сделана пометка сенатского дьяка Окунькова: «...для правезу денег отослать тех губерний комиссаров». В декабре 1713 года по «доношению» Посольского приказа о неплатеже ему положенных денег за текущий год Сенат отдал приказание «тех губерний комиссаров бить на правезе до тех

¹ ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 37-я, лл. 265—278.

² ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 9-я, лл. 1042—1043.

пор, пока ему не будут сполна деньги высланы».

В том же году Сенат распорядился за невзнос денег в мундирную канцелярию отправлять комиссаров в военную канцелярию для правяжа на два или три дня в неделю. Сенатский дьяк Окуньков сделал пометку на этом распоряжении: «послать в тое канцелярию веление и комиссаров для правяжу... по понедельникам и четвергам...»¹.

Суровые наказания применялись не только к губернским комиссарам при Сенате, но и к другим должностным и частным лицам. В то время не особенно утруждались точным установлением виновности наказываемых. Сам Петр I не только угрожал кулачной расправой крупным сановникам и губернаторам, но при случае приводил эти угрозы в исполнение.

После учреждения коллегий в указе «О должности Сената» от 8 декабря 1718 года уже не упоминается о губернских комиссарах при Сенате. Они утратили свои прежние функции и превратились в фельд'егерей, служивших для связи между местными центральными учреждениями.

5

В конце XVII и начале XVIII века расширялся всероссийский рынок, развивались ремесла, крепостные мануфактуры, сельское хозяйство, усиливалась крепостническая эксплуатация, обострялась классовая борьба. По стране вспыхивали народные волнения и восстания. В 1705—1706 годах происходило астраханское восстание, в 1706—1711 — башкирское, в 1707—1708 — булавинское.

¹ ГАФКЭ «Доклады и приговоры Сената». Кн. 37-я, лл. 3—8.

Петр I проводил активную внешнюю политику, вел решительную борьбу с Турцией за берега Азовского и Черного морей, со шведами — за берега Балтийского моря.

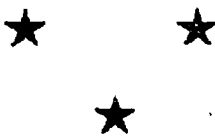
Для того чтобы обеспечить успех во внешней и внутренней политике, необходимо было укрепить государственный аппарат, который бы помог Петру I одерживать военные победы, подавлять народные волнения и восстания и охранять интересы помещиков-крепостников и купцов.

После образования Сената при его непосредственном участии проводились дальнейшие реформы, в том числе и административные, но уже более систематично, по заранее намеченному плану. С помощью Сената укреплялись позиции военно-бюрократической империи Петра I, проводилась дальнейшая централизация и бюрократизация государственного аппарата во всех его звеньях.

Преобразования Петра не изменили классовой сущности государственного аппарата. Ленин указывает, что различные формы правления являются лишь разными формами классовой борьбы, причем каждая из этих форм «...проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века — с боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми условиями...»².

Сенат был ближайшим помощником Петра I в его кипучей и многообразной деятельности. С помощью этого учреждения Петр I достиг огромных успехов во внешней и внутренней политике страны.

² Ленин. Т. XIV, стр. 18.

Предисловия и послесловия старопечатных книг

Среди литературных источников, которые могли бы дать внимательному историку немало важных сведений и фактов, один почему-то выпадает из поля зрения исследователя. Этот источник — предисловия и послесловия старопечатных книг.

Очевидно, эти книги вызывают к себе пренебрежительное отношение ввиду их специфического характера. Евангелие да Псалтырь, Апостол да Триодь, — казалось бы, что можно почерпнуть из таких источников? Однако предубеждение против них является несправедливым, так как при внимательном рассмотрении предисловий и послесловий этих книг мы обнаруживаем материалы исключительной общественной значимости¹.

¹ Существуют библиографические описания старопечатных книг. Из них наиболее полным является труд И. Каратаева, который насчитал 164 книги, вышедших с начала книгопечатания по 1800 год включительно. («Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами». Т. I. П. 1883.) В 90 из этих книг Каратаев приводит предисловия или послесловия. Однако он не знал всех старопечатных книг. Вышедшая в 1903 году в Бухаресте на румынском языке книга *Vianu и Hodoc «Bibliografia romaneasca vesni 1508—1830»*, т. I, содержит подробное описание ряда изданий, неизвестных Каратаеву. Всего нами изучены 123 издания, имеющие предисловия и послесловия.

Исследователям придется, не ограничиваясь библиографическими указателями, обратиться непосредственно к первоисточнику, к самой старопечатной книге. ибо даже в экземпляре, казалось бы, подробно описанном библиографами, найдется новый ценный материал.

Фонд этих книг у нас не очень богат. В книгохранилищах Москвы, несмотря на то что после описания Каратаева прошло 60 лет, почти не прибавилось неизвестных ему книг. В Ленинграде, в библиотеке Академии наук СССР, мы видели две книги, не известные ни по одному описанию. Кое-что из неописанных материалов очевидно, уже находится в частных руках. Многие книги по интересующему нас вопросу находятся в зарубежных библиотеках. Давно пора бы составить, по крайней мере, исчерпывающую фототеку их заглавных листов, предисловий и послесловий.

По своему содержанию и происхождению предисловия и послесловия могут быть разбиты на четыре основных группы.

1

Первую группу составляют книги, вышедшие на Украине и в Белоруссии с начала славянского книгопечатания и до 1569 года (год Люблинской унии и выхода первой книги, напечатанной в Белоруссии московским печатником Иваном Федоровым).

К 1491 году относятся первые известные нам послесловия в книгах, изданных Швайпальтом Фиоля² в Кракове. Они еще очень кратки, однако позволяют сделать уже некоторые выводы. Исследователь старопечатной книги П. Владимиров утверждал: «В лице Фиоля мы видим преимущественно типографника, завершившего только дело оставшихся неизвестными лиц, приготовлявших рукописи к печати. Послесловия ничего не говорят об этих лицах; но они свидетельствуют о русских³ предпринимателях и участниках в деле Фиоля»⁴.

Почти четверть века спустя после книг Фиоля и его безыменных соратников белорус Франциск Скорина, доктор медицины и разносторонний ученый, родом из Полоцка, издал (с 1517 по 1525 год) сначала в Праге (Чехия), а потом у себя на родине, в Вильно, ряд книг. Они снабжены уже гораздо более обстоятельными предисловиями и послесловиями. Франциск

² В подлинниках в фамилии Фиоля печаталась буква «ять». Новейшие исследования показали, что на Украине буквой «ять» выражался звук «и».

³ Старые исследователи не делали различия между белорусской, украинской и русской народностями. Мы должны иметь в виду это различие, которое в те времена выражалось и различным написанием слова «русский». Так, «русский» означало тогда обычно белорусский (см., например, книги Франциска Скорины); «руський» — украинский.

⁴ П. Владимиров «О краковских изданиях Фиоля 1491». «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», кн. 8-я, стр. 26—27. Киев. 1894.

Скорина даже в заглавиях настойчиво подчеркивал: книга «русская» (то есть белорусская), переведено на «русский» язык. Эти подчеркивания можно объяснить только твердым и вполне сознательным желанием отметить факт выпуска книг на родном языке — на языке, понятном народу.

Слово «перевел» («выложена», переведена) позволяет особенно наглядно увидеть здесь влияние реформации. Перевод церковных книг с мертвого, латинского языка на родной язык был одним из лозунгов реформации; это был прогрессивный лозунг, ибо он содействовал укреплению национального сознания, развитию у каждого народа собственного литературного языка и в конечном счете вел к созданию светской литературы и науки.

В предисловиях и послесловиях Скорина объяснял, что переводит и печатает книги именно на «русском» языке, потому, что это его родной язык, и хотя он, как ученый, владеет многими языками, его патриотический долг призывает его пользоваться именно родным языком. «И видячи таковые пожитки в так малой книзе, я Францишек Скоринин сын с Пололька, в лекарских науках доктор повелел осми псалтырю тиспутьи рускими словами а словенским языком... Набомен с тое причины иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил»¹.

Свои патриотические чувства Скорина выразил не только этим замечанием: он воспользовался и содержанием печатаемых им книг для того, чтобы особо подчеркнуть идею любви к родине. С этой целью он написал предисловие к библейской книге «Юифь», призывая читать ее для того, «чтобы как зеркало преславную жену сию (то есть Юдифь. — И. Б.) пред очами иметь в добрых делах и в любви к отчизне, чтобы не только женщины, но и мужчины слетовали ее примеру и всякого труда и имущества для общего блага и для отчизны своей не шадли. Попеже от рождения звери, хотящие в пустыне, знают ямы свои. Птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда свои. Рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры свои, пчелы и тому подобные обороняют улья свои. Также и люди, где родились и выросли, к тому месту великую любовь имеют. Потому же и эта вдовица Юифь для родины своей подвергла жизнь свою опасности»².

Сам Скорина также стремился принести пользу родине, занимаясь издательской

деятельностью, которую считал важнейшим патриотическим делом. Для выражения своего взгляда на издание книг он остроумно воспользовался библейской книгой Леувит, название которой объясняется в предисловии к ней: «...еже по-русски сказуются Книга о жертвах. Пишет бо в ней наипервей, что приносят имели сынове Израилевы. Яко от зверей сталпых вола, агнецы а (и) козлы. От птицъ-горлице а голуби. От родящихся з земли — муку пшеничную, масло древяное, лзан и иные оwoще. Кто убо не можаше принести, для недостатку своего, телца тучного на жертву богу, той приношаше мерницу муки пшеничное на потребу господу.

Також и мы, братиа, не можем ли во великих послужити посполитому люду рускаго языка, сие малые книжки праци (труда. — И. Б.) нашее приносимо им»³.

Таким образом, в предисловиях Скорины мы обнаруживаем настойчивую пропаганду идей патриотизма, призыв служить родному народу.

Этим не исчерпывается, однако, их содержание: Скорина выступает и как просветитель. Наряду с церковной книгой он признает и светскую науку и даже семь «свободных искусств», что указывает на близость его к идеям Возрождения. С представителями эпохи Возрождения его сближает также высокое мнение о древних философах и общественных деятелях, например о Солоне.

И Фиоль и Скорина действовали в эпоху, когда в силу ряда экономических условий складывались белорусская и украинская народности. Этот процесс сопровождался тягой к культуре в национальных формах. Историк В. Пичета говорит о «Белорусском Возрождении XVI века»⁴. Характерные для Возрождения рост городов, экономических связей, расширение рынка и т. д. влекут за собой обострение классовой борьбы между феодалами, крестьянством, горожанами. На Украине и в Белоруссии переплет общественных отношений был особенно сложным, ибо крестьянство и пань часто приналежали к разным национальностям. Классовая борьба, развернувшаяся особенно остро во второй половине XVI и в XVII веке, принимала здесь форму борьбы за сохранение национальной самостоятельности украинского и белорусского народов.

¹ Предисловие в псалтырь. Цит. по книге П. В. Владимиорова «Доктор Францишек Скорина», стр. 327. 1888.

² Цит. по экземпляру, хранящемуся в Историческом музее; перевод на современный язык — наш.

³ Цит. по экземпляру Исторического музея; Библия, книга Леувит, лист В, оборот, и лист Г.

⁴ См. статью того же названия в кн. «Чатырохсотлецьце беларускага друку». Минск. 1926.

Белорусские и украинские помещики быстро перешли на сторону польского правительства. Но так как местные крупные феодалы все же лишались кое-каких привилегий, некоторые из них выступали под флагом защиты своей народности на борьбу против политики польского правительства.

Формирование нации (конец XV — начало XVI века), а затем ее защита требовали борьбы за родной язык, за родную культуру. Польские пань, стремясь упрочить свое положение, ставались, напротив, прививать украинцам и белоруссам чуждые этим народностям обычаи, культуру, язык. Они не щадили на это средств. Так как в феодальном обществе крупную идеологическую роль играла религия, то пань усиленно поддерживали католическую пропаганду. Это облегчалось тем, что «русские» попы были невежественны. Православные церкви приходили в упадок, часто не было книг, по которым можно было бы учиться грамоте, вести церковные службы. Пред лицом опасности окатоличения нужно было укреплять национальное сознание масс, развивать в них чувство любви к родине и готовность бороться за нее, нужно было поднимать свою культуру. Скорина уже тогда прекрасно понимал, что именно печатная книга на родном языке является самым важным средством борьбы за дело народа, и книги Скорины действительно стали на службу родному народу¹. Рядом с книгами Скорины можно поставить и книги Фиоля, выполнявшие ту же общественную роль. В этом их большое значение.

На книгах Скорины и изданиях Фиоля можно увидеть влияние прогрессивной стороны реформации — внимание к родному языку. Это внимание было особенно важно, ценно и необходимо именно на Украине и в Белоруссии, где формирование народности, складывание наций происходили не так, как в западноевропейских странах, а в борьбе против чужеземцев, имевших в своих руках государственный аппарат. Правда, в Литовском княжестве феодальная культура была «русской», однако несомненно, что по крайней мере с конца XV века началось энергичное наступление на эту «русскую» культуру.

В это время среди украинских и особенно белорусских горожан, а также и феодалов наблюдалось тяготение к протестантизму. В 1562 году появились «русские» книги, изданные протестантами. В

их послесловиях мы снова встречаем знакомые нам мотивы: обращение к «русскому» народу с призывом заботиться о родном языке и т. д. Интересно, что наряду с этим авторы-протестанты выступали и со смелой, правдивой характеристикой «православного» духовенства. Второе предисловие «Катихизиса» прямо говорит о полах: «Не надобе о том много писати, вси бо ведаем, яковых теперь учителей маем. Ведаеть вес свет, яко на свои степенн ивстунають (намек на приобретение церковных должностей подкупом и т. п. средствами), не ташо теже, яко на них стоять и справують (намек на невежество и недостойные поступки попов). Леншей плакати, нежели их пороки выписовати: оно певная речь, иль напрасно их поправление в науце или в житии ждати»².

Как видим, новые издания делают шаг вперед по сравнению с предыдущими (Скорины). Они становятся настоящими злободневными произведениями, переходят на обличительный тон, что придает им еще более ярко выраженный публицистический характер.

2

В то же время развивалось книгопечатание на Балканском полуострове. Балканские книги составляют вторую группу изданий, подлежащих нашему рассмотрению. Группа эта довольно обширна. Всего на Балканах в XV — XVI веках была напечатана 51 книга (сюда относятся и книги, печатавшиеся в Венеции балканскими эмигрантами)³.

Первая книга — «Октоих» — была напечатана в городе Цетинье, в Черногории. В ней уже даны достаточно обстоятельные предисловие и послесловие. Характерен мотив, повторяющийся почти в одних и тех же словах и в предисловии и в послесловии. Издавший эту книгу черногорский воевода Гюрг Церпович (или Черноевич) горько сетует на тяжкую участь южных славян (как и других балканских народов), страдающих под игом турецких завоевателей: «Постигла нас исмаильская железная палица, увь, не просто бьющая, но убивающая... церкви разрушили. Видев умаление святых книг расхищением и

² «Катихизис». Невиж. 1562. Цит. по экземпляру Исторического музея, лист В. Особенности орфографии не соблюдаем.

³ Напоминаем, что, соответственно нашей теме мы все время говорим о книгах, имеющих предисловие или послесловие. Нужно, однако, отметить, что книг без предисловий и послесловий выходило тогда сравнительно мало и общих выводов изменить они не могут.

¹ Заметим, что книги Скорины распространялись не только в Белоруссии, но и на Украине и даже на Московской Руси.

разграблен агаранских чель, я, воевода Зети (старинное название Черногории.— И. Б.) Гюрг Черноевич возревновал и составил формы, на них же в один год восемь человек совершили (напечатали.— И. Б.) Октоих...»¹.

По этому поводу П. Владимиров писал: «...знаменитый черногорский воевода Иван Бег, Иво Черноевич, тщательно отыскивая помощи против турок, жил в Венеции в 80-х годах и, не найдя этой помощи, воротился на родину, в Черногорию. Здесь в Ободе он и основал первую южно-славянскую типографию...»².

Чрезвычайно характерно это соединение в одном лице энергичного борца против турецкого гнета и основателя книгопечатания на своей родине. Ярким доказательством того, что такое соединение — не простая случайность, служит предисловие, которое мы выше цитировали. Боль за угнетенную родину, стремление развить деятельность, направленную против чужеземных завоевателей, приводят Черноевича к мысли о создании типографии.

О значении книгопечатной деятельности в этих условиях можно сказать то, что уже было сказано в отношении Украины и Белоруссии. И здесь книга на родном языке должна была служить тем же целям сплочения народа. Уже самый факт этой деятельности, начатой вопреки тяжелым обстоятельствам, должен был свидетельствовать о возможности борьбы.

Патриотическая мысль пронизывает также почти все остальные балканские издания. И потому мы и здесь должны признать предисловия и послесловия острыми публицистическими произведениями; они усиливали национально-освободительные позиции южнославянских народов, чье существование находилось под прямой угрозой со стороны турецких завоевателей.

Борьба балканских славян за свое национальное существование (конец XV — начало XVI века) оказала влияние и на румынский народ. Румыны пользовались тогда славянской письменностью (кириллицей), книгами на славянском языке. В XVI веке появились книги, напечатанные кириллицей, но уже переведенные на румынский язык. При этом в послесловиях опять-таки специально подчеркнуто значение родного языка.

Так, книгопечатник Кореси (сначала печатавший на славянском языке) в послесловии к румынской книге

1570 года писал: «Божиею милостью я, дьякон Кореси, видя, что большинство народов имеют божественное слово на родном языке и только мы, румыны, не имеем... начал я писать (то есть печатать.— И. Б.) эту святую Псалтырь в месяце феврале 6-го дня и окончил в месяце мае 24-го дня в городе Брашове в лето 7078-е (1570)»³.

Религиозная терминология — естественная дань времени, и она не должна скрывать от нас главного: ясного указания на значение родного языка. Надо помнить слова Энгельса о прогрессивной роли книгопечатания, вырвавшего литературу и науку из рук монополистов-церковников⁴. Таким образом, религиозная оболочка первопечатных книг не может помешать вышлущить из нее ядро нового, светского и прогрессивного содержания. Этим новым было обращение к пародам, угнетавшимся турецкими завоевателями, стремление сплотить народность, организовать ее с помощью родного языка, родной культуры.

Этот факт необходимо отметить, ибо изучение послесловий позволяет отвергнуть кое-какие неверные взгляды, имевшие место в буржуазной исторической литературе.

Так, в «Истории Румынии» Н. Борецкого-Бергфельда, вышедшей в 1909 году, читаем: «Шестнадцатое столетие, которое для многих государств было своего рода золотым веком культуры и национального под'ема, это столетие... прошло бесследно для румын...»⁵. Старопечатная книга показывает, что это фактически неверно, что XVI век и в Румынии был периодом роста культуры, о чем свидетельствует появление печатных книг на родном языке.

Причину печального положения автор видит в том, что румыны тогда находились под славянским влиянием, а не под влиянием католических стран — Венгрии, Польши.

Не останавливаясь на ряде фактически неверных положений Борецкого-Бергфельда, необходимо отметить, что говорит он, очевидно, только о Сербии и Болгарии, забывая об Украине, Белоруссии и Московской Руси, связь с которыми у Румынии существовала и влияние которых она, несомненно, чувствовала. Борецкий-Бергфельд забывает также, что именно славянские пароды вместе с Румынией боролись против турецкого ига вплоть до того, что посылали свои вооруженные силы в по-

¹ Каратаев. Назв. соч., стр. 17. Перевод на современный язык — наш.

² П. Владимиров «Начало славянского и русского книгопечатания в XV и XVI веках». «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца». Кн. 8-я, стр. 15.

³ А. И. Яцимирский «Новый труд по старой славянской библиографии», стр. 11—12. П. 1898.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 120.

⁵ Н. Борецкий-Бергфельд «История Румынии», стр. 66. Петербург. 1909.

свѣтънъскыи дѣлаи ѿ Иванъ Федоровъ дѣла
 трѣтими фѣвѣмъ мѣстиславцѣмъ на свѣтавленіи
 печатномъ дѣлѣмъ ѿ кѣнѣхъ оупокоеміи,
 и да же ѿ не довершеніи дѣла ѿ хъ ѿзидѣ . ѿ не
 рѣше начаши апечатати сѣа стѣла кнѣири ,
 дѣлаи апостольска . ѿ посланиа соборна
 ѿстаго апла павла посланиа , вѣсто . 30 .
 первое , апрѣла , вѣ . дѣ . напамати ,
 прѣбнаго ѿца ѿвана палебрѣта . ѿ прѣчы вѣ
 стѣла лавры . совершеніи же быща , вѣсто
 30 , второе , марта , вѣ . а . дѣнь .
 при архіепископѣ афанасіе митрополитѣ

вѣа рѣшавпервселѣто стѣитель

стваго въ славѣ всемо

гвѣна ѿ живона

чапныа прѣца

ѿца ѿна

ѿстаго

аха

аминь

Последний лист книги Апостол
 1563—1564 годы. Россия.

мощь румынам. Существовало, как мы ви-
 дели, и идейное единство в отношении к
 чужеземным завоевателям.

Говоря о преимуществах культуры ка-
 толических стран, автор забывает, что их
 влияние направлялось на полное поглоще-
 ние не только Румынии (которой тогда
 как единого государства и не существова-
 ло), но и румынской нации. Нетрудно
 представить себе, что случилось бы с окато-
 личенным румынским народом под властью
 хотя бы Польши. Недаром румыны боро-
 лись не только против турецкого ига, но
 и против угрозы польского владычества.

На утверждениях Борецкого-Бергфельда
 можно было бы и не останавливаться, ес-
 ли бы они не были распространены и в
 европейской литературе.

Изучение послесловий старопечатных
 книг позволяет утверждать, что несмотря
 на безжалостный гнет турецких завоева-
 телей им не удалось уничтожить полити-
 ческую и духовную жизнь балканских
 славян (и румын); наоборот, политиче-
 ская и культурная жизнь здесь неуклон-
 но развивалась и служила делу борьбы за
 национальную независимость.

То, что говорилось в южнославянских
 изданиях о чужеземных угнетателях, бы-
 ло близко украинцам и белоруссам. Апа-
 логии напрашивались сами собой. В пос-
 лелесловиях белорусских и украинских книг,
 которые усиленно издавались в 60-х го-

дах XVI века, мы находим прямые и поч-
 ти буквальные повторения тех же жа-
 лоб¹.

Это позволяет сделать вывод, что южно-
 славянские издания не только распростра-
 нялись на Украине и в Белоруссии, но
 играли там большую общественную роль,
 сплачивая народные массы на борьбу про-
 тив чужеземных поработителей.

3

Следующую группу составляют книги
 московской печати. Книгопечатание в Мо-
 скве началось, как предполагают, в 50-х
 годах XVI века, но первое послесловие от-
 носится к 1564 году. С этого времени до
 конца века в Москве и под Москвой напе-
 чатано было (считая и повторные изда-
 ния) 11 книг. Из них особый интерес
 представляют первые две книги, отпеча-
 танные Иваном Федоровым и Петром
 Мстиславцем в Москве: Апостол — в
 1564 году и Часовник — в 1565 году
 (последняя в двух изданиях).

Сопоставление послесловий этих книг с
 более ранними славянскими изданиями по-
 казывает, что южные издания известны
 были в Москве, что ими руководствова-
 лись здесь при печатании книг². При чем
 мы здесь имеем дело не с узким влияни-
 ем в смысле заимствования, скажем, тех-
 ники книгопечатания или отдельных вы-
 ражений для послесловия, но с более ши-
 роким идейным влиянием Запада на Мо-
 сковскую Русь в первой половине XVI
 века. Стремясь сделать Москву центром
 широкого идеологического влияния, Иван
 IV хотел заимствовать не только западно-
 европейскую печатную технику, но и пе-
 чатать в Москве книги того же содержа-
 ния, что печатались в других славянских
 землях.

Это — вполне естественное стремление:
 Россия становилась сильным централизо-
 ванным государством, и это, несомненно,
 требовало от московского правительства
 усиления и централизации идеологическо-
 го воздействия на население. Вместе с
 ростом могущества страны усложнялись и
 ее внешнеполитические задачи: защита
 границ от врагов (Польша и др.), борьба
 за выход к морю. За границами Москов-

¹ См., например, Заблудовское еванге-
 лие 1569 года.

² За недостатком места не можем при-
 вести здесь примеров. Заметим только, что
 на такое влияние указал еще П. Влади-
 миров (см. «Доктор Франциск Скорипа»,
 стр. 174). Общие с книгами федоровской
 печати выражения содержат также книга
 Божицара Вуковича от 1519 года (Ка-
 ратаев. Цит. соч., стр. 45), книга от 1494
 года (Каратаев, стр. 16), книга от 1552
 года (Каратаев, стр. 119) и др.

ского государства под властью враждебных Москве правительств жили народы, связанные с русским народом кровными и культурными узами. Внешняя политика Москвы требовала внимания к этим народам и укрепления связи с ними. Авторитет Москвы еще более возрос бы, если бы из Москвы шла печатная книга. Таким образом, не только внутренние, но и внешнеполитические задачи требовали введения типографского дела в самой Москве.

В московских послесловиях, несмотря на влияние Запада и заимствование отдельных выражений южнославянских книг, сохраняются самостоятельность, оригинальность, самобытность содержания.

Уже самое начало послесловия к Апостолу останавливает наше внимание. После нескольких слов, звучащих как известная дань религиозной традиции, автор немедленно переходит к делу, к основной теме, а тема, оказывается, чисто земная — новое строительство, производимое царем, и обнаружившиеся при этом пужлы: «Пзволением отца и споспешением сына и совершением святого духа, повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея великия Росия самодержца, и благословением преосвященнаго Макария митрополита всея Руси многи святыя церкви воздвигаеми бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местом и по всем градом царства его паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его. И сия вся святыя храмы благоверный царь украшаше честными иконами и святыми книгами...»¹.

Если в балканских изданиях писали, что бог наполнил церкви книгами, то здесь это делает не бог, а царь. Далее послесловие сообщает, что все это делается Иваном IV «по изложению благочестивых царей греческих во Цареграде царствовавших, великаго Константина, и Устипияна, и Михаила и Феодоры, и прочих благочестивых царей, в своя времена бывших»².

Обильная рукописная литература, которая к тому времени развилась в Московской Руси, доказывала, что величие и былое мировое значение Византии после ее падения перешло к России и к русским царям. Эти идеи повлияли на послесловие Апостола. Уже в первой печатной книге московское правительство пропагандировало свои политические идеи, прославляло царскую власть. Послесловие второй книги, изданной в Москве (Часовник), не менее важно в этом отношении. Короткое, но очень стройное сочинение

целиком посвящено восхвалению силы слова. Ход мысли здесь таков: слово — это именно та сила, благодаря которой бог просветил людей и их разум. Бог хотел, чтобы слово помогало людям во всех их делах. Для распространения слова и нужны печатные книги³.

Высокая оценка силы слова (хотя и не очищенная от церковной шелухи), указание на необходимость книгопечатания — эти мысли, достаточно ясно выраженные в послесловии, конечно, являлись прогрессивными для Московского государства. И, изучая историю русской общественной мысли XVI века, изучая сочинения того времени, исследователь не может пройти мимо этого произведения, в котором так явно чувствуется влияние западноевропейского гуманизма с его высокой оценкой человеческого разума, слова и печатной книги.

Вскоре после выхода Часовника Иван Федоров и его помощник Петр Мстиславец, обвиненные в ереси, вынуждены были бежать из Москвы от преследований. Обвинение в ереси — под которую в те времена подводили все вольнодумное — показывает, что современники сумели правильно понять прогрессивный смысл послесловий первых московских книг (известно, что еретики — Феодосий Косой, а еще раньше «жидовствующие» — высоко ценили силу слова и разума, требуя поэтому критического отношения к «писанию»).

Но после бегства Ивана Федорова и Петра Мстиславца книгопечатание в Московском государстве не прекратилось: книги выходили и при Иване IV и при его преемнике — Федоре Ивановиче.

Слабоумный и болезненно религиозный сын Ивана IV пришел к власти, когда страна переживала тяжелый экономический кризис, когда резко обострилась классовая борьба. Если в первой печатной книге царь явно и без стеснения отодвигал все божественное в сторону и заставлял говорить о себе, о своих действиях и т. д., то в книгах, вышедших при Федоре Ивановиче, начал усиленно звучать и подчеркиваться религиозный мотив.

Достаточно привести для сравнения хотя бы начало послесловия Триоды Цветной, напечатанной в Москве в 1591 году:

«Отца безначална и сына соприсносущна, и духа святого сопрестолна и единосущна отцу и сыну, неизреченными шелротами за человеколюбие сошелый и с небес нашего ради спасения, единородный сын слово божие, от святого духа воплотися, и

¹ Каратаев. Цит. соч., стр. 153—154.

² Там же, стр. 154.

³ См. Каратаев. Цит. соч., стр. 156—157.

вочеловечился от пречистой девы Марии, и волею распяты и погребены, и в третий день воскрес, на небеса вознесен с пречистой плотью, и седе одесную бога отца, утешителя посла на святых своя ученики и апостолы, посылаше их на спасение роду человечю, глаголя, шедше, научите вся языки, крестяще их во имя отца и сына и святого духа во едино божество неразделно. Они же заповедь приимше всю вселенную проходяще. Словом и делом проповедаху благочестие, и от того богоразумие всему миру возсия и человеческий род просветися и от мучительства дьявола свободися и немачасмая явися спасеная благодать...»¹ и так до конца.

Если вспомним содержательное, конкретное послесловие первопечатного Апостола, то почувствуем всю разницу между этими книгами. Там яркое публицистическое произведение, пронизанное глубоким убеждением в значительности и необходимости деятельности царя Ивана IV; здесь бегство от жизни в область религии, отказ от прославления земных дел царя.

Конечно, неверно было бы утверждать, что послесловия книг, изданных при Федоре Ивановиче, не имели ничего общего с действительностью и не стремились воздействовать на нее. Наоборот, эта повышенная религиозность есть совершенно очевидная форма воздействия, влияния на читателей. Кризис, крестьянские восстания должны были отражаться в сознании господствующего класса как результат падения религиозности, падения влияния церкви, проповедующей послушание, и т. п. Отсюда усиленная религиозность послесловий. Не случайно в них упоминается об апостолах, которые проповедывали благочестие. Феодалы теперь испытывали особенно острую нужду в такой проповеди, обращенной к крестьянину. Крестьянские восстания всегда трактовались феодалами и их идеологами как козни дьявола. Так, когда началась крестьянская война в Германии, Лютер объявил ее делом самого дьявола. Не случайно и в московском послесловии 1591 года упоминается о «мучительстве дьявола», упоминание новое, неизвестное в предыдущих предисловиях или послесловиях, а значит, и не заимствованное отсюда, а самостоятельно внесенное как актуальный мотив. Таким образом, и эти насыщенные религиозностью послесловия — не оторванные от жизни, отвлеченные сочинения, а произведения, имеющие публицистическую тенденцию. Но характер их явно реакционный в отличие от первопечатных московских книг, чьи послесловия носили

Вынужденный прекратить книгопечатание в Москве, Иван Федоров бежал в Лигву. Здесь при поддержке крупного магната Ходкевича он создал в его имении Заблудове (Белоруссия) типографию, положив начало новому ряду изданий в Белоруссии и на Украине. Послесловия этих книг образуют четвертую группу. Нам известны 45 книг, вышедших здесь до 1600 года. Число их, очевидно, было еще больше.

Вторая половина XVI века — время усиленного наступления на права и жизненные интересы украинского и белорусского народов. Люблинская уния 1569 года отдала под власть польских панов ряд новых областей. Стремясь окончательно подчинить население этих областей, польские паны усиленно насаждали среди него католичество. Это вызывало ожесточенное сопротивление крестьянства и горожан. Борьба обострялась; естественно, в этих условиях роль книги, потребность в книгопечатании очень возросли.

В предисловии к Заблудовскому Евангелию 1569 года Ходкевич прямо писал: «Панпаче же в нынешний мятеж мира сего, понеже мнози христианские люде новыми и различными учения в вере поколебашася и мнением своим разверещаша и от единого согласия в вере живущих отвратися»².

Ходкевич стремился привлечь возможно больше читателей, специально разъясняя с этой целью, что язык издаваемой им книги достаточно прост и ясен.

Таким образом, Ходкевич продолжал развивать те мысли, которые мы встречали и в книгах Скорины. Но если у того еще не было прямых вылазок против современного положения дел, то Ходкевич уже открыто выступал против зла своего времени. Послесловия заблудовских изданий более активны, актуальны, полемичны.

Эта книга, напечатанная Иваном Федоровым, сыграла особенно выдающуюся роль в Белоруссии и на Украине. Это видно из того, что она неоднократно переиздавалась. При этом сохранялась и та часть послесловия, в которой говорилось о роли книги в борьбе против окатоличения.

В 1570 году Заблудовская типография прекратила свою деятельность. Иван Федоров отправился во Львов, где основал собственную типографию и издал в 1574 году книгу Апостол.

² Цит. по экземпляру Государственной Публичной библиотеки имени Ленина. Лист 2, оборот.

¹ Каратаев. Цит. соч., стр. 248.

В послесловии к Апостолу он высказал те же идеи, которые нам известны из предыдущих книг его печати, но здесь они прозвучали еще более громко и страстно. Так, мы видели, какое значение он придавал печатному слову, распространению печатной книги. В львовском Апостоле эта мысль получила дальнейшее развитие: Иван Федоров убедился в том, что дело книгопечатания требует усилий и жертв, упорства в борьбе, готовности терпеть лишения. И Федоров плет на все это. Он утвердился в мысли, что дело книгопечатания является его призванием; его привлекала не материальная, а именно духовная сторона этого дела. Таким образом, Федоров сознательно стал в ряды идейных борцов за общенародное дело.

Первопечатник вовсе не был склонен рассматривать себя только как слепое орудие в чужих руках, и когда магнат Холкевич решил прекратить борьбу, то для Федорова это вовсе не означало, что и он должен бросить дело книгопечатания. Очевидно, чтобы в дальнейшем не зависеть от чужой воли, Иван Федоров решил делать свое дело самостоятельно. Однако после издания Апостола у него не хватило средств на дальнейшую работу, он залутался в долгах и через некоторое время вынужден был снова пойти на службу к другому магнату — князю Острожскому. В городе Остроге Федоров устроил типографию и в 1580 году отпечатал «Псалтырь и Новый завет».

Книга открывается предисловием, которое слова свидетельствует о крупном публицистическом таланте Ивана Федорова: он продолжает в нем развивать свои основные идеи. Уже в послесловии к львовскому Апостолу он образно писал о том, что не смеет зарыть в землю свой талант — искусство книгопечатания — и считал себя обязанным продолжать свое дело даже в ущерб личным интересам. Ту же мысль он повторил и в предисловии к Острожской псалтыри. Отмечая трудности работы над этой книгой, Федоров писал: «Но съюза ради духовныя любви, наипаче же убояхся реченнаго съкрывшему таланту..., устремихся нерассудным помышлением, вашего благочестия повеление сотворити»¹.

В Острожской типографии было осуществлено исключительное по своему объему предприятие: тщательно подготовленное издание Библии (1581 год). Эта книга, прекрасно отпечатанная Федоровым, так и вошла в историю под названием Острожской Библии. Каноническому тексту предшество-

вала целая тетрадь различных предисловий (всего 8 листов).

Почти все предисловия посвящены теме борьбы против окатоличения. Но в книге появляется и новый момент: все писания (кроме послесловия самого И. Федорова) проникнуты безмерными восхвалениями князя Острожского. Так, уже на обороте заглавного листа находим герб князя Острожского со стихами в его честь, в которых стихотворец сравнивает его с воином, с Георгием Победоносцем и призывает:

«Боди (т. е. поражай) в князех избранный мыслыного сопостата

Сего бо побеждающим вечная заплата.

И иным полагавай сие непобедимо оружие Острейшее меча обоюдоострое слово божие...»².

Как видим, автор призывает бороться против «мысленного супостата», то есть врага, пользующегося оружием слова. Это не только поэтический образ, а совершенно актуальное указание на современность. Иезуиты в это время уже проникли в Польшу и широко развили католическую пропаганду — устную и печатную. Этой враждебной «мысленной» деятельности автор и призывает противопоставить такое же оружие — книгу.

Но автор стихов обращается не к народу, а лишь к одному герою — Константину Острожскому.

В следующем затем предисловии от своего собственного имени князь Острожский тоже не поспешил на подробное описание собственных заслуг по изданию книги. Далее, в стихотворении Герасима Даниловича так же восторженно восхваляется Константин Острожский, который сравнивается с киевскими князьями Владимиром и Ярославом Мудрым:

«...Владимер бо свой народ крещением просветил,

Константин же богоразумна писанием осветил...

Брослав зиданием церковным Киев и Чернигов украси,

Константин же едину соборную церковь писанием възвыси...»³.

Сопоставляя предисловия и послесловия Ивана Федорова с этими статьями и стихами в Острожской Библии, мы не можем не отметить, что в Федоровских послесловиях гораздо больше демократичности. В них господствует восхваление слова и книгопечатания, а не личности князя Острожского.

Вскоре Иван Федоров покинул Острог. Надо думать, что конфликт между И. Федо-

¹ П. Строев «Описание старопечатных книг библиотеки... Толстова», стр. 47—48. П. 1929.

² Цит. по экземпляру Исторического музея. Лист 1, оборот.

³ Там же. Лист 7, оборот.

ровым и князем Острожским возник не только из-за каких-то личных мотивов. Причина была глубже: это был конфликт между представителями различных общественных слоев, выражавших разнородные интересы. Анализ книг, изданных магнатами, городскими церковными братствами и такими одиночками-типографами, как И. Федоров, В. Тяпичинский (напечатал Евангелие на белорусском языке около 1580 года), показывает различие между ними, явно соответствующее тому различию, которое существовало и по всем другим линиям политической борьбы между феодалами (в том числе белорусскими и украинскими) и богатыми горожанами, с одной стороны, и крестьянством и примыкавшей к нему плебейской частью городских жителей — с другой.

Уже из рассмотренных материалов мы могли видеть, как коротенькие, в несколько строк, послесловия постепенно вырастали в крупные произведения, как все более сильно звучали в них ноты патриотизма, призыва к национальному единению и борьбе против окатоличения.

На протяжении XVI века борьба украинского и белорусского народов за свою национальную независимость перерастала в классовую борьбу украинских и белорусских крестьян против польских панов и перешедших на сторону последних — украинских и белорусских магнатов и богатых горожан. Это отражено и в литературе. К концу века в предисловиях и послесловиях книг начали звучать призывы к вооруженному восстанию.

Так, в конце XVI века (в 1598 году) вышла книга Апокрисис, подписанная псевдонимом — Христофор Филалет. В посвящении автор пишет о «пламени внутреннего междоусобия»¹.

Это не случайно оброненная фраза: в заключении той же книги автор развил свою мысль достаточно широко. По поводу насильственного окатоличения он пишет: «Ничего другого не может произвесть оно, кроме наружного лицемерия, так сказать передразнивающего веру и весьма омерзительного господу богу — в людях малодушных, и кровопролития — в людях безбоязненных»².

Из текста книги можно заключить, что автор смотрит на крестьянскую войну глазами помещика, хотя и стремится изменить пагубную национальную политику польских панов. Но если сам автор книги (близкий к князю Острожскому) говорит о нависшей угрозе восстания с искренним

ужасом, то читатели книги вовсе не обязаны были разделять это чувство. Как известно из показаний современников, книга пользовалась огромным успехом и влиянием и среди ее читателей, несомненно, было немало «людей безбоязненных»; больше того: она сама должна была воспитать немало таких «безбоязненных» людей.

Уже современники ясно понимали эту роль полемической литературы. Когда Стефан Зизаний, деятель, близкий к князю Острожскому, издал около 1595 года Катихизис (до нас не дошедший), то впритык к нему католики немедленно издали брошюру Желиборского (1595 год, Вильно), который обвинил Зизания в десяти ересьях; это сейчас мало интересует нас, но замечательно, что, закончив перечисление еретических грехов Зизания, Желиборский предъявил ему еще и другое обвинение: «Не довольствуясь этим, на своих пачальников, как духовных так и светских, дерзко направляешь язык; о нашем пале короле не хорошо отзывался в своих казаниях. На митрополита лаешь. Латинников проклинаешь. Русь к бунту и раздору подстрекаешь. Сказать вкратце: исполняешь на земле дьявольские обязанности»³.

Мы видим, таким образом, что в момент уже начавшихся крестьянских восстаний, накануне ожесточенной крестьянской войны в Польше, в конце XVI века, печатные произведения мобилизовали массы на борьбу. Этот факт нельзя расценивать иначе, как идеологическую подготовку восстания. Недаром автор Апокрисиса напоминал об уроках крестьянской войны в других странах, имея в виду прежде всего Германию. Аналогия действительно напрашивалась сама собой. Печать сыграла выдающуюся роль в организации крестьянской войны в Германии. Маркс подчеркнул это в своих Хронологических выписках: «В 1542 крестьяне (крепостные и зависимые) пришли в движение; сотни листов и брошюр...»⁴. Фридрих Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» подробно осветил огромную роль печатного станка во время крестьянской войны.

Можно считать, что аналогичную роль в подготовке крестьянской войны против польских панов играла печать и на Украине и в Белоруссии. Дело не только в прямых намеках на гражданскую войну,

¹ Цит. по статье С. Голубева «Библиографические замечания о некоторых старопечатных церковно-славянских книгах, преимущественно конца XVI и XVII столетий», «Труды Киевской духовной академии». Т. I, январь, стр. 132. Киев. 1876. Подчеркнуто нами. — И. Б.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, Т. VII, стр. 179.

¹ См. «Апокрисис Христофора Филалета, в переводе на современный русский язык», стр. 2. Киев. 1870.

² Там же, стр. 314—318.

встречавшихся в книгах того времени; печатная книга на родном, понятном народу языке, на языке преследовавшемся, мобилизовала массы на борьбу и без прямого лозунга восстания, своим призывом любить и хранить родной язык, даже молиться на родном языке и стоять за «свою православную веру», ибо этот призыв воспринимался не в узко-религиозном смысле, а как лозунг борьбы за свой народ, за свое национальное сознание и единство.

Богдан Хмельницкий в листках, обращенных к народу, умело сочетал призывы к вооруженному восстанию с пропагандой тех самых идей, которые развивались в предисловиях и послесловиях книг XVI века. Народ сумел вложить нужный смысл в эти идеи, сделать из них правильные выводы и претворить их в жизнь. Тот факт, что эти идеи дошли до народа, подтверждается прежде всего самим крестьянским восстанием, но помимо того следы этого остались и в народном творчестве. Недаром одна из дум о Богдане Хмельницком приписывает ему такие слова:

«Ей, козаки, діти, друзі-молотці!
Прошу я вас, добре дбайте,
Од сна уставайте,
Руський «отчинаш» читайте,
На лядські табури найжджайте,
Ляхів, мостивих панів у пень рубайте...»¹.

В строке «русский (то есть украинский.— И. Б.) «отчинаш» читайте» звучит тот же мотив, характерный для старопечатной книги всего XVI века,— мотив защиты своей национальной культуры, облеченный в религиозную форму.

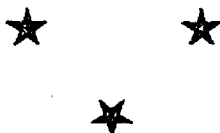
¹ Цит. по статье акад. Ф. М. Колесса «Хмельниччина в українських народних піснях і думах», в книге «Записки историчного та філологічного факультетив». Т. I., стр. 44. Львов. 1940.

С конца XVI века предисловия и послесловия начали утрачивать свое значение, поскольку стала появляться не только церковно-служебная, но и полемическая, публицистическая литература. Публицистические элементы предисловий переходили в основной текст книги. Но предисловия и послесловия сыграли крупную роль, явившись предшественниками этой литературы.

По мере того как предисловия и послесловия стали уступать место полемическим и светским произведениям, церковно-служебная книга целиком переходила в руки реакционных групп, утратив всякое значение в смысле собирания сил народа. Массы переходили к новым формам идеологической борьбы. Но эта тема выходит за пределы нашей статьи.

* * *

Произведенный выше разбор предисловий и послесловий не является, разумеется, всесторонним и исчерпывающим. Специалисты различных областей исторической науки найдут здесь еще много конкретных фактов и деталей, важных для них. Мы показали только на нескольких примерах, что предисловия и послесловия книг XV и XVI веков содержали немало публицистических элементов, сыграли крупную общественную роль, а в настоящее время являются богатым историческим источником. Этот источник особенно ценен для нас сейчас, когда народы Западной Украины и Западной Белоруссии с помощью братского русского народа осуществили, наконец, свою вековую мечту, освободившись от национального и классового гнета польских панов; когда свободные народы Советского Союза, патристически трудясь над укреплением своей социалистической родины, обращаются и к своему славному прошлому, в котором находят яркие примеры доблестных дел, мужественных характеров, беззаветной преданности родине.

Соединенные штаты Америки в 1919—1920 годах

I

США в результате первой мировой империалистической войны разбогатели на экономическом разорении Европы и превратились в одну из самых могущественных империалистических держав мира.

Война дала толчок дальнейшему развитию в США важнейших отраслей тяжелой промышленности. В 1914 году на автомобильных заводах США работало 139 тысяч рабочих, а в 1919 году — около 400 тысяч. В 1910 году в США насчитывалось 500 тысяч автомобилей, в 1923 году — 13 миллионов. Производство искусственного шелка выросло с 700 тысяч килограммов в 1913 году до 11 миллионов килограммов в 1920 году. Значительно выросла также резиновая, химическая и сталелитейная промышленность.

Еще в 1916 году Ленин писал о концентрации промышленности в США: «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 268 отраслей промышленности»¹. После войны 1914—1918 годов этот процесс концентрации еще более ускорился. В то время как количество рабочих фабрично-заводской промышленности увеличилось с 1914 по 1919 год на 30,9%, число предприятий выросло только на 5,2%. Железнодорожные компании объединились в 4 мощных группы. Медный трест «Анаконда» сосредоточил в своих руках добычу меди не только в США, но и во всем мире. Американские тресты протянули свои шупальца во все уголки мира.

Доля США в мировом производстве важнейших товаров значительно выросла. В 1920 году США, занимавшие 7% земной поверхности и насчитывавшие 6% мирового населения, сконцентрировали 20% мировой добычи золота, 50% каменного угля, 60% алюминия, 66% нефти, 60% меди, 85% мирового производства автомобилей и т. д.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 82.

Со времени мировой войны 1914—1918 годов США значительно укрепились на внешних рынках. Из страны, импортирующей капитал, США превратились в страну, экспортирующую капитал. Из государства-должника США стали государством-кредитором. Если до 1914 года сумма инвестированного в США иностранного капитала равнялась 6 миллиардам долларов, то в годы войны США ссудили союзникам свыше 10 миллиардов долларов.

«Американские миллиардеры, — писал Ленин в 1918 году американским рабочим, — были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков»².

Согласно правительственному отчету 1917 года, прибыль американских промышленников в период войны 1914—1918 годов редко была ниже 25%. Прибыль в 50, 100 и 500% в год являлась обычной. Больше всего наживалась военная промышленность³.

О мощном экономическом развитии США свидетельствовал также колоссальный рост американского экспорта.

За 6 лет, с 1915 по 1920 год, избыток вывоза над ввозом составил 18 миллиардов долларов⁴. Произошли структурные изменения в американском экспорте. Если в довоенный период сельскохозяйственные продукты занимали первое место в экспорте

² Ленин. Т. XXIII, стр. 179.

³ См. Р. Ф. Петигру «Торжествующая плутократия», стр. 343—344. «Московский рабочий», 1922.

⁴ Statistical Abstract of the United States. 1924, p. 420.

США, то в годы войны и в послевоенные годы процент сельскохозяйственных товаров в общем экспорте страны снизился. В 1917 — 1921 годах доля сельскохозяйственных товаров в общем экспорте составила только 42,7%, а в последующие годы она упала еще ниже.

2

Экономический рост Соединенных штатов Америки наложил свой отпечаток на внешнюю политику страны. По окончании первой мировой империалистической войны финансовый капитал США поставил перед своей дипломатией задачу — добиться такого соотношения сил, при котором США могли бы играть роль верховного арбитра и закрепить за собой мировую гегемонию.

Перед окончанием войны президент Вильсон выступил с «демократической» программой мира, преследовавшей усиление гегемонии США. Вильсон стоял за мир «без аннексий», что на языке американского империализма означало потерю Германией всех захваченных ею территорий, расчленение Австро-Венгрии, воспрепятствование чрезмерному усилению Англии и Франции, а также усилению Японии на Тихом океане. Вильсоновский лозунг «разрушения», уничтожения постоянных армий и замены их наемными армиями также был рассчитан на ослабление конкурентов — Англии и Японии. Ту же цель преследовало и другое требование Вильсона — требование свободы морей, — направленное против мощного английского флота, контролировавшего мировую торговлю.

Программа Вильсона в сильнейшей степени определялась также страхом перед большевизмом. Вильсон видел рост революционного движения в капиталистических странах и считал, что для борьбы с ним необходимо внести некоторую «демократизацию» в политику империалистических держав. Лига наций должна была стать главным проводником внешней политики США и не только усилить гегемонию США, но и служить орудием для борьбы с большевизмом.

Во время первой мировой войны Вильсону удалось сплотить вокруг себя не только демократическую, но и республиканскую партии. Расходиться во взглядах с президентом, благодаря политике которого буржуазия нажила миллиарды на войне, считалось непатриотичным.

Но уже к концу войны, когда встал вопрос о том, как закрепить достигнутые успехи, против Вильсона образовалась оппозиция, считавшая, что он не в состоянии полностью обеспечить стремление американской буржуазии к мировой гегемонии. Немедленно после заключения мира

были опубликованы заявления ряда политических деятелей, противоречившие политике Вильсона. Бывший президент Теодор Рузвельт считал, что мир должен быть разделен на сферы влияния между Антантой и США. Лодж, руководитель республиканской партии в сенате и председатель сенатской комиссии по внешним делам, возглавлял группу, считавшую, что Германия должна быть обезоружена, связана по рукам и ногам контрибуцией и, если возможно, расчленена, причем США должны получить солидную долю контрибуции. Группа Лоджа считала, что в вопросах о заключении договоров права сената равны правам президента. Другая группа политических деятелей, руководимая сенатором Бора, выступила в защиту традиционной политики изоляции, политики невмешательства США в европейские дела.

Растущая оппозиция против вильсоновской политики нашла свое отражение в состоявшихся накануне заключения перемирия выборах в конгресс.

25 октября 1918 года Вильсон обратился к народу США с посланием, в котором он призывал массы голосовать за демократическую партию и этим самым оказать доверие внутренней и внешней политике президента. Этот призыв вызвал возмущение республиканцев. Видные политические деятели из республиканского лагеря во главе с Теодором Рузвельтом выступили с резкой критикой Вильсона. Результаты выборов совершенно отчетливо показали, что массы разочаровались в политике президента Вильсона. Республиканская партия одержала победу, получив большинство в обеих палатах конгресса.

В этих условиях Вильсон решил принять личное участие в работах Парижской мирной конференции. 18 ноября было объявлено о желании президента поехать в Париж. Не считаясь с правом сената на участие в переговорах с другими державами, Вильсон назначил делегацию США из следующих лиц: государственного секретаря (министра иностранных дел) Роберта Лансинга, малоизвестного деятеля республиканской партии и отставного дипломата Генри Вайта, личного друга президента полковника Хауза и генерала Блисса. Делегацию сопровождали многочисленные эксперты по военным, экономическим, географическим, юридическим и другим вопросам.

Решение Вильсона лично участвовать в работах конференции и состав назначенной им делегации вызвали негодование в рядах противников президента. Они указывали, что в истории США не существовало такого прецедента, когда бы президент оставил пределы страны. В сенате было сильное возмущение тем, что Вильсон не считал

необходимым включить в состав делегации видных сенаторов из обеих партий. Республиканцы считали, что такие государственные деятели, как Рут, Рузвельт и Тафт, должны были быть членами делегации.

4 декабря Вильсон и его делегация отправились в Париж на мирную конференцию. В Европе президент был восторженно встречен массой обывателей как «миротворец» и «борец за справедливость и демократию». Социал-реформисты немало поработали над созданием Вильсону подобной репутации. В частности ренегат Каутский изображал Вильсона спасителем человечества, призванным вести борьбу за идеальный мир. Вильсон объехал Францию, Англию и Италию, выступая перед многолюдными аудиториями. Отрава пацифистскими иллюзиями настолько широко распространилась, что мелкобуржуазные массы с энтузиазмом встречали президента, который благодаря своей демагогии стал «...идолом мешан и пацифистов, вроде Кейнса и ряда героев II Интернационала и даже Интернационала «два с половиной»...»¹.

В годы мировой войны Ллойд-Джордж, Клемансо, Черчилль и другие не считали возможным возражать против программы Вильсона. Проповеди Вильсона о «демократии», о «почетном мире» без аннексий и контрибуций и т. д. помогли дипломатам Антанты ускорить распад Четверного союза. Однако, достигнув этой цели, дипломаты Антанты не хотели больше считаться с программой Вильсона, так как они не желали помогать установлению мировой гегемонии США.

В борьбе против дипломатов Англии, Франции и Японии Вильсон, как известно, потерпел полное поражение. Он оказался не в состоянии добиться признания гегемонии США. Решения Парижской конференции и устав Лиги наций передавали гегемонию в руки Англии и Франции. Передача Японии Шандуна и островов в Тихом океане, принадлежавших Германии, усиливала соперника США на Дальнем Востоке. Английские и французские войска стояли в Европе во всеоружии. Моря и океаны находились под контролем английских, французских, японских и итальянских эскадр. В этих условиях империалисты стран-победительниц и не думали отказываться от плодов своей победы в пользу США.

3

Как только в США стал известен проект Лиги наций, оппозиция в сенате и в стране усилилась.

24 февраля 1919 года Вильсон прибыл в США, чтобы ознакомить сенат с проектом Лиги наций и посоветоваться с руководя-

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 337.

щими политическими деятелями вроде Тафта и Рута, которые выступали за Лигу наций. На конференции, созванной в Белом доме 26 февраля, Вильсон изложил перед членами комиссии по иностранным делам сената свои взгляды на проект Лиги наций. На заседании сенаторы открыто выступили против проекта, ссылаясь на то, что он противоречит традиционной политике США, что он несовместим с конституцией страны, и т. д.

4 марта, за день до обратного отъезда Вильсона в Европу, сенатор Лодж опубликовал в прессе заявление, подписанное 37 сенаторами (1/2 всего состава), в котором говорилось, что эти сенаторы будут голосовать против проекта Лиги наций, и предлагалось отложить обсуждение вопроса о Лиге наций до окончательного заключения мира. Хотя было ясно, что проект Лиги наций осужден в сенате на провал, Вильсон не соглашался ни на какие существенные изменения в проекте Лиги наций. Накануне своего отъезда в Европу Вильсон выступил в Нью-Йорке с большой речью, в которой вновь подтвердил свое желание добиться включения устава Лиги наций в версальский договор. «Первое, о чем я расскажу народам по ту сторону океана, — сказал Вильсон, — это то, что подавляющее большинство американского народа поддерживает Лигу наций».

Это выступление Вильсона показало, что он надеялся, в конце концов, мобилизовать общественное мнение страны и этим заставить оппозиционно настроенный сенат ратифицировать мирный договор и устав Лиги наций.

28 июня был подписан версальский договор. 8 июля Вильсон возвратился в США и 10 июля изложил сенату содержание версальского договора. Президент заявил, что те уступки, которые ему пришлось сделать, «не идут вразрез ни с одним принципом». Большинство демократических сенаторов безоговорочно поддерживало Вильсона и выступало за ратификацию договора без всяких поправок; группа «непримиримых» во главе с сенатором Бора стояла за безусловный отказ от ратификации договора; третья группа, к которой примыкало большинство республиканцев и возглавлявшаяся Лоджем, выступала за внесение в договор ряда поправок и оговорок. Наконец, последняя группа, состоявшая из республиканцев и демократов, выступала за ратификацию договора при условии принятия «умеренных» оговорок.

Изоляционисты и крайние националисты утверждали, что присоединение к Лиге наций может привести к потере национального суверенитета США. Особенно сильны были возражения против X статьи устава Лиги, гарантировавшей целостность и по-

литическую независимость государств — членом Лиги наций. Импералистические политики США не хотели ни защищать, ни гарантировать целостность Британской империи. Они считали, что некоторые статьи устава Лиги наций противоречат доктрине Монро и стесняют независимость внешней политики США, что статьи эти дают другим державам право вызвать американскую армию в любую часть света. Многие не могли примириться с тем, что в Ассамблее Лиги наций Великобритания получила 6 голосов, а США — только один голос. Не могли простить Вильсону и того, что он допустил усиление Японии на Дальнем Востоке, приняв пункт о Шандуэне. В то же время широкие народные массы выступали против версальского договора, как договора грабежа и насилия, и против Лиги наций, созданной для защиты Версаля и для борьбы против Советской России. Против Вильсона выступило также многочисленное ирландское население США вместе со всеми сочувствующими борьбе ирландского народа за свое освобождение, так как президент отказался поставить вопрос о допущении представителей ирландского народа на Парижскую конференцию.

Лидеры республиканцев, утратившие в стране нарастающее общее недовольство президентом, решили окончательно дискредитировать Вильсона и расчистить путь для избрания в 1920 году в президенты представителя республиканской партии. Комиссия по иностранным делам под председательством Лоджа с 31 июля до 12 сентября занималась изучением версальского договора и устава Лиги наций.

Убедившись, что опасность провала договора велика, Вильсон попытался привлечь массы на сторону Лиги наций и с этой целью предпринял агитационную поездку на Запад, где выступил в ряде городов перед многочисленными аудиториями, ратуя за версальский договор и за Лигу наций. Однако ожидаемого прилива симпатий общественного мнения к Лиге наций не последовало. Противники Вильсона — республиканцы — также послали своих людей в агитационное турне. Утомленный тяжелой поездкой, Вильсон на обратном пути серьезно заболел, и его спешно отвезли в Вашингтон.

10 сентября комиссия по иностранным делам внесла свой отчет на обсуждение сената. В отчете говорилось, что Лига наций представляет собой союз держав, что она не содействует установлению мира, а, наоборот, порождает новые войны, что, принимая устав Лиги, США жертвуют своей независимостью, и т. д. Комиссия предложила 45 поправок и 4 оговорки к договору, принятие которых, по ее мнению, обеспечивало национальную безопас-

ность и независимость страны. Обсуждение, продолжавшееся свыше двух месяцев, показало, что принятие поправок к договору повлекло бы за собой необходимость пересмотра договора в целом со стороны Англии, Франции и других держав. Тогда комиссия Лоджа решила внести на обсуждение только 14 оговорок.

Первая оговорка устанавливала, что в случае выхода США из Лиги наций только правительство США, а отнюдь не Лига, может решить вопрос о том, выполнило ли оно свои международные обязательства; вторая оговорка относилась к статье X устава Лиги наций и указывала, что США не могут взять на себя никаких обязательств по гарантированию территориальной целостности и политической независимости членом Лиги наций и не могут вмешиваться в распри других стран, связанные с выполнением X статьи, а использование Лигой военно-морских сил США допустимо только в том случае, если конгресс примет соответствующее решение; третья оговорка запрещала правительству брать мандат на какую-либо территорию без разрешения конгресса; четвертая — указывала, что только страна имеет право решать все свои внутренние вопросы, вмешательство Совета или Ассамблеи Лиги в эти вопросы недопустимо; пятая — относилась к доктрине Монро и констатировала, что право истолкования этой доктрины сохраняется исключительно за США; шестая — устанавливала, что США не могут признать статью версальского договора, касающуюся Шандуэна, оставляют за собой свободу действий во всех спорах, которые по этому вопросу могут возникнуть между Японией и Китаем; седьмая — запрещала назначение представителей США на какие-либо должности в Лиге наций без согласия сената; восьмая — отрицала за репарационной комиссией всякое право вмешательства в торговые отношения между США и Германией; девятая — устанавливала, что США не должны брать на себя никаких расходов, связанных с Лигой наций, без соответствующего решения конгресса; согласно десятой оговорке, США оставляли за собой право увеличивать свои вооружения без разрешения Совета Лиги в случае угрозы войны; одиннадцатая — сохраняла за США право разрешать коммерческие и другие отношения между живущими в США подданными державы, нарушившей устав Лиги наций, и гражданами США; двенадцатая — защищала права американских граждан; тринадцатая — устанавливала, что США не могут признать ту часть договора, которая касается Международного бюро труда, до тех пор, пока конгресс не примет соответ-

ствующего постановления; четырнадцатая — констатировала, что США отказываются считать для себя обязательным решения Совета или Ассамблеи Лиги, если в этих органах какая-либо держава имеет больше чем один голос.

Все эти оговорки были приняты большинством голосов. 19 ноября договор с принятыми оговорками, поставленный на голосование в целом, был отвергнут 55 голосами против 39. Все другие предложения, связанные с ратификацией договора, также были отвергнуты большинством голосов.

Стало совершенно очевидным, что договор не будет ратифицирован без серьезного компромисса между сенатом и президентом. Несмотря на это Вильсон 8 января 1920 года опубликовал письмо, в котором предложил, чтобы вопрос о Лиге наций был поставлен на решение народных масс во время президентских выборов 1920 года. 9 февраля 1920 года сенат вновь передал договор на рассмотрение комиссии по иностранным делам. Последняя предложила в дополнение к прежним еще одну оговорку, выражающую сочувствие ирландскому народу, борющемуся за свою независимость, и требовавшую приема Ирландии в Лигу наций. Когда 19 марта 1920 года версальский договор снова был поставлен на утверждение сената, 49 сенаторов высказались за ратификацию договора, 35 — против.

На следующий день секретарь сената поставил президента в известность о том, что сенат не ратифицировал версальского договора¹. Таким образом, США юридически еще оставались в состоянии войны с Германией и ее союзниками².

4

США не сразу присоединились к интервенции против Советской России из опасения, что интервенция может толкнуть Советскую Россию на союз с Германией. Вильсон проводил более «тонкую» политику, оказывая помощь контрреволюции в тщательно замаскированных формах. Опубликованные позже государственным департаментом США документы по внешней политике, содержащие переписку департамента с американским послом в Петрограде Френсисом и с американскими консулами в других городах Советской России, полностью обнаруживают, что правительство Вильсона помогало Колчаку деньгами, оружием и другими материала-

ми. В частности оно перевело на имя Колчака те суммы, которые были в свое время предназначены для Временного правительства. Со второй половины 1918 года правительство Вильсона изменило свою тактику и перешло от скрытой интервенции к открытой.

Еще в 1918 году американское правительство переслало Колчаку и чехословацким войскам в Сибири свыше 200 тысяч винтовок, 100 пулеметов, 22 орудия и т. п. США оказывали громадную помощь белогвардейским армиям своими военными поставками. Помощь посылалась не только Колчаку, но и Юденичу, Деникину, Миллеру и другим контрреволюционным генералам. Не довольствуясь этим, правительство США высадило войска во Владивостоке, перейдя, таким образом, к открытой вооруженной борьбе против Советской России.

Однако американская интервенция в Сибири заранее была обречена на провал. Это объясняется рядом причин, одной из которых были противоречия в лагере империалистов, в особенности противоречия между США и Японией. Во время интервенции в Сибири эти противоречия проявились в очень острой форме. Вместо договоренных 10 тысяч человек Япония направила в Сибирь около 150 тысяч, намереваясь закрепить за собой все завоевания в Китае и захватить всю Восточную Сибирь до Байкала. Такое поведение Японии вызвало сильное недовольство в правительственных кругах США. Правительство Вильсона, не заинтересованное в усилении своего соперника на Дальнем Востоке, неоднократно протестовало против действий Японии. Ленин в своих работах не раз указывал на американо-японский антагонизм как на одну из основных причин провала сибирской авантюры. «Большие державы Антанты,— писал Ленин,— не могут объединиться для борьбы с советской властью, так как слишком враждуют друг с другом... Япония, имеющая в Сибири более сильную, чем наша, армию, не может с нами бороться, боясь нападения Америки, с которой враждует из-за колониальных интересов империализма в Китае»³.

Провал интервенции в Сибири был обеспечен не только героической борьбой Красной Армии, партизанских отрядов и трудящегося крестьянства Сибири, но и братской поддержкой со стороны американских рабочих.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции и революционных событий в Европе на развитие революционной борьбы рабочего класса США выразилось в росте стачечного движения и в вы-

¹ По конституции США, для ратификации договора сенатом требуется не менее $\frac{2}{3}$ голосов.

² США подписали сепаратный мир с Германией лишь в июле 1921 года.

³ Ленин. Т. XXV, стр. 14.

ступлениях рабочих против интервенции, в защиту Советской России.

Большую роль в мобилизации масс на борьбу с антисоветской интервенцией сыграла «Лига социалистической пропаганды», возникшая еще в 1915 году, и левое крыло социалистической партии. Лозунг левое крыло социалистической партии «Руки прочь от Советской России!» нашел широкий отклик среди американских рабочих и показал их глубокую классовую солидарность с советской властью. Рабочими были организованы «Лига друзей Советской России» и «Общество технической помощи Советской России». Повсюду происходили демонстрации и массовые митинги протеста против интервенции. Тредюнионы вопреки антисоветской политике руководства Американской федерации труда выносили резолюции протеста против вмешательства империалистических держав в дела Советской России. Рабочие отказывались грузить военное снаряжение, предназначенное для белогвардейцев. Весь порт Сиэттля (в штате Вашингтон) был охвачен движением против отправки амуниции для белогвардейской и американской армий в Сибирь. Моряки и докеры Балтимора в 1919 году объявили стачку протеста против погрузки военного снаряжения для оккупационных войск.

Когда Советская республика приступила к организации Красной Армии, энтузиазм рабочих масс в Соединенных штатах Америки был так велик, что возникло даже течение в пользу посылки в Красную Армию американских добровольцев. На устроенных по этому поводу «Лигой социалистической пропаганды» митингах каждый раз записывались сотни желающих отправиться в Россию и вступить в ряды Красной Армии. На вопрос, будет ли разрешена отправка красных добровольцев в Россию, правительство США ответило, что помощь России может быть оказана только в форме записи в американскую армию, отправляющуюся на французский фронт¹.

Нью-Йоркская организация «Лига друзей Советской России» провела широкую петиционную кампанию за прекращение интервенции и блокады. Около 90 тредюнионов, насчитывавших сотни тысяч членов, присоединилось к петиции.

После разгрома Болчака Красной Армией США отзывали свои войска из Сибири. Но, прекратив интервенцию, американское правительство продолжало свою политику непризнания СССР (до конца 1933 года).

5

Борьба американских рабочих против

¹ См. «Коммунистический Интернационал» № 7—8 за 1919 год, стр. 1000—1001.

интервенции была неразрывно связана с их борьбой за свои экономические и политические права. Рост дороговизны, свертывание военной промышленности, постепенная демобилизация более чем трехмиллионной армии, вызванный этим рост безработицы наряду с известиями о первых успехах Советской России способствовали росту боевых настроений среди американских рабочих.

Наибольшего подъема экономическая борьба рабочих США достигла в 1919 году. В течение этого года произошло 3577 стачек, в которых участвовало свыше 4 миллионов рабочих². Бастовали не только организованные, но и неорганизованные рабочие, квалифицированные и неквалифицированные. Многие забастовки происходили вопреки руководству АФТ.

Весной 1919 года в Сиэттле под руководством местных советов профсоюзов, где «прогрессивные» элементы пользовались значительным влиянием, вспыхнула всеобщая забастовка. Причиной забастовки послужил отказ правительственной арбитражной комиссии удовлетворить требование 32 тысяч судостроительных рабочих об оставлении в силе существующих расценок. Все организованные рабочие города решили объявить пятидневную всеобщую забастовку солидарности для поддержания требований судостроителей. Сто десять профсоюзов примкнули к забастовке. Вся жизнь города замерла. Выбранный рабочими стачечный совет стал центром, контролирующим деятельность всех предприятий города.

Исполком АФТ объявил забастовку незаконной и пригрозил исключением «прогрессивных» вождей из ряда отделов профсоюзов города Сиэттля. Открытое предательство руководства АФТ и перешительность «прогрессивных» вождей всеобщей забастовки привели к ее срыву. Начавшие забастовку судостроители оказались изолированными. Они продолжали борьбу в течение месяца и были разбиты объединенными силами предпринимателей и местных властей, поддержанных руководством АФТ.

Наиболее ярким эпизодом выступлений американских рабочих в 1919 году была стачка в стальной промышленности, охватившая 350 тысяч неорганизованных рабочих. Ее вдохновителем и руководителем был один из выдающихся вождей американского рабочего класса, тов. Фостер, ныне председатель коммунистической партии США. Бастовавшие требовали 8-часового рабочего дня, повышения ставок, права организации в профсоюзы и т. д.

Стальной трест решил во что бы то ни стало не допустить организации рабочих-

² См. «American Labor Year Book», p. 111. 1925.

сталелитейщиков. В этом ему помогли правительство и руководство АФТ. Во всех цехах сталелитейной промышленности было введено военное положение. Специальные организации занялись вербовкой для Стального треста штрейкбрехеров, которые были привезены из разных штатов. Были приложены все усилия, чтобы расколоть ряды стачечников, используя их националистические предрассудки (среди рабочих этой отрасли промышленности насчитывается 17—18 разных национальностей). Реформистские профбюрократы со своей стороны прилагали все усилия, чтобы сорвать забастовку. АФТ за все время стачки ни разу не стала на ее защиту, а союзы железнодорожников не только не объявляли стачки солидарности, но всячески содействовали перевозке штрейкбрехеров в районы стальной промышленности со всех концов страны. Поражение стачки рабочих сталелитейной промышленности было тяжелым ударом для рабочих других отраслей промышленности.

Вспыхнувшая в ноябре 1919 года стачка 500 тысяч углекопов, требовавших увеличения тоннажных расценок на 60%, соответствующего увеличения заработной платы и т. д., была объявлена президентом Вильсоном незаконной. Правительство и председатель АФТ Гомперс требовали прекращения забастовки. Руководство объединенного союза горняков призвало рабочих к прекращению борьбы. «Мы,— заявляли профбюрократы рабочим,— не можем бороться против нашего правительства».

Стачка все-таки продолжалась. И только после того, как правительственная комиссия постановила увеличить расценки и заработную плату на 27%, большинство бастовавших возвратилось на работу.

6

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в 1918 году внутри социалистической партии органично оформилось левое крыло. Левое крыло проводило большую работу как внутри социалистической партии, так и среди рабочих масс. Оно издавало ряд печатных органов, спланивавших революционных рабочих в борьбе против предательской политики руководящей верхушки социалистической партии. Борьба велась вокруг следующих вопросов: выхода из II интернационала и присоединения к III Интернационалу; устранения всех реформистских пунктов в платформе партии и агитации за социалистическую революцию; установления тесной связи между партией и профсоюзами, стоящими на точке зре-

ния классовой борьбы. Левое крыло активно выступало в защиту Советской России, против антисоветской интервенции. Оно издавало информационный бюллетень и множество брошюр, освещавших важнейшие вопросы борьбы и деятельности советской власти. Однако левое крыло социалистической партии США, еще далекое тогда от марксистско-ленинского понимания задач партии, занимало сектантскую позицию в вопросах борьбы за частичные требования, недооценивало значения борьбы за союзников пролетариата. В программе левого крыла совершенно отсутствовали какие-либо пункты по аграрному и негр-янскому вопросам.

Тем не менее преданность делу рабочего класса, борьба против реформистов, защита Советской России и выступления против антисоветской интервенции привели к росту влияния левого крыла. Его агитация и пропаганда пустили глубокие корни среди членов социалистической партии. При выборах на руководящие посты социалистической партии в 1919 году левое крыло одержало победу. Из 15 мест в исполкоме социалистической партии левые завоевали 12. Но реформистские вожди партии объявили выборы незаконными, исключили из партии 60 тысяч сторонников левого крыла (всего в партии было 100 тысяч членов) и назначили на 30 августа 1919 года чрезвычайный съезд партии.

Состоявшийся в июне 1919 года в Нью-Йорке съезд левого крыла обсудил вопрос об отношении к раскольнической деятельности реформистского руководства социалистической партии. Основной спор на этом съезде шел вокруг вопроса, продолжать ли борьбу внутри старой партии или организовать новую, коммунистическую партию. Большинство левого крыла стояло за продолжение борьбы внутри социалистической партии.

На учредительном съезде, созванном меньшинством левого крыла 1 сентября 1919 года, была образована коммунистическая партия Америки. Делегаты большинства левого крыла созвали свою конференцию и образовали особую организацию—коммунистическую рабочую партию Америки. Таким образом, в США создались две коммунистических организации. Их объединение, тормозившееся из-за фракционной борьбы и суровых правительственных репрессий, произошло значительно позже, лишь в декабре 1921 года.

В 1919—1920 годах правительство Вильсона направило свой главный удар против коммунистов и их организаций. Обе коммунистические партии были запрещены и вынуждены были уйти в подполье. Конгресс постановил ассигновать 3 мил-

лиона долларов на борьбу с «радикализмом». В течение 1919—1920 годов около 30 штатов провели законы против синдикалистов. Эти законы карали долгосрочным тюремным заключением за пропаганду насильственного свержения правительства или упразднения частной собственности.

5 июня 1919 года конгресс принял закон, подписанный в тот же день Вильсоном, о высылке из США ипоностранцев, агитирующих устно или письменно за насильственное свержение существующего строя в США. В середине июля 1919 года из США были высланы группы итальянских, испанских, шведских, английских и ирландских коммунистов, синдикалистов и анархистов. Затем последовало постановление о высылке русских, которые были временно задержаны в тюрьме «вплоть до снятия блокады с России».

Мировая война 1914—1918 годов и ограничительные нормы для иммигрантов значительно сократили приток иностранной рабочей силы. Промышленники Северных штатов начали искать новый источник дешевого труда и нашли его на Юге, среди недовольных своим положением негров. Негры стали массами покидать хлопководческие плантации, на которых они надрылись в непосильном труде за нищенскую оплату, и фермы, которые они арендовали на кабальных условиях, и переселялись в города. На Севере для них раскрывались двери всевозможных промышленных предприятий.

В 1920 году в США насчитывалось больше 10 миллионов негров, из которых в городах в 1920 году жило уже 34%. На Севере негры сконцентрировались главным образом в промышленных городах: Филадельфии, Чикаго, Детройте, Нью-Йорке и т. д. Переселение негров в города усилило процесс пролетаризации и революционизирования негров.

Под видом борьбы за «американизм» культивировались самые безобразные формы шовинизма и преследований негров, евреев и католиков. Американский легион, Ку-Клукс-Клан и другие черносотенные организации, поощряемые правительственными кругами, устраивали охоту на «радикалов»; в Сент-Луисе, Чикаго и других городах толпы хулиганов избивали негров, «зараженных большевизмом». В 1920 году было 65 случаев линчевания негров.

На заседании сенатской судебной комиссии 66-го конгресса Пальмер вынужден был признать, что с июля 1919 года по январь 1921 года правительство издало 6328 предписаний об аресте революционно настроенных иностранцев.

Начавшаяся в 1920 году подготовка к президентским выборам отвлекла внимание страны от незаконных актов министерств юстиции и труда, вызвавших возмущение не только среди трудящихся масс, но и среди прогрессивной части буржуазии. Крупная буржуазия не могла простить Вильсону неудачи, постигшей его на Парижской конференции. Этот провал Вильсона, а следовательно, и демократической партии привел к усилению республиканской партии.

После упорной борьбы разных кланов за своих кандидатов в президенты республиканская партия остановилась на кандидатуре Гардинга — крестуре нефтяного короля Рокфеллера, бездарного и малоизвестного политика.

В своей предвыборной платформе республиканская партия обвиняла правительство Вильсона в том, что оно не подготовилось ни к войне, ни к миру. Она обещала покончить с президентским «самодержавием», ввести более справедливую систему налогов и протекционистский тариф, провести законы против линчевания негров и против применения детского труда, организовать сильную армию и сильный флот, и т. д. Платформа осуждала внешнюю политику Вильсона, высказывалась против Лиги наций.

Демократическая партия выдвинула в противовес Гардингу другого, такого же заурядного политического деятеля из Огайо, губернатора Джамса Кокса. Платформа демократической партии восхваляла режим Вильсона, высказывалась за Лигу наций, обвиняла республиканцев в том, что они не допустили установления мира ни в США, ни в Европе, подтвердила требования партии по вопросу о тарифах, обещала провести снижение налогов, запретить детский труд и т. д. Платформа демократической партии высказывалась за независимость Филиппин, за превращение Порто-Рико в штат и подтверждала свое сочувствие борьбе Ирландии за независимость.

В президентской кампании приняли также участие социалистическая партия, социалистическая рабочая партия и рабочая фермерская партии. Социалистическая партия выставила кандидатом в президенты Дебса, сидевшего в тюрьме за выступление против империалистической войны.

Рабоче-фермерская партия была основана в 1920 году. Она ведет свое начало от созданной в 1918 году «прогрессистами» рабочей партии Иллинойса и ряда фермерских организаций. Сторонники рабоче-фермерской партии рекрутировались главным

образом из числа враждебных АФТ организованных рабочих и из радикальных фермеров. Программа партии включала национализацию важнейших отраслей промышленности, общепольных учреждений и необрабатываемой земли, рабочее законодательство, гражданские свободы, всеобщее разоружение.

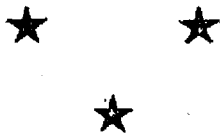
Во время предвыборной кампании все политические партии высказались за скорейшее проведение 19-й поправки к конституции — о предоставлении женщинам избирательных прав. В августе более 3/4 штатов приняло поправку, и 18 августа 1920 года она вступила в силу. Женщины получили возможность голосовать на предстоящих выборах.

Президентские выборы закончились поражением демократической партии. Гардинг получил небывалое в истории США большинство в 7 миллионов голосов. За него голосовало 404 выборщика, в то время как за Кокса голосовало только 127 выборщиков¹.

¹ По конституции США, выборы президента производятся следующим образом: избиратели каждого штата выбирают количество выборщиков, равное числу избираемых штатом сенаторов и членов палаты представителей, каждый штат избирает двух сенаторов и число представителей, пропорциональное его населению). Выборщики избирают президента. Избран-

Так закончилось президентство Вильсона — «идола всех мечтаний». Годы 1919—1920 были годами острой борьбы в лагере господствующего класса США как по вопросам внутренней, так и по вопросам внешней политики, а также годами роста революционной активности рабочего класса. Империалистическая буржуазия США, разочаровавшаяся в результатах мировой войны, отвернулась от своего ставленника Вильсона и решила опереться на республиканскую партию. В течение последующих 12 лет у власти стояла республиканская партия, последовательно проводившая политику империалистических кругов США. Отказавшись от ратификации версальского договора и от вхождения в Лигу наций, США отнюдь не отстранились от решения вопросов международной политики. Представители финансового капитала США добивались успехов в Китае и Японии. Увеличивались американские капиталовложения в Азии и Южной Америке. США вели ожесточенную борьбу за рынки и естественные богатства, в первую очередь за нефть. США принимали активное участие в разрешении репарационной проблемы. Капиталы США устремились и в европейские страны, в особенности в Германию.

Ным в президенты считается кандидат, получивший абсолютное большинство голосов выборщиков.

Из истории дальневосточного средневековья

(Японо-корейская война XVI века)

XVI век в Японии — век крупнейших исторических событий, имевших огромное значение для ее дальнейших судеб.

Уже в IX—X столетиях в Японии вполне оформился феодальный строй. Многочисленные феодалы лишь номинально признавали верховную государственную власть («старшего среди равных») и вели между собой бескончаемые войны. В XVI столетии этой так называемой эпохе «сенгоку дзидай» («воюющих феодалов») был положен конец, и страна была объединена сильнейшими из феодалов, сумевшими путем ряда войн подчинить себе остальных и установить в стране единую государственную власть.

Этому новому этапу в истории Японии предшествовало появление городов, начало торговли с европейцами (первые европейцы — португальцы — «открыли» Японию в 1542 году), познакомившими японцев с огнестрельным оружием, усиление торговли с Китаем, зарождение товарно-денежных отношений и т. п.

В конце того же, XVI столетия относится и первая в истории Японии внешняя завоевательная война — первая попытка захватить Корею с целью сделать ее плацдармом для завоевания Китая. Попытка эта окончилась тяжелым поражением Японии.

1

Для того чтобы получить представление об обстановке и условиях этой войны, необходимо вкратце охарактеризовать положение в Японии, Китае и Корее к этому периоду.

Отличительная особенность государственного строя Японии того времени заключалась в том, что ее монархи — микадо, или тенно, — никогда, за крайне редкими исключениями, не пользовались фактической верховной властью. В течение всей феодальной эпохи истории Японии страной управляли не монархи, а одна из приближенных к микадо фамилий, члены которой становились наследственными фактическими правителями страны. С 1186 года

власть, оставаясь наследственной, перешла к сйюгунам, или шюгунам¹, т. е. главнокомандующим армией, державшим и страну и японских императоров в неограниченном своем подчинении.

Интересно отметить, что эти фактические правители никогда не делали попыток свергнуть императорскую династию и овладеть короной, хотя это было вполне достижимо. За пост же сйюгуна шла непрерывная борьба между феодалами еще с тех времен, когда власть фактического правителя распространялась на очень небольшую территорию, прилегающую к столице, а в более или менее отдаленных феодах почти вовсе не признавалась.

Фактическими организаторами централизованного японского государства были три крупнейших сйюгуна, последовательно возглавлявшие японское правительство в XVI веке: Ода Нобунага² (1538—1582), Тойотоми Хидэйоси (1536—1598) и Токугава Ияэсу (1542—1616). Это были действительно незаурядные личности.

Нобунага, сын мелкого феодала района Нагоя, вступил на военно-политическую арену очень рано, 13 лет от роду. Он прежде всего захватил поместья своих родственников. Еще юношей различными способами он овладел всей провинцией Овари. Выгодная женитьба еще больше увеличила его владения. В 1562 году к нему обратился с просьбой о помощи в борьбе против сйюгуна сам император. Но Нобунага предпочел вести борьбу с соседями и вскоре покорил еще одну провинцию. В 1568 году, получив вторичную

¹ В японском языке нет отдельных звуков «с» и «ш», вместо них существует звук, представляющий нечто среднее между этими звуками. Также нет у японцев звука «л», он заменяется звуком «р»; у китайцев, наоборот, нет звука «р», он заменяется звуком «л». Отсюда, например, название архипелага Лю-Кю по-китайски и Рю-Кю по-японски.

² В японских именах впереди ставится фамилия, а затем имя. Дейтелей феодального периода японцы обычно называют не по фамилиям, а по именам.

Хидэйоси, правитель Японии. XVI век.

просьбу о помощи от микадо, Нобунага явился со своей дружиной в столицу Киото и помог свергнуть сёгуна.

К этому времени Нобунага был уже широко известен. В 1573 году новый сёгун, получивший свой пост благодаря Нобунага, испугавшись его авторитета и популярности, выступил против него, но был разбит и свергнут. Это был последний, 15-й сёгун династии Асикага, владивший над Японией почти два с половиной века (1334—1573 годы).

Сёгуном стал Нобунага. Но он не удовлетворился этим. Молодой талантливый полководец, которому были уже подчинены многие вассалы-феодалы, стремился подчинить своей власти и остальных феодалов. Оставив своим заместителем в столице своего соратника Хидэйоси¹, он начал войну с рядом сильнейших феодалов и к 1581 году подчинил себе почти треть всей Японии. Но в следующем, 1582 году он погиб от руки своего же вассала.

Хидэйоси — не менее яркая фигура описываемой эпохи. Сын крестьянина, Хидэйоси еще ребенком был отдан отцом в буддийский монастырь, а затем в ученики к различным ремесленникам. Буйный мальчишка нигде не мог ужиться, и его неизменно возвращали к отцу. В конце концов, отец, потеряв терпение, прогнал его из дому.

Беспризорный юнец отправился бродяжничать и вскоре очутился в отряде отокодаке². Научившись здесь владеть оружием, Хидэйоси, однако, и тут не ужился. Покинув отряд он поступил слугой к одному из чиновников феодала Имагава, врага Нобунага. Получив как-то от господина деньги на покупку доспехов, он купил их, но для себя и, сбежав от хозяина, поступил под чужим именем на службу к Но-

бунага. При этом Хидэйоси возобновил связь с отокодаке, а позже даже организовал из них под своим командованием отряд для Нобунага. Хидэйоси оказался блестящим военачальником и быстро выдвинулся.

После смерти Нобунага Хидэйоси был назначен опекуном нового сёгуна — малолетнего внука Нобунага. Сделавшись повелителем страны, Хидэйоси успешно продолжал начатое Нобунага покорение феодалов и объединение страны. К 1585 году он уже владел более чем половиной Японии. В том же году он был «назначен» регентом малолетнего императора («кампаку») и стал, таким образом, фактическим императором Японии. В 1590 году Хидэйоси имел уже в полном своем подчинении 47 главных провинций (всего их числилось 66) и 300-тысячную армию.

Объединив под своей властью Японию, Хидэйоси не считал свою миссию законченной. У него были более широкие замыслы. Еще до объединения Японии он лелеял мысль о покорении Китая, Кореи, Формозы и Филиппин и переносе столицы будущей огромной империи, включая и Японию, в китайский портовый город Нинбо³.

Некоторые историки склонны приписывать цель похода Хидэйоси в Корею и Китай стремлению его дать «работу» своим самураям, поскольку с ликвидацией внутренних войн эта грозная сила оставалась не у дел и могла именно по этой причине стать оружием феодалов в их борьбе против единой власти. Но если это и входило в намерения Хидэйоси, то во всяком случае лишь как задача второстепенная. Еще в 1577 году, когда Нобунага поощрял Хидэйоси овладеть всем островом Кюсю, Хидэйоси выразил готовность взяться за выполнение этой явно непосильной тогда для него задачи, но за покорение острова он просил предоставить ему доход с него за один год. Доход этот он намеревался использовать на подготовку судов и снаряжения для похода в Корею.

«Если хотят дать мне награду, — говорил он, — то пусть дадут мне Корею. Там я наберу силы для борьбы с Китаем и с помощью этих сил покорю его, чтобы все три государства (Китай, Корея и Япония) составили одно целое. Это — мое давнишнее желание»⁴.

Подготовку к борьбе с Китаем и Кореей Хидэйоси начал еще в 1583 году, т. е. вслед за назначением его фактическим сёгуном, когда обелитена была еще только треть Японии и для его самураев было

¹ Хидэйоси — имя. Фамилии он как выходец из низшего сословия не имел. Позже, по его возвышению, он присвоил себе фамилию Тойотомы.

² Нечто вроде русских казаков XVI века.

³ В нынешней провинции Чжэцзян.

⁴ Murdoch «A History of Japan». Vol. II, p. 305. London. 1910.

еще достаточно серьезной «работы» внутри страны.

Известно, что, намечая планы будущих завоеваний, Хидэйоси основательно ознакомился с историей Китая, знал о тяжелом внутреннем положении этой страны и о свойственном китайцам миропонимании. Китайское побережье безнаказанно громили даже мелкие шайки японских пиратов, а в распоряжении воиловственного сйогуна была сильная, закаленная в боях армия, располагавшая огнестрельным оружием и пушками. Естественную же преграду — море — Хидэйоси надеялся преодолеть, переправив войско на материк кратчайшим путем через остров Цусиму и Корею. Он был уверен, что слабая маленькая Корея не только не осмелится оказать сопротивление, но и сама будет вынуждена помогать японцам в покорении Китая.

2

Несмотря на свои огромные размеры Китайская империя в XVI веке была внутренне очень слаба. Внешне она процветала. Китайцам раньше других народов удалось свергнуть монгольское иго и также на некоторое время овладеть самой Монголией; немного времени спустя Китай расширил свои границы, подчинив себе Корею, Бирму и Аннам.

Однако государственный организм империи все больше раз'едали внутренние противоречия. Все более и более сказывалось быстро прогрессирующее разорение крестьянства. Уже к началу XV века в Китае появились огромные латифундии, вытеснявшие мелких землевладельцев. Все более учащались неурожаи и голодовки. Сильно разрослось ростовщичество. Крестьяне под тяжестью долгов, недоимок по уплате налогов, неурожаев и голодовок бросали свои земли и уходили из деревни. Даже распоряжение о казни беглецов не могло приостановить этот процесс.

В довершение всех бед в середине XV века началось создание так называемых дворцовых имений, которые отдавались родственникам императора, придворным и высшим чиновникам и для которых стогнялись с земли крестьяне. К середине XVI столетия таких имений насчитывалось много сотен по всей империи, причем размеры каждого из них доходили до 1 миллиона му¹.

В разных частях страны начались крестьянские волнения, местами переходившие в восстания. На больших дорогах хозяйничали многочисленные разбойничьи шайки бежавших с земли крестьян. Посевная площадь резко уменьшилась: с воцарения Минов (1368 год) по 1532 год

она уменьшилась с 8,3 до 4,3 миллиона цюаней², т. е. почти вдвое, да и эти 4 миллиона давали меньший урожай чем раньше.

Казна была пуста, и для ее пополнения правительство вынуждено было ввести систему откупов от наказаний: от любого наказания приговоренный мог откупиться деньгами или зерном. Взятничество чиновников приняло грандиозные размеры. Положение внутри страны становилось катастрофическим. К тому же на границах шли непрерывные войны с соседними государствами.

Этот тяжелый период в истории Китая, длившийся около 200 лет (XV—XVII века), именуется историками Китая «периодом гниения».

Немногом отличалось положение дел и в Корее.

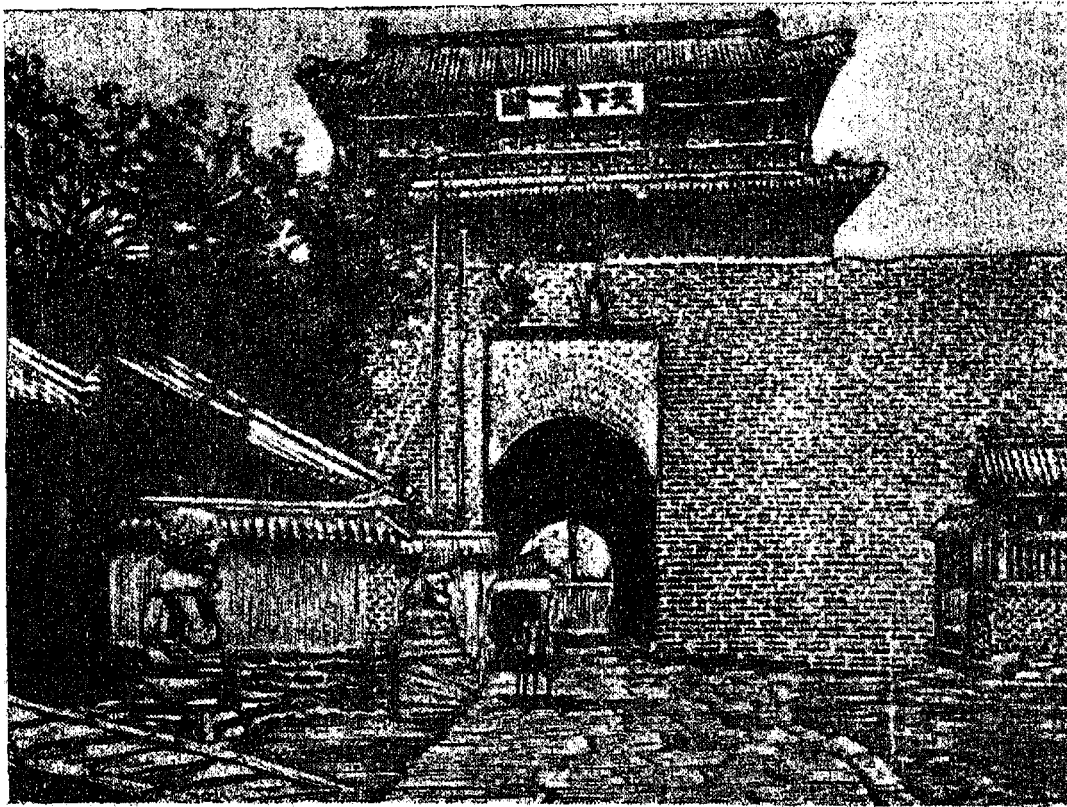
Покоренная в XIII веке монголами, Корея вскоре после свержения власти монголов в Китае подпала под китайское владычество. В знак полного подчинения Кореи китайский император потребовал, чтобы в Корею были введены китайский календарь и китайское летоисчисление. С этого времени началось слепое подражание Китаю во всех областях жизни Кореи, вскоре приведшее к полному ее окитаению. Однако политическая зависимость Кореи от Китая оказалась чисто формальной и выражалась лишь в периодических плате-

² Цюань, или цюй, равен почти гектару.

Японские крестьяне.

¹ Му равен $\frac{1}{16}$ гектара.

Ворота Великой стены в Шанхайгуане, ведущие из Китая в Маньчжурию.

жах дани. Во внутренних делах и в своей внешней политике Корея сохраняла полную самостоятельность.

Но внутренняя жизнь Кореи почти непрерывно потрясалась дворцовыми интригами, заговорами, борьбой придворных партий, сменой фаворитов короля, хозяйничавших в стране от его имени, и т. п. Эта внутренняя борьба продолжалась в течение двух столетий, вплоть до 1592 года, т. е. до самого начала японо-корейской войны.

Культурные и политические взаимоотношения Кореи с Японией начались задолго до XVI столетия. Мифологические сказания японцев повествуют о легендарном походе японской императрицы Дзингу в Корею в 201 году нашей эры, со времени которого якобы все три тогдашних корейских княжества начали платить Японии дань. Сказания эти не находят никакого подтверждения. История Кореи ни о чем подобном даже не упоминает, а по китайским источникам в этот период еще не существовало и само японское государство. Япония, называвшаяся тогда государством У, представляла собой более 30 отдельных самостоятельных племенных княжеств, ничем не объединенных, занятых тяжелой борьбой с туземцами.

После завоевания Китая и Кореи монголами Кубилай-хан дважды (в 1273 и 1281 годах) пытался овладеть и Японией, организуя морские экспедиции, в которых Корея, располагавшая сильным по тому времени флотом, была вынуждена

принимать участие. В тот же период начались набеги японских пиратов на корейское побережье. Чтобы положить конец этим враждебным отношениям, корейцы начали посылать к японским сюгунам посольства с подарками. Японцы считали эти подарки данью. В середине XV века, когда внутренняя борьба создала в Японии полный распад и неразбериху и корейцам трудно было решать, к кому персонально направлять посольства, а, с другой стороны, набеги японских пиратов на Корею несмотря на посольства и подарки не только не прекращались, но даже участились, — посылка корейских посольств и дани в Японию прекратилась.

В 1583 году Хидэйоси отправил в Корею своего посла Тацибана с требованием возобновить посылку дани. Требование было отклонено. Хидэйоси был удивлен смелостью корейцев и, считая, что Тацибан злостно не выполнил данное ему поручение, казнил его.

В 1587 году Хидэйоси поручил ведение переговоров с Кореей цусимскому феодалу Со. Но и тот ничего не добился от корейского правительства.

В 1590 году Хидэйоси снова послал Со в Корею с требованием изъять ему покорность. На этот раз корейский король ответил присылкой к Хидэйоси своего канцлера с подарками, которые при желании можно было считать данью. Хидэйоси милостиво принял посла, а при возвращении его в Корею послал с ним посольство с письмом к корейскому королю, в котором

сообщил, что предполагает предпринять поход в Китай через Корею, и высказал свое желание, чтобы корейский король и его войска служили его проводниками, «если этот поход состоится». Корейский король принял послов вежливо, но намерение Хидэйоси предпринять поход в Китай счел простым хвастовством и никакого ответа по этому поводу не дал.

В 1591 году Хидэйоси в третий раз отправил Со в Корею. Тот просидел в Фузане десять дней, но вновь не получил ответа на свои требования.

После этого Хидэйоси в том же году приступил к подготовке похода¹.

Летом 1591 года Хидэйоси созвал в Осака совещание вождей своей армии и изложил им свой план похода на Корею и Китай, заявив, что поход он намерен возглавить лично. При этом он выразил уверенность, что корейская армия будет служить для него авангардом. Но если корейцы, паче чаяния, почему-либо не станут на его сторону, он уничтожит их армию и двинется через Маньчжурью на Пекин, чтобы покорить весь Китай и передать его во владение им, вождям своей армии. Обрисовав слабость и развал Китая, он спросил их, готовы ли они к выступлению.

Смущенные вожди не решились противоречить и только молча переглядывались.

Хидэйоси признал это молчание знаком согласия и распорядился готовить армию и провиант для похода.

Во времени вторжения японцев вследствие продолжительного мира и придворных драг корейские военные силы пришли в упадок: дисциплина в ее армии пала, крепости обветшали и разрушались, войско было плохо вооружено. Японская же армия была закалена в боях, отлично вооружена огнестрельным оружием и пушками. Все это давало Хидэйоси все основания рас-

считывать на то, что Корея, не справлявшаяся также с отдельными шайками японских пиратов, не осмелится отвергнуть его требования пропустить через ее территорию к границе Китая сильную японскую армию.

3

Весной 1592 года в японском порту Нагойя была сконцентрирована крупная японская армия. О численном ее составе точных сведений нет. Данные японских историков в этом отношении расходятся. Называют цифру в 201 тысячу человек (Tensho-ki), в 205 570 (Taiko-ki), в 208 650 (Seibastuki) и даже в 305 тысяч человек (Toiotomi Taiko). Историк Мардок приводит как наиболее вероятную цифру в 200 тысяч человек и даже указывает численность каждого из отрядов в отдельности. Однако и эта цифра явно преувеличена. Японский флот того времени, уступавший корейскому, был слишком слаб для переброски морем, хотя бы и на короткие расстояния, такой огромной армии с лошадьми, пушками, боевыми припасами и провиантом. Поэтому можно предположить, что более близко к истине мнение некоторых европейских историков, определяющих численность японской экспедиционной армии, направленной в Корею, примерно в 150 тысяч человек.

В мае 1592 года экспедиционные войска, разделенные на три армии, переправились на ближайший к Нагойя остров Ики. Здесь между начальниками армий начались раздоры. Командующий одной из армий Юкинага Кониси, лучше других знавший местность, тайком от остальных ночью отправился на остров Цусиму и оттуда к корейскому порту Фузан, где и высадился 11 июня.

Этот день, 11 июня 1592 года, и можно считать датой фактического начала военных действий.

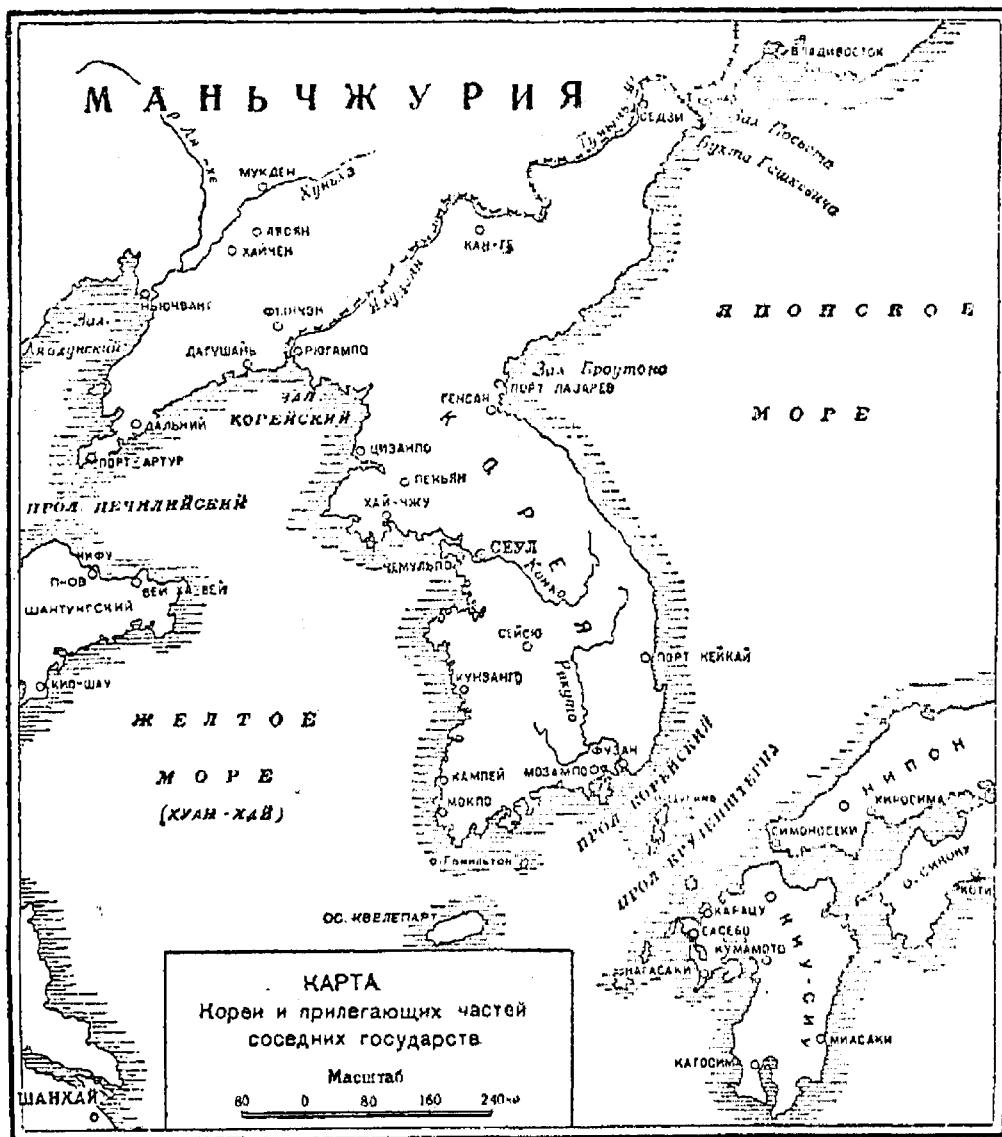
Кониси занял Фузан и две соседние бухты, почти не встретив сопротивления, и двинулся на север.

Через три дня после Кониси в Фузане высадилась вторая группа войск под командой Като Клемаса. Узнав здесь, что Кониси ушел на север, он пошел другой дорогой — на северо-запад, овладел укреплением Пинцзю и оттуда повернул на север.

Еще через несколько дней в Фузан прибыл возглавлявший экспедиционные силы брат Хидэйоси — Укида Хидэйе с главными силами (сам Хидэйоси отказался от намерения лично участвовать в походе) и направился вслед за Кониси.

Корейская армия почти не оказывала сопротивления, и операции японцев первоначально были необыкновенно успешны.

¹ Об этом походе, который несмотря на шестилетнюю длительность ограничился пределами Кореи и потому именуется японо-корейской (а не японо-китайской) войной, имеется обширная литература. Со стратегической точки зрения эта война подробно освещена в большом двухтомном труде японского генерального штаба, представляющем значительный интерес для военных историков. Очень подробно поход этот описан в *Nihon gaisi* (кн. XV—XVII). Много внимания уделяют ему и другие исторические труды о Японии как на японском, так и на европейских языках. Мы в основном излагаем историю этой войны по классическому трехтомному труду об истории Японии проф. Мардока, основателя восточного факультета в Австралии (James Murdoch «A History of Japan». Vol. II, pp. 302—359. London, 1910—1926).

Уже на 18-й день Кониси занял без боя столицу Кореи — Сеул. Корейские войска ушли отсюда до прихода японцев, а король эвакуировался в Ляодун. Несколько позже сюда подошли также Като и Укида. Японцы не имели никакого представления о силах корейцев и их местонахождении. Они были уверены, что основные корейские силы уже разбиты, а остатки их ушли на север, поэтому японское командование решило направить свои войска дальше на север, «добывать остатки» корейской армии.

Но у переправы через реку Нин-Цзин, в 15 километрах от Сеула, их ждала сильная корейская армия, занимавшая выгодные позиции на возвышенностях. Это оказалось неожиданностью для японцев. Они не рискнули завязать бой с корейцами, а те, не переходя в контрнаступление, терпеливо ждали нападения японцев. 10 дней обе стороны оставались на своих позициях в полном бездействии. Наконец, японцы прибегли к военной хитрости. Они сделали вид, что начали отступление. Корейцы оставили свои позиции и перепра-

вились через реку для преследования отступающих. Завязался бой. Заранее подготовленная японцами засада отрезала корейцев от их прежних выгодных позиций и опрокинула их строй. Потерпев поражение, корейцы отступили к древней столице Кореи — Пеньяну.

Японцы переправились через реку и тремя отрядами двинулись дальше по разным направлениям, преодолевая сопротивление противника, пытавшегося разбить их отряды по отдельности.

Первым к Пеньяну подошел Кониси. Здесь путь его отряду снова преградили корейские войска, занимавшие противоположный берег реки. Ночью корейцы напали на войска Кониси, но разбить их не смогли и вернулись на свои позиции, за реку. Кониси заметил место, где корейцы переправлялись через реку вброд, переправился через нее, разбил корейцев и овладел Пеньяном.

Этот разбитый им отряд Кониси считал последним остатком корейских войск; он вернулся в Сеул и доложил находившемуся там главнокомандующему Укида, что

«путь в Китай свободен», предлагая поскорее двинуться туда, пока на помощь корейцам не подоспели китайские войска.

В распоряжении японцев к этому времени находились уже все укрепленные пункты между Фузаном и Сеулом. В них были японские гарнизоны; сообщение между отдельными пунктами поддерживалось с помощью ракет. В Фузани размещен был резерв в 60 тысяч человек.

Однако двинуться дальше японцы не могли. Они узнали, что корейская армия располагает еще крупными нетропытыми силами на юге, которые могли ударить по японцам с тыла; самое же главное — необходимо было пополнить войска и провиант, которые со дня на день должен был подвезти японский флот. Японцы перешли на оборонительное положение. Тем временем японский флот в количестве до тысячи судов, шедший в Корею кружным путем, был выслежен корейским флотом, более сильным и «бронированным» (прикрытиями сверху и с боков), перед которым мелкие пушки японских судов оказались бессильными. Близ острова Квельпорта японский флот был атакован корейским и разгромлен, а остатки его принуждены были бежать в Японию.

Осенью 1592 года в Северную Корею пришел первый двинутый на помощь Корею небольшой китайский отряд. Не считая японцев серьезным противником, китайские войска шли без разведки, сторожевого охранения и вообще каких-либо предосторожностей. Эту беспечность японцы удачно использовали. Ночью, когда китайцы отдыхали, на них неожиданно напал небольшой отряд, высланный Кониси. Китайцы его отразили и успокоились, уверенные, что японцы разбиты. А утром на утомленных ночным боем китайцев ударили главные силы Кониси. Китайцы были оттеснены к болоту, принуждены принять здесь бой и потерпели поражение.

Но к этому времени корейский король сосредоточил на севере свои войска. Они перешли в наступление, разбили несколько мелких японских отрядов и едва не разгромили основные силы Като. Ему удалось отступить с сравнительно малыми потерями лишь благодаря подоспевшей помощи. А в конце 1592 года к Пеньяну неожиданно для японцев подошли новые китайские войска и нанесли здесь первое серьезное поражение войскам Кониси. Он отступил к Сеулу, преследуемый по пятам китайцами. Сюда же стянуты были и остальные, теснимые китайцами и корейцами японские войска. Ряд занятых японцами пунктов был у них отнят, их сообщение с Фузаном было прервано. Однако в 15 километрах к северу от Сеула китайские войска, налегке преследовавшие япон-

цев — без пушек, без ружей, только с холодным оружием, — были с боем остановлены сгруппировавшимися здесь в ожидании подкреплений японскими армиями.

В марте 1593 года в Фузан прибыли, наконец, сильные японские подкрепления. Японцы попытались возобновить наступление, но на этот раз их операции были менее удачны, чем ранее. Корейцы успели подготовиться: они были научены опытом первой кампании, а к тому же к ним также успела прибыть помощь — крупная китайская армия. Японцы снова достигли Сеула, но здесь были остановлены. Вскоре корейцам удалось сжечь японские склады припасов и продовольствия в Сеуле.

Положение обеих сторон оказалось очень тяжелым. Японские войска были изрядно потрепаны, очутились во вражеском окружении и без боевых припасов и продовольствия. О дальнейшем наступлении не могло быть и речи. Но китайцы и корейцы тоже терпели недостаток в продовольствии (вследствие военных действий посева в Корею были значительно сокращены) и были не в силах окончательно разгромить японские войска. Вдобавок обе стороны жестоко страдали от развившихся в их армиях эпидемий.

С целью обмануть бдительность японцев и выиграть время, необходимое для подхода новых, более крупных китайских сил, китайское командование вступило с японцами в мирные переговоры. Оно предложило японцам через Кониси заманчивые условия мира, по которым японцы должны были получить три южные провинции Кореи, а Китай признавал за Хидэйоси титул вана (император, князь). Хидэйоси охотно согласился на эти условия. Японцы получали возможность стать твердой ногой на материке и создать здесь базу для дальнейших завоеваний, а признание Хидэйоси ваном истолковывалось им как признание Китаем его сюзеренитета. Когда условия были приняты, японские войска, по требованию китайцев, предварительно очистили те местности, которые, по условиям мира, им не предназначались, т. е. всю занятую ими территорию, и ушли в Фузан, где и расположились на отдых в ожидании триумфального возвращения на родину.

В то время когда японцы с нетерпением ожидали китайских делегатов для подписания мирного договора, китайское правительство сменило договаривавшегося с ними главнокомандующего китайскими войсками, а новый главнокомандующий оказался «неосведомленным» о мирных переговорах...

Не дождавсь китайских послов для оформления мирного договора, Хидэйоси от-

дал приказ возобновить военные действия. Он сам собирался стать во главе свежего 300-тысячного пополнения (цифра, вероятно, сильно преувеличена), но в последний момент отказался от этого намерения.

В августе 1593 года борьба возобновилась. Однако японцы несмотря на полученные ими подкрепления все же были не в состоянии продвинуться вперед, ибо китайцы тоже подослали свежие силы.

До конца 1594 года — почти полтора года — обе стороны бездействовали: китайцы надеялись взять японцев измором.

В начале 1595 года китайский император принял посла от Хидэюси, от которого якобы впервые узнал о переговорах японцев с бывшим главнокомандующим китайскими войсками в Корее. Император заявил, что он согласен на возведение Хидэюси в ваны, и обещал прислать делегатов в Японию для подписания мирного договора. Об уступке японцам трех корейских провинций речи уже не было.

Весь год Хидэюси терпеливо ждал китайских делегатов, но они все не являлись...

В начале 1596 года к Хидэюси прибыл, наконец, китайский посол. Он привез подарки, но ни на какие переговоры он уполномочен не был. В июле прибыло новое посольство с новыми подарками и, наконец, с грамотой на титул вана для Хидэюси.

11 октября 1596 года в присутствии всех феодалов китайские послы на торжественной аудиенции вручили Хидэюси долгожданную грамоту. Когда она по повелению Хидэюси была прочитана вслух, он рассвирепел. Оказалось, что китайский император признавал его, по этой грамоте, ваном... Японии. Это означало, что Китай дает ему это звание, как будто Хидэюси — вассал Китая и нуждается в его санкциях.

Послов с позором прогнали и издали приказ собрать к весне следующего, 1597 года новое пополнение для японской экспедиционной армии в Корее в 140 тысяч человек с целью возобновления военных действий. Возглавить новый поход должен был лично Хидэюси. Но и на этот раз Хидэюси, прибывший уже было в Нагоя, воздержался от личного участия в военных действиях, сославшись на болезнь матери. Главнокомандующим был назначен Хидэаки (приемный сын Хидэюси), а

прежний главнокомандующий — Укида — его помощником.

В 1597 году японцы возобновили военные действия. Вначале они с помощью прибывших пополнений продвинулись несколько на север от Фузана, но попытка снова занять Сеул встретила решительный отпор. Японцы были разбиты и вынуждены отступить на юг. При отступлении жертвой их ожесточения стал, между прочим, город Киючжю, древняя столица государства Силла, славившийся своей красотой, богатством своих храмов и произведениями искусства.

В январе 1598 года китайские войска с помощью прибывших новых подкреплений перешли в контрнаступление. На этот раз китайцы перехитрили японцев. Часть китайских войск обложила отряд Като, находившийся в одном из укреплений на пути к Фузану. На помощь ему японцы выслали почти все свои резервы из Фузана. Воспользовавшись этим искусственно вызванным ими огомением, два других китайских отряда ударили по Фузану, этой основной базе японских экспедиционных сил, и овладели им. Положение японской армии в Корее стало критическим.

Получив известие об этом поражении, Хидэюси в апреле 1598 года отдал распоряжение японским войскам готовиться к возвращению в Японию, признав, что победить Китай он не в состоянии.

Эвакуация японцев под жестокими ударами китайской армии превратилась в бегство. Особенно плохо пришлось войскам Кэиси: их с большим трудом спасли от полного истребления полоспевшие на помощь отряды Като и Сималзу. Китайский и корейский флоты громили сильно передевшие японские части, которые успели кое-как погрузиться на суда. Остатки самурайских отрядов (об их численности японские историки умалчивают) с большими трудностями лишь к осени добрались до Цусимы. Судьба избавила горлого Хидэюси от печального зрелища возвращения на ратину его самураев после поражения: он умер до их приезда.

Единственным «трофеем» японцев и памятником этой тяжелой для Японии войны является «мимицука» («Могила ушей») в Киото, в которой были зарыты уши и носы, отрезанные самураями у 214 752 убитых ими корейцев и китайцев.

Так плачевно закончилась первая завоевательная война Японии.

Раскопки в Рас Шамре

1

За последние десятилетия раскопки, произведенные в Передней Азии, значительно углубили наши сведения по истории древнего Востока и расширили хронологические рамки известного нам исторического материала. Так например раскопки 1910—1935 годов на месте древнего вавилонского города Ура подтвердили считавшиеся мифологическими сообщения вавилонского историка, жреца Бероса, о так называемых допотопных царях. Ряд раскопок вскрыл памятники материальной культуры, предшествовавшие сумерийской эпохе. Археологическая экспедиция в финикийском городе Библосе обнаружила храм, построенный за 3000 лет до нашей эры, и различные предметы (вазы, печати), свидетельствующие о древнейших связях этого города с Египтом. Позже в Библосе же были найдены надписи, считающиеся наряду с полуиероглифическими надписями, открытыми на Синайском полуострове, первыми переходными ступенями от иероглифического к алфавитному письму.

Среди всех этих раскопок видное место занимают находки, сделанные в местечке Рас Шамре, расположенном в северной части сирийского побережья Средиземного моря, на месте столицы древнефиникийского государства Угарит. Они позволили значительно расширить наши представления о древнейшем периоде истории Финикии и дали совершенно новый, очень ценный материал как о финикийской культуре, так и о культуре других семитических народностей Сирии и Палестины.

В найденном в 1888 году в Египте, в Тель-эль-Амарне, дипломатическом архиве, содержащем многочисленные письма азиатских властителей к правителям Египта, неоднократно упоминается государство Угарит. Некий Мипшту, возможно царь Угарита, сообщает египетскому царю, что его город находится в опасности. Из письма царя Тира Абимилки к Эхнатону¹ становится известным, что в Угарите был

сожжен дворец в результате набега хеттов. Но более подробно об этом государстве ничего не было известно вплоть до 1929 года, когда в Рас Шамре были начаты раскопки французским археологом Клодом Шеффером (раскопки эти велись до 1939 г. включительно).

Через государство Угарит, расположенное на побережье Сирии, напротив северо-восточной оконечности Битра, в 50 километрах от устья Оронта, проходили большие торговые пути древности. Угарит рано вошел в соприкосновение с различными государствами Передней Азии. Уже в четвертом слое Рас Шамры, относящемся к середине IV тысячелетия до нашей эры, встречается тонкая многокрасочная керамика, близкая по типу к керамике, найденной при раскопках в Тель-Калафе, около Ниневии, и в Эль-Убейде, на месте древнего вавилонского города Ура. Значит, в это время Угарит находился в сношениях с северной Сирией и Месопотамией. Выгодное положение города на дороге, ведущей от берега моря в крупный торговый город Алеппо, привлекало к нему финикийцев. В третьем слое, соответствующем III тысячелетию, появляется простая, без рисунков, красная и черная керамика — так называемого хананейского типа, характерного для Финикии. Это показывает, что уже с середины III тысячелетия до нашей эры финикийцы обосновались в Угарите. Можно предполагать, что эта финикийская колония была главным образом тирского происхождения².

Насколько широки были уже тогда связи Угарита, видно из того, что в храме Ваала, построенном в начале II тысячелетия до нашей эры, найдены посвященные статуэтки, присланные туда женой египетского фараона Сенусерта II (1906—1887 до нашей эры). Очевидно, храм этот вообще пользовался известностью, так как там же найдена стелла, посвященная Ваалу египтянином Маами.

Наибольшего расцвета Угарит достиг в середине XV — начале XIV столетия до нашей эры, при царе Никмаде, или Никмеаше, который, как явствует из письма к нему знаменитого хеттского царя Супи-

¹ Эхнатон — египетский фараон, правивший с 1370 до 1352 года до нашей эры.

² Тир — важнейший экономический и культурный центр южной Финикии.

дулиумы¹, был современником фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Найденная в Рас Шамре табличка, относящаяся приблизительно к этому же времени, перечисляет 90 городов, входивших в состав государства Угарит, которые платили дань и поставляли солдат в пользу столицы.

Население Угарита было многочисленным и разнородным: в состав его входили финикийцы, сирийцы, хетты, митанийцы, киприоты и даже микенцы. Главными занятиями были торговля и ремесло, рассчитанное на вывоз в другие страны. Маркс замечает, что «...чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самим преобладанием земледельческих народов»². Таким именно торговым народом было население государства Угарит. Обслуживало оно главным образом транзитную торговлю. Финикийцы возили через Угарит в северную Сирию и Месопотамию вино, зерно, золото, ароматические вещества, а ввозили лес, кожу, бронзовые изделия, оружие, орудия производства. В Угарите был центр торговли лошадьми с Финикией и Египтом, как можно заключить из найденного в Рас Шамре трактата о лечении лошадей.

Уже очень рано здесь начинаются взаимоотношения с крито-микенским миром. В одной из гробниц найдена ваза критского происхождения, принадлежащая к типу камарес³. Там же обнаружены своеобразные сосуды в виде хижин с дверью, которая закрывается поперечным брусом. Сосуды эти часто встречаются на Крите, в Греции и в северной Европе, что последний раз указывает на то, какой широкий круг охватывали торговые связи Угарита. Однако, очевидно, наиболее оживленные сношения поддерживались с областью, ограниченной долиной Тигра на востоке, сирийскими пустынями на юге и владениями хеттов на севере.

Большинство исследователей считает, что Угарит входил в комплекс аморитских⁴ государств и в течение II тысяче-

летия до нашей эры находился в сфере влияния то Египта, то хеттов, лавируя по возможности между большими азиатскими государствами и Египтом. В XIII веке, во время вторжения в Сирию войск египетского царя Рамзеса II, Угарит продолжал эту политику, поддерживая отношения и с хеттами и с Египтом, как это видно из найденных текстов. После битвы при Кадеше (1295 год) Угарит отошел от хеттов и сблизился с Египтом.

Однако с конца XIII века значение Угарита начинает падать. Непоправимый удар был нанесен городу нашествием «народов моря» — ахейцев, киприкийцев, ланайцев и др., — обрушившихся на Сирию и Египет в начале XII века до нашей эры. Во время раскопок последующих слоев обнаружены были только выродившаяся микенская керамика, грубые статуэтки, неукрасившие стеллы. Окончательно Угарит погиб после завоевания его ассирийским царем Тиглатпаласаром I (1115—1093 годы до нашей эры), армия которого наголову разгромила этот древний культурный центр.

2

Наиболее интересные находки в Рас Шамре относятся ко времени расцвета Угарита, к XV—XIII векам до нашей эры.

В этот период развитие ремесла и торговли позволяло разбогатевшим купцам и ремесленникам строить себе обширные дома, украшенные различными предметами роскоши. Дома стояли близко друг к другу и отделялись только маленькими переулками, что свидетельствует о густоте населения. Они насчитывали несколько этажей и имели двадцать и больше комнат. Обычно дом строился со внутренним двором, в котором помещались колодец и лестница из камня, ведущая в верхние этажи. В каждом доме была комната с ванной из камня или глины и стоком для воды, отведенным в центральный водосточный колодец. Под домом устраивались подземные сводчатые гробницы микенского типа, рассчитанные на целые семьи. В одном из таких склепов были найдены погребения сорока четырех человек. В подвальном этаже находились кладовые и комнаты для слуг. В первом этаже помещался сам хозяин. Там же нередко была и его мастерская, если он занимался ремеслом.

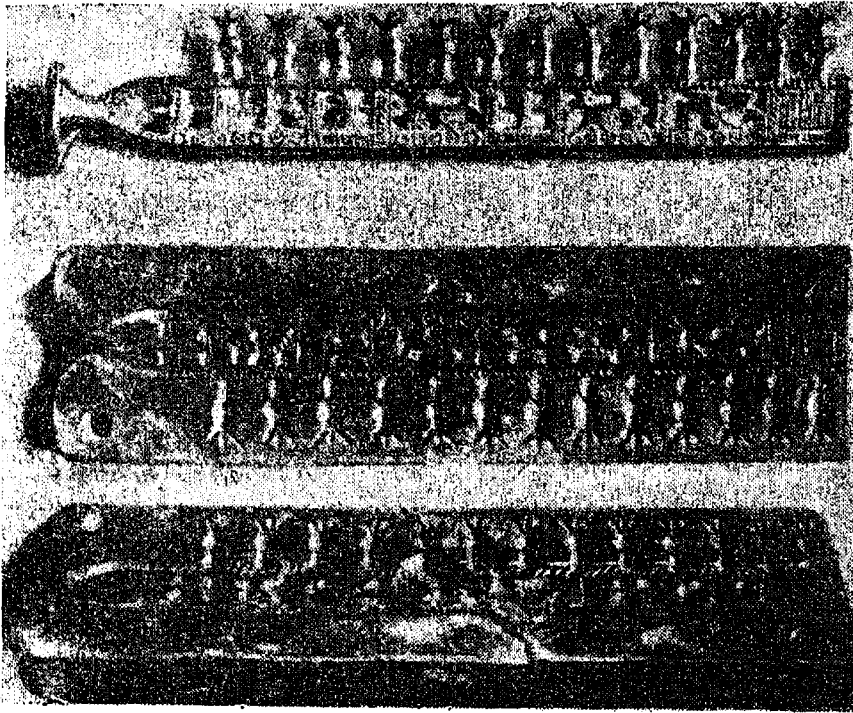
Так например была раскопана мастерская ювелира, в которой найдены многочисленные золотые подвески, фигура Астарты и группа из трех божеств: два крайние изображены в виде людей в высоких шапках, а среднее — с головой

¹ Супилулиума — хеттский царь, обеливший в середине XIV века до нашей эры под своей властью большую часть Малой Азии и подчинивший царство Митании в северной Сирии и Месопотамию.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 198.

³ Камарес — пещера горы Иды на острове Крите, где был обнаружен ряд характерных критских ваз, относящихся к XX—XVIII векам до нашей эры.

⁴ Амориты — семитическая народность, обосновавшаяся в Сирии в конце III тысячелетия до нашей эры и создавшая здесь ряд мелких рабовладельческих государств.

• Форма для золотого украшения. Раскопки в Рас Шамре.

быка. В другой мастерской ювелира сохранилась форма для изготовления золотого украшения с фигурками птиц и золотыми гранатами по краю, весы ювелира с бронзовыми гириями от $\frac{1}{4}$ сикля (около двух граммов) до 1 мины (470 граммов). Самая большая гиря сделана в виде человеческой головы. Другой гире придан вид лежащего быка. Весовая система в Угарите соответствовала системе, упоминаемой в Библии: 1 талант равен 60 минам, 1 мина — 50 сиклям, в отличие от Вавилона, где 1 мина равнялась 60 сиклям.

Кроме ювелирного дела в Угарите было значительно развито производство оружия и орудий производства из бронзы, которых при раскопках было найдено большое количество. Как и в Финикии, большую роль в Угарите играло производство высоко ценившегося пурпура из волившейся на сирийском побережье специальной перолы улиток. Сохранилась табличка, содержащая инвентарь мастерской, окрашивавшей шерсть в пурпур. Жители Угарита производили также изделия из стекла, в выработке которого финикийцы достигли особого мастерства. Из стекла изготавливались различные ювелирные безделушки, статуэтки, сосуды. О развитии ремесла свидетельствует большое количество различных изделий из золота (подвески, бусы, кольца, булавки), а также из слоновой кости, бронзы, керамики. Во всех этих изделиях наблюдается смешение различных стилей, вызванное влиянием различных государств и народов, с которыми сталкивалось население Угарита. Все эти разнородные влияния не были

достаточно ассимилированы, и поэтому свое, оригинальное искусство не было создано. В древнейшее время в Угарите преобладало влияние Ассирии, по образцу храмов которой построены храмы Ваала и Дагона; позже преобладало египетское и микенское влияние.

Очень характерны, с точки зрения этого смешения стилей, найденные в Рас Шамре блюдо и чаша из золота. На блюде, на котором представлена охота, люди изображены по образцам, распространенным в северной Сирии, а животные — по типу микенских изображений. Чаша с мифологическим сюжетом — борьбой времен года — указывает на египетское влияние. Такое же смешение представляет большая стелла с Ваалом: при преобладающем египетском влиянии обращает на себя внимание ряд азиатских элементов — тиара с рогами, кинжал с загнутым концом у пояса.

Наибольшее искусство мастера Угарита обнаруживали в изготовлении изделий из бронзы. Некоторые бронзовые статуэтки их работы являются наиболее высокими образцами искусства той эпохи. Как пример может быть приведена бронзовая статуя Ваала, покрытая тонким слоем золота. Многочисленны бронзовые подвески в виде египетской богини Гатор, окруженной лотосами и змеями. Разнообразные цилиндрические печати показывают, что процветала и глинянка (искусство резьбы по камню и металлу). Статуэтки изготавливались и из глины.

Наряду с изделиями местного производства было множество ввозных, главным образом с Кипра и из Микен.

Бронзовая гиря в виде головы человека.
Раскопки в Рас Шамре.

Кроме всех указанных производств развито было и строительное искусство. Раскопки 1939 года дали в этом отношении новый интересный материал. Было обнаружено здание с большим залом, крыша которого поддерживалась четырьмя столбами из каменных плит. Повидимому, это была конюшня и манеж для тренировки лошадей. Широкий вход был украшен деревянными колоннами на каменном основании диаметром в 75 сантиметров. Такие колонны, ставившиеся попарно при входе, типичны для общественных зданий Угарита. Здесь же помещался арсенал, в котором найдены таблички с записью оружейного инвентаря и выдачей произведенных воинам, а также крупные камни, употреблявшиеся угаритскими пращниками. С другой стороны сохранился вход в государственный архив, где были обнаружены счета, письма к царю и царшце (здесь, между прочим, находилось и вышеупомянутое письмо Сузилузуму в Никмаду) и т. д.

Очень интересно укрепление, служившее защитой дворцу и городу. Оно обращено в сторону моря, со стороны которого, очевидно, ожидалась главная опасность. И действительно, как известно, решительное поражение, послужившее началом гибели города, Угарит потерпел от народов моря. На выравненном откосе холма устроена была тяжелая облицовка из камня с наклоном в 45 градусов. От основания склона подымалась квадратная башня со сторонами в 14 метров и шириной стен в 5 метров. Вход в башню был через дверь шириной в 4 метра, расположенную посередине стены. Для сообщения защитников башни с портом из нее был устроен подземный ход высотой в 5 метров, со сводчатым потолком и лестницей с низкими

широкими ступенями, по которым можно было сводить лошадей. Этот ход приводил к потайной двери, у порога которой столбы шириной в 6 метров поддерживали плиту из цельного камня в 2 метра шириной. Это укрепление, свидетельствующее о высоком развитии военной архитектуры, относится к середине XIV века до нашей эры.

Кроме этих различных памятников материальной культуры в Рас Шамре найдено большое количество письменных памятников.

Как показывают таблички, служившие для обучения писцов и найденные в здании, где, очевидно, помещалась школа, в Угарите говорили на языках аккадийском, шумерийском, митаннийском, а главным образом на языке, близком финикийскому и древнееврейскому; некоторое сходство он обнаружил и с аккадийским языком. Была в ходу также и аккадийская система письма, но наибольшее распространение получило алфавитное письмо. Тексты начала II тысячелетия до н. э., найденные при раскопках древнего финикийского города Библоса, свидетельствуют уже о попытках перехода к буквенному письму. Но если на юге за основу брались египетские иероглифы, то на севере алфавит был создан по образцу клинописных знаков. В этом алфавите 30 знаков, обозначающих 28 букв. В позднейшем финикийском алфавите 22 знака. Гласные отмечались очень редко. Алфавит Рас Шамры похож несколько на древнеарабский. Документы написаны на глиняных табличках, благодаря чему они и дошли до нас, в отличие от папирусов южной Финикии, которые погибли от сырости.

Содержание табличек самое разнообразное. Много деловых документов, относящихся к торговле, счетов, списков товаров, что естественно для такого оживленного торгового центра, каким был Угарит. Встречаются также завещания, например завещание XV века до нашей эры, которым какой-то житель Угарита оставляет своей жене имущество и рабов; различные письма: письмо царя Кархемиша к царю Угарита о рабе, купленном кочевниками и проданном в Кархемиш, и о 900 пленниках в Кархемише, или письмо царя Бейрута к своему сыну, бывшему тогда правителем Угарита, и пр.

3

Но наибольший интерес представляют найденные в Рас Шамре мифологические поэмы. До этого нам же были известны никакие образцы финикийской литературы, несмотря на свидетельства античных авторов о ее существовании. О финикийской религии также сохранились только упомин-

нация о безличных богах — Ваалах, — не связанных ни с какими мифами, и позднейшие искусственные космогонические и теогонические построения Филона Библиоского (II век нашей эры). Но поэмы Рас Шамры не только проливают свет на древнейшую финикийскую литературу и мифологию: они имеют также большое значение для выяснения общих корней других семитических религий, в частности и для библейской критики. Эти поэмы, как видно из соответственных надписей, были собраны и записаны по приказанию царя Никмала, — значит, в конце XV—начале XIV века до нашей эры. Но происхождение их надо отнести к гораздо более раннему времени. Если в других современных документах упоминаются хетты, митаннийцы, ассирийцы, субарийцы и др., то поэмы знают только области южной Сирии.

Французский ученый, специалист по истории религии, Дюссо, исследовавший поэмы, делает из этого вывод, что авторами их были хананей, впоследствии называвшиеся финикийцами. Возможно, что они происходили из района, расположенного вблизи моря, так как в поэмах все время говорится, как и в патриархальных легендах евреев, о местности между Средиземным и Красным морями. Датский исследователь семитических религий Нильсен считает, что финикийцы, так же как и евреи, вышли из Аравии.

Из поэм Рас Шамры мы получаем представление о финикийском пантеоне. Во главе его стоит бог Эл. Все в мире делается по его повелениям. Эл—одновременно и царь, и мудрец, и судья. Он живет не на небе, а в отдаленном краю, где реки впадают в океан. Он считается отцом богов и людей, хотя о создании мира и человека никаких упоминаний в поэмах нет. Значительную роль играет также бог Ваал, что означает «господин». Настоящее его имя — Адал — происходит от слова «гром». Адал был богом грома, молнии и дождя. Его изображали с палицей и копьем, символизировавшим молнию. Он был северным богом, и финикийцы узнали его и стали ему поклоняться только тогда, когда в своем продвижении на север достигли Ливана. Южные финикийцы считали Ваала богом севера, откуда и произошло его прозвище Сафон. С культом Ваала было связано почитание его сына Алияна, божества источников, которому финикийцы поклонялись, когда еще жили в пустыне на юге. Алиян часто заменял Ваала. Когда он вошел в цикл мифов о Ваале, его атрибутами стали ветер, дождь и сосуды с брызжущей из них водой.

Врагом Ваала и Алияна был бог Мот, «царствовавший на равнинах, лишенных

небесных вод». Французский ориенталист Виролло считает Мота богом смерти, но скорее прав Дюссо, переводящий слово «мот» словом «воин» и приписывающий ему функции бога лета и жатвы. Женой Эла была Ашерат-Ям, покровительница моря. У нее и Эла было семьдесят детей-богов, которые, по толкованию Нильсена, представляли собой обожествленные звезды, начавшие принимать человеческий облик и впоследствии превратившиеся в ветхозаветных ангелов. Женой Ваала была тоже Ашерат. Из богинь большую роль играла сестра Алияна — Анат, богиня-воительница, которую Виролло считает воплощением жизни в природе. Она соответствовала Астарте и впоследствии слилась с ней в малазиатскую богиню Атаргатис, культ которой был чрезвычайно распространен.

Борьбе Алияна, Анат и Ваала против Мота посвящена самая большая из поэм Рас Шамры, представляющая один из древнейших вариантов многочисленных мифов об умирающем и воскресающем боге весенней растительности.

Поэма начинается с описания гнева богини Анат, вызванного тем, что люди забыли должное уважение к Ваалу и стали пренебрегать его культом. Она жестоко на-

Голова Ваала. Раскопки в Рас Шамре.

Глиняная статуэтка. Реконструкция. Раскопки в Рас Шамре.

казывает людей города, людей, живущих на берегу моря и живущих там, где восходит солнце. Наконец, она идет в храм и скамьями избивает неверных жрецов. Удовлетворившись мстостью, Анат решает построить Ваалу роскошный храм, так как у него нет собственного храма. Вместе с Ваалом она отправляется на север. В дороге они выдерживают борьбу с драконом и с чудовищем Лотаном (библейский Левиафан). Свергнув царя севера и захватив его золото, они приступают к постройке храма Ваала с помощью богов — архитекторов и ювелиров. Для украшения нового храма купцы, земледельцы и водители караванов приносят подарки.

Когда работа, наконец, закончена, Алийан, принимавший в ней большое участие, устраивает для богов роскошный пир. Ваал торжественно вступает во владение своим храмом, причем в этот момент разверзаются тучи и начинает идти дождь. Очевидно, строительство храма Ваала было приурочено к началу дождливого сезона. Ваал, водворившись в храме, говорит, что отныне он один будет царствовать и насыщать богов, людей и земные стада. Он посылает гонцов в ад, где в это время томится его враг Мот, чтобы уведомить последнего о своем возвышении. Мот в свою очередь посылает гонца к Ваалу и тщетно старается задобрить его жертвами. Он умоляет позволить ему вернуться к жизни, так как уделом мертвых в аду является вечный ужас. Ваал отказывает Моту.

Однако, когда деревья начинают приносить плоды и солнце освещает их своими лучами, Ваал должен уступить свое место Моту. Он встречается на охоте Пожирателей — чудовищ с человеческими головами и рогами быка, — которые его уби-

вают. Ваал уходит под землю, в ад, и приказывает Алийану следовать за ним. С уходом Алийана на земле прекращается любовь среди людей и животных, как в одном из вавилонских мифов во время схождения в ад богини любви и плодородия Инштар. Анат оплакивает погибших богов и исполняет траурные обряды. Она идет к Моту, просит, чтобы он возвратил ей брата, но теперь настала его очередь быть неумолимым. Анат уходит, продолжая предаваться скорби. Но затем, волею духом, она возвращается и вступает в борьбу с Мотом. «Анат схватывает Мота, сына богов, она срезает его клинком, она развенчает его, огнем его она обжигает, жерновом его она толчет, в поле она рассыпает его тело, чтобы птицы его съели»¹.

В этом описании нетрудно узнать ритуальное жертвоприношение последнего спона, олицетворяющего бога жатвы и произрастания зерна, каковым в данном случае является Мот. Как показал знаменитый английский исследователь первобытной магии и религии Фрезер, этот обряд свойствен на определенной ступени развития всем земледельческим народам (поэмы эти сложились в отдаленную эпоху, когда главным занятием еще было земледелие) и имеет целью освятить жатву и обновить силы бога хлеба, который, погибнув, должен вернуться с новым урожаем, более мощным. С гибелью Мота оживает Алийан, который принесет необходимый для новых посевов дождь. Поэма кончается последней битвой Ваала и Мота, который, потерпев поражение, снова занимает свое место в аду, а Алийан и Ваал возвращаются на землю.

На почве аграрных культов сложилась и легенда о Дanelе, «божественном помощнике», мудром царе и полубоге. Он справедлив, оказывает милость вдовам и сиротам и творит правый суд, сидя под большим деревом у ворот города. Он покровительствует земледелию, заботится, чтобы пошедший не вовремя дождь не помешал обильному урожаю. У Дanelя рождается сын Акат и дочь Пагат. Мудрая Пагат, которая знает ход небесных звезд, помогает Дanelю в его заботах о зерне и винограде. Она указывает сроки, когда нужно выполнять различные сельскохозяйственные работы. Когда Эл составляет созреть колос, чтобы дать его в пищу людям и богам, сын Дanelя Акат собирает урожай. В это время его убивает посланный Анат Ятпан. Акат, так же как и Мот, является духом зерна и приносится в жертву, чтобы увеличить

¹ Dussaud «Le Mythe de Ba'al et d'Aleyan d'après des documents nouveaux».

производительную силу земли и обеспечить хороший новый урожай. Данель погрёбает сына, приглашает плакальщиц и семь лет оплакивает его. Но когда дочь его Пагат хочет отомстить за смерть брата, он не даёт ей своего согласия. Тогда она мирится с Ятпаном и в знак мира принимает от него чашу вина.

Таким же любимцем и сыном богов, как Данель, был Керет. Он жил в Негебе, на границе страны Эдома. На юге Палестины жил Терах, возглавлявший ряд племен. Терах был лунным божеством; в Библии он назван отцом Авраама. Бог Эл приказывает Керету изгнать терахитов из их страны, чтобы они вернулись к кочевой жизни в пустыню. Керет сперва колеблется, но Эл, явившись ему во сне, подтверждает свое приказание и обещает в случае повиновения наградить его потомством. Керет, проснувшись, приносит в жертву богам животных, мед и вино и выступает со своей армией в поход. Выгнав терахитов, Керет подходит к Эдому, но Эл требует, чтобы он не трогал этой страны — «дара Эла, зеницу ока отца людей». Царь Эдома присылает к нему послов с дарами, и Керет соглашается уйти, но требует за это в жены внучку царя Пибель-Мелека — Мешет-Хори, которая была прекрасна, как Анат. Эл благословляет этот брак и предсказывает, что у Керета родятся восемь сыновей и восемь дочерей. Конец поэмы не дошел до нас целиком. Из сохранившихся отрывков Виролло делает вывод, что Керет грешил и поэтому стал смертен, как все люди. Эл спрашивает, может ли кто-нибудь из богов помочь Керету, но они молчат, так как против смерти бессильны и боги. Сыновья Керета оплакивают его.

Кроме этих поэм известен также гимн в честь шумерийской богини Никаль. В гимне описывается ее свадьба с лунным богом Терахом и рождение ее сына, а также рассказывается, что она велала течением времени и правильной сменой месяцев.

По мнению Дюссо, поэмы и гимны, подобные гимну в честь богини Никаль, исполнялись на различных праздничных церемониях.

Найденные в Рас Шамре легенды дают много материала для сравнительного изучения древних религий и критики содержания Библии. Так, Виролло доказывает, что миф об Алийане, Ваале и Анат представляет собой один из древнейших ва-

риантов известного мифа об Адонисе, который впоследствии был так распространен во всей Передней Азии и был заимствован оттуда греками. Адонис, прекрасный юноша, погиб, как и Ваал, на охоте, убитый венером; любившая его богиня Астарта или Афродита, прототипом которых являлась Анат, оплакивала его и старалась воскресить.

Нильсен считает, что религия, отразившаяся в мифах Рас Шамры, представляет собой до сих пор отсутствовавшее переходное звено от примитивной древнеарабской религии небесных светил к более развитой библейской религии. Так, по его мнению, Эл и Ашерат-Ям — это припавшие человеческий вид солнце и луна, родители прочих богов-звезд, которые в расшамревских поэмах обратились в 70 сыновей Эла. В Библии же, в дальнейшем развитии, верховный бог становится из родителя творцом всего существующего, а его прежние дети — боги; бывшие раньше звездами, — становятся подчиненными ему ангелами.

Неоднократно отмечалось в литературе сходство между финикийскими ритуалами и описаниями древнеизраильского и иудейского культа в Библии. Профессор А. Б. Ранович замечает, что наличие в финикийском пантеоне лунного божества Тераха, названного в Библии отцом Авраама, подтверждает предположение о происхождении израильско-иудейских «патриархов» из богов — эпонимов¹ древнеизраильских племен. Общие черты в пантеоне обоих народов лишней раз указывают на пантеистический характер древнееврейских верований, согласно которым древние израильтяне и иудеи также почитали бога Эла и жену Ягве — Анат-Ягу. В своих «Очерках по истории древнееврейской религии» А. Б. Ранович подчеркивает, что раскопки последних лет, и в частности открытые в Рас Шамре древнефиникийские мифы, лишней раз подтвердили замечание Энгельса о том, что в Библии «главное содержание было арабского или, вернее, общесемитического характера»².

¹ Эпонимы — в данном случае мифические родоначальники племен, которые дали последним свое имя.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 484.

Ф. Немченко**Древний Восток в художественной литературе**

В преподавании истории и в развитии интереса к исторической науке очень большую роль играет художественная литература. Исторические романы и повести воссоздают обстановку и ход событий в наиболее доступной и увлекательной форме.

Но как бы ни был интересен этот вид литературы, следует все же всегда помнить, что даже самый лучший исторический роман или повесть — не история. Художественное произведение наряду с описанием подлинных исторических фактов обязательно содержит вымысел. Поэтому педагог должен руководить чтением учеников, помогая им отделять действительность от вымысла. Особенно это важно в 5—7-х классах, где дети еще не понимают этого и принимают все за чистую монету.

Кроме того нужно также всегда помнить, что дворянские и буржуазные писатели в большинстве случаев тенденциозно освещали события, часто сознательно извращая историю. Поэтому важнейшая обязанность преподавателя предупредить вредное влияние этой литературы на учеников.

Задача настоящей статьи — охарактеризовать наиболее выдающиеся романы и повести из истории древнего Востока, имеющиеся на русском языке, с точки зрения отражения в них исторической действительности.

* * *

Романов из истории древнего Востока очень немного, и почти все они построены на материале истории Египта. Это не случайно, так как Египтом интересовались больше других стран Востока греческие историки, сообщившие много анекдотов, очень удобных для художественной обработки. Немалую роль играет здесь и античная традиция, рассматривавшая Египет как страну чудес.

Первое место среди романов по истории древнего Востока принадлежит, бесспорно, романам Эберса. Георг Эберс (1837—1898), профессор Лейпцигского университета, был одновременно крупным египтоло-

гом и незаурядным писателем. Благодаря такому сочетанию его романы дают яркие исторические картины и справедливо считаются лучшими по истории древнего Востока.

Первым и наиболее интересным романом Эберса является «Дочь египетского царя». Сюжетом для него служат бурные события двадцатых годов VI века до нашей эры: последние годы независимого существования Египта, завоевание его персидским царем Камбизом, правление Камбиза и начало правления Дария I.

Действие романа начинается в 528 году до нашей эры. Египтом управляет фараон Амазис. Страна находится в тяжелом положении. Армия слаба. Власть фараонов и независимость страны давно уже держатся на наемном греческом войске, и поэтому фараоны всячески покровительствуют грекам. Но в стране есть и другая сила, с которой фараоны должны считаться. — жречество. Ревниво оберегая свое исключительное положение в стране, реакционное до мозга костей, оно является ярким врагом всего нового и всего чужеземного. Особенно жрецы ненавидят греков. Под их влиянием народ также относится к грекам неприязненно. Фараон Гофра (Априс), особенно покровительствовавший грекам, был свергнут и убит египетскими солдатами, восставшими под влиянием жрецов. На престол был возведен один из командиров, выходец из солдат, Амазис. Но и он вынужден был покровительствовать грекам, так как они являлись единственной серьезной военной силой. Жрецы, среди которых особо важную роль играет Нейтотеп, верховный жрец богини Нейт, ненавидят за это фараона. Они хотят добиться изгнания греков и в конце концов добиваются изгнания начальника греческих наемников афицыяпина Фанеса. На стороне жрецов стоит царевич Псамметих.

Вся первая часть романа построена на противопоставлении египетской и греческой культур. Первая умирает, она вся в прошлом, окостенела, не терпит нового. Вторая только расцветает, ей принадлежит будущее. Центром греческой образова-

сти является дом богатой гречанки Родопис в Навкратисе.

На Египет с востока надвигается гроза. Вся Азия в руках персидского царя Кира, а после его смерти — его сына Камбиза. Камбиз шлет богатое посольство к Амазису, в которое входят его брат Бартия и родственник Дарий. Послы просят выдать дочь египетского царя, Тахот, за Камбиза. Амазис не смеет отказать, но, не желая расставаться с Тахот, отдает под видом своей дочери дочь бывшего фараона Гофры, Нитетис. Нитетис едет в Вавилон к Камбизу. Она быстро приобретает его любовь, но вызывает этим к себе зависть празной фаворитки, которая из мести обвиняет ее в связи с Бартией. Царь приговаривает Бартию и группу его друзей, а также Нитетис к смерти. Невинность их выясняется благодаря приехавшему в Вавилон Фанесу, но уже поздно.

Узнав, что Амазис его обманул и Нитетис — не дочь его, Камбиз идет походом на Египет. Тем временем Амазис умирает, и фараоном становится Псамметих III. Под Пелузиумом Камбиз разбивает Псамметиха. Египет в его руках. После этого Камбиз идет на Эфиопию, но поход кончается неудачно.

В это время начинается восстание в Персии. Камбиз спешит вернуться в Персию, но по дороге гибнет.

Роман заканчивается рассказом о провозглашении царем Дария и о подавлении им восстания.

Таков сюжет романа «Дочь египетского царя». Насыщенный большим количеством драматических эпизодов, он читается с огромным интересом. Роман построен на довольно точных данных Геродота и частично Бегистунской надписи Дария I и в общем соответствует исторической действительности. По в нем имеется ряд неточностей, связанных с состоянием науки того времени. Ассириология была еще в зародыше, даже Бегистунская надпись известна была не целиком, не говоря уже об ассиро-вавилонских документах. Поэтому, например, убийство Бартии Эберс относит, по Геродоту, ко времени пребывания Камбиза в Египте. По Бегистунской же надписи это произошло до похода в Египет. Вавилон описывается, по Геродоту, преувеличенно громадным. Храм Бела (по Эберсу Ваала) в Вавилоне был не круглый, а прямоугольный. Фараон Амазис, по последним данным, является не выходящим из рядовых воинов, а родственником фараона Гофры.

Очень хорошо дана Эберсом картина состояния Египта накануне падения: ослабление власти фараона, всемогшие жрецы, военная слабость страны. Характеристика Амазиса в общем совпадает с данными

источников. Нейтотен — вымышленная личность, ярко характеризующая положение и роль жрецов. Красочно описан и Псамметих. Нитетис нам известна только по имени, и ее образ является целиком плодом художественной фантазии Эберса.

Наиболее яркой фигурой романа является, конечно, Камбиз, изображенный типичным восточным деспотом. Фигуры других персов сильно идеализированы.

Особенно это относится к Бартии (о нем источники ничего не сообщают, кроме имени) и Дарию, будущему царю. Дарий был, несомненно, выдающимся государственным деятелем, но ему отнюдь не присуще было то сусальное благородство, которое приписывает ему Эберс. Совершенно фальстачична фигура бывшего лидийского царя Креза, о котором после гибели его царства источники ничего не сообщают.

Центральным героем романа является все же не Камбиз. Это коллективный герой — греки. Весь роман построен не только в плане противопоставления греков египтянам, но и Эллады Востоку вообще. И в этом Эберс целиком идет за Геродотом. Восток исчерпал свои силы, он остепенел, и его наследие переходит к эллинам. Они чужды консерватизма, охотно учатся у египтян, но отбрасывают все обветшалое и смело двигают культуру вперед. Сильно идеализирована в романе Эберса гречанка (вернее эллинизированная фракиянка) Родопис, дом которой в Навкратисе становится центром эллинизма. Родопис мечтает об объединении Эллады в единое демократическое государство. Это идеальная фигура, являющаяся целиком плодом художественного вымысла автора.

Эберсу удалась его основная задача — показать греков наиболее передовым народом того времени.

Очень удалась Эберсу картина быта Египта и Персии, особенно быта придворного.

Мы уделили роману «Дочь египетского царя» так много внимания потому, что он, несмотря на большую давность его написания, является до сих пор лучшим художественным произведением из истории древнего Востока, написанным с большим знанием истории того времени.

Вторым по значению романом Эберса является «Уарда». Сюжет для него взят из времен царствования фараона Рамзеса II (XIII век до нашей эры). Материалом для романа послужили песнь в честь победы Рамзеса при Кадеше и царские надписи. Писец Пентуар, автор копии песни, становится в романе Эберса главным героем.

Сюжет романа вкратце таков. В Фивах жила певица, прекрасная Беки. Она любила молодого вельможу Ассу, но тот вско-

ре бросил ее. Бени с горя заболела, потеряла голос и красоту, потом занялась колдовством и стала называться Гект. Она не переставала мечтать о мести. Однажды ей принесли только что родившегося мальчика садовника, для того чтобы свести у него шестой палец на ноге. Одновременно ее позвали помочь жепнице, у которой внезапно начались роды вблизи дома колдуньи. Женщина была женой сына Ассы. Колдунья, воспользовавшись этим, подманила детей. Сын садовника стал внуком Ассы и получил имя Паакера. Внук Ассы оказался сыном садовника и получил имя Пентаура. Паакер вырос грубым, жестоким человеком, которого все ненавидят. Пентаур оказался талантливым юношей, поэтому был принят в храм Сети и стал любимым учеником верховного жреца Амени. После ряда сложных перипетий Пентаур в битве под Кадешом спасает жизнь фараона Рамзеса II. Паакер же становится изменником и гибнет. Тайна рождения Пентаура выясняется, и в заключение он становится царским зятем. На победном пиру Пентаур воспеваает битву при Кадеше.

Роман написан с большим знанием истории древнего Египта, его правов и быта. Хорошо обрисована роль жречества, стремящегося к власти. Ярко показано, как египетская религия препятствовала развитию медицины, запрещая вскрывать трупы. С большой теплотой обрисована фигура врача Нехсета, подвергающегося гонениям за это. Следует сказать, что Эберс был вообще большим знатоком египетской медицины. Он опубликовал знаменитый папирус, носящий его имя. Поэтому к тому, что он говорит о египетской медицине, следует отнестись с доверием.

В романе подлинно исторической фигурой является только Рамзес II. Остальные персонажи — целиком плод художественной фантазии автора. Обрисованы они гораздо слабее, чем основные герои «Дочери египетского царя». Исключение составляет только Амени, верховный жрец храма Сети в Фивах. Амени — яркий представитель верхушки жречества, стремящейся к власти и не останавливающейся для достижения этой цели ни перед какими средствами.

Серьезным недостатком романа является реакционность его основных положений. По Эберсу, благородство есть врожденное качество аристократа, а грубость — качество простолюдина. Пентаур, сын придворного, и в доме садовника остается благородным человеком. А Паакер, сын садовника, сохраняет свою грубую натуру и в богатом доме. Все представители знати обрисованы, как ходячие добродетели: благороден сын Рамзеса Рамери, добродетельна дочь

его Бент-Анат и т. д. О Рамзесе уж и говорить нечего.

Кроме того совершенно неверно утверждение Эберса, что египетские жрецы будто тайно верили в единого бога, представляя многобожие народу. Единобожие (монотеизм) есть плод длительного исторического развития и определенных исторических условий. Идея мирового бога оформляется окончательно только во II веке до нашей эры у евреев. Широкое же распространение ее в виде христианства начинается уже в Римской империи.

Совершенно мифической является фигура Моисея, искусственно вставленная Эберсом в роман. Здесь Эберс целиком находится во власти библейско-христианской традиции.

Есть в романе и ряд других, менее значительных недостатков, связанных с тогдашним уровнем исторической науки. Эберс путает хеттов и арамеев. Кадеш он называет хеттской столицей, в то время как он был только центром небольшого сирийского княжества. Столицей же хеттского царства был город Хаттушаш в Малой Азии. Не совсем верно и описанные битвы при Кадеше. Здесь Эберс целиком доверяет победным надписям Рамзеса II, описывающим эту битву, как величайшую его победу. На самом деле победа была ирровой. Мир был заключен не непосредственно после этой битвы, а только после упорной пятнадцатилетней войны. Из договора не видно, чтобы Египет был победителем. Составлен он на равных условиях для обеих стран. Ничем не мотивировано появление в войске хеттского царя греков (ланаев). Появление так называемых «морских народов», среди которых были и предки будущих греков, относится уже к царствованию сына Рамзеса II, Мернепты.

В общем роман «Уарда» может быть использован педагогами для ознакомления с бытом и жизнью Египта той эпохи.

Наиболее слаб третий роман Эберса — «Иисус Навин». Эберс взял здесь просто библейский миф об исходе евреев из Египта, искусственно вставил его в обстановку Египта конца XIII века до нашей эры и превратил в описание будто бы действительно имевшего место события. В роман включены даже чудеса: египетские казни, переход через Красное море и т. д. Роман этот антинаучен и представляет собой сделку ученого с своей совестью в угоду церкви.

Таковы романы Эберса из истории древнего Востока. Помимо сказанного выше, для них всех характерна еще одна черта: они дают описание преимущественно верхов общества. Жизнь трудящихся не интересует романиста.

В этом отношении несколько отличается роман «Фараон», принадлежащий перу известного польского писателя Болеслава Пруса (псевдоним Александра Гловацкого, 1847—1913). Поскольку этот роман выпущен в советском издании и пользуется большим распространением, на нем следует остановиться подробнее.

Сюжетом романа «Фараон» являются события начала XI века до нашей эры, времени правления последнего фараона XX династии (Рамессидов), Рамзеса XII. В этот период власть фараонов совершенно упала, и фактическими правителями стали жрецы храма Амон-Ра в Фивах во главе с верховным жрецом Херихором. Положение Египта было крайне тяжелым: страна была разорена, внешнеполитическое положение также было очень напряженным, надвигалась угроза со стороны возвышающейся Ассирии. Молодой царевич Рамзес, будущий фараон, путешествуя по Египту, видит страдания крестьян. Он хочет помочь им, хочет поднять военное могущество Египта, но на его пути стоит жречество, уже с детства внушающее ему ненависть. Ненависть усиливается, когда Рамзес становится взрослым, наследником, а потом фараоном. Завязывается борьба, полная драматизма, заканчивающаяся победой жрецов, гибелью Рамзеса и провозглашением фараоном Херихора.

Таков сюжет. Роман Пруса выгодно отличается от романов Эберса тем, что здесь большое место уделено жизни трудящихся масс Египта. Ярко обрисована и роль жречества. Каждая строка этого резко антиклерикального романа дышит ненавистью к нему. Порой кажется, что перед нами не египетское жречество, а католическое духовенство со всей тонко выработанной им системой интриг. Роман показывает хорошее знание автором быта и нравов древнего Египта. Очень удачно использованы многочисленные подлинные египетские документы.

И все же роман Пруса нельзя назвать историческим в строгом смысле этого слова. Верно в нем только то, что при Рамзесе XII власть в Египте целиком перешла в руки фиванского жречества и что Херихор стал фараоном. Все остальные события созданы фантазией писателя. Фантастической является фигура демократически настроенного Рамзеса XIII, сына Рамзеса XII. История такого вообще не знает. Автор предисловия к советскому изданию романа профессор В. И. Авдиев прав, считая, что прототипом Рамзеса XIII послужил для Пруса фараон Аменхотеп IV (Эхнатон), царствовавший за три века до этого. Для Пруса, исходящего из положения о над-

классовом характере монархии, Рамзес XIII—идеальный фараон, стремящийся облегчить судьбы своего народа.

Исторически неверно и описание внешнеполитического положения Египта в это время. По Прусу, Египет составляет единое государство; на самом же деле уже с 5-го года царствования Рамзеса XII Нижний Египет оказался во власти вельможи Несубанебеда, провозгласившего себя фараоном. Херихору, когда он стал фараоном в Фивах, не удалось объединить страну. Совершенно не соответствует действительности рассказ о подчинении Египту Финикии и Сирии. Там с авторитетом Египта давно уже перестали считаться. Документом, свидетельствующим об этом, является знаменитый рассказ о злоключениях Уну-Амона, которого Херихор послал в Бибул за кедровым деревом.

Никакого посольства из Ассирии и договора Египта с нею история тоже не знает. Известно, что какой-то фараон (вероятно, Несубанебед) послал ассирийскому царю Тиглатпалассару I послов с подарками, признав этим ассирийскую гегемонию в Передней Азии. Самое имя ассирийского посла — Саргон — очень неудачно. Это царское имя «Шаррукин», что значит в переводе «законный царь», и его не мог носить вельможа. Неверно сообщение о хеттском царстве, оно уже не существовало в это время.

Фантазией автора являются все рассказы о финикиянах и роли финикийских ростовщиков в Египте. То же самое можно сказать и о греческих наемниках; они появляются в Египте только в середине VII века, т. е. на 400 лет позже. Все рассказы о евреях также являются вымыслом. Они не подтверждаются источниками. У Пруса евреи причесаны на библейский манер, и в этом несомненная дань автора религии.

Много исторически неверного и в описании египетского жречества. Научные знания жрецов сильно преувеличены: по Прусу, им были известны порох, компас, увеличительные стекла, они пользовались диаграммами, географическими картами, они знали не только о шарообразности земли, но и о причине солнечных затмений. Один из жрецов даже изучал движущую силу пара и предсказывал изобретение паровой машины.

Не соответствуют действительности и рассказы Пруса о взаимоотношениях египетских жрецов с вавилонскими, да еще вдобавок о том, что египетские жрецы признавали приоритет вавилонских. Этого никогда не было. Наоборот, египетские жрецы всегда с величайшим отвращением и презрением относились ко всем ино-

странцам и считали Египет единственной страной мудрости.

Есть и другие, противоречащие историческим данным сведения в романе. Египтяне не употребляли осадных и метательных орудий (таран появляется впервые в Ассирии в IX веке, а метательные орудия — у греков, в IV веке до нашей эры), не знали платины (открыта в XVI веке нашей эры), не возделывали хлопка (индийское растение). В Египте никогда не существовало сословного представительства на мапер средневекового. В так называемом Лабиринте (храм времен XII династии) не хранилось никаких сокровищ. Не существовало в XI веке городов Навкратиса и Береники; первый был основан греками в VII веке до нашей эры; второй — уже при Птолемах.

Таковы недостатки этого романа. Они искупаются в значительной мере увлекательностью повествования. Роман, как отмечалось, пользуется широкой популярностью. Его вполне можно рекомендовать старшим школьникам, предупредив о тех искажениях истории, которые в нем имеются.

* * *

Из русских дореволюционных писателей историей древнего Востока интересовался Мордовцев (1830—1905), перу которого принадлежит роман «Замурованная царица».

В основе романа «Замурованная царица» лежит исторический факт — заговор против фараона Рамзеса III (XII век до нашей эры), раскрытый в конце его царствования. В заговоре принимали участие жены фараона, верховные жрецы некоторых храмов и военачальники.

До нас дошло судебное дело по этому заговору, которое и использовано Мордовцевым в качестве основного документа. Ход следствия по заговору и представляет, собственно, наиболее интересную часть романа. В целом же роман написан довольно бледно. В научном отношении он весьма устарел. Кроме того он содержит значительные погрешности против истории даже для тогдашнего уровня науки. Например мифической является личность троянской царевны Лаодики, дочери Приама (саркофаг с мумией которой был будто бы обнаружен известным египтологом Масперо и хранится в Каирском музее). Мордовцев, посетивший Египет в 1881 году, видимо, доверялся гидам и с их слов записывал самые разнообразные басни. В действительности же ничего о Лаодике источники не сообщают.

Неверно указано и время заговора. По Мордовцеву, он произошел в начале царствования Рамзеса III, на самом же деле — незадолго до его смерти, т. е., по

крайней мере, на 33 года позже. Рамзес не принимал лично, как это указывается в романе, участия в ведении следствия и в вынесении приговора. Согласно источникам, фараон был настолько огорчен, что совершенно отстранился от дела, заявив судьям: «О чем эти люди говорили, я не знаю, вы испытайте. Ступайте и выслушайте их; казните, кого следует, их собственной рукой, чтобы я только не знал об этом ничего...»¹.

Есть и мелкие погрешности в романе. Рамзес не мог поход против ливийцев закончить в 8 дней, так как этого срока едва хватило бы, чтобы дойти от Фив до Ливии. При описании религиозных церемоний указывается, что священный бык Апис был белым. На самом деле Апис всегда был совершенно черным, с белым пятном на лбу.

Роман «Замурованная царица» может пригодиться педагогу только в той части, которая касается раскрытия заговора. В остальном же ценность его весьма незначительна.

* * *

В советской литературе была сделана попытка создать роман, рассказывающий о революционной борьбе египетских трудящихся масс. Мы имеем в виду «Багровый хамсин» Арт. Феличе (Л. Ямциковой). По попытка эта не особенно удачна. Материалом для романа служат события, описанные в знаменитом Лейденском папирусе или папирусе Ипувера. Папирус рассказывает о крупнейшем восстании трудящихся масс Египта против власти фараона и знати. Но он рисует только общую картину восстания, не сообщая конкретных фактов. Из папируса неясно даже, к какому времени относятся эти события. Среди историков древнего Востока существуют на этот счет различные мнения: одни считают, что события эти произошли в конце Древнего царства (т. е. конец III тысячелетия до н. э.), другие относят их к концу Среднего царства (приблизительно XVIII в. до н. э.). Уже из этого видно, что задача романиста очень трудна. Необходимо тщательное изучение материала истории Египта и для того, чтобы применить к той или иной точке зрения, и для того, чтобы нарисовать картину, близкую к действительности. Автор не справился с этой задачей. Роман производит впечатление схемы, паспех набросанной. Арт. Феличе относит восстание ко времени XIV династии, т. е. к концу Среднего царства. За это никто упрекать ее не может. Но, став на такую позицию, надо было до конца оставаться на ней.

¹ Б. А. Тураев «История древнего Востока». Т. I, стр. 316. 1935.

Автор, например, указывает как непосредственный повод к восстанию на строительство громадной пирамиды. Это было бы характерно для Древнего царства, но не для Среднего, тем более для XIV династии, совершенно незначительной, правившей короткое время и фактически владевшей только небольшим округом города Ксоиса, в Нижнем Египте.

Самое восстание описывается, как кратковременный взрыв, оно протекает чрезвычайно быстро и подавляется вторгшимися в Египет гиксосами. На самом деле оно длилось, видимо, несколько десятилетий. Неправильна также тенденция автора преуменьшать стихийность этого движения, так как естественно, что уровень сознательности и организованности был тогда еще крайне низок. Образ вождя восстания Нугри сильно модернизирован. Нугри говорит, например, о необходимости союза крестьян и рабов, так как рабы — «наши братья». А между тем нельзя забывать, что не только участники этого восстания, но даже стоявшие на гораздо более высоком уровне сознания рабы, восстававшие во II—I веках до нашей эры, не додумались еще до мысли об уничтожении рабства вообще.

С историей у автора то и дело получается разлад. Например о XIV династии говорится, что она была очень могущественной и правила Египтом чуть ли не 500 лет. На самом же деле она существовала весьма недолго и правила, как уже отмечалось, только небольшим округом Ксоиса в период полного политического распада Египта.

Автор пытается передать колорит эпохи тем, что имена дает не в традиционном произношении, а по-египетски, но делает это очень неудачно. Например имя последнего фараона XIV династии мы знаем в греческой транскрипции историка Манефона — Тимаюс. Арт. Феличе переделывает его в совершенно фантастическое Тимеос. Нибмаутри Гор-ка-нахту-хам-мамт. Таким же образом вождь гиксосов Салатис переделывается в Шалати, что придает будто бы его имени семитический оттенок. Царица, мать фараона, носит имя Нефтис Менхопрури; для чего-то к женскому имени Нефтис присоединено тронное имя фараона XVIII династии Тутмоса III. Особенно неудачна переделка греческого имени Фив в Ипет. Фивы в египетских памятниках называются Уасет, а Ипетом назывался Карнакский храм в Фивах.

Автор иногда пользуется подлинными египетскими документами, в частности известными поучениями Дуау и особенно Лейденским папирусом. Но все это сдела-

но неудачно. Выдержки из документов механически вставлены в роман. Получается впечатление, что персонажи романа говорят не от своего имени, а читают документы.

* * *

Из романов, посвященных другим странам древнего Востока, существует на русском языке только один — «История одного финикийца» — французского писателя Каэна. Роман берет Финикию X века до нашей эры, эпохи расцвета финикийских торговых городов, в особенности Тира. Герой романа, сидонский моряк Магон, совершает ряд далеких путешествий, сопровождающихся разнообразными приключениями. Каэну безусловно удался тип купца-разбойника, хищного, предприимчивого, какими и были финикийские мореходы, первые мореходы в истории. Хорошо показан характер финикийской торговли, переходящей в грабеж, где только это возможно, и в охоту за живым товаром — рабами. Очень хороши описания морских сражений. Педагог здесь может многое взять для рассказов в классе. Это тем более необходимо, что ученики 5-го, а иногда и 6-го класса совершенно не представляют себе кораблей того времени. Корабли они называют «пароходами» и не представляют себе сражения без пушек.

Роман вообще написан очень увлекательно и читается с большим интересом. Но погрешности против истории есть и в нем. Анахронизмом является путешествие вокруг Африки в X веке до н. э., в действительности имевшее место в начале VI века до н. э. Фантастичны рассказы о греках и в особенности о народах севера Европы, куда будто бы ездили финикийцы. В описании торговли с дикарями Африки говорится, что финикийцы меняли стеклянные изделия на золото. Вряд ли стекло в то время было много дешевле золота. Это больше похоже на XVI—XVII века нашей эры, а не на X век до нашей эры. В романе Ассирия изображается могущественной державой, которой принадлежит Вавилония. На самом деле Ассирия в X веке переживала упадок, который и обусловил политическое возвышение городов Финикии. Фантастическими являются рассказы об израильских царях Давиде и Соломоне и царице Савской. Карфаген в X веке еще не существовал. Метательных орудий у финикийцев не было.

Но в общем несмотря на недостатки Каэн прекрасно справился с задачей освещения эпохи, и роман его полезно прочесть как преподавателю, так и старшему школьнику.

О работе с исторической картой

1

Задача данной статьи — обратить внимание преподавателей на работу по локализации исторических событий, показать, что в обычных школьных условиях можно поставить эту работу вполне удовлетворительно.

Учитель должен, не ограничиваясь заучиванием исторической и географической номенклатуры карты, оценить ее как наглядное пособие, выяснить различные методы ее использования на уроке и, наконец, проверить, насколько данная карта отвечает конкретным условиям работы в классе.

За последние годы издан целый ряд исторических карт различной методической ценности, но они не всегда могут быть признаны полностью удовлетворительными для работы в средней школе. Поэтому в первую очередь нужно проверить, насколько карта отвечает основным требованиям, предъявляемым к ней как к наглядному пособию.

1. Карта должна быть точна. Ни в коем случае не следует думать, что тщательность и точность географических контуров для исторической карты необязательны. Нельзя, например, допускать, чтобы на карте было обозначено течение реки в направлении, противоположном реально существующему (как это сделано, например, с рекой Вольгурн в исторической карте древней Италии издания Московского Государственного Исторического музея).

Существует также мнение, будто для исторической карты обязательны такие географические обозначения, как градусная сетка и рельеф. Между тем без градусной сетки не может быть карты. Также нельзя выпускать исторические карты без рельефа, как это делали наши картографические организации до последних лет. (См. исторические карты по древней истории Исторического музея, карты проф. Кудряшова, перепечатки иллюстровских карт и др.)

Однако за последнее время положение изменилось. С удовлетворением следует отметить, что новые исторические карты: «Древний Восток», «Европа VIII—XI веков» и другие — вполне удовлетворяют требованиям точности и полноты географических обозначений.

2. В карте не должно быть лишней «нагрузки». Стремление составителя учебной карты папсесть на нее как можно большее количество наименований и обозначений превращает ее в своеобразный справочник, но не карту, приспособленную к занятиям в классе. Примером перегрузки могут служить некоторые дореволюционные карты, составленные Иллюстровым, немецкие карты Кьергата и др. Детали и подробности уместны в атласе, а не в учебной карте. На карте должны быть лишь точные географические ориентиры и необходимая для курса историческая номенклатура.

3. Учебная карта должна быть легко «читаема». Все географические и исторические контуры на карте должны быть четкими и достаточно крупными, чтобы их легко было различать даже с задних парт. Окраска карт должна быть яркой, цвета должны быть чистые. В этом отношении многие карты, имеющиеся в распоряжении учителя, оставляют желать лучшего. Блеклость красок, нанесение одноцветной краской контуров (например рек и государственных границ), большие пространства, вовсе не окрашенные, — таковы весьма распространенные недостатки выпускаемых карт. В большей или меньшей степени такими недостатками отличаются карты Государственного Исторического музея, часть Кудряшовских карт, перепечатка и оригиналы карт Иллюстрова. Новые, изданные за последние годы карты свободны и от этих недостатков.

4. Имеющиеся на карте названия должны соответствовать данному историческому периоду. Странно было бы видеть на карте XIX века надпись «Ленинград» вместо С.-Петербурга, «Осло» вместо Христиании и т. д. Однако в ряде исторических карт можно встретить современные названия, несмотря на то что карта предназначена отражать совсем другое время. Например на многих картах древнего Египта можно найти Телль-Амарну, на карте древнего Двуречья — Багдад и т. д.

В случае необходимости современные названия могут быть указаны на карте, но в таком случае их обязательно следует выделить иным, более мелким шрифтом,

более слабой краской или заключить в скобки.

5. Карта должна хронологически соответствовать теме урока. Пельза, например, принести на урок о крестьянских войнах в Германии политическую карту современной Европы или пользоваться картой Европы VIII—XI веков для работы по теме «Нанолсоновские войны».

6. Карта должна охватывать всю территорию, на которой развешены данные события. Было бы ошибкой пользоваться картой Африки (даже если бы там и были очертания северного берега Средиземного моря) для рассказа о завоеваниях арабов или картой Европы для темы о монгольских завоеваниях XIII века.

Таким образом, изучая карту, учитель взвешивает все возможности ее использования и разбирает все ее недостатки.

Однако критика карты не должна привести к отказу от использования данной карты. Задачей учителя является исправление ее недостатков до урока или соответствующая обработка карты на самом уроке.

2

Свою работу с картой в классе преподаватель должен начать с немедленного подробного аннотирования ее.

Каждому учителю истории в своей практике приходилось встречаться с таким явлением: хороший ученик у только что вывешенной незнакомой для него исторической карты неожиданно обнаруживает полную беспомощность в ориентировке. Он ищет Волгу где-то около Рейна, Москву — в Италии и т. д. Объясняется это тем, что привычные для ученика физико-географические контуры морей, рек, отдельные пункты обрамлены совершенно незнакомыми для него группами цветных пятен, контуров, границ, среди которых ученику трудно отыскать контуры пространств, известных ему из географии. Если он пытается ориентироваться на надписи, то не всегда они могут выручить. Например только что он нашел знакомый контур Каспийского моря, а на нем надпись: «Гирканское море». Поэтому первая задача учителя при экспозиции новой карты — разобрать, что на ней изображено, дать общую ориентацию. Это — непременное условие. Вести разбор надо примерно так:

а) Часть земной поверхности, изображенная на карте. б) Хронологические рамки карты. в) Отбор главнейших географических ориентиров. г) Характерные особенности политических границ данного периода. д) Главнейшие политические объедине-

ния, изображенные на карте, их взаиморасположение. е) Исторические и современные названия на карте.

Конечно, не следует думать, что уже при первой экспозиции карты нужно сразу изложить ученикам все ее историческое содержание. Ясно, что такой подход привел бы лишь к отрицательным результатам. Речь идет о выяснении с учениками знакомых им географических пунктов и линий на карте и установлении общего понятия об ее исторической части. Весь же новый исторический материал должен быть изложен постепенно, в процессе уроков.

В учебнике «Древней истории», в первом уроке по истории Греции на тему «Страна и ее население» (§ 28, стр. 74—76), имеется громадное (около 30) количество новых названий. Было бы ошибкой давать их сразу ученикам для заучивания. В лучшем случае это привело бы к бессмысленной зубрежке, так как с новой номенклатурой у учащихся еще не связаны никакие конкретные представления.

Правильно будет на первом уроке дать лишь географический обзор древней Греции, указать на особенности ее поверхности, береговой линии и т. д., а ознакомлением с отдельными областями, городами и заучиванием их заняться лишь по мере упоминания о них в курсе. Так, Троя, Микены, Крит появятся в уроке о крито-микенской культуре, Спарта впервые встретится в уроке о древнегреческом эпосе и т. д. Такое постепенное ознакомление с картой не будет механическим, и все географические наименования будут ассоциироваться у учеников с конкретным историческим содержанием.

Для успешного усвоения учениками историко-географического материала следует терпеливо и упорно добиваться сознательной ориентировки учащихся по карте. Например совсем не достаточно при рассказе о восстании в Лаврийских рудниках (курс VI класса) ограничиться показом местоположения их. Обязательно надо дать ориентировочные указания: «В Греции, в средней ее части, в Аттике, на самой южной оконечности Аттики, там, где аттический полуостров острым углом к югу вдается в море».

Место какой-либо битвы, скажем Катауапское поле, следует тоже обязательно ориентировать по знакомым географическим пунктам, например по Луаре, и т. д.

Кроме того нужно делать эти указания таким образом, чтобы они прочно закрепились в сознании учеников. Весьма целесообразно пользоваться для этого различными условными знаками: флажками, маленькими изображениями предметов, о ко-

торых идет речь, или их символам, разноцветными шнурками и т. д.

Так например, рассказывая о восстании Болотникова (VIII класс), недостаточно указать район восстания и отдельные пункты наиболее значительных событий этого движения, так как получится простое перечисление (Путивль, Кромы, Елец, Коломенское, Москва, Калуга, Тула): нужно при последовательном упоминании этих пунктов в рассказе ставить в соответствующих местах карты какие-нибудь знаки, например флажки.

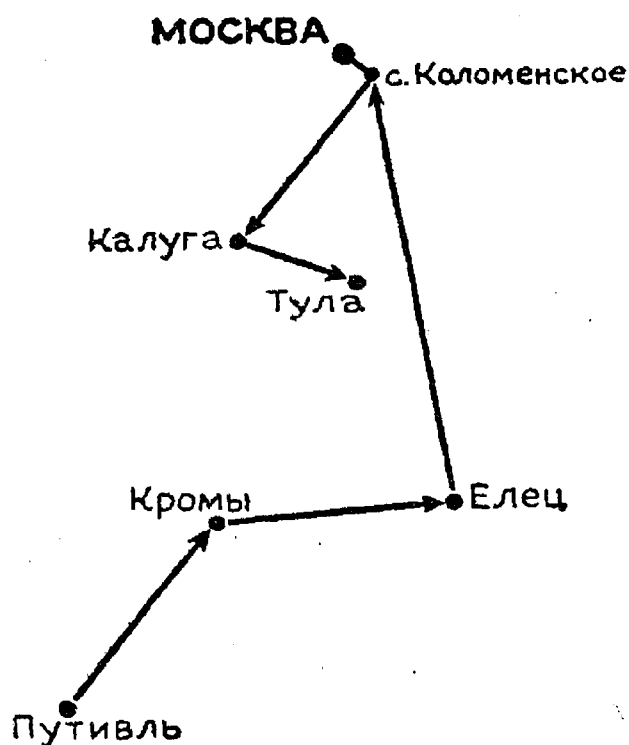
МОСКВА
• с. Коломенское

Калуга
Тула

Кромы
Елец

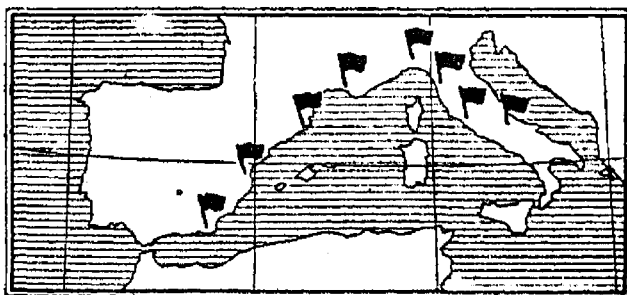

Путивль

Затем отдельно на доске мелом нарисовать направление движения Болотникова.

Если кроме этого учитель даст в качестве самостоятельного задания падом извлечение этого маршрута из карты учебника, то ученики прочно усвоят движение Болотникова.

В VI классе недостаточно ярко отмечен на исторических картах поход Ганнибала. Флажки сразу сделают его заметным для всей аудитории, до самых задних парт. В самом деле, поставив первый флажок на Новый Карфаген, затем на Сагунт, затем на переход через Пиренеи, переправу через Роду, на переход через Альпы, отметив флажками места битв у Требни, Траименского озера, Канн, преподаватель делает путь Ганнибала очень наглядным, и ученики запомнят его без труда.

Работа над сознательной ориентировкой учащихся по карте не может ограничиваться только правильной экспозицией карты. Нужно найти наиболее удобный прием, который бы укрепил в сознании ученика данное пространственное впечатление. Например на уроке во время рассказа очень полезно иметь рядом с исторической картой немую географическую с изображением той же части земной поверхности (физическую, отнюдь не политическую!) и, показывая по исторической карте те или иные пункты, линии, пространства, требовать от учеников, чтобы они находили эти места на немой физической карте.

При географических определениях следует добиваться максимальной точности как в показе, так и в ответе. Нельзя, например, показывать небрежно границы какой-нибудь области, государства; вести следует указкой точно по границе, с обязательным перечислением всех известных ученику ориентиров.

3

Не всегда в школе можно найти подходящую для данной эпохи историческую карту; для ряда стран и исторических периодов такие карты еще не изданы.

Тогда выходом явится соответствующая обработка географической карты. Приемы этой обработки очень разнообразны, и для

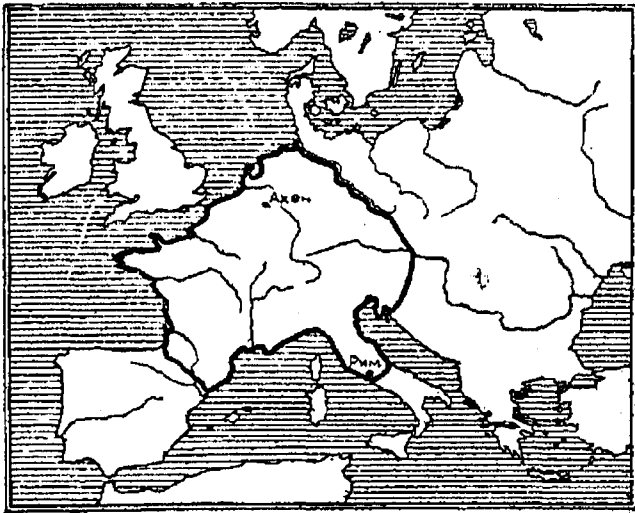
учителя, любящего свое дело, тут открыто широкое поле для изобретательства.

Пользоваться можно в этом случае только физической картой, так как политическая (современная) карта будет своей расцветкой запутывать ученика.

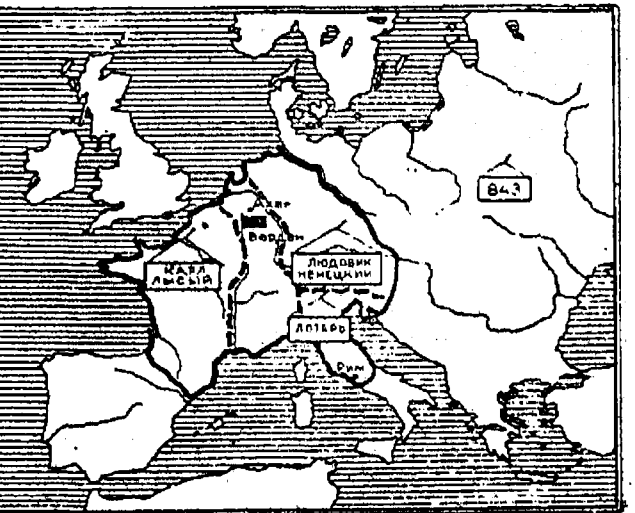
Задача состоит в том, чтобы превратить физическую карту в историческую, указав на ней границы, пункты, территории, соответствующие эпохе, их характерные связи и взаимоотношения.

Рассмотрим наиболее доступные и простые приемы такой обработки на конкретных примерах. Тема — «Распад империи Карла Великого: набеги норманнов, арабов и венгров на Западную Европу» (VI класс).

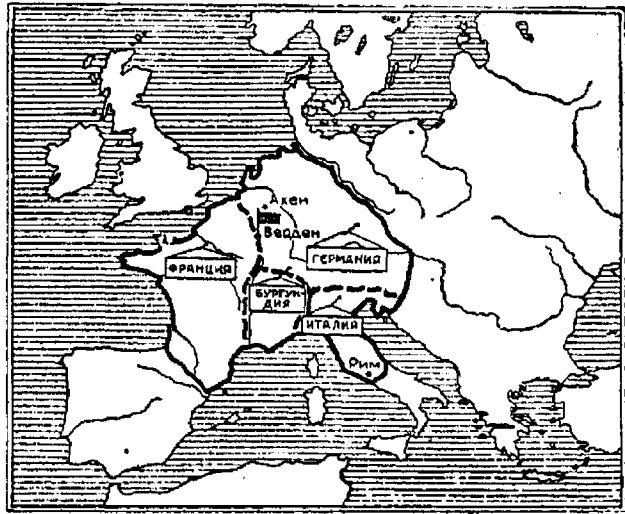
По заданию учителя, в порядке повторения уже известного материала, ученик отметил на карте цветным шнурком границы империи Карла Великого.

В процессе рассказа, одновременно с перечислением ориентиров границ между владениями Карла Лысого, Лотаря и Людовика Немедкого, учитель воспроизвел эти границы шнурком другого цвета на карте. Имена преемников Карла Великого, четко написанные на полосках белого картона, были повешены на ниточках в соответствующих местах карты.

При рассказе о дальнейшем распаде империи и зарождении современных европейских государств учитель передвинул шнурки с таким расчетом, чтобы показать, что Лотарингия присоединилась к германским землям, Бургундия выделилась, а итальянские земли сделались самостоятельными. После этого остается перевернуть полоски с надписями на обратную сторону, где заблаговременно вместо имен королей было написано «Франция», «Германия», «Италия», повесить новую полоску с надписью «Бургундия» — и обработку карты в этой части урока можно считать законченной.

Такая обработка карты вполне совместима с рассказом и не отнимает лишнего времени; кроме того ее преимущество состоит в том, что подвижные границы наглядно показывают происходящие политические изменения.

Дальше обработка карты шла так: рассказывая о норманнах и их набегах на Европу, учитель прикрепил к Скандинавскому полуострову полоску картона с вороном (гербом норманнов). Затем к картону было прикреплено несколько черных шнурков, которые быстро под умелой рукой учителя тянулись к побережью Балтийского моря, врезались в глубь Европы по крупным рекам, перерезали Британские острова, направлялись к берегам Испании и, далее, огибали Европу, проникали в Средиземное море, останавливались на юге Апеннинского полуострова, упирались в Египет, а на северо-востоке — в устье Невы и дальше, по водному пути «из варяг в греки», доходили до Константинополя. На кончике каждого шнурка посредством маленького шарика из пластилина прикреплялось изображение норманнской ладьи. Стоило только воткнуть в Нормандию и южноитальянское Норманнское королевство по флагу с вороном — и обработку карты во второй части урока тоже можно было считать законченной. Впечатление от этой карты было сильное и надолго сохранялось в памяти.

Набегн арабов с северного берега Африки были показаны тем же приемом (взят был зеленый шнурок, суда были с зеленым знаменем пророка и полумесяцем), а территория Венгрии была заполнена заранее вырезанным по контуру страны заготовленным бумажным макетиком со стрелками, указывавшими главные направления набегов и украшенными силуэтами скачущих всадников. В результате у учащихся создавалась очень яркая картина беспомощности раннефеодальной Европы перед внешним врагом.

Приведем пример еще одной обработки карты по теме «Нидерландская революция» (VII класс), раздел «Экономика Нидерландов перед революцией».

Стремясь закрепить в сознании аудитории обрисованную им картину экономики Нидерландов, обычно плохо запоминающейся, преподаватель обработал карту очень простым приемом: заранее заготовив маленькие, ярко раскрашенные символы и условные знаки торговли, промышленности и занятий населения, он по ходу рассказа прикреплял маленьким кусочком пластилина эти значки в соответственных местах карты. Так, около Амстердама были прикреплены сеledка, мешок с хлебом и якорь, в северных провинциях — корова и тюльпан, около Антверпена — деньги и корабль, в Брабанте и Фландрии — кружево и кусочек материи, а на юге и в Артуа — скрепленные колосья.

Значки оставались до конца урока и были использованы учениками при контрольных вопросах преподавателя.

Наглядность и легкость ориентировки при этом способе очевидны. Кроме того когда значки долгое время остаются на карте, то их взаиморасположение ассоциируется у учащихся с определенным пространством, что, собственно, и является нашей задачей.

Интересна следующая обработка карты. На уроке по новой истории в IX классе на тему «Международные отношения в конце XIX века», воспользовавшись тем, что большая часть материала была известна ученикам по прежним урокам, учитель поставил себе задачу обобщения этого разрозненного материала на картах. Им было выделено три пункта: 1) взаимоотношения на Ближнем Востоке (Англия и Россия), 2) Дальний Восток, 3) борьба за раздел Африки.

Когда речь шла о противоречиях между Россией и Англией в Средней Азии, на физической карте Азии появлялись флаги царской России с наклейкой дат занятия среднеазиатских городов. В соответствующих местах были поставлены флаги Англии, тоже сопровождаемые датами. Затем цветным шнуром были зафиксированы гра-

ницы между Россией и Индией с узеньким афганским коридором между ними. Учитель у этого коридора приклеил пластилином две фигуры в угрожающих позах: северного медведя (Россия) и льва с британского герба.

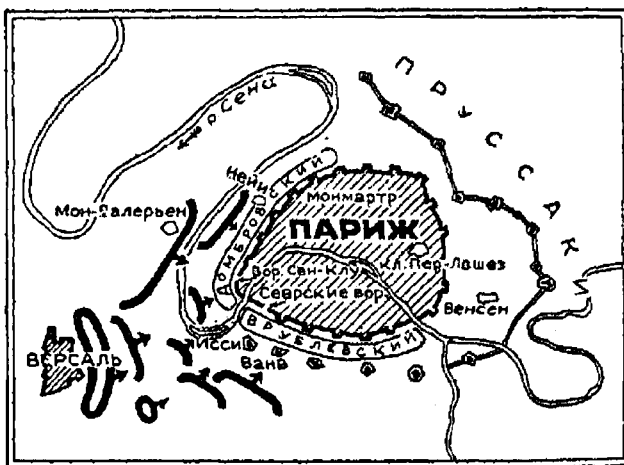
Возможно, что подобные фигуры в старшем классе малоуместны, так как старших учеников следует приучать обходиться без таких методов закрепления материала, но в наглядности этому приему отказать нельзя.

Такие же приемы применены при прохождении самых различных тем, например «Брестский мир и борьба за передышку» — в X классе, «Первая мировая империалистическая война» — в IX классе и т. д.

4

Заранее подготовленная учителем и демонстрируемая на уроке схема показывает в пространстве основные направления исторических событий.

Например при прохождении в IX классе темы «Парижская коммуна» заготовленная схема укреплений Парижа, на которой отмечены боевые позиции Коммуны, чрезвычайно облегчает рассказ о борьбе коммунаров с версальцами. Схема не должна нести лишней нагрузки: в ней должен быть лишь минимум названий, например форты Мон-Валерьен, Исси, Ванв, Венсен, ворота Сен-Клу, Севрские, Версаль (или дорога оттуда), Нейи, затем Монмартр и кладбище Пер-Лашез. Кроме того должны быть также указаны фамилии командиров — Врублевского и Домбровского — и обозначено расположение пруссаков и версальцев (то есть лишь то, о чем идет речь в рассказе).

Таких схем может быть сделано очень много для самых различных целей. Например схемы городов — Москвы 1613 года, Парижа 1848 года; походов полководцев — Ганнибала, Суворова в Италию; революционных движений: восстания коммунаров в Испании, гражданской войны в Англии (XVII век), восстания Болотникова; сра-

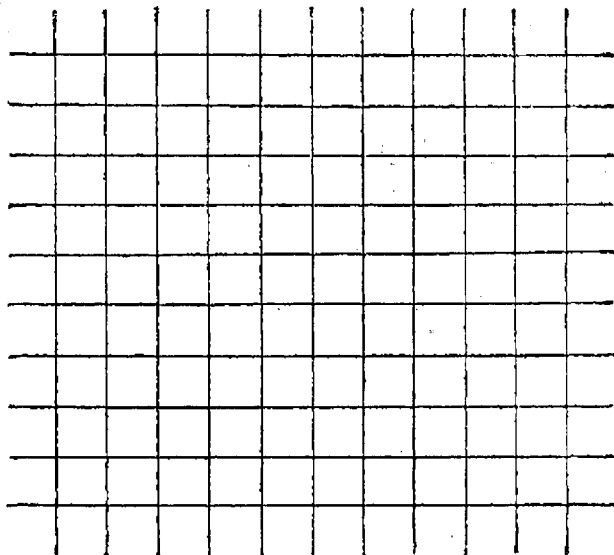
женей: под Полтавой, при Аустерлице, у Волочаевки; передвижений разных народов: движения кочевников в Причерноморье, монгольских завоеваний; изменений границ в результате войн — Балканских войн (1912—1913 годов) и т. д. и т. д., — то есть во всех классах при различнейших темах такие схемы могут принести громадную пользу.

Особенно следует обратить внимание преподавателей истории древнего мира (V и VI классов) на этот вид работы. Учебник «Древней истории» недостаточно снабжен картографическим материалом, и, для того чтобы локализовать в сознании учеников исторические события, нужно обязательно иметь такие схемы или карты-схемы; при этом работу с ними на уроке следует сочетать с самостоятельной работой учащихся дома.

Изготовление таких схем чрезвычайно несложно. Увеличить схему «по квадратикам» может не только учитель, но и любой аккуратный ученик. Лишь об одном при этом не следует забывать: и в схеме нужны та же тщательность и точность, что и в географической карте.

Наглядность всех перечисленных приемов бесспорна, однако у заранее приготовленных наглядных пособий есть один крупный недостаток: они статичны. Преодолеть эту статичность удастся с помощью классной доски, на которой можно изобразить события во всей их динамике.

Образцы таких схем приведены в «Методическом пособии по I периоду новой истории» издания 1940 года (курс VIII класса). Делать их очень несложно. Нужно взять кусочек кальки и разграфить его вертикальными и горизонтальными линиями на квадратики:

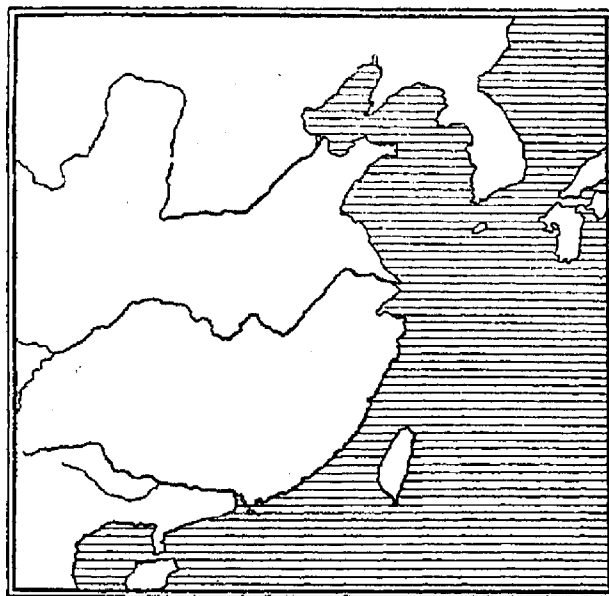

Затем эту кальку наложить на нужное пространство на карте и обвести контуры лишь тех географических элементов, которые понадобятся в процессе рассказа.

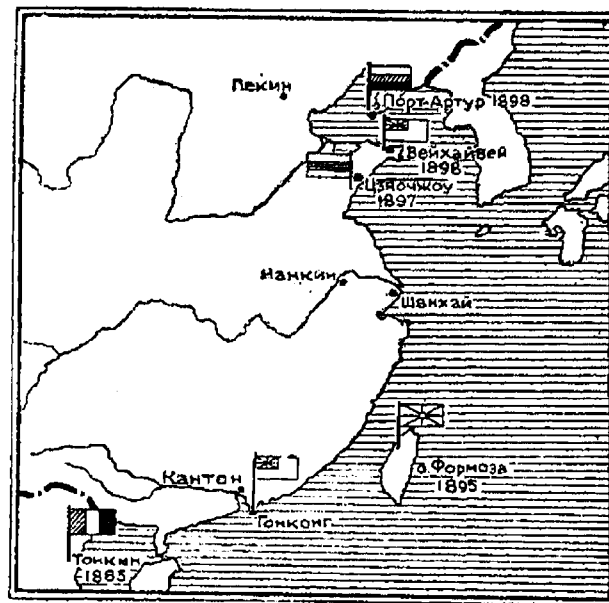
В классе доска делится на равные квадраты в нужном количестве, а затем в каждом квадратике поочередно отмечается то, что уже зарисовано на кальке.

Даже при небольшом навыке такие схемы получаются очень быстро, не отнимают времени у рассказа, вызывают большой интерес у слушателей и выглядят очень эффектно, особенно если пользоваться цветными мелками (например для береговой линии — белыми, для рек — синими, для границ — красными, для других условных обозначений — желтыми, зелеными и т. д.).

На упомянутом нами уроке в IX классе на тему «Международные отношения в конце XIX века» вопрос о разделе Китая учитель оформил так:

При рассказе о захватах прибрежных пунктов Китая империалистическими державами в соответствующих местах появлялись отметки: название пункта, дата захвата — и ставился флаг данной страны:

Попросив одного из учеников с целью проверки расставить на висевшей рядом физической карте соответствующие флаги, учитель перешел к рассказу о дележе Китая на «сферы влияния». Рассказывая об империалистической драке за раздел «китайского пирога», учитель провел жирные пограничные линии между сферами влияния отдельных империалистических держав.

Таким путем был наглядно показан раздел страны.

Учитель добавил к этому следующую таблицу и потребовал, чтобы учащиеся записали ее в тетради:

Страны	Захваты	Дата захвата	Сферы влияния
Япония	О. Формоза	1895	Корея
Россия	Порт-Артур	1897	Маньчжурия и район к северу от Великой китайской стены
Германия	Цзяочжоу	1897	Шаньдун и бассейн р. Хуан-Хэ
Англия	Вей-хай-вей	1898	Бассейн р. Ян-цзы-цзян
Франция	Тонкин	1885	Южная часть Китая

Следует обратить внимание, что в таблице сферы влияния расположены в той же последовательности, что и на карте-схеме.

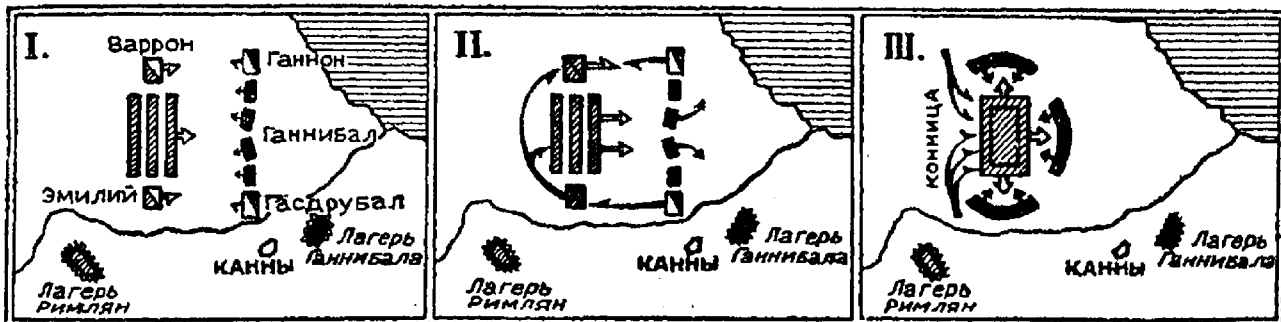
При рассказе о Соединенных штатах, опоздавших к дележу, преподаватель прилепил пластилином к углу схемы (на северо-востоке) изумленную физиономию «дяди Сама» — в цилиндре с полосами и звездами американского флага, а затем разъяснил сущность настойчиво проводимого США требования «ислитики открытых дверей» в Китае.

Битва под Каннами (курс VI класса) также становится очень наглядной, если ее представить так:

Урал, часть Каспийского моря и пункты наиболее значительных событий пугачевского восстания.

Широкой красной полосой по мере рассказа учителя росла линия продвижения пугачевских войск. К местам, охваченным восстанием, прикреплялись кусочком пластилина красные кружки с желтым язычком пламени; в местах присоединения к Пугачеву союзников появлялись изображения крестьянина, уральского рабочего, башкира на коне, чуваша, мордвина и т. д.

Возможности использования таких наглядных приемов встречаются во всех курсах всех классов на каждом шагу. Следует лишь проявить некоторую инициативу и

Очень ярко один из методистов Москвы¹ давал урок о пугачевском восстании. Он пользовался небольшим количеством географических данных: Волга,

привлечь на помощь учеников, заинтересовав их этой увлекательной работой.

5

¹ Д. Н. Ипкнфоров.

Нужно, однако, отметить, что если учитель на уроке, умело используя различные

методические приемы, наглядно покажет места исторических событий, то это будет все же только частью работы. Самое главное — позаботиться о том, чтобы эта работа была зафиксирована в виде записи, таблицы, рисунка в ученических тетрадях. Лишь тогда можно быть уверенным, что урок хорошо запомнится.

Внимание учителя в первую очередь следует обратить на работу с контурными картами, как покупными, так и сделанными руками самих учеников. Способ их изготовления очень прост. Из любого географического атласа сводятся карандашом на прозрачную бумагу контуры нужной территории, а затем через копировальную бумагу переводятся на обычную.

Для массового изготовления самодельных контурных карт очень хорош способ так называемых «трафареток», применяемый передовыми учителями географии. Нужная карта нужного масштаба (размер — страница тетради и меньше) рисуется предварительно на бруске фанеры или плотного картона, затем контур аккуратно выпиливается, полученный трафарет прикладывается к чистой странице тетради, обводится карандашом — и карта готова. При таком приеме соблюдается полное единообразие всех ученических работ и достигаются большая быстрота и точность рисунка. Следует добавить, что на данной «трафаретке» можно отметить города пробитыми дырочками, а направления — пробитым точечным пунктиром.

Такие карты, или «заготовки», и служат тем материалом, на котором отмечается все, что делалось на уроке. Обычно учитель советует делать записи в классе аккуратно тонким карандашом, а затем дома обработать контурную карту цветными карандашами или тушью.

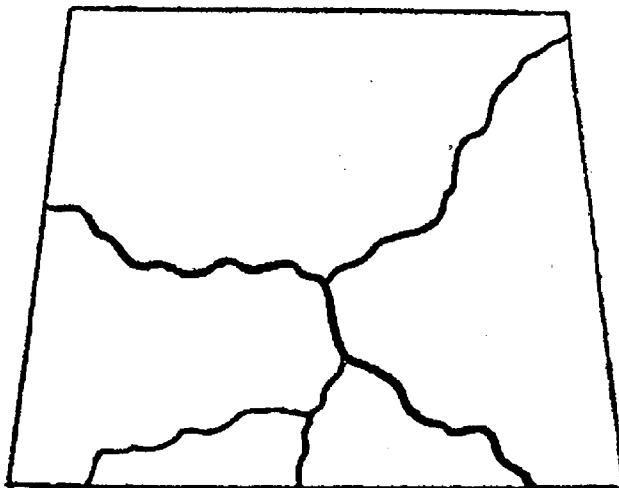
Однако надо помнить, что не всякая схема на доске или обработка физической карты требует переноса их на контурную карту. Иногда достаточно несложного рисунка или таблицы, и материал будет основательно усвоен.

Три года назад в 94-й школе Москвы, при прохождении курса VI класса по истории раннего средневековья, мы зацелились целью добиться того, чтобы каждый ученик сделал небольшой исторический атлас. Это и было достигнуто следующим образом.

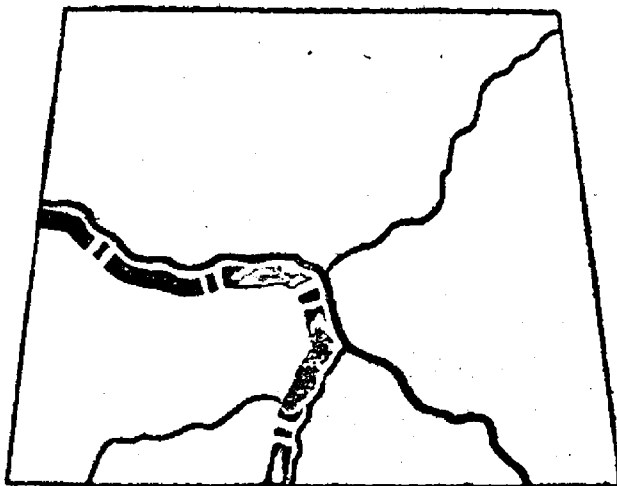
Приобретенные учениками контурные карты Европы были размечены буквами по меридианам, а цифрами — по параллелям. Таким образом, каждая клетка градусной сетки (которая не менялась до конца года) имела свой шифр.

Заканчивая урок минут за 5—6 до звонка, учитель, имея заранее сделанный образец карты, рисовал на доске в круп-

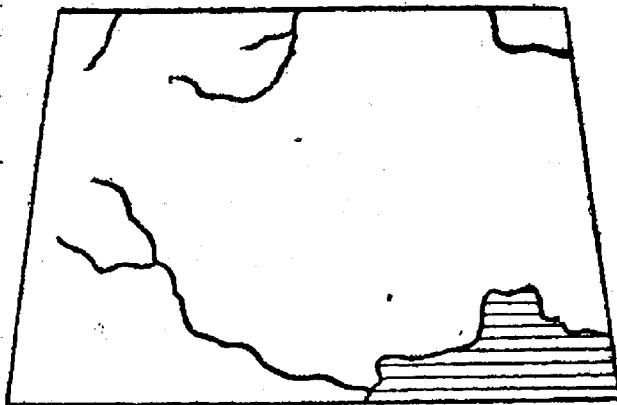
ном виде приблизительно одну из клеток карты, например клетку К 7:

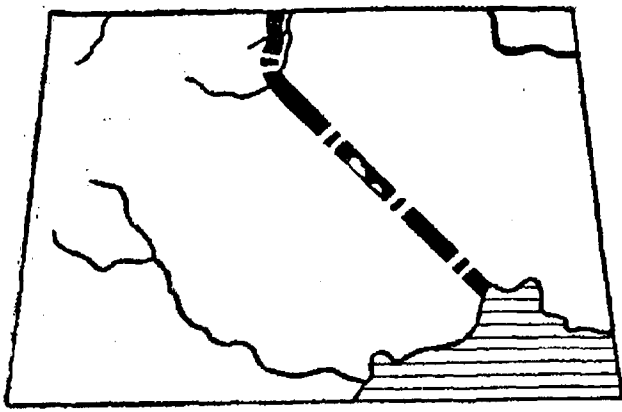
«Вы видите, — говорил учитель, — реку, протекающую с северозапада на юго-восток. Граница империи идет с запада по реке к востоку приблизительно до середины клетки, а затем поворачивает к югу и идет по притоку до конца клетки...»

Дальше клетка Л 7. Вот ее вид:

«...граница продолжается по тому же притоку, пока он направлен к югу, а затем прямой линией идет к выступу морского берега, имеющемуся в юго-восточном углу клетки».

Ученики, внимательно следя за учителем, заполняли свои карты. Конечно, за 5—6 минут нельзя было заполнить всю карту, однако за 5—6 уроков границы бывали нанесены. Затем вывешивался образец карты, сделанной учителем, давался срок для обработки, и, наконец, все карты сдавались на проверку учителю, ставившему за них отметки (как за исполнение домашнего задания).

За второе полугодие таким образом учениками были сделаны карты: 1) «Распадение Римской империи», 2) «Великое переселение народов», 3) «Империя Карла Великого», 4) «Распад империи Карла Великого», 5) «Византия и арабы (по северной части карты Африки)», 6) «Крестовые походы».

Следует отметить, что дети быстро привыкли в этой работе, и последние карты делались гораздо скорее, чище и аккуратнее. Если при проверке первых карт приходилось упорствовать в борьбе за географическую грамотность, то последние уже были вполне удовлетворительны.

Однако к такому приему следует прибегать, если в учебнике нет соответствующей карты. Если же она имеется, то работа значительно облегчается. Перекопировка карты из учебника не представляет особого труда. Следует лишь предупредить, что прямая «сводка» карт непосредственно с учебника через копировальную бумагу портит учебники. Лучше произвести предварительную копировку с помощью прозрачной бумаги или кальки, а затем перевести карту через копировальную бумагу в тетрадь.

Не следует думать, что наличие в учебнике карт снимает с учителя обязанность работать указанными приемами. Наоборот, карты учебника могут принести пользу только тогда, когда они подвергнутся самостоятельной обработке учеником. Поэтому было бы большой ошибкой ограничиться требованием следить за работой учителя по соответствующей карте учебника. Также нельзя считать достаточной рекомендацию посмотреть дома данную карту при приготовлении урока.

Какие же приемы можно рекомендовать для самостоятельной работы ученика с картой учебника?

1) Перерисовка карты с последующей раскраской ее. Одноцветные карты, даваемые в учебниках, как правило, плохо читаются и запоминаются учениками. Другое дело, если ученик, тщательно перекопировав данную карту (с соблюдением условий, указанных выше), аккуратно раскрасит ее и перенесет на нее всю лужную по теме номенклатуру.

Например карты Италии от Вонского конгресса до революции 1848—1849 годов (учебник «Новой истории», стр. 147), завоевания Средней Азии Российской империей (учебник «Истории СССР». Ч. 2-я, стр. 152—153), Византийской империи с VI по X век (учебник «Истории средних веков», стр. 37) и целый ряд других определенно нуждаются в такой обработке.

Следует отметить, что совершенно недопустимо в этой работе, как, впрочем, во всех видах работы с картой, рисовать карты или схемы «на глаз». Только аккуратнейшая копия может дать ту необходимую точность, которая является обязательным условием всей картографической работы.

Ряд одноцветных карт учебника читается плохо из-за крайне мелкого масштаба, например карта Европы в конце XI века (учебник «Истории средних веков», стр. 77). Такие карты нужно учащимся переносить на контурную карту больших масштабов. Удобно использовать для этих целей изданную для занятий по географии контурную карту Европы, однако гораздо больше цены картам, увеличенным «по квадратикам» самими учениками. Процесс переноса дает очень хорошие результаты в смысле закрепления пространственных знаний ученика.

2) Более сложно задание извлечения из карты учебника нужного по теме материала. Примером может служить такое задание: перерисовать из карты «Кавказ XVIII—XIX веков» (учебник «Истории СССР». Ч. 2-я, между стр. стр. 144—145) основные районы борьбы горцев за независимость и места крупнейших крестьянских восстаний; или из карты «Образование и рост Русского государства до конца XVI века» (учебник «Истории СССР». Ч. 1-я, между стр. стр. 136—137) выделить территорию Литовского государства и отвоеванные у него Москвой русские княжества. Ряд таких заданий, даваемых ученикам, приносит большую пользу: внимание учащихся приковывается к определенному месту в пространстве, связанному с данным историческим событием, событие локализуется, отделившись от других.

Извлечения необходимы и потому, что целый ряд карт учебников, охватывая длительные периоды, содержит события разновременные. Примером может служить карта «Крестьянская война и борьба с польской и шведской интервенцией в Русском государстве в начале XVII века» (учебник «Истории СССР». Ч. 1-я, между стр. стр. 152—153). Из этой карты можно и должно сделать много разнообразных извлечений, не ограничиваясь выделением пространств, по работая и над направлениями. Примеры заданий по этой карте: а) походы Болотникова, Лжепетра и район восстания, б) польская интервенция и борьба с нею, в) национальные восстания и т. д.

Такими же извлечениями направлений могут быть походы Карла XII (из карты учебника «Истории СССР». Ч. 2-я, между стр. стр. 16 и 17), Пугачева, Разина и т. д.

Следует использовать для самостоятельной работы учеников схемы, помещенные в учебнике. Однако давать соответственное домашнее задание можно лишь после тщательного разбора схемы на классной доске во время урока. Пример: схема Полтавского боя (учебник «Истории СССР». Ч. 2-я, стр. 18) содержит все главные перипетии его. Нужно разобрать схему на уроке, воспользовавшись классной доской, сначала наметив положение противников перед боем, затем передвижение войск, атаки конницы, — словом, шаг за шагом «разыгрывая» сражение. Лишь после этой работы можно дать задание учащимся зарисовать дома отдельные этапы боя.

Работу над укреплением пространственных навыков можно всячески разнообразить. Например во время урока о международных отношениях третий вопрос, поставленный учителем (о разделе Африки), был им разрешен так: в классе была продемонстрирована заранее вычерченная разборная карта Африки. Способ ее изготовления довольно несложен. Сначала на двух отдельных листах ватманской бумаги были сделаны две совершенно одинаковых контурных карты Африки (увеличенные «по квадратикам» из «Методического пособия»). Затем у одной из них были закрашены голубой краской моря, светлоричневой — части Европы и Азии, имевшиеся на карте, Африка же была оставлена белой, на ней были лишь нанесены светлоголубым цветом реки и легким пунктиром — границы колоний.

На другой же карте закрашена была сама Африка яркими цветами: английские владения — одним, германские — другим, французские — третьим и т. д., — а затем аккуратно вырезаны по границам (практический совет: чтобы отдельные кусочки не загибались, полезно карту, предназначенную для разрезывания, предварительно наклеить на плотную бумагу или картон).

На уроке была прикреплена к доске первая карта, а колонии любой страны появлялись по желанию учителя. Умелое использование этой карты учителем произвело большое впечатление на аудиторию.

Так, используя различные приемы, преподаватель в разнообразной и увлекательной форме закрепляет в памяти учащихся пространственные представления.

Вл. Лабунский

Как пользоваться иллюстрациями в учебнике по истории СССР для девятого класса

Во второй части «Истории СССР» (учебник для 9-го класса средней школы под редакцией проф. А. М. Панкратовой) имеется достаточное количество иллюстраций, с помощью которых преподаватель истории может дать учащимся более наглядное представление об изучаемой эпохе, чем то, которое они получают только из текста.

Возьмем помещенные в учебнике изображения воинов-бойцов разных эпох. На стр. 20 и 31 нарисованы петровские воины, на стр. 45 — башкирский воин, на стр. 48 —

сражающиеся казаки, на стр. 58 — япильские казаки, на стр. 99 — Бутузов со святой, на стр. 129 — козница 20-х годов XIX века, на стр. 131 и 142 — николаевские солдаты и на стр. 199 и 216 — солдаты 70-х годов.

Петровский солдат — сначала потешный, потом настоящий воин, обученный военному искусству переловыми западноевропейскими инструкторами. Это воин-профессионал. Первое столкновение петровских солдат со стрельцами показало все

преимущества солдат. Одет петровский солдат в короткое платье и имеет узкую саблю и ружье. Воины-казаки и башкиры — не профессионалы, а вооруженный пиками и стрелами народ. Эти воины-всадники были очень храбры, но военная техника их была крайне отсталой, соответственно общему уровню развития этих народов в то время. Лицкие казаки, охранявшие границы от кочевников, были одновременно военными колонизаторами. Подобно кочевникам-всадникам они были вооружены лошамями и саблями, но вместо лука со стрелами у казаков уже было огнестрельное оружие. Солдат первой половины XIX века — постоянный профессионал. Это крепостной, обученный военному делу, вымуштрованный на основе шагистики. Бессмысленная, устаревшая система палочной муштры в армии потерпела поражение в Крымскую войну, как и вся система разлагающегося крепостничества.

Развитие капитализма потребовало нового солдата-воина и создало вместо крепостной армии буржуазную, основанную на всеобщей воинской повинности.

Так, рассматривая воинов различных эпох в неразрывной связи со всей экономической и политической системой царской России, следует показать эволюцию военного дела в России.

На рисунках, сложных по композиции или по содержанию, следует остановиться более подробно.

Особое место занимают батальные рисунки: «Взятие Хотевбурга» (стр. 13), «Победа русского флота при Гангуте» (стр. 22), «Полтавская битва» (стр. 20). Как и вообще рисунки со многими деталями, их необходимо рассматривать по частям, распрывая таким образом их содержание в целом.

Рисунок «Корабельная верфь в Петербурге при Петре I» (стр. 11) не имеет описания в тексте, отчетливо приобретает самостоятельный характер и требует особого внимания. На основании его нужно связать, что после Азовских походов на речных судах, после Гангутской победы на небольших гребных судах Петр должен был для закрепления за Россией Балтийского и Азовского морей построить настоящий морской флот. Стройка его происходила в Петербурге на верфях.

На рассматриваемом рисунке показана постройка двух многопушечных кораблей (в верхней части борта левого корабля видны амбразуры для пушек). Отчетливо видны подводные части корабля. Представление о высоте корабля дает остов, еще не обшитый лесом. Корабли строились из дерева и оснащались мачтами и парусами. За левым строящимся кораблем видны высокие мачты больших кораблей, уже спу-

щенных на Неву. Постройка морских кораблей сопряжена была с большими трудностями: нужны были квалифицированные рабочие, техники и особый, корабельный лес. Большие корабли строились при тогдашней технике больше года. Управлять кораблем тоже было нелегкое дело.

Рисунок «Торговый порт и склады в Петербурге в XVIII веке» (стр. 27) иллюстрирует текст на стр. 25. Он дает представление о большом масштабе внешней торговли в то время.

Рисунок «При лучине» (стр. 57) не связан непосредственно с текстом. Основываясь на нем, преподаватель должен рассказать о ночной работе барщинной крепостной, не имеющей времени днем заниматься своими делами, обратить внимание учащихся на крайне убогую обстановку деревенской избы.

Рисунок «Барщина» (стр. 56), маленький, напоминающий детский рисунок, все же очень интересен, так как он дает представление о взаимоотношениях между помещиком и крепостными и о том, как выглядела помещичья усадьба того времени: большой двор со службами, церковь, выгон для скота и тут же нивы.

«Моды конца XVIII века» (стр. 71). Российское дворянство 2-й половины XVIII века находилось под сильным влиянием королевской Франции. Русские придворные и столичные дворяне старались подражать во всем и прежде всего в модах французской придворной знати. Моды доходили до карикатур, особенно в прическах: на голове сооружались корабли с парусами, огорды и т. п. К этому рисунку нет текста, его следует объяснить, используя литературный и сатирический материал писателей и журналов того времени о «петиметрах».

Рисунок «Разгром восставшими крестьянами помещичьей усадьбы в конце XVII века» (стр. 82) следует включить в рассказ о восстании крестьян, подчеркнув изображенную на рисунке расправу крестьян с барщином и указав на остро классовый характер крестьянских восстаний.

Рисунок «Расстрел поджигателей в Москве» (стр. 103) является как бы продолжением помещичьего на стр. 102—103 рассказа о пожаре Москвы. Франсузы, преследуемые неудачами, срывали злобу на случайно захваченных на улицах русских, которых они обвиняли в поджогах и тут же на месте расстреливали. Преподавателю следует при этом отметить, что среди оставшегося в Москве населения преобладали трудящиеся, так как всякий, кто имел возможность покинуть захваченную врагами столицу, бежал отсюда.

Показывая карикатуры «Крестьяне-партизаны Сычевского уезда» (стр. 104) и

«Старостиха Василиса» (стр. 105). преподаватель должен обратить внимание учащихся на фигуры и позы изображенных на карикатурах лиц, отметить, как униженно и беспомощно выглядят французы и сколько мощи чувствуется в крестьянах.

Рисунки «Будочник» (стр. 132), «Обучение рекрутов при Николае I» (стр. 131), «Наказание шпионрутенками» (стр. 133) и «Чиноулки николаевского времени» (стр. 137) служат как бы лейтмотивом характеристики николаевской монархии. Поэтому рассказ «Самодержавие Николая I» преподаватель может строить по рисункам, воссоздавая с их помощью яркую картину военно-полицейско-бюрократической николаевской монархии. Образы чиновников, данные в немного карикатурном виде, следует дополнить характеристиками по Гоголю, Щедрина и другим писателям-классикам.

На рисунке «Каторжники-крестьяне за сбором подаяния» (стр. 143) показаны крестьяне, брошенные за участие в восстаниях в тюрьмы. Они собирают на пропитание себе подаяние. Среди каторжан находится «кормилец» под сильным конвоем. При виде изнуренных и голодных арестантов руки трудящихся невольно тянутся к карману за «копеечками». На этом рисунке можно построить самостоятельный небольшой рассказ.

Крымская война удачно представлена рисунком «Обозы под Севастополем» (стр. 163), прекрасно характеризующим экономическую и техническую отсталость крепостной России. Волы, телеги вязнут в глубокой грязи разбитой дороги, в то время когда союзники имели уже паровую морскую флот и железную дорогу от Балаклавы к Севастополю.

Рисунки—«В. Г. Белинский перед смертью» по картине Наумова (стр. 169), «Гражданская казнь Чернышевского» (стр. 195), рисунок «Суд над П. Алексеевым» (стр. 229)—дают хороший материал для рассказа. В картине Наумова все детали (обстановка, портреты, книги, жандарм в дверях, литераторы, собравшиеся около Белинского) ярко передают политический и культурный облик «неистового Виссариона» — «первого революционного разночинца».

Картина «Суд над П. Алексеевым» дает много материала для рассказа о роли Петра Алексеева в революционном движе-

нии. На картине видно, как речь, произнесенная им на суде, которую В. И. Ленин называл «великим пророчеством русского рабочего революционера», вызвала смятение среди всех находившихся в зале царских судей и привилегированной публики.

Прекрасными иллюстрациями к тексту учебника, органически с ним связанными, являются рисунки Шевченко (стр. 179 и 180).

Рисунок «Сбор недоимок» (стр. 205) служит продолжением рассказа в тексте о том, как крестьяне вынуждены были продавать хлеб по крайне низким ценам, чтобы вовремя уплатить налоги. А у бедняков полиция выколачивала недоимки принудительной продажей за бесценок скота.

Картина «Ремонтные работы на железной дороге» Савицкого (стр. 209) включается в рассказ преподавателя о развитии капитализма в России. Следует обратить внимание учащихся на измученные лица работающих на железной дороге, рассказать, как тяжел был их труд, в каких ужасных бытовых условиях они жили и как ничтожно мало им платили. В дополнение к этой картине хорошо было бы показать картину Савицкого-сына «Строительство железной дороги» и иллюстрировать учащимся стихотворение Некрасова «Железная дорога».

Фото «Горняцкие жилища 70-х годов в Юзовке» (стр. 212) и рисунок «Выселение бедноты из квартиры зимой» (стр. 213) рассказывают о жизни рабочих на «вольных» квартирах. С текстом они непосредственно не связаны и могут служить темой самостоятельного рассказа о быте рабочих.

Рисунок «Спор за меже» (стр. 221) помещен в связи с текстом о борьбе крестьянства за землю в 70-х годах, во время происходившего тогда размежевания помещичьих и крестьянских земель. Картина рассказывает о том, что помещик добился узаконения отнятой у крестьян земли и поставил свои вешки, по которым приступил к новому размежеванию земли. На защиту своей земли, полнотой потом, выступили крестьянки, ломая и уничтожая новые межевые знаки и прогоняя «законных» захватчиков.

Внимательно рассматривая с помощью педагога рисунок, учащиеся узнают целый ряд деталей, оживляющих и дополняющих их сведения об изучаемом периоде.

Е. Колокольцева

IV (Объединительный) съезд РСДРП

23 (10) апреля—8 мая (25 апреля) 1906 года

1

35 лет прошло со времени IV съезда РСДРП, названного Объединительным. В действительности этот съезд «...только сохранил и несколько укрепил формальное единство партий»¹.

Задачи развивавшейся буржуазно-демократической революции 1905 года настоятельно требовали единства рабочего класса. Благодаря меньшевикам РСДРП после II съезда была расколота на две фракции, которые «...очень напоминали две различные партии...»². Своими раскольническими действиями и своим оппортунизмом меньшевистская фракция мешала единству действий рабочего класса, ослабляла его революционную силу в самый разгар революции.

Объединение РСДРП путем съезда, решения которого могли бы связать действия меньшевиков, прекратить их вредную деятельность, помогли бы рабочим разобраться в сущности разногласий между большевиками и меньшевиками, было в это время в интересах единства рабочего класса, единства партии, в интересах революции. Такое объединение способствовало бы образованию широкого единого фронта рабочих и крестьян для вооруженного восстания. Среди самих рабочих масс под давлением революционных событий росла тяга к единству, сознание его необходимости. Немало было рабочих, которые просто еще не могли разобраться в сущности разногласий. Вместе с тем даже те рабочие, которые вследствие своей политической незрелости шли с меньшевиками, вовлекаясь ходом революции в революционную борьбу, по существу, отходили от позиций своих меньшевистских лидеров, сближались с большевиками, могли быть ими завоеваны. Все это создавало возможности для объединения революционных сил. Большевики были за объединение РСДРП, но

именно за такое объединение, которое способствовало бы росту единого революционного фронта.

А для этого надо было провести объединение на основе четкого идейного размежевания большевиков с меньшевиками, провести это размежевание так, чтобы сущность разногласий стала наиболее понятной и для рабочих масс. «Ленин был за объединение, но он был за такое объединение, при котором не смазывались бы разногласия по вопросам революции»³. Ленин требовал, «...чтобы рабочим ясно было, на каких позициях стоят большевики и на какой основе происходит объединение»⁴. На III съезде партии была принята следующая резолюция о подготовке объединения партии, не подлежавшая тогда опубликованию: «Третий съезд РСДРП поручает ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду»⁵. Помимо этого в соответствии с опубликованной резолюцией III съезда — «Об отколовшейся части партии» — необходимым условием объединения было признание законности III съезда и подчинение партийному уставу, принятому им.

Руководствуясь этими решениями, большевики после III съезда сделали меньшевикам предложение об объединении, и под давлением рабочих масс меньшевики вынуждены были согласиться на это предложение. Но они пытались противодействовать осуществлению объединения на условиях, выдвинутых большевиками, борясь таким образом и против самой цели объединения, как ее понимали большевики.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же.

⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 53. Госполитиздат. 1940.

¹ «История ВКП(б)», стр. 90.

² Там же, стр. 60.

Меньшевики выставили требования, противоречившие уставу партии и решениям III съезда, добивались объединения «снизу», без съезда, и того, чтобы при слиянии партийных центров существовало два центральных органа.

Члены ЦК Красин и Богданов, выделенные для переговоров с меньшевистской Организационной комиссией (ОК), занимали примиренческую позицию и явно стремились уклониться от решений III съезда. В «Письме ЦК Организационной Комиссии» об объединении, написанном Богдановым, разногласия между большевиками и меньшевиками, как известно, тогда уже коренные, характеризовались как незначительные. Примиренцы даже готовы были вести переговоры на основании вышеупомянутых предложений меньшевиков об объединении без съезда и с нарушениями устава партии.

Ленин решительно воспротивился этой линии примиренцев и в ряде писем в ЦК требовал строгого выполнения решений III съезда. В письме в ЦК РСДРП 12 июля (29 июня) 1905 года Ленин предлагал не торопиться с объединением, считал, что лучше «...выждать несколько месяцев, пусть все оценят нелепость решений конференции (речь идет о меньшевистской конференции 1905 года в Женева.—Е. К.), пусть опыт разрушит их идиотский «организационный устав», пусть опыт посократит их претензии... А теперь надо бороться»¹.

Примиренческий ответ ЦК на неприемлемые предложения меньшевистской ОК вызвал особенно резкий отпор Ленина. 14 августа 1905 года он писал Центральному Комитету: «Ваш ответ Организационной Комиссии возбуждает целый ряд недоумений. Ничего не могу понять, — хитрите вы, что ли??»².

В письме от 3 октября (20 сентября) 1905 года Ленин критиковал ЦК за допущение слияния ряда местных большевистских организаций с меньшевистскими без того, чтобы меньшевики определили свое отношение к III съезду. В этом письме Ленин снова настаивал: «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей с спутыванием обеих частей. Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда»³. И далее: «Давайте готовить реальное объединение, увеличивая свою силу и разрабатывая ясные проекты уставных и тактических норм. А пустых болтунов об объединении, которые спутывают отношения между частями партии, по моему

следует устранять из нашей среды беспощадно»⁴.

Помимо борьбы с беспринципным примиренчеством ЦК, Ленину пришлось противостоять попыткам вмешаться в дело объединения со стороны Международного социалистического бюро (МСБ), которое во главе с Бебелем и Каутским было целиком на стороне меньшевиков и хотело такого объединения, которое подчинило бы большевиков меньшевикам. Каутский перед этим выступал в центральном органе германской социал-демократии «Vorwärts» («Вперед») с «советами» не распространять резолюций III, большевистского съезда РСДРП на немецком языке.

В это время ЦК собирался послать представителем РСДРП в МСБ Плеханова. Несмотря на непризнание Плехановым решений III съезда и вопреки настояниям Ленина ЦК долго не выдвигал вместо Плеханова другой кандидатуры в МСБ. Ленин предлагал кандидатуру Воровского. Наконец ЦК согласился вместо Плеханова выдвинуть представителем в МСБ Ленина. Ленин предложил ответить на письмо МСБ о посредничестве согласием лишь на предварительные переговоры, не имеющие обязательной силы.

В конце концов, под нажимом Ленина примиренческий ЦК занял более твердую линию в переговорах с меньшевиками. Меньшевики сначала отвергли предложения большевиков и прервали переговоры. Однако они должны были под давлением партийных масс пойти на уступки и принять большевистские условия объединения. Во время этой борьбы большевики провели большую разъяснительную работу по вопросу об объединении и о сущности разногласий.

В деле объединения инициативу проявили местные комитеты. Большинство местных партийных организаций признавало необходимость объединения и высказывалось за осуществление его на основе решений III съезда. Для объединения действий во время крупных революционных выступлений в Петербурге, Харькове, Баку, Николаеве и других городах были созданы на федеративных началах объединенные советы и т. п. органы из представителей большевиков и меньшевиков.

Большую работу по подготовке IV съезда провел Кавказский союзный комитет под руководством товарища Сталина. В Тифлисе, в Баку, в Кутаисе и в ряде других городов Закавказья в течение 1905 года были проведены дискуссии среди социал-демократических рабочих. В результате этих дискуссий большевистские организа-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 8.

² Ленин. Т. XXVIII, стр. 492.

³ Ленин. Т. VIII, стр. 247.

⁴ Там же.

ции приобрели много новых сторонников, а в Читах даже большинство социал-демократических рабочих примкнуло к большевикам. Аналогичное движение происходило в Петербурге, Москве, на Урале, в Донбассе, в Сибири и других центрах.

IV съезд был назначен ЦК на 23 (10) декабря 1905 года. Параллельно с этим должен был происходить и меньшевистский съезд. Оба съезда должны были окончательно выработать условия объединения, после чего должен был состояться объединительный съезд. ЦК объявил о созыве IV съезда в «Обращении ко всем партийным организациям», опубликованном в легальной большевистской газете «Новая жизнь» (№ 9). Но вследствие вспыхнувшего вооруженного восстания в Москве, железнодорожной забастовки и ареста части делегатов на съезд прибыл всего 41 делегат от 26 организаций. Ввиду этого собравшиеся решили объявить себя не съездом, а конференцией.

Эта первая конференция большевиков, происходившая в Таммерфорсе с 25 (12) по 30 (17) декабря 1905 года, приняла решение о немедленном слиянии партийных центров большевиков и меньшевиков, а также и центральных органов и о созыве объединенным центром объединительного съезда.

Вскоре после Таммерфорской конференции образовался объединенный ЦК, а 20 (7) февраля вышел № 1 объединенного ЦО — «Партийные известия». Объединенный ЦК приступил к непосредственной работе по созыву съезда. Выборы на съезд происходили на собраниях и конференциях партийных организаций после обсуждения тактической платформы большевиков и тактической платформы меньшевиков, опубликованных в связи со съездом большевиками и меньшевиками.

Тактическая платформа большевиков, состоявшая из проектов резолюций к съезду, показывала рабочим, на каких позициях стоят большевики и на какой основе шли они к объединению.

В оценке революционного момента и в задачах, какие она ставила перед рабочим классом, большевистская платформа исходила из тактической линии III съезда, из основ большевистской тактики, гениально разработанных В. И. Лениным в его книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В то же время эта платформа опиралась на новый накопленный опыт и на уроки боев всего первого года революции, вплоть до декабрьского вооруженного восстания.

«Две линии боролись в РСДРП во время революции, линия большевиков и линия меньшевиков. Большевики держали курс на развертывание революции, на

свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции. Вместо свержения царизма путем восстания они предлагали его реформирование и «улучшение», вместо гегемонии пролетариата — гегемонии либеральной буржуазии, вместо союза с крестьянством — союз с кадетской буржуазией, вместо временного революционного правительства — Государственную думу, как центр «революционных сил» страны»¹.

Платформы большевиков и меньшевиков к IV съезду снова обнаружили полную противоположность тактических линий революционного и оппортунистического крыла социал-демократии. Об этом будет подробнее рассказано дальше, в связи с освещением работы съезда.

2

После поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве и ряда вооруженных восстаний в других местах России самодержавие перешло в наступление, но революционная борьба масс еще продолжалась. И посылка карательных экспедиций (на Кавказ, в Прибалтику, Сибирь, Польшу), и расправы против революционных рабочих, крестьян и солдат, и локауты, и увольнения революционных рабочих, и разгром Советов рабочих депутатов, и (позднее) разгон I думы — все это вызывало забастовки, демонстрации рабочих, крестьянские бунты и волнения среди солдат и матросов. Но надо отметить, что такие революционные выступления происходили не только в ответ на репрессии, но и по инициативе масс. Правда, стачки уже не носили характера всеобщих, но их было много, и многие из них носили массовый характер. В Петербурге, в Лодзи, Варшаве, Домбровском бассейне, в Тифлисе, в Харькове, в Риге и других местах произошли политические забастовки и демонстрации 22 января 1906 года, в день годовщины «Кровавого воскресенья».

11 января 1906 года в Петербурге рабочие мастерских Варшавской железной дороги в ответ на увольнение 400 рабочих за участие в политической забастовке объявили под бойкотом места уволенных рабочих и потребовали немедленного возвращения их на работу, а также устранения представителей администрации, вы-

¹ «История ВКП(б)», стр. 80.

новных в этом увольнении. 14 января была объявлена забастовка на заводе «Сименс и Гальске» в Петербурге для поддержки требования о возвращении на работу 700 уволенных рабочих и т. д. Подобных примеров можно привести много.

С большим оживлением проходила кампания, проводившаяся социал-демократическими организациями в связи с выборами в I государственную думу. Рабочие в большинстве случаев примыкали к большевикам, высказываясь за бойкот.

Одновременно происходил усиленный рост пролетарских организаций. Рабочий класс использовывал всякие возможности для организации массовых профессиональных союзов. В Петербурге, Москве и других промышленных центрах были созданы советы безработных, руководившиеся большей частью большевиками. Эти советы проводили борьбу с локаутами и с увольнениями революционных рабочих. Рабочие энергично собирали новые силы, пополняя потери, понесенные в боях и в результате репрессий.

С весны 1906 года рабочее движение снова приняло массовый характер, вошло в полосу нового подъема, продолжавшегося и летом 1906 года. Этот подъем начался как раз в дни IV съезда и особенно усилился после съезда, со времени первомайских политических забастовок, охвативших ряд крупнейших промышленных районов страны. В общем в течение 1906 года в стачечном движении участвовало более миллиона рабочих, причем в борьбу непрерывно втягивались новые слои.

Не прекращалось и аграрное движение. Так например черниговский губернатор в январе 1906 года доносил Витте об усмирении крестьян, производимых в его губернии в связи с новыми бунтами¹. В феврале 1906 года аграрное движение охватило Екатеринославскую, Херсонскую, Саратовскую, Пензенскую и Могилевскую губернии и затем распространилось по всей стране.

«Крестьянское движение в первой половине 1906 года охватило около половины уездов царской России, во второй половине года — одну пятую всех уездов»².

В Грузии, в особенности в Гурии, под руководством большевистского Имеретинско-Мингрельского комитета, созданного по инициативе товарища Сталина, аграрное движение широко развернулось в 1905 году. Несмотря на карательные расправы оно вновь стало развиваться весной 1906 года. Даже среди наибо-

лее забытых национальных меньшинств, каким например при царизме были чувашши, развернулось широкое движение. В отчете казанского губернатора о борьбе с революционным движением чувашей в 1906 году говорится об «одновременном демонстративном выступлении народа» в разных местах Чебоксарского уезда и в самых Чебоксарах с требованиями земли, свободы, учредительного собрания и проч.³

Наряду с крестьянским движением в сельских местностях приняла значительные размеры стачечная борьба сельскохозяйственных рабочих. Для ее подавления царское правительство издало в апреле 1906 года «Правила против возникновения стачек сельскохозяйственных рабочих», которыми предусматривались дополнения к «Уложению о наказаниях».

Не прекращалось революционное брожение в армии и во флоте. Военные организации большевиков продолжали вести энергичную работу. Дело дошло до того, что военные власти почувствовали недостаточность репрессивных мер и наряду с многочисленными арестами среди солдат и особенно матросов приступили с начала 1906 года к созданию так называемых советов, комитетов и т. п. учреждений для контрпропаганды.

Однако успеха они не имели.

Во флоте начальство насчитывало «неблагонадежных» матросов тысячами. Наиболее крупные военные восстания имели место летом 1906 года, уже после IV съезда РСДРП. Они возникли не только в защиту солдатских и матросских требований, но одновременно и в связи с разгоном Думы. Восстания в крепости Свеаборг 17 — 20 июля, в Кронштадте 20 июля 1906 года, восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле, выступления в Либаве и др. были крупнейшими событиями в этот период.

Революционная борьба, следовательно, продолжалась и достигала такого высокого уровня, что ко времени и после IV съезда РСДРП еще нельзя было думать об отступлении революции. Только впоследствии выяснилось, что декабрьское вооруженное восстание 1905 года представляло собою наивысший пункт революции, после которого началось ее отступление, хотя и медленное и сопровождавшееся арьергардными боями. В период же подготовки IV съезда и во время самого съезда не было еще оснований для такого вывода и можно было ожидать приближения нового подъема революции.

¹ Сборник документов «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.», стр. 119. Соцэкиз. 1936.

² «История ВКП(б)», стр. 80.

³ См. Сборник документов «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.», стр. 177. Соцэкиз. 1936.

Большевики держали курс на дальнейшее развитие революции, боролись за новый ее подъем. Эту позицию они и защищали на Об'единительном съезде.

Меньшевики, ориентировавшиеся на половинчатый исход революции и на победу буржуазии, спешили провозгласить конец революции, преждевременно ее хоронили.

Естественно, что IV (Об'единительный) съезд прошел под знаком непримиримой борьбы большевиков и меньшевиков, борьбы тем более напряженной, чем напряженнее был переживаемый тогда Россией момент.

Выше было упомянуто, что «Обращение» ЦК с объявлением о созыве IV съезда было напечатано в легальной большевистской газете. В этом, принимая во внимание условия того периода революционного подъема, не было ничего странного.

Хотя партия большевиков еще оставалась нелегальной, она в то же время использовала возможности революционного периода и осуществляла свою открытую деятельность явочным порядком. Нелегальная партия созывала открытые митинги, собрания, создала легальную большевистскую печать, открыто объявила о созыве съезда. Но самый съезд партии еще не мог быть легальным, тем более что к моменту его созыва царское правительство перешло в наступление. Поэтому и этот съезд, как и предыдущие, происходил за границей. Съезд открылся 23 (10) апреля 1906 года в Стокгольме (Швеция). На съезде присутствовало 111 делегатов с решающим и 22 с совещательным голосом. Вследствие разгрома большевистских организаций во время и после декабрьского вооруженного восстания не все они могли послать на съезд делегатов, и потому на съезде у меньшевиков оказался перевес. Большевиков было 46 делегатов, меньшевиков — 62, остальные — неопределившиеся. Меньшевистское большинство съезда предопределило характер его решений по ряду важных вопросов. Надо отметить, что меньшевики, повидимому, не особенно соблюдали нормы, установленные для выборов. На съезде был оглашен протест тифлиских рабочих за 200 подписями против раздутого состава тифлисской делегации, состоявшей почти сплошь из меньшевиков, численность которой, по словам Ленина, выделялась из ряда вон (11 человек).

Уже с самого начала съезда атмосфера была крайне накаленной. Страстные споры, начавшись с момента выборов бюро съезда, сопровождали все доклады и прения, всю работу съезда.

В избранном на съезде бюро преобладали меньшевики. От большевиков в него вошел В. И. Ленин.

Много споров вызвали вопросы о порядке дня съезда, о составе комиссий и даже о регламенте. Исключительно бурными были заседания, посвященные докладам мандатной комиссии. При всяком удобном случае меньшевики старались кассировать большевистские мандаты. В результате разногласий мандатная комиссия, состоявшая из 2 большевиков и 2 меньшевиков, при председателе-тримиреце, подала в отставку. Съезд выбрал другую мандатную комиссию, уже целиком из меньшевиков.

Меньшевики, хотя и располагали большинством, принимали и другие меры для того, чтобы обеспечить себе перевес голосов. Так, из этих соображений они провалили предложение национальных социал-демократических организаций, поддержанное большевиками, — об обсуждении первым вопросом об объединении с этими организациями.

Фракционная борьба, которую вели меньшевики, отразилась даже на ведении протоколов. Неоднократно требование Ленина о том, чтобы секретари съезда вели протокольную запись и чтобы протоколы утверждались на съезде, не было выполнено. Протоколы велись с большими пропусками, речи большевистских ораторов записывались неточно и исчерпывающе. Окончательная обработка протоколов и их утверждение были поручены комиссии, которая делала эту работу уже после съезда, пользуясь консультацией преимущественно делегатов-меньшевиков. Доклады Ленина об аграрной программе и о текущем моменте, его доклад и заключительное слово о Думе и др. не были записаны и не вошли в протоколы. Ленин, однако, восполнил этот недопустимый пробел протоколов своим «Докладом об об'единительном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». В этой брошюре, которую Ленин как делегат Петербургской организации на Об'единительном съезде опубликовал под названием «Письмо к петербургским рабочим», Ленин обстоятельно изложил действительную картину съезда и дал глубокий анализ разногласий и решений. К этому докладу были приложены все решения съезда и все проекты резолюций большевиков и меньшевиков, чтобы члены партии имели возможность сравнить их и самостоятельно разобраться в них.

3

Первым на повестке дня съезда стояло обсуждение аграрной программы. Аграрная программа большевиков, разработанная Лениным, выдвигала требование конфискации всех помещичьих, монастырских, государственных и прочих земель, немедленного создания крестьянских комитетов для

распоряжения конфискованной землей, а в случае полной победы демократической революции и установления «самолержавия народа» (т. е. революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян) выдвигала требование национализации земли. Это была новая программа, отвечавшая задачам начавшейся аграрной революции, рассчитанная на доведение до конца буржуазно-демократической революции и на ее перерастание в социалистическую.

Как известно, аграрная программа, принятая II съездом социал-демократической партии в 1903 году, требовала лишь возвращения крестьянам отрезков, т. е. земель, отрезанных в пользу помещиков во время крестьянской реформы 1861 года. В свое время это требование сыграло положительную роль в развитии аграрного движения против остатков крепостнического строя. Но в период революции 1905 года старая программа оказывалась уже недостаточной.

Ввиду этого еще III, большевистский съезд партии принял резолюцию о поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации всей государственной, церковной и помещичьей земли. Первая Таммерфорская конференция большевиков (в декабре 1905 года) приняла предложение Ленина удалить из программы пункты об отрезках и выкупных платежах и заменить их решением по этому вопросу, которое было вынесено на III съезде.

Но, ориентируясь на доведение до конца буржуазно-демократической революции и на перерастание ее в революцию социалистическую, революционная социал-демократия должна была пойти еще дальше и выдвинуть в своей программе требование национализации земли при условии полной победы демократической революции. Национализация земли представляла собой «...возможный максимум буржуазно-демократического переворота» и «...естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм»¹.

Первым докладчиком на съезде по вопросу об аграрной программе был Ленин, автор большевистского проекта национализации земли. Докладчиком меньшевистского проекта был П. Маслов, изложивший программу так называемой муниципализации, т. е. передачи помещичьей земли в распоряжение крупных органов местного самоуправления (земств и т. п.).

По аграрному вопросу на съезде было еще 3 докладчика: Румянцев, который защищал большевистскую программу с изменениями, предусмотренными так назы-

ваемым вариантом «А» (этот вариант допускал возможность переходных мер в деле отмены частной собственности на землю как подготовку к национализации), Борисов (С. Суворов), защищавший требование раздела между крестьянами конфискованной земли, и Плеханов, поддерживавший в основном меньшевистскую программу Маслова и яростно нападавший на программу Ленина.

Ленин подверг меньшевистскую программу уничтожающей критике, выдвинув следующие 3 главные пункта: 1) программа муниципализации неревOLUTIONОННА; она требует не конфискации земли, а вообще отчуждения, что может означать и выкуп, а главное, не содержит призыва к революционному способу осуществления аграрного переворота; она, таким образом, сводит дело не к аграрной революции, а к бюрократической реформе; 2) меньшевистская программа неприемлема для крестьянства: муниципализация означает, что крестьяне владели бы только своей наделной землей, а лучшую, отобранную у помещиков землю должны были бы арендовать у местных самоуправлений; крестьяне не могли согласиться на такую программу: они стояли либо за раздел, либо за передачу земли в собственность всего народа; победившая революция не могла бы остановиться на муниципализации, в случае же поражения революции никакой муниципализации не могло бы получиться; 3) муниципализация вредна, если она не обусловлена полной победой демократической революции, потому что реакционная центральная власть не допустила бы никакой автономии местных самоуправлений в разрешении земельного вопроса и из муниципализации получилось бы только одурачивание крестьян.

Меньшевистская муниципализация на деле не содержала никакой реальной программы разрешения аграрного вопроса в пользу крестьян. Она была проникнута боязнью крестьянской революции, была рассчитана на половинчатый исход революции, на сделку буржуазии с самодержавием и ничего общего не имела с подлинными интересами народа.

Плеханов, не скупившийся на распространение среди меньшевиков демагогические обвинения большевиков в заговорщичестве, в бланкизме и в народничестве, говорил, что национализация вызовет опасность реставрации и что пужны гарантии от реставрации. Разбивая этот довод, Ленин в своем заключительном слове сказал, что абсолютной гарантией от реставрации в России может служить только социалистическая революция на Западе. Что же касается относительной, т. е. внутренней, гарантии от реставрации, то

¹ Ленин. Т. IX, стр. 72.

такой гарантией является доведение буржуазно-демократической революции до конца. Большевистский проект национализации давал в этом отношении наибольшую гарантию.

Ленин высказался также против программы раздела конфискованной земли, изложенной Борисовым. Программа раздела, говорил Ленин, содержала ту ошибку, что не выражала ориентации на будущее, т. е. на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Она могла быть приемлемой для крестьянства и способствовать ликвидации крепостнических остатков в деревне. Однако этим ее положительное значение и ограничивалось.

На съезде прошла меньшевистская резолюция, но с рядом поправок, так что, в конце концов, программа допускала наряду с муниципализацией в известных случаях и раздел и даже частичную национализацию.

Ленин квалифицировал эту аграрную программу как программу, хропящую на все четыре ноги. Ясно было, что жизнь пойдет мимо этой программы, и так оно и произошло.

4

Анализируя большевистскую тактику в революции 1905 года, В. И. Ленин писал о том, что тогда историей была поставлена на очередь дня «...борьба за форму ближайшего пути развития... борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции»¹. Пролетариат и крестьянство были кровно заинтересованы в торжестве первого пути. Буржуазия стремилась ко второму пути, к сделке с царизмом и скорейшему подавлению революции. Большевики показывали рабочему классу и крестьянству путь к победе революции; меньшевики шли на поводу у буржуазии, держали курс на свертывание революции и заняли позицию целиком реформистскую.

Лозунги большевиков о вооруженном восстании, о бойкоте Думы, о захвате земель крестьянскими комитетами, о Советах рабочих депутатов как органах восстания и зародыше революционной власти нашли свое воплощение в период поступательного движения революции 1905 года. Впоследствии Ленин писал по этому поводу, что «...сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на место представительных учреждений полицейски-либерального типа настоящие же учреждения чисто революционного типа, Советы Рабо-

чих Депутатов и т. д. ...Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собою разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой»².

Лишь впоследствии, в 1907 году, выяснилось, что после декабрьского восстания началось отступление революции 1905 года, в период же IV съезда и некоторое время после него еще имелись основания, как уже было сказано, предполагать приближение нового подъема и победы революции.

Важно было, чтобы этот вероятный еще тогда подъем революции рабочий класс и его партия превратили в действительность и встретили бы его во всеоружии. Эту цель и преследовала тактическая платформа большевиков к IV съезду.

Платформа указывала рабочему классу на неправильность перенесения центра тяжести движения на парламентскую борьбу «на квази-конституционной почве», приковывала его внимание к задаче объединения отдельных выступлений, стачек, восстаний, крестьянских и военных бунтов во всероссийское вооруженное восстание; платформа рассеивала конституционные иллюзии, рассчитанные на обман масс и ослабление их боевой готовности.

Противоположную позицию занимали меньшевики. Вся меньшевистская платформа состояла из трусливых педомолвок и намеков. Она не отрицала прямо возможности революционного подъема и в то же время делала выводы против него, но все это в замаскированной и неясной форме, из страха перед судом пролетарских масс.

Ленин и Сталин без всякой пощады разоблачили эти скрытые пружины меньшевистской тактики.

Заслуга IV съезда состояла как раз в том, что он помог разоблачить эту предательскую, оппортунистическую линию меньшевиков перед широкими массами сознательных рабочих.

Оппортунизм меньшевиков ярко обнаружился даже в их отношении к постановке на съезде вопроса об оценке текущего момента. Большевики добивались включения в повестку дня обсуждения вопроса об оценке политического момента и задач рабочего класса. Меньшевистские лидеры яростно противились этому, обнаруживая тем самым свой страх перед принципиальной постановкой вопросов тактики, перед подлинно научным, марксистским обоснованием тактической линии.

Однако даже часть рядовых делегатов-меньшевиков вопреки своим лидерам под-

¹ Ленин. Т. XII, стр. 20.

² Там же.

держала предложение большевиков, и вопрос об оценке текущего момента революции и задачах пролетариата был поставлен на обсуждение съезда.

Все же меньшевики добились того, что резолюции по этому вопросу не было вынесено. Это свидетельствовало о том, что они боялись открыто высказать свое мнение и хотели оставить себе руки свободными для дальнейших, еще более оппортунистических действий.

Ленин в своем «Докладе об объединительном съезде» характеризовал доклад меньшевика Мартынова о текущем моменте следующим образом: «Как и все меньшевики, он пассивно приспособлял нашу тактику к малейшему изгибу в ходе событий, подчинял ее интересам момента, нуждам (или кажущимся нуждам) минуты...»¹.

Немудреный смысл меньшевистской тактики заключался в том, чтобы плестись в хвосте масс, когда те не слушали меньшевиков и шли на борьбу, и первыми бить отбой при неудаче. Та же «линия» обнаружилась и в выступлениях других меньшевистских ораторов: «...дескать, когда Дума, — пойдем за Думой, когда стачки и восстание, — пойдем за стачками и восстанием, а учесть неизбежность той или другой формы движения они не хотят или не могут»².

Это значит, говорил далее Ленин, «...не поднимать пролетариат до роли передового вождя революции, оценивающего ее глубже и шире, осмысливающего свою тактику общими и коренными интересами демократии, а принижать пролетариат до роли пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции»³.

В своем выступлении на Объединительном съезде товарищ Сталин остро и прямо поставил вопрос о сущности разногласий в оценке положения. В своей речи о текущем моменте он сказал: «...если классовые интересы пролетариата ведут к его гегемонии, если пролетариат должен идти не в хвосте, а во главе текущей революции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооруженного восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков. Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия»⁴.

Оппортунизм меньшевиков обнаружился еще ярче при обсуждении вопроса о Государственной думе. По этому вопросу до-

кладчиками выступали от большевиков Ленин, а от меньшевиков Аксельрод.

Так как ко времени съезда выборы в Думу уже почти закончились, то составленные раньше проекты резолюций устарели, и на съезде была создана комиссия для выработки новой резолюции. Комиссия не пришла ни к какому соглашению, и обе части ее — большевистская и меньшевистская — выставили свои самостоятельные проекты.

Меньшевистский докладчик Аксельрод, по выражению Ленина, витал в поднебесье, развивая общие теории парламентаризма, причем целью этого витания было «...оставить в тени конкретную политическую действительность России периода февраля—апреля 1906 г.»⁵ и те острые противоречия между самодержавием и пролетариатом и крестьянством, которые в ней существовали.

Плеханов стоял за соглашение с кадетами. Акимов, наиболее правый и законченный оппортунист, не постеснялся сказать, что кадеты являются партией народной свободы, только более умеренной. Меньшевики не осмелились сказать этого в своей резолюции. Но Владимир Ильич в своем докладе сопоставил большевистскую и меньшевистскую резолюции и разоблачил антипролетарскую сущность последней.

Большевистская резолюция считала правильной проведенную тактику бойкота I Государственной думы. Но в предвидении возможности разгона этой Думы большевистская резолюция заявляла, что вопрос об участии в новой избирательной кампании «...будет решаться российской с.-д.ий в зависимости от конкретных обстоятельств момента»⁶.

Впоследствии в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что поскольку декабрьское восстание было высшей точкой революции 1905 года, за которой последовал отлив революции, было бы правильное участвовать в выборах в I думу. Бойкот I думы поэтому был ошибкой. «...хотя и небольшой, легко поправимой...»⁷.

Ленин, выступая на IV съезде, говорил о том, что социал-демократы «...стоят за использование парламентской борьбы, за участие в ней, но они беспощадно разоблачают «парламентский кретинизм», т.-е. веру в то, что парламентская борьба есть единственная или при всяких условиях главная форма политической борьбы»⁸.

¹ Ленин. Т. IX, стр. 201.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. I, стр. 457.

⁵ Ленин. Т. IX, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 160.

⁷ Ленин. Т. XXV, стр. 153.

⁸ Ленин. Т. IX, стр. 204.

Меньшевики как раз страдали этим парламентарным кретинизмом. Поэтому в своей резолюции они не дали оценки выборов, признавали I думу орудием революции, требовали оказания ей поддержки и считали, что нужно ее сделать центром деятельности социал-демократии. Ленин в своем докладе специально остановился на том, что меньшевистская резолюция затушевывала подлинный характер думы — то обстоятельство, что дума эта была кадетская. Резолюция меньшевиков заявляла, что дума будет искать опоры в широких массах, но она умалчивала о том, что кадеты колебались между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности, что они стремились ослабить и подавить его революционный подъем. Умолчать же об этом было равносильно тому, что сказать народу прямую неправду, ввести в заблуждение пролетариат и весь народ. Так квалифицировал Ленин меньшевистскую резолюцию.

В своей резолюции меньшевики умолчали о том, с какой частью буржуазной демократии должен пролетариат заключать соглашение. Большевики же говорили прямо и ясно: с крестьянской, революционной демократией, нейтрализуя своим соглашением шаткость и непоследовательность кадетов. Дело было в том, что меньшевики не признавали революционной роли крестьянства, считали нужным соглашение с буржуазией, с кадетами.

Махровый оппортунизм меньшевиков выразился, наконец, и в заключительном пункте резолюции — о создании в думе социал-демократической фракции. При том условии, что почти повсеместно социал-демократические организации бойкотировали выборы, а люди, прошедшие в думу и называвшие себя социал-демократами, на деле не были представителями социал-демократических организаций, причем открытый контроль со стороны партии был затруднен общей обстановкой полицейского террора, — создание социал-демократической фракции означало возложение на социал-демократическую партию ответственности за безответственную политику случайных людей. Большевики голосовали против этого и внесли в протокол свое особое мнение.

Съезд принял меньшевистскую резолюцию о думе.

Следующим обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Меньшевистское большинство съезда, вообще не сочувствовавшее постановке этого вопроса, предоставило докладчикам лишь по 15 минут.

Докладчик меньшевиков Череванин, по существу, осуждал декабрьское вооруженное

восстание, перепевал плехановское «не надо было братья за оружие».

Большевистская резолюция, обобщившая опыт московского и других декабрьских вооруженных восстаний, явилась дальнейшим развитием основных положений по тому же вопросу резолюции III съезда и ленинской работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и призывала к организации сил рабочего класса и крестьянства для вооруженного восстания, к широкой пропаганде восстания, к изучению опыта, к изучению, в частности, воспой стороны вопроса, к работе в армии.

Меньшевики, стремясь обойти основную сущность дискуссии, отводили прения в сторону критики большевиков за их мнение «заговорничества» и «преувеличение вопросов техники». Ленин, разоблачая этот маневр, писал: «Фразы о технике и о заговорничестве — это только прикрытие вашего отступления по вопросу о восстании»¹.

В своей резолюции меньшевики побоялись прямо отречься от восстания, но все она была направлена против вооруженного восстания.

5

Остальные вопросы меньшевики старались еще больше скомкать или совсем снять. Резолюция о партизанских выступлениях прошла как придаток к резолюции о вооруженном восстании. Решения по вопросам о профессиональных союзах и об отношении к крестьянскому движению прошли единогласно; соглашение по ним было достигнуто в комиссиях. Большевики настаивали на том, чтобы в резолюции об отношении к крестьянскому движению была дана правильная оценка аграрной политики кадетской партии, а восстание признано единственным средством завоевания победы.

При обсуждении вопросов об объединении с национальными организациями (социал-демократией Польши и Литвы, латышской социал-демократией и Буддом) споры вызвал лишь вопрос о Бунде. Против выработанного с Буддом соглашения, в основу которого были положены принципы единства местных комитетов РСДРП и выборов на съезд на общих основаниях, из фракционных соображений выступили меньшевики. Часть меньшевиков, впрочем, присоединилась к большевикам, и соглашение прошло большинством голосов.

Обсуждение устава партии на съезде прошло быстро. Меньшевики пытались увеличить с половины до двух третей число требующих съезда членов партии, необходимое

¹ Ленин. Т. IX, стр. 215.

для созыва экстренного съезда. Эта погравка была направлена против большевиков. Тогда Ленин заявил, что если меньшевики попытаются умалить права членов партии, неизбежно произойдет раскол. Меньшевики уступили, и было сохранено прежнее положение, утвержденное III съездом партии.

Первый пункт устава — о членстве — меньшевики вынуждены были, чтобы не оттолкнуть от себя рабочих, принять в ленинской редакции. Это была крупная победа большевиков. Правда, чтобы себя вознаградить, меньшевики провалили примечание к § 1, предложенное большевиками, о том, что за каждым членом партии, меняющим место жительства, признается право входить в местную организацию. Это примечание было направлено против фракционных склонок, устраивавшихся меньшевиками. Большинство съезда отклонило это примечание как якобы само собой разумеющееся.

Меньшевики уклонились от обсуждения вопроса об отношении к буржуазным партиям в России. Вместо этого они провели на съезде решение о присоединении к резолюции Амстердамского интернационала о буржуазных партиях. «Это была самая неудачная, способная лишь вызвать насмешки, форма оставления вопроса открытым»¹, — иронически отмечал Ленин.

Вопреки настояниям большевиков, меньшевистское большинство съезда провело решение, восстанавливавшее двоецентризм: ЦК и ЦО были выбраны съездом. Пятерку ЦО меньшевики составили целиком из своих, в ЦК вошло 3 большевика и 6 меньшевиков.

* * *

Положительное значение съезда заключалось в том, что произошла еще более ясная идейная размежка большевиков и меньшевиков. Это было необходимо «...в интересах здорового развития партии, в интересах политического воспитания пролетариата, в

интересах отсекаания от с.-д. партии всяких чрезмерных уклонов от правильного пути»².

Объединение на съезде было лишь формальным.

Большевистские делегаты съезда издали «Обращение к партии», в котором разъясняли половинчатость и неправильность решений съезда по большинству важнейших вопросов.

В своем «Докладе об объединительном съезде» и в других произведениях Ленин со свойственной ему глубиной, полнотой и ясностью рассказал членам партии и рабочим о существе разногласий между большевиками и меньшевиками. Этим вопросам были посвящены также брошюра товарища Сталина «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии», вышедшая в 1906 году, его же «Предисловие к брошюре Каутского «Движущие силы российской революции» и другие работы.

«В местных, формально объединенных организациях, очень часто с отчетами о съезде выступали два докладчика: один — от большевиков, другой — от меньшевиков. В результате обсуждения двух линий, большинство членов организаций становилось в большинстве случаев на сторону большевиков.

Жизнь все больше доказывала правоту большевиков. Меньшевистский ЦК, выбранный IV съездом, все больше обнаруживал свой оппортунизм, свою полную неспособность руководить революционной борьбой масс»³.

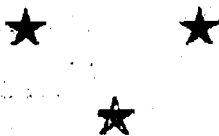
Массы не шли за оппортунистическими лозунгами этого ЦК, большинство партийных организаций выступило против политики меньшевистского ЦК. Большевики нашли выход в борьбе за новый, V съезд, который и состоялся в мае 1907 года. На этом съезде победила большевистская линия Ленина и Сталина.

² Там же, стр. 222.

³ «История ВКП(б)», стр. 83.

¹ Ленин. Т. IX, стр. 220.

ЛИТЕРАТУРА: «История ВКП(б)», стр. 81—83; Ленин. Центральному Комитету. Т. XXVIII, стр. 492—493; Ленин. Письмо Центральному Комитету РСДРП. Т. VIII, стр. 246—247; Ленин. Доклад об объединительном съезде РСДРП. Письмо к петербургским рабочим. Т. IX, стр. 175—226; Там же. Тактическая платформа к объединительному съезду РСДРП. стр. 37—50; Там же. Пересмотр аграрной программы рабочей партии, стр. 51—76; Там же. «Объединительный съезд РСДРП», стр. 148—169; И. Сталин. «Речь на IV объединительном съезде РСДРП». Сборник произведений к изучению истории партии. Т. I, стр. 456 и 457; И. Сталин. Из предисловия к брошюре Каутского «Движущие силы российской революции». Сборник произведений к изучению истории партии. Т. I, стр. 419—422; Л. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Гл. II (особенно стр. 38—58).

Ценный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма*

В вышедшем недавно из печати XIII томе (часть 2-я) сочинений Маркса и Энгельса опубликованы их работы с начала франко-прусской войны (июль 1870 года) до середины 1873 года.

Крупнейшим историческим событием этого периода была Парижская коммуна, которая нанесла первый удар по капитализму и явилась ярчайшим триумфом идей марксизма, идей, под знаменем которых Маркс и Энгельс выковывали международную пролетарскую партию, Первый Интернационал.

Большая часть работ, помещенных в данном томе, является незаменимым источником для изучения истории Интернационала в эти годы; многие из них были написаны Марксом и Энгельсом в качестве официальных документов Интернационала: достаточно указать на воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих по поводу франко-прусской войны; на манифест Генерального совета о гражданской войне во Франции, написанный Марксом по поручению Генсовета в 1872 году; на негласный циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале».

В рецензируемом томе впервые собраны вместе документы, связанные с борьбой Маркса и Энгельса против бакунистов, которые в эти годы особенно широко развернули свою подрывную, дезорганизаторскую деятельность в Интернационале. Некоторые из этих работ публикуются в русском переводе впервые. К числу таких работ относятся, например, брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих».

Большой интерес представляют впервые публикуемые в русском переводе резолюции Гаагского конгресса Первого Интернационала, происходившего в 1872 году (остальные материалы и документы конгресса еще не опубликованы).

Все эти работы Маркса и Энгельса являются яркими образцами борьбы основопо-

ложников коммунизма против оппортунизма и сектанства, за гегемонию марксизма в рабочем движении, за пролетарскую партию.

* * *

Как только началась франко-прусская война, Генеральный совет Интернационала выступил с принадлежащим перу Маркса воззванием от 23 июля 1870 года. Здесь был дан мастерский анализ причин и характера этой войны и было показано, что не рабочий класс, не народы Франции и Германии, а правящие элиты этих стран затеяли войну. Констатируя, что для Германии война являлась на данном этапе оборонительной, так как в результате ее должно было быть завершено воссоединение страны, Генеральный совет одновременно разоблачал антинародную политику прусской воюющей и предупреждал германских рабочих, что если они допустят превращение войны в завоевательную войну против французского народа, «тогда и победа и поражение будут одинаково губительны» (стр. 8). Уже в этом воззвании Маркс предсказывает неизбежность падения Второй империи: «Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — похоронный вопль по Второй империи уже прозвучал в Париже» (стр. 7).

С огромной силой звучит здесь пламенный призыв к интернациональному единению рабочих всех стран, призыв «Манифеста Коммунистической партии».

Тактика Интернационала по отношению к войне 1870—1871 годов являлась образцом подлинно интернационалистской пролетарской тактики, основанной на глубоком анализе расстановки классовых сил. Это была глубоко продуманная, гибкая тактика.

В одном из своих писем Марксу в августе 1870 года Энгельс так сформулировал задачи Интернационала и, в частности, его германской секции в этой войне:

«1) примкнуть к национальному движению... поскольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии...

2) подчеркивать при этом различие между национально-германскими и династически-прусскими интересами;

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XIII. Ч. 2-я. Статьи, корреспонденции, документы Интернационала. 1870—1873. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии—повидимому В[исмарк] хочет присоединить их к Баварии и Бадену;

4) как только в Париже у кормила окажется республиканское, не-шовинистическое правительство, — добиваться почетного мира с ним;

5) постоянно выдвигать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну, а также и не воюют друг с другом;

6) отношение к России остается, как в Адресе Интернационала»¹.

Уже ближайшие месяцы наглядно показали гениальную прозорливость руководителей Интернационала и всю правильность их тактики.

Чрезвычайно интересны публикуемые в томе заметки Энгельса о франко-прусской войне, систематически печатавшиеся в лондонской «Pall Mall Gazette» с начала войны до февраля 1871 года.

Уже задолго до этого Энгельс уделял очень большое внимание изучению военных вопросов. Буквально все крупные военные конфликты 50—60-х годов XIX века нашли блестящее освещение и были предметом глубочайшего анализа в статьях и корреспонденциях Энгельса, являющегося выдающимся теоретиком по военным вопросам.

В томе XIII (часть 2-я) собраны воедино все 40 написанных Энгельсом «Заметок о войне» и 19 статей, также непосредственно относящихся к этой серии, но носящих другие заглавия.

К таким работам относятся, например, корреспонденции от 8 августа 1870 года «Прусские победы», «Кризис войны» от 20 августа, статья «Французские поражения» от 3 сентября, напечатанная на другой день после капитуляции французской армии при Селане, «Расцвет и упадок армий» от 10 сентября, «Как разбить пруссаков» от 17 сентября, «Шансы войны» от 8 декабря, «Прусские партизаны» от 9 декабря, и т. д., и т. д.

Как и «Заметки о войне», эти статьи Энгельса содержат не только блестящие страницы, являющиеся ценнейшим источником для всех изучающих историю франко-прусской войны: в них читатель найдет и ценные материалы по истории французской и германской армий, важные замечания о значении крепостей и о других вопросах военного искусства. Уже первые корреспонденции Энгельса, публиковавшиеся в «Pall Mall Gazette» без его подписи, содержавшие ряд гениальных прогнозов, вызвали в Англии сенсацию. «Если война

продолжится некоторое время, ты будешь скоро признан первым военным авторитетом в Лондоне»²,—писал Маркс своему другу Энгельсу.

Уже в первых своих корреспонденциях Энгельс раскрыл стратегические планы как французского, так и прусского командования и сделал блестящий прогноз о дальнейших перспективах войны. Так, в корреспонденции, опубликованной 29 июля, Энгельс объяснил смысл планов Наполеона III, а в ближайшие дни вслед за тем—планов Мельтке и предугадал неизбежность поражения французской армии:

«Если этот план удастся и немцы вынудят первое большое сражение, французская армия рискует оказаться не только отрезанной от своей ближайшей базы—Меца и Мозеля, но и быть отброшенной на такую позицию, которая позволит немцам очутиться между ней и Парижем» (стр. 20).

Как подлинно пролетарский военный теоретик, Энгельс сочетает марксистское освещение чисто военной стороны событий с глубоким анализом их социальной основы. Энгельс не только предсказывает неизбежность катастрофического поражения французской армии, но и вскрывает внутренние причины, ведущие к этой военной катастрофе и к краху Второй империи.

Еще задолго до падения Наполеона III Бонапарта, вслед за появлением на свет Второй империи, Маркс и Энгельс заклеймили действия этого политического авантюриста, изображавшего себя «патриархальным благодетелем всех классов», на деле же стремившегося «...превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично»³.

В своей корреспонденции от 26 августа 1870 года Энгельс разоблачает безумные планы Наполеона III и его клики. «Это более похоже на акт отчаяния (coup de désespoir), чем на что либо другое»,—пишет он.

«Это план не стратега, а «алжирца», привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет... Вот Вторая империя во всей своей красе. Сохранить видимость, скрыть поражение — вот что требуется больше всего... Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом единственная надежда» (стр. 67—68).

После того как разразилась катастрофа французской армии при Селане и насквозь

² Там же, стр. 371.

³ К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 338. 1940.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 382.

прогнившая Вторая империя пала под натиском парижских рабочих, Маркс и Энгельс со всей отчетливостью указали международному рабочему классу на новые задачи, выдвигаемые перед ним изменившейся обстановкой.

В написанном Марксом втором воззвании Генерального совета о войне (см. стр. 93) подчеркивалось, что теперь война со стороны Германии уже потеряла свой оборонительный характер и превратилась в захватническую, завоевательную войну против французского народа; в воззвании указывалось, что немецкие рабочие должны требовать почетного для Франции мира и признания Французской республики.

Горячо протестуя против плана захвата Эльзаса и Лотарингии Германией, Маркс предостерегает против того, что такой захват бросил бы Францию в объятия царской России и вызвал бы впоследствии ряд новых кровопролитнейших войн. Дальнейший ход всемирной истории целиком подтвердил этот блестящий прогноз Маркса.

В воззвании от 9 сентября разоблачался истинный характер ставшего у власти после падения Второй империи правительства. Уже на основании первых шагов деятельности этого правительства Маркс указывал французским рабочим, что «оно унаследовало от империи не только пруду развалов, но также и ее страх перед рабочим классом» (стр. 99).

Маркс предостерегал рабочих против увлечения «национальными» традициями 1792 года и призывал их ко всемерному укреплению своих пролетарских организаций. Воззвание заканчивалось горячим призывом к активному выступлению рабочих всех стран против продолжения захватнической войны, к деятельной поддержке Французской республики:

«Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей плаги, землевладения и капитала» (стр. 100).

Эти пророческие слова с особенной силой звучат сейчас, когда бушует пожар второй мировой империалистической войны, ежедневно поглощающей все новые тысячи человеческих жертв.

В относящихся ко второму этапу франко-прусской войны корреспонденциях в «Pall Mall Gazette» Энгельс горячо призывает французский народ к развертыванию подлинно народной войны против чужеземных захватчиков.

«...Мы имеем смелость заявить, — писал Энгельс в заметке от 8 декабря 1870 года, — что, если дух сопротивления в народе не ослабнет, позиция французов, даже

после последних поражений, еще очень сильна. Владея морем для подвоза оружия, имея достаточное количество людей, которых можно превратить в солдат, проделав в течение трех месяцев — первых и самых трудных трех месяцев — организационную работу, имея шансы получить еще один месяц, если не два, передышки, притом в такое время, когда пруссаки проявляют уже признаки истощения, — «слагаться при таких условиях было бы явным предательством» (стр. 206—207).

Энгельс придавал большое значение развертывавшемуся во Франции партизанскому движению против иноземных захватчиков. Протестуя против зверских расправ, организованных прусской военициной против французских партизан, Энгельс напомнил о весьма одобрительном отношении прусского правительства к партизанской народной войне, которая велась против наполеоновской армии в Пруссии после разгрома последней в 1806 году, т. е. после тильзитского мира, который был, как указывал Ленин, величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подьему.

Энгельс напоминает о прусском офицере-партизане Шиле, который, руководствуясь патриотическими чувствами, организовал партизанский отряд, действовавший в тылу французов.

Выдающийся прусский генерал и военный теоретик фон Гнейзенау, автор закона о ландштурме, не только очень высоко ценил партизанское движение, но и занялся теоретическим изучением партизанских методов борьбы против чужеземного наполеоновского гнета.

«Если бы он теперь был жив, имея за собой весь опыт Пруссии, — писал Энгельс, — то он, вероятно, во французских партизанах увидел бы если не полное, то приблизительное осуществление своего прекрасного идеала народного сопротивления» (стр. 211—212).

Таким образом, Энгельс настойчиво призывал французский народ к организации активной борьбы против прусских захватчиков, одновременно разоблачая предательскую, антинародную политику правительства национальной обороны.

Когда 28 января 1871 года был подписан акт о капитуляции на тягчайших для Франции условиях, Маркс и Энгельс со всей силой заклеили подлинных виновников этого предательства. В своем письме к Кугельману от 4 февраля Маркс писал, что Трошю, этот «солдафон и идиот», «...считал гораздо более важным держать в подчинении красных в Париже — при помощи своей бретонской лейб-гвардии, — которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы — Луи Бонапарту, чем побеж-

дать пруссаков. Вот в чем настоящий секрет поражений не только в Париже, но и везде во Франции! Повсюду буржуазия — в согласии с большинством местных властей — действовала по этому же самому принципу»¹.

* * *

Когда 18 марта 1871 года парижские рабочие взяли власть в свои руки и впервые в истории человечества начали осуществлять диктатуру пролетариата, Маркс и Энгельс во всеулышание солидаризировались с Парижской коммуной и отзывались о героической борьбе коммунаров с восторгом и восхищением. «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию у этих парижан! После шестимесячного голода и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они встают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает другого примера подобного героизма!»², — писал Маркс в своем письме к Кугельману.

Маркс поддерживал связь с коммунарами, давал им ценнейшие указания, предостерегал их от ошибок. На ряде заседаний Генсовета Маркс и Энгельс выступали с речами о Коммуне. В своем выступлении на заседании Генсовета от 23 мая 1871 года Маркс разоблачил союз Тьера с Бисмарком, заключенный для подавления Коммуны, и заявил, что «...если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения» (стр. 655).

Маркс рассылал сотни писем по всем секциям Интернационала, мобилизуя их для оказания моральной и материальной поддержки коммунарам. Но коммунары, не имея своей пролетарской партии, которая могла бы возглавить их борьбу и предотвратить ряд тяжелых, роковых ошибок, не сумели использовать тех указаний, которые давал им Маркс.

Коммуна была «...первой, славной, героической, но все же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма»³ и нанесла капитализму лишь первый удар.

Когда Парижская коммуна была разбита объединенными силами версальцев и прусской военщины, тогда героический Париж

был подавлен «волками, свиньями и подлыми псами старого общества»⁴, Генеральный совет выступил с написанным Марксом манифестом «Гражданская война во Франции» (см. стр. 293—337).

Через два дня после того, как последние баррикады, на которых сражались героические бойцы Коммуны, были захвачены версальцами, Маркс прочитал на заседании Генерального совета этот замечательный документ, в котором так глубоко оценил великое, всемирноисторическое значение Коммуны.

На основе опыта Коммуны Маркс и Энгельс развили свои идеи о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Задолго до Коммуны, накануне революции 1848 года, Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» во всеулышание заявили о необходимости коммунистической революции, насильственного низвержения буржуазии и превращения пролетариата в господствующий класс. Следовательно, уже в 1848 году основоположники марксизма сформулировали идею диктатуры пролетариата. В 1852 году на основе опыта революции 1848 года Маркс в своей работе «18-е Брюмера Луи Бонапарт», развивая эту идею, делает тот дальнейший вывод, что пролетариат не может просто использовать старую государственную машину, что он должен сломать старый бюрократический военный государственный аппарат. В дни Коммуны в письме к Кугельману от 12 апреля Маркс напоминает об этих выводах и указывает, что как раз в этом и состоит «...попытка наших героических парижских товарищей»⁵.

В своем предисловии к новому немецкому изданию «Коммунистического манифеста», написанном в 1872 году (см. стр. 460), Маркс и Энгельс, подчеркнув, что основные положения его остаются совершенно правильными, указали, однако, что «эта программа теперь местами устарела». «В особенности, — писали они, — Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»» (стр. 461). (Здесь Маркс и Энгельс цитируют слова из «Гражданской войны во Франции».)

На основе опыта Коммуны Маркс и Энгельс показали далее, чем пролетариат должен замесить разбитую государственную машину. Подвергнув в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу этот опыт, Маркс охарактеризовал основные черты пролетарской диктатуры, т. е.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 90.

² Там же, стр. 105.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 203. 10-е изд.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 106.

⁵ Там же, стр. 105.

той политической формы, «при которой может происходить экономическое освобождение труда» (Ленин). Этот гениальный анализ Маркса был блестяще подтвержден опытом Великой пролетарской революции в СССР, продолжившим в иных условиях, в иной обстановке великое дело парижских коммунаров.

* * *

После подавления Коммуны господствующие классы обрушились на Интернационал и его секции градом репрессий и потоками чудовищной клеветы.

«...Против него объединились почти все европейские правительства: Тьер и Горчаков, Бисмарк и Бейст, Виктор-Эммануил и папа, Испания и Бельгия. Интернационал травят со всех сторон: все силы старого мира, суды военные и гражданские, полиция и пресса, помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались бы в ход все орудия, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих», — писал об этом Энгельс в статье «Конгресс в Сонвилле и Интернационал» (стр. 377).

В XIII томе (часть 2-я) впервые собраны вместе и напечатаны в русском переводе многие из тех заявлений, писем в редакции газет, опровержений и других корреспонденций, которые публиковались тогда Марксом и Энгельсом в периодической печати. Все эти документы яркими штрихами рисуют энергичную деятельность, которую развернули вожди рабочего класса в дни черной реакции после подавления Коммуны, показывают их борьбу против наступления буржуазии на Интернационал.

В своем письме к Кугельману от 18 июня 1871 года Маркс писал, что Манифест (Маркс имел в виду «Гражданскую войну во Франции») «...производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветуют и которому более всего грозят... Правительственный орган «Observer» прозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий»¹.

Маркс опубликовал в «Daily News» заявление, что он является автором Манифеста и берет на себя личную ответственность за обвинения, выдвинутые в нем против Жюлья Фавра, министра иностранных дел в правительстве национальной обороны.

Парижская коммуна явилась пробным камнем для выявления подлинного лица многих неустойчивых и чуждых элементов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 126.

Так, правый прудонист Толэн стал открытым предателем, перейдя в версальский лагерь. Специальным постановлением Генерального совета Толэн был исключен из Интернационала (см. стр. 283), так же как разоблаченный в качестве шпиона, состоящего на службе у французской полиции, Г. Дюран (см. стр. 366). Интернационал очищал также свои ряды от таких перебежчиков, как английские тредюнионисты Оджер и Декрафт, которые в унисон с английской буржуазией, поднявшей вой против Манифеста «Гражданская война во Франции», заявили о своем несогласии с этим документом и «подали в отставку»: в июне 1871 года оба они были исключены из Генерального совета. Но особенно большие услуги международной буржуазии в ее борьбе против Интернационала оказала дезорганизаторская работа бакунистов.

В рецензируемом томе опубликован ряд важных документов, шаг за шагом раскрывающих перед читателем основные этапы подрывной деятельности этой секты, принесшей опрометный вред рабочему движению. К таким документам относятся материалы Лондонской конференции, статья Энгельса «Конгресс в Сонвилле и Интернационал», негласный циркуляр Генерального совета «Мнимые расколы в Интернационале», резолюция Гаагского конгресса, брошюра «Альянс социалистической демократии» и др.

Маркс строил международную пролетарскую партию — Первый Интернационал — в непрерывной борьбе против всякого рода сект. «Развитие социалистического сектанства и развитие действительного рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу», — писал Маркс в письме к Ф. Больте. «Секты имеют свое (историческое) оправдание до тех пор, пока рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты стаиваются в сущности реакционными»².

Непрерывная борьба против прудонизма и против лассальянства, проводившаяся в Интернационале и в его секциях под руководством Маркса, привела, к концу 60-х годов, к решающей победе марксизма над этими сектами.

Постановление Базельского конгресса о необходимости обобществления земли нанесло сокрушительный удар по прудонизму, который отстаивал реакционную, мелкобуржуазную «теорию» о необходимости сохранения индивидуальной частной собственности на землю. Непримируемая борьба Маркса и Энгельса против лассальянства, этого

² К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 489.

«королевско-прусского социализма», борьба их за пролетарскую партию в Германии имела своим результатом создание в 1869 году германской социал-демократической партии, которая на первом же своем съезде солидаризировалась с принципами Интернационала.

Однако к этому времени в Интернационале начинают свою дезорганизаторскую работу Бакунин и его сторонники, воскрешавшие самые худшие традиции сектантства.

Бакунинская болтовня о «социальной ликвидации» и «отмене» всякого государства, отрицание диктатуры пролетариата, заявления Бакунина о ненужности политической борьбы для рабочего класса и отрицание пролетарской партии приносили огромный вред рабочему движению; бакунизм являлся выражением не пролетарской, а мелкобуржуазной идеологии и был реакционной сектантской группировкой, тем более опасной, что она прикрывала свои реакционные намерения крикливой «ультрареволюционной» фразеологией.

«Программа Альянса... — писал Маркс, — представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, разукрашенных звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретинизов или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартистских и иных прокуроров» (стр. 418).

Бакунисты, стремясь подчинить себе международную пролетарскую организацию и превратить ее в свое орудие, вели при помощи тайного Альянса, организованного ими внутри Интернационала, гнусную, двурушническую политику.

После подавления Парижской коммуны бакунисты активно включились в развернутую господствующими классами всех стран кампанию травли и клеветы против Интернационала.

На созванной в сентябре 1871 года Лондонской конференции Первого Интернационала был принят ряд важных решений против бакунизма: резолюция о политическом действии рабочего класса, о запрещении местным секциям именоваться сектантскими названиями, о расколе в Лашолефоне, об Альянсе и т. д.; решения эти нанесли сокрушительный удар бакунистским дезорганизаторам. В ряде публикуемых в рецензируемом томе документов и материалов конференции ярко отражена проводившаяся под непосредственным руководством Маркса и Энгельса борьба за вооружение рабочего класса всемирно-историческим опытом Парижской коммуны, за пролетарскую партийность.

Бакунисты встретили решения Лондонской конференции новым походом против

Генерального совета, против Интернационала и его вождя Маркса. В статье Энгельса «Конгресс в Соонвилле и Интернационал» разоблачалась эта подрывная работа бакунистов. В ответ на кампанию лжи и клеветы, развернутую бакунистами на созванном ими 12 ноября 1871 года конгрессе в Соонвилле и после него, Маркс написал брошюру «Мнимые расколы в Интернационале» (см. стр. 391—433).

Содержание этой брошюры было доложено Марксом на заседании Генерального совета 5 марта 1872 года; здесь было единогласно постановлено одобрить этот документ и опубликовать его в качестве негласного циркуляра Генсовета. В этом замечательном произведении шаг за шагом преслежена вся история подрывной работы бакунистов внутри Интернационала и в особенности их поход против Генсовета, развернутый ими после Лондонской конференции 1871 года.

Маркс дает здесь блестящую характеристику исторической роли сект и сектантства в рабочем движении.

«Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения, — пишет Маркс. — Это имеет свое оправдание (*raison d'être*) в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс... Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, начинают ему мешать, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными... В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Для того, чтобы стало возможным основание Интернационала, пролетариату надо было подняться выше этой фазы» (стр. 416—417).

Маркс показал дезорганизаторскую роль бакунистских сектантов, поставивших себе целью разрушить международную пролетарскую партию, и разоблачил сотрудничество ряда бакунистов с полицией:

«Анархия — вот конек их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки». Альянс «провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощное сосредоточение общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией. Международной полиции ничего больше и не требуется для увековечения республики Тьера, прикрытой императорской мантией» (стр. 432).

На происшедшем в сентябре 1872 года конгрессе Интернационала в Гааге Бакунин и ряд его сторонников были исключены из Интернационала.

По поручению Гаагского конгресса специально выделенная им комиссия расследовала деятельность бакунинского Альянса; на основе этих материалов Маркс и Энгельс написали при участии Лафарга брошюру «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих», которая публикуется в рецензируемом томе (стр. 537—649). В брошюре этой вначале приводятся общие данные, раскрывающие преступную роль тайного Альянса в Интернационале, а затем в ряде глав разоблачается подрывная деятельность этой организации в Швейцарии, Испании, Италии и Франции; особенно большой и яркий разоблачительный материал дается здесь о деятельности Альянса в России.

Этот документ представляет настоящий обвинительный акт против Бакунина и его секты:

«Перед нами общество, которое под видом самого крайнего анархизма направляет свои удары не против существующих правительств, а против революционеров, не приемлющих ни его догмы, ни его руководства. Основанное меньшинством некоего буржуазного конгресса, оно втирается в ряды международной организации рабочего класса и сначала пытается захватить руководство ею, а когда этот план не удается, старается ее дезорганизовать. Оно нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества: оно организует внутри открытых секций Интернационала свои маленькие тайные секции, которые повинуются единым директивам и которым поэтому путем заранее согласованных действий довольно часто удается забрать секции Интернационала в свои руки; в своих газетах оно открыто обрушивается на всех, кто отказывается подчиняться его воле; оно провоцирует открытую войну — таковы его собственные слова — в наших рядах» (стр. 539).

Следует особо остановиться на разоблачениях по поводу деятельности бакунистов в России, где они пытались «подменить» собой Интернационал, прикрывая его именем самые гнусные и преступные деяния, вплоть до уголовных преступлений, мошенничества и убийства. Уже в ходе процесса против Нечаева, который выдавал себя в России за «уполномоченного Интернационала», вскрылись многие из этих «подвигов» бакунистов в России.

Члены организованной в Швейцарии в 1870 году русской секции Интернационала (представителем этой секции в Генеральном совете согласился быть Маркс) в своем письме Марксу писали, что они «в ближайшем будущем сорвут с Бакунина маску,

потому что этот человек ведет двойную игру: у него две совершенно отличных одна от другой политики, одна — в России, а другая в Европе»¹.

Эта двойная игра, как и другие изумительные проделки бакунистов в России, была полностью разоблачена в указанной брошюре Маркса и Энгельса:

«Тот самый человек, который в 1870 г. проповедует русским слепое, беспрекословное подчинение приказам, идущим свыше от анонимного и неизвестного комитета; который заявляет, что иезуитская дисциплина есть условие, sine qua non победы, что только одна она может одержать верх над чудовищной централизацией «государства» — не только русского, но и всякого «государства»; который провозглашает коммунизм более авторитарный, чем самый примитивный коммунизм, — этот самый человек в 1871 г. затевает внутри Интернационала раскольническое и дезорганизаторское движение под предлогом борьбы против авторитарности и централизма немецких коммунистов и создания автономных секций и свободной федерации автономных групп, под предлогом превращения Интернационала в то, чем он должен быть, — в прообраз будущего общества. Если бы будущее общество было создано по образцу русской секции Альянса, то оно далеко превзошло бы Парагвай достопочтенных отцов иезуитов, столь дорогих сердцу Бакунина» (стр. 635).

Авторы брошюры предвидели, что разоблачение разрушительной деятельности Альянса, этого смертельного врага Интернационала, вызовет волни и протесты его руководителей и членов.

«Пусть вожаки Альянса кричат о предательстве, — писали Маркс и Энгельс. — Мы предаем их презрению рабочих и благосклонности правительств, которым они оказали неопенимую услугу, дезорганизуя рабочее движение. Цюрихская «Tagwacht» в ответе Бакунину имела полное право заявить: «Если Вы не являетесь платным агентом, то во всяком случае ясно одно, что никакой платный агент не смог бы причинить больше вреда, чем причинили Вы» (стр. 540).

В своем письме к Зорге от 26 июля 1873 года Энгельс сообщает о выходе в ближайшие дни из печати этой брошюры:

«Эта штука подействует на автономистов, как бомба, и если кого убьет, то в первую голову Бакунина... Мы разошлем ее во все органы прессы. Ты сам удивишься

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 367.

гнуностям, которые там разоблачены, да- же члены комиссии были изумлены»¹.

Энгельс оказался прав, правильно пред- угадывая то действие, которое окажет на бакунистов разоблачение их с неопровер- жимыми фактами в руках. После появле- ния брошюры «Альянс» Бакунину ниче- го не осталось, как опубликовать (в «Journal de Geneve») заявление о своем уходе «с поля сражения». Это заявление Бакуни- на Энгельс квалифицировал как «заявле- ние о политической смерти» Бакунина.

Ряд документов и материалов, публикуе- мых в данном томе, освещает причины, вызвавшие прекращение существования Первого Интернационала.

К этому времени Интернационал достиг апогея своего развития. Благодаря неустан- ной борьбе Маркса и Энгельса против вся- кого рода сект марксизм одержал победу в международном рабочем движении. Завоевав себе опромнейший авторитет в рабочем классе, внушая страх буржуазии всех стран, Интернационал выдвинулся «на авансцену европейской истории».

После Парижской коммуны, означавшей огромный моральный успех Интернациона- ла, и после завершения воссоединения на- циональных государств в основных странах Европы начался новый этап в развитии международного рабочего движения. Перед ним выдвигалась важнейшая историческая задача — задача организации пролетар- ских партий в каждой стране, в националь- ных рамках, чтобы затем на этой новой основе могло быть воссоздано международ- ное объединение пролетариата.

Первый Интернационал переживал в эти годы, как писал Маркс весной 1872 года, «кризис, какого он не испытывал с самого своего основания...» (стр. 391).

В своем письме к Бебелю 20 июня 1873 года Энгельс так характеризовал этот кризис:

«Возьмите, к примеру, Интернационал. После Коммуны он имел опромный успех.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 350.

Перепуганные на смерть буржуа считали его всемогущим... К Интернационалу при- сасывалась всякая шваль. Находившиеся в нем сектанты обнаглели, злоупотребляли своей принадлежностью к Интернационалу и надеялись, что им будут дозволены вели- чайшие глупости и низости. Мы этого не потерпели. Прекрасно зная, что пузырь когда-нибудь должен лопнуть, мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и нефальсифи- цированным»².

На Гаагском конгрессе Интернационала было вынесено решение о перенесении Ге- нерального совета из Лондона в Нью-Йорк. Враги рабочего класса, сектанты и скло- ники, распространяли клеветнические из- мышления, что это означает якобы уход Маркса из Интернационала. 12 сентября 1872 года Маркс в своем опровержении, опубликованном в газете «Corzaige», писал: «Пользуюсь случаем, чтобы дать знать на- шим друзьям и врагам, что я никогда не помышлял об уходе из Интернационала и что перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк было предложено мною и не- сколькими другими членами прежнего Ге- нерального Совета» (стр. 503).

На организованном по окончании Гааг- ского конгресса митинге в Амстердаме Маркс в своей речи заявил: «Нет, я не ухожу из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убе- ждены, рано или поздно приведут к господ- ству пролетариата во всем мире» (стр. 670).

* * *

Опубликование ИМЭЛ 2-й части XIII то- ма сочинений Маркса и Энгельса является крупным событием для советской истори- ческой науки; книга эта представляет огромный интерес для нашей советской ин- теллигенции, для широких слоев советских читателей.

Е. РУБИНШТЕЙН

² К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 494.

О формировании промышленного пролетариата в России*

Историкам и экономистам, изучающим проблемы истории СССР XIX—XX веков, постоянно приходится оперировать фактическими данными о численности рабочего класса, его составе, распределении отдельных групп рабочих по отраслям промышленности и т. д. Еще

более необходимы такого рода сведения при исследовании вопросов, относящихся непосредственно к истории рабочего класса России. Все эти данные и стремился детально разработать в своей книге А. Г. Рашин.

Особенно большое значение приобретают вопросы истории рабочего класса в настоящий момент, в свете исторических решений недавно закончившейся XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). В нашей стране, в условиях расширенного социалистического воспроизводства, численность рабочего класса непрерывно увеличивается. По данным, которые приводил в своем докладе на конференции тов. Н. А. Вознесенский, в 1940 году в народном хозяйстве СССР насчитывалось 30,4 миллиона рабочих и служащих. План 1941 года предусматривает дальнейшее увеличение этой цифры до 31,6 миллиона. Вопросы количественного и качественного формирования рабочего класса СССР, создания и планомерного распределения трудовых резервов заняли видное место в работе конференции.

В этой связи изучение исторического прошлого рабочего класса нашей страны приобретает весьма важное значение. Непосредственной, вытекающей из решений XVIII конференции ВКП(б) задачей, стоящей перед историко-экономической наукой, является особенно детальное и глубокое изучение истории рабочего класса нашей страны в советский период: рассмотрение процессов формирования его на различных этапах развития социалистического государства, поучительное сопоставление прошлого с настоящим.

Дореволюционная буржуазная историческая наука не занималась исследованием

истории рабочего класса. Главными действующими силами истории для нее были цари, министры, придворные и полководцы. Борясь против учения Маркса, русские буржуазные историки стремились всячески затухивать историческую роль русского пролетариата.

Ленин еще в 1894 году в работе «Что такое «друзья народа» сформулировал историческую роль русского рабочего, пророчески предсказав, что он, «...поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»¹.

В своих работах, особенно в гениальном произведении «Развитие капитализма в России», Владимир Ильич Ленин подвергает марксистскому анализу собранный им богатейший материал по истории формирования рабочего класса в России. Советские историки посвятили разработке этой исключительно важной темы ряд своих работ, но до сих пор сделано в этой области еще очень немного. Исследователи истории рабочего класса постоянно сталкиваются с разбросанностью и неразработанностью источников, а иногда и с их отсутствием. Возьмем, например, казалось бы, такой простой вопрос, как численность промышленного пролетариата в различные периоды капиталистического развития России. Получить ответ на этот вопрос, пользуясь дореволюционными статистическими изданиями, не так-то просто.

Наиболее подробные статистические данные имеются по предприятиям, подчиненным контролю фабрично-заводской инспекции. Однако этот материал далеко не охватывает всю промышленность.

Промышленность горная и горнозаводская, например, не подлежала контролю фабрично-заводской инспекции. О рабочем составе этих предприятий в капиталистическую эпоху мы узнаем из трудов предпринимательских организаций, некоторых изданий министерства промышленности и торговли и министерства финансов. Но сведения, почерпнутые из этих источников, являются несистематизированными, не исчерпывающими, а иногда и искажающими действительное положение вещей.

Почти совершенно отсутствуют данные

* А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки. Соцэкгиз. 1940. 463 стр. 10.000 экз. 10 р. 75 к.

¹ В. И. Ленин. Т. I, стр. 194.

о строительных рабочих, рабочем составе коммунальных предприятий и т. д.

Заслугой тов. Рашина является то, что он в своей книге сделал попытку свести воедино разрозненные, разбросанные по различным источникам фактические данные о промышленном пролетариате России на различных исторических этапах его существования.

Книга Рашина состоит из пяти отделов. В первом из них автор дает характеристику процессов формирования промышленных рабочих в крепостную эпоху. Здесь охватывается почти столетний период, предшествовавший отмене крепостного права (с 1770 по 1861 год).

Этот отдел написан на основании различных архивных материалов, хранящихся в Главном архиве Феодально-крепостнической эпохи, отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли, специальной журнальной и монографической литературы.

Автор в вводной части к этому отделу специально останавливается на мотивах, заставивших его начать свою работу не с промышленного капитализма, а с крепостной эпохи. По подсчетам автора, к 1861 году в России насчитывалось уже 800 тысяч промышленных рабочих, из них свыше половины вольнонаемных. Таким образом, уже крепостная эпоха подготовила кадры квалифицированных рабочих для капиталистической фабрики.

Обобщая использованные материалы, автор приводит интересные сводные данные о характере рабочего состава мануфактур в это время.

В первой главе первого отдела мы прежде всего находим подробные статистические данные, характеризующие изменение численности и состава рабочих с 1770 по 1860 год по губерниям и отдельным отраслям промышленности. Отдельно приводятся цифровые данные о применении женского и детского труда в обрабатывающей и горнозаводской промышленности в крепостную эпоху (стр. 49—54).

Особенно ценны приводимые автором в этом отделе сведения о вольнонаемных рабочих. Из таблицы на стр. 83 мы узнаем, что удельный вес вольнонаемных рабочих в 1825 году был неодинаковым в различных отраслях промышленности. На хлопчатобумажных фабриках было 94,7% вольнонаемных, а на суконных—лишь 18,4%. Автор приводит данные, показывающие, что в 1-й половине XIX века вольнонаемные рабочие формировались не только из числа оброчных крестьян, уходивших на заработки на купеческую мануфактуру, но и среди свободного населения—различных прослоек городской бедноты.

Б сожалению, автору не удалось установить количества этой категории лично свободных вольнонаемных рабочих. По всей видимости, таких рабочих насчитывалось немного.

Второй отдел, посвященный динамике численности рабочих в капиталистической промышленности России, занимает центральное место в книге А. Г. Рашина.

Здесь автор приводит данные, относящиеся к численности и составу рабочего класса в различные периоды экономической истории России с 1861 по 1917 год. Ценность этого отдела заключается главным образом в том, что здесь даны сводные количественные показатели.

Всего к 1913 году в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности работало 2929,8 тысячи человек (стр. 154). Эта цифра не является, однако, исчерпывающей. Сюда не входят рабочие, работавшие на предприятиях с количеством рабочих до 16 человек, не подчиненных контролю фабрично-заводской инспекции. Однако учесть эту наиболее разпыленную часть рабочих, работавших на мелких и мельчайших предприятиях и в мастерских, при почти полном отсутствии источников по этому вопросу—задача в настоящее время едва ли разрешимая.

Зато автор специально останавливается на вопросе о численности строительных рабочих. Исходя из указания Ленина о роли и месте строительного пролетариата в капиталистической России, данного им в «Развитии капитализма в России», Рашин специально занялся исследованием этого вопроса. Им была использована анкета Главного управления землеустройства и земледелия, проведенная в 1911 году, из которой видно, что в это время в России насчитывалось около 800 тысяч строительных рабочих и свыше 1700 тысяч чернорабочих (стр. 168).

Последняя группа включала в себя весьма разнообразные прослойки рабочих, используемых на дорожных, строительных и всяких иных работах.

Глава V второго отдела работы Рашина посвящена характеристике процессов концентрации пролетариата. Вопрос этот является весьма важным для историко-экономической науки.

Из таблицы на стр. 174 видно, что процесс концентрации производства в парской России протекал особенно быстро в эпоху империализма. На предприятиях-гигантах (свыше тысячи человек рабочих) в 1901 году работало 32% всех рабочих России, а в 1913 году—40%.

Эта таблица составлена А. Г. Рашиным на основании сводов отчетов фабричных инспекторов и относится к предприятиям, подчиненным надзору фабрично-заводской

инспекции. Что касается предприятий горной промышленности, то здесь автор, к сожалению, не имел возможности дать обобщающую картину процессов концентрации и лишь привел две таблицы из работы акад. С. Г. Струмилина «Черная металлургия в России и в СССР», в которых приводятся данные о среднем количестве рабочих на одну шахту в каменно-угольной промышленности и выплавке чугуна на один завод в металлургии с 80-х годов XIX века по 1910 год (стр. 176—177).

В главе VI автор показывает место женского и детского труда в капиталистической промышленности России. Используя различные статистические источники и ведомственные материалы, он показывает рост применения женского труда в капиталистической России. По подсчетам автора, в 1897 году женский труд составлял 15% по отношению ко всему рабочему составу (стр. 187), а в 1913 году— 26,7% (стр. 200). Одновременно автор показывает место женского труда в различных отраслях промышленности царской России, а также в отдельных промышленных районах.

В этой же главе автор приводит многочисленные данные о труде детей и подростков в капиталистической России (стр. 203—223).

Глава VII рассматривает процессы, получившие до сих пор весьма слабое отражение в историко-экономической литературе. Здесь освещаются изменения в численности и составе промышленных рабочих в годы империалистической войны.

Эта глава написана на основании статистических сборников ЦСУ и различных статистических справочников, отчетов и бюллетеней.

Из многочисленных таблиц, приведенных автором в этой главе, можно вывести следующие основные показатели.

В целом численность рабочих на 1 января 1917 года на предприятиях, подчиненных контролю фабрично-заводской инспекции, увеличилась по сравнению с 1 января 1914 года на 6,5% (стр. 241).

Гораздо сильнее увеличилась численность рабочих на предприятиях горной и горнозаводской промышленности в годы войны. Так, в каменноугольной промышленности количество рабочих увеличилось на 74% по отношению к 1913 году (стр. 255), в металлургии — на 69% (стр. 257).

Особенно сильно выросло количество рабочих в машиностроительной промышленности, загруженной выполнением заказов на оборону. В 1917 году здесь работало на 111% больше рабочих чем в 1913 году (стр. 251).

Наибольший интерес вызывают таблицы и цифровые показатели об изменении состава рабочего класса в годы империалистической войны. Империалистическая война вызвала резкое увеличение применения женского и детского труда в промышленности. На предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, количество женщин-работниц увеличилось за годы войны на 38%, а подростков и малолетних — на 41% (стр. 243). Общее количество рабочих в этой группе предприятий увеличилось лишь на 6,5%. Таким образом, в годы войны труд кадровых рабочих заменялся впервые приходившими на производство женщинами и детьми.

В третьем отделе книги автор приводит данные о формировании промышленного пролетариата за счет разорявшегося сельского населения.

Исходя из ленинских указаний об основных направлениях отхода разоряющегося крестьянского населения в промышленные центры, А. Г. Рашин дает богатый фактический материал, показывающий направление и численность миграционных потоков в различные годы.

Автор приводит также исчерпывающие данные, свидетельствующие, что рабочий состав в губерниях центрально-промышленного района комплектовался главным образом из среды местного населения, в то время как тяжелая промышленность юга, а также металлопромышленность Петербурга комплектовала свой рабочий состав главным образом за счет пришлого населения (стр. 326).

Главы XII и XIII А. Г. Рашина посвящают данным о производственном стаже промышленных рабочих и преимущественности фабрично-заводского труда. Мы узнаем, что среди петербургских металлистов в 1908 году было около 60% рабочих со стажем до 5 лет. Остальные рабочие имели производственный стаж свыше 5 лет (стр. 375).

Среди текстильщиков в 1881 году насчитывалось около 62% рабочих со стажем выше 6 лет (стр. 369).

В работе А. Г. Рашина содержится огромное количество суммарных фактических данных по различным вопросам истории промышленного пролетариата. В этом главным образом заключается ценность выпущенной книги. Однако приходится отметить в ней серьезные недочеты.

Автор в ряде случаев использовал источники без надлежащего отбора. Рядом с солидными статистическими изданиями Рашин цитирует материалы сомнительного качества, полностью принимая на веру, без всякой проверки, изложенные в них фактические данные.

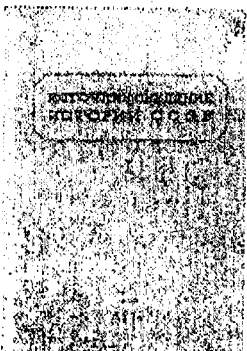
Так например на стр. 43 своей книги автор, останавливаясь на вопросе о росте уральской горнозаводской промышленности, использует без всякой проверки в числе солидных источников и монографий таблицу, приведенную в не представляющей особой ценности статье Колупанова, помещенной в № 9 журнала «Беседа» за 1871 год. К тому же Колупанов останавливается лишь на возникновении частных горных заводов на Урале, в то время как А. Г. Рашин излагает вопрос о росте горнозаводской промышленности в целом. Если ему потребовалось привести данные о времени основания уральских заводов, то гораздо правильнее было использовать известную ему солидную монографию проф. Любомирова¹. В главах III—IV этой книги помещены подробные сведения о каждом из уральских горных заводов в 1-й половине XVIII века.

Автор не использовал для II и III отделов своей книги такой солидный и в известной степени всеобъемлющий источник, как издававшийся с 1912 года Советом съездов промышленности и торговли «Статистический ежегодник» под редакцией Шараго. В этом издании приводится ряд тех сводных показателей, которые стремился установить в своей книге Рашин.

Так, в этом «Ежегоднике» за 1914 год выведены сводные данные о количестве рабочих в промышленности по предприятиям, подчиненным контролю фабрично-заводской инспекции, и по предприятиям горной и горнозаводской промышленности, многочисленные сводные данные о численности рабочих по отдельным отраслям

¹ «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России». Л. 1937.

М. Н. ТИХОМИРОВ. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Курс источниковедения истории СССР. Т. I. Редактор Ю. В. Готье. М. 1940. 256 стр.

Совершенно прав М. Н. Тихомиров в своем утверждении, что «источниковедение истории как научная дисциплина в дворянской и буржуазной историографии находилось в начальной стадии развития» и что «задача создания учебника источниковедения впервые поставлена в СССР и настоящий учебник является первым опытом ее решения». Учебник ставит

промышленности на ряд лет и т. д. «Ежегодник» Шараго по полноте приводимых сводных данных заслуживает большего внимания чем многие из источников, использованных А. Г. Рашиным. К тому же в этом издании приведены некоторые, правда ориентировочные, данные о количестве рабочих, работавших на казенных заводах. Этот вопрос А. Г. Рашин в своей книге обошел молчанием.

Таблица, которую приводит автор на стр. 257 своей книги, почему-то указывает только на заводских рабочих, которые были заняты в металлургии в 1913—1917 годах. Между тем в источнике, которым пользовался Рашин, есть сведения и о так называемых внезаводских рабочих, которые были заняты на различных подсобных работах. Таких рабочих к 1917 году насчитывалось 78 тысяч. Эта довольно значительная категория рабочих по непонятным причинам не учтена автором рецензируемого труда.

Слабым местом книги является ее теоретическая, обобщающая часть. Проведя большую исследовательскую работу, собрав и систематизировав огромный статистический и фактический материал, автор, к сожалению, нередко избегает высказывать свое суждение об этом материале, не анализирует, не комментирует, не обобщает его, а заменяет собственные выводы всевозможными цитатами, выражающими точку зрения авторов самых различных направлений.

Однако и в этом виде книга, несомненно, является ценным пособием для историков и экономистов, изучающих положение промышленности и рабочего класса в России в XVIII—XX веках.

А. ПОГРЕБИНСКИЙ

целью «дать обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР и их основных видов», но, разумеется, нельзя требовать от учебника, чтобы он давал «исчерпывающий охват всех известных письменных источников по истории СССР... их исчерпывающий обзор и критику». Естественно, что М. Н. Тихомиров должен был при отборе источников сосредоточить свое внимание «на разборе наиболее существенных источников», но вместе с тем «наряду с ними отметить и некоторые другие, подчас ограничиваясь, по условиям объема книги, краткой фактической справкой».

М. Н. Тихомиров, следуя указаниям товарищей Сталина, Жданова и Кирова на необходимость изучения истории не только русского народа, но и всех народов СССР.

попытался впервые дать обзор основных источников истории отдельных народов, ныне входящих в СССР, полагая, и притом вполне справедливо, что «источниковедение истории отдельных народов СССР может быть написано только специалистами по истории соответствующих народов, знающими их языки».

На знании источников основывается марксистско-ленинское построение истории СССР. Только знание источников позволяет советским историкам разоблачить антимарксистские и антиленинские взгляды «школы Покровского». Анализ работ Покровского и его школы показал, что «одним из вреднейших приемов, к которым прибегала так называемая «историческая школа Покровского», было заимствование исторических сведений не из источников, а, главным образом, из книг буржуазных историков... Вследствие этого, в частности в трудах М. Н. Покровского и его «школы», имеется громадное количество ошибок, искажающих историю СССР». Все эти суждения автора «Источниковедения» следует признать совершенно правильными.

Студенты наших исторических факультетов должны быть знакомы с основными источниками по истории СССР, и рассматриваемый нами «Курс источниковедения» станет для них основным пособием. Вместе с этим самое преподавание источниковедения на исторических факультетах будет поставлено на надлежащую научную и теоретическую высоту.

Буржуазная историография обычно распределяла источники по их видам, не связывая их с определенным периодом истории русского народа. Источники по истории отдельных народов обычно ею игнорировались. М. Н. Тихомиров полностью отказался от буржуазной схемы распределения источников по истории СССР по их видам и принял в основном ту периодизацию, которая в настоящее время принята для истории СССР. Знакомясь с историей СССР в тот или другой ее период, студент-историк или советский читатель будет иметь возможность одновременно познакомиться с основными источниками, относящимися к этому периоду.

После первого раздела — введения, — в котором автор знакомит читателя с основными видами источников, он переходит к обзору письменных источников по истории СССР, распределяя их по следующим разделам:

«Источники по древнейшей истории СССР» с подразделением на: 1) Древнейшие источники; 2) Византийские, западноевропейские и восточные источники по истории СССР в VI — XII веках нашей эры.

Источники по истории Киевской Руси составляют особый раздел, в который вошли: 1) Летописи; 2) «Русская Правда» и древнейшие грамоты; 3) Источники по истории Киевской Руси литературного характера.

В следующем разделе — «Источники по истории периода феодальной раздробленности XIII — XV веков» — рассматриваются:

1) Источники по истории Средней Азии, Кавказа и русских земель в период монгольского владычества; 2) Источники по истории северо-восточной Руси XIII — XV веков и 3) Источники по истории Украины, Белоруссии и Прибалтики в XIII — XV веках.

В разделе «Источники по истории Русского государства, Украины и Белоруссии в XVI — XVII веках» разбираются:

1) Русские летописи и хронографы XVI — XVII веков; 2) Русские источники литературно-политического характера; 3) Русские законодательные и юридические памятники; 4) Русские акты и материалы; 5) Источники по истории Белоруссии и Украины в XVI — XVII веках; 6) Описание путешествий в Восточную Европу и Азию (так называемые «сказания иностранцев») в XV — XVII веках.

Далее, в разделе «Источники по истории России в XVIII веке», автором рассмотрены: 1) Актовые материалы; 2) Географические описания, картография и печатные источники по социально-экономической истории России в XVIII веке; 3) Мемуарная литература в XVIII веке; 4) Сочинения иностранцев о России в XVIII веке; 5) Политические сочинения XVIII века.

Наконец, последний раздел посвящен «Источникам по истории Крыма, Кавказа и Средней Азии в XVI — XVIII веках».

Такова схема распределения источниковедческого материала по истории СССР, принятая в Курсе. В основном она правильна, но желательно было бы выделить петровский период в отдельную главу. Кроме того по разделу шестому — «Источники по истории России в XVIII веке» — следовало бы дать заголовок «Источники по истории дворянской монархии в XVIII веке», с выделением особого параграфа «Источники по истории дворянской монархии при Екатерине II». По существу, М. Н. Тихомиров частично так и поступает, так как источники истории русского народа в XVIII веке, в отделе мемуаров, сочинений иностранцев и политических сочинений, разделены им на две группы. Одна из них относится к первой, другая — ко второй половине XVIII века.

Такая схема распределения источниковедческого материала, нам кажется, полностью отвечала бы принятой в настоящее время периодизации истории СССР. В та-

вом случае «Источники по истории Крыма, Кавказа и Средней Азии в XVI—XVIII веках» придется разделить по периодам истории СССР и ввести в соответствующие разделы. Тогда и они будут более увязаны с историей русского народа в соответствующий ее период. Думаем, что во втором издании для автора не составит большого труда произвести новое распределение источниковедческого материала. Кроме того необходимо ввести новый отдел — «Источники по истории Литвы», которые на известном этапе исторического развития великого княжества Литовского частично совпадают с источниками по истории Белоруссии и Украины.

Далее, из раздела «Источники по древнейшей истории СССР» и отдела «Западно-европейские источники» хроникку Титмара Мерзебургского надо перенести в раздел источников по истории Киевского государства. Равным образом к истории Киевской Руси следовало бы отнести «Деяния Гамбургской церкви» Адама Бременского и «Хроникку славян» Гельмольда. В таком случае в разделе «Источники по истории Киевской Руси» придется ввести отдельный параграф — «Западноевропейские источники IX—XII веков и отнести их к разделу источников по истории Киевской Руси. Тогда в одном разделе будут представлены все основные источники по истории Киевской Руси.

М. Н. Тихомиров относит «Смоленскую Правду» 1229 года к источникам северо-восточной Руси. Едва ли это будет правильно: «Смоленская Правда» имела также отношение к Полоцку и Витебску, с которыми Смоленск экономически был тесно связан. После завоевания татаро-монголами северо-восточной Руси «Смоленская Правда» не раз возобновлялась. В то же время Смоленск еще более связывался с западновинским бассейном. Нормы права в «Смоленской Правде» свидетельствуют о распространении юридических норм «Русской Правды» в Западной Руси — будущей Белоруссии. Юрия Кржжанича, писателя второй половины XVII века, хорвата родом, отправленного в ссылку в Сибирь царем Алексеем, едва ли следует относить к русским писателям. Это, разумеется, иностранец, правда несколько иного характера, чем прочие иностранцы, бывавшие в Московском государстве в XVII веке. Его «Политичны думы» — трактат большой ценности, но все же это наблюдения иностранца — хорвата, а не русского человека, хотя бы он относился со вниманием и любовью к русскому народу. Равным образом Михалона Литвина, Лясоту, Боплана надо отнести к отделу

«Источники по истории Белоруссии и Украины в XVI—XVII веках», а не вводить их в отдел «Сочинения, относящиеся к истории Крыма, Украины и Белоруссии», если только М. Н. Тихомиров желает познакомить читателя с источниками по их видам в связи с тем или иным периодом истории СССР.

Среди источников по истории России в XVIII веке совершенно отсутствуют источники по истории Белоруссии и Правобережной Украины в XVIII веке. Ведь восточная Белоруссия с 1773 года была присоединена к России, а остальная часть ее вместе с Литвой отошла к России по двум разделам Речи Посполитой. Следовало бы указать на Полное собрание законов, в котором собран богатейший материал для изучения политики царизма по отношению к Белоруссии, а также и на ряд относящихся к этой эпохе воспоминаний современников. Нельзя не упомянуть об источниках крестьянского движения 1768 года, хотя бы о «Коденской книге» и о люстрациях староств Правобережья во второй половине XVIII века. Нельзя также пройти мимо «Журнала реляций» генерала Кречетникова, бумаг князя Репнина и ряда других документов, относящихся к истории Украины и Белоруссии в XVIII веке, а также и к разделам Речи Посполитой.

Совершенно выпали из поля зрения М. Н. Тихомирова документы по истории внешней политики XVI—XVIII веков, игнорировать которые не следует. Необходимо отметить документы об отношениях Московского государства и великого княжества Литовского в конце XV и первой четверти XVI века, документы по истории Ливонской войны, документы об отношениях Польши и Московского государства при царях Федоре и Борисе Годунове, при Лжедмитрии I и царе Василии Шуйском и т. д. Нет указаний на акты разделов Речи Посполитой. Следовало бы особо отметить дипломатические документы, характеризующие политику царизма по отношению к французской буржуазной революции и его борьбу с восстанием Т. Костюшко. М. Н. Тихомиров только частично касается дипломатических документов (стр. 232). Было бы неплохо восполнить эти пробелы во втором издании.

Конечно, М. Н. Тихомиров при отборе основных источников мог себя ограничить, но история дипломатии и феодальных войн — это исторические явления перво-степенной важности, и было бы полезно, если бы М. Н. Тихомиров занялся всесторонним анализом источников по этим вопросам.

Несколько замечаний об источниках, относящихся к Крестьянской войне и интервенции начала XVII века. М. Н. Тихоми-

ров ограничивается анализом только так называемых повестей и сказаний о Смутном времени и не упоминает о документах, относящихся к социально-политической истории времени Крестьянской войны и интервенции начала XVII века. Между тем опубликованы акты времени Лжедмитрия, царствования Василия Шуйского, акты подмосковных ополчений и пожалования короля Сигизмунда III и Владислава. Надо было бы отметить приговор земского ополчения 30 июня 1611 года, февральский и августовский договоры 1611 года с поляками, источники о восстании Болотникова, а также упомянуть в этом параграфе о польской и вообще иностранной мемуарной литературе, связанной с иностранной интервенцией, а не относить в главу «Описание путешествий в Восточную Европу и Азию XV—XVII веков» параграф «Сочинения XVII века». Равным образом было бы целесообразно выделить источники по истории восстания Степана Разина, башкирских восстаний и восстания Емельяна Пугачева в отдельные параграфы.

Рекомендуемое нами несколько иное расположение материала поможет читателю более глубоко ориентироваться в источниках по тому или иному периоду истории СССР.

В каждой главе Курса приложена литература вопроса, в которой указано полное заглавие того или иного источника. Это очень ценно. Вместе с тем я бы предпочел, как это делает иногда сам автор, помещать заглавие источника в самом тексте. Кстати отметим, что сочинение Юрия Крижанича ошибочно названо «Политикой», тогда как сам Крижанич называл его «Политическими думами».

Иногда М. Н. Тихомиров указывает на какого-нибудь автора-мемуариста, а заглавие сочинения не приводит ни в тексте, ни в литературе, например сочинение Рюльера (стр. 230), мемуары М. Огинского, Яна Охотского, Яна Килинского. Следовало бы отметить также, какие мемуары не переведены на русский язык. Между прочим, пропущены мемуары Станислава Понятовского, бывшего короля Речи Посполитой.

Таковы наши замечания относительно распределения в Курсе источников по истории СССР до конца XVIII века. Отмеченные нами незначительные пробелы легко могут быть восполнены.

Курс источниковедения содержит в себе богатейший материал. Автор, знакомя читателя с источником, кратко передает его основное содержание, опуская подробности.

Анализ источников сопровождается их критикой, но с отдельными замечаниями М. Н. Тихомирова можно и не согласиться.

Так например М. Н. Тихомиров преувеличил источниковедческое значение хроник Титмара Мерзебургского. В Киеве Титмар Мерзебургский никогда не был, и все его сообщения о Киевском государстве написаны со слов других. В них многое извращено, многое передано неверно. Сам Титмар полон ненависти к славянам — полякам и русским. С величайшей осторожностью следует относиться к его замечаниям (стр. 25). Это был такой же вопиющий монах, как архиепископ-миссионер Бруно (стр. 25). Остается невыясненным, какое имеют отношение к восточному славянству Адам Бременский и Гельмольд (стр. 26).

Очень хорош отдел о «Начальной Летописи» и «Русской Правде», в котором наблюдения М. Н. Тихомирова над «Начальной Летописью» и «Русской Правдой» являются итогом его самостоятельной исследовательской работы. В отделе «Русская Правда» даны выводы большой докторской диссертации М. Н. Тихомирова, ныне печатающейся. Автор не без основания полагает, что «Краткая Правда» возникла в церковных кругах, близких к Всеволоду Мстиславичу, внуку Мономаха, в Новгороде в первой половине XII века (до 1136 года) (стр. 63).

Совершенно прав М. Н. Тихомиров в своем утверждении, что «грамоты XIV—XV веков дают обильный материал по экономической истории северовосточной Руси», но следовало бы добавить, что они важны для изучения как организации феодального хозяйства, так и степени развития феодальной эксплуатации в XIV—XV веках.

Очень обстоятельно переданы происхождение и содержание «Псковской Судной Грамоты» (стр. 119), но мало было бы подчеркнуть, что это памятник местного феодального права. Кроме того следовало бы отметить подробную разработку в «Псковской Судной Грамоте» институтов гражданского права, как следствие развития феодальных отношений, феодального землевладения и товарности в народнохозяйственной жизни.

Перечисляя источники по истории Белоруссии и Украины, М. Н. Тихомиров коснулся польских исторических хроник начиная с Длugoша и Стрыйковского и кончая Мартином Галлом и Каллубеком (стр. 125). Хронологически надо было бы начать с Галла, Каллубека, Длugoша и окончить Стрыйковским. Я думаю, что Каллубек много ценнее Галла. Собственно, хроника Мартина Галла не имеет никакой научной ценности как источник. Она написана по образцу Эйнгардта «Жизнь Карла Великого», и черты Карла Великого перевесены автором хроники на Болеслава

Кривоустого, польского короля. Известия Галла о Руси кратки и тенденциозны, к тому же в истории Белоруссии и Украины XIII—XV веков они не имеют никакого отношения. Совсем иное значение имеет Длугош. Он сообщает много интересных данных. Вместе с тем надо отметить его пристрастие к Польше и нерасположение к Руси. Отсюда вытекает тенденциозное освещение польской политики вообще и Грюнвальденского боя в частности.

Кратко, но отчетливо дана характеристика содержания Литовской Метрики — архива великого княжества Литовского (стр. 125). Совершенно верно, что областные привилегии в великом княжестве Литовском основаны на привилегиях Казимира Ягайловича (стр. 126), но отметим, что подтверждающая Уставная грамота Киевской земле сохранилась от 1506 года. Грамота 1529 года — это вторая подтверждающая; Волынская — от 1509 года, а не 1547 года, Витебская — от 1503 года, а не 1561 года, Полоцкая — от 1511 года, а не 1547 года.

Необходимо более подробно разъяснить, какие права получал город на основе привилегии на магдебургское право. Мало сказать, что город управлялся городской радой (стр. 126). Ведь такой город представлял собой отдельную административно-хозяйственную единицу. Не указано, почему города получали магдебургское право и каковы были отношения городских магдебургий к великому князю.

Очень подробно и тщательно рассмотрены источники по истории Русского государства в XVI—XVII веках. Только в абзаце, где говорится об источниках Уложения 1649 года, следовало бы охарактеризовать более подробно влияние Статута 1588 года на Уложение. Ведь в Москве был переведен на русский язык Статут 1588 года, о чем упоминает М. Н. Тихомиров. Влияние Статута было очень значительным, особенно при юридическом оформлении гражданско-правовых норм. Первые главы Уложения 1649 года полностью составлены на основании статутного законодательства.

С большим мастерством изложены основные источники по истории Белоруссии и Украины в XV—XVII веках. Только говоря о писцовых книгах XVI века, следовало бы упомянуть, что они были составлены в связи с «волочной померой» 1557 года, и одновременно отметить, какие же сохранились писцовые книги, а также сравнить их с писцовыми книгами Московского го-

сударства. Очень хорошо, что М. Н. Тихомиров не обошел церковно-полюемических сочинений против унии, имеющих такое большое значение для национального самосознания белорусского и украинского народов (стр. 187—188).

М. Н. Тихомиров уделил много внимания источникам по истории России XVIII века. Это вполне понятно, так как XVIII век богат событиями, а феодально-крепостническая монархия находилась в апогее своего развития. Хорошо передано содержание «Дел правительственных учреждений и частных архивов», но почему-то опущен архив «Генерального Межевания» с его известными «Экономическими примечаниями», столь ценными для изучения феодальной деревенской экономики второй половины XVIII века.

Давая общую оценку полезного труда М. Н. Тихомирова, отметим, что он заполняет большой пробел в нашей советской исторической литературе и является существенным дополнением к учебнику «Истории СССР до конца XVIII века». Курс источниковедения — это итог большой самостоятельной научно-исследовательской работы, показатель исторического мастерства автора, превосходного знания им источников по истории СССР. Курс сравнительно краток, и в этом его большое достоинство. Он ориентирует читателя в источниках по истории СССР и может служить отправной точкой для самостоятельных занятий наших советских студентов.

Весь Курс источниковедения написан очень сжатым, но выразительным литературным языком. Курс М. Н. Тихомирова — большое достижение советской исторической науки. Возможно, что во втором издании автору придется произвести некоторую перегруппировку материала и вместе с тем кое-что добавить (источники по истории Поволжья, в частности Башкирии, и ряд других). Возможно, что М. Н. Тихомиров углубит критическую оценку источников. Всякие исправления и дополнения легко можно сделать, когда перед глазами лежит готовый курс, результат многолетней преподавательской и научно-исследовательской работы автора. Во всяком случае, студенты исторических факультетов получили прекрасное учебное пособие.

В. ПИЧЕТА,

член-корреспондент Академии наук СССР

Новая книга С. И. Архангельского завершает давно начатое им капитальное исследование по истории аграрных отношений эпохи английской буржуазной революции. Первый том этой работы мы рецензировали еще пять лет тому назад¹, высказав тогда пожелание, чтобы автор довел свою монографию до последних лет революции.

Пожелание это, разделяемое всеми, кто интересуется проблемами английской революции, исполнено: автор не только закончил свою работу, но и учел замечания, сделанные критикой, постаравшись избежать прежних недочетов. Рецензируемая монография поэтому представляет еще более ценный труд, чем предшествующий.

В настоящей книге мы имеем уже дело с аграрным законодательством эпохи республики и протектората. Вопрос этот особенно важен, поскольку он помогает выяснить причины «консервативного характера»² революции XVII столетия и обстоятельства, приведшее к гибели республики.

Рассмотрим теперь, в какой мере разрешил С. И. Архангельский эти кардинальные проблемы истории английской революции. Прежде всего необходимо отметить, что он использовал широкий и разнообразный круг источников; наряду с законодательными материалами привлечены документы, наиболее полно отражавшие тогдашнюю действительность: правительственная переписка, манориальные описи и мало кем обработанные протоколы комитета по конфискации. Таким образом, исследование С. И. Архангельского представляет большой интерес в первую очередь со стороны документальной. Здесь автор проявил особенное мастерство в анализе и обработке данных первоисточников.

По содержанию книга распадается, по существу говоря, на четыре неравные части: 1) исследование аграрного законодательства и вызванных им перемен

в сельской жизни Англии 50-х годов XVII века, 2) результаты действия этого законодательства на примере двух южных графств Англии: Серрея и Сессекса, 3) исследование аграрных мероприятий революционного правительства в отношении Ирландии и 4) Шотландии.

В первой части своего труда (гл. I—IV, VII) С. И. Архангельский рассматривает главным образом вопрос о распродаже земель, секвестрованных³ и конфискованных в первые годы революции; сюда же присоединяется разбор аграрной политики Малого парламента.

Эта часть работы не случайно начинается анализом общей экономической обстановки в Англии 50-х годов XVII века. В отличие от буржуазных историков (например Ферса) С. И. Архангельский отмечает господствовавший в то время в Англии тяжелый торговый кризис. Несмотря на некоторое улучшение положения в 1652—1655 годах кризис не прекращаясь: как промышленность, так и торговля находились в очень стесненных обстоятельствах, особенно ухудшившихся под влиянием испанской войны в последние годы республики. Кризису С. И. Архангельский придает очень большое значение: под влиянием кризиса повернулась вправо аграрная политика правительства, которое отказалось от резкого разрыва с феодальным прошлым. С. И. Архангельский дает во всех отношениях правильное объяснение этому повороту: «...боязнь капиталистов перед возможностью роста недовольства трудящихся толкнула их на ослабление борьбы с феодализмом» (стр. 20). И далее указывает: «Поворот буржуазии к соглашению с феодалами, вызванный всеми опасностями и противоречиями кризиса конца 50-х годов, движением герольской и деревенской бедноты, повлек за собой, во-первых, незаконность ликвидации некоторых феодальных институтов, а во-вторых, частичную реставрацию прежних земельных собственников в 60-е годы XVII века» (стр. 29).

Нельзя не согласиться в этом отношении с автором: приведенные им цифры ярко характеризуют критическое положение английской экономики и резко ухудшившиеся условия жизни трудящихся масс в это время.

Переходя к рассмотрению аграрных мероприятий английского правительства, автор констатирует большую его решительность в деле продажи конфискованных ранее земель. Как указывает он, введен-

¹ См. «Борьба классов» № 10 за 1936 год, стр. 128—132.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 278; мы имеем здесь в виду отзыв Маркса об английской революции, данный им в рецензии на книгу Гизо.

³ Секвестр — временная конфискация, ограничивающая в государственных интересах пользование каким-либо имуществом.

денты¹, ставшие у власти в 1649 году, действовали гораздо революционнее пресвитериан² и без колебаний приступили к распродаже земель делинквентов, капитулов, деканов³, епископов и короны. Что было причиной этой смелости? С одной стороны, этому содействовали, по правильному замечанию автора, самые условия республики (отмена палаты лордов, переход руководства в руки более демократических элементов), с другой, — денежные затруднения, а в особенности падшим армией, давно не получавшей своего жалования. Влияние войск, как показывает Архангельский, сыграло самую важную роль во всех случаях земельных распродаж.

Автор убедительно показывает затем своеобразие законов о продаже земельной собственности церкви, короля и других врагов республики в Англии. «...Аграрное законодательство республики, — говорит он, — не пошло по революционному пути, не приблизилось к Французскому законодательству эпохи Конвента, положившему конец феодализму» (стр. 48).

Тщательный и подробный анализ актов о распродаже земли приводит Архангельского к правильному выводу о недемократическом их характере. Изданные правительством республики законы о продаже как светских, так и церковных земель имели в виду лишь выгоды имущих классов, прежде всего буржуазных слоев общества, и совершенно не считались с интересами крестьянства. Не только не охранялись права держателей продававшихся земель, но крестьянству вообще предоставлялось право приобретения земли на самых невыгодных условиях. Попытки издать акт о защите прав старых держателей (например на землях делинквентов) потерпели полное фиаско. Лишь на коронных землях акты устанавливали за старинными держателями право преимущественной покупки, однако при этом оговаривалось, что платить они должны были наличными деньгами. Такое требование ставило их, по существу, в весьма невыгодное положение по сравнению со спекулянтами-скупщиками.

¹ Индепенденты — партия средних слоев буржуазии и джентри эпохи английской революции XVII века.

² Пресвитериане — сторонники учения Кальвина в Англии и Шотландии, выражавшие интереса крупной торговой и денежной буржуазии.

³ Делинквенты — название сторонников короля в период английской революции XVII века; капитулы — особая совещательная коллегия при епископе, помогавшая ему руководить церковными и светскими делами в округе; декан — настоятель собора в Англии.

Своей тезисе о недемократическом характере распределения земель Архангельский вполне доказал, приведя цифровые данные, свидетельствующие о том, что большинство земель было куплено представителями буржуазии и нового дворянства. Эти слои составили 86,96 процента всех покупателей земель делинквентов; они же были основным разрядом покупателей коронных и церковных земель.

Архангельский особенно подчеркивает крупную роль, которую играла в приобретении конфискованных земель лондонская буржуазия. В этом случае, нам кажется, выводы его не вполне соответствуют действительности. Во-первых, они недостаточно обоснованы: использовано, например, лишь около трети всех имеющихся в источниках данных о продаже делинквентских земель и одна пятая — в отношении церковных. Кроме того у Архангельского есть тенденция считать всех лондонских покупателей земли купцами или вообще городской буржуазией — заключение весьма рискованное. Нельзя забывать, что Лондон был столицей, политическим центром страны, об'ятой огнем революции, и здесь жились многие представители джентри и аристократии. Естественно предположить, что они-то и становились в первую очередь покупателями конфискованных или конфискованных земель. Возьмем, например, перечисленных Архангельским покупателей-лондонцев: Уайлдмена, Рапворса, Уортона — они жили в Лондоне и его предместьях, но были выходцами из дворянства⁴. Если как следует покопаться, может быть, мы найдем еще много таких «горожан».

Далее, Архангельский приводит много данных о спекулятивной горячке, вспыхнувшей в связи с распродажей конфискованных земель, но делает при этом только один вывод общего характера: спекуляции содействовали переходу земли в руки буржуазных элементов. Между тем можно было бы продолжить изыскания и проследить, как на земельных спекуляциях выростала новая буржуазия. Этот процесс, безусловно, происходил, что подтверждает фигура Джона Уайлдмена — левеллера, а затем спекулянта, превратившегося в буржуа нового типа⁵. Ведь говорим мы о по-

⁴ О социальном происхождении Уайлдмена, Рапворса и Уортона см. наиболее авторитетные по биографиям деятелей XVII века статьи Ферса в «Dictionary of National Biography».

⁵ См. «Records of the Committee for Compounding delinquents in Durham and Northumberland», pp. 314, 315 (Surtees Society Publications, vol. CXI). Странно, почему автор не использовал этого ценного источника.

явлении новой буржуазии в период французской революции XVIII века, почему же не установить подобное явление в английской революции, тем более что такие факты имеются.

Автор прав, несомненно, в одном: покупатели конфискованных земель — купцы, горожане, джентри или аристократия и новая буржуазия — все являлись буржуазными элементами английского общества. Им, а не крестьянству достались эти земли. Но четкой дифференциации этих новых владельцев земель автор не сумел провести.

Но если в целом поместья короля, церкви и делишвентов перешли в руки буржуазии, почему же тогда манориальный (феодално-помещичий) строй в Англии не был уничтожен? Архангельский указывает, что аграрное законодательство Долгого и Малого парламентов его сохранило потому, что «английская буржуазия слишком глубоко проникла в деревню, а аристократия и дворянство слишком сильно были охвачены капиталистическими отношениями, чтобы пойти на борьбу друг против друга до конца» (стр. 53). Ответ этот вряд ли может вызвать возражения, хотя он и нуждается в некотором уточнении: нужно было бы сделать упор на последней части его, отметить большое влияние обуржуазившегося дворянства, которое стремилось сохранить феодальные пережитки, как наиболее знакомые им с давних пор средства эксплуатации¹.

Большую роль в половинчатом решении вопроса о феодализме, как правильно подчеркивает Архангельский, сыграли также выступления крестьянских масс. Автор приводит большой и интересный материал о крестьянском движении, особенно о борьбе коронных держателей против новых владельцев из-за огораживания лесных земель и отмены общинных прав.

По-новому решает Архангельский вопрос о деятельности Малого парламента (гл. VII). Он дает вполне обоснованную критику научной литературы на эту тему и очень ясно показывает, что Малый парламент так же, как его предшественник, не решился ликвидировать феодальные пережитки, существовавшие еще в английской деревне, — церковную десятину, копигольд², — ограничившись лишь половинчатыми и мало выгодными для крестьян-

ства мерами. Такое направление политики Малого парламента автор совершенно резонно объясняет «перерастанием английского коммерсанта в феодального земельного владельца и обратно» (стр. 143).

Соглашаясь в целом с характеристикой деятельности Малого парламента, мы все же должны сделать несколько критических замечаний по этому поводу. Во-первых, автор в разборе историографии Малого парламента оставил без внимания взгляды английского историка Гласса³, лучшего знатока деятельности Малого парламента; во-вторых, преуменьшил революционную роль левого крыла депутатов, не только «близкого», но и целиком смыкавшегося с людьми Пятой монархии⁴. Наконец, нет в книге ни одного слова о связи аграрного законодательства с организацией протектората — единоличного управления и военной диктатуры Кромвеля.

Отказ Долгого и Малого парламентов от последовательной и радикальной борьбы с феодализмом, торговый кризис, военная обстановка, тяжелая и сперва не вполне благоприятная для Англии, волнения крестьянских масс — все это должно было привести английскую буржуазию к выводу, что военная диктатура лучше и надежнее защитит ее интересы, чем парламентарный строй.

Архангельский игнорирует все это и ограничивается лишь одним, хотя и верным, выводом: аграрные результаты французской революции XVIII века и английской — XVII века резко отличались друг от друга: в то время как первая окончательно ликвидировала церковное землевладение, уничтожила без остатка сеньориальный режим и создала свободную собственность мелких крестьян. — вторая лишь сняла верхушку церковной организации, ликвидировала ее землевладение не целиком, оставив десятину, а капиталистические отношения в поместье и деревне приспособила к феодальным, сохранив неприкосновенным манориальный строй.

2

Вторая часть монографии С. И. Архангельского — результаты действия аграрного законодательства на примере графств Серрея и Сессекса — представляет очень большой интерес. Анализируя манориальные описи этих двух графств (гл. V и VI), автор развернул перед нами яркую карти-

¹ См. характеристику английской революции у Маркса и Энгельса (Соч. Т. VIII, стр. 279; Т. XVI, стр. 271).

² Копигольд — земельное держание, юридическим основанием которого была копия постановления манориального суда о вводе во владение земельным наследством.

³ См. H. Glass «The Barbone Parliament» и C. H. Firth «The Life of General-major Thomas Harrison».

⁴ Люди Пятой монархии — радикальная группа в английской революции XVII века, выражавшая взгляды и интересы городских масс.

ну первоначального капиталистического накопления в английском земледелии. На конкретных, жизненных примерах он показал, как медленно, но неуклонно перерождались на капиталистический лад старые обычаи и формы манориального хозяйства, крестьянство пролетаризировалось, и его место мало-помалу занимал фермер-капиталист.

В высшей степени цепными являются поправки и дополнения, сделанные Архангельским к выводам предшествовавших ему исследователей (в частности он отметил, что в период революции земли перешли в руки буржуазии, а не дворянства, как полагал А. Н. Савин). Выдвинутая автором новая оценка манориальной жизни эпохи революции крайне важна, так как помогает вскрыть острый процесс первоначального накопления капитала, обычно игнорируемый буржуазными историками.

Третья часть рецензируемой книги посвящена Ирландии (гл. VIII — X). Автор сперва характеризует здесь использованные им источники, а затем рисует экономическое состояние «Зеленого острова» к середине XVII столетия. Он говорит об Ирландии как об очень отсталой стране, где сохранилось еще в значительной мере патриархальное хозяйство и была сильна клановая система, скотоводство преобладало над земледелием, а городская жизнь, промышленность и торговля хотя имели некоторые успехи, все же по сравнению с Англией развивались очень слабо. Автор рассказывает, далее, о хищнической политике английского правительства и английских колонистов, которые еще с XVI века ломали аграрные порядки Ирландии, «по существу феодальные, но еще с очень сильными остатками родовых отношений и связей» (стр. 161).

Той же политике следовали Долгий парламент и республика после гражданской войны. Основной задачей и того и другого являлось превратить Ирландию в сырьевой придаток Англии. Эту мысль развивали проекты знаменитого Виллиама Петти¹, тщательно проанализированные Архангельским. Все законодательство английской республики «можно рассматривать, — по характеристике Архангельского, — как вехи на пути, конечная цель которого была так смело и откровенно изображена на страницах незаконченного трактата В. Петти — обратить Ирландию в сырьевую базу, в придаток капитализирующейся английской шерстяной промышленности, а ее население в пролетариат» (стр. 158).

¹ Виллиам Петти (1623—1687) — известный английский экономист. По поручению Кромвеля Петти провел учет конфискованных земель в Ирландии. Занимал видные посты в ирландской администрации и составил проекты колонизации Ирландии.

Что же было сделано в этом отношении правительством республики и протектората? Основные их мероприятия сводились к конфискации земельной собственности ирландцев и насаждению английских аграрных порядков. Как указывает С. И. Архангельский, конфискации начались вскоре после восстания 1641 года; о них упоминала Великая ремонстрация², а акт 16 февраля 1642 года окончательно их утверждал. Последний сыграл весьма знаменательную роль: по верному замечанию автора, «предположенная конфискация ирландских земель сопровождалась нарушением ирландской конституции», так как с дублинским парламентом английское правительство не считалось и мнения его не запрашивало (стр. 166).

Затем автор рассказывает о завоевании Ирландии Кромвелем, попытках ирландского народа отстоять свою свободу и о том, что предприняла республика для полного ограбления этой несчастной страны после окончательной победы английских сил.

С. И. Архангельский подробно разбирает знаменитые акты 12 августа 1652 года и 26 сентября 1653 года. Базируясь на правительственной переписке за эти и последующие годы, он сообщает, какие цели преследовало английское правительство и какие планы строило на будущее. Основными мероприятиями, намеченными английской властью в этот период, были выселение или переселение ирландцев и передача их земли английским владельцам (стр. 175). Правительство желало таким путем погасить свою задолженность армии и получить необходимые денежные средства, распродав оставшиеся земли. За этим должно было последовать окончательное усмирение населения мятежного и опасного острова. Закон 1652 года устанавливал порядок и размеры конфискации земли у мятежников, а закон 1653 года говорил о их расселении и указывал, какие территории должны быть предоставлены английским колонистам. Закон этот предполагал насильственное переселение ирландцев в самые бесплодные области их страны и передачу всех плодородных и годных для сельского хозяйства земель английским солдатам, офицерам и так называемым «авантюристам», т. е., по существу говоря, колонистам-предпринимателям. По своей жестокости акт 1653 года превосходил все предыдущие мероприятия английского

² Великая ремонстрация — заявление, поданное революционными депутатами Долгого парламента королю в 1641 году. В нем перечислялись злоупотребления королевской власти и выдвигалось требование дальнейших политических, религиозных и экономических реформ.

правительства, напоминая, по словам С. И. Архангельского, «опыт размещения военных отрядов на землю, проведенный в Римской империи Суллой, Цезарем и Октавианом...» (стр. 182).

Акту 1653 года С. И. Архангельский придает особенно большое значение. Последний, по его мнению, резко изменял социально-экономические условия Ирландии, уничтожал все сохранившееся до этого времени родовые пережитки и феодальные формы землевладения и открывал дорогу для широкого развития капиталистических отношений.

Дальнейшее аграрное законодательство в Ирландии (акты 1654 и 1657 годов) не вносило ничего нового: оно было направлено к тому, чтобы окончательно закрепить все права и выгоды английских колонистов и подавить всякое сопротивление ирландцев, ограбленных актом 1653 года. В Ирландии был установлен жестокий террор, сдерживающим началом которого, по словам автора, «явилась лишь боязнь лишиться необходимых для хозяйства рабочих рук в связи с отсутствием их притока из Англии» (стр. 189).

Как же проводилось в жизнь аграрное переустройство Ирландии? Этому вопросу С. И. Архангельский посвящает заключительный раздел третьей части своего труда (гл. X). Высылка за границу 34 тысяч ирландцев, перешедших на военную службу к иностранным государствам, очистка приморских городов и районов Ирландии от коренного населения и, наконец, переселение туземцев в бесплодные провинции Коннаут, Лейнстер и Мюнстер — таковы были мероприятия английского правительства на «Зеленом острове». Переселение носило насильственный характер, и горе тому, кто отказывался подчиниться: ему угрожали всевозможные репрессии вплоть до смертной казни. Только во время войны с Испанией, указывает Архангельский, переселенческая политика была несколько смягчена из опасения, что испанцы поддержат новое выступление Ирландии против ее угнетателей (стр. 195). Но уступки были незначительны и очень мало облегчили судьбу несчастных ирландцев.

Вопрос о переселении вызвал большие разногласия внутри английской буржуазии. Из существовавших тогда точек зрения на этот вопрос С. И. Архангельский выделяет три основные: одна группа буржуазии требовала решительного переселения всех ирландцев в Коннаут, с тем чтобы передать все удобные земли англичанам; вторая — предлагала переселить только крупных ирландских землевладельцев и глав кланов, так как «английские колонисты не смогут возделывать свои земли без помощи ирландского населения» (стр. 199);

наполеон, третья группа рекомендовала переселить большую часть ирландцев в западные области, оставив на плодородном востоке лишь незначительное число их (одного — на пять англичан). Победа осталась за второй группой, выражавшей интересы капитализирующейся Англии. «Итак, массового переселения ирландцев, — пишет Архангельский. — ...не произошло; этому сопротивлялись и сами ирландцы, это не одобряли и те английские колонисты, которые строили свои планы в расчете на труд населения Ирландии...» (стр. 200).

Кому же достались ирландские земли? По мнению автора, они в большинстве своем перешли в руки капиталистических элементов Англии: офицерства, которое скупило, пользуясь бедностью солдат, их права на ирландские земли (debentures), с одной стороны, и «авантюристов», т. е. буржуа, — с другой. В результате победило крупное землевладение, «представителями которого стали авантюристы и офицеры, собственники значительных денежных средств, приобретенных в торговле, промышленности, на военной службе»; они-то и образовали новую ирландскую аристократию. Но, хотя ирландский народ и потерял свою землю, сельскохозяйственный пролетариат в Ирландии не образовался, вместо него возник класс нищих арендаторов (стр. 216—217).

Таковы вкратце основные положения третьей части труда Архангельского. Трудно что-либо к ней добавить: как со стороны фактического материала, так и со стороны анализа его и убедительности выводов она представляется нам безупречной. Правда, можно было бы подробнее осветить движение тори, о котором С. И. Архангельский упоминает бегло, но вопрос этот, очевидно, так и останется неразрешенным, ввиду того что материалы, к нему относящиеся, погибли во время дублинского пожара 1922 года.

Что касается четвертой, последней части рецензируемой работы, то она содержит очень интересный материал, но несвободна от ряда недостатков. В этой части автор касается аграрного законодательства республики в Шотландии (гл. XI — XII). Здесь С. И. Архангельский проделал большую работу и дал первый опыт марксистского исследования социально-экономических отношений на севере Британского острова. К сожалению, однако, далеко не все документы были использованы в книге, поэтому мы встречаем в ней ряд спорных выводов. Так, вряд ли можно столь безапелляционно говорить о шотландском маноре, как это делает автор, поскольку вопрос этот в научной литературе еще не разрешен; нельзя также согласиться с тем,

что Шотландия была страной по преимуществу скотоводческой: географические описания XVII века скорее подчеркивают земледельческий характер ее. Точно так же нельзя считать Шотландию страной натурального хозяйства: это положение верно в отношении горных районов, но неприменимо к низменным областям, где были крепки денежно-товарные связи и развивались капиталистические порядки.

Не соответствует действительности и нарисованная Архангельским фигура шотландского лорда, окруженного свитой вонючих-вассалов. Такие люди представляли частое явление в XVI веке, но в следующем столетии феодал-вонючий и независимый сеньор остались только на севере, а на юге они превратились в дворянина-паламарщика и рачительного хозяина. У С. И. Архангельского вообще здесь проявляется тенденция подменять социальные порядки XVII века порядками XVI, об этом свидетельствуют и использованные им источники и литература, в большинстве случаев дающие сведения именно о XVI веке.

Удачным получился в книге очерк развития шотландских городов и реформации. Нас только удивляет, почему автор ничего почти не сказал по поводу акта о реформации 1625 года¹, хотя он сыграл важнейшую роль в подготовке революции.

Переходя к разбору аграрного законодательства республики в Шотландии, автор в основном правильно осветил социальную обстановку, в которой оно проводилось: отметил упадок торговли и промышленности, разорение и сильную задолженность дворянства. Но при этом он ничего не сказал о влиянии унии на шотландское хозяйство и о связанном с нею законодательстве, нанесшем сильный удар феодальным порядкам в этой стране.

С. И. Архангельский не помял также сущности законодательных мероприятий протектората в Шотландии: они означали не борьбу против феодальных порядков, как думает он, а, наоборот, уступку дворянству, т. е. большой шаг назад по сравнению с действиями Долгого парламента.

В дальнейшем автор правильно констатировал результаты аграрного законодательства эпохи революции в Шотландии (значительно меньший размах земельных конфискаций, частичное разрушение феодального строя), но не подверг его более

глубокому анализу и тем самым не вскрыл его содержания (стр. 249 — 255).

К каким же итогам приходит автор в результате исследования аграрного законодательства 1649 — 1660 годов на всей территории Великобритании? Прежде всего он отмечает мобилизацию английской феодальной земельной собственности в это время. Мобилизация эта шла путем конфискации революционным правительством дворянских земель, которые попадали в руки буржуазии и нового дворянства. То же самое наблюдалось в Ирландии и Шотландии: в первой из них процесс мобилизации проходил очень резко, во второй имел более скромные размеры. Хотя земельная мобилизация и подрывала господство дворянства, но материальный строй она не разрушила и манор, как основная единица феодального землевладения, остался неприкосновенным. Попытки изменить и уничтожить материальный строй оказались бесплодными и ни к чему не привели.

Характеризуя в целом английскую буржуазную революцию XVII века, С. И. Архангельский видит в ней период первоначального накопления капитала, которое протекало особенно бурно в Ирландии и мало заметно в Шотландии (стр. 265). В Англии этот процесс шел различными путями, но во всех случаях исход был одинаковым: производитель-крестьянин терял свои средства производства, которые по большей части переходили в руки буржуазных элементов. Внедрение буржуазии в сельское хозяйство наблюдалось также в Шотландии и особенно в Ирландии.

К выводам автора присоединится каждый историк, знакомый с эпохой «Великого мятежа», — так ясно и твердо обусловлены они собранным в книге документальным материалом. Мы должны, однако, пожалеть, что автор не захотел связать эволюцию аграрного законодательства 40 и 50-х годов XVII века с вопросом о причинах гибели республики: так, не указано, какое влияние имели ирландские земельные мероприятия на ход событий, хотя об этом в свое время еще писали Маркс и Энгельс, не говорится ничего и о воздействии шотландского законодательства, сыгравшего свою роковую роль при реставрации Стюартов. Этим, конечно, отнюдь не умаляется значение исследования С. И. Архангельского, однако рамки его несколько сужаются.

В целом мы можем сказать, что советская историография английской революции XVII века пополнилась новым очень ценным приобретением, каким является рассмотренный нами капитальный труд С. И. Архангельского.

Проф. В. ВАСЮТИНСКИЙ

¹ Закон, по которому земли католической церкви, захваченные во время реформации дворянством и буржуазией, должны были вернуться в руки короля. Закон диктовался фискальными интересами короны, но не был благодаря решительному отпору со стороны дворянства и буржуазии проведен в жизнь.

Русская литература по истории и истории культуры стран древнего Востока количественно крайне бедна. Но особенно мало в этой области книг, сочетающих общедоступность изложения с научной глубиной постановки вопросов. Вот почему издание новой книги М. Э. Матье следует всячески приветствовать, тем более что

сводной работы по мифологии древнего Египта у нас еще не было.

Как видно из введения, книга предназначена не только для «узкого круга специалистов». Однако и для этого круга она представляет значительный интерес, так как многие из приведенных текстов впервые появляются в русском переводе. Некоторые же из них вообще только недавно стали достоянием науки; например «Спор Гора и Сета» был опубликован лишь в 1931 году.

Книга распадается на две далеко не равные по объему части: одна, большая (80 страниц из 114), содержит вводную статью и примечания; вторая — тексты.

В вводной статье автор рассматривает только основные мифологические циклы, группирующиеся вокруг трех тем: сотворения мира, солярных сказаний и сказаний об Осирисе. Подобное ограничение мотивируется недостатком источников — повод, который для неспециальной работы нельзя не признать убедительным.

Знание египетского языка и широкое знакомство с самыми разнообразными по своему характеру источниками: религиозными, мифологическими и литературными текстами, памятниками искусства и материальной культуры — позволяют М. Э. Матье привести почти все известные варианты мифов и на основе их анализа и сопоставления с преданиями других народов прийти к некоторым, весьма интересным самостоятельным выводам. Так, рассматривая в первой главе сказания о происхождении мира, автор устанавливает, что из них следует выделить две «принципиально различные по своим представлениям группы легенд. В одну из этих двух групп входят сказания, согласно которым создательницей солнца, а следовательно, и всего мира является богиня-мать... во второй же группе легенд творцом богов является, наоборот, бог-отец,

рождающий первую божественную пару...» (стр. 14).

Легенды о происхождении мира, связанные с женскими божествами, возникли в эпоху матриархата. Когда же с развитием патриархальных отношений женские божества утратили свое первоначальное значение, «прежние представления не могли исчезнуть бесследно, и множество пережитков в религии исторического Египта свидетельствует о бывшем значении женских божеств» (стр. 16). Так, покровительницами Северного и Южного Египта были именно богини (они изображались в виде змеи и коршуна).

Спорным является другое утверждение автора, «что божества-покровители номов в большинстве своем также женские» (стр. 16). Во всяком случае, в историческую эпоху Египта это было не так. Ведь Тот из Шмуна, Атум из Геллополя, Птах из Мемфиса, Собек из Омбоса, Монт из Гермонтиса и многие другие божества, а также посвященные им животные мыслились как божества мужские.

Вторая группа легенд возникает в пору торжества патриархата. В них женское божество появляется во втором поколении богов, якобы рожденных от бога создателя мира, оплодотворившего самого себя.

С возникновением классов и государства, по мере усиления власти царя-деспота бог создатель наделяется характерными для земного царя чертами. Ему присваиваются все титулы и регалии фараона, он становится владыкой богов и людей. Вместе с тем официальная религия объявляет фараона сыном бога и живым воплощением бога на земле. С усилением власти царя и централизацией страны жрецы пытаются объединить представления о многочисленных богах в единую систему. Бог — творец мира, создатель всего сущего, — большей частью представляется египтянам богом солнца.

Вторая глава книги рассматривает цикл солярных сказаний, в которых солнце-воитель выступает в качестве победителя своих извечных врагов: мрака и воляного хаоса. Последние воплощаются обычно в образах чудовищных крокодилов или змеев. В некоторых сказаниях змей-поглотитель воды является виновником исчезновения животительной влаги. Солнце-змееборец заставляет его изрыгнуть похищенную воду. К солярному циклу примыкает круг сказаний о богине-воительнице, дочери бога солнца, которая часто выступает защитницей отца. С нею же связаны представления о женском божестве природы, похлательнице изобилия и плодородия. Рассмотрение «мифа о возвращении богини Хатор в Египет показало нам, что в основе этого мифа лежали представления о

смене времен года как результате ухода и нового возвращения женского божества природы, которые возникают еще в глубочайшей древности и которые на последующих ступенях развития дают столь распространённые в мировом фольклоре мифы об умирающих и воскресающих богах» (стр. 49).

Сказаниям об умирающем и воскресающем боге Осирисе посвящена третья глава исследования. Выводы свои автор формулирует следующим образом:

«...легенда об Осирисе, умирающем и вновь воскресающем боге, являющемся средоточием сил природы, складывается в родовом обществе при наличии уже развитого земледелия, переплетаясь с культом вождя, также как средоточия благосостояния производительных сил природы. Соединяясь в классовом обществе уже с культом умершего царя, культ Осириса приносит с собой в новые условия и обрядность, связанную с представлениями об умирающем духе плодородия, и пережитки древнейших тотемистических верований, сохранив в фабуле мифа отражение торжества победившего патриархального рода» (стр. 61).

Вытвинутые в книге положения автор подкрепляет многочисленными ссылками на обширную литературу. Столь значительный научный аппарат позволяет не только проверить приведенные автором положения, но и самостоятельно изучить те или иные проблемы, в которые он не имел возможности углубиться.

Кроме значительного числа цитат из религиозных и мифологических текстов, приведенных в статье, в конце книги даны переводы важнейших египетских мифов: «Сотворение мира», «Сотворение луны», «Ра и змей» и т. д. — всего десять текстов. Из них, как уже было отмечено, наибольший интерес представляет «Спор Гора с Сетом», впервые опубликованный в 1931 году английским египтологом Гардинером. И по своим размерам данный текст весьма значителен: это, пожалуй, один из самых длинных мифологических текстов.

Переводы сделаны по лучшим изданиям. Неоспоримая заслуга переводчика — умение, насколько это возможно по-русски, передать строй и особенности египетской речи.

Значительное число подобранных со знанием дела прорисовок с египетских памятников дополняет и иллюстрирует текст.

«Мифы древнего Египта» — полезная и нужная книга. В первую очередь ее следует рекомендовать студентам гуманитарных вузов, педагогам и антирелигиозным работникам. Приходится сожалеть о крайне ограниченном тираже, который делает ее

малодоступной. Надо надеяться, что в скором времени появится новое издание. Это обстоятельство побуждает отметить некоторые пробелы, которые следовало бы устранить при переиздании.

Так например вызывает недоумение отсутствие мифов, записанных античными писателями. М. Э. Матье сама указывает, что очень «существенны сведения, сообщаемые греческими и римскими авторами» (стр. 4), и сетует на «отрывочность и неполноту сохранившегося материала» (стр. 3). Вот почему кажется непонятным использование исключительно египетских текстов, что значительно обедняет содержание книги. Следовало бы, во всяком случае, привести отрывки из труда Плутарха «Об Осирисе и Исиде». Хотя Плутарх дает очень позднюю редакцию мифа, да еще в эллинизированной обработке, однако эта редакция благодаря своей полноте и связности изложения весьма ярка и доступна. Перевод этих отрывков был бы тем более желателен, что трактат Плутарха до сих пор на русском языке еще не появлялся. Что касается египетских текстов, то некоторые разделы книги «То, что в преисподней» («Ам-Дуат») также способствовали бы созданию более полного представления о египетской мифологии. Перевести их следовало бы также и потому, что текстам мифов уделено в книге довольно скромное по размерам место.

Недостаточно обосновано мнение М. Э. Матье, что «Сказание о Ра и змее почтенном» является вариантом мифа о «змеборчестве солнечного божества». Сам автор не приводит этому никаких доказательств, ограничиваясь изложением содержания сказания.

Нужно также отметить, что не всякому рядовому читателю понятно, что значат «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов» и т. д. Приводя легенду семантов о радуге, М. Э. Матье не говорит о том, кто такой «Кари» или «Шле», хотя из самой легенды понять этого нельзя (стр. 38).

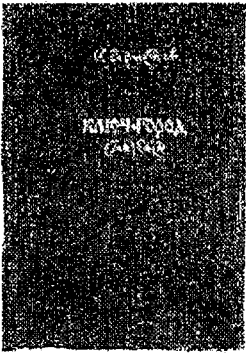
Указания на литературу в библиографическом отношении составлены крайне небрежно. Ведь не каждому придет в голову, что за сокращением «ДАН», или «ДАН», скрываются «Доклады Академии Наук», а за «ЯС» — «Яфетический сборник». А что такое «УРАУ» или «PSEAO»?

Затем, следовало также датировать помещенные в книге мифы. Датировать следовало и иллюстрации.

Вызывает удивление непомерная стоимость этой небольшой книги в бумажной обложке. Ни объем, ни оформление, ни, наконец, тираж издания не оправдывают столь высокой цены.

И. КАЦНЬЕЛЬСОН

Исторические романы в областных издательствах*

Периферийные издательства выпустили за последние годы ряд историко-беллетристических книг. Произведения эти принадлежат в основном местным авторам, которые, обращаясь к жанру исторического романа, выбирают по большей части темы, непосредственно связанные с их родными

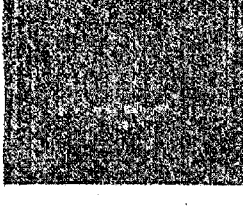
местами. Это — явление, представляющее несомненный интерес, которое может немало дать нашей советской литературе.

Прежде всего следует отметить, что таким образом значительно расширяется тематический охват исторической беллетристики, что само по себе должно быть оценено положительно. Исторические лица и события, подчас несправедливо забытые, знакомые зачастую лишь узкому кругу специалистов, воспроизведенные беллетристом, становятся известными гораздо более широкому кругу читателей. При этом художники, изображающие прошлое своего города, своего края, имеют то большое преимущество, что местности, которые им по ходу действия приходится в своих произведениях описывать, они знают досконально; глубоко знают они и быт местного населения, его обычаи и традиции, что для любого художника — а особенно художника-историка — имеет исключительно важное значение. Не приходится говорить уж о таких «привходящих обстоятельствах», как изучение местных архивов и использование рассказов старожилов, что «провинциальному» автору сплошь и рядом осуществить легче чем человеку «со стороны».

Вот почему в лучших книгах, вышедших на периферии, так сильно чувствуется колорит места, своеобразие диалекта, своеобразие природы, с которыми писатель сроднился и которые ему — как это ясно ощущается — чрезвычайно дороги и близки.

Однако успех и значимость художественного произведения определяют в пер-

вую очередь образы людей, в нем показанных. Это относится ко всем жанрам и особенно к историческому. Надо раскрыть в человеке, в герое произведённом, то, что делает его личность типичной для данного времени, для данной эпохи. Давая черточки, специфические для та-

кой-то именно области или губернии, нельзя упускать из виду более существенные черты, совокупность которых образует социальное и национальное лицо человека. Лишь произведения, удовлетворяющие этому условию, могут рассматриваться как произведения, имеющие общее, а не только узкое местное значение.

По отношению к книгам, выходящим в областных издательствах, у критики (а она, надо прямо сказать, занималась до сих пор «провинциалами» мало и неохотно) есть свои особые обязанности. Книжки эти, как правило, «оседают» в тех городах, где их выпускают. Так вот, критика должна помочь наиболее ценным из этих книг, которые вправе претендовать на действительно массового читателя, дойти до него возможно скорее и, так сказать, безболезненнее. В настоящее время в этом смысле далеко не все обстоит благополучно.

Мы намерены рассмотреть в этом обзоре две книги смоленских писателей — В. Аристова и В. Кудимова. Роман первого из них «Ключ город Смоленск», на наш взгляд, безусловно, следовало бы перепечатать одному из наших центральных издательств. Любопытная судьба у этого произведения! Мимо литературной общественности оно не прошло: благожелательные отзывы о нем появились в «Литературной газете» и в журнале «Литературное обозрение». Мало того, В. Аристов именно как автора романа «Ключ город Смоленск» приняли в члены Союза советских писателей. Незаурядный талант Аристова как будто общепризнан. Но тем не менее роман его вышел в Курске, а до этого — в Смоленске; в Москве же об издании его пока что, видимо, и не думают.

«Ключ город Смоленск» изображает эпоху первой крестьянской войны и польской интервенции в России — эпоху, ко-

* В. Аристов «Ключ город Смоленск». Роман. Курское областное издательство. 1940. 289 стр. Тираж 7175 экз. 7 р. 90 к.
В. Кудимов «Мартын живописец». Роман. Части 1 и 2-я. Смоленск. Смоленск. 1940. 480 стр. Тираж 10 000 экз. 9 р. 55 к.

торая не раз уже освещалась в художественной литературе. Но привлечение неиспользованного ранее смоленского материала, с одной стороны, и творческий подход к своей теме, с другой стороны, позволили Аристову создать вполне самостоятельное, чуждое подражательности произведение.

В романе Аристова, в сущности говоря, не один, а два героя: выдающийся русский зодчий конца XVI и начала XVII века, «государев мастер» Федор Савельев Копь и самый город Смоленск, который Федор Копь по приказу Бориса Годунова обнес каменной городской стеной.

Как указывает один из исследователей русской архитектуры, «источники почти не сохранили нам сведений, которые бы позволили с какой-нибудь ясностью представить образ знаменитого строителя смоленских укреплений Федора Савельевича Копя»¹. Следовательно, в той или иной трактовке центрального персонажа своего романа ничем, кроме общих соображений исторического и художественного правдоподобия, писатель особо стеснен не был.

Образ Федора Копя, данный в романе «Ключ город Смоленск», ярок и выразителен, хотя кое в чем и весьма спорен.

«Дед Конок, и отец Савелий, и сам Федор,— рассказывает Аристов,— были плотниками. Отцу дали прозвище Копь, за Федором его записал подъячий. Архитектора, «муроля» — датчанина Крамера Федор увидел, когда ставили дворец царю Ивану Васильевичу. У Крамера была рыжая борода, добрые глаза и тонкое лицо чахоточного. Муроль страдальчески морщился, когда присмотрщик Никита Вязьма за вину и без вины бил суковатой палкой деловых мужиков, работавших на стройке.

Как-то сорвавшееся бревно придавило муролю ногу. Федор нанял мужика-извозчика, сам свез архитектора в Немецкую слободу. Десять педель Крамер лежал в постели. Когда ударили ко всеобщей и, кончив дневную работу, разбрелись кто куда деловые мужики, Федор шел на Язу, в иноземную слободу, к Крамеру» (стр. 14).

В доме Крамера молодой Федор смотрел книги с рисунками и чертежами палатц и дворцов, невиданных в Москве; затаив дыхание, слушал рассказы архитектора.

На другой год после смерти датчанина Федор ушел за литовский рубеж. Однако в Литве не было ничего похожего на то, о чем рассказывал архитектор. Юноша видел крестьян, заморенных нуждой и рабством, и паков, превосходивших в наглости московских бояр. Он пустился стран-

ствовать по Европе. Сперва попал в Прагу, затем отправился в Италию, родину великих архитекторов — Витрувия и Альберти.

За границей Федор Копь познал тайны строительного искусства, научился возводить дворцы и крепости. В молчаливом восторге он часами любовался великолепными зданиями, которые воздвигли в городах Италии ее гениальные мастера. Но с годами перел Федором, на которого оказали свое влияние свободолюбивые идеи Ренессанса, постепенно стали обнажаться отрицательные стороны тогдашней европейской жизни. Особенно мучительными сделались его переживания после того, как святейшая инквизиция сожгла на костре его друга, скульптора Лундла.

Федора потянуло обратно в Москву: «...города, где ему приходилось жить, встававшие чудными видениями, когда он юношей слушал в Москве рассказы датчанина Крамера, уж не казались ему столь прекрасными. И чужим казалось вечно голубое южное небо... По ночам Федору чаще стала сниться Москва,— убогая, деревянная, с черными избами, но родная и близкая. И Копь мечтал, как, вернувшись на Русь, он будет украшать Москву зданиями прекрасными, красивее тех, какие видел в итальянских городах...» (стр. 22).

Однако дерзкие мечты зодчего не могли в Московском государстве воплотиться в жизнь так, как хотелось Федору: не были еще созданы для этого условия.

Работы, правда, у Федора было много, но это не было то, что он хотел бы делать. Его заставляли строить церкви, «златокумирни», к чему у Федора вовсе душа не лежала.

Большие надежды были у Копя на царя шурина Годунова, фактически правившего государством в царствование Федора Ивановича, сына Грозного. Мастеру думалось, что Годунов поможет ему осуществить его заветные замыслы. И действительно Годунов поручил Федору строительство Белого города, опоясавшего Москву стеной по линии, где теперь расположены Пушкинский, Никитский, Гоголевский и другие бульвары.

«Каждую весну,— пишет Аристов,— ждали в Москве татарского набега. Годунов надумав оградить стенами беломестные слободы. Федора позвали к царскому шурину. Большой боярин разговаривал с мастером ласково, расспрашивал о чужих землях, похвалил Федора за то, что он выучился за рубежом городовому делу, сказал, что русским людям перенимать у иноземцев науки не зазорно, велел делать чертеж.

¹ А. Н. Сперанский «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства», стр. 128. М. 1830.

Позвали опять, когда чертеж был готов. Годунов интересовался всем до точности. Более всего хотел, чтобы новые стены Белого города удивляли московских людей красотой, говорил о том, что украсит город новыми церквами и палатами» (стр. 40).

Вспомнив итальянских государей, покровителей наук и искусства, почитавших для себя честью дружбу с великими художниками, Федор развивал широкие планы. Он представлял себя другом всемогущего Бориса, прозвешенного правителя, и мечтал о зданиях, «перед которыми потускнеет слава и знаменитого дворца Медичи и палатцо Веккио». Мечтал он и о том, как он обучит русских людей трудному искусству палатного и городского строения. Они будут строить города, когда умрет мастер Конь.

Но вскоре Федору Коню пришлось распрощаться со своими горделивыми мыслями. Боярин Никита Плещеев за дерзкое слово приказал избить Федора батогами. Федор обратился с жалобой к Годунову, но тот не принял его, а ответил через дьяка, что «не водилось того на Руси, чтобы мастериска на боярина бесчестье искал».

Крупнейшее сооружение, которое ему когда-либо довелось возводить, — крепость в Смоленске — Федор Конь начал, узнав и испытав всю «неправду» московской жизни.

Горечью пропитаны были думы мастера: «Поставит Федор в Смоленске каменный город, будут удивляться люди грозным башням и красоте саженных зубцов на неприступных стенах, а за каменными стенами — черные избы, теснота, смрад. Не бросить ли все, не уйти ли опять в чужие земли от воюющих калик, подъяремных мужиков, спесивых бояр и лихоимных дьяков» (стр. 35). Но он не бросал любимого дела несмотря на все препятствия, которые ему чинили невежественные воеводы, назначенные следить за его работой. В нем черпал он силу и мужество.

Строить крепость в Смоленске Годунова заставили обострившиеся отношения с Польско-Литовским государством. Пограничный город, в течение веков не раз переходивший из рук в руки, Смоленск являлся стратегическим ключом к Москве, потому-то так спешно и потребовалось его укрепить. Рисуя картину огромного строительства, развернувшегося по приказу Бориса, Аристов показывает в то же время, что оно всей своей тяжестью легло на плечи «черных людшек», крестьян. Что касается бояр, дьяков, купцов, то для них «государево дело» оказалось золотым дном.

Трагизм, которым проникнут образ Федора Коня, находит свое объяснение не только в особенностях его личной жизни. Исключительность судьбы золотого отнюдь не препятствует ему быть фигурой, типической для своего времени. Именно потому, что он личность незаурядная, именно потому, что он сознает свой выдающийся архитектурный талант, Федор с такой остротой ощущает социальные противоречия в Московском государстве.

В статьях и рецензиях, посвященных историческим романам, часто мелькает штампованная фраза о сюжете, который развивается «на историческом фоне», удачно или неудачно показанном. В книге «Ключ город Смоленск» — и это, безусловно, достоинство романа В. Аристова — историю «фона» назвать нельзя: она включена в сюжетное действие, представляя его внутреннюю сущность.

Поэтому, например, встречи мастера Коня с Борисом Годуновым, совершенно необходимые для развития сюжета романа, вместе с тем вскрывают и основное в облике Бориса как государственного деятеля.

В начале книги описан приезд Годунова в Смоленск для закладки городской стены. Князь Звенигородский решил воспользоваться случаем и пожаловаться на упрямого «Фельку»:

«— Бью челом, боярин Борис Федорович, вели другого мастера прислать, с Фелькой сладу нет, дерзок, на всякое слово перечит. От латынской его мудрости не чаю добра».

Годунов досадливо махнул холеной рукой.

— Сяль, Василий Одреевич. Веры Фелька христианской и к с्रेसи латынской не палок, о том на патриаршем дворе дознано. Что Фелька каменному делу в чужих краях обучился, то нам на пользу, московские мастериски каменного городского дела не разумеют, иноземных государи на Русь не отпускают» (стр. 37).

Но когда Годунов позвал к себе Федора, он все же жалобы воеводы припомнил:

«... — Государевым боярам. — сказал он, — не перечь. Бояре к городоному делу великим государем Федором Иваловичем поставлены. А станешь, Фелька, дуровать да непригожие речи боярам говорить. — наказал я князю Василию Одреевичу в Москву отписывать. А случится то, пеняй на себя. — Кольпуя Федора взглядом. — Чаю, батоги и тебе покорливости прибавят» (стр. 43—44).

Годунов, как обрисовывает его писатель, — несомненно, умный и талантливый правитель, заботящийся об укреплении русского централизованного государ-

ства, понимающий, в чем состоят его очередные пужды. Но политика Годунова—это помещицья, крепостническая политика, от которой он не намерен и не может ни на шаг отступить¹. Наивны были, следовательно, первоначальные расчеты Федора на Годунова. Однако наивность эта не умаляет их типического значения: в них отразились (в форме чрезвычайно своеобразной, но вполне объяснимой обстоятельствами жизни зодчего) наивные представления крестьян о «хорошем царе», державшиеся, как известно, веками.

Окончив постройку смоленской стены (1596—1600 годы), Федор, щедро награжденный Борисом, вернулся в Москву. В 1605 году Борис умер.

Еще до вступления в столицу Лжедмитрия Федор Копь узнал о том, что тот собирается перелазить полякам Смоленск—неприступную крепость, на воздвижение которой Федор потратил столько сил. Это сделало его вскоре участником заговора Василия Шуйского. На мастера не действовали рассуждения о том, что «расстрига» хочет известить старинные боярские роды. «Если бы бояр повый царь извел,—говорил Федор,—от того беды великой не было бы. Лихоимства да неправды всякой стало бы меньше. Статься только того не может. Дереву без корней, а царю без бояр не быть. Не бояре, так паны черным людям на шею сядут. Хрен же редьки не слаще» (стр. 180). Но Федор не хотел допустить, чтобы Смоленск, ключ-город, достался «Литве»². Патристические побуждения сливались у него воедино с глубоким чувством обиды мастера—строителя крепости.

Отрицательное отношение Федора к Лжедмитрию усилилось после приема у нового царя. Лжедмитрий задумал поставить палатю для своей невесты Марины, для чего и вызвал к себе Копя.

«Федор вошел, поклонился в пояс, спокойно смотрел на государя голубыми гла-

¹ Необходимо оговорить, что защищал Годунов бояр лишь от «купчишек и мастеришек». В нескольких эпизодах романа, рассмотрением которых мы не имеем возможности заняться, показывается, как при столкновении интересов внутри феодального, землевладельческого класса—между крупными феодалами, боярами, с одной стороны, и боярскими детьми и служилым дворянством, с другой стороны,—Борис принимал неизменно сторону последних, продолжая тем самым антибоярскую политику Ивана Грозного.

² Литвой в описываемый Аристовым период московские люди называли обычно Польско-Литовское государство.

зами. Царь шевельнул рыжими усиками, недобро усмехнулся.

— Родовитые бояре пониже твоего кланяются.—Дернул головой.—Слышал об умельстве твоём, ради того позвал.

Вскочил, заходя по палате, размахивал длинными руками. Скороговоркой на ходу бросал:

— Мастера и в разном деле умельцы мне пужны. В Литво еуропейским обычаем живут, в Москве те же порядки заведу. Из Литвы сведущих людей выпишу, мастеров-рудознатцев золото искать и других. Будут московские медведи плясать под еуропейскую дудку.

Федор откинул назад голову, быстро (боялся, чтобы не перебили) выговорил:

— В Литве русским людям учиться нечему. Король Жигимонт мастеров по всякому делу из других еуропейских государств выписывает. В Литве только и горазды плясы плясать да на дудах дудеть» (стр. 187—188).

На слова Федора последовал бешеный окрик Лжедмитрия: «Не тебе о том судить, холоп!»—и если мастер не пострадал за свое «невежество», то только потому, что самозванцу нужно было его искусство.

Изображая движение, поднявшееся против Лжедмитрия, Аристов подчеркивает неоднородность этого движения, в котором временно объединились против общего врага непримиримые элементы. Мотивы, которыми руководствовался, организуя заговор против Лжедмитрия, Шуйский, ничего общего не имели с мотивами Федора Копя, также примкнувшего к заговору Шуйского. Однако напрасно писатель представляет Федора чуть ли не «душой заговора»: это—уже преувеличение, натяжка. Но Аристову, польские агенты в Москве видели в Федоре большую опасность для Речи Посполитой нежели в Шуйском. После того как Федор, выданный доносчиком, был арестован, они всячески стали добиваться, чтобы Лжедмитрий его казнил. Но самозванец на это не согласился: мастер пужен ему был, чтобы построить дворец для Марины. Тогда, желая избавиться от Федора, поляки послали ему в тюрьму отравленное питье.

Сцена смерти Федора Копя написана превосходно. Но превращение архитектора в политического лидера «черного народа» не совсем, на наш взгляд, согласуется с тем обликом Федора, какой вырисовывается на протяжении всего романа.

Последняя, четвертая часть романа называется «Осада». Федор Копь погиб, но его создание, сооруженная им твердыня, сослужило России огромную службу. В 1609 году польский король Сигизмунд III вторгся со своими войсками в пределы

Московского государства. Победа казалась ему обеспеченной. Напуганные размахом крестьянской войны, русские бояре и дворяне соглашались в значительной своей части на утрату Русью политической независимости, лишь бы были сохранены за ними их права и привилегии. В сентябре 1609 года войска Сигизмунда окружили Смоленск. Но занять город быстрым ударом им не удалось. Отрезанный от внешнего мира, Смоленск сопротивлялся интервентам двадцать месяцев, а за это время развилось и окрепло могучее национально-освободительное движение русского народа, положившего под руководством Минина и Пожарского конец польской интервенции.

В обороне Смоленска чрезвычайно выпукло выявились смелость, стойкость и упорство крестьян и посадских людей, явившихся основными защитниками города. Патриотическое воодушевление, охватившее их, Аристов изобразил с большим мастерством.

Может, конечно, возникнуть вопрос: чем объяснить патриотизм эксплуатируемых слоев русского общества начала XVII века? Чем, в частности, объяснить патриотизм смоленских крестьян и ремесленников, невероятно трудную, невыносимую жизнь которых так ярко показал в своем романе Аристов? Ответ на этот вопрос нельзя получить, если не обратиться к анализу классовых взаимоотношений внутри Смоленска и Смоленщины.

А этот анализ показывает¹, что оборона смоленских крестьян от польских интервентов была своеобразным переходом крестьянской войны в национально-освободительное движение. В 1609 году, помимо своего векового классового врага — помещиков, — смоленские крестьяне оказались лицом к лицу с гораздо более опасным и жестоким врагом — польской шляхтой. А так как смоленские помещики были с поляками в тайном сговоре, то борьба крестьян против интервентов слилась с прежней их борьбой против «своих» помещиков.

Неизбежность перехода крестьянской войны в войну национально-освободительную убедительно и рельефно показана Аристовым. Поговорка «Конец — делу венец» на примере романа «Ключ город Смоленск» оправдывается полностью. Заключительная часть его, изображающая осаду и оборону Смоленска, — бесспорно, наиболее сильная, наиболее впечатляющая часть книги. Героическая борьба защитников Смоленска, оборонявших крепость не толь-

ко от интервентов, но и от изменников из среды привилегированных сословий, засевших внутри города, показана писателем многообразием, красочно, в пластических образах, полных жизни и движения.

Центральной фигурой последней части романа является Михайло Лисица, беглый холоп князя Морткина, ученик Федора Коя.

Судьба не баловала Михайлу, как не баловала она и его учителя. У князя Морткина молодого парня заставляли с утра до ночи месить босыми ногами глину на кирпичном заводе. После побега он пристроился было в Смоленске к городовому делу. Здесь его сметку и жажду к знаниям отметил Коя и стал обучать юношу своему искусству. Но учение у мастера длилось недолго: Лисицу объявили бунтовщиком, и ему еще удалось убежать от кнута, которым его должны были «бить нещадно». Во время своих скитаний Михайло побывал и в Литве, у пана Доморацкого, но там оказалось еще хуже чем у русских помещиков.

Такая жизнь могла бы сломить всякого. Однако запас жизненных сил у Михайлы был поистине неисчерпаем; в жесточайших испытаниях его ненависть к поработителям и насильникам — «своим» и иноземным — лишь крепла и закалялась; его готовность к беспощадной борьбе с ними все усиливалась. В тяжелые годы войны против польских захватчиков Михайло Лисица показал, на что способен «черный» русский человек, защищающий свою родину.

На палитре Аристова мрачные краски преобладают. Но, когда заканчиваешь его книгу, общее впечатление остается далеко не мрачное. Да, личная жизнь Федора Коя была печальна: замечательному мастеру не дали украсить Русь великолепными зданиями, более прекрасными чем дворцы и палацы Италии. Но то, что он сумел сделать, огромно; его работа имела для русского народа в полном смысле слова историческое значение. И гордость за народ, вырастивший таких людей, как Федор Коя и Михайло Лисица, охватывает читателей книги «Ключ город Смоленск» — талантливого исторического романа, которому следует пожелать самого широкого распространения².

2

В «Мартыне живописце» В. Кудимова, как и в романе «Ключ город Смоленск» В. Аристова, главное действующее лицо —

¹ Хотелось бы лишь обратить внимание автора на необходимость устранить некоторые безвкусные, даже пошловатые выражения в описовке женских образов романа.

¹ См. ст. В. Мальцева «Историческое значение обороны Смоленска в 1609—1611 годах». Сборник «Смоленская оборона». Смоленск. 1930.

человек искусства. Место действия в обоих произведениях одно и то же — Смоленщина. Но время действия у Кудимова более позднее: 70-е годы XVIII века в первой части и 1812 год во второй части романа.

Живописец Мартын Каликин — крепостной купца Ивана Сидоровича Барышникова, который купил его мальчиком еще на имя графа Орлова¹. Три года Мартын по приказанию барина бегал к дякону учиться читать и писать, изучал в то же время сценную премудрость у бухгалтера вотчинного управления. Барышникову в его обширном хозяйстве нужны были грамотные люди. Но Мартына с ранних лет тянуло к рисованию. Однажды, чтобы отплатить за преследования бухгалтеру, нередко прибегавшему к дубовой линейке, мальчик нарисовал на него карикатуру в кассовой книге, которую должен был просматривать сам барин. В судьбе Мартына эта история сыграла большую роль. Правда, за испорченную книгу его изрядно постегали, но зато на следующий день вышел барский приказ: собираться для отправки в Петербург. Так Мартын очутился в учении у итальянца Жиларди — архитектора и живописца.

«Расчетливый Барышников, — пишет Кудимов, — решил по-своему правильно. Вместо того чтобы нанимать живописцев и архитекторов на стороне, дешевле иметь собственных» (стр. 20—21).

Восемнадцатилетним юношей возвратился Мартын в барышниковское имение — Алексино. Было это в 1774 году, когда против помещиков и помещичьего государства развернулось грозное народное движение, возглавляемое Емельяном Пугачевым. Хотя непосредственно Смоленщина и не была затронута пугачевским движением, все же отзвуки его доносились и туда. В романе Кудимова действует посланец Пугачева Федор Прямич, старый каторжник с таганрогских галер, в 1771 году бежавший на Урал и примкнувший сперва к Федоту Богомолу, который годом ранее Пугачева напал на мысль объявить себя императором Петром III.

В первой части «Мартына живописца» Кудимов воссоздал широкую картину помещичьего угнетения и крестьянских волнений, волнений разрозненных, стихийных, заранее обреченных на провал, но непрерывно папанивавших правящим классам, каким непримиримым врагом для них является порабощенное крепостное крестьянство.

Пожалуй, наибольшей удачей автора следует признать образ Ивана Сидоровича Барышникова, соединившего купеческую изворотливость и практичность с навыка-

ми помещика-крепостника. Управлял он своими людьми главным образом при помощи плетей и розог, стараясь выжать из них все, что только возможно. Стоном стоили мужики от Ивана Сидоровича; однако еще хуже им приходилось во время его отъездов, когда хозяином оставался его сын — Иван Иванович. Это был достойный отпрыск своей фамилии. Усердно подражая «благородному» российскому дворянству, в ряды которого он всячески стремился пролезть, Иван Иванович этот завел у себя театр, служивший ему одновременно и гаремом. Не обладая ни в малейшей мере хозяйственными способностями своего папаша, он не только не уступал ему в жестокости, но даже превосходил его в изобретении всевозможных истязаний для «провинившихся» крепостных людей.

Немало издевательств перенес от Ивана Ивановича и Мартын. Художник, которому ждал руку сам Растрелли, был дважды позорно выпорот на конюшне. Выпороти и его возлюбленную Дуню, «фигурантку» барышниковского театра. После этого Ивану Ивановичу пришлось в голову заставить Каликина нарисовать портрет Дуни. Мартын сначала отказался, потом вынужден был согласиться. Но картина барину не досталась: почувствовав к нему «такой прилив ненависти, что закружилась голова», Мартын разрезал портрет у него на глазах, за что, понятно, сейчас же угодил под замок. И если бы не Федор Прямич, вместе со взбунтовавшимися крестьянами освободивший Мартына и устроивший ему побег, Мартын, без сомнения, погиб бы, замученный помещиком.

Кудимов неплохо изучил крестьянскую жизнь XVIII века; в ряде эпизодов он дает красочное ее изображение. Но несмотря на это его роман вызывает чувство неудовлетворенности: слишком уж часто попадают в «Мартыне живописце» вариации на всем известные темы. И упомянутый только что крепостной театр, и зверские наказания дворовых на конюшне, и убийство крестьянами жестокого бурмистра, выслуживающегося перед барином, — всё это в литературе описывалось неоднократно и читателю хорошо знакомо. А между тем попробуйте обойтись без всего этого! Это всё явления, которые в екатерининской России встречались буквально на каждом шагу.

Однако описания их лишь в том случае могли бы быть восприняты не как стандарт и шаблон, если бы они органически входили в сюжет произведения. Тогда внимание читателя было бы направлено не столько на то, нов или не нов преподнесенный писателем материал, сколько на психологию действующих лиц, выступаю-

¹ Согласно указу от 1746 года, купцы не имели права владеть крепостными.

ших в определенных условиях, на степень мотивированности их поведения.

Беда же Кудимова состоит не только в том, что многочисленные картины наказаний и пыток, которым подвергается его герой, в большинстве трафаретны. Гораздо более печально, что образ Мартына Калинкина вообще недостаточно определен, чересчур общ. Как личность, а не просто как представитель крепостной интеллигенции — и даже шире, крепостного крестьянства, — Мартын, в сущности, почти совсем не ощущается.

Вторая часть романа Кудимова вызывает больше возражений чем первая. Отделены они друг от друга — ни много, ни мало — тридцатью семью годами. Калинкин, рассказывает автор, скрывшись из Алексина, поспешил перебраться через рубеж и там объявил себя польским выходцем Мартыном Калиновским. Вместе с князем Радзивиллом, к которому он поступил на службу, он поехал в Париж, где сблизился с молодым французским художником Луи Капе. Позднее он стал работать на фабрике персидских поясов, которая принадлежала Радзивиллу. Досуг свой Мартын посвящал картине, изображавшей человека, которого он больше всего ненавидел, бывшего его помещика. Живописец свято хранил в памяти заветы пугачевца Примица: «...Где бы ты ни был, как бы плохо или хорошо ни жилось тебе, не забывай, кто ты... Помни, что на земле живут господа и холопы; ...не забудь, что пакостит землю Ванька-Калин — твой и мой господин Барышников» (стр. 245).

На родину Мартын решил вернуться лишь в 1812 году. Толчком для него послужила встреча с Луи Капе, который привез известие одному из гостей Радзивилла о том, что война между Наполеоном и Александром I неизбежна и что военные действия вот-вот начнутся. Луи в беседах с Мартыном все время подчеркивал освободительный характер этой войны со стороны Франции. «Мы, — говорил он, — принесем свободу рабам, Штыки французской славной пехоты несут на своих остриях свободу от крепостного ига Польше и России» (стр. 305). Такие речи, естественно, закрепили давние симпатии Мартына к французам. Когда тот начал просить живописца помочь ему, поехать с ним в Россию искать его невесту Жанну, отправившуюся компаньонкой к дочерям богатого русского дворянина, оказавшегося «извергом и животным», Мартын сразу согласился. Он сделал это тем охотнее, что обилевший Жанну дворянин жил где-то возле Смоленска.

В дороге Мартын рассказал другу о Барышникове и о тех чувствах, которые заставили его поехать в Смоленск. Луи

принял все это близко к сердцу и настоял, чтобы Мартын немедленно отправился в свои родные места. Сейчас, как никогда, благоприятный момент для восстания крепостных. В Алексине, однако, Калинкин никого из своих притеснителей не застал: Ивана Сидоровича не было уже в живых, а Иван Иванович поспешил удрасть от приближавшейся наполеоновской армии. Взбунтовать алексинских, а затем и других крестьян, живших поблизости, Мартыну большого труда не стоило. Почва была для этого достаточно подготовлена, да и о Наполеоне у некоторых мужиков были ложные представления как о будущем освободителе крепостных. Кудимов, пожалуй, больше акцентирует это обстоятельство чем следовало бы. У него, между прочим, одна старушка спрашивает Мартына: «А не слыхал: правда ли нет ли мужики у нас баяли, бытто Палеон — хранцузский царь — приказал нашему всех мужиков на волю пустить? И бытто наш не дает согласия, а тот — войною пошел. И бытто ежели завоюет хранцуз, всем воля будет» (стр. 362).

Но вскоре и у мужиков и у самого Мартына всякие иллюзии насчет французов исчезли. Живописец узнал, что Луи обманул его: никакой невесты у него в России нет, а сам он просто-напросто французский шпион. И вот Калинкин с присущей ему страстностью становится организатором партизанских отрядов, борющихся против Наполеона.

Что обращает на себя внимание во второй части «Мартына-живописца»? Прежде всего возраст героя. Нетрудно подсчитать, пользуясь данными первой части романа, что Мартыну в 1812 году пятьдесят пять лет. Но Кудимов так велет повествование, как будто годы не наложили своего отпечатка на Мартына и он по-прежнему, как и в начале книги, юноша. Сказывается это не только в тех поступках Калинкина, о которых мы сейчас рассказывали. В Смоленске Мартын встречает Дуню (которой тоже пошел шестой десяток), и между ними в осажденном городе начинается такая любовная идиллия, что прямо диву даешься. На читателя, конечно, все это должно действовать весьма расхолаживающе.

Но в конце концов мимо этих досадных подробностей можно было бы пройти, если бы разрешена была основная тема второй части романа. Перед Кудимовым стояла задача, сходная с задачей, успешно решенной Аристовым в романе «Ключ город Смоленск». Аристову удалось показать, почему угнетенное крестьянство встало на защиту своей родины в начале XVII века. Кудимову предстояло во второй части «Мартына живописца» показать, почему

угнетенное крестьянство встало на защиту своей родины в начале XIX века. И показать не «вообще», а конкретно, в живых, художественных образах, на примере героев своего романа.

Как мы указывали уже, Мартын возвращался в Россию, полный надежд на Наполеона. Но достаточно было ему убедиться в том, что Луи Капе — разведчик, чтобы во мгновение ока его отношение к французам резко изменилось. Один этот факт, имеющий, в сущности, лишь частное значение, сразу же привел Мартына к выводу, что русским от французов ждать нечего. И Мартын, ни о чем другом, кроме обманых действий Луи, еще и понятия не имея, пошел сражаться. «Мартын, — пишет Кудимов, — посылал пулю за пулей, не замечая времени. Его охватил непонятный азарт и злоба» (стр. 421). Эпитет «непонятный» в данном случае вполне на месте, так как переменял Мартын свое мнение о смысле «дела Наполеона» до того, как ему удалось установить, что Наполеон и не собирается отпустить крепостных на волю. Об этом Мартын узнал лишь позднее, прочитав в приказе Наполеона к населению занятых им областей нелвуслмысленные строки. «Все крестьяне и земледельцы обязаны повиноваться своим помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам, их засту-

пающим, обязаны ничем не нарушать господской собственности, отбывать работы и повинности» (стр. 451). Несомненно, такая нечеткость в развитии образа главного героя романа немало повредила писателю: он не смог из-за нее ясно и рельефно нарисовать картину того, как проявлялся в войне 1812 года народный патриотизм.

В. Кудимов — писатель одаренный; однако одаренность его дает себя чувствовать по преимуществу в отдельных эпизодах романа. Как целое книга его крайне уязвима. Кудимов не добился в «Мартыне-живописце» той слитности сюжета и исторического фона, которая отличает настоящего удавшийся исторический роман. Это отразилось и на показе эпохи в романе и на обрисовке центрального его персонажа.

* * *

Сопоставление романов В. Аристова и В. Кудимова поучительно. Оно показывает, какое огромное значение для писателя, обращаящегося к исторической тематике, имеет четкость и обоснованность исторической концепции, которую он воплощает в художественных образах в своем произведении.

Р. ВОИНОВ

НОВИНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. XXVIII (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). М. Политиздат. 1940. 470 стр. и 3 вкл. л. 48 000 экз. 6 р. 50 к.

Новый том сочинений Маркса и Энгельса содержит 226 писем Энгельса за 1888—1891 годы (из них 130 писем публикуются на русском языке впервые). Письма адресованы виднейшим деятелям социалистического движения Европы и Америки. В конце тома помещены отрывок «Путешествие в Америку», написанный Энгельсом на пароходе во время поездки в Америку в 1888 году, и два редактированные Энгельсом памфлета.

Письма освещают историю социализма и рабочего движения конца XIX века и представляют собой блестящие образцы марксистского анализа событий, научного предвидения и революционного руководства к действию.

ЛЕНИН В. И. и СТАЛИН И. В. О ленинских событиях. М. Политиздат. 1941. 64 стр. 100 000 экз. 30 коп.

В сборнике помещены 4 статьи Ленина и 6 статей Сталина по поводу расстрела рабочих на Ленских золотых приисках 17 (4) апреля 1912 года.

В конце книги напечатано «Приветствие товарища Сталина ленинским рабочим» из газеты «Ленский шахтер» № 87 от 17(4) IV 1927 года.

История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потемкина (Библиотека внешней политики). М. Соцэкгиз. 1941. 568 стр. 500 000 экз. 7 р. 50 к.

Первый опыт марксистской работы в данной области, выполненный коллективом советских историков (в составлении I тома принимали участие проф. С. В. Бахрушин, проф. А. В. Ефимов, проф. Е. А. Бюсминский, акад. Е. В. Тарле, А. Л. Нарочницкий, проф. В. С. Сергеев, проф. С. Д. Сказкин, проф. В. М. Хвостов). Вся работа будет состоять из 2 томов и заключать в себе 7 основных частей: 1) дипломатию древнего мира, 2) дипломатию средних веков, 3) дипломатию нового времени (XVI—XVIII века), 4) период победы и утверждения капитализма до франко-прус-

ской войны 1870—1871 годов включительно, 5) период перерастания старого, «свободного» капитализма в империализм (до окончания первой мировой империалистической войны), 6) эпоху между первой и второй империалистическими войнами и 7) организацию и методы современной дипломатии.

В данном томе представлены 4 первых раздела.

В конце книги дан довольно обширный указатель литературы (стр. 529—552).

ЮЗЕФОВИЧ И. С. Основание Коммунистического Интернационала (Институт истории Академии наук СССР). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 276 стр. и 2 вкл. л. портр. 10 000 экз. 7 р. 50 к. (Научно-популярная серия).

АБРАМОВ А. Н. Крестьянское революционное движение в Грузии в 1902—1905 годах. Л. Ленпартиздат. 1940. 220 стр. с илл. и 1 вкл. портр. 5 000 экз. 10 р. 50 к.

Книга А. Н. Абрамова подробно рассказывает, как под руководством большевистских организаций Закавказья и лично товарища Сталина в Грузии в 1902—1905 годах развивалось революционное крестьянское движение. В частности I глава книги обрисовывает положение грузинского крестьянства на пороге XX века, II глава посвящена специально товарищу Сталину как организатору и руководителю крестьянского движения в Грузии, глава V говорит о революционных требованиях восставшего в 1905 году грузинского крестьянства, глава IX описывает деятельность революционных крестьянских комитетов и т. д.

АРЕНЦ А. Сталин и революционное движение в Армении в 1905—1907 годах (перевод с армянского). Ереван. Госполитиздат Армянской ССР. 1940. 120 стр. и 12 вкл. л. илл. 1500 экз. 5 руб.

Книга является, по словам автора, результатом многолетней работы. Она состоит из трех разделов. В первом разделе освещено социально-экономическое положение Армении накануне революции 1905—1907 годов. Второй раздел книги говорит о товарище Сталине как об организаторе и вдохновителе революционного движения в Армении в период первой революции. Третий раздел книги посвящен борьбе товарища Сталина против армянских меньшевиков, дашнаков, «спецификов» и других реакционных сил.

В приложениях к книге дана хроника арестов, ссылок и побегов товарища Сталина.

Сталин и о Сталине. Указатель литературы (состав. Е. Н. Жилина, В. В. Саятов, Н. З. Струдацкий и Л. С. Франкфурт, под ред. И. М. Юновера) (Государственная ордена Трудового красного знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Л. Ленпартиздат. 1940. 276 стр. с илл. 5000 экз. 15 руб.

ТЕТЕРИН С. М. и ЧУМБАРОВ Н. И. Центральный музей В. И. Ленина. М. Изд-во «Московский рабочий». 1940. 212 стр. с илл. и 1 портр. 10 000 экз. 3 руб.

Книга является путеводителем по 22 залам музея, содержащим 5529 экспонатов о жизни и деятельности В. И. Ленина. Путеводитель составлен в форме связного историко-биографического очерка и читается с интересом как книга, имеющая самостоятельное значение.

В конце книги помещены: памятка организаторам экскурсий, список филиалов Центрального музея Ленина и местных ленинских музеев, перечень мемориальных досок памяти Ленина, установленных в Москве в 70-ю годовщину рождения Ленина, и указатель мест пребывания Ленина в Московской области.

Михаил Иванович Калинин (биография). (Ленинградский институт истории ВКП(б)). М. Политиздат. 1940. 128 стр. и 1 портр. 300 000 экз. 2 р. 20 к.

Первая подробная биография М. И. Калинина, налагающая его более чем 40-летний путь на службе рабочего движения и более чем 20-летнюю работу на посту главы советского государства.

Курс истории ВКП(б). Стенограммы лекций (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) М. 1940—1941. 7000 экз. (на прагах рукописи).

В дополнение к ранее изданным лекциям этого курса за последнее время вышли в свет новые лекции тов. Ем. Ярославского: а) «Подъем революционного движения в России в 1901—1904 годах. Ленинский план построения марксистской партии. Оппортунизм «экономистов». Борьба «Искры» за ленинский план» (ко II главе «Краткого курса истории ВКП(б)», лекции 1—2-я); б) «Второй съезд РСДРП. Принятие программы и устава и создание единой партии. Разногласия на съезде и появление двух течений в партии: большевиков и меньшевиков» (ко II главе «Краткого курса», лекция 4-я); в) «Борьба товарища Сталина за создание большевистских организаций в Закавказье» (ко II главе «Краткого курса», лекция 5-я); г) «Рагон I Государственной думы. Созыв II Государственной думы. Остояние революционного движения в стране. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 года). V съезд партии. Причины поражения первой русской революции» (к III главе «Краткого курса», лекция 9-я).

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Аграрная программа большевиков в первой русской революции. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (Лекция в помощь изучающим марксизм-ленинизм). М. Политиздат. 1941. 36 стр. 100 000 экз. 25 коп.

Книга является массовым переизданием лекций 7—8-й по III главе «Краткого курса истории ВКП(б)», прочитанных тов. Ярославским в Высшей партийной школе 15 апреля 1940 года.

Книга посвящена в основном работе В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.».

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Таммерфорсская конференция большевиков 1905 года. К

25-летию I конференции РСДРП. М. Политиздат. 1940. 48 стр. 100 000 экз. 30 коп.

Таммерфорская конференция большевиков состоялась 25—30 (12—17) декабря 1905 года. На ней впервые встретились Ленин и Сталин, поддерживавшие до этого связь друг с другом письмами или через товарищей. В книге тов. Ярославского рассказывается о положении в партии после III съезда, о переезде Ленина с членами ЦК, о подготовке Таммерфорской конференции и о ее работе. В конце книги приведен небольшой указатель литературы о Таммерфорской конференции.

Указатель основных первоисточников в помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)». Под ред. и с предисл. П. Понделова и Г. Александрова. 2-е, дополн. изд. (Всесоюзная книжная палата). М. Политиздат. 1940. 192 стр. 100 000 экз. 2 руб.

В книге, составленной коллективом сотрудников Всесоюзной книжной палаты (А. Бочвером, С. Гилевской, В. Никитиным и др.), приведены произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и его ближайших соратников, освещающие отдельные этапы истории ВКП(б).

Литература указана в порядке глав и разделов «Краткого курса истории ВКП(б)». В конце книги дан алфавитный указатель приведенных работ.

Книга является полным справочником для всех изучающих «Краткий курс истории ВКП(б)» и историю партии вообще.

В помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)». Указатель литературы. М. Всесоюзная книжная палата. 1940. 10 000 экз. Вып. 1-й. Январь—июнь 1940. 86 стр. 2 руб. Вып. 2-й. Июль—сентябрь 1940. 89 стр. 2 руб.

В указатель включены руководящие материалы и наиболее значительные статьи, опубликованные в центральных журналах и газетах СССР, а также пособия и сборники, изданные за январь—сентябрь 1940 года отдельными книгами. Материал расположен по главам «Краткого курса истории ВКП(б)». В особом разделе — «Организация и методика пропаганды марксизма-ленинизма» — собран материал, обобщающий опыт самостоятельно изучающих историю ВКП(б), а также литература о различных формах партийной пропаганды.

В конце указателя дан перечень новых изданий произведений классиков марксизма-ленинизма, партийных документов и книг по истории философии и политической экономии (с краткими аннотациями).

Кроме того в 1-м выпуске указателя приведена основная литература, выпущенная в первое полугодие 1940 года, о Ленине (в связи с 70-летием со дня рождения), о Сталине (в связи с 60-летием со дня рождения) и о Молотове (в связи с 50-летием со дня рождения), а во 2-м выпуске указана важнейшая литература, вышедшая ко 2-й годовщине издания «Краткого курса истории ВКП(б)».

МАКАРОВ П. В. Крутой дорогой. Симферополь. Крымгиз. 1940. 150 стр. с илл. и 1 карта. 5000 экз. 5 руб.

Книга П. В. Макарова, большевика-под-

польщика, приговоренного белыми к смертной казни и бежавшего из Севастопольской крепости, рассказывает о слабой и тяжелой борьбе красных партизан против белогвардейцев в горах и степях Крыма (тов. Макаров после бегства из тюрьмы стал организатором и командиром отряда из партизанских полков).

ПАПАНИН И. Д. Через море на помощь бойцам Перекопа. Симферополь. Крымгиз. 1940. 36 стр. 10 000 экз. 70 коп.

Дважды Герой Советского Союза тов. И. Д. Папанин делится в книжке воспоминаниями о двух своих «пелетальных» поездах Черным морем из Новороссийска в Крым (в августе и ноябре 1920 года) для организации, по поручению партии, красных партизан и высадки десанта в тылу Врангеля.

Несколько страниц книжки посвящено тов. М. В. Фрунзе.

МАГОМЕДОВ Р. Шамиль (Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР. Научно-популярная историческая серия. Вып. 7-й). Махачкала. Даггиз. 1940. 29 стр. с портр. 15 000 экз. 40 коп.

ЭМИРОВ Н. Уллубий Буйнакский (1890—1919). То же изд. Вып. 9-й. 48 стр. с портр. 5000 экз. 40 коп.

ЭМИРОВ Н. Махач Дахадаев (1879—1918). То же изд. Вып. 10-й. 32 стр. с портр. 10 000 экз. 40 коп.

ЭМИРОВ Н. Кази Магомед Агасиев (1882—1918). То же изд. Вып. 11-й. 32 стр. с портр. 10 000 экз. 40 коп.

МАГОМЕДОВ Р. Съезд народов Дагестана и приезд товарища Сталина (Темир-Хан-Шура, 13 ноября 1920 года). То же изд. Вып. 12-й. 56 стр. с портр. 10 000 экз. 40 коп.

Пять указанных книжек заканчивают собой популярную серию очерков на историю Дагестана, выпущенную к 20-летию ДАССР (о первых книжках серии см. аннотацию в № 1 «Исторического журнала» за 1941 год).

КОРОЛЕВ А. Г. и ФРЕЙФЕЛЬД О. Н. Международные отношения 1870—1918 годов. Сборник документов. Под ред. проф. В. М. Хвостова. М. Изд. Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии имени В. И. Ленина. 1940. 408 стр. В перепл.

В книге помещено 267 документов, характеризующих международные отношения 1870—1918 годов (в основном дипломатические документы и отчасти выдержки из дневников и мемуаров дипломатов).

Документы распределены по отделам: I. Международные отношения в 70—90-х годах XIX века. II. Начало англо-германского империалистического соперничества. Англо-японский союз. III. Русско-японская война и возникновение Антанты. IV. Обострение международных отношений в 1909—1914 годах. V. Подготовка Антанты и аястро-германского блока к войне. VI. Международные отношения в период первой мировой империалистической войны.

Некоторые из документов появляются на русском языке впервые.

Курс всеобщей истории. Новейшая история. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940—1941. 7050 экз. (на правах рукописи).

За последнее время вышли в свет: 1) лекция 8-я: Л. И. Зубок «Италия в 1918—1923 годах»; 2) лекции 11—12-я: С. Н. Ростовский «Кемалистская революция» в Турции. Революционный подъем 1919—1922 годов в Иране»; 3) лекции 13—14-я: Л. И. Зубок «Коммунистический Интернационал в 1924—1940 годах»; 4) лекции 17—18-я: С. В. Захаров «Англия в 1923—1935 годах»; 5) лекции 24—25-я: Л. И. Зубок «Китай в 1918—1939 годах» и 6) лекции 28—29-я: Л. И. Зубок «Финляндия и Прибалтика (1918—1939 годы)».

Курс всеобщей истории. Новая история. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940—1941. 7000 экз. (на правах рукописи).

По данному курсу вышли в свет новые лекции: 1) лекция 12—13-я: «Революция 1848 года в Германии»; 2) лекция 15-я: «Европейская реакция 50-х годов XIX века. Восточный вопрос и Крымская война»; 3) лекция 16-я: «Революционное движение в колониальных и зависимых странах»; 4) лекции 18—19-я: «Вторая империя во Франции. Воссоединение Италии и Германии, как самостоятельных государств»; 5) лекции 31—33-я: «Третья республика во Франции 1871—1914 годов»; 6) лекция 37-я: «Италия в 1870—1914 годах» и 7) лекции 39—40-я: «Буржуазные революции на Востоке в начале XX века».

Первые три брошюры принадлежат проф. А. В. Ефимову, четвертая — акад. Е. В. Тарле и три последние — проф. И. С. Галкину.

РОЗЕНБЕРГ Д. И. История политической экономии. Т. I. Утверждено ВКВШ при СНК СССР в качестве учебного пособия для экономических вузов и факультетов (Институт экономики Академии наук СССР). М. Соцэкгиз. 1940. 484 стр. 25 000 экз. 8 руб.

В книге излагаются прежде всего экономические воззрения главнейших мыслителей, писателей и политиков античного мира, затем — высказывания по экономическим вопросам авторов эпохи феодализма и, наконец, — история политической экономии в точном смысле этого слова, возникшей как наука одновременно с капитализмом. Первый том охватывает всю историю политической экономии от античного мира до Маркса и Энгельса включительно.

Второй том доведет изложение истории политической экономии до наших дней.

В конце книги дан довольно обширный библиографический указатель (стр. 473—482).

Курс источниковедения истории СССР (на переплете: «Источниковедение истории СССР») (Главное архивное управление НКВД СССР. Историко-архивный институт). Утверждено ВКВШ при СНК СССР в качестве учебника для исторических фа-

культетов университетов и педагогических институтов. М. Соцэкгиз. 1940. Тираж по 20 000 экз. 5 руб. за том.

Том I: М. Н. Тихомиров «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века». 256 стр.

Том II: С. А. Никитин «Источниковедение истории СССР XIX века (до начала 90-х годов)». 227 стр.

Учебник дает обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР.

В конце II тома дана небольшая глава «Значение трудов основоположников марксизма при изучении истории СССР XIX века».

Эта тема будет развита подробнее в следующем томе учебника, посвященном источниковедению истории СССР конца XIX — начала XX века.

Курс истории СССР. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940—1941. 7000 экз. (на правах рукописи).

В конце 1940 — начале 1941 года вышли в свет: 1) лекции 1—12-я: К. В. Базилевич. Темы. Древнейшие народы на территории СССР. Киевское государство. Феодальная раздробленность Восточной Европы в XII—XIII веках. Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей. Феодальные объединения на территории СССР в XIV—XV веках (272 стр.) и 2) лекции 13—23-я: К. В. Базилевич. Темы: Образование Русского национального государства. Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное. Крестьянская война в начале XVII века. Разгром польской и шведской интервенции. Русское государство в XVII веке. Народы Сибири в XVI—XVII веках. Завоевание Сибири. Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI—XVII веках. Борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. Присоединение Украины к России (256 стр.).

Лекции 24—29-я (Г. А. Новицкий. Россия в XVIII веке) были изданы раньше.

Еще раньше все указанные темы были выпущены отдельными брошюрами.

История СССР. Альбом наглядных пособий. Отв. ред. — В. И. Лебедев. Вып. 6-й. Подготовлен Н. Беляевым, М. Мешковым, Д. Перовым и Л. Сегаль. Под руководством З. А. Ждановой. М. Полигиздат. 1940. 34 отд. л. илл. и карт (51 × 72 см) и 64 стр. «Пояснительного текста» (на стр. 56—64 дана библиография). 12 000 экз. 125 руб.

Данный выпуск альбома посвящен России XVIII века (сведения о предыдущих выпусках см. в № 2 «Исторического журнала» за 1941 год).

МИХЕЛЬСОН А. Подводная война 1914—1918 годов (перев. с немецкого). М. и Л. Военмориздат. 1940. 138 стр. с илл. и карт. 4 р. 45 к.

Книга дает обстоятельный анализ и сжатую историю подводной войны, прове-

дешиной Германией во время первой мировой империалистической войны.

ОСИПОВ В. А. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 годах (Партиархив Саратовского обкома ВКП(б). Саратов. Обл. изд-во. 1940. 124 стр. с илл., портр. и факсим. 7000 экз. 3 р. 65 к.

Содержание книги несколько шире ее заглавия. В книге дается прежде всего описание положения рабочих и крестьян Саратовской губернии накануне революции 1905—1907 годов, затем прослежено образование саратовской социал-демократической организации с 80-х годов и после этого излагается деятельность саратовской организации РСДРП в период революции 1905—1907 годов по революционной мобилизации масс, по руководству крестьянским движением, по партийной работе в войсках и т. д. (по отдельным этапам революции).

Книга написана на основе данных большевистской печати 1900—1907 годов, материалов партийного архива Саратовского обкома ВКП(б) и фондов архивного отдела УНКВД по Саратовской области. Книга рассчитана на массового читателя.

СТРУМИНСКИЙ М. Я. Петр Алексеев в якутской ссылке. Якутск. Гос. изд-во ЯАССР. 1940. 80 стр. с илл. и 1 портр. 5000 экз. 2 р. 85 к.

Книга посвящена одному из первых рабочих-революционеров, П. А. Алексееву (родился в 1849 или 1851 году, убит 16 августа 1891 года). В книге даны биография Петра Алексеева, его историческая речь на процессе 50-ти в 1877 году, общая характеристика Алексеева и довольно подробно описана его жизнь в якутской ссылке (после 10-летней каторги). В особом приложении помещены некоторые якутские фольклорные материалы о Петре Алексееве.

Книга написана на основе воспоминаний ссыльных — современников Петра Алексеева, его писем из ссылки и материалов Якутского центрархива.

СТЕПАНОВ А. Петропавловская оборона (1853—1856 годы). Хабаровск. Дальгиз. 1940. 108 стр. 10 000 экз. 3 р. 70 к.

Книга Степанова описывает один из эпизодов враждебной России деятельности Англии во время возникшей в 1853 году русско-турецкой войны. Едва была объявлена война, англичане совершили свое разбойное нападение на Петропавловск на Камчатке (17 августа 1854 года). В книге показаны отпор, полученный английской эскадрой со стороны русских, последующий разгром вражеского десанта (24 августа 1854 года) и операции по обороне дальневосточного побережья в 1855—1856 годах. Последняя глава книги посвящена отдельным героям обороны (матрос Семен Удалой и др.).

КУДРЯВЦЕВ Ф. А. История бурят-монгольского народа. Очерки. Кн. 1-я. От XVII века до 60-х годов XIX века (Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории). М. и Л. Изд-во Академии

наук СССР. 1940. 242 стр. и 1 карта. 6000 экз. 12 руб.

Книга является плодом 10-летней работы и во многом написана на основе опубликованных материалов местных архивов.

Во 2-й книге история бурят-монгольского народа будет доведена до образования Бурят-Монгольской АССР (1923 год).

Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. II (1772—1903 годы). Состав. Н. М. Никольский, Д. А. Дудков, И. Ф. Лочмель и др., под ред. акад. Н. М. Никольского и И. Ф. Лочмеля (Институт истории Академии наук БССР). Минск. Изд-во Академии наук БССР. 1940. XVI и 940 стр. 4000 экз. 30 руб.

Первый том данного издания был выпущен под заглавием «История Белоруссии в документах и материалах».

Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. 1-я. 1801—1839. Подготовлено к печати Г. В. Грюмберг и С. К. Бушуевым, под ред. Р. Магомедова. Вступительная статья С. К. Бушуева (Институт истории Академии наук СССР. Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР). Махачкала. Даггиз. 1940. 472 стр. и 1 карта. 3000 экз. 10 руб.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Под ред. Института истории Академии наук СССР (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК МАССР). Саранск. 1940. 436 стр. 3000 экз. 11 руб.

Помещенные в данном томе материалы и документы охватывают период от V века до нашей эры до 70-х годов XVII века нашей эры.

В конце книги даны указатели личных имен, географических названий и предметный (к I и II томам издания).

О выходе II и III томов данного издания см. № 1 «Исторического журнала» за 1941 год и № 12 за прошлый год.

ПУШКИН А. С. Полное собрание сочинений. (Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди и др.). Т. IX. История Пугачева. Полутом 2. Материалы. (Ред. В. Л. Комарович). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 485—950 стр. и 5 вкл. л. илл. 27 000 экз. 25 руб.

Книга содержит весь дошедший до нас пушкинский рукописный фонд использованных в «Истории Пугачева» исторических материалов (записи устных рассказов, преданий и песен; дневники и записки современников; выписки из архивных дел и пр.); часть материалов публикуется в первый раз.

Опубликованные материалы показывают, что осведомленность великого поэта в исторических первоисточниках крестьянского восстания 1773—1775 годов была несравненно глубже, чем до сих пор принято было думать.

Первый полутом IX тома, содержащий самую «Историю Пугачева» (перезаглав-

ленную в «Историю пугачевского бунта» Николаем I), в свет еще не вышел.

В конце второго полутома дан обширный алфавитный указатель имен и предметов в обоих полутомах IX тома (стр. 811—945).

АРТАМОНОВ Д. С. Северные церковники на службе у царизма. Архангельск. Обл. гос. изд-во. 1940. 64 стр. 10 000 экз. 95 коп.

В книге, написанной на основе архивных материалов, дается обзор реакционной деятельности северных попов и монахов на протяжении ряда столетий: с момента возникновения монастырей до разгрома интервентов и установления советской власти на Севере.

Книга предназначена для массового читателя.

ВОСТОКОВ Е. И. Церковники Исаакиевского собора в борьбе против народа. 2-е изд., переработ. Л. Изд. Государственного антирелигиозного музея (б. Исаакиевский собор). 1940. 68 стр. и 6 вкл. л. илл. 5000 экз. 3 р. 50 к.

В первой главе книги говорится об Исаакиевском соборе как памятнике тяжелого крепостного труда (строился в течение 40 лет: с 1819 по 1858 год).

Во второй главе освещается 70-летняя (1858—1928 г.г.) реакционная деятельность причта Исаакиевского собора.

Третья и последняя глава книги кратко излагает просветительскую работу Антирелигиозного музея, организованного в б. Исаакиевском соборе в 1928 году.

Акты хозяйства боярина В. И. Морозова. Под общей ред. проф. А. И. Яковлева. Ч. 1-я (Институт истории Академии наук СССР). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 229 стр. 1500 экз. 15 руб.

В книге даны: небольшое археографическое введение, 13 описей («книг») земельных владений боярина В. И. Морозова и 217 документов вотчинной переписки по 13 группам вотчин боярина Морозова за 1648—1660 годы (больше всего—135—документов относятся к подмосковным звенигородским владениям боярина).

Хозяйственная переписка боярина В. И. Морозова вошла в исторический обиход в 1871 году вместе со статьей И. Е. Забелина «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве» (журнал «Вестник Европы»).

В 1928 году переписка Морозова была выпущена в свет в Москве в машинописном издании, а в 1933 году—переиздана в сокращенном виде в Ленинграде. Настоящее издание «восстанавливает полностью всей доселе известной хозяйственной переписки боярина Морозова с управителями его вотчин».

Материалы эти поднимают ряд интереснейших вопросов русской истории XVII века.

Курс всеобщей истории. Средние века. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М. 1940—1941. 7000 экз. (на правах рукописи).

К концу февраля 1941 года вышли в свет 19 лекций (в 13 брошюрах объемом от

1 до 3 печатных листов), а именно: 1) лекции 1—4-я—«Раннее средневековье» (72 стр.); 2) лекция 6-я—«Индия в средние века»; 3) лекции 8—9-я—«Средневековые города. Крестовые походы»; 4) лекции 10—11-я—«Англия в XI—XV веках. Восстание Нота Тайлера»; 5) лекции 12—13-я—«Франция в X—XV веках. Парижское восстание 1358 года. Жакерия»; 6) лекция 14-я—«Германия и Италия в X—XV веках. Палестина»; 7) лекция 15-я—«Южные и западные славяне. Чехия и гуситские войны»; 8) лекция 16-я—«Италия в XIII—XV веках»; 9) лекция 17-я—«Испания в XIV—XV веках. Великие географические открытия»; 10) лекция 18-я—«Средневековая культура. Зарождение буржуазной идеологии. Гуманизм»; 11) лекция 19-я—«Реформация и крестьянская война в Германии»; 12) лекция 20-я—«Германия и Чехия после крестьянской войны. Революция в Нидерландах»; 13) лекция 21-я—«Абсолютизм во Франции и в Англии».

Первые 8 брошюр (за исключением второй, воспроизводящей лекцию Е. А. Беляева) принадлежат проф. А. Д. Удальцову; последние 5 брошюр содержат лекции проф. С. Д. Скажина.

ВАЙНШТЕЙН О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Допущено Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторического факультета государственных университетов и педагогических институтов (Институт истории Академии наук СССР). М. и Л. Соцэкгиз. 1940. 375 стр. 20 000 экз. 7 руб.

Основные разделы книги таковы: I. Введение. II. Феодалная историография до зарождения буржуазной исторической науки (V—XV века). III. Гуманистическая историография XV—XVI веков. IV. Эрудицкая школа XVII—XVIII веков. V. Историография эпохи Просвещения (XVIII век). VI. Романтическая историография периода европейской реакции (первая треть XIX века) и подъема революционного движения 30—40-х годов. VII. Историография второй половины XIX века. VIII. Буржуазная историография эпохи империализма. IX. Историография средних веков в дореволюционной России (XIX век—1917 год). X. Марксистско-ленинская историография: 1. Классики марксизма-ленинизма и проблемы средневековой истории. 2. Марксистско-ленинская историография в СССР.

Книга снабжена обширными библиографическими указаниями.

История философии. Под ред. Г. Ф. Александрова, В. Э. Быховского, М. Б. Митина и П. Ф. Юдина (Институт философии Академии наук СССР). Т. I. Философия античного и феодального общества. М. Политиздат. 1940. 492 стр. с портр. 50 000 экз. 10 руб.

Настоящий том составляет часть подготовляемого к печати коллективом Института философии Академии наук СССР семитомного труда по истории философии с древнейших времен до наших дней.

В трех первых разделах тома охарактеризована философия периода формирования рабовладельческой Греции (Милетская школа, Пифагорейский союз, Гераклит Эфесский, Элейская школа), философия периода расцвета древнегреческой рабовладельческой демократии (Эмпедокл и Анаксагор, Левкипп и Демокрит, софисты, Сократ и сократические школы, Платон, Аристотель) и философия упадка древнегреческого рабовладельческого общества (академики, перипатетики, Эпикур, стоицизм, скептицизм, эклектизм). Четвертый раздел книги характеризует древнеримскую философию, и последний — философию средневекового общества.

КУН Н. А. Что рассказывали древние греки о своих богах и героях (Библиотека учителя). М. Учпедгиз. 1940. 460 стр. с илл. 15 000 экз. 8 р. 50 к.

Книга эта издавалась в 1914, 1922, 1931 и 1937 годах. Она дает живое изложение основных сказаний древнегреческой мифологии и главных эпических циклов (Аргонавты, Илиада, Одиссея, Агамемнон и его сын Орест, Фиванский цикл).

ШИШКИН В. А. Археологические работы 1937 года в западной части Бухарского оазиса (Институт языка, литературы и истории УзССР). Ташкент. Изд-во Узбекского филиала Академии наук СССР. 1940. 53 стр. с илл. и карт. и 2 вкл. л. карт и план. 600 экз. 2 р. 50 к.

Книга является отчетом об экспедиции, проведенной под руководством автора. Экспедиция обследовала большое количество памятников, установила местонахождение древнего города Варахша и собрала значительные материалы по истории, археологии и культуре Бухарского оазиса.

Сборники трудов научных учреждений

«Известия Ростовского областного музея краеведения». Вып. 2-й. Р/Д. Ростиздат. 1940. 140 стр. 1000 экз. 8 руб.

Из 16 статей сборника 8 носят исторический характер: Большевицские организации Дона в период второй буржуазно-демократической революции (февраль — сентябрь 1917 года), Второй Донской областной съезд советов (17—20 июня 1920 года) и др.

«Труды Военно-политической академии Красной Армии имени В. И. Ленина, IV М. 1940. 318 стр. Тираж и цена не указаны.

Книга содержит 9 статей: Сталин и проблемы истории СССР. Ленинский план электрификации и его выполнение. Разгром белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 году. Буржуазно-помещичья контрреволюция в период с 27 февраля по 5 мая 1917 года. Железнодорожный транспорт в русско-японскую войну 1904—1905 годов. Морской флот России в Крымскую войну 1853—1856 годов. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией. Народные движения во Франции в 1824—1834 годах. Гоголь и проблемы исторической повести.

«Труды Горьковского государственного педагогического института имени М. Горького». Вып. 7-й. Исторический сборник. Город Горький. 1940. 192 стр. 500 экз. 14 руб.

В книге помещено 5 работ: О книге Маркса и Энгельса «Святое семейство». Проведение в жизнь ирландского земельного законодательства в 50-е годы XVII века (начало в вып. 3-м, 1939 год). Олар как историк французской революции. К вопросу о родовом строе у северных осетин в эпоху завоевания Россией (конец XVIII — начало XIX века). К истории изучения палеолита в СССР (с библиографией, на стр. 187—192).

«Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа». Т. III. Л. 1940. 365 стр. с илл. 1500 экз. 35 руб.

В книге помещены вводная статья «К 20-летию существования отдела Востока Государственного Эрмитажа», 25 научных статей и заметок по истории и искусству Востока и список работ сотрудников отдела Востока за истекшие 20 лет (145 названий).

«Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР». Серия 1-я. История, археология. Вып. 1-й. Исследования палеолитической пещеры Тешик-Таш. Ташкент. 1940. 76 стр. с илл. и 3 вкл. л. илл. 700 экз. 2 р. 60 к.

Сборник (3 статьи) посвящен открытию первой на территории Средней Азии пещеры-жилища человека мустьерской эпохи древнекаменного века. Авторы описывают орудия труда, животный мир, окружающий человека, и антропологический тип человека этой эпохи — неандертальца — на основе находок, обнаруженных при раскопках пещеры в 1938 году.

«Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института имени М. Н. Покровского». Т. V. Исторический факультет. Вып. 1-й. Л. 1940. 182 стр. 1000 экз. 20 руб.

Книга содержит 9 статей: 1. Место, нарицаемое Ереель, его же Русь зовет Угол (из курса исторической географии). 2. Новгородская судебная грамота. 3. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. 4. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев. 5. Политические послания Саллюстия к Цезарю. 6. «Каролингское возрождение» и проблемы школьной образованности в раннем средневековье. 7. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века. 8. Восстание Уайатта в 1554 году (Англия). 9. Революция 1911—1913 годов в Китае и Сун Ят-сен.

Методическая литература

РУДНЕВА Е. И. Воспитательная работа на уроках истории в начальной школе (Государственный научно-исследовательский институт школ НКП РСФСР. Бюро заочной консультации. В помощь учителю. № 1). М. 1940. 14 стр. 1300 экз. 85 коп.

Опыт лучших учителей истории по воспитанию у учащихся чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

История СССР. Методические указания для заочного обучения учителей (за курс педагогического училища). Состав. А. В. Фохт (Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей Управления подготовки учителей НКП РСФСР). М. 1940. 40 стр. 40 000 экз. 40 коп.

В книге даны краткие указания по самостоятельным занятиям заочников и по занятиям на зимней и летней учебно-зачетных сессиях, с проверочными вопросами по каждой теме курса.

Историческая художественная литература

ГОЛУБОВ С. Из искры — пламя. Роман (для детей старшего возраста). М. и Л. Детиздат (Историческая библиотека). 1940. 348 стр. с илл. 8 вкл. л. илл. 15 000 экз. 7 р. 75 к.

Книга Голубова посвящена декабристам.

ГРИГОРЬЕВ С. Суворов. Историческая повесть. М. и Л. Детиздат (Школьная библиотека). 1940. 80 стр. с илл. 177 000 экз. 1 р. 25 к.

Третий вариант повести Григорьева о великом русском полководце. В 1939 г. вышла книжка для детей младшего и среднего возраста, затем появилась книга для старшего возраста. В настоящем издании книга переработана для учащихся начальной школы.

АНТОНОВСКАЯ А. Диди Моурави. Исторический роман (Грузия XVI—XVII веков). Кн. 2-я. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1940. 478 стр. 7000 экз. 19 руб.

«Грузины дореформенных времен, — говорит товарищ Сталин, — жили на общей территории и говорили на одном языке,

тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, направляя друг на друга персов и турок» («Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10. М. Партиздат. 1939).

В романе Анны Антоновской освещен этот тяжелый период в истории грузинского народа и борьба народного героя Грузии конца XVI—начала XVII века Георгия Саакадзе, известного под именем «Великого Моурави», против феодальной раздробленности, за централизованное и независимое грузинское государство.

Под этим названием роман уже был издан в Москве Гослитиздатом в 1939 году в несколько сокращенном виде. Настоящее издание дает полный текст романа (I том этого издания был выпущен в Тбилиси в 1937 году).

GERMAN Ю. Рассказы о первом чекисте. Рис. О. Верейского. М. и Л. Детиздат. 1940. 64 стр. с илл. 100 000 экз. 3 р. 30 к.

Книга содержит 13 рассказов для детей младшего и среднего возраста о Ф. Э. Дзержинском.

ФАЗИН З. И. Крепость на Волге. Повесть. М. «Молодая гвардия». 1940. 284 стр. 15 000 экз. 9 р. 50 к.

Повесть изображает С. М. Кирова в годы гражданской войны в Астрахани.

КОСТЫЛЕВ В. И. Козьма Минин. Повесть (Библиотека красноармейца). М. Воениздат. 1940. 136 стр. с илл. 60 коп.

Повесть для массового читателя о вожде нижегородского народного ополчения 1611—1613 годов и о победной борьбе русского народа против польских захватчиков, за независимость своего государства. Переделка романа (того же названия), выпущенного в 1939 году Гослитиздатом.

Экспозиция Белоруссии и Украины в XVI—XVII вв. в Государственном Историческом музее

За последние годы коллектив сотрудников Государственного Исторического музея добился значительных успехов.

В Музее появились новые залы, экспозиции и витрины, отражающие историю многочисленных племен и народов, населявших обширную территорию нашей родины.

Многие экспозиции содержат ценнейший и интереснейший материал, прекрасно подобранный. Однако есть отступления от этого высокого уровня. Так, экспозиции и витрины, посвященные истории Галицко-Волынской земли X—XIII веков (зал № 8), народам Сибири и Поволжья и их борьбе против колониальной политики русского царизма в XVII веке (зал № 17), Украине и Белоруссии XVI и XVII веков, невыгодно отличаются от всех остальных экспозиций Государственного Исторического музея.

Указанные экспозиции заполнены вместо экспонатов фотокопиями с прибавлением к ним, в лучшем случае, отрывков из летописей или плохо продуманных и неряшливо составленных объяснительных текстов.

Например в небольшой витрине «Галицко-Волынская земля X—XIII веков» имеются, кроме многих фотокопий, 11 текстов из Ипатьевской летописи и 8 объяснительных текстов. Также оформлен в виде фотовыставки зал № 17 — «Народы Поволжья и Сибири и колониальная политика царизма в XVII веке». Немногом лучше выглядит экспозиция левой части 18-го зала — «Белоруссия и Украина в XVI—XVII веках. Борьба Украины с польским владычеством», — критическому разбору которой посвящен данный очерк.

Тема «Белоруссия и Украина в XVI—XVII веках. Борьба Украины с польским владычеством» разделена на 5 подтем.

Первая подтема называется «Развитие магнатского хозяйства и крепостничества в Белоруссии и на Украине в XVI и первой половине XVII века».

Материалы, представленные здесь, раскрывают тот период истории Белоруссии и Украины, когда они, спасаясь от невыносимого татарского ита, «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому» (Ю. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10). XVI век явился переломным (в связи с введением «Уставы на волоки» в 1557 г.) в развитии магнатского хозяйства Белоруссии и той

части Украины, которая находилась под властью Литвы. Чем больше развивались магнатские и шляхетские хозяйства, тем больше разорялись крестьянские хозяйства, и на одной волоке (наделе) скоро появились 5—6 крестьянских хозяйств вместо одного.

Положение украинских крестьян еще более ухудшилось, когда польские пань, воспользовавшись тяжелым положением Литвы во время ее неудачной войны с Иваном Грозным, принудили литовских магнатов заключить с Польшей унию (последняя была проведена на Люблинском сейме 1569 года). Теперь хозяевами на украинских землях стали польские магнаты и шляхтичи. Они уничтожали крестьянские общины, захватывали общинные земли, луга и леса. Возникали огромные магнатские латифундии, которые занимали площадь в десятки тысяч десятин земли, охватывая сотни и тысячи сел и городов.

Хищническое хозяйничанье польских магнатов на Украине привело к истощению земли (отсюда ряд неурожаев в конце XVI и первой половине XVII века), уничтожению лесов и природных богатств Украины.

Как же отражаются эти крупнейшие события в музейной витрине? В экспозиции имеются фотокопии портретов угнетателей народа: польского короля Сигизмунда, литовского гетмана Г. А. Ходкевича; крупных земельных владельцев: Ю. Ю. Омельковича, Б. Сташкевича-Заверского, К. К. Острожского и жены крупного магната Тышкевича. Имеются также фото-снимки украинских и белорусских крестьян. Почти все снимки в этой витрине, как и в витринах других подтем, представляют собой плохие фотокопии из книг. Подлинниками являются лишь портреты жены Тышкевича и К. К. Острожского.

Очень много снимков взято из «Иллюстрированной истории украинского народа» М. Грушевского. Снимки украинских и белорусских крестьян относятся не к XVI, а к XVIII веку. Они взяты у Ригельмана, из его «Летописного повествования».

Из текстов имеются отрывки из «Уставы на волоки» (1557 год) и из постановления Варшавской конфедерации (1573 год), которая узаконила право польских панов распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных. Остальные тексты и карты, имеющиеся в этой витрине, совершенно не относятся к этой подтеме, если исходить из того, как она сформулирована. Что

касается экспонатов, то они совершенно отсутствуют.

Так невыразительно и скупо освещен значительнейший период в жизни украинского и белорусского народов.

Вторая подтема — «Люблинская уния (1569 год) и Брестская (1596 год). Братства. Классовая борьба на Украине в конце XVI и первой половине XVII века».

Последняя треть XVI и первая половина XVII века — самый тяжелый период в жизни украинского народа в смысле политического бесправия, экономической зависимости, религиозных преследований и национальных гонений. Этот период характеризуется многочисленными народными восстаниями Украины против шляхетской Польши. С особенной силой крестьяне восставали против стремления польской шляхты ополчать украинский народ, уничтожить его культуру, язык, национальные особенности и оторвать его от братского русского народа. В то время как паны являлись поляками по национальности и католиками по вере, крестьяне были по национальности украинцами, а по вере — православными. Это особенно подчеркивает Энгельс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 160).

Верхушка православного духовенства и значительная часть украинских панов, добываясь уравнивания в правах с католическим духовенством и польскими панями, желая укрепить свои позиции в панской Польше, выступили за церковную унию, то есть за соединение православной и католической церкви под властью папы римского. Эта уния была заключена на Брестском соборе в 1596 году. Но широкие массы украинского и белорусского народов «сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, стр. 160), борьба за которую означала для них борьбу за национальную самостоятельность. Против унии боролись возникшие на Украине братства (городские общины православных украинцев); большую роль в народных восстаниях играла Запорожская Сечь.

Витрина второй подтемы почти целиком посвящена лишь унии и борьбе с ней. Кроме подлинного портрета иезуита Ленцицкого здесь имеются фотокопии портрета идеолога иезуитизма конца XVI и начала XVII века Петра Скарга (1536—1612 годы) и представителей высшего православного духовенства — активных проводников унии: Кирилла Терлецкого, владыки Луцкого, Ипатия Поцея и витебского униянского архиепископа Иосафата Кунцевича. Роскошные одежды, серебряные и золотые предметы униянского обряда (кресты, лампы, евангелия в дорогом оформлении) и цифровые данные о богатствах Терлецкого являются прекрасной иллюстрацией того, что измена народным интересам верхушки православного духовенства была продиктована личными интересами, стремлением со-

хранить свои политические и экономические привилегии.

Противники унии представлены в витрине менее выразительно. Показ борьбы с унией ограничивается фотокопией с рисунка Вестерфальда 1631 года «Киево-Печерский монастырь» и снимком известного киевского митрополита — противника унии и католичества — Петра Могилы (1596—1644 годы).

Приведен также отрывок из речи волынского депутата Лаврентия Древинского на польском сейме в 1621 году, в котором ярко обрисованы неслыханные притеснения католиками украинцев-неуниатов.

Портрет защитника православия К. К. Острожского помещен в витрине первой подтемы; объяснительный текст к нему явно искажает историческую действительность и является образцом перьяшливости и непродуманности. «Острожский, — читаем мы, — является опорой украинского движения в борьбе с польско-католическим владычеством».

Во-первых, нельзя говорить «украинское движение» (этот термин встречается только у буржуазно-националистических историков типа М. Грушевского), имея в виду народное движение на Украине, классовую борьбу народных масс Украины против польских панов.

Во-вторых, совершенно неверно представлять К. К. Острожского, крупнейшего магната, как «опору украинского движения». Хотя Острожский и был против унии и католичества, однако классово он был связан с польской шляхтой, о чем ярко свидетельствует его поведение во время восстания крестьян под предводительством Косинского (1591—1593 годы). Острожский выступил против повстанцев не только со своим войском, но и собрал всю волынскую шляхту для борьбы с восставшими.

Вообще оппозиция украинских магнатов наступлению польских панов, в частности их (украинских магнатов) деятельность в области развития украинской культуры (так например открытие К. К. Острожским типографии, школы, издание библии на церковно-славянском языке и т. д.), была неустойчивой и неглубокой.

В отдельной небольшой витрине помещены библия Острожского (издание 1580 года) и «Апокрисис» Филалета, являющиеся ответом православных на книгу П. Скарга, написанную в защиту Брестского собора и унии. Здесь же выставлен «Апостол», напечатанный во Львове в 1574 году Иваном Федоровым.

В витрине второй подтемы имеются еще: небольшая карта «Города и торговые пути на Украине и в Белоруссии в XVI и первой половине XVII века», фотокопии города Гродно (с гравюры XVI века), план города Полоцка (1579 год) и фотокопия остатков Каменец-Подольской крепости.

Братства представлены небольшой хронологической таблицей дат волеизъявления их в отдельных городах. Герб львовского братства и снимки, посвященные Сагай-

дьячому, взяты из «Пллюстрированной истории» М. Грушевского.

Материалы по Люблинской унии (небольшая карта «Белоруссия и Украина в XVI и первой половине XVII века под властью польско-литовского государства»), по закреплению польскими панями украинских крестьян (тексты из Боплана, из «Актів Южної и Западної Руси», из третьего литовского статута 1588 года, изданного на русском языке) и материалы по Запорожью (несколько фотокопий, карта течения Днепра, сделанная Блавином и изданная в 1642 году в Амстердаме, немного молет, обращающихся тогда на Украине) разбросаны в разных местах витрины не второй, а первой подтемы.

Что же касается материалов по народным движениям на Украине, то они представлены небольшой картой «Крестьянско-казачьих восстаний конца XVI века и 30-х годов XVII века», фотокопиями с картины художника Геде «Наливайко в Могилеве», двумя старшинскими булавами и двумя самодельными копьями, которыми вооружались повстанцы (помещены в витрине третьей подтемы).

Все это свидетельствует о полном несоответствии между названиями подтем и размещением музейных материалов. Если же к этому прибавить отсутствие достаточного количества продуманных объяснительных текстов и неточность ряда заголовков, например «Крестьянско-казачьи» восстания, когда речь идет о народных восстаниях на Украине против польских панов, то получается довольно неприглядная картина.

Большим упущением является отсутствие в витринах первой и второй подтем высказываний Энгельса, относящихся к Украине и Белоруссии XVI и XVII веков (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 159—160 и т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10—11).

Третья подтема называется «Борьба Украины и Белоруссии с польским владычеством в 1648—1654 годах».

Народные восстания на Украине против панской Польши в конце XVI и первой половине XVII века являлись по существу подготовительным этапом национально-освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов.

Национально-освободительная война охватила также Галицию, Волынь и Белоруссию.

Движение это выдвинуло целую плеяду народных вождей, среди которых особо видное место занимают Максим Кривонос, Иван Богун, Данила Нечай, Небаба в Белоруссии и другие.

Во главе всего движения стоял казачий старшина, участник восстания 30-х годов XVII века Богдан Хмельницкий. Под его руководством произошло присоединение Украины к братской России. И в том, что Хмельницкий сумел правильно ориентироваться в сложной обстановке того времени, его огромная историческая заслуга перед

русским и украинским народами. За это народ воспеваеет его в своих «думах».

Между тем в витринах Музея, как это ни странно, не раскрыта подлинная роль Хмельницкого в этом событии огромного исторического значения, нет даже народных «дум», которые показали бы отношение народа к Хмельницкому. Текст унии-версала Хмельницкого 1650 года, направленный против крестьян, выступающих против польских панов, и отрывок из народной «думы», в которой Хмельницкий проклинается народом за набег на Украину его «союзников»-татар, могут создать в глазах незнакомого с историей посетителя исключительно отрицательное мнение о Хмельницком, что извращает историческую действительность. Четыре года висел этот отрывок народной «думы» в витрине (столько же висят и остальные тексты непросмотренными и неиспользованными), и только недавно он был снят по указанию одного из посетителей, а новый текст вообще не упоминает о Хмельницком.

О непродуманности текстов свидетельствуют также заголовки и объяснение к карте, на которой показаны пути походов украинских войск под руководством Хмельницкого в 1648—1649, 1651 годах, пути отрядов Максима Кривоноса, районы восстания в Белоруссии и т. д. Упущением надо считать отсутствие на карте пути знаменитого руководителя национально-освободительной войны Ивана Богуна, имя которого носили на Украине в годы гражданской войны славные отряды народного героя Николая Щорса.

Относительно неплохо освещена роль руководителя крестьянских отрядов Максима Кривоноса. Большой портрет Максима Кривоноса (польская правюра XVII века) как бы давит сверху на висящие под ним небольшие фотоснимки польского короля Яна Казимира и пана Адама Киселя, против которых он боролся. Рисунок Александрова «Взятие Бара Максимом Кривоносом» и фотокопии с картины художника Самокиша «Бой М. Кривоноса с князем Иеремией Вишневецким у села Мяхновка в июле 1648 года» раскрывают облик того Кривоноса, который, по выражению народной «думы», «лядокую славу загнав під лаву».

Экспонированные здесь казачьи сабли, самодельные копья, седла (правда, позднейшего времени), пушки и в особенности литавры придают витрине некоторую привлекательность.

Зато почти все тексты, выставленные в витрине, заставляют желать лучшего. Так, тексты Зборовского договора 1649 года (отражающего победу украинских войск над полчищами польских панов под Збаражем и Зборовым) и Белоцерковского договора 1651 года (в котором отражено поражение украинских войск благодаря измене «союзника» Хмельницкого — крымского хана), безусловно, представляют интерес для посетителя, однако не в таком виде, как они поданы, поскольку это лишь неудачный пересказ основных статей обоих договоров. При этом объясни-

тельный текст сливается с текстом статей договоров, и трудно отличить, что принадлежит к тексту договоров, а что к объяснительному тексту.

Не обошлось и без фактических ошибок. Например в тексте «Основные статьи Белоцерковского договора» статья 3-я гласит: «Число реестровых казаков уменьшилось с 60 тысяч до 20 тысяч человек». Следовало бы знать, что никогда до 1654 года не было 60 тысяч реестровых. Наибольшее количество их было установлено по Зборовскому договору — 40 тысяч, и эта цифра указана рядом, на той же витрине.

Витрина, посвященная национально-освободительной войне, завершается непонятно почему, картой Украины XVII века, составленной Бошланом. Не лучше ли было бы дать эту карту в начале подтемы?

При составлении этой витрины работникам украинского отдела Исторического музея следовало бы иметь в виду, что Энгельс увязывает крах захватнических планов польской Польши с восстанием против польских панов русского народа в 1612 году и украинского и белорусского народов под предводительством Богдана Хмельницкого (см. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч. Т. XV, стр. 167).

Четвертая подтема называется «Присоединение Украины к России. Гетманщина во вторую половину XVII века».

Национально-освободительная война закончилась изгнанием польских панов из Левобережной Украины и присоединением ее к братской России. Поэтому говорить о присоединении в отрыве от национально-освободительной войны, как это сделано в данной витрине, является грубой ошибкой. Это нужно было отметить даже в формулировке.

Весьма странно также, что в витрине четвертой подтемы, обобщенно, нет материалов, которые бы отражали самый факт присоединения. Хотя имеются десятки, если не сотни документов о переговорах Хмельницкого с русским правительством по вопросу о присоединении Украины к России, единственным напоминанием об этом большом и радостном для украинского народа событии служит объяснительный текст «Основных пунктов Переяславских статей».

Текст этот к тому же написан, подобно текстам Зборовского и Белоцерковского договоров, неряшливо и пестрит фактическими ошибками. Поэтому нам кажется более целесообразным привести полностью подлинный текст, и тогда комментарии к нему окажутся излишними.

Так например в «Основных пунктах Переяславских статей», в пункте 4-м, сказано: «Украина получает право сноситься самостоятельно с иностранными государствами, за исключением Турции».

Между тем в пункте 5-м договора, заключенного в Москве 21 марта 1654 года, читаем следующий ответ русского правительства представителям Украины, которые требовали, чтобы гетман имел право «волю принять» послов других госу-

дарств: «...по сей статье царское величество указал: послов о добрых делах принимать, отпускать; а о каких делах приходили и с чем отпущены будут, о том писать к царскому величеству подлинно и вскоре. А которые послы присланы от кого будут царскому величеству с противным делом, и тех послов и посланников задерживать в войске и писать об них в указе к царскому величеству вскоре-ж, а без указу царского величества назад их не отпускать. А с турецким салтаном и с польским королем без указу царского величества не ссылатца».

Вряд ли следует доказывать, что между приведенным отрывком и пунктом 4-м текста, выставленного в витрине Музея, имеется существенное различие. Так же обстоит дело и с другими статьями Переяславского, а также Зборовского и Белоцерковского договоров, о которых речь шла выше.

Необходимо отметить, что никаких «переяславских статей» в действительности не было. На Переяславской раде проведена лишь церемония присоединения Украины к России, но никаких договоров заключено не было.

Эти «статьи» через 2½ месяца после Переяславской рады, 21 марта 1654 года, были представлены войсковыми посланниками (представителями Украины) Павлом Тетеря и Самойло Богдановым царю Алексею Михайловичу. При этом договор составлен в виде пунктов, выдвинутых со стороны Украины, и встречных пунктов — со стороны русского правительства, которые не подлежали изменению (см. «Акты, относящиеся к истории юго-западной России». Т. X, стр. 477—484. СПб. 1878).

Период от смерти Хмельницкого до воцарения Мазепы, названный в истории «руиной», представляет собою непрерывную смену гетманов и отмечен отделением Левобережной Украины от Правобережной, которая набегами турецко-татарских орд и шляхты превращена была в пустыню. Это период формирования козацкой старшины как господствующего класса. Витрина по этой теме составлена из нескольких фотокопий портретов гетмана Выгорского, Юрия Хмельницкого, Брюховецкого, Самойловича, расположенных в таком же порядке и в таком же виде, как и в «Иллюстрированной истории украинского народа» М. Грушевского. Единственное, что заслуживает внимания, — это наглядная схема гетманщины второй половины XVII века и несколько подлинных грамот Выгорского, Юрия Хмельницкого и Алексея Михайловича.

Пятая подтема — «Культура Украины и Белоруссии в XVI—XVII веках» — представлена лишь предметами личного пользования козацкой старшины. Совершенно отсутствуют предметы, бытовавшие в XVI—XVII веках в среде козаков, мещан и крестьян. Нет упоминания и о развитии украинского языка, об украинских культурных центрах того времени (Львов, Острог, Киев), о развитии укра-

инской литературы, театра, народного творчества и искусства.

Отсутствие необходимых экспонатов в витринах Исторического музея работники украинского отдела объясняют тем, что их нет в фондах Музея, а также отказами со стороны музеев отдельных союзных республик помочь в этом отношении Государственному Историческому музею. Это чрезвычайно важный момент, на который должно быть обращено серьезное внимание.

Но из всего, что сказано выше, напрашивается один вывод: экспозиция, посвященная Украине и Белоруссии XVI—XVII

веков, должна быть перестроена. Все тексты должны быть продуманы и исправлены, а количество их увеличено. Максимально должны быть использованы высказывания классиков марксизма-ленинизма об Украине и Белоруссии того периода. В экспозиции должна быть отражена историческая правда о братстве русского и украинского народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» (Ленин. Соч. Т. XX, стр. 534).

Б. ШУТОЙ

РАБОТА ИСТОРИКОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ДОМА УЧЕНЫХ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО АКАДЕМИИ НАУК СССР

При ленинградском Доме ученых имени М. Горького работает группа истории, объединяющая виднейших ученых города. Председателем ее является академик Е. В. Тарле, заместителем председателя — академик В. В. Струве.

Работа историков в Доме ученых идет в трех направлениях. Раз в месяц собирается научная группа для обсуждения глубоко специальных вопросов. Периодически читаются лекции для членов Дома по более общим вопросам, и, наконец, военно-шефский сектор Дома ученых организует лекции ученых-историков в частях Ленинградского военного округа и Краснознаменного Балтийского флота и непосредственно в Доме ученых для командиров и политработников ЛВО и КВФ.

На заседаниях исторической группы в 1940 году были обсуждены новые учебники: учебник профессора В. С. Сергеева «История древней Греции» (Учпедгиз, 1939 год), учебник по истории средних веков для вузов и учебники древнего мира и средних веков для средней школы.

Доцент А. Н. Вернштам доложил группе об археологических исследованиях в Казахстане и Киргизии, связав собранные археологические материалы с историческими данными китайских источников. Разведка показала, что городище под базаром современного города Джамбула является древним городом Таласом. Здесь обнаружены ценные памятники V—VII веков: варварское подражание римскому солиду (монете), сосуд с сирийской надписью и др. Второй слой относится к VIII—IX векам. Наибольшее количество памятников относится к XI—XII векам — времени расцвета города. Самое замечательное открытие здесь — баня, построенная из кирпича; она очень интересна по архитектуре и особенно фрескам геометрического стиля, повторяющим форму изразцов того времени. В XIII—начале XIV века город Талас подвергся сильным разрушениям, и в XVI веке жизнь в нем окончательно замерла.

Для изучения роли ранних кочевников раскопан был один из многочисленных курганных могильников у озера Бела-

Куль, датируемый III веком до нашей эры — II веком нашей эры. Большой интерес представляет открытие могильника около ущелья Кен-Кол. в верховьях реки Талас. Здесь, в одной из катакомб, удалось обнаружить неразграбленное и неразрушенное погребение. В катакомбе, на камнях, лежали четыре доски из арчи и на них скошенное сено, покрытое шелковой тканью плохой сохранности. Сверху лежали группы мужчины 50—60 лет и женщины, насильственно умерщвленной (задушенной). Одежда их сохранилась очень хорошо. Трупы естественно мумифицировались. Исследования и другие катакомбы. Могильник этот датируется временем с середины II века до нашей эры до II века нашей эры.

Исследования долины реки Или показали, что Илийская долина не была в древности освоена земледельцами, видимо, потому, что русло реки было слишком глубоко и это затрудняло возможность использовать ее воды для орошения.

Доцент Н. Н. Воронин докладывал об основных итогах изучения культуры древней Руси. Доцент Г. В. Григорьев рассказывал о новейших археологических исследованиях на территории Узбекистана. Особое внимание здесь привлекает относящееся к VII—V векам до нашей эры поселение сарков, раскопанное в Ташкентском районе, и ряд интересных находок в районе Самарканда, относящихся к самым различным периодам истории Средней Азии и указывающих на самостоятельность среднеазиатской культуры. Значение этих раскопок очень велико, так как они позволяют совершенно точно определить период развития рабовладельческого общества в Средней Азии.

Значительное количество лекций и докладов было прочтено в Доме ученых и непосредственно в частях ЛВО и КВФ. В Доме ученых академик Е. В. Тарле прочел лекцию для ученых и командования ЛВО и КВФ на тему «Английский империализм и нейтральные страны от Крымской войны до настоящего времени», академик В. В. Струве — «Происхождение христианства» и «Происхождение классов», академик И. А. Орбели — «История Кавказа», профессор В. В. Мавродип — «Финляндия» (исторический обзор), профессор С. И. Ковалев — «Великий полководец древ-

ности Александр Македонский», профессор А. И. Молок—«Европа в период войны Наполеона», профессор А. Ю. Якубовский—«Образование государства Тимура-Тамерлана», профессор С. Н. Часов—«Полтавский бой», профессор В. Г. Гейман—«Разгром польско-шведской интервенции в начале XVII века», профессор С. Б. Окунь—«Бородинский бой», доцент И. И. Смирнов—«Куликовская битва». Ряд лекций был прочитан непосредственно в частях ЛВО и КВФ в Ленинграде, Кронштадте, Таллине, Выборге, Кексгольме и других пунктах. Всего было прочитано по линии военно-шефской работы за 1940 год 113 лекций.

В 120-ю годовщину рождения Фридриха

Энгельса в Доме ученых был проведен большой вечер. Со вступительным словом выступил академик В. В. Струве, обрисовавший Фридриха Энгельса как величайшего ученого и ближайшего друга и соратника К. Маркса. Доцент В. В. Рейхард говорил в своем докладе об Энгельсе как основоположнике научного коммунизма; профессора О. Л. Вайнштейн и С. И. Ковалев посвятили свои доклады Энгельсу—историку античности и средних веков, доцент Е. А. Цейтлиц рассказал об истории техники в работах Фридриха Энгельса.

Доц. В. В. Рейхард прочитал кроме того в военном госпитале доклад о жизни и деятельности Фр. Энгельса.

Доц. Б. СЕМЕВСКИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ПРИ СВЕРДЛОВСКОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ

При Свердловском областном краеведческом музее давно работает историческая секция краеведов в составе 44 человек.

За 1940 год прошло 8 заседаний секции, на которых местными краеведами был прочитан ряд докладов. Краевед А. А. Анфиногенов выступил с обзором литературы об Урале, вышедшей за последние годы. Н. Н. Бартвин сделал сообщение «Биармия была или сказка?» Докладчик проанализировал имеющуюся по этому вопросу литературу. А. К. Воронихин сделал доклад о Ермаке и сообщении о первом в России и на Урале медеплавильном заводе в связи с его 300-летием. В. А. Сушков сделал сообщение о екатеринбургской медной монете «платы». Доклад о 70-летнем юбилее общества краеведения сделал профессор М. В. Клер.

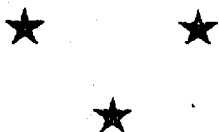
В течение года делались также сообщения отдельных краеведов об их работе. А. А. Пьянков рассказывал о том, как он работает над своей темой «Пермь великая». А. А. Анфиногенов сообщил о своей работе над «Географическим словарем Урала», которому тов. Анфиногенов посвятил более тридцати лет. Краевед Штемфельд рассказывал, как он готовит свою «Историю горнозаводской промышленности Урала».

На 1941 год историческая секция наметила ряд интересных работ и докладов.

Первым докладом исторической секции в текущем году было сообщение А. К. Воронихина об уральских юбилейных датах в 1941 году. Среди этих дат необходимо отметить 450-летний юбилей первой геологической разведки («В этом году Великий князь Иоанн Васильевич послал на Печеру руду искать»). Сообщение об этом взял на себя старейший, 75-летний краевед, горный инженер Кандыкин. В 1941 году исполняется 175 лет со дня смерти уральца, изобретателя первой паровой машины Ползунова, 150 лет со времени пребывания в Перми (19—28 ноября) во время пути в ссылку Радищева, 100 лет со дня рождения уроженца Урала писателя Решетникова и т. д.

Кроме этих тем ряд краеведов представил на ближайшее заседание новые темы, которые также вошли в план работы секции. Из них необходимо отметить работу археолога Н. Н. Бартвина «Пермь-подземная». Намечается доклад профессора госуниверситета тов. Виноградова «Урал в представлении античных писателей», доклад учительницы Россомахиной на тему «Пребывание декабристов в Туринске» и др.

А. В.

КИНТАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(апрель 1916 года)

Кинтальская конференция—международная социалистическая конференция, происходившая с 24 по 30 апреля 1916 года в швейцарской деревне Кинтале. Это вторая из трех конференций так называемого Циммервальдского объединения. Большевики участвовали в Циммервальдском блоке в качестве его революционного крыла, ведя борьбу против его центристского большинства и сближая левые, подлинно интернационалистские элементы под лозунгами превращения империалистической войны в войну гражданскую, полного разрыва с оппортунизмом и создания III Интернационала. I циммервальдскую конференцию (сентябрь 1915 года) несмотря на непоследовательность и половинчатость ее решений Ленин оценил как шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву с ним; на этой конференции Ленин создал Циммервальдскую левую группу, ставшую зародышем III Интернационала.

Во времени созыва Кинтальской конференции почти во всех странах оформились группы интернационалистов, а война и бедствия, вызванные ею, способствовали росту революционного сознания масс. Это отразилось на составе и решениях конференции.

В Кинтальской конференции участвовали представители 10 стран: Германии, Италии, России, Польши, Франции, Швейцарии, Сербии, Австрии, Португалии и Англии. Из 43 участников 12 принадлежали к Циммервальдской левой. Резолюция о мире, принятая конференцией, была направлена не только против империалистов, но и против социал-шовинистов, а также против пацифизма; в ней подчеркивалось, что «борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма». Однако конференция не призвала ни к борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую, ни к разрыву с оппортунистами. Проект резолюции, внесенный Циммервальдской левой, который развивал ленинскую оценку войны и революционные лозунги большевиков, конференцией был отклонен. Резко осудив, далее, позицию международного социалистического бюро—руководящего органа II интернационала—как «неспособного защитить и применить во время войны принципы II Интернационала», конференция, однако, не приняла решения о выходе из II интернационала.

Тем не менее Ленин расценивал Кинтальскую конференцию как дальнейший шаг вперед в развитии интернационального социалистического движения в эпоху тяжелого кризиса, созданного войной. «Кинтальская конференция—как указано в «Истории ВКП(б)»,—способствовала выделе-

нию интернационалистических элементов, из которых впоследствии образовался Коммунистический III Интернационал».

После февральской революции в России, по мере дальнейшего ее углубления, и условиях начавшегося революционного подъема в странах Западной Европы центристское большинство Циммервальда все больше поворачивало назад, ко II интернационалу, что обусловило полный распад Циммервальдского объединения.

На III циммервальдской конференции (в сентябре 1917 года) большевики не участвовали, так как циммервальдское большинство, объединившись с социал-шовинистами, повернуло к открытому союзу со своими империалистическими правительствами. I конгресс Коминтерна постановил Циммервальдское объединение считать ликвидированным.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. XVIII, стр. 302. «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 6—8 сентября 1915 г.»; Ленин. Т. XIX, стр. 57. «Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-й социалистической конференции».

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В СВЯЗИ С РЕФОРМОЙ 1861 ГОДА

(апрель 1861 года)

В 1861 году царское правительство, ослабленное поражением в Крымской войне и запуганное крестьянскими восстаниями против помещиков, было вынуждено отменить крепостное право.

Царь, действуя в интересах помещиков-крепостников, подписал «Положение 19 февраля 1861 г.», по которому крестьяне объявлялись лично свободными, а лучшая земля, которой они пользовались, отнималась в пользу помещиков. Ленин указывал, что «Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России».

«Положение» устанавливало, что до введения уставных грамот крестьяне обязаны, так же как и раньше, работать на барщине и платить оброк. Однако крестьяне не верили, что требования эти соответствуют Манифесту, и не выполняли повинностей. Именно на этой основе в апреле 1861 года вспыхнуло восстание в селе Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии. Оно достигло больших размеров, охватив, кроме Спасского, еще два соседних уезда. Причем в отдельных селах волнения выразились не только в отказе выполнять повинности, но и в прямом захвате помещичьих земель и лесных угодий. Однако большинство крестьян, участвовавших в волнениях, только отказалось выполнять повинности и никаких активных действий не предпринимало. Вместе с тем население уездов, охвачен-

ных волнениями, не выдавало властям крестьянина Антона Петрова, который разъярял Манифест и «Положение» в соответствии с крестьянскими интересами и доказывал, что чиновники и попы толкуют Манифест так, как того хочется дворянам.

По приказу прибывшего в Бездну генерала Апраксина была расстреляна мирная безоружная толпа крестьян. Количество жертв расстрела превысило, по показанию самих же палачей, 50 человек. Антона Петрова расстреляли по приговору военно-полевого суда.

В чрезвычайно яркой статье «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)», помещенной в «Колоколе», А. И. Герцен заклеймил кровавых палачей: «Где родились эти кровожадные флитель-адъютанты? — писал Герцен. — Где воспитывались эти импровизированные палачи? Как их дрессировали в такие бездушные злодейства?»

Герцен сообщает в своей статье о настроениях прогрессивной интеллигенции в связи с расправой над крестьянами Бездны. Казанские студенты, например, отслужили панихиду «об убитых братьях и застреленном Антоне Петрове». В то же время казанское дворянство собиралось дать обед в честь Апраксина, «когда он воротился по горло в крестьянской крови».

Примерно к этому же времени относятся крестьянские волнения в Пензенской и в Тамбовской губерниях. Так, возникшее в селе Черногае, Чембарского уезда, Пензенской губернии, волнение распространилось на три уезда. Здесь произошло вооруженное столкновение крестьян с присланной для их усмирения ротой солдат, причем перевес оказался на стороне крестьян. Однако посланный в район волнений во главе значительных воинских сил генерал Дренякин жестоко расправился с крестьянами, многих расстрелял, организовал массовую порку и т. д.

По сведениям шефа жандармов, за первые три года после реформы наиболее значительные случаи неповиновения крестьян были отмечены в 1862 имениях. В 660 имениях пришлось ввести военные команды, в 412 имениях властям было оказано сопротивление.

Только к концу 60-х годов движение постепенно угаšlo.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин, Т. XV, стр. 141—148, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»; там же, стр. 108—110, «Пятидесятилетие падения крепостного права»; А. И. Герцен, Полное собр. сочинений и писем, Т. XI, стр. 106—110, «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)»; Е. А. Морозов, «Крестьянская реформа 1861 г.», стр. 124—130, М. Соцгиз, 1937.

ИРЛАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ (апрель 1916 года)

24 апреля 1916 года в Ирландии вспыхнуло вооруженное восстание, направленное против британского империализма, против

политики жестокого национального угнетения. Это восстание явилось особенно важным этапом в героической борьбе ирландского народа за независимость. «Ирландское национальное движение. — указывает Ленин. — имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке..., выступившем за независимость Ирландии, — выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии и части рабочих, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещения газет и т. п.».

Это восстание объединяло различные элементы ирландского общества; ему предшествовала серьезная подготовка. Большую роль в подготовке восстания и в руководстве им играла Ирландская республиканская армия, возглавленная смелым революционером, руководителем рабочего движения Джемсом Конноли. Как активная сила восстания действовали также волонтеры Ирландского республиканского братства во главе с Патриком Пирсом и другими.

По замыслам повстанцев, по всей стране одновременно должны были произойти вооруженные выступления, в результате которых предполагалось захватить важнейшие стратегические пункты Ирландии.

Руководители восстания надеялись использовать благоприятные обстоятельства, создавшиеся в связи с тем, что внимание английских империалистов было отвлечено войной против Германии. 24 апреля, в пасхальный понедельник, восставшие захватили Дублин, провозгласили Ирландскую республику и создали Временное правительство. Однако план одновременного восстания в главнейших пунктах страны был сорван одним из его руководителей, Мак Нейлем, который издал приказ, внесший замешательство в ряды повстанцев. Английские власти воспользовались создавшимся положением, изолировали центр восстания от провинции и беспощадно подавили восстание несмотря на героическое и весьма упорное сопротивление. Подавление восстания сопровождалось кровавой расправой с прогрессивными элементами ирландского народа. Руководители восстания были казнены.

Ленин и Сталин оценили национально-освободительное движение ирландского народа и восстание 1916 года как важный революционный фактор. Ленин указывал, что восстание 1916 года не увенчалось успехом, так как ирландцы «...восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата еще не созрело». Товарищ Сталин отмечал, что движение Ирландии против английского империализма есть движение демократическое, направляющее удар по империализму.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин, Т. XIX, стр. 267—271. «Итоги дискуссии о самоопределении».

(апрель 1891 года)

Пятьдесят лет тому назад, 24 апреля 1891 года, умер выдающийся русский публицист и общественный деятель Николай Васильевич Шелгунов.

Крупный специалист-лесовод, автор многих серьезных трудов в этой области и основатель первого в России Лесного института, Н. В. Шелгунов в 50-х годах сблизился с Чернышевским и поэтом М. Л. Михайловым. Сближение, перешедшее в тесную дружбу, оказало большое влияние на мировоззрение Шелгунова. В конце 50-х годов, будучи за границей, Шелгунов познакомился с Герценом и многими представителями европейской революционной мысли. Все это привело Шелгунова в революционно-демократический лагерь. Отказавшись от своего крупного положения в лесном ведомстве, Шелгунов весь отдался литературной и общественной деятельности, став одним из блестящих публицистов своей эпохи.

В 1861 году Шелгунов поместил в «Современнике» свою известную работу — «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», — в которой дал изложение книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Эта работа Шелгунова была одной из первых статей в России о рабочем вопросе. Свою легальную деятельность Шелгунов совмещал с нелегальными революционными выступлениями. Знаменитая прокламация «К молодому поколению» была в значительной степени написана Шелгуновым. Михайлов напечатал ее в лондонской типографии Герцена. Свою вторую прокламацию, «К солдатам», Шелгунов сам отпечатал вручную и распространил во многих городах. Шелгунов принял также участие в составлении известной прокламации Чернышевского «К барским крестьянам». В связи со ссылкой

Михайлова на каторгу Шелгунов уехал в Нерчинск, намереваясь устроить ему побег, но был сам арестован и после почти 2 лет пребывания в Алексеевском равелине сослан.

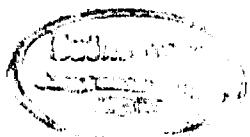
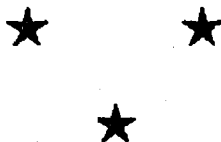
С этого времени начинается период скитаний Шелгунова по тюрьмам и ссылкам, длившийся с промежутками почти до самой смерти.

Свой многочисленные литературные работы Шелгунов помещал в передовых журналах: «Современнике», «Русском слове», «Деле». Совершенно исключительную популярность в 80-х годах, в эпоху гнетущей реакции, приобрели его «Очерки русской жизни», в которых он боролся против общественного разложения, защищал революционно-демократические идеалы. Эта верность освободительной борьбе в эпоху массового ренегатства делала Шелгунова особенно близким революционной интеллигенции и первым кружкам сознательных рабочих.

В 1891 году петербургские рабочие писали умирающему писателю: «Дорогой учитель Николай Васильевич! Вы указали нам пути для борьбы. Мы сердечно благодарим Вас за это и будем стремиться осуществить эти пути в жизни».

На похоронах Шелгунова произошла большая революционная манифестация. Впервые группа рабочих выступала от имени своего класса, возложив на гроб писателя венок с надписью на красной ленте: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Это выступление В. И. Ленин отметил, как историческую вежу на пути рабочего класса России.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. VII, стр. 105. «Первые уроки»; Н. В. Шелгунов «Воспоминания». М. 1923; Н. В. Шелгунов. Избранные литературно-критические статьи. М. 1928; М. Лемке «Политические процессы в России в 1860-х годах». Глава «Расправа с Шелгуновым»; «Адрес Петербургских рабочих Шелгунову». «Красный архив». Кн. 6-я. 1924.

Содержание

Б. ВОЛИН — О работе В. И. Ленина «О продовольственном падеге»	1
А. ХАВИН — Рождение первой сталинской пятилетки	14
Н. КОРОБКОВ — Взятие Измаила (1790 год)	24
Г. АНПИЛОГОВ — Сенат при Петре I	40
И. БАС — Предисловия и послесловия старопечатных книг	50
Л. ЗУБОК — Соединенные штаты Америки в 1919—1920 годах	60
Б. ПЕРЛИН — Из истории дальневосточного средневековья	69
Е. ШТАЕРМАН — Раскопки в Рас Шахро	77

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Ф. НЕМЧЕНКО — Древний Восток в художественной литературе	84
А. СТРОГАНОВ — О работе с исторической картой	90
Вл. ЛАБУНСКИЙ — Как пользоваться иллюстрациями в учебнике по истории СССР для девятого класса	99

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Е. КОЛОКОЛЬЦЕВА — IV (объединительный) съезд РСДРП	102
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. РУБИНШТЕЙН — Ценный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма	112
А. ПОГРЕБИНСКИЙ — О формировании промышленного пролетариата в России	120
В. ПИЧЕТА — М. Н. Тихомиров «Источниковедение истории СССР» с древнейших времен до конца XVIII века	123
В. ВАСЮТИНСКИЙ — С. И. Архангельский «Аграрное законодательство английской революции 1649—1660 гг.»	128
И. КАЦНЕЛЬСОН — М. Э. Матье «Мифы древнего Египта»	134
Р. ВОИНОВ — Исторические романы в областных издательствах	136
Новинки исторической литературы	143

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Адрес редакции: ул. «Правды», 24, комната 809, тел. Д 3-30-48;
Д 3-36-50.

Ответственный редактор — Б. М. ВОЛИН
Зам. редактора — С. И. Голпер.
Отв. секретарь — О. С. Вейланд

А 37238. Изд. № 415. Зап. 822. Тираж 50 000
Подписано к печ. 7/IV—1941 г. 10 печ. л. 70 800 зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.